

АЛЛЕН ДЖОНСОН
ТИМОТИ ЭРЛ

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

От добывающей общины
к аграрному государству

ЭВОЛЮЦИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Allen W. Johnson and
Timothy Earle

The Evolution of Human Societies

From Foraging Group to
Agrarian State

SECOND EDITION

STANFORD UNIVERSITY PRESS • 2000

Аллен Джонсон
и Тимоти Эрл

Эволюция человеческих обществ

От добывающей общины
к аграрному государству

Перевод с английского

И. В. Кузнецова и Е. Веремеевой

под научной редакцией

О. Масловой-Вальтер и М. Маяцкого

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА • 2017

УДК 39
ББК 63.5
Д42

Д42 Джонсон, А.; Эрл, Т.
Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству / пер. с англ. И. В. Кузнецова, Е. Веремеевой; науч. ред. перевода О. Маслова-Вальтер, М. Маяцкий. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 552 с.

ISBN 978-5-93255-501-9

Как развиваются и вместе с тем усложняются человеческие сообщества? Некоторые общества малочисленны и неустойчивы, другие обладают большими размерами и высоко структурированы; остальные располагаются между этими крайностями. Центральный вопрос антропологии — как осмыслить разнообразие человеческих обществ сквозь пространство и время. Авторы делают упор на выяснение причин, механизмов и паттернов социальной эволюции, которую, несмотря на множественность ее путей, они считают поддающейся объяснению в терминах единой теории. Они опираются на солидный эмпирический материал, в том числе собранный и ими самими: в книге подробно разбираются девятнадцать кейсов, взятых из разных регионов и эпох. На их основе они обращаются к теоретическим ориентирам, чтобы понять не только долговременные доисторические культурные последовательности, доступные сегодня, но и многообразие современных обществ. В постановке таких компаративных и системно-теоретических вопросов одинаково заинтересованы и антрополог, и экономист, и географ, и историк, и политолог, и социолог, поскольку вопросы эти относятся к человеческой природе в целом, общему наследию человечества как вида и его проявлениям в разнообразной окружающей среде и под влиянием разнообразных культурных традиций.

© Издательство Института Гайдара, 2017

THE EVOLUTION OF HUMAN SOCIETIES: FROM FORAGING GROUP TO AGRARIAN STATE, SECOND EDITION, by Allen W. Johnson and Timothy Earle published in English by Stanford University Press.

Copyright © 2000 by the Board of Trustees of the Leland Stanford Jr. University. All rights reserved. This translation is published by arrangement with Stanford University Press, www.sup.org.

ISBN 978-5-93255-501-9

Содержание

Предисловие авторов ко второму изданию · 9

1. Введение · 11

Построение теории социокультурной эволюции · 13; Теории экономической мотивации · 36; Эволюционный процесс · 53; Эволюционная типология · 56; План книги · 62

ЧАСТЬ I. ГРУППА НА УРОВНЕ СЕМЬИ

2. Семейный уровень · 67

В поисках неодомашенных людей · 72; Теоретизация общества на уровне семьи · 74; Исходная динамика экономики и общества на уровне семьи · 82

3. Добытки на уровне семьи · 85

Случай 1. Шошоны Большого Бассейна · 90; Случай 2. Кунг пустыни Калахари · 101; Доисторические добывающие общества · 121

4. Семьи при доместикации · 133

Случай 3. Мачигенга Перуанской Амазонии · 137; Случай 4. Нганасаны Северной Сибири · 164

ЧАСТЬ II. ЛОКАЛЬНАЯ ГРУППА

5. Локальная группа · 179

Доместикация человеческого вида · 183; Теоретизация локальной группы · 186; Исходная динамика экономики и общества на уровне локальной группы · 196

6. Семья и деревня · 201

Случай 5. Яномамо Венесуэльского нагорья · 202

7. Деревня и клан · 239

Случай 6. Эскимосы Северного склона Аляски · 240; Случай 7. Тсембага маринг Новой Гвинеи · 250; Случай 8. Туркана Кении · 269

8. Корпоративная группа и форма коллективной организации во главе с бигменами · 281

Случай 9. Индейцы-рыболовы Северо-Западного побережья · 282; Случай 10. Центральные энга нагорий Новой Гвинеи · 301; Случай 11. Киргизы Северо-Восточного Афганистана · 322

ЧАСТЬ III. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЯ

9. Региональная политика · 337
 Политическая революция: происхождение цивилизации · 344;
 Теоретизация региональной политики · 347; Исходная динамика
 региональной политики · 356
10. Простое вожжество · 362
 Случай 12. Тробрианские островитяне · 366; Выводы · 381
11. Сложное вожжество · 384
 Случай 13. Гавайские островитяне · 388; Случай 14. Басери
 Ирана · 403
12. Архаическое государство · 415
 Случай 15. Франция и Япония в Средние века · 418; Случай 16.
 Инки: Андская империя · 429
13. Крестьянская экономика в аграрном государстве · 450
 Случай 17. Бразильские издольщики Буа-Вентура · 455;
 Случай 18. Китайские крестьяне Дайдоу · 470; Случай 19. Яван-
 ские крестьяне Кали-Лоро · 483
14. Эволюция глобального общества · 495
 Теоретизация современных изменений · 501; Социальная
 эволюция и свободный рынок · 520

*Посвящается
Марвину Харрису и Маршаллу Салинзу
в знак благодарности
за их поддержку и критику*

Предисловие авторов ко второму изданию

В ПЕРВОМ издании этой работы мы попытались синтезировать современное понимание процессов, в соответствии с которыми человеческие общества усиливаются (или ослабевают), разрастаясь и усложняясь под воздействием широкого спектра условий окружающей среды. Наш опыт преподавания курсов по экономической антропологии и культурной экологии показал преимущества комбинирования взглядов, распространенных в этнологии и археологии, с целью выведения теории, интегрирующей оба эти предмета с учетом всего многообразия факторов. Для решения этой задачи мы, как и многие наши коллеги, инстинктивно расположили в своем курсе материалы, относящиеся к отдельным случаям, продвигаясь от малочисленных и подвижных групп добытчиков¹ к аграрным государствам. Через такой порядок — от простого к сложному — мы решили придать эксплицитный характер имплицитной по сути эволюционной теории; так и родилась эта работа.

Для второго издания оказался полезен более чем десятилетний опыт нашего преподавания, накопленный со времени выхода первого издания. Наши студенты, как и их вопросы и идеи, вытекающие из изучения материала и собственного опыта, указали нам на возможности совершенствования первоначального текста, и мы чувствуем себя в большом долгу перед ними. В результате их замечаний, так же как замечаний многих наших коллег, мы полностью переписали теоретические главы, усили-

1. В оригинале *foragers* — добытчики; те, кто добывает корм, пищу; фуражеры. Термин восходит к Г. Чайлду, а после президентского обращения Дж. Хелм (1986) к собранию Американской антропологической ассоциации (ААА) становится общепринятым. Под *foragers* понимают первую стадию в развитии хозяйства: охота, собирательство и рыболовство. В современных антропологических схемах, рисующих развитие первобытной экономики, употребляется как часть антитезы *foraging / farming* (добывающее / фермерское хозяйство). Полного аналога этому термину в отечественной науке не сложилось. У нас предпочитают говорить о присваивающем и производящем типах хозяйства. Но «добытчики» и «добывание», согласно западным антропологам, присущи не только людям, но встречаются и в дикой природе, например, у хищников.

ли и усовершенствовали ход научных рассуждений и сделали его более доступным для понимания. Мы также пересмотрели все материалы, относящиеся к конкретным случаям, и в результате консультаций со специалистами исправили допущенные ошибки и проследили, где это было возможно, развитие отдельных случаев вплоть до их современного состояния, показывая, каким образом основные процессы социальной эволюции продолжают действовать в настоящее время. Мы также добавили заключительную главу, которая связывает наши эволюционистские взгляды с пониманием того, как и почему традиционные общества, подобные описанным нами, трансформируются в нашем мире.

В предисловии к первому изданию мы отмечали, что в антропологии на тот момент наметился определенный уход от социального эволюционизма. Сегодня ситуация иная. Было опубликовано множество превосходных работ, в которых ведение войн, лидерство, интенсивность развития, кредит, кооперация и многие другие темы обсуждались либо откровенно эволюционистски, либо так, как это может быть принято эволюционистами.

В дополнение к общей атмосфере теоретических дебатов нам были особенно полезны глубокие детальные замечания по этой работе или же по ее отдельным частям, сделанные Джинн Арнольд, Робертом Беттинджером, Беном Кэмпбеллом, Наполеоном Шегноном, Майроном Козном, Сэмом Коулменом, Теренсом Д'Алтройем, Нормой Даймонд, Рэйдой Дайсон-Хадсон, Полом Эрлихом, Уолтером Голдшмидтом, Дэниэлом Гроссом, Рэймондом Хэймсом, Уильямом Айронсом, Патриком Кирчем, Ричардом Ли, Сибел Кусимба, Черри Лаумен, Мервином Меггитом, Марком Моубергом, Филиппом Ньюменом, Джоном Олмстедом, Уэнделлом Осуолдом, Мелани Ренфрью, Тонией Сеси, Назифом Шахрани, Марико Таманой, Дэвидом Хёрстом Томасом, Джан Вайнпал, Линн Уайт мл., Джоханнесом Уилбертом и Юн-сянь Янем. Схемы для типов расселения вычертила Амалия Орм, и они отражают ее творческий вклад. Роя Раппапорта и Аннетт Вейнер, наших неоценимых коллег, чьи работы оказали на нас большое влияние, уже нет с нами. Нам недостает их вдумчивых советов.

В процессе подготовки этого переработанного издания мы заново открыли для себя значение и смысл сотрудничества между представителями разных субдисциплин. Археологи и этнологи, работающие с такими, казалось бы, разными эмпирическими материалами, находят большие зоны общих интересов, когда это касается эволюции человеческих обществ, и знания каждого из них могут способствовать более всестороннему ее пониманию.

1. Введение

ЦЕЛЬ этой книги — описать и объяснить эволюцию человеческих обществ. Некоторые общества малочисленны и неустойчивы, другие обладают большими размерами и высоко структурированы; остальные располагаются между этими крайностями. Центральный вопрос антропологии — как осмыслить разнообразие человеческих обществ сквозь пространство и время. Можно ли объяснить исторические процессы социальной эволюции человека? В некотором смысле каждое общество уникально и является продуктом своей собственной истории в особой окружающей среде, со своими, присущими только ему технологиями, экономиками и культурными ценностями. И поныне культурный релятивизм — попытка антропологии признавать и уважать всякую культурную целостность — вынужден сосуществовать в динамической напряженности с попыткой определить и объяснить кросс-культурные паттерны¹ в развитии и деятельности человеческих обществ.

Нами здесь делается упор на выяснение причин, механизмов и паттернов социальной эволюции, которую, несмотря на множественность ее путей, возможно объяснить в терминах ясной теории. Мы, авторы этой книги, один из которых этнограф, а другой археолог², читаем лекции по кросс-культурным экономикам и одновременно являемся антропологами, проводящими полевые исследования; мы обратились к теоретическим ориен-

1. В оригинале *pattern*, излюбленный в англо-американской антропологии (как и социологии и психологии) термин. Примерно то же, что и рус. *(прото)тип* или *модель*. В новейшей российской науке термин *паттерн* также используется, но пока ограничено. В ряде случаев мы тоже следуем этой практике, в других же используем привычные русские аналоги.

2. В англо-американской антропологии археология и этнология традиционно рассматриваются как субдисциплины единой антропологической науки, куда также включают еще физическую (биологическую) антропологию и реже так называемую антропологическую лингвистику, что, в частности, закреплено институционально: все они, как правило, объединяются в университетах в рамках единых департаментов антропологии.

тирам, которые могли бы помочь понять как долговременные доисторические³ культурные последовательности, доступные сегодня, так и многообразие современных обществ.

Койсанские⁴ добытчики на юге Африки получают достаточное количество пищи, работая всего лишь несколько часов в день. Являются ли они «изначально богатым обществом»? Яномамо⁵ Южной Америки сражаются друг с другом с особой жестокостью. Является ли это выражением необузданной врожденной человеческой агрессивности? В поразительном феномене североамериканского потлача⁶, как и в меланезийском обычае кула⁷, «знаменитые люди» публично соперничают за достижение престижа, но за чужой счет. Это что — человеческая жажда славы в ее примитивном проявлении? В постановке таких компаративных вопросов одинаково заинтересованы и антрополог, и экономист, и географ, и историк, и политолог, и социолог, поскольку вопросы эти относятся к человеческой природе в целом, общему

3. Типичное для западной антропологии разделение (культурного) времени на *prehistoric* — доисторическое, понимаемое как дописьменное, реже как догосударственное, которое изучают средствами археологии, и *historic* — историческое или иногда *modern* — современное, которое в зависимости от того, с какими обществами мы имеем дело, изучают либо (культурные/социальные) антропологи или этнографы, либо историки.
4. Многочисленные мелкие группы (кунг, кхомани и др.), в лингвистическом отношении относящиеся к койсанской языковой семье, точнее, филе (суперсемье). Проживают на территории ЮАР, Свазиленда, Лесото, Намибии, Ботсваны, Анголы, Мозамбика и Зимбабве. В колониальное время их называли с пейоративным оттенком бушменами (англ. *bushmen* — кустарниковые, живущие в кустарниках, люди). Сейчас для их обозначения выработаны нейтральные названия: сан (ЮАР), басарва (Ботсвана) и др. О кунг подробно см. в разделе 3.
5. Группа коренных американцев на границе Бразилии и Венесуэлы; раньше их по языку относили к суперсемье макро-чибча, теперь считают представителями самостоятельной яномамской языковой семьи. О них подробно см. в разделе 6.
6. Обмен в так называемой престижной экономике — один из самых известных институтов, ставший даже хрестоматийным благодаря исследованиям Ф. Боаса и его учеников. Распространен у нескольких народов коренных американцев, живущих вдоль Северо-Западного побережья Северной Америки. Подробнее о нем см. в разделе 8.
7. Круговой дарообмен между жителями архипелага Тробриан и соседними островами в Меланезии, имеющий характер замкнутого цикла, поэтому в англ. варианте *Kula ring* — кольцо (правильнее — цепочка) кула. Классическое описание принадлежит Б. Малиновскому (2004), а интерпретация — М. Моссу (1996). Кула и островам Тробриан будет посвящен раздел 10 этой книги. Под Меланезией (греч. *melas* и *nēsos* — черный остров) в отличие от соседних Микронезии (*mikros* и *nēsos* — мелкий остров) и Полинезии (*polus* и *nēsos* — много островов) понимается район в Тихом океане к северо-востоку от Австралии, населенный темнокожими людьми. Меланезийцы не являются единой общностью ни в языковом, ни в политическом отношении. В настоящее время там расположены такие государства и территории, как Фиджи, Вануату, Соломоновы острова и Новая Каледония (заморская территория Франции).

наследию человечества как вида и его проявлениям в разнообразной окружающей среде и под влиянием разнообразных культурных традиций. В этой книге мы предлагаем системно-теоретический подход, чтобы ответить на эти и подобные вопросы в широкой, кросс-культурной системе координат.

Наша теория уделяет особое внимание причинам и следствиям роста населения. Несмотря на то, что его роль горячо оспаривается, мы увидим, что рост населения занимает центральное место в процессе социокультурной эволюции в силу своего очевидного воздействия на удовлетворение людьми своих основных потребностей⁸. В любой окружающей среде из-за роста населения возникают проблемы в технологии, социальной организации производства и политическом регулировании, и проблемы эти необходимо решать. Мы хотим показать, каким образом их решение вызывает изменения, известные нам как социокультурная эволюция.

Построение теории социокультурной эволюции

Существует социокультурная эволюция или нет, больше не является вопросом. Работа, проделанная археологами на всех континентах, документально подтверждает изменения, прослеживаемые от ранних малочисленных до более поздних сложных обществ. Хотя у каждого общества в отдельности и нет внутренней необходимости развиваться способом, описанным здесь нами, три переплетающихся между собой эволюционных процесса — интенсификация жизнеобеспечения⁹, политическая интеграция и социальное расслоение — то и дело наблюдаются в случаях, исторически не связанных друг с другом. Добытчики развиваются и осваивают земледелие; деревни образуются

8. В оригинале *meet their basic needs*. Здесь авторы используют ключевое понятие, заимствованное у Б. Малиновского, классика антропологии и представителя так называемой Британской школы функционализма. Этот исследователь противопоставлял основным потребностям (пища и др.) вторичные (*secondary needs*), порожденные самим обществом в ходе собственного развития. Весь последующий пассаж выдержан в духе рассуждений Малиновского, что симптоматично, поскольку тот, как известно, являлся ярким антиэволюционистом.

9. В тексте оригинала просто *subsistence intensification*. В 1970-е годы группа советских этнографов (С. А. Арутюнов, Ю. И. Мкртумян и др.) приняла концепт *subsistence* — средства к существованию, своим происхождением также обязанный функционализму, затем нашедший свое место во взглядах Дж. Стюарда (см. дальше), а потому давно обычный для западной антропологии. С этой поры у нас стали говорить о *культуре (системе) жизнеобеспечения*.

и интегрируются в региональные политии¹⁰; лидеры начинают доминировать и трансформируют социальные отношения. Как получилось, что эта модель стала общей и получила широкое распространение?

Прогресс

Со временем было предложено множество ответов на этот вопрос, каждый из которых, в свою очередь, поднимал новые вопросы в череде дебатов, продолжающихся и по сей день. В XIX веке социальные эволюционисты склонялись к оптимистической точке зрения, согласно которой человеческие общества развиваются от низшего состояния к высшему. Стадиальная схема у Моргана¹¹ (Morgan 1877; Морган 1934) — от «дикости» через «варварство» к «цивилизации» — описывала усовершенствования во всех аспектах жизни, от технологии до морали. Мэну¹² (Maine 1870; Мэн 1884) виделся новый общественный закон («договор»), освобождавший личность от тирании родственности

-
10. Имеются в виду *regional politics* (букв. *политии*, как у Аристотеля). До недавнего времени в отечественной науке появление у человеческих сообществ политических отношений жестко увязывалось с переходом их на классовую ступень развития (в советском марксистском, то есть гиперэволюционистском понимании). В отношении доклассовых обществ употреблялись нейтральные: *потестарность*, *потестарные отношения* и пр.
 11. Льюис Генри Морган (1818–1881) — адвокат; окончил Юнион-колледж в Скенектади, штат Нью-Йорк (1840). В американской науке один из первых антропологов-самоучек; изучал ирокезов штата Нью-Йорк; совершил несколько полевых выездов в Канзас, Небраску и Скалистые горы. Ранний эволюционист, который долгое время рассматривался отечественными этнографами как наиболее близкий к марксизму западный автор, в том числе потому, что его труд (Морган 1934) высоко ценился самим Марксом. Свою широко известную «стадиальную схему», о которой упоминают авторы данной книги, по всей видимости, заимствовал у шотландского этического философа А. Фергюсона или у кого-то из его последователей. Интересно, что А. Джонсон и Т. Эрл начинают свой обзор теорий эволюционизма именно с Моргана, не упоминая при этом о британце Э. Тайлоре.
 12. Генри Джеймс Самнер Мэн (1822–1888) — английский юрист и историк права; окончил Кембриджский университет (1840); некоторое время жил в Индии; преподавал в Кембридже и Оксфорде. Часто фигурирует в списках отцов-основателей британской антропологии (наряду с Тайлором и пр.). Русскому читателю известен мало, в основном по причине особенного, отличного от советского мейнстрима взгляда на волновавшую первых эволюционистов проблему первоначальной линейности родства (определение происхождения по мужской или женской линии). В частности Мэн, исходя из истории римского права, без обиняков считал, что первичны не матрилинейность (лат. *mater* — мать, *linea* — линия), а патрилинейность (лат. *pater* — отец, *linea* — линия) и вообще патриархат. Смысл виртуозно изложенного здесь в одной фразе учения Мэна о прогрессе требует пояснения: он действительно полагал, что «движение развивающихся обществ было движением от *статуса* к *договору*», то есть к индивидуальному освобождению от всякого рода наследственных обязательств через упорядочение прав.

и звания («статуса»). Даже Энгельс (Engels 1972 [1884]; Маркс, Энгельс. Соч., т. 21)¹³, который вместе с Марксом сконцентрировал свое внимание на эксплуатации и страданиях промышленных рабочих, верил, что историю приводил в движение необузданный рост человеческого превосходства над природой, обеспечиваемый усовершенствованиями в науке и технологии.

Для антропологов проблема заключается в том, что эти предложенные социальные теории имплицитно опираются на концепт прогресса, привязанный к культуре, что история на поверку оказывается последовательностью изменений, которые с неизбежностью происходят в направлении образа жизни и ценностей интеллектуальных элит Европы и Евразии. Эта глубокая этноцентристская убежденность, доходящая до своего рода веры, содержала в себе два компонента, которые попадали порознь под огонь критики в очень разные периоды истории эволюционистской мысли. Первым компонентом был расовый предрассудок, согласно которому прогресс в науке, технологии, праве, а в действительности в знании и морали в целом, по существу увязывался с расой: низшим расам можно было и не стремиться к высшим уровням развития, потому что они считались просто неспособными на это. Вторым компонентом была природа самого прогресса, вопрос — кто (если кто-нибудь вообще) может извлечь выгоду от изменений, которые мы называем социокультурной эволюцией.

Релятивизм

Если возвратиться к первому компоненту, то увязка между расой и прогрессом попала под сокрушительную критику Боаса¹⁴ (Boas

13. Имеется в виду классическая и много раз переиздававшаяся на русском языке работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которую советские этнографы считали чуть ли не своим манифестом.

14. Франц Ури Боас (1858–1942) — «героический ментор» (Борофски 1995) американской и мировой антропологии, с именем которого связывают начало университетской подготовки и профессиональных полевых исследований в этой науке. Выходец из Германии, окончил Кильский университет (1881); учился также в Гейдельбергском и Боннском университетах. После переезда в Америку работал в Университете Кларка, Американском музее естественной истории и Колумбийском университете. Среди его наиболее известных полевых проектов путешествие на Баффинову Землю, Джезуповская экспедиция по изучению Северо-Западного побережья Северной Америки и Северо-Восточной Азии и др. Взгляды Боаса характеризуют релятивизм (замешанный на философской феноменологии) и скептицизм в отношении широких обобщений, к коим он в первую очередь относил эволюционистскую перспективу, не раз заводившую ранних эволюционистов (в том числе и самого Дарвина) в расизм. Сам же Боас был убежденным антирасистом и, как считает Дж. Стокинг (Stocking 1968), больше,

1949 [1920]; Боас 1997б), который превратил разведение связи расы и культуры в центральное положение американской антропологии, как она ему виделась. Индивиды, говорил он, приобретают культурные черты сообществ, в которых они воспитываются, несмотря на свое расовое происхождение. Бескомпромиссно преданные культурному релятивизму, Боас и его знаменитые ученики — Роберт Лоуи, Альфред Крёбер, Рут Бенедикт и Маргарет Мид¹⁵ — отвергли культурный эволюционизм. Каждая культура уникальна и равноценна. Если она и изменяется, то осуществляет это только своим собственным уникальным способом, и нет сколь-нибудь заметной общей для всех восходящей траектории. Боасовская атака оказалась весьма убедительной отчасти потому, что увязывалась с новыми, более высокими стандартами этнографического полевого исследования и сбора данных. И в результате первое поколение американских антропологов потопило, и надолго, идеи прогресса и социокультурной эволюции.

Однако подобно многим другим «решениям» трудных теоретических вопросов, боасовская критика зашла слишком далеко: правильно отделив вопрос расы от вопросов равенства, она неоправданно отрицала существование всякой социальной эволюции. Скептицизм относительно ошибок XIX века и полученных тогда же данных вылился в нападки на поиски паттернов в социальной жизни человека в целом и во всеохватывающее недоверие ко всяким объяснениям таких паттернов. Следуя за боасовским партикуляризмом¹⁶, многие антропологи просто не ищут

чем кто-либо другой в антропологии, способствовал кардинальной смене парадигм: расу, которой интересовалась эта наука в XIX веке, потеснила культура, точнее, множественные культуры в понимании Боаса.

15. Имеются в виду представители так называемой Исторической школы (Школы Боаса), для которой в целом действительно характерен антиэволюционизм. Все они прошли боасовскую докторантуру в Колумбийском университете; многие так же, как и Боас, имели германские и европейские корни. Роберт Лоуи (1883–1957) — один из первых учеников Боаса, наиболее последовательный боасовец по своим взглядам, изучал преимущественно индейцев Великих Равнин и Большого Бассейна. Альфред Луис Крёбер (1876–1960) — первый докторант Боаса; тем не менее во взглядах Боаса и Крёбера время от времени отмечались противоречия; он изучал преимущественно индейцев Калифорнии. Рут Фултон Бенедикт (1887–1948) и Маргарет Мид (1901–1978) — ученицы Боаса позднего поколения, которые уже не были американцами, как ранние боасовцы; их взгляды, в частности, на проблему культура/психология/личность существенно отличались от боасовских. Тем не менее основные постулаты Исторической школы разделяли и они. Правда, та же Мид впоследствии, будучи уже президентом AAA (1960), признавала положительным явлением возобновившиеся в США эволюционистские поиски. Русский читатель может познакомиться с некоторыми из трудов плеяды этих ученых (Крёбер 2004; Бенедикт 1997, 2004; Мид 1988, 2004).

16. В оригинале *Boasian particularists* — букв. боасовские партикуляристы (имеются в виду вышеупомянутые и другие его ученики).

какого бы то ни было интересного или убедительного объяснения, что неприемлемо для тех, кто хочет объяснить сходство и различия систематического характера между разными обществами¹⁷ (Carneiro 1982: 418).

Однолинейная эволюция

Систематические изменения в направлении усложнения были ясно засвидетельствованы результатами археологических исследований, и это невозможно ни отрицать, ни игнорировать. Во второй четверти XX столетия новое влиятельное поколение антропологов стремилось восстановить идеи прогресса, но без расистского багажа, осуществляя это с помощью (естественно) научного языка однолинейной эволюции (White 1959; cf. Childe 1936, 1942, 1951). Согласно этой теории, культурная эволюция есть достояние всех человеческих сообществ, совокупный рост, выраженный в подчинении природы средствами культуры (технологическим знанием).

Лесли Уайт¹⁸ находил научное основание для своей теории в связи между культурной эволюцией и энергопотреблением: в то время как экономики малочисленных групп охотников и собирателей основывались на сборе урожая энергии, предоставленной самой природой (в форме дичи, корней, семян и т. д.), более продвинутые земледельцы преуспели в использовании энергии, полученной от растений и животных в результате их одомашнивания. Главное направление человеческой истории заключалось в росте потребления энергии: от злаков

17. Здесь авторы выдают желаемое за действительное, хоть и делают это в мягкой форме. Все же скептиков в отношении социокультурной эволюции в западной антропологии куда больше, чем сторонников этой концепции. Вначале это было связано с боасовским наследием, сильно поколебленным в ходе критики его принципов в 1950–1970-е годы людьми типа Л. Уайта, но затем к скептикам присоединились постмодернисты.

18. Лесли Элвин Уайт (1900–1975) — американский антрополог; учился на социологическом факультете Чикагского университета; большую часть жизни проработал в Мичиганском университете Энн-Арбор; полевые исследования вел главным образом среди индейцев пуэбло. Взгляды Уайта стоят особняком, по крайней мере в американской антропологии. Начиная с 1930-х годов он совершенно в одиночку (так что о новом влиятельном поколении антропологов говорить пока еще не приходится), с одной стороны, вел упорную борьбу за реабилитацию наследия Л. Моргана и А. Банделье, а с другой — ожесточенную критику боасовцев, которая часто граничила со скандалом (порой в его выступлениях чувствовались урапатриотические и антисемитские нотки). Марксист в широком (не партийном) смысле, Уайт — едва ли не единственный американский антрополог, снискавший к себе в СССР в годы холодной войны теплое отношение. О взглядах Л. Уайта см. в разделе 9.

к селекции животных, затем к паровым машинам и машинам, принцип работы которых был основан на внутреннем сгорании, и далее ко все более усовершенствованным в будущем технологиям, предположительно, до бесконечности. Уайт (White 1959; Уайт 2004) попытался выразить естественнонаучную основу своих аргументов в формулах, таких как эта:

$$(1) \quad E \cdot T \rightarrow P,$$

где E — энергия, T — технология, а P — производство, которое получается в результате.

Очевидно, Уайт и Чайлд¹⁹ правы во многих отношениях. Археология, например, способна задокументировать сотни и тысячи лет улучшений в овладении технологиями обработки каменных орудий, керамики, металла и т. п. Современные этнографы могут подтвердить, что общества, характеризующиеся большим уровнем технологической и социальной сложности, действительно контролируют большее, иногда несоизмеримо большее количество энергии (Harris and Johnson 2000: 69).

Однако теория однолинейной эволюции столкнулась с серьезными (если не коварными) вопросами. Основательного пересмотра требуют в особенности два аспекта. Первый заключается в крайне высокой степени абстрактности этой теории. Сама по себе абстракция еще не недостаток; самые сильные научные теории восхищают порой своей абстрактностью. Но теория Уайта, редуцирующая социокультурную эволюцию до подсчетов энергопотребления, слишком удалилась от эмпирических данных²⁰. Произошел возврат к старым типологиям, таким как выделение каменного, бронзового и железного веков, которые могут служить для описания орудийных традиций, но перестают

19. Вир Гордон Чайлд (1892–1957) — выходец из Австралии; британский филолог, впоследствии и археолог; учился в Оксфордском университете; работал в Эдинбургском и Лондонском университетах (в последнем — в Институте археологии). В 1920-е годы находился под влиянием модных тогда диффузионистских теорий («вторжения курганов» арийских предков индоевропейцев), увы, не без расистских перегибов; впоследствии разделял марксистские взгляды и выработал свой вариант технологически детерминированного эволюционизма. Более всего известен как автор концепции неолитической революции, которая в терминах стадийности описывает переход от добывающей экономики к производящей, в различных регионах действительно имевший место в неолите (9–6 тыс. лет до н. э.).

20. В этой связи симптоматично, что, как прекрасно подметил Э. Эванс-Причард: «Во всех статьях Уайта об американских индейцах — предмете многолетних полевых исследований — он даже не пытается доказать свою теоретическую точку зрения собранными этнографическими фактами» (Эванс-Причард 2003: 250).

работать, когда мы имеем дело с поразительным многообразием обществ внутри каждого типа: к примеру, некоторые сообщества каменного века были крупнее и сложнее, чем в бронзовом веке. Иногда Уайта (White 1959: 241) можно упрекнуть и в том, что он упускал из виду очевидное значение социальной деятельности, которую не связывал напрямую с энергопотреблением, как, например, в случае, когда причислил публичные демонстрации богатства с целью самовосхваления, которые были обнаружены в «престижных экономиках» (см. раздел 7) к «социальным играм», не относящимся к экономическому процессу.

Многолинейная эволюция

Одним из способов преодоления чрезмерной абстрактности у Уайта и одновременно переломным моментом для дальнейшего развития социального эволюционизма была теория «многолинейной эволюции» Стюарда²¹ (Steward 1955). Стюард не от-

21. Джулиан Хэйнс Стюард (1902–1972) — американский антрополог; окончил Корнелл (1925) и Калифорнийский университет Беркли (1929), где учился у Крёбера; полевые исследования вел среди индейских племен Большого Бассейна, Плато, Калифорнии, а также в Южной Америке; работал в Мичиганском университете Энн-Арбор (основал департамент антропологии), Университете Юты, Смитсоновском институте (основал там Институт социальной антропологии), Колумбийском в Нью-Йорке и Университете Иллинойса Урбана/Шампэйн. Среди предложенных им концептов наиболее известны «культурный тип», «культурная экология» и «многолинейная эволюция», в основных чертах разделяемые и авторами данной книги. Культурный (динамический) тип был призван заменить используемый некоторыми боасовцами (но не самим Боасом) так называемый культурный ареал — статически понимаемую классификацию индейских культур, совмещающую географический признак и ареальное распространение культурных сходств, например «Большой Бассейн». А. Джонсон и Т. Эрл берут на вооружение перечень признаков (ср. ниже о ядре культуры), с помощью которых Стюард моделировал свои культурные типы. В сов. этнографии с некоторым запаздыванием параллельно (или под его влиянием?) были выдвинуты концепты, близкие культурному ареалу (историко-этнографическая область) и культурному типу Стюарда (хозяйственно-культурный тип). В культурной экологии Стюард различал следующие взаимосвязанные аспекты: адаптацию (*adaptation*) — способность культуры ответить на воздействие среды; средство жизнеобеспечения (*mean of subsistence*) — метод эксплуатации среды (охота, собирательство и пр.); экологическую нишу (*ecological niche*) — набор ресурсов, используемых в определенной местности; выбор разными культурами различных экологических ниш; вместимость (*carrying capacity*) — максимальное число людей, использующих определенные средства жизнеобеспечения, которое может существовать в определенной экологической нише. Наконец, из культурной экологии Стюарда органично вытекала его многолинейная эволюция — прививка боасовского партикуляризма к знакомой эволюционной теории. Кстати, сам он в истории последний выделял не два, а три этапа, соответствующие разным эволюциям: однолинейной (Э. Тайлор, Л. Морган и пр.), универалистской (Л. Уайт, Г. Чайлд) и многолинейной (он сам). Кроме всего прочего, на мате-

рицал полностью теоретическую значимость основной схемы социальной эволюции от простого к сложному. Фактически эмпирическая работа, проведенная среди культур коренных народов Южной Америки, заставила его даже расширить использование однолинейной типологии, а именно: кочевые охотники и собиратели /сельские фермеры /теократические военизированные вожества /цивилизации (Steward and Faron 1959: 13). Но как ученик Крёбера, в нюансах, связанных с локальными проявлениями, Стюард стремился восстановить основы боасовской теории: в самом деле, как реальные люди в своих собственных сообществах стали обладать энергией и всем набором нужных им вещей? Более того, как они организовали свой труд, свое имущество, взаимоотношения с другими индивидами и социальными группами, свои знания, мировоззрение и верования, чтобы удовлетворить свои потребности? Если, как гласит мудрость, любая политика локальна (*all politics is local*), то для Стюарда и вся эволюция также локальна, поскольку процесс социальной эволюции заключается в том, как в повседневной жизни люди своими действиями решают проблемы, меняя свое поведение или отказываясь его менять. Этот локальный процесс он определил как адаптацию, и именно через адаптацию Стюард подвел оторванную от реальности теорию под конкретные, почерпнутые из экономической антропологии знания, которые до тех пор развивались параллельным, в значительной степени независимым путем. Далее, в дискуссии об экономической мотивации, мы еще исследуем эту важную связь.

В то же время, когда работал и писал Стюард, Барт²² (Barth 1956) показал, что адаптация к местным условиям должна также означать широкие региональные и межрегиональные отношения конкуренции и обмена. В районе Сват (Северный Пакистан) вместе сосуществовали три различные этнические группы, каждая со своей историей и экономикой, которые эксплуатировали разные экологические зоны и обменивались продуктами своей специализации: фермеры зоны ирригации, живущие в об-

риалах Дж. Стюарда в значительной степени основано описание шошонов (случай 1) из раздела 3 данной книги.

22. Фредрик Барт (1928–2016) — норвежский антрополог; работал в университетах Осло и Бергена (в последнем основал департамент антропологии), Эмори и Гарварде, затем профессором антропологии Бостонского университета (США); вел полевые исследования в долине Сват (Пакистан), Дарфуре (Судан), на острове Бали и в Новой Гвинее. Особо известен своей транзакциональной концепцией этнического самосознания (этничности), поставившей возникновение и бытование последней в зависимость от социально конструируемых границ между сообществами и различных механизмов (способов) их поддержания; ср. Барт, ред. 2006.

ластях с высокой плотностью населения, рассеянные по территориям пастухи и скотоводы-фермеры, ведущие смешанное хозяйство. Социальные группы с высокой плотностью населения и наиболее интенсивной экономикой не пускали других на лучшие равнинные земли, тогда как на возвышенностях, где заниматься фермерством было невозможно, оставались только пастухи. Поэтому пастухам надо было выменивать своих животных на зерно у фермеров. Каждое общество адаптировалось не только к локальным географическим условиям, но также и к политическим и экономическим реалиям соседних обществ.

Концепт многолинейной эволюции предлагает больше теоретической гибкости, чем однолинейная эволюция. Идея о том, что социальная эволюция может следовать в различных направлениях, в зависимости от локальной истории и экологии, с легкостью вмещает в себя возможность того, что для отдельных сообществ, добившихся эффективного разрешения проблем, вызванных демографией и средой, вовсе не существует необходимости развиваться, если эти условия существенно не меняются. Не существует внутренней тенденции к совершенствованию, которая направляла бы технологию ко все возрастающим уровням коэффициента полезного действия энергии. Охотники и собиратели могут оставаться охотниками и собирателями до бесконечности; общество садоводов и пастухов, пусть и овладевшее энергией, годной для использования, может сохранять малочисленность и эгалитарность.

В своем дальнейшем преодолении однолинейной эволюции антропологи после Стюарда отошли от технологического редукционизма при типологизации уровней социокультурной сложности, сводящего все к использованию орудий труда, энергии или способам производства, и вместо этого перешли к типологиям, сфокусированным на основных паттернах социальной организации. Сервис²³ (Service 1962) предложил деление на общи-

23. Элман Роджерс Сервис (1915–1996) — американский антрополог; окончил Мичиганский (1941) и Колумбийский (1951) университеты; работал там же, у Дж. Стюарда, а также в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре; вел полевую работу в Парагвае, других латиноамериканских странах и на Карибских островах. Эволюционист, но не марксистского толка, он, в частности, считал, что ранние цивилизации стратифицировались не по принципу собственности, а лишь на властной основе, что поэтому они не знали и не могли знать настоящей классовой борьбы. Грандиозные архитектурные сооружения, оставленные ими (пирамиды и пр.), он рассматривал как результат социальной интеграции, а не принудительного труда. Приведенная широко известная типология форм социальной организации Сервиса вызывала у нас критику, поскольку резко отличается от типологии, разделяемой советскими учеными, где формы обществ увязывались с марксистскими формациями: племя (первобытно-

ны/племена/вождества/государства, вслед за ним Фрид²⁴ (Fried 1967) выступил с трехступенчатой типологией, в фокусе которой была политическая организация: эгалитарное общество/общество различающихся рангов/стратифицированное общество. Терминология, присущая как Сервису, так и Фриду, широко используется в современных дискуссиях о социокультурной эволюции, и мы также весьма близки к ней в своих предпочтениях.

В свете многолинейной эволюции в таких широких типологиях социальной организации признается, что каждая разновидность адаптационного решения содержит свои собственные возможности для эволюции. Общую, ставшую хрестоматийной типологию (основанную в основном на данных Сервиса), которую еще сегодня начинают со стойбищ или общин охотников и собирателей и ведут через садоводческие деревни к аграрным государствам (добавляя так или иначе пастухов), можно заменить на эволюционные линии охотников и собирателей разных рангов — от стойбищ до вождеств (Arnold 1996a), вместе с пастушескими народами и земледельцами со сходными рангами.

Многолинейность достаточно очевидна в тех случаях, которые мы отобрали для этой книги. Хотя наши случаи и распадаются на категории добытчиков, пастухов и фермеров, подобные тем, что указывались выше, но их пересекает нелинейная схема социальной шкалы: общество на уровне семьи, локальная группа и региональная полития. Отсюда, в соответствии с принципом многолинейности, добытчиков можно обнаружить и на уровне семьи (например, шошоны, случай 1), и на уровне локальных

общинная)/народность (рабовладельческая и феодальная)/нация (капиталистическая и социалистическая). Особенно раздражало то, что Сервис разводил общину (*band*) и племя (*tribe*) как стадии, а значит, отрицал одну из наших ключевых догм — универсальность родоплеменной организации. По сложившейся в СССР к 1980-м годам официальной версии, универсальный на первобытной стадии материнский род претерпевал разложение при переходе в классовое общество, причем в четко оговоренных трех формах: позднематеринской (как у ирокезов Моргана), отцовской (например, у осейджей) и безродовой (куда вписывали и австралийских аборигенов, и шошонов Стюарда). Концепт вождества (*chiefdom*) чуть позже все-таки приняли (начиная с А. М. Хазанова, 1979). Взгляды Э. Сервиса рассматриваются в разделах 2–3, 5, 11–12 данной книги.

24. Мортон Герберт Фрид (1923–1986) — американский антрополог; окончил Нью-Йоркский Сити-колледж и докторантуру у Дж. Стюарда в Колумбийском университете (1950), где и проработал большую часть времени; вел полевые исследования в Китае. Сочувствующий марксизму. С приведенной трехступенчатой типологией Фрида связан еще один идеологический спор: советские и американские коллеги не соглашались в оценках уровня социального развития во многих конкретных случаях; например, наши ученые уделяли большое внимание рабству индейцев Северо-Западного побережья, считая его признаком классового расслоения; американские же определяли их как общество различающихся рангов и т. д.

групп, включающих более сложные системы бигменов²⁵ и, возможно, на уровне вожества (например, Северо-западное побережье²⁶, случай 9). Фермеров мы находим на всех уровнях, отличающихся определенной степенью социальной сложности, от уровня семьи (например, мачигенга, случай 3) до региональной политики (например, Кали-Лоро, случай 19). Пастухи также могут существовать в совершенно разных социальных масштабах. Только при тщательном анализе локальной географии, истории и социальной среды можно понять, почему одна пастушеская группа лишь едва отличается от добытчиков, находящихся на уровне семьи (например, нганасаны, случай 4), тогда как другие пастухи живут вожествами внутри аграрных государств (например, басери, случай 14). Более глубоко мы обсудим нашу эволюционную типологию в этом разделе ниже.

Хотя Сервис и Фрид сошлись на похожих типологиях, их противоположные объяснения того, как в ходе социальной эволюции появились возрастающий политический контроль и социальное расслоение, обнаруживают старую теоретическую ошибку. Фрид следовал за Марксом и Энгельсом в своем видении расслоения общества, в сущности, как явления политического, и считал его появление результатом того, что амбициозные и жадные индивиды, иногда называемые самовыдвиженцами (Hayden 1995: 16–21), извлекают пользу от избыточного продукта (см. дискуссию об излишках, раздел 9), чтобы удовлетворять свои непомерные притязания на доминирование. В многолинейной системе отчета успех такого «самовыдвиженца» зависит от возможностей на местах захватить контроль над излишками продукта и обратить их в свою пользу.

С другой стороны, Сервис в большей степени опирался на экологическую перспективу. Он не видел, как могли бы доминировать в политическом процессе лидеры, если бы они не предоставляли реальные ценности своим сторонникам и подданным. В конце концов в эгалитарных обществах часто избавлялись от неконтролируемых алчных и агрессивных индивидов. Лидеры организывают военные операции и оборону, возводят и поддерживают ирригационные системы, делают запасы пищи на случай голода, управляют межгрупповой торговлей. Люди доверя-

25. Первоначально (англ. *Big man* — большой человек) — влиятельный в деревне, племени и т. п., но не облаченный формальной властью индивид в Меланезии и Новой Гвинее. С подачи, кажется, М. Салинза (Sahlins 1963) стал широко используемым в западной антропологии термином, обозначающим все подобные социальные явления независимо от культурной принадлежности.

26. Англ. *Northwest Coast*, здесь один из так называемых культурных ареалов (*culture-areas*) в советской этнографической традиции — «историко-этнографические области».

ют им большую долю общинного богатства только по той причине, что члены общины нуждаются в собственном благополучии. В этой версии многолинейного эволюционизма успех предводителя может варьироваться в зависимости от локальной потребности в организации труда и контроля и развития ресурсов.

Этот старый спор, предметом которого, в сущности, является то, захватывают ли лидеры власть у общины или же она сама им ее вверяет, продолжается до сих пор, способствуя появлению теорий эволюции усложнения (см. раздел 9). Наша трактовка заключается в том, что это две стороны одного и того же процесса, искусственно разделенные в теоретических дебатах, но неразрывно связанные на практике.

Антипрогресс: население и сокращающиеся доходы

Вторым после расизма / этноцентризма значительным недостатком эволюционизма XIX века была слепая вера в неизбежность прогресса. В первой половине XX века ни однолинейный, ни многолинейный эволюционизм полностью не были избавлены от этого порока. Сильным влиянием, равно как при описании, так и при объяснении, обладали не только откровенно расистские (и имперские) убеждения, но и представление о том, что социокультурная эволюция представляет собой прогресс. Многим теоретикам казалось очевидным, что технологический прогресс является причиной роста численности населения и одновременно социального и политического усложнения. Почему население возросло? Потому что были обнаружены новые источники пищи, что сделало возможным технические усовершенствования. Почему жизнь в деревне заменила подвижную добывающую деятельность? Потому что садоводство — более надежный и менее тяжелый вид деятельности, чем постоянные перемещения. Почему железные орудия труда вытеснили каменные? Потому что железо — более податливый материал, позволяющий делать края орудий более острыми и обеспечивать более широкое применение. Почему поля из рисовых чеков вытеснили подсечно-огневое возделывание риса? Потому что подвергнутые ирригации падди²⁷ более продуктивны. Почему региональные правления интегрировали политически автономные деревни? Потому что централизованная власть предоставляет такие услуги (безопасность, инфраструктура, координиро-

27. У нас под «падди» (от англ. *paddy*) обычно понимается необрушенный рис, то есть рис в том виде, в котором его привозят с полей. Но в данном случае речь идет о способе выращивания риса — заливных полях, ср. *paddy fields*.

вание), которые находятся за пределами возможностей одной деревни.

Связь между экономической деятельностью и размером общества казалась очевидной многим наблюдателям, и недавно она была подтверждена еще раз при тщательном исследовании того, как в различных обществах люди проводят время:

Изучение распределения времени подтверждает то, что нам казалось уже хорошо известным: малочисленные общества (определяемые по размерам поселений, плотности населения, изолированности от городских центров и социальным и экологическим показателям) имеют тенденцию проводить большую часть своего производственного времени, добывая дикие растения и животных. По мере роста и развития поселений добывание расширяется и затем замещается земледельческим производством. При дальнейшем увеличении масштаба земледельческое производство обретает тенденцию к сочетанию с различными видами товарно-денежной деятельности, такими как использование товарной части урожая и наемного труда. В индустриальных обществах почти все производственное время отводится под товарно-денежную деятельность, даже производство пищи становится профессиональной специализацией, за которую рабочие получают заработную плату (Sackett 1996: 337).

Даже в наш век, с гораздо более скептическим отношением к прогрессу, чем еще полвека назад, мы часто говорим о технологических и социальных изменениях как о факторах, которые делают жизнь лучше. В самом деле, если изменения не вели бы к лучшему, то зачем бы люди принимали их? Теория технологического прогресса обладает достоинствами, предлагая для экономических изменений прямое и правдоподобное объяснение: люди изобретают новые технологии, часть которых находят приемлемыми и поэтому копируют и совместно используют, оставляя в употреблении до тех пор, пока более совершенные изобретения их не вытеснят. По этой квазидарвиновской логике, люди принимают изменения в способе, которым они что-то делают, потому что признают для себя выгоду так поступать. В обнадеживающей фразе Чайлда (Childe 1936) «человек делает себя сам».

Однако оптимизму теоретиков прогресса противостояла серия более пессимистических взглядов. До начала XIX века Мальтус²⁸ (Malthus 1798) полагал, что рост населения ведет

28. Томас Роберт Мальтус (1766–1834) — известный английский экономист и демограф; окончил Кембриджский университет, преподавал в Колледже Ост-Индской компании (первый британский профессор политэкономии, с 1805). Считал, что

не к прогрессу, а к недостатку и нищете. И по крайней мере один эволюционист XIX века, Герберт Спенсер²⁹ (Carneiro 1967), видел двигатель социальной эволюции не в прогрессе, а в войне: потребность во все более организованной защите от врагов отражалась в том, что общество становилось, так сказать, более сложным, а в результате жизнь людей не обязательно улучшалась. В этих взглядах на историю наличествует не прогресс, но четыре всадника Апокалипсиса, удерживающие власть, — Война, Голод, Болезнь и Смерть.

После Стюарда теоретики становились все скептичнее в отношении предположения, что социокультурная эволюция повышает уровень жизни людей. Возможно, наибольшее влияние возымело применение экономического закона сокращающихся доходов Бозеруп³⁰ (Boserup 1965), доказывающей, что многие так называемые технологические усовершенствования в действительности менее эффективны, чем то, что им предшествовало; их принимают из-за безысходности, по мере того как растущие популяции соглашались даже на более трудоемкие технологии во избежание голода. Длинные рабочие дни в продвинутых со-

безработица и обеднение рабочих слоев при капитализме — результат естественного закона народонаселения, то есть абсолютного избытка людей (так называемое мальтузианство).

29. Герберт Спенсер (1820–1903) — английский философ-самоучка, классик либеральной политической мысли; лауреат Нобелевской премии по литературе (1902). Теоретик эволюционизма, понимал эволюцию как наиболее общий закон, управляющий через космос всем — от неорганического мира до человеческого разума. Именно Спенсеру принадлежит афористичная формулировка закона естественного отбора Дарвина: *Survival of the fittest* — букв. выживание наиболее пригодного. Но в отличие от Дарвина он понимал эволюцию как развитие от простого, недифференцированного, гомогенного к сложному, дифференцированному, гетерогенному, однонаправленному и конечному — до достижения окончательного равновесия. Современные социологи и антропологи часто считают его одним из отцов-основателей этих дисциплин.

30. Эстер Бозеруп (правильнее Бёзеруп, 1910–1999) — датская экономист и писательница, специалист в области сельскохозяйственного развития; долгое время работала в ООН; почетный доктор экономики Копенгагенского университета. Опровергала утверждение Мальтуса о зависимости роста населения от способов земледелия (через появление излишков пищи), доказывая, что, напротив, давление населения подталкивает к совершенствованию технологий, ср. (Бозеруп 2004). Взгляды Э. Бозеруп на сущность так называемого подсечно-огневого земледелия обсуждаются в разделе 4 данной книги: земли можно оставлять подолгу под паром, пока плотность населения низка. Но когда она начинает расти, сокращают продолжительность пара и переходят к ежегодному возделыванию земель. Делянки успевают покрыться лишь травой и кустарником, а не лесом, что снижает их плодородие и заставляет искать выходы в подготовке поля, ирригации и т.д., что повышает трудовые затраты. Увеличение продукции ценой больших трудовых затрат при снижающейся производительности труда она назвала интенсификацией земледелия.

временных экономиках и растущее ощущение «нехватки времени» подкрепили сомнения в том, что прогресс в действительности имеет место (Linder 1970; Scitovsky 1976).

В 1970-е годы пессимистическое видение человеческой истории было частью растущего энвайронментализма, широко распространившегося осознания политиками того, что окружающая среда не является бесконечно продуктивной и беспредельной. Интенсивное использование среды стоит дорого, так как люди истощают невозобновляющиеся ресурсы и приводят к деградации те из них, которые способны к самовосстановлению. Демонстрируемые средствами массовой информации яркие примеры гибели лесов, эрозии почв и опустынивания предупреждают нас о том, что интенсификация способна разрушить ресурсы. Восстановление и поддержание продуктивности поврежденных ландшафтов требуют инвестирования труда и управления, и это выполнимо лишь там, где существует политическая воля оплачивать эти расходы. Во «взрыве населения»³¹ (Ehrlich 1968) можно увидеть скорее маячившую угрозу человеческому существованию, чем показатель прогресса.

Уравнение Судного дня. Дабы проиллюстрировать некоторые релевантные теоретические положения, можно отдельно рассмотреть историю математической формулы, которая стала известна как уравнение Судного дня (Umpleby 1987). Примерно в то же время, когда в антропологии появился пессимистический антипрогрессистский взгляд, Форстер и др. (Foerster et al. 1960) опубликовали уравнение, которое стало лучшим выражением кривой роста народонаселения со времен Христа:

$$\text{Население} = \frac{1,79 \cdot 10^{11}}{2026,87 - \text{время}}. \quad (2)$$

Уравнение (2) описывает рост населения по экспоненте, при котором численность населения теоретически достигнет бесконечности в пятницу 13 ноября 2026 года. Несмотря на то что эта «интересная особенность» (Судный день) причудливо попадает на пятницу 13-е, авторы серьезно предостерегают: итог двух тысячелетий продолжающегося роста народонаселения вскоре может закончиться катастрофой, если такая тенденции сохранится в течение еще нескольких десятилетий.

На выходе получается уникальная человеческая модель популяционного роста. Большинство биологических организмов

31. В оригинале *population bomb* — популяционная бомба.

способны к быстрому росту популяции при изобилии ресурсов, но этот рост неминуемо замедляется и в конечном итоге останавливается по достижении границ или вместимости окружающей среды (Pearl 1925). Эта модель популяционного роста, подтвержденная бесчисленными лабораторными и полевыми исследованиями, следует кривой логистического возрастания сигмовидной формы — так называемой *S*-кривой (рис. 1а).

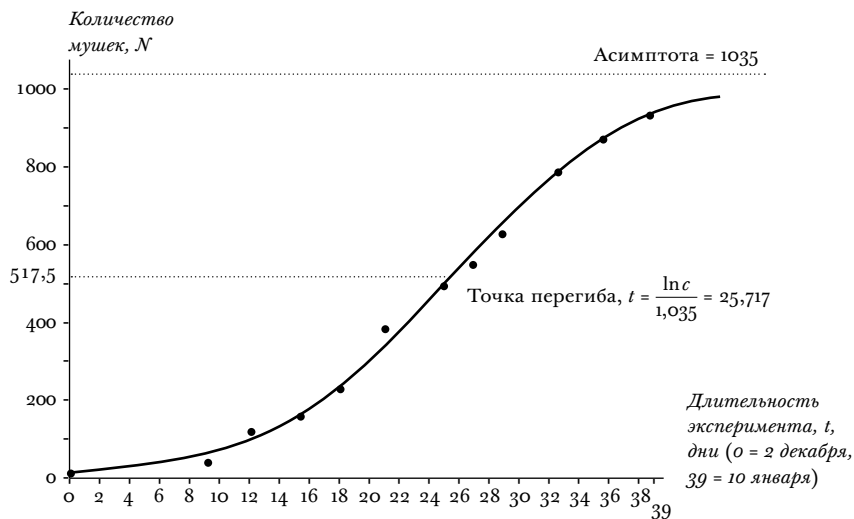
По контрасту, модель роста по экспоненте или *J*-кривая, описанная уравнением Судного дня, — это то, чего можно ожидать только в «раю» (Foerster et al. 1960: 1291), то есть там, где ресурсы настолько изобильны, что четверо всадников вряд ли объявятся. Уравнение Судного дня подтвердило то, во что многие уже верили, а именно, что в отдаленном прошлом народонаселение росло медленно, но постепенно набрало скорость и в современную эпоху увеличивается, по всей видимости, до бесконечности (рис. 1б). В сущности, Форстер и др. доказали, что люди при помощи «пищевой технологии и технических наук» (Schmek 1960: 10) изменили законы природы. Вместо того чтобы оставаться субъектом ограничений, налагаемых вместимостью, люди вступили с природой в соревнование, в котором они выигрывают в том смысле, что их популяция продолжает увеличиваться по экспоненте. *J*-кривая роста народонаселения представляет собой победу культуры над природой.

Что касается того, что в то время больше всего внимания привлекало к себе предсказание, что в этот злосчастный день народонаселение может дойти до «бесконечности, наполняющей вселенную» (Time 1960: 90), то, конечно же, этого не может произойти. Один современный журналист, пытаясь метафорически описать это предсказание, с юмором объявил, что в день Страшного суда от земли со скоростью света во всех направлениях может распространиться масса из человеческих тел!

Тогда критики ответили, что коэффициент роста народонаселения замедляется и что уравнение Судного дня больше не применимо. Все же перепроверка уравнения Судного дня в 1987 году показала, что рост населения не только не замедлился, но что в действительности рост населения мира опередил предсказание (рис. 2, с. 31). В самом деле, если бы, как многие опасались, в ту эру разразилась Третья мировая война, ожидаемые четыреста миллионов убитых в Европе и Америке просто бы снизили мировое население до уровня предсказанного в уравнении Судного дня (Umpleby 1987: 1556). Что же происходило?

На протяжении всей истории четверо всадников определенно ограничивали рост народонаселения, точно так же как они ограничивали рост популяций у животных. Десятки тысяч лет

- а. S-кривая: рост популяции дрозофилы в бутылке емкостью 0,47 л
(источник: De Sario 1978: 447)

- б. J-кривая: население мира в исторической перспективе
(источник: Population Reference Bureau 1995: 6)

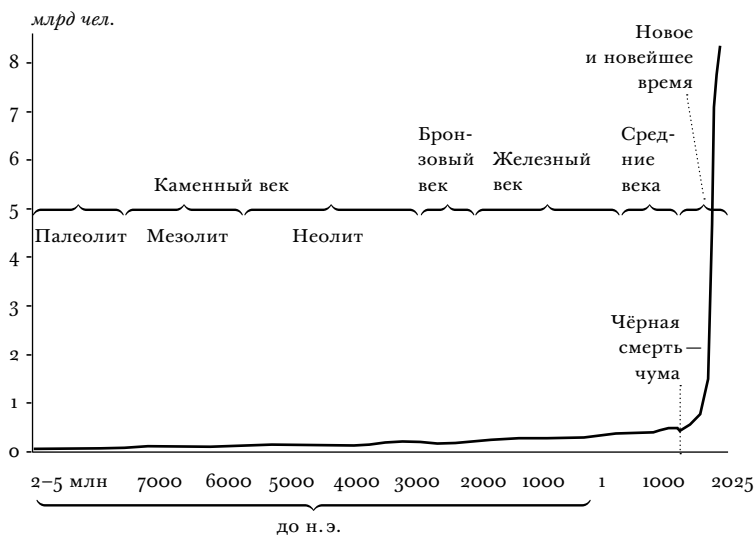

РИС. 1. Два типа популяционного роста:
природа vs культура?

люди к тому же обладали доступом к культурно опосредованным средствам контроля над населением, включая предохранение от беременности, аборты и детоубийство, которые они использовали в некоторых обстоятельствах, чтобы удержать население ниже вместимости среды (Read 1986: 20–21; Read 1998). И все же мировое население неумолимо растет, и в последние десятилетия заметные улучшения в здравоохранении, новые достижения пищевой промышленности и экспансия сельского хозяйства в леса, пустыни и болота идут почти вровень по крайней мере с двумя всадниками — Болезнью и Голодом. Культура позволила людям продолжать наращивать вместимость земли.

Уравнение Судного дня в этом смысле поддерживает оптимистический взгляд, что культурное превосходство человека над природой позволит населению безгранично расти. Но это оптимизм с горькой усмешкой:

Таким образом, мы можем заключить с твердой уверенностью, что принцип «адекватной технологии», который, как доказали, был верен более чем для ста поколений, удержится, по меньшей мере, еще для трех. К счастью, нет необходимости загружать теорию ненужной дальнейшей экстраполяцией, потому что — и здесь пессимисты опять ошибаются — наши прапраправнуки не умрут от голода. Они будут стиснуты до смерти (Foerster et al. 1960: 1295).

Этот «оптимистичный» взгляд, конечно, не менее пессимистичен, чем любой другой. При конечном анализе уравнение Судного дня наиболее ярко иллюстрирует то, что население не может увеличиваться безгранично. В какой-то точке любая реальная популяция должна начать расти медленнее, чем J-кривая. В действительности, хотя примерно до 1992 года население мира превышало предсказание уравнения Судного дня, неизбежное в конце концов случилось: действительная численность населения перестала достигать предсказанную уравнением (см. рис. 2, с. 31). При помощи каких комбинаций катастроф и регуляции рождаемости это бы ни происходило, но в последние годы действительный рост населения мира больше похож на прямую линию, так как каждый год в мире прибавляется от 80 до 90 миллионов человек. Мы еще увидим, начнет ли она выправляться, принимая форму S-кривой. Интуиция подсказывает нам, что рост населения Земли должен иногда замедляться, и последние данные убеждают в том, что мы уже на пути замедления (United Nations 1996). Множатся свидетельства того, что существующие нормы пользования уменьшают необходимые ресурсы, даже почвы и пресной воды, от которых зависит сельское хозяйство (Ehrlich et al. 1992: 23). Все же специалисты спорят, способна ли

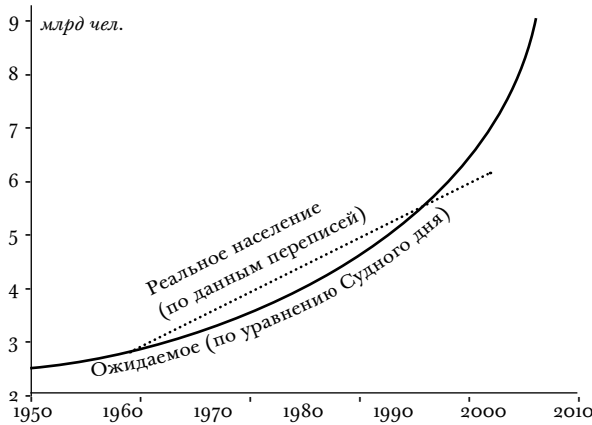

РИС. 2. Уравнение Судного дня и население мира начиная с 1960 года

Земля вместить 10 миллиардов человек и более или мы уже намного превысили ее и должны начать сокращаться до устойчивой численности примерно в 1 миллиард человек (Ehrlich and Ehrlich 1997; Moffat 1996).

Урок уравнения Судного дня состоит в том, что народонаселение способно быстро и неумолимо расти, если для его поддержания достаточно ресурсов. Способность иметь культуру, которую оптимисты рассматривают как владычество над природой, позволяет людям увеличивать доступные ресурсы до беспрецедентного размера. И все же этот процесс не может продолжаться бесконечно. В наше время, а в действительности в течение всей истории, увеличение ресурсов с трудом поспевало за ростом населения, которое увеличилось, несмотря на отсутствие райских условий, за исключением изобилия у меньшинства. Для громадного большинства рост населения означает постоянные сложности с обеспечением и управлением ресурсами, от которых оно зависит, удовлетворяя свои основные потребности. Знание этих проблем и того, как с ними справляться, есть ключ к пониманию процессов социокультурной эволюции.

В интеллектуальном *milieu* демографических взрывов и уравнений Судного дня культурные антропологи, такие как Харрис³²

32. Марвин Харрис (1927–2001) — американский антрополог; окончил магистратуру (1949) и докторантуру (1953) в Колумбийском университете (Нью-Йорк), где

(Harris 1977) и Карнейро³³ (Carneiro 1970b), и археологи, такие как Коэн (Cohen 1977; 1994), исследовали вероятность того, что социокультурная эволюция движима борьбой людей против ухудшения качества жизни, вызванного непрекращающимся ростом населения. Кросс-культурные данные свидетельствуют о сильной положительной корреляции между социально-экономической сложностью и демографическим давлением (Keeley 1988). По мере того как возрастает соперничество за ресурсы, люди должны жить вме-

и оставался работать; затем перешел во Флоридский университет; полевые исследования вел в Бразилии, Мозамбике, Индии и др. Автор концепции культурного материализма, в которой сочетал марксистские идеи производительных сил, базиса и надстройки с мальтузианством в оценке демографического фактора; в стремлении человечества ответить на вызовы последнего видел механизм эволюции. Цитируемая работа («Каннибалы и короли») породила в академическом сообществе скандал. Так, Харрис признал реальность каннибализма у ацтеков и объяснил его белковой недостаточностью, точно так же, как и воинственность яномамо. Он считал, что в общинах охотников и собирателей, беспokoящихся о сохранении баланса размеров популяции и ресурсов, имеющих в ее распоряжении, должно было существовать детоубийство, и прежде всего девочек, как наиболее простое средство контроля за ростом населения. Это вызвало резкое раздражение у феминисток (хотя Харрис и не был никогда противником феминизма). В последние годы слыл за оппонента постмодернистской теории, влияние которой на социальные науки считал пагубным. Взгляды М. Харриса рассматриваются в разделе 9 данной книги.

33. Роберт Леонард Карнейро (род. в 1927) — американский антрополог; окончил докторантуру в Мичиганском университете (1957); куратор антропологии в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк), специалист по южноамериканским индейцам. Эволюционист, более всего известен своей теорией происхождения государства — так называемой теорией стесненности (Circumscription Theory), которую и излагает в цитируемой книге; результатом демографического давления являются войны. Обычно войны не способствуют объединению общества, а, наоборот, дезинтегрируют его. В тех местах, где начинаются войны за ресурсы (земли), можно ожидать два сценария развития событий: проигравшие мигрируют на другие земли либо, если присутствует некая «стесненность» (например, это горная долина и т.д.), они вынуждены подчиниться власти победителей, и в результате такой интеграции возникает государство. Карнейро опровергает другие расхожие теории: во-первых, *автоматическую* (Энгельс, Чайлд, Фрид), согласно которой переход к сельскому хозяйству автоматически вызывает прибавочный продукт, разделение труда, классовое расслоение и политическую интеграцию в государство; на самом же деле земледелие еще не влечет за собой прибавочный пищевой продукт (Амазония), необходим некий социальный механизм; во-вторых, *гидравлическую* (Виттфогель), объясняющую возникновение государства необходимостью централизованного контроля за сложными ирригационными системами, возведение которых неизбежно в аридных зонах; в действительности археология показала, что государства уже существовали в таких местах (Месопотамия, Китай, Мексика) до интенсивной ирригации; в-третьих, *теорию завоевания* пастухами земледельцев (Оппенгеймер), но ведь пастушеское скотоводство не было известно в Месоамерике, и археология показывает, что оно не возникло раньше, чем государство и в Старом Свете. У русского читателя есть возможность познакомиться с творчеством этого антрополога, ср. (Карнейро 1999).

сте, чтобы защищать себя, свои запасы пищи и свои земли. Лидерство становится необходимым для защиты и образования союзов. Чтобы получить максимум от уменьшающихся ресурсов, надо воплощать сложные и трудные групповые замыслы. В этом свете в основе социокультурной эволюции лежит рост населения и цепная реакция экономических и социальных изменений.

Рост населения и социальная эволюция. Представляют собой такие изменения улучшение качества жизни индивидов (экономики жизнеобеспечения) или нет, зависит от вашей интерпретации свидетельств. Данные о распределении времени показывают устойчивую модель изменений от малочисленных обществ до индустриальных (Sackett 1996: 338–42).

1. Время ежедневной работы разительно возрастает, в среднем от чуть менее 6 часов на одного взрослого среди добытчиков и около шести часов сорока пяти минут среди садоводов до 9 часов среди занимающихся интенсивным земледелием и немного меньше среди жителей индустриальных городов. Рост количества рабочего времени поровну распределяется между мужчинами и женщинами.
2. Время, проведенное за изготовлением и починкой предметов семейной собственности, уменьшается приблизительно на две трети (возможно, как результат приобретения подобных вещей у специалистов при посредничестве рынка).
3. Время, затраченное на ведение домашнего хозяйства, возрастает примерно от получаса в день до часа сорока пяти минут, что связано с возросшей стабильностью домов и количеством предметов, которые в них хранятся. По мере того как увеличивается размер общества, время, которое ежедневно проводят за ведением домашнего хозяйства женщины, увеличивается, в то время как у мужчин оно уменьшается.
4. Работа все больше подразделяется на две сферы: домашнее царство женщин с центром в доме и семье и производительная сфера мужчин, сфокусированная на товарно-денежных видах деятельности (Minge-Klevana 1980).

Эти паттерны надежно подкрепляются количественными кросс-культурными данными. Но они не отвечают на вопрос, делает ли возможным повсеместное увеличение производства технологические инновации, или же увеличение населения заставляет технологические улучшения «идти в ногу» с изменениями.

В этой книге мы не будем фокусировать внимание на споре в духе «курица или яйцо», что движет социальной эволюцией —

рост населения или технологические успехи. В качестве двигателя эволюционного процесса мы устанавливаем здесь процесс обратной связи между населением и технологией. Как рост населения, так и технологическое творчество — это возможности, которые вечно присутствуют в жизни людей. Как показывает S-кривая, популяции растут, пока не достигают пределов среды (ее вместимости). Этот процесс подчиняется закону минимума Лейбига, устанавливающему, что население ограничивается ресурсами (например, водой), находящимися в критическом состоянии, то есть запасы которых наименьшие (Hardesty 1977: 196–97). В отношении проблем, вызванных перенаселенностью, отдельные индивиды пробуют новые творческие решения, совместимые с существующими у них технологиями и возможностями, предоставляемыми окружающей средой. Не всякая среда допускает рост населения, и не все технологии обеспечивают основу, на которой можно получить новую производительность, способную увеличить вместимость среды. Но там, где процесс обратной связи между ростом населения и технологическими изменениями активен, социально-экономическое усложнение, похоже, должно следовать модели, которую мы выводим ниже (рис. 3, с. 57).

Проблема войн. Примеры, содержащиеся в этой книге, иллюстрируют основополагающую истину, что человечество везде и во все времена обладало потенциалом насилия для достижения своих целей (Keeley 1996: 26–32). Если мы примем за войну «вооруженный конфликт и связанную с ним деятельность и отношения между независимыми политическими единицами в обществах всех типов» (Haas 1996: 1357), тогда определено, что, как доказывал Герберт Спенсер, необходимость защищать свою группу от сильных угроз извне сама по себе достаточна, чтобы поддерживать политическую интеграцию внутри с целью избежать исчезновения и выставить эффективные контругрозы. В этом смысле война правильно определялась, как одна из причин социальной эволюции (Carneiro 1970b). Однако же, несмотря на значение такого процесса, как война, поиск причины войн в действительности отвлекает и затемняет их природу и место в эволюции человеческих обществ.

О причинах и поводах войн существует множество теорий, от популярных, таких как конкуренция из-за ресурсов, до истины идиосинкразических, таких как месть — навязчивая идея королей (Keeley 1996: 114). Проблема в том, что попытка объяснить войны предполагает, что они являются сущностями, которые можно описать, проанализировать и объяснить. Более продуктивный подход заключается в том, чтобы признать сле-

дующее: то, что мы прибегаем к агрессии, чтобы достичь своих целей, является частью нашего биологического наследия, и объяснить нужно то, как при различных обстоятельствах выражается агрессия. Тогда становится ясно, что агрессия принимает формы, соответствующие той социальной и политической системе, в которой она происходит.

В малых обществах, находящихся на уровне семьи, агрессия носит личный характер, она может приводить или не приводить к кровной мести; и возможно, что войны в том виде, как мы их определяем, редко случались раньше десяти тысяч лет назад (Naas 1996: 1360). В деревнях с локальными группами маленькие группы воинов натравливаются друг на друга; иногда одни группы нападают на другие внутри деревни, раскалывая ее. В локальных группах, основанных на кланах³⁴, войны организовываются предводителями и по меньшей мере частично регулируются межгрупповыми отношениями коллективности. В вождествах вождь устанавливает порядок внутри сообщества, даруя своим подданным мир, который высоко ценится, но затем начинает вести сильные и систематические войны против соседних вождеств и государств. Короче говоря, войны являются не единым феноменом, а лишь выражением агрессии, варьирующимся в различных институциональных окружениях.

Мы объясним природу войн тогда, когда объясним уровень социально-политической интеграции, при которой они имеют место. Некая интеграция объясняется уже самой войной, но для полного объяснения эволюции общества требуются другие принципы (управление рисками, ведущая технология, торговля). У этого подхода к объяснению войн есть еще одно преимущество: вместо того чтобы фокусироваться на войнах только как на насилии и нарушении порядка, мы также уделяем внимание порядкам, с помощью которых люди всегда пытались избежать войн и контролировать их разрушительные последствия (Sponsel 1996). Если склонность к насилию является частью инструментария человечества, то туда также входят склонность к сотрудничеству, щедрость и доверие. Но поскольку шкала социополитической интеграции подвержена изменениям, в эволюции человеческих обществ оба потенциала реализовались различно.

34. Англ. *clan* — клан, форма социальной организации (у шотландцев и ирландцев). Ранние британские эволюционисты, а вместе с ними и Л. Морган сделали его термином, обозначающим все аналогичные проявления социальной организации, известные по всему миру. Сейчас в мейнстриме западной антропологии наблюдается возврат к сужению области его применения.

Теории экономической мотивации

Работая большую часть времени независимо от эволюционистов, экономические антропологи исторически меньше интересовались объяснением долговременных моделей изменений, чем экономической мотивацией индивидов в культурно многообразных сообществах. В западной научной мысли рубежа столетий сложилась тенденция признавать (эксплицитно), что поведение индивидов мотивируется их собственной экономической выгодой и (имплицитно) что эта их собственная выгода состоит в основном в приобретении материального богатства. Хотя теоретики-экономисты не говорили прямо, что люди просто хотят разбогатеть, их методологический акцент на том, как фирмы максимально увеличивают прибыль, заложил страсть к приобретению и мотив прибыли глубоко в основу имплицитной теории.

Экономическая антропология

Особый подход антропологов к экономике появился в процессе определения экономической теории как рационалистической, материалистической и этноцентричной. Жители Запада по своим ценностям убежденные материалисты, в то время как многие народы мира ставят выше материального богатства другие цели, в частности социальные отношения и престиж. Они поощряют принесение в жертву личного богатства для достижения социально и культурно значимых целей. Начало этой антропологической критике общепринятой экономии положил Малиновский³⁵ (Malinowski 1922; Малиновский 2004а), с помощью своего классического анализа обычая кула у тробрианцев (случай 12) подготовил платформу для основательных дебатов, которые с некоторыми изменениями продолжают и по сей день.

В своей изначальной форме дебаты касались в основном этноцентризма, и антропологическим решением стал релятивизм, подобный боасовской программе: экономическое поведение ин-

35. Бронислав Малиновский (1884–1942) — классик британской и мировой антропологии, выходец из Австро-Венгрии (Польши); окончил Публичную школу короля Яна Собесского (Краков), учился в Лейпциге, в Школе экономики при Лондонском университете, где впоследствии работал до своего окончательного переезда в США (там преподавал в Йельском университете). Вдохновитель так называемого функционалистского течения и антиэволюционист. Вошел в историю науки также благодаря своему призыву всем «сойти с веранды», то есть активно заняться полевыми исследованиями, которые сам он в годы Первой мировой войны проводил на островах Тробриан с помощью разработанного им же мето-

дивиды мотивировано главным образом ценностями, которые определяются не его собственной материальной выгодой, а социальной и культурной матрицей верований и обязательств. Насколько различаются культурные сообщества, настолько и экономические мотивации их членов.

Субстантивизм. Благодаря усилиям Поланьи³⁶ (Polanyi 1957) антропологическая критика выкристаллизовалась в «субстантивную экономику»³⁷, в которой он видел антитезу общепринятой экономии. Отбрасывая материальные потребности в качестве основы экономической мотивации, Поланьи определял экономику³⁸ как «установленный (кем-то) процесс» структурирования экономического поведения социальными законами. Например, в крестьянских обществах (раздел 13) община часто требует от людей брать на себя расточительные церемониальные пиры, и у селян нет другого выбора, кроме как уступить, как бы сильно они ни возмущались дороговизной. В таких случаях «экономика внедрена в общество», и не так важно, чего желает отдельный индивид.

В одном из своих самых важных трудов Поланьи доказал, что способ обмена товарами и услугами в обществе может быть установлен тремя различными в своей основе путями. При реципрокации³⁹ индивиды (или группы), приблизительно одинаковые по положению, вовлечены в обычный обмен дарами и равноценными отдачами даров по прошествии определенного времени; это характерная модель меновых отношений, типичная для семейств, линиджей⁴⁰, деревень и многих других малых социаль-

да включенного наблюдения (*participant observation*), ныне считающегося образцовым. Подробнее о результатах этих его исследований говорится в разделе 10.

36. Карл Пауль Поланьи (1886–1964) — выходец из Австро-Венгрии; философ и юрист по образованию, он окончил докторантуру по обеим специальностям в Будапештском университете (1908, 1912); работал журналистом в Вене и Лондоне, переехал в США и стал преподавать в Беннингтонском колледже (Вермонт) и Колумбийском университете (Нью-Йорк). В конце концов, из-за визовых трудностей у жены (Илона Душинска, бывшая коммунистка) поселился в Канаде. Основатель субстантивизма, объясняющего экономику через культуру, а не «естественные законы», что с восторгом было принято антропологами и социологами, уже давно подступавшими к подобному объяснению, но по-прежнему в основном скептически — экономистами. Как видно из последующего текста, А. Джонсон и Т. Эрл также не являются субстантивистами. Взгляды К. Поланьи рассматриваются в разделе 14 данной книги.

37. От англ. *Substantive* — касающийся сущности, сущностный, то есть сущностная экономика, в отличие от формальной (всей предшествующей).

38. Англ. *economy* — в смысле экономика, объект изучения экономистов.

39. Англ. *reciprocity* — взаимобмен.

40. Англ. *lineage* — потомки, родословие. В советское время могло переводиться как

ных групп. Редистрибуция⁴¹, по сути, иерархическое движение товаров к центру, где их контролирует и затем перераспределяет центральная власть; его типичными примерами являются пиры и обмены подарками в некоторых сообществах с бигменами или в таких более крупных централизованных обществах, как вождества (см. разделы 7 и 9), а также большинство современных государств. Собственно рыночный обмен, при котором движением товаров и услуг в режиме спроса и предложения управляет рынок; типичный пример — современная рыночная экономика (раздел 14). Одной из главных целей Поланьи было привлечь внимание к ограниченности меновых распределительных отношений типа экономической сделки, дабы преодолеть этноцентричную тенденцию претендовать на то, что наш современный способ экономической жизни, как описывает его экономическая теория, некоторым образом естественен, неизбежен и универсален.

Полезным следствием выработки субстантивистской точки зрения было то, что теперь стало очевидно, что этноцентризм экономических идей XIX века влечет за собой два допущения, которые необязательно связывать друг с другом: во-первых, что экономическое поведение рационально и, во-вторых, что оно мотивировано собственной материальной выгодой.

Формализм. Идея, что экономическое поведение — это результат принятия рационального решения, которую Поланьи называл «формальной экономией» (следуя за Вебером⁴²: Weber 1947:

патронимия (термин, предложенный еще В. Г. Богоразом) или просто родственная группа. Термин *линидж* также известен отечественной науке, но применяется куда реже, однако он предпочтительнее, поскольку уводит читателя от нашей недавней тенденции признавать род универсальной формой социальной структуры в прошлом (в первобытнообщинную формацию). По этой же причине мы везде оставляем *клан* (англ. *clan* — форма организации, аналогичная шотландским кланам) вместо *род*.

41. Англ. *redistribution* — перераспределение.

42. Макс Вебер (Максимилиан Карл Эмиль Вебер, 1864–1920) — немецкий ученый; юрист и экономист по образованию, учился в Гейдельбергском, Гёттингенском и Берлинском университетах, получил докторскую степень по юриспруденции (1889); преподавал в Берлинском, Фрайбургском, Гейдельбергском, Венском и Мюнхенском университетах. Сам Вебер считал себя прежде всего историком и экономистом, а затем уже социологом; представлял так называемую Историческую школу экономики; сейчас признается классиком мировой социологии. Самый известный его труд — «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), в котором он параллельно В. Зомбарту представил своего рода антимаковский манифест, ища истоки капитализма вне экономики, а именно в религии и культуре (Зомбарт видел истоки капитализма в иудаизме). Следуя своей общей методологии так называемой понимающей (*Verstehen*) социологии определял экономику как рациональную, а ее творца — как рационального экономического человека (*Homo economicus*).

184–86), просто утверждает общепринятое положение о том, что личность «распределяет все свои ресурсы так, чтобы достичь максимума удовлетворения» (Goodfellow 1968 [1939]: 60). Это предельное допущение господствующей теории экономики (а также «установка на оптимизацию» или «минимально удовлетворяющие показатели») заключается в том, что у всех людей имеются критерии, с помощью которых они решают, что надо делать в любой данный момент (Burling 1962; Homans 1967; LeClair 1962). Напротив, Поланьи отрицал, что индивиды, которым противостоит целый спектр экономических возможностей, способны рационально просчитать свою собственную выгоду. Подобно крестьянам, лицом к лицу столкнувшимся с тем, что община требует от них «щедрости», у них нет выбора, кроме как подчиниться социальным ожиданиям. Они не выбирают, а следуют правилам (Dalton 1961): общество устанавливает их экономическую мотивацию.

Формалистский ответ на субстантивистскую критику был незамедлительным. Формалисты просто указали на то, что они не строят предположений, откуда происходит собственная выгода. Для одного выгодным будет копить богатство, чтобы вложить его и получить прибыль, для другого — тратить богатство и влезать в долги, созывая гостей на пир. В любом случае поведение рационально, если это достаточно удовлетворяет личность. Фактически в разделе 8 мы исследуем примеры, в которых индивиды поступают в соответствии со своей собственной выгодой, делая и так и так: они скупаются и сберегают, чтобы тратить и влезать в долги, созывая гостей на пир, — все в надежде на прибыль. Сказать, что экономическое поведение рационально — еще не значит сказать, что оно соответствует нашим этноцентричным представлениям о разумности. Если мы согласимся с тем, что экономическое поведение — результат решений, то у формализма и субстантивизма не будет необходимости конфликтовать: поведение людей может быть как рациональным (оптимально удовлетворяющим), так и установленным (соответствующим культурным ценностям).

Следовательно, формалистская экономия обращает наше внимание на важность выбора в экономическом поведении, но намеренно воздерживается от попыток объяснить мотивацию за пределами экономического поведения. По сути, формалистская экономия не обеспокоена тем, откуда берется мотивация. Мотивация у людей может быть любой: они могут даже стремиться к боли, а не к удовольствию, предпочитать зло добру, ценить бедность выше богатства. Почему же они предпочитают одно, а не другое? Что бы люди ни делали, чтобы получить

максимальное удовлетворение, это не затрагивает того, чем мотивируется экономическое поведение. Почему это удовлетворяет больше, чем то? — большой вопрос, который надо решить отдельно или прежде чем проводить формальный анализ рационального принятия решения.

Субстантивистский ответ, заключающийся в том, что экономическое поведение мотивируют ценности, был подходящей перспективой для антропологии. Но он разделил слабость боасовского релятивизма, при котором возможно все, что угодно, и экономическое поведение не должно иметь никакого смысла в какой бы то ни было его форме⁴³: пищевых табу, жестокости первобытных войн, уничтожении богатства во время пиров, священных коров. Это всего лишь «трудные проблемы культуры», которые мы должны принимать в качестве продуктов спонтанного культурного творчества (cf. Harris 1974). Но многих наблюдателей удивляло, почему некоторые ценности (например, набеги и захват трофеев, носящие обыденный характер) в определенных видах сообществ (например, в племенах) преобладают, а в других (например, среди крестьянства) нет. При этом поиск ответов за пределами исторической случайности уводил их назад к экономической посылке XIX века, что экономическое поведение мотивируется желанием материальных благ, — идее, которая уже подвергалась нападкам со стороны субстантивизма.

Материализм. Хотя субстантивисты и стояли на твердых позициях, отрицая то, что поиск прибыли универсально мотивирует людей на манер капиталистической фирмы, фактически они склонялись к более широким, имплицитно им присущим намерениям, которые уже нелегко было отстоять, — к отрицанию важности биологии человека как источника экономической мотивации. Субстантивисты, очевидно, чувствовали, что ссылаться в объяснениях экономического поведения на зов физических потребностей несовместимо с той аксиомой, что экономика внедрена в общество (Sahlins 1976). Во время возрождения субстантивизма «структуралисты-марксисты»⁴⁴ присвоили ярлык «вульгарного марксизма» ссылкам на биологическую мотива-

43. Приходится констатировать, что это большое преувеличение. На самом деле как сам Боас, так и его ученики никогда не упускали возможности интерпретировать те или иные неясные стороны изучаемых ими культур, но делали это очень осторожно.

44. В англ. варианте *structural Marxists* — букв. структурные марксисты. Имеется в виду группа последователей Луи Альтюссера (1918–1990), пытавшегося, будучи членом КПФ, сочетать марксизм с французским структурализмом К. Леви-Строса (род. в 1908) и др.

цию (Friedman 1974). Фокусируясь на том, как социальная структура определяет экономический процесс (Godelier 1977; Legros 1977; Meillassoux 1972), эти субстантивисты перенаправляли внимание от биологии к культуре, вместо того чтобы исследовать связь между ними.

Не поддается сомнению, что, если люди живут, чтобы воспроизводить свой вид (и культуру), они должны быть накормлены, одеты и защищены. Биологи, экологи и психологи, изучающие человека, обеспечили нас разными и непростыми знаниями о мотивации, которые согласуются с биологической эволюцией и адаптацией. Именно здесь использование концепта адаптации Стюарда проложило мост между социальным эволюционизмом и экономической антропологией. Теории социальной эволюции, следовавшие за Стюардом, все больше согласуются с открытиями в биологии и экологии. К таким материальным источникам экономической мотивации можно подходить с двух позиций, которые, хоть их и рассматривают иногда в качестве конкурирующих объяснений, могут быть лучше поняты как две стороны одной монеты.

Эволюционная биология. Один из подходов — сфокусироваться на том, что многие считают главным источником мотивации у живых организмов, — влечении к размножению. Эволюционная биология и психология накопили и систематизировали множество сведений об этом предмете, что выходит далеко за рамки рассмотрения этой книги (Boyd and Richerson 1985; Ridley 1997; Tooby and Cosmides 1992; Wright 1994). Однако мы должны вкратце упомянуть о некоторых ключевых из них, чтобы были полностью понятны специфические доводы, которые возникают ниже в ходе дискуссии вокруг описываемых нами случаев.

1. Мужчинами и женщинами в спаривании и браке преследуются различные цели, подобно различиям между самцами и самками, обнаруживающимся у многих других видов. Мужчины ищут возможности спариться со многими женщинами и ищут юных партнерш, у которых впереди долгое фертильное будущее. Женщины же предпочитают спариваться с мужчиной, который контролирует ресурсы, который будет стабильно обеспечивать их как муж и отец. Такие мужчины часто старше по возрасту и обладают высоким политическим статусом.
2. Люди ревнуют своих партнеров, и мужчины особенно склонны быть агрессивными, защищая свое исключительное право спариваться со своими женами.

3. И мужчин и женщин сильно влечет к территориям, изобилующим ресурсами; люди способны становиться агрессивными, защищая свои исключительные права на территории от внешнего посягательства. Защита территории мужчинами является средством привлечения и удержания женщин в качестве партнеров.
4. Люди знают, кто их ближайшие родственники, и кормят, защищают и поддерживают их (родственный отбор). Верность, доверие и альтруистическое поведение сильнее всего между близкими родственниками, эти проявления склонны уменьшаться у дальних родственников и исчезать при общении с чужими людьми.
5. Большой мозг у приматов, а в особенности выдающийся человеческий мозг, развился по крайней мере для того, чтобы хранить и удерживать всесторонние социальные знания, необходимые для выработки сложных умозаключений о межличностных отношениях, чтобы оперировать этими умозаключениями, лежащими в основе доверия и сотрудничества (Dunbar 1996). Постоянная речевая активность внутри группы устанавливает близость и согласует действия, выступая подобием груминга⁴⁵ человекообразных приматов. Связанная с человеческой речью символическая власть служит для размещения социальных отношений вне биологических границ родственного отбора.
6. В любом сообществе некоторые индивиды, особенно мужчины, добиваются доминирования над другими. Такие выдвиженцы в основном и стремятся принять главные риски физического ущерба при утверждении и защите с помощью агрессии собственного доминирования (Hayden 1995). Различия между индивидами в этом отношении способны объяснить, почему у некоторых индивидов стремление к иерархии оказывается более выраженным, чем у других.
7. Обман и мошенничество в социальных интеракциях подрывают усилия по организации кооперации для обоюдной пользы. Обманщиков или «паразитов»⁴⁶ необходимо контролировать с помощью скооперировавшихся членов сообщества, в противном случае преимущества от такой кооперации исчезнут.
8. Человеческие существа «появляются на свет, вооруженные предрасположенностью к тому, чтобы научиться кооперироваться, отсеивать достойных доверия от склонных к преда-

45. Англ. *grooming* — приведение в надлежащий вид; вычесывание или обыскивание; форма ритуального поведения у обезьян со значением заботы, уважения.

46. Англ. *free-riders* — букв. ездящие бесплатно.

тельству, принимать на себя обязательства быть достойным, зарабатывать хорошую репутацию, обмениваться товарами и информацией и разделять трудовые обязанности» (Ridley 1997: 249).

9. Люди приобретают новые навыки поведения, подражая по большей части тем, кто явно успешен, — сначала родителям, а позже членам своего сообщества с высоким рангом. В этих случаях экономическое поведение определяется не рациональным выбором, а имитацией поведения других.

Мы увидим, что поведение, которое будет описываться при рассмотрении нами случаев, редко противоречит этим основным принципам. Но на основе одних лишь принципов и именно потому, что они основные и более или менее универсальные, мы не можем понять отличия на уровне паттернов, которые встречаются в человеческих обществах разных типов. Человеческая природа как раз и отличается приспособляемостью к различным обстоятельствам. Для объяснения этих различий в человеческом поведении нам понадобится теория, заключающая в себе паттерны адаптации, характерные для определенных сочетаний населения, окружающей среды и технологии.

Экология человека

Несмотря на сомнения в отношении универсальности рационального выбора, многие адаптивные виды поведения ясно отражают расчеты издержек и выгод от альтернативных стратегий. В экологии человека акцент у биологической перспективы смещается с воспроизводства (индивид как вместилище генов для передачи их от одного поколения другому) на здоровье и благополучие самого этого вместилища (то есть индивида). Оба подхода дополняют друг друга, ибо если индивиды должны размножаться, то им надо дожить до репродуктивного возраста в приемлемом состоянии здоровья и остаться здоровыми, чтобы суметь прокормить свое потомство, пока оно не сможет жить самостоятельно.

С точки зрения экологии человека в центре экономической мотивации стоит вопрос здоровья и безопасности. Все начинается с того, что должны быть гарантированы постоянный приток пищи и защита от опасностей (болезней, хищников, сурового климата, врагов). Индивидам и первичным ячейкам, составленным из них⁴⁷, требуется доступ к базе ресурсов

47. Англ. *their core groups* — букв. их ядерным группам.

и к технологиям для их эксплуатации. Они являются членами социальных групп, делающих это возможным, и, чтобы получать от общества выгоды, включая защиту от опасностей, соглашались с тем, что на их поведение накладываются определенные ограничения. Но при определенных обстоятельствах эти ограничения могут включать требования участвовать в событиях ритуального характера, делиться богатством через общинные перераспределения и выполнять приказы властей. Таким образом, в материалистическом фокусе экологической перспективы находятся не только продукты питания, убежище и защита, но и весь социальный и культурный мир, где существует множество адаптивных решений проблем, с которыми сталкиваются индивиды в стремлении к здоровью и безопасности.

Этот набор социокультурных средств решения проблем адаптации относится к «ядру культуры», как его называл Стюард (Steward 1955: 37). В этой книге мы использовали перечень содержимого ядра культуры, чтобы определиться с выбором тем рассмотрения при разборе случаев:

- Окружающая среда
- Население
- Технология
- Социальная организация производства
- Территориальность / войны
- Политическая интеграция
- Расслоение
- Священное.⁴⁸

Каждое сообщество людей существует в среде из возможностей и ограничений и оснащено технологией для удовлетворения своих основных потребностей. Этому процессу свойственна социальная организация производства, которая характеризуется разделением труда и практиками получения, хранения, изменения ресурсов и наделения ими. В получении доступа к ресурсам должны быть конкуренция и решение проблемы. Все эти элементы по возрастающей — технология, социальная организация производства и конкуренция — относятся к системам либерства и неравенства. И на всех уровнях адаптивные практики

48. Здесь и в других подобных случаях авторы употребляют термин *sanctity* — святость вместо *sacred* — священное, распространившийся в гуманитарных науках после работ Э. Дюркгейма, очевидно, в попытке избежать возможных дополнительных коннотаций.

и институты освящены ритуалами, табу и другими средствами, внушающими ужас и трепет, чтобы паттерны поведения оставались стабильными.

Экономика жизнеобеспечения и политическая экономика

В соответствии с нашим материалистическим, экологическим подходом мы определяем экономику как способ удовлетворения людьми своих основных потребностей и обеспечения ими своего существования с помощью материальных средств. Экономика включает производство и распределение пищи, технологий и других материальных товаров, необходимых для выживания и воспроизводства человеческих существ и социальных институтов, от которых зависит их выживание. Будем ли мы исследовать то, как домохозяйства поддерживают жизнеобеспечение, или то, как финансируются более крупные институты, — проблема материального обеспечения является основной.

Наше определение экономики близко понятию ниши у экологов или способу, благодаря которому население извлекает из среды обитания необходимые вещество и энергию (Odum 1971). Оно также похоже на субстантивистское понимание экономики как «взаимообмена человека с его природной и социальной средой настолько, насколько те являются результатами в обеспечении его средствами удовлетворения материальной необходимости» (Polanyi 1957: 243). Однако в отличие от субстантивистов мы видим, что экономическая мотивация или то, что Полани называет «удовлетворением материальной необходимости», проистекает главным образом из основных (биологических) потребностей (хотя мы признаем, что культурные ценности трудноотделимы от них и часто с ними совпадают).

Аналитически экономика может быть разделена на два уровня: на экономику жизнеобеспечения и политическую экономику⁴⁹. Показатели их исходной динамики различаются, и они совершенно по-разному влияют на социальную эволюцию.

Экономика жизнеобеспечения. Локус (место), в котором начинают удовлетворяться основные потребности, — это экономика жизнеобеспечения, которая, по сути, является экономикой домохозяйства. Она организована на уровне домохозяйства, что-

49. Как явствует из текста, авторы вкладывают в это понятие нечто отличное от марксистского понимания политической экономии, несмотря на внешнее сходство в терминологии. Прежде всего, это сама область экономики, детерминированная политикой, а не изучающая ее дисциплина.

бы удовлетворять потребности в пище, одежде, жилище, защите и технологии приобретения. Простейшая форма экономики жизнеобеспечения — «домашний способ производства» (Sahlins 1972; Салинз 1999). В этой модели каждое домохозяйство принимается за подобное и самодостаточное, производящее все, что ему нужно, и заключающее в себе разделение труда по возрасту и полу.

Совмещение фокуса экологии человека на выполнении основных потребностей с формалистским акцентом на рациональное принятие решений образует нашу перспективу, которая заключается в том, что природа экономики жизнеобеспечения определяется потребностями населения и расходом добываемых необходимых ресурсов (см. Earle 1980a). Теоретически не производится излишков свыше запаса надежности, то есть того, что может понадобиться, если дела пойдут плохо. И самой большой целью является удовлетворение потребностей домохозяйства при самых низких затратах, но которые при этом гарантировали бы уверенность и стабильность.

Чтобы справиться с этой задачей, семьи отбирают среди потенциальных стратегий приобретения такие, которые кажутся им наиболее подходящими для добывания из окружающей среды пищи или других продуктов. Следуя закону убывающей отдачи, для любой данной стратегии издержки производства пищи имеют тенденцию к росту по мере усиления самой стратегии: поскольку охотники убивают больше оленей, то оленей остается меньше и трудности при охоте на них возрастают. Когда сообщество впервые вступает на девственную территорию, доступные стратегии добывания пищи различаются по своим первоначальным затратам. Например, может быть так, что дешевле получать хорошее питание, охотясь на оленей, чем собирая семена и насекомых. Но со временем, когда олени почти истреблены, они встречаются реже и поэтому становятся более дорогой добычей. Тогда добавляются другие стратегии, такие как собирание семян или насекомых, поскольку затраты на них уже сопоставимы с возрастающими затратами охоты на оленей. Таким образом, количество стратегий, используемых добытками при получении пищи, имеет тенденцию увеличиваться со временем их обитания в данной местности.

Два ключевых следствия для экономики жизнеобеспечения связаны с ростом населения: поскольку растущее число людей истощает ресурсы, то они должны: а) обратиться к менее желательным и более затратным альтернативам; б) улучшить продуктивность, развивая новую технологию и преобразуя окружающую среду (например, развивать земледелие). Локальные попытки улучшить образ жизни через расширение ресурсов от-

крывают большой потенциал для роста, однако население быстро исчерпывает все новые возможности, и опять требуются изменения. Цикл продолжается и по сей день, пока среда, которую все сильнее преобразовывают люди, поддерживает их число, толкая к некоторому неизвестному максимуму.

Эта логика проистекает из формальной экономии (см. Eagle 1980a) и из наблюдения за процессом добывания в популяциях животных (Pianka 1974; Winterhalder and Smith 1981). Экономика жизнеобеспечения стремится не увеличить количество продукции, а минимизировать усилия, которые затрачиваются на удовлетворение потребностей домохозяйства. Для домохозяйств региона затраты на приобретение минимизируются с помощью специфического сочетания стратегий, находящихся на одном и том же уровне затрат. Такое сочетание будет оставаться прочным до тех пор, пока изменения населения, технологии или окружающей среды не нарушат его. Один из примеров таких изменений — постепенно расширяющийся пищевой рацион народов доисторического мира по мере постепенного заполнения территории охотниками и собирателями.

Рост экономики жизнеобеспечения есть результат позитивной обратной связи между ростом населения и технологическим развитием (см. Wilkinson 1973). Как было видно из уравнения Судного дня, в технологически простых обществах рост населения часто шел очень медленно, но по прошествии веков его темп повсеместно резко увеличился (Taagarera 1981). По мере роста населения расширяются всеобщие потребности. Наличие же ресурсов, поддерживающих население, определяется средой и используемыми технологиями.

Хотя мы и склонны думать об окружающей среде как о константе, тем не менее чем больше мы изучаем историю, тем больше смотрим на среду как на продукт человеческой деятельности. Леса расчищены, возделаны поля, выкопаны ирригационные каналы, трансформированы ресурсы. Люди все больше вовлечены в управление природными процессами, и это требует все большего труда. Обратная связь между ростом населения и технологическим развитием все больше изменяет окружающую среду способами, которые ограничивают человеческий выбор. Обычный выход — привязать людей к их земле и тщательно управлять ею.

Политическая экономика. Обоснованность биологической теории экономической мотивации достаточно четко видна там, где обнаруживается экономика жизнеобеспечения, восходящая к малым семейным домохозяйствам и обеспечению основных потребностей. Люди в своем экономическом поведении каждый

день выходят за эти узкие границы жизнеобеспечения. Как и субстантивисты, структуралисты-марксисты делают особый упор на то, как собственность на средства производства (земля, труд и капитал) определяет поток товаров и поддерживает существующие отношения с властью (Earle 1997). На первый взгляд, их утверждение о том, что политический контроль является ключевым элементом структуры общества, уводит нас далеко от темы удовлетворения основных потребностей. На самом же деле это предполагает возможность того, как это видел Фрид, что процесс удовлетворения материальной необходимости в экономике жизнеобеспечения присваивается властью, пекущейся только о собственных интересах, и поддерживается элитой, действующей с помощью манипуляций.

Понимание особой природы политической экономики позволяет нам заполнить этот явный пробел между экономикой жизнеобеспечения и властью элит. Появление в ходе человеческой эволюции способности к культуре предоставило решение для фундаментальных проблем, заложенных в экономике жизнеобеспечения. Как только ландшафты, которые заняли люди (или первоначально предки человека), становились перенаселенными, постоянно сохраняющийся потенциал для агрессивной конкуренции за самые желаемые ресурсы приводил к конфликту, изгнанию и даже смерти в той же мере, в какой это наблюдается сегодня среди групп приматов (Manson and Wrangham 1991). Внутри родственной семейной группы — экономики жизнеобеспечения — известная доля семейного чувства, биологически обусловленного (как предполагает теория родственного отбора), но усиленного мириадами незначительных взаимодействий, могла бы минимизировать подобную конкуренцию и способствовать примирению после эпизодов насилия (Waal 1996). Но в отношениях с дальними родственниками и чужаками, семейное чувство к которым выражено слабо или вовсе отсутствует, трудности регулирования разрушительной конкуренции огромны, и мы оказываемся в ситуации, которую Томас Гоббс называл «войной всех против всех».

Способность к культуре делает возможным новое сильное и убедительное решение дилеммы, связанной с конкуренцией в процессе жизнеобеспечения. Через символические средства, закодированные в виде правил надлежащего поведения, воплощенные в идентичностях линиджа и клана, фиктивного родства и этнической общности и эмоционально коренящиеся в страхе (священном), люди способны общаться с дальними родственниками и чужаками с уважением или заботой в той же мере, что и с близкими родственниками. Существуют правила, требующие

от кунг (раздел 3) просить разрешения выпить воды из источника, принадлежащего другой группе, и от эскимосов (раздел 7) просить разрешения поохотиться на чужом участке, даже если принимающая группа в обоих случаях тоже связана правилом обязательно давать разрешение.

Важным примером того, каким способом деструктивный потенциал экономики жизнеобеспечения разрешается в политической экономике, является то, что Хардин (Hardin 1968) назвал «трагедией общественного достояния». У Хардина классический случай проблем, которые возникают, когда чужаки стремятся эксплуатировать одни и те же ресурсы, касается пастухов, эксплуатирующих общее пастбище. Если один добросовестный скотовод хочет сохранить пастбище жизнеспособным, ограничивая время выпаса для своего стада, другой может просто присвоить возможность дополнительного выпаса для своего собственного стада. Таким образом, самоограничение «хорошего» скотовода работает ему во вред, а жадность «плохого» — к сиюминутной того выгоде. В конечном счете из-за избыточного выпаса пастбище приходит в негодность и все скотоводы проигрывают. Интуиция подсказывает еще один пример того же свойства, понятный водителю на автостраде, который пытается соблюдать безопасную скорость и безопасную дистанцию лишь затем, чтобы эгоистичные водители бесшабашно его обгоняли или подрезали спереди, создавая для всех водителей условия перегруженности и опасности.

Единственным практическим решением является соблюдение членами группы кодекса поведения, который действует для всех и защищает общие ресурсы. Нарушители кодекса («паразиты» или «безбилетники») должны быть наказаны. И только через совершенствование политических институтов и правил с целью контроля «безбилетников», сообщества большие, чем малые семейные группы, могут удержаться в конкурентной среде. Любую экономику, имеющую такие институты и правила, мы будем называть политической экономикой. Хотя политическая экономика существует для того, чтобы решить экономические проблемы отдельных семей, то есть проблемы экономики жизнеобеспечения, она создает новые формы социальной усложненности, которые обретают свою собственную жизнь.

Политическая экономика внедряет обмен товарами и услугами в общество, объединившее связанные между собой семьи. Все общества обладают политической экономикой, по меньшей мере рудиментарной, ввиду того что семьи не могут быть полностью самодостаточными, будучи связанными потребностями в защите, партнерстве и торговле. Более сложной политическая экономика становится в процессе социальной эволюции. В то время

как экономика жизнеобеспечения, возникшая на базе домохозяйства, остается удивительно стабильной и преемственной, динамика политической экономики приводит к разительным изменениям в ее природе. По мере того, как это происходит, политическая экономика начинает пускать в ход излишки (или налог) экономики жизнеобеспечения. Эти излишки используются на финансирование социальных, политических и религиозных институтов, которые в своих наиболее разработанных формах возглавляются теми, кто не производит пищу. В свою очередь эти институты существуют, чтобы поддерживать и оправдывать права элиты на производительные ресурсы региона и особенно на лучшие сельскохозяйственные земли.

Возможно, наиболее важное различие между политической экономикой и экономикой жизнеобеспечения наблюдается в степени их рациональности и динамике. Экономика жизнеобеспечения приспособлена для удовлетворения потребностей домохозяйств: если ключевые переменные жизнеобеспечения (население, технология и окружающая среда) сохраняют постоянство, она стабильна в своей основе. Политическая экономика, наоборот, приспособлена к увеличению объемов производства в пользу правящей элиты, то есть ориентирована на развитие в высоко конкурентной политической зоне и не стабильна в своей основе.

Элиты удерживают свои позиции и доходы посредством силы, способности противостоять попыткам других претендентов прибрать себе сферы экономического контроля. Сила, в свою очередь, зависит от максимального увеличения доходов с помощью инвестирования в доходные проекты. В самом деле, чтобы играть по своим правилам, элиты должны большую часть дохода от капиталовложений изымать для будущих капиталовложений. Политическая экономика растет за счет позитивной обратной связи между капиталовложением и увеличивающимся доходом.

Она будет расти, пока не подвергнется сдерживанию факторов, вызывающих спад прибыли. В большинстве сложных обществ мы обнаруживаем циклическую модель: политическая экономика расширяется до возможных пределов, обрушивается из-за некоего внутреннего конфликта, а затем начинает расти снова. Элиты распознают пределы роста и пытаются преодолеть их, вводя значительные усовершенствования. К примеру, на Гавайях (раздел II), где вожди соревновались за контроль над островным населением, они вкладывали средства в такие усовершенствования, как рыбные пруды, ирригационные системы и мелиорация земель, пытаясь увеличить свои доходы, а с ними и военную мощь. В Дании, напротив, в бронзовом веке (с 1700 до 700 года до н.э.) местные лидеры практиковали разведение скота в качестве объ-

екта торговли, однако интенсификация ввергла регион в деградацию и привела к упадку этой отрасли по мере постепенного превращения лугов в неплодородные пустоши и вытеснения пестками сельскохозяйственных угодий (Earle 1997).

Социальная эволюция как политическая экология

Мы использовали адаптивистский подход Стюарда, чтобы протянуть мост между социальным эволюционизмом и экономической антропологией, в особенности для того, чтобы перевести структуралистско-марксистский упор на силу и контроль над ресурсами в более общую и в большей степени экологическую концепцию политической экономики как набора решений проблем, возникающих в экономике жизнеобеспечения. Однако нельзя сказать, что объединение экономики жизнеобеспечения и политической экономики само по себе проходит гладко и без противоречий. Конфликт между экономикой жизнеобеспечения и политической экономикой, между потребностями домохозяйств и требованиями политической сферы больше, чем просто аналитический конструкт; он — общее место, и с ним повсюду сталкиваются домохозяева. Военным предводителям знакомы трудности с рекрутированием воинов, организаторы пиров должны умасливать и даже запугивать людей, чтобы те участвовали в поставке продовольствия, правительствам нужно выслеживать и наказывать уклоняющихся от уплаты налогов. Укрывшись в своих жилищах, домохозяева обсуждают требования к ним политической экономики и степень своей готовности выполнить политические обязательства. Решения политической экономики, включая войны, отчуждение излишков, идущих на финансирование капиталовложений отдалившихся элит, и искоренение преступности, могут не нравиться множеству семей, которые стали жертвой подобных решений.

Этот потенциал противоречий между экономикой жизнеобеспечения и политической экономикой, то есть динамическое взаимодействие экологии и политики, помогает объяснить ограничения роста политической экономики в любой точке времени. Поскольку политическая экономика финансируется за счет излишков, полученных от экономики жизнеобеспечения (раздел 9), политическая экономика не может функционировать и тем более расти, пока не будет обеспечено участие в ней семей. Ответ на вопрос эволюционизма: что заставляет политическую экономику расти? — может быть найден в экономической мотивации: домохозяйство будет участвовать в политической экономике, пока выгоды от участия превышают затраты.

В малочисленных обществах с рассредоточенным населением выгоды от интеграции в более крупные политии невелики, а затраты огромны. По мере роста населения полностью заселяются и заполняются ландшафты, и конкуренция вокруг ресурсов увеличивается. В экономике жизнеобеспечения возникают серьезные проблемы, и «трагедия общественного достояния» — пример только одной из них. На удерживание популяций в определенных границах начинают работать их инвестиции в их собственные земли, а также отсутствие свободы передвижения, так как соседние земли уже тоже заняты людьми, готовыми их защищать (Carneiro 1967: xxxvii; 1970b). Решение проблем жизнеобеспечения все больше требует групповых действий и лидерства — как раз тех условий, которые поощряют введение экономического контроля и экспансию политической экономики.

Предводители, то есть те, кто решает проблемы, управляют экономикой в пользу семей, их выбирающих, увеличивая выгоды от участия в политической экономике по мере роста демографического давления. Другими словами, затраты домохозяйства по причине его неучастия в политической экономике делаются непосильными: какая семья фермеров на аридных⁵⁰ почвах способна отвернуться от элит, которые контролируют воду, получаемую в результате ирригации? Если мы попробуем визуализировать развивающуюся политическую экономику, то ее можно уподобить раздувающемуся пузырю. Для семей внутри пузыря выгоды от участия в политической экономике превышают затраты; но для тех, кто снаружи, затраты больше выгод.

Поскольку контролировать враждебные популяции, которые не видят для себя выгод от участия в политической экономике, чрезвычайно затратно, элиты не будут без крайней нужды вкладывать средства в военный контроль над удаленными популяциями. Возьмем в качестве примера государство инков, которое преуспело в объединении оседлых земледельческих общин на полосе Андского нагорья протяженностью более двух тысяч миль⁵¹ с севера на юг, но потерпело крупную неудачу при установлении контроля над рассеянными селами и деревушками в прилегающих дождевых лесах Амазонки всего лишь пятьюдесятью пятью милями восточнее. Как покажет наше обсуждение мачигенга (случай 3) и инков (случай 16), выгоды и затраты от участия семей в инкской политической экономике весьма различались на нагорье и в дождевых лесах.

50. От лат. *aridus* — сухой, то есть засушливый, пустынный.

51. Миля (уставная, статутная) составляет 1,609 км.

Под «удаленными» мы подразумеваем в действительности тех, кто находится вне сулящей выгоду структуры политической экономики (снаружи пузыря), а не тех, кто просто географически удален от силовых центров. Нет ничего необычного в том, что некие сегменты населения, не извлекающие выгоды от участия в политической экономике, оказываются вне закона (преступниками), хотя и находятся внутри границ политики. В современных урбанистических районах, даже в Вашингтоне (округ Колумбия), на вершине современной мировой державы, существуют преступные группировки, которые напоминают такие локальные группы (раздел 5) своим политическим и экономическим поведением, которое характеризуется высокой мужской смертностью от насильственных случаев; лидерством в малых группах смельчаков-мужчин; вероломными действиями предводителей (которые иногда занимаются координацией из тюрьмы), а также присущей им жестокой конкуренцией за территорию и ресурсы, сопровождающейся устранением перебежчиков. Хотя такие группы и находятся в государстве, но политически ему не принадлежат. Они живут по большей части вне пузыря. Государство пытается ограничить эффект от их деятельности, дезорганизуя остальную часть общества, но оно, как это ни удивительно, бессильно установить контроль над их поведением.

Для большинства простых людей варианты выбора полностью ограничены, и остаться вне пузыря политической экономики почти невозможно. Это отсутствие выбора является источником контроля, посредством которого элиты получают власть. До этого момента — и на это указывали Фрид и структуралисты-марксисты — элиты могут использовать свои позиции силы для самовозвеличивания. Политическая экономика, зародившаяся в процессе решения проблем экономики жизнеобеспечения, в конечном итоге, повышая спектр доминирования и эксплуатации, частично приходит к противостоянию с домохозяйствами, стремящимися к благосостоянию. Экологический процесс экономики жизнеобеспечения адаптивной направленности сталкивается с силовыми мерами политической экономики, приводя к противоречивой и конфликтной политической экологии.

Эволюционный процесс

Эволюция человеческих обществ идет по восходящей спирали. Как следствие процесса интенсификации — позитивной обратной связи между ростом населения и технологическим развитием — возникают серьезные проблемы, которые необходимо ре-

шать в случае наращивания процесса интенсификации. Если же этого не делать, то кризис перенаселения может способствовать низкой рождаемости и высокой смертности, регулирующих численность населения в соответствии со вместилищем окружающей среды. Чаще всего решения этих проблем лежат в создании или совершенствовании институтов политической экономики, осуществляющих более широкую политико-экономическую интеграцию и поставляющих более сильных лидеров. После того как эти решения проверяются, совершенствуются и становятся частью обыденного опыта, они подготавливают почву для дальнейшей интенсификации и развития политической экономики по восходящей спирали.

Рисунок 3 (с. 57) представляет модель этого повторяющегося процесса социальной эволюции. Хотя интенсификация не является обязательной, чему можно найти примеры, как, скажем, в случае внутриматериковых эскимосов⁵² (случай 6), превосходящие технологические усовершенствования которых тысячи лет оказывали лишь незначительное влияние на рост населения, все же археологические и исторические факты на протяжении длительного развития человеческой культуры показывают постоянный и в конечном итоге разительный рост населения по всему миру (Coale 1974; рис. 1b). По причине роста населения экономику жизнеобеспечения необходимо интенсифицировать, чтобы на той же ресурсной базе можно было обеспечить большее число людей. Интенсификация обходится недешево и обычно создает четыре рода проблем, относительная важность которых варьируется в соответствии с условиями окружающей среды. Это риск производства, набеги и войны, потребности технологии и дефицит ресурсов. Для решения этих проблем, как правило, требуется усиление экономической интеграции сообществ и увеличение силы лидеров.

Первая проблема — риск производства. По мере того как территории заполняются людьми, быстро истощаются наиболее востребованные источники питания, а менее желанные, которые в трудные времена служили резервными запасами на случай голода, становятся частью регулярной диеты. С меньшим количеством резервных запасов и пищи в целом, риск голода возрастает, и каждое домохозяйство сталкивается с потребностью установить гарантированный нижний предел производства пищи в преддверии возможных скудных месяцев или даже лет (см. выше закон минимума Лейбига). Какие-то из этих проблем

52. Англ. *inland Eskimo*. Имеется в виду одна из групп эскимосов (инуитов) на Аляске, см. раздел 7.

домохозяйства могут решать самостоятельно, посредством перепроизводства (случай 3) или устройства частных хранилищ для продовольствия (например, случаи 9 и 12). Но в определенный момент для общины становится более действенным выходом делить затраты на поддержание уверенности. Классической формой управления рисками является общинное хранилище для продовольствия; другой выход — обоюдный уговор между общинами посещать (и приглашать на пиры) друг друга в голодные времена. Район, где имеется общинное хранилище или устраиваются пиры, может обеспечить большее население, но подобные соглашения предусматривают наличие лидерства и создают возможности для контроля.

Вторая проблема — это конкуренция в борьбе за ресурсы. Конкуренция между семьями за обильные ресурсы происходит на всех известных этнографии экономических уровнях. На уровне семьи, характеризующемся низкой плотностью населения и рассредоточенными ресурсами, домохозяйства склонны избегать конкуренции, рассеиваясь, чтобы не становиться на пути друг у друга. Однако с интенсификацией такие ресурсы, как самые богатые плодородные низины, становятся еще более драгоценными, и облагораживание земель, например посредством посадки долго плодоносящих деревьев, становится более обычным. Подобное развитие увеличивает выгоды от насильственного захвата такой территории, сопровождающегося относительно небольшими затратами на это насилие. Соответственно возрастает общий уровень насилия в регионе, и малые группы для более эффективной защиты своих ресурсов образуют союзы с другими малыми группами. Эффективная защита также требует большей социальной интеграции и порождает возможности для контроля.

Третья проблема — недостаточное использование ресурсов — имеет отношение к таким ресурсам, которые можно использовать только при наличии развитых дорогостоящих технологий. По мере увеличения населения в области, располагающей ресурсами, и существования рисков производства становится выгодным вкладывать средства в технологии, утилизирующие ресурсы, которыми пренебрегали на уровнях с низкой численностью населения. К примеру, умелое использование морских ресурсов может потребовать строительства огромных каноэ или китобойных судов; использование в фермерстве аридных земель ирригационной системы; далеко на Севере изобилие пищи летом может предотвращать голод зимой, но только через посредство крупномасштабных технологий сбора урожая и его хранения. Эти технологии часто находятся за пределами возможностей одной семьи; они требуют сотрудничества домохозяйств в об-

щине и в какой-то момент попадают под контроль какого-либо владельца.

Четвертая проблема — истощение местных ресурсов, вызванное ростом населения. Оно может увеличить потребность в товарах, которые не производятся в этой местности, но которые можно получить в обмен на местные товары. Торговля способна выровнять сезонный или годовой дефицит продукции; можно увеличить производство пищи, применяя орудия (например, топоры), которые стали доступными в местах, изначально плохо обеспеченных сырьевыми материалами для их производства. При торговле специализированными товарами везде увеличивается результативность, с которой при ограниченных ресурсах можно обеспечить население, и, таким образом, увеличивается способность поддерживать большее количество населения на той же самой ресурсной базе, что, по сути, и является интенсификацией. Но торговля, особенно при перевозке товара на дальние расстояния, требует знающего свое дело главного торговца, способного принимать решения, обязательные для компании. И это тоже возможность для контроля.

Тогда риску производства противостоят договоры по управлению рисками; конкуренция за ресурсы ведет к образованию союзов по защите ресурсов; их неэффективное использование выправляют вложения групп в крупномасштабные технологии, и дефицит ресурсов покрывается торговлей. Эти ответы на интенсификацию только частично и в ограниченном виде открыты для отдельных семей. Требуются более крупные групповые объединения с предводителями во главе, и таковые создаются. Проблемы интенсификации решаются, но на ресурсы неизбежно осуществляется демографическое давление. Технологические ответы непрерывно заявляют о себе, и процесс повторяется по спирали — до появления национального государства.

Эволюционная типология

Эволюционисты XIX века склонялись к классификации эволюционных стадий в терминах развития технологии: «каменный век», «бронзовый век», «железный век»⁵³. По мере увеличения знаний об усложнении экономических систем эти технологические ярлыки уступили место таким более общим терминам,

53. Здесь опять следует отменить значительное преувеличение. В действительности такую узкотехнологическую типологию стадий развития человечества мы находим только у Лёббока. Интересно, что он тоже археолог, как и один из авторов

ВВЕДЕНИЕ

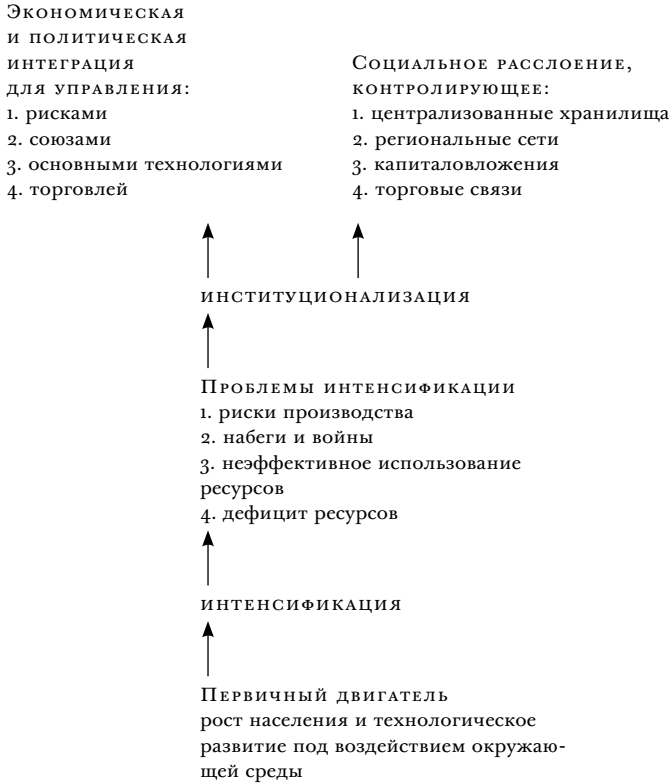

РИС. 3. Модель эволюции человеческих обществ

как «охотники и собиратели», «садоводы» и «пастухи», которые описывают широкие экономические системы, а не только технологические признаки⁵⁴. Но антропологи больше не довольствуются типологией, сваливающей в одну кучу такие отстоящие друг от друга группы, как кунг и индейцы Северо-Западного побережья («охотники и собиратели»), мачигенга и мэй энга («садоводы»), туркана и басери («пастухи»).

этой книги (Эрл). Да и сами авторы в разделе введения «Прогресс» также противоречат этому утверждению (см. выше о Моргане, Мэне и др.).

54. Действительно, в западной антропологии под «садоводами» (*horticulturalists*) понимаются те, кто технологически занимается разведением и садов, и огородов, а под «охотниками и собирателями» (*hunter-gatherers*) — также рыболовы, причем в каждом случае имеются в виду не столько технологии, сколько особые экономические уклады.

Вслед за Сервисом (Service 1962) и Фридом (Fried 1967) мы избрали более общие обозначения, основанные на социальной и политической организации экономики. В качестве ориентиров для дискуссии в этой книге мы выделили три главных уровня социоэкономической интеграции: а) группа на уровне семьи, включающая семью-стойбище и семью-село⁵⁵; б) локальная группа — как ацефальная⁵⁶, так и с бигменами во главе; в) региональная полития, включающая вожество и государство.

Группа на уровне семьи. Семейная или домашняя группа⁵⁷ является первичной жизнеобеспечивающей группой. Она обладает способностью к значительной самодостаточности, но в те моменты, когда возникают проблемы или появляются возможности, входит в расширенные семейные стойбища или села или же покидает их.

Семья-стойбище характерна для добывающих обществ с низкой плотностью населения (менее одного человека на 10 квадратных миль). Группы из 25–50 человек, проживающие в одном стойбище, обычно формируются, когда ресурсы в высшей степени локализованы или для управления рисками, либо когда для особой деятельности по жизнеобеспечению требуется группа большая, чем отдельная семья. Затем группа может распасться на небольшие сегменты, образуемые отдельными семьями (от пяти до восьми человек), независимо эксплуатирующими редкие и рассредоточенные ресурсы. Эти общества характеризуются простым разделением труда по половому признаку. Надсемейное лидерство эфемерно и обусловлено контекстом, так как имеет отношение к экстренным организационным требованиям, таким как, например, охотничья экспедиция, требующая участия большого количества семей. Если отдельное убийство обыденно, то организованная агрессия (войны) — нет. Церемониализм⁵⁸ присутствует только по случаю и развит слабо. Характерными признаками является то, что у стойбища имеется жилое пространство, но у него нет претензий на ограничение

55. В англ. варианте *family/camp* и *family/hamlet*. Разница между обоими типами, очевидно, в степени оседлости.

56. В англ. *acephalous local group* — букв. безголовая локальная группа. Здесь и далее авторы вслед за представителями британской функционалистской антропологии употребляют это выражение как термин.

57. В оригинале *hearth group* — букв. группа очага.

58. В англ. *ceremonialism*. Несколько необычный термин для отечественной науки, где чаще употребляется *обрядность* как в широком родовом смысле, в качестве системы ритуальных действий и связанных с ними верований вообще (собственно англ. *ceremonialism*), так и в узком, в качестве ритуальной практики в какой-либо из культурных традиций (англ. *rites, rituals*).

доступа на эту территорию либо оно не очень усиленно защищает ее от чужаков.

Семья-село характерна для обществ с несколько более высокой плотностью населения (от одного до двух человек на 10 квадратных миль), в которых семьи объединяются в поселенческие группы или села (от 20 до 35 человек) на более постоянной основе. Экономика жизнеобеспечения продолжает опираться в большой степени на пищу, полученную в результате добычи диких животных и растений, иногда вкупе с зачатками садоводства и пастушества. Хранилища более распространены. На протяжении года, чтобы эксплуатировать специфические ресурсы, индивиды или семьи перемещаются; селение из года в год образуется заново, а его части, такие как домохозяйства, меняют местоположение, минимизируя затраты на добывание ресурсов.

Село не образует четко отграниченной политической группы, и лидерство продолжает обуславливаться контекстом и остается минимальным. Церемониализм малоразвит. Как и в случае с семей-стойбищем, территория села состоит из незащищенных жилых пространств, а войны не являются чем-то обычным.

Локальная группа. Локальные группы, состоящие из множества семей, в пять–десять раз превышают размер групп, находящихся на уровне семьи, и образующим стержнем для них является некий общий интерес, например защита или хранилище для пищи. Обычно они подразделяются в соответствии с линиями родства на корпоративные линиджи или кланы. До некоторой степени зависимые от общих интересов, эти группы представляют собой как ацефальные единицы в размере одной деревни, так и интегрированные региональной сетью обмена большие группы, которые возглавляются бигменами.

Ацефальная группа обычно обнаруживается в обществах с плотностью населения выше, чем один человек на квадратную милю. Ее экономика жизнеобеспечения в основном сфокусирована на одомашненных видах, хотя в некоторых случаях преобладают ресурсы, полученные из дикой природы, особенно морские. Часто встречающейся моделью расселения является деревня, возможно, из ста–двухсот человек, подразделяющаяся на сегменты в размере селения на основе кланов или линиджей (то есть от 25 до 35 человек). Локальная группа образует политическую группу, объединенную ритуально, и может иметь главу; но обычно в результате внутренних разногласий она распадается либо временно, либо с определенной периодичностью на родственные группировки, которые ее в совокупности и составляют. Из-за войн, внутренне присущих этому сообществу, для его

безопасности чрезвычайно важны разного рода межобщинные связи, но подобные отношения заключаются, по сути, на личной основе, то есть на уровне отдельных семей. Церемониализм важен для групп, определяющихся публично, и для взаимоотношений между ними. Ресурсами владеют исключительно родственные группы, но защита территории является общим делом.

Бигмен и межгрупповая форма коллективности, которой он управляет, обнаруживаются в областях с варьирующейся, но все-таки более высокой плотностью населения, в которых войны между территориальными группами традиционно интенсивны. Жизнеобеспечение сфокусировано в значительной степени на земледелии, пастушестве или наиболее производительных природных ресурсах. Локальная община, состоящая, возможно, из трехсот–пятистот человек, является территориальным подразделением, обычно включающим сегменты в виде многочисленных кланов или линиджей, которые либо проживают вместе в одной деревне, либо рассеяны по четко очерченной территории этой группы. Локальную группу представляет бигмен — сильный харизматический лидер, который необходим, чтобы сохранять сплоченность внутри группы и заключать межгрупповые союзы. Бигмен также важен при управлении рисками, торговле и урегулировании внутренних споров, он представляет свою группу на главных церемониях, координирующих и формализующих межгрупповые отношения. Однако его сила зависит от личной предприимчивости; если сторонники покинут его ради его же соперника, мало что может остаться от репутации, которую он создавал себе и своей локальной группе, как и от тех союзов, которые он заключал.

Региональная политика. Региональные организации возникают из прежде разобщенных локальных групп при условиях, которые мы еще рассмотрим. В зависимости от масштабов объединения это либо вождства, либо государства.

Вождства развиваются в обществах, которым внутренне присущи межгрупповые войны, но они направлены больше на покорение и включение, чем на изгнание побежденных групп с их земель. Экономика жизнеобеспечения подобна той, которая наблюдается в сообществах бигменов, и требует сходного управления. Однако экономические стратегии, особенно ирригационное земледелие и внешняя торговля, обеспечивают возможности элите для инвестирования и контроля, которые используются, чтобы извлекать излишки производства из экономики жизнеобеспечения для финансирования различных операций вождства. По мере того как продолжается региональная интеграция политики, у лидерства на локальном и региональном уровнях по-

являются четко определенные должности, и их занимают члены наследственной элиты.

В постоянной погоне за новыми источниками дохода вожди ищут возможность с помощью завоеваний расширить свой контроль над территорией. Здесь обнаруживается типичная циклическая модель, поскольку локальные общины и тысячи людей объединяются под контролем эффективного вождя, но после его смерти снова распадаются на составляющие. Жесткая конкуренция идет и внутри вожества за политические посты, и между вожествами за контроль над приносящими доход ресурсами. Церемонии легитимизируют и лидерство, и контроль со стороны правящей элиты.

Развитие государств и империй влечет за собой расширение политического господства на все большие территории, как правило, с помощью их завоевания. Государства, образованные с помощью завоеваний, способны объединять обширные, исчисляющиеся часто миллионами, популяции, которые различаются этнически и экономически. Как и в вожествах, элиты внимательно управляют экономикой, чтобы максимально получать излишки производства, которые можно перевести в силу власти и достичь политического успеха. Как правило, обладание элитой ресурсами и технологиями формализуется в системе узаконенной собственности. Чтобы управлять все усложняющимися функциями государства, на национальном и региональном уровне развиваются институты армии, бюрократии и правоохранительной системы. Церемонии отмечают в годовом экономическом цикле значимые фазы и легитимизируют неравный для всех доступ к ресурсам.

Из количества в качество: появление новых социальных форм. До сих пор мы делали акцент на постепенном количественном изменении, но в следующих главах мы рассмотрим сложную проблему качественных изменений при создании новых социальных институтов. Критические изменения в эволюции социального усложнения происходят тогда, когда становится необходимым интегрировать единицы, бывшие прежде автономными или самостоятельными (см. Steward 1955). Как доказывал Сервис (Service 1962), большие социополитические единицы не могут сформироваться, пока не появятся новые интеграционные механизмы, способные воспрепятствовать их сегментации на более мелкие составляющие.

Механически это выглядит так, что новые объединяющие институты, как деревня или вожество, образуются через «повышение» (Flannery 1972): из числа первоначально автономных еди-

ниц одна становится господствующей и подчиняет себе другие. К примеру, в Полинезии⁵⁹ один только линидж (локальный) может расширяться с помощью завоеваний и сформировать вожжество (региональное). На первых порах вожжество, управляемое прежде локальным линиджем, организовывается на принципах родства, но его новые функции как регионального общества неминуемо ведут к изменениям в самом этом способе организации. Формы и институты, основанные на родстве, постепенно уступают место дотолем неизвестным бюрократическим институтам, предназначенным для решения проблем общества, объединенного в гораздо более значительной степени.

В прошлом антропологи недостаточно подчеркивали динамическую природу эволюционных изменений, возможно потому, что удобство «стадиальной» типологии заставляло их задавать простые вопросы о происхождении, например, такие как: что стало причиной эволюции вожеств? Как покажет эта книга, вожества не появились внезапно, и их нельзя рассматривать как прямое следствие какого-то одного условия. Любая подобная сложная социальная форма развивается постепенно, отвечая на количественные изменения переменных — интенсификацию, интеграцию и расслоение. Новый уровень интеграции может не представлять собой значительного качественного изменения, если интеграция не сопровождается изменениями других переменных; и она может быть настолько слабой, что тут же обернется фрагментацией, подобно империи Хэйан в средневековой Японии (раздел 12). С нашей точки зрения, важнее понять, как достигается новый уровень интеграции и как он становится стабильным, нежели отвечать на простой вопрос о происхождении; это и будет нашей задачей в настоящей книге.

План книги

Книга разделена на три части, которые соотносятся с тремя предложенными нами главными уровнями в социокультурной интеграции: «Семейная группа», «Локальная группа» и «Ре-

59. Полинезия — группа островов в центре Тихого океана, внутри так называемого Полинезийского треугольника, который образуют Гавайи на севере, Новая Зеландия на западе и остров Пасхи на востоке. Коренное население их, в отличие, например, от меланезийцев, состоит из относительно крупных народов, связанных общностью происхождения и языковым родством (гавайцы, тонганцы, самоанцы, маори и др.). В настоящее время там расположены такие государства и территории, как Западное Самоа, Новая Зеландия, Тонга, Тувалу, Французская Полинезия и пр. О гавайцах см. раздел 11 этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

ТАБЛИЦА 1. Случаи, рассматриваемые в данной книге

Социоэкономический уровень	Раздел	Случай	Область
СЕМЕЙНАЯ ГРУППА			
Не знакома с доместикацией	3	1. Шошоны, Большой Бассейн	Северная Америка
		2. Кунг, пустыня Калахари	Африка
Знакома с ней	4	3. Мачигенга, Перуанская Амазония	Южная Америка
		4. Нганасаны, Северная Сибирь	Азия
ЛОКАЛЬНАЯ ГРУППА			
Ацефальная локальная группа	6	5. Яномамо, Венесуэльское нагорье	Южная Америка
	7	6. Эскимосы, Северный склон Аляски	Северная Америка
		7. Тсембага маринг, Центральная Новая Гвинея	Австралия
		8. Туркана, Кения	Африка
Группа с бигменом во главе	8	9. Индейцы Северо-Западного побережья	Северная Америка
		10. Центральные энга, горные районы Новой Гвинеи	Австралия
		11. Киргизы, Северо-Восточный Афганистан	Азия
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЯ			
Вождество	10	12. Тробрианские островитяне	Океания
	11	13. Гавайские островитяне	Океания
		14. Басери, Иран	Азия
Раннее государство	12	15. Средневековая Франция и Япония	Европа/Азия
		16. Инкская империя	Южная Америка
Нация-государство (крестьянская экономика)	13	17. Издольщики Буа-Вентура, Северо-Восточная Бразилия	Южная Америка
		18. Крестьяне Дайдоу, Северо-Восточный Китай	Азия
		19. Крестьяне Кали-Лоро, Центральная Ява	Азия

гиональная полития». В таблице 1 приводятся этнографические случаи, вокруг которых будет протекать дискуссия, и те уровни интеграции, которым они соответствуют. Только при тщательном исследовании этих случаев, вкупе с имеющимися археологическими свидетельствами о доисторических временах, мы, возможно, начнем понимать эволюцию политической экономики. И только так можно будет добиться плодотворного сочетания однолинейной теории универсальных стадий с многолинейной теорией альтернативных линий развития, проистекающих из уникальных условий окружающей среды и истории.

Часть I
Группа на уровне семьи

2. Семейный уровень

ОРГАНИЗАЦИЯ на уровне семьи есть элементарная форма человеческого общества, характеризующаяся наличием групп с численностью около 25 членов с совместным проживанием в виде стойбища или села, состоящих, как правило, из пяти нуклеарных или минимально расширенных семей¹. Ключевыми являются биокультурные отношения — родители-дети, муж-жена и сиблинги². Стойбище добытчиков похоже на разросшуюся семью, включающую взрослых родных братьев и сестер, их супругов и детей. Отдельные индивиды могут перемещаться из стойбища в стойбище, присоединяясь к малым группам, в которых у них есть близкие родственники.

Биологическая семья из родителей и детей организует многие основные виды деятельности, дополняющие друг друга: совместный прием пищи, сотрудничество и распределение. Мужчины помогают друг другу, часто проводят время отдельно, занимаясь мужскими видами деятельности. У женщин тоже принято собираться вместе и оказывать друг другу помощь. Дети играют, работают, дружат и соперничают. Отношения являются личными и близкими. Каждая семья поддерживает широкую сеть отношений, связывающих мелкие стойбища или села региона, которым присущи незначительные перемещения и гибкие объединения внутри и между поселениями.

1. В современной антропологии различаются следующие типы семьи: нуклеарная (англ. *nuclear* — ядерная; состоит из пары родителей и их детей), сложная (патриархальная), соединенная (несколько братьев с семьями), расширенная (*extended*; по сути то же, что и патронимия). Известна ранняя попытка реконструировать эволюцию семьи, предпринятая Л. Морганом (на основе системы родства): кровнородственная (изобретена автором) > пуналуальная (изобретена автором) > синдиасмическая (парная) > патриархальная (полигамная) > моногамная (то же, что и нуклеарная). Несмотря на то, что эта схема удержалась в отечественной науке до 1960-х годов, уже первыми критиками Морган она была признана несостоятельной.

2. Англ. *siblings* — полнородные братья-сестры — уже превратилось в интернациональный антропологический термин.

Антропологи нехотя признавали уровень семьи в качестве отдельного типа человеческого общества. Мы считаем очевидным, что семьи, домохозяйства и родственные группы являются базисными экономическими единицами, хотя и полагаем, что даже в нестратифицированных обществах семьи подчинены более крупным социальным институтам. В прошлом, изображая примитивное, антропологи склонны были фокусировать внимание на обществах с более развитыми социальными структурами, такими как родственные группы, образующие корпорации, политические системы, различающие ранги, и церемониальные объединения. Это слишком часто становилось причиной того, что общества, находящиеся на уровне семьи, описывались через то, чего у них недостает, будто бы они потерпели досадную неудачу в стремлении к приемлемым размерам и институциональной сложности (например, Evans-Pritchard 1940: 262; Holmberg 1969: 124–160). Даже Стюард (Steward 1955: 120), чье исследование шошонов (случай 1) лучше всего проясняет понимание общества, находящегося на уровне семьи, считал их «типологически уникальными» и отрицал их теоретическую важность для доистории. Сервис же (1962: 64–66) вовсе отрицал существование особого уровня семьи, за исключением ряда современных примеров, возникших вследствие изоляции, нарушения контактов и разрывов социальных связей.

И все же стюардовский анализ шошонов, находящихся на уровне семьи, сохраняет значение для многих добывающих обществ (часть которых знакома с domestikацией), как для существующих сегодня, так и тех, которые известны только по находкам. Стюард был прав, когда выделял в качестве модели разбросанные популяции, занимающиеся поиском ресурсов, варьирующих в зависимости от местности и состоящих из съедобных диких растений и некоторых животных. Он был прав и в том, что в таких условиях семья, под которой он подразумевал нуклеарную семью, усиленную несколькими близкими родственниками, большей частью может быть самодостаточной и не подчиняться стабильной многосемейной группе (Steward 1955: 102).

Важная характерная черта обществ, находящихся на уровне семьи, — это их свобода от формальных институтов, стоящих над семьями. Вместо того чтобы принимать это за порок, мы должны считать гибкие правила, действующие на уровне семьи, естественным адаптивным последствием специфической динамики добытчиков, живущих в районах с низкой плотностью населения. Экономика на уровне семьи зависит от способности получать и использовать возможные в данный момент ресурсы. Доступ к изобилию земли, поддерживающему жизнь, лишь

незначительно ограничен, а труд и технологии для получения этого изобилия имеются у всех семей. Выражаясь экономическими терминами, первичные факторы производства, то есть земля, труд и капитал, находятся во владении семьи. Как покажут следующие главы, только после разрушения доступа к средствам производства, самостоятельного для каждой семьи, происходит образование более широких институтов.

Однако следует удостовериться, что мы не преувеличиваем неструктурированный характер уровня семьи. Как и всякое вполне культурное человеческое сообщество, общества на уровне семьи изобилуют структурами, которые регулируют доступ к ресурсам, модели производства, распределение пищи и экономические отношения за пределами семьи. Типичными являются правила, управляющие половым разделением труда и межличностным распределением. Они, как, например, общее согласие по поводу того, какими сферами деятельности занимаются женщины, а какими — мужчины и какую поддержку надлежит оказывать родственникам и друзьям, не являются в полной мере формальными принципами. Нарушение есть не преступление, а лишь повод для смущения; а нарушителя, скорее всего, не накажут физически, а задразнят и высмеют. Но структурная основа этих правил так глубока и продолжительна во времени, что мужчины и женщины редко выполняют одни и те же задачи: даже движимые таким общим устремлением, как собирание пищи, они склонны разделять виды деятельности на мужские и женские и не смешивать их. И когда животное убито, ожидается, что за этим последует установленный вариант распределения мяса. Социальная организация экономики, какой бы гибкой и индивидуалистичной она ни была, мощно и всепроникающе ограничивает поведение через культурное осмысление того, что считается проявлением вежливости, приличия или отваги.

Следуя перечню содержимого ядра культуры из восьми переменных (см. Введение), мы кратко опишем основные характеристики обществ, находящихся на уровне семьи.

1. Окружающая среда, со времен модерна, несущественна для развития интенсивных жизнеобеспечивающих стратегий. Ресурсы характеризуются рассредоточенностью, малопродуктивностью и частыми изменениями. В доисторический период, а в некоторых ситуациях вплоть до этнографического настоящего, добытчики существовали в более богатой окружающей среде. До тех пор, пока плотность населения оставалась достаточно низкой, а экономика фокусировалась на растениях, общество на уровне семьи, вероятно, сохраня-

лось; когда же плотность возросла, стали необходимы и более сложные институты.

2. Плотность населения низкая, обычно намного ниже одного человека на квадратную милю. Случаи низкой плотности населения могут включать и недавние поселения с низкой рождаемостью из-за особенностей деятельности, направленной на жизнеобеспечение, или же, что менее обычно, высокой смертности от болезней.
3. Технологию составляют личные орудия труда, такие как повсеместно распространенные палка-копалка и лук со стрелами, которые используются индивидуально для добывания и получения пищи и сырых продуктов. В общем и целом технология для собирательства и садоводства менее сложна, чем для охоты, и, таким образом, ее легче иметь и использовать в ситуации внутри семьи (Oswalt 1976).
4. Социальная организация производства семейная и неформальная. Билатеральное³ гибкое родство позволяет малым группам образовываться и распадаться. Половое разделение труда организует производство внутри семей, а реципрокация между семьями помогает решать каждодневные непредсказуемые проблемы, в особенности связанные с охотой. В случае преобладания растительной пищи отдельные семьи могут стать более самодостаточными. Внутри стоянок и сел между индивидами одного пола и близкого возраста, собирающимися вместе, чтобы скооперироваться и для компании, складывается дружба.
5. Война и территориальность фактически не существуют. Первичный механизм ограничений социален; чтобы пользоваться ресурсами, человеку нужно быть вовлеченным в общие сети⁴ с членами местного стойбища с помощью родственных или иных уз. Скудность ресурсов и непредсказуемость того, насколько они помогут, приводят к перемещению семей в более плодородные районы, когда им это нужно. Личная враждебность, особенно среди мужчин, когда агрессия распространяется на женщин и иные объекты спора, может импульсивно выражаться в убийствах, но она не одобряется из-за необходимости всесторонне поддерживать сеть отношений. Поскольку от количества населения прямо зависят сами основы дома, межгрупповые столкновения по причине

3. Англ. *bilateral* (лат. *bi-* — дву-, *lateralis* — боковой) — счет родства одновременно с мужской и женской стороны.

4. Англ. *be networked* — быть (работающим) в сети, характерный академический неологизм, опирающийся на теорию социальных сетей.

- ограниченности в доступе не приняты. Защищать территорию трудно, если вообще возможно.
6. Политическая интеграция минимальна и не является институциональной. Как максимум, существует некая групповая культурная идентичность, но отношения между семьями заполняют гибкие объединения — сближение и удаление тогда, когда это возможно и необходимо.
 7. Отсутствует расслоение в любом смысле этого слова. Владеть большими богатствами или ресурсами — значит больше делиться с другими. Лидерство встречается в ситуациях, когда необходимо давать распоряжения, но затем исчезает, как это происходит с «кроличьими боссами» у шошонов. Хотя различия в навыках широко известны и признаваемы, они не даруют власть над другими, даже если и могут повлечь за собой некоторые преимущества при добывании пищи или партнеров.
 8. Священное в значительной степени ограничено шаманскими практиками, нацеленными на здоровье и благосостояние семьи: исцеляющими ритуалами, охотничьей магией и тому подобным. Шаманы могут приобретать некоторую ауру власти локального значения, которую другие рассматривают амбивалентно — и как благотворную, и как угрожающую, и, соответственно, репутация шаманов то возрастает, то падает. Они не склонны руководить разработанными общинными ритуалами. Случающиеся время от времени церемонии, которые сопровождают удачи в поиске ресурсов, не являются выраженными ритуальными или священными событиями.

В обществе, находящемся на уровне семьи, основные мотивы — прагматические. Люди добывают пищу, перемещаются, образуют группы и проводят церемонии в соответствии с тем, как они воспринимают выгоды и нужды. Особенно поразительно, и это показывают наши случаи, как прагматически домохозяйства делят работу на мужскую и женскую. Мужчины почти всегда охотятся, строят и переносят тяжести. Женщины собирают дикие съедобные растения, готовят пищу для употребления и хранения, изготавливают одежду и растят детей. Это распределение задач способствует сильной взаимозависимости между мужьями и женами: каждый в одиночку неполноценен, и нужда в другом так сильна и витальна, что гендерные отношения⁵ тяготе-

5. Англ. *gender relations*. Происходит от *gender* — род — социальный пол, в отличие от биологического, который в английском языке обозначается словом *sex*. Термин искусственного происхождения, который призван подчеркнуть, что важны

ют к равноправию, основанному на уважении того, что каждый привносит в партнерские отношения.

Первым и главнейшим предметом обсуждения на уровне семьи является необходимость минимизировать риск, что находит свое отражение в эклектичной диете, расширенной сети родственных и дружеских связей и соединении и рассредоточении стоянок и сел тогда, когда это возможно и необходимо. Описанное составляет основную модель экономики и социальной организации добытчиков с наиболее низкой плотностью населения, которые полагаются на собирательство и часто на охоту. Но оно действительно и для групп, использующих одомашненные растения и животных. Объединение людей, практикующих одомашнивание, само по себе не является результатом оседания и доместикации: садоводы могут жить самостоятельно малыми семейными группами; присмотр за стадами одомашненных животных требует мобильности в нужное время и в нужном месте, и даже в более сложных обществах, которые будут рассмотрены ниже в этой книге, пастухи яростно сопротивляются контролю и, когда это возможно, возвращаются к малым семейным группам.

В поисках неодомашненных людей

На протяжении долгого времени антропологи занимаются поиском первобытного человека, чтобы познать глубину нашей истории и задокументировать во времени и пространстве наши достижения. Культурная революция, произошедшая более 40 тысяч лет назад, стала первым основополагающим изменением в человеческой истории. В результате естественного отбора эволюция человека привела к появлению способности к культуре, создавая технологии, языки, понимание и упорядоченные межличностные отношения. Несмотря на то что многие животные способны изготавливать орудия труда (от паутинок и птичьих гнезд до палочек для добывания термитов у шимпанзе), способность человека создавать новые технологии, так же как и его способности к восприятию, принятию решений и общению, значительно отличаются от способностей других представителей животного мира.

Однако у нас мало прямых археологических свидетельств о появлении этих первых человеческих обществ, и мы не распо-

не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то значение, которое придает общество этим различиям.

лагаем данными о прошлом обществ, изучаемых этнографами сегодня. Эти ныне существующие в современном мире общества обладают столь же глубокой культурной историей, как и наша собственная. Но хотя сейчас невозможно открыть в каком-нибудь темном лесу, на отдаленном острове или в бесплодной пустыне живущие в изоляции первобытные общества прошлого, мы можем принять универалистское предположение, которое, вкупе с доступными археологическими свидетельствами, позволяет понять прошлое, а именно то, что процессы, происходящие в настоящем, применимы также и к прошлому в той мере, в какой условия жизни в прошлом совпадают с настоящими.

К примеру, геологи знают, что плейстоцен — это доисторическая эпоха, но схожие условия образования и движения ледников существуют и поныне, и это может быть использовано при моделировании отдельных характеристик ледникового периода. Многие аспекты современного мира, такие как индустриальная технология и международная торговля, определенно являются новыми, но там, где эти черты присутствуют ограниченно, а условия окружающей среды, технология и экономика не сильно отличаются от тех, что имели место в прошлом, можно ожидать появления проблем и путей их решения, схожих с имевшими место в прошлом.

Физиология современных людей завершила эволюцию из соответствующих форм ранних гоминид по меньшей мере 100 тысяч лет назад; и можно предположить, что и характеристики человеческого поведения сформировались в основном тогда же. Археологические свидетельства подтверждают, что 40 тысяч лет назад физиологические параметры человека не отличались от сегодняшних. Способности к познанию (способность к речи, символизму и абстрактному мышлению) присутствуют во всех популяциях людей, пусть и разделенных десятками тысяч лет. Эти способности, сами по себе являющиеся продуктом длительной эволюционной истории, составляют человеческую природу, присущую и современным, и древним людям. Культуры людей могут быть различными, но основы их мыслей и эмоций — всегда те же, что у нас. Поиск первобытного человека — это путешествие в глубь самих себя, это поиск человеческой природы.

Чтобы понять результаты человеческой деятельности, мы можем проследить за контекстом, в котором мы эволюционировали, — от примерно сотни тысяч лет тому назад, когда люди существовали как добытчики, до одомашнивания растений, животных и самого человека. У добытчиков имеется глубокое знание о своем мире и эффективные, достаточно сложные технологии. В недавнем обзоре по этнографии добывающих обществ

Келли (Kelly 1995) сделал акцент на их изменчивости. Не существует единого добывающего способа производства, единой организации добытчиков, единой добывающей технологии. Но вариации не могут быть случайными или меняющимися бесконечно. Люди прагматичны, им присуща определенная рациональность, позволяющая выживать и процветать в совершенно различных условиях. Именно этот прагматизм, вкупе с сознанием и творчеством, позволил людям в крайне различающихся формах окружающей среды распознавать возможности для культурного развития, чтобы жить в существующих условиях и колонизировать мир.

«Одомашненные» люди, речь о которых пойдет позже, — привязанные к узко очерченным местам, стесненные ограничениями доступа к партнерам и ресурсам, подчиняющиеся доминированию, поддерживаемому с помощью силы, — контрастируют с организованными на уровне семьи добытчиками. Последние отличаются не отсутствием способностей к развитию, а тем, что предпочитают жить вне институционального усложнения: нет больших деревень, нет иерархии власти. Наиболее вероятно, что именно в таких условиях люди просуществовали большую часть доистории и что именно на этих условиях основывалось все, что пришло позже, — возможности, надежды и проблемы человеческой цивилизации. Мы ищем первобытного или, лучше сказать, настоящего человека на уровне семьи и видим, что динамика того мира, теперь большей частью утерянного, является первоосновой для всех более поздних человеческих достижений.

Теоретизация общества на уровне семьи

Биологические усилия в стремлении выжить и оставить потомство определили место человечества в царстве животных. Общество, находящееся на уровне семьи, заставляет нас признать это родство, в особенности с крупными человекообразными обезьянами. Возможно, это одна из причин, по которой некоторые антропологи пренебрегали теоретической важностью данного уровня социокультурной интеграции. Начиная с раннего палеолита, люди создавали орудия труда способами формализованными и повторяющимися, что подтверждает наличие ранних способностей к культуре и — стратегически — способности к созданию частично искусственного мира. Постепенно к этому добавились способности к саморефлексии и творчеству, которые тоже возникли по меньшей мере десятки тысяч лет назад. Все люди, как настаивал Боас, равны в своей способности к культуре,

хотя бы в том смысле, что интеллект и творчество распределяются в любом сообществе людей приблизительно в равных пропорциях. Почти наверняка на ранних стадиях эволюции культуры из эволюционировавших способностей доверять, делиться и взаимно обмениваться появился набор необычайно сильных и производительных культурных практик, образующих основу социальных отношений на уровне семьи.

Реципрокация

Человеческая способность выстраивать социальные отношения посредством обмена даже на уровне семьи примечательна и уникальна в сравнении с той же способностью у крупных человекообразных обезьян и других животных. У людей сама нуклеарная семья зависит от беспрецедентной готовности отца поделить себя пищей с его партнершей и потомством, а это, в свою очередь, становится возможным благодаря тому, что мать принимает культурные правила, требующие от нее быть сексуально верной своему мужу. Этот простой, но важный взаимный обмен улучшает снабжение пищей матери и потомства в обмен на относительно исключительные репродуктивные права отца на свою партнершу и является у людей, за редким исключением, универсальным.

Готовность мужчины обеспечивать свою жену и ее потомство, что ему обходится недешево, зависит от его уверенности, что именно он — отец ее детей. Как ни элементарно такое доверие, очевидно, что наши ближайшие родственники приматы на него не способны; и в действительности это не столь уж легкое достижение и для людей. И все же даже на уровне семьи социальная жизнь людей основана на отношениях доверия, выходящих за пределы нуклеарной семьи и связывающих сравнительно большое число индивидов с помощью взаимного обмена и символических подкреплений.

Мосс в «Эссе о даре»⁶ (Mauss 1967 [1925]; Мосс 1996) показал, как люди используют чрезвычайно структурированный набор понятий о реципрокации, чтобы выстроить доверие, которое между родственниками и друзьями поддерживает надежные отношения в духе «ты мне, я тебе». Хотя Мосс и считал, что его

6. Марсель Мосс (1872–1950) — социолог, классик французской и мировой науки; учился философии в Бордо, где преподавал его дядя Э. Дюркгейм, и сравнительному религиоведению и санскриту в Париже; работал в École Pratique des Hautes Études, а затем в Collège de France. Известность ему принесла цитируемая здесь работа «Essai sur le Don» (франц.), в англ. версии просто «Gift» («Дар»). Считается, что она явилась предтечей структурализма.

анализ применим в основном к обмену дарами между социальными группами, фактически он точно описал, как в обществах на уровне семьи длительные связи строятся также и индивидами — через тотальные поставки⁷, дары, которые, хотя и могут подноситься без каких бы то ни было условий, на самом деле несут в себе скрытые обязательства.

Три главных обязательства связаны с тотальными поставками — возмещать, принимать и давать. Наиболее очевидно и знакомо первое из них: дар порождает обязательство возвращать. Слова «благодарю тебя» уже представляют собой попытку отплатить за дар, но общепринятым правилом взаимного обмена дарами является ответное дарение чего-то равноценного. Если же правило нарушается, нарастает вероятность возникновения обиды (за исключением воспитательных отношений типа родитель-ребенок), и отсутствие реципрокации может нанести удар по отношениям. И хотя глубокие отношения не обязательно основываются на «рыночном бартере», тем не менее любому, кто их ценит, нужно со временем позаботиться о взаимном обмене подарками, чтобы не поставить эти отношения под угрозу (Hofmann 1958).

Более важным вкладом Мосса было то, что он показал, как обязательства, диктуемые даром, идут дальше простого возмещения. Второе обязательство при доверительных отношениях — принимать дар, когда он предлагается. Поскольку принять дар означает признать обязательства отплатить за него, то, принимая его, мы в действительности признаем отношения с дарителем. Мы можем немедленно отплатить за дар и таким образом попытаться пресечь отношения в зародыше, но если мы их ценим, то сначала просто примем дар, который предлагается, и побеспокоимся об отдаривании в подходящее время. Отказаться принять дар или отдариться немедленно — оскорбление для дарителя, отклонение жеста доверия, которое дар олицетворяет.

Последнее обязательство в отношениях реципрокации — давать. Оно может быть таким же простым, как обязательство быть щедрым, когда ты владеешь ресурсами; именно поэтому

7. Здесь А. Джонсон и Т. Эрл употребляют слово *prestations*, во франц. оригинале — *prestations totales*, что у нас, начиная с С.А. Токарева, переводится как «тотальная поставка». Термин требует пояснения. Мосс понимает его в том смысле, что дар включает в себя не только сам предмет, которым одаривают, но и нечто от духовных механизмов, вызывающих к чести дающего и принимающего. Само выражение (или в другом варианте *fait social total* — тотальный социальный факт) было изречено одним из студентов Мосса, Линхардтом, который таким образом переименовал «социальный факт» Э. Дюркгейма.

в случае удачной охоты у охотника объявляется так много друзей и родственников. Или же оно может быть очень структурированным в культурном отношении, как, например, обязательства устраивать пиры или приносить ритуальные дары. Как и в случае с обязательствами возмещать и принимать, отказ давать, когда это надлежит делать, — это отклонение отношений и удар по ним. Сильные отношения, основанные на множестве даров отданных, принятых и возмещенных, способны пережить несколько таких ударов. Но каждый отказ отзывается рябью неудовольствия, и, как правило, люди заботятся о возмещении ущерба, если только не считают, что отношения, поставленные под угрозу, больше не стоят усилий.

На разных уровнях сложного общества реципрокация может быть структурирована по-разному. Создавая свою субстантивную экономию, Поланьи (Polanyi 1957) описывал реципрокацию как форму экономических отношений, особенно характерную для эгалитарных обществ. Будучи равными, люди обмениваются товарами и услугами с близкими друзьями и родственниками, как это было описано Моссом. Сколь бы экономическими содержанием и функциями ни характеризовались такие обмены, они остаются общественными, потому что в нерыночных обществах экономика является общественной в своей основе. Индивиды рождаются внутри семей и уже существующих сетей отношений, но по мере взросления начинают создавать и поддерживать свои собственные социальные миры через реципрокацию; они выбирают, кому доверять, голосуя своими дарами. Как уже обсуждалось во введении, у Поланьи природа обмена предопределена социальной организацией экономики. В последующих главах, посвященных более сложным социальным порядкам, мы столкнемся с моделями обмена, которые он назвал редистрибуцией и собственно обменом.

Вслед за Поланьи Салинз⁸ (Sahlins 1972; Салинз 1999) проанализировал саму реципрокацию как сложное поведение, структу-

8. Маршалл Дэвид Салинз (род. в 1930) — американский антрополог; окончил вместе с Л. Уайтом Мичиганский университет, затем докторантуру Колумбийского университета в Нью-Йорке (1954), где находился под сильным влиянием К. Поланьи и Дж. Стюарда; полевые исследования вел на островах Фиджи и Гавайях; работает в Мичиганском и Чикагском университетах. В ранних своих работах критиковал идею «экономически рационального человека». В 1960-е годы был близок эволюционизму, различал эволюцию общую и специфическую. Первая проявляется в виде тенденции общества к возрастанию сложности, организации и адаптивности к окружающей среде. Вторая — конкретные пути развития отдельных обществ, никогда не изолированных, где есть место историческим взаимовлияниям (диффузии). Сейчас один из оппонентов постмодернизма. Стал нашумевшим диспут Салинза и Гананата Обейессекира вокруг деталей,

рированное по-разному в соответствии с социальной дистанцией вовлеченных в нее индивидов (рис. 4). Генерализированная реципрокация характеризует глубоко личные отношения в семье близких родственников и напоминает об этическом правиле марксизма: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Здесь нет строгого учета выплат и возмещений. Люди делятся друг с другом, чтобы подчеркнуть свою открытость к общению, помогают в нужде и делают запасы на случай риска и неопределенности. Напротив, на большей социальной дистанции отношения структурирует сбалансированная реципрокация, требующая большего понимания рыночного бартера. Те, кто вовлечен в сбалансированную реципрокацию, обращают внимание на цену от двусторонних обменов и жалуются на нечестность, если считают, что торговля стала слишком односторонней. Представляется, что целью среди людей без социальных уз может являться негативная реципрокация, попытка откровенного использования, чтобы получить как можно больше, отдав при этом как можно меньше, вплоть до таких крайностей, как воровство и разбой. В то время как генерализированная и сбалансированная реципрокация создает теплые семейные и дружеские узы, негативная характеризует социальные отношения чужаков и врагов.

И Мосс, и Поланьи, и Салинз фокусировали свои рассуждения о реципрокации на социальных институтах более сложных, чем те, которые обнаруживаются на уровне семьи, а именно на корпоративных родственных группах, соответствующих уровню локальной группы. Как субстантивисты, они имели склонность выводить модели реципрокации из уже существующей социальной структуры, тогда как для уровня семьи более разумным было бы диаметрально повернуть эти рассуждения: реципрокация не выводится из существующей социальной структуры; скорее общество создается и обновляется средствами реципрокации в попытках выстроить чрезвычайно гибкие и лично ориентированные сети, связывающие индивидов с семьями, стойбищами и региональными популяциями.

На принципах генерализированной реципрокации организуется семья, основанная на половом и возрастном разделении труда. Формальное разделение обязанностей — это способ постоянно реализовывать взаимную поддержку. Характер экономики

связанных со смертью капитана Дж. Кука на Гавайях в 1779 году, — о понимании рациональности туземцев, или «коренных». Г. Обейесекир настаивал, что «коренные» думают так же, как и западные люди, и что антропологи, экзотизирующие и архаизирующие их культуру, ошибаются, а по сути, ведут себя как колонизаторы. Позиция Салинза в том, что западное мышление не универсально, что мышление «коренных» отлично от него, но ничем не хуже.

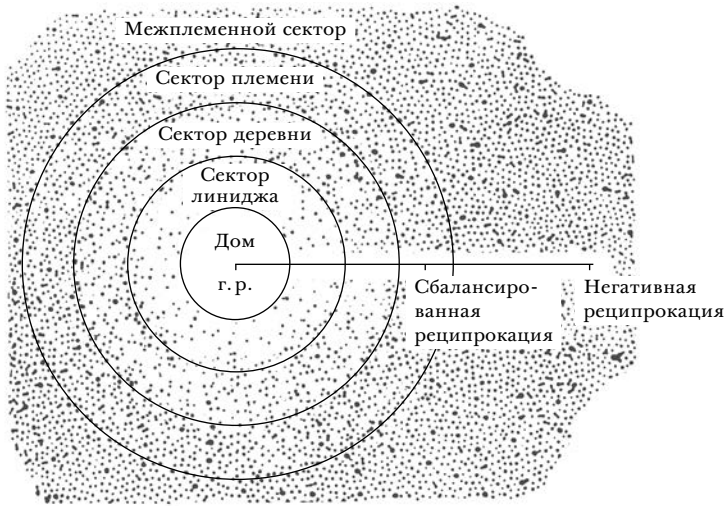

рис. 4. Реципрокация и социальная дистанция
(источник: Sahlins 1972)

внутри стойбища или села требует сотрудничества по причине риска в повседневной охоте, как у кунг (случай 2), либо из-за потребностей труда во время гона зайца, как у шошонов (случай 1), или травлении рыбы, как у мачигенга (случай 3). Распределение создает ощущение общей цели; а группу в пределах стойбища или села успешно создает и поддерживает сочетание генерализованной и сбалансированной реципрокаций. Вне стойбища или села каждый индивид устанавливает для себя широкую сеть из региональных уз (сбалансированные взаимобмены), как, например, обмены *hxaro* у кунг, позволяющие семьям перемещаться по всей стране, находить партнеров, торговать продуктами первой необходимости и просто развлекаться во время крупных общественных сборищ.

Конкурирующий и кооперирующий образы действия

Если реципрокация позволяет нам понять, как устроено общество на уровне семьи, то стюардовский (Steward 1955: 105–107) анализ соревновательного аспекта добывания указывает на границы роста данного общества. До тех пор, пока не существует экономической основы для длительного сотрудничества, две или более семьи, живущие вместе, будут просто мешать друг другу, ис-

тощая ресурсы, доступные в этом месте, и соревнуясь друг с другом за более подходящую и желательную пищу и сырье. В этом случае естественным будет их стремление рассредоточиться, чтобы свести к минимуму нежелательные взаимные пересечения.

Простое правило состоит в том, что формы приобретения пищи, основанные на конкуренции, способствуют рассредоточению, а кооперирующие — воссоединению. Описание Стюардом (Steward 1938) типа расселения, характерного для шошонов, служит общей моделью рассредоточения и воссоединения, имеющей место на уровне семьи. В течение года отдельные семьи перемещаются, чтобы оказываться поближе к наилучшей в конкретном сезоне пище. Зимой они живут маленькими многосемейными группами вблизи сосновых рощ, где собирают урожаи орешков, которые хранят рядом с источниками воды. Когда наступает весна, семьи расходятся, чтобы жить самостоятельно в сельской местности. На короткое время для проведения такого группового мероприятия, как гон зайца, образуются более крупные группы. Группы формируются и распускаются в течение всего года, в зависимости от наличия пищи и специфических требований для ее получения.

Правильность заключений Стюарда в отношении организации шошонов на уровне семьи была подкреплена исследованием, изложенном в эпохальном «Man the Hunter»⁹ (Lee and DeVore 1968). В этом труде, который, по мнению многих, мог бы быть озаглавлен «Женщина-собирательница», было продемонстрировано, что многие добывающие общества зависят от ресурсов диких растений и сохраняют чрезвычайно гибкую организацию. Сезонное объединение и рассредоточение также прослеживается в археологически засвидетельствованных моделях расселения добытчиков с множеством мелких и несколькими более крупными базовыми стойбищами, занимаемыми в определенные сезоны. Бинфорд (Binford 1980) рассматривает все это в качестве основного типа расселения при «добывающей стратегии».

В обществе, находящемся на уровне семьи, нуклеарная либо связанная тесными узами расширенная семья является основной экономической единицей, в которой главным образом принимаются решения по поводу каждодневных действий. Вулф¹⁰ (Wolf

9. Название переводится букв. мужчина, охотник.

10. Эрик Р. Вулф (1923–1999) — американский антрополог; родился в Вене в семье выходцев из России; учился в Колумбийском университете в Нью-Йорке у Дж. Стюарда; работал в Мичиганском университете, Колледж Дю Леман и Университете Нью-Йорка; полевые исследования вел в Пуэрто-Рико, Европе и т. д. Специалист по изучению крестьянства Латинской Америки; отстаивал марксистскую перспективу в антропологии. Известность получил благодаря книге «Европа

1966а) подчеркивал, что в широкой сравнительной перспективе семейной экономической единице (обычно домохозяйству) требуется выделять значительную часть своих общих ресурсов на обособленные «фонды»: калорийный минимум, обновление, церемонии и ренту. Средства, отведенные на калорийный минимум, покрывают расходы семьи по обеспечению основных потребностей в питании, тогда как средства на обновление включают расходы на кров, одежду, семена, орудия труда, тягловый скот и все то, что «требует обновления... минимального оснащения при производстве и потреблении» (Wolf 1966a: 6). Все это вместе мы будем называть фондами жизнеобеспечения. Средства на церемонии покрывают те расходы, особенно на пищу и питье, которые используются во время приемов на общественных собраниях, и на ценности, идущие на выстраивание и поддержание социальных отношений через реципрокацию. Средства на ренту относятся к издержкам на элиту (землевладельцев, знать, жрецов и других власть предержащих) в обмен на право доступа к средствам производства.

В обществе на уровне семьи наиболее очевидны фонды жизнеобеспечения. Церемониальные фонды включают в себя средства лишь на небольшие время от времени проводимые пиршества и раздачи даров. Средства на ренту на этом уровне едва ли вообще существуют, так как свободный и гибкий характер организации уровня семьи гарантирует доступ ко всем ресурсам, несмотря на конфликты между индивидами за определенные ресурсные места. Эти акценты отражают автономию и самодостаточность домохозяйства на уровне семьи. Семья в виде тесной группы, принимающей решение, советуясь с близкими родственниками и друзьями, обязана рассчитать, как будут ежедневно пополняться фонды жизнеобеспечения, запланированные на весь год и на более отдаленное будущее. В этом смысле ведение домашнего хозяйства проходит через все человеческие общества и помогает понять как некоторые из общих процессов, так и личностный характер человеческих экономик (Halperin 1994).

Тем не менее производство, обмен и использование примитивных ценностей играют значительную роль в появлении на уровне семьи церемониальных фондов. Наши случаи пока-

и народы без истории» (Wolf 1982), в которой показал, что не европейские народы, с которыми имеют дело антропологи, были вовлечены в глобализационные процессы, такие как торговля пушниной и работорговля. Эти культуры никогда не были «чистыми» (изолированно развивающимися), а, наоборот, всегда принадлежали мировой истории.

зывают, что взаимоотношения семей, внутри стоянок и с соседними стоянками носят сущностный характер и сеть этих отношений материализуется через обмен предметами. Примитивные ценности, как, например, бусы из скорлупы страусовых яиц у кунг, служат различным целям. Прежде всего, люди используют их для украшения. Но в не меньшей степени ценности несут социальное значение: они говорят о культурной идентичности индивидов и об их взаимоотношениях внутри региональных социальных сетей. В отдельных случаях ценности также служат накоплению, когда их обменивают на излишки пищи и придерживают для использования по необходимости (ср. у Вайды [Vayda 1967] обсуждение роли ракушечных бус у помо¹¹).

Исходная динамика экономики и общества на уровне семьи

Одной из наших задач является понимание того, как среди групп добытчиков процесс принятия решения приводит к изменчивости, засвидетельствованной археологически и этнографически. Для ее решения вернемся к базовой модели, представленной во введении (рис. 3, с. 57).

На всех уровнях сложного общества людям свойствен высокий уровень интеллекта и постоянная созидательность. В силу своей прагматичности они умеют обнаруживать и оценивать издержки и выгоды пищевого ассортимента, получаемого из окружающей среды. Разумеется, некоторые виды пищи остаются недостижимыми, пока не разовьются такие специфические технологии, как ловля рыболовными снастями или использование семян культурных растений. История доказывает, что необходимость — мать изобретения, особенно когда речь идет об обеспе-

11. Помо (Ромо) проживают в северной части Калифорнии и говорят на семи довольно сильно отличающихся друг от друга языках хоканской языковой семьи (кашайя, южн., центр. и др.); общая численность — 4900 человек (1990). Будучи охотниками и собирателями, как и все коренное население этого культурного ареала, вошли в этнографию в качестве эталонного случая развитого искусства плетения корзин. В разделе 3 этой книги описываются как пример территориальных образований и относительно развитого церемониализма. Помо никогда не образовывали этнического и политического единства. Район каждого языка покрывал несколько деревень-общин (village-community) или небольших племен (tribelet), каждое со своим поддиалектом и участком земли. Находясь под влиянием соседнего Северо-Западного побережья (случай 9), как и другие группы коренного населения Северной Калифорнии, помо использовали раковины в качестве эквивалента стоимости (денег).

чении семьи; и вследствие этого от людей можно ожидать развития технологий для достижения своих целей.

Такое развитие зависит от двух ключевых переменных — окружающей среды и человеческой популяции. Первая переменная — окружающая среда — создается под воздействием физических и биологических процессов. Контрастирующие друг с другом среды возникают под воздействием различающихся климатов (особенно количеством осадков и температурой воздуха), геологии (топографии и почв) и биогеографических процессов, ведущих к рассредоточению животных и растений. Добавим к этому разнообразные антропогенные изменения окружающей среды. Они включают множество преднамеренных изменений, таких как ежегодные поджоги, осуществляемые с целью распространения специфических видов растений или животных (что принято во многих добывающих обществах), одомашнивание видов и приспособление окружающей среды под ловлю дичи или выращивание посевов. Непреднамеренные изменения включают потенциальную деградацию окружающей среды, как в случае легкой добычи животных, например не летающих птиц в Новой Зеландии¹², на которых охота продолжалась вплоть до их полного истребления. Среди обществ, находящихся на уровне семьи, низкая плотность населения и не громоздкая технология сводят к минимуму, хотя, разумеется, не устраняют полностью антропогенные изменения. Мы увидим, как в эволюции более сложных обществ эти изменения становятся все более и более выраженными.

В плейстоцене разумные существа — добытчики — колонизировали мир, сталкиваясь при этом с исключительно широким диапазоном сред и потенциальных пищевых продуктов. Культурная изобретательность человека позволила нашим предкам жить в чрезвычайно различных условиях, от холодной Арктики до буйных тропических лесов и бесплодных степей. В значительной степени та экономическая и социальная изменчивость, которая обнаруживается у разумных добытчиков, — результат их приспособительной гибкости в окружающей среде, характеризующейся самыми разнообразными условиями, в которой они существовали и которую использовали (Kelly 1995).

Как видно из технотемографической модели (рис. 3), интенсификация — двигатель изменений в экономике жизнеобеспечения, поскольку рост населения и технологические изменения

12. Имеются в виду гигантские бескрылые птицы из отряда моаобразных (*Dinornithiformes*), достигавшие высоты 4 м и веса до 300 кг. Считается, что они были истреблены в историческое время предками маори.

стремятся обогнать друг друга. Если принять во внимание исключительную культурную изобретательность человека, то кажется удивительным, что рост человеческих популяций идет так медленно (Cowgill 1980). Мы пришли к пониманию того, что люди регулировали свои репродуктивные способности. В обществах на уровне семьи женщины определяли, сколько иметь детей, увеличивая интервалы между родами, чтобы повысить гарантию выживания детей и облегчить свою повседневную жизнь. В условиях, в которых жили добытчики и простые садоводы, такой рациональный выбор был способен существенно повысить репродуктивный успех.

Однако давление населения на ресурсы в течение длительного периода времени в конце концов потребовало более интенсивной эксплуатации существующих сред. Как указывал Келли (Kelly 1995), возможности и ограничения отдельных сред и технологий направляют интенсификацию по различным руслам. Наиболее общий процесс — это расширение пищевого рациона в ходе «революции широкого спектра действия», имевшей место в конце плейстоцена. На большей части земного шара для обеспечения нужд растущих популяций группы людей стали использовать большое число видов, в особенности растений (Earle 1980a). Вероятно, эти общества были схожи с группами классических добытчиков, находящихся на уровне семьи, описанными в разделе 3. Однако в определенных условиях интенсификация может реализоваться через расширение пищевого рациона путем добавления одомашненных видов растений и животных, при этом предоставляя группам, остающимся на уровне семьи, возможность вести привычный образ жизни практически без изменений (например, мачигенга [случай 3] и нганасаны [случай 4]). В конце концов необходимость дальнейшей интенсификации с целью прокормить продолжающие расти популяции приводит к необходимости создания новых институтов, организуемых людей за пределами уровня семьи. В экономиках охотников, собирателей, фермеров и пастухов эти изменения принимали разные формы, что мы и проследим в этой книге.

3. Добытчики на уровне семьи

НАЧАВ более двух миллионов лет назад распространяться по всему миру, разумные добытчики заняли природные зоны, поразительные по своему разнообразию. Весьма длительный период возвышения и распространения людей — охотников и собирателей — стал контекстом нашей биологической эволюции и основой всего последующего развития культуры. Добывающие экономики обладают простейшей формой производства продуктов жизнеобеспечения: это сбор дикорастущих растений и охота на диких животных. Хотя эти экономики достаточно разнообразны, в основе их лежат некоторые сходные элементы использования ресурсов, технологии, собственности и организации. Эти общие элементы определяет то, что Ли (Lee 1979: 117–19) называет добывающим способом производства.

Добывающий способ производства утверждается на базе низкой плотности населения, составляющей меньше одного человека на одну квадратную милю. Вероятно, добывание — самый эффективный способ производства для территорий с низкой плотностью населения; обычно он бывает преобладающим до тех пор, пока более высокая плотность населения не сделает его непрактичным. Как мы видели, эффективность жизнеобеспечения обратно пропорциональна ее интенсивности; чем больше людей занято поиском дикого батата или диких кабанов, тем труднее им их раздобыть. Там, где низка плотность населения, высока производительность и относительная привлекательность домашнего аграрного хозяйства или пастушества невелика.

Из-за низкой плотности населения добытчиков называли «изначально богатым обществом» (Sahlins 1968a). И хотя такая квалификация уменьшает значение сезонных и других периодически возникающих трудностей, с которыми сталкиваются добытчики, их жизнь по целому ряду показателей может считаться благополучной. На основании данных по кунг и австралийским аборигенам Салинс доказывает, что ограниченные нужды добытчиков возможно удовлетворить, работая по нескольку дней в неделю и оставляя высвободившееся время для

неэкономической деятельности. В своем широком кросс-культурном исследовании Хэйден (Hayden 1981a), принимая во внимание то время, которое добытчики проводят за приготовлением пищи в дополнение ко времени на сбор или охоту, заключает, что на оба этих действия охотники и собиратели тратят от двух до пяти часов.

Добытчики с низкой плотностью населения, короче говоря, живут неплохой жизнью, и представляется очевидным, что эволюционные изменения этой простой экономики нельзя сводить только к вопросу развития и улучшения технологий. Но если производительность добытчиков зависит от низкоинтенсивного использования ресурсов, почему же плотность населения оставалась такой незначительной в течение миллионов лет? Неужели у людей того времени не было потенциала для быстрого роста населения и технологических возможностей для обеспечения этого роста? Мы сможем объяснить низкий темп роста популяций людей добывающего периода, если удастся определить темп культурной эволюции и понять ее причины.

Сочетание по меньшей мере четырех биологических и культурных факторов, связанных с добывающим образом жизни, удерживает население от роста. Во-первых, рождаемость снижается при хронической нехватке калорий; а периоды недостатка пищи были обычными из-за сезонного характера ее наличия и ограниченных возможностей хранения. Во-вторых, восстановление овуляции у женщин тормозится при длительном периоде кормления грудью; поскольку пища, полученная из дикой природы, в основном не годится для младенцев, отлученных от груди, то, как правило, кормление грудью было главным источником питания ребенка первые два или три года. В-третьих, фертильность у женщин способны снизить тяжелые физические нагрузки, которые неизбежны при подвижном образе жизни добытчиков (Frisch et al. 1980). В-четвертых, поскольку дети, рождающиеся через малые промежутки времени, являются для мобильного общества экономической нагрузкой, то для увеличения интервалов между их появлением вполне могло иметь место детоубийство (Birdsell 1968a). Хотя, несомненно, эти факторы действуют различным образом и в разных условиях окружающей среды, рождаемость в мобильных группах остается неизменно низкой.

Кроме того, привести к голоду в популяциях добытчиков, сокращая их до «потенциальной плотности», может действие закона минимума в виде периодически происходящих бедствий, таких как засуха; при низком темпе роста такая популяция может восстанавливать свою численность очень медленно. Соглас-

но Ли и Де Вору (Lee and DeVore 1968), плотность населения добытчиков обычно составляла только 20–30% от средней вместимости среды. Добытчики были вынуждены приспосабливаться не к среднестатистическим, а к наихудшим из всех сезонных и периодически возникающих условий (Bartholomew and Birdsell 1953).

Эффективность добытчиков с низкой плотностью населения основана также на решениях прагматического характера относительно пищевого рациона, технологии, перемещений и групповой принадлежности. Они весьма «чувствительны к цене», поскольку используют лишь часть доступных ресурсов и в зависимости от места и времени года стараются делать разнообразным свой пищевой рацион для сокращения рисков и издержек (см. Reidhead 1980; Winterhalder and Smith 1981). В диете многих добытчиков, у шошонов и кунг в том числе, растениям отдается предпочтение перед животными, потому что растительная пища изобильнее. Но если, напротив, в изобилии имеется дичь, то охота становится более эффективной, чем собирательство, и в рационе начинает преобладать пища мясного происхождения, как у эскимосов. Келли в своем кросс-культурном исследовании добытчиков (Kelly 1995: 71) заключает, что «пищевые рационы весьма изменчивы, поскольку систематически связаны с немногими простыми переменными окружающей среды [как, например, температура и первичное плодородие], которыми измеряется валовая масса пищи земли... Диета охотника и собирателя — продукт процесса выработки решений, при котором в расчет принимаются затраты на приобретение ресурсов, касается ли это охоты, собирательства, рыболовства или того, на что они обменивают их результаты».

Технология, используемая для добывания пищи, в типичных случаях носит индивидуальный характер. Она не громоздкая, в целом доступная каждой семье, многоцелевая и удобная при транспортировках. Способность преобразовывать экосистему у такой технологии ограничена, и ее применение людьми не сильно влияет на сохранность ресурсов. (Но существуют и исключения из общего правила, как, например, чрезмерный промысел некоторых видов дичи или моллюсков и различные случаи применения огня.) Однако технология эта не так проста, а напротив, весьма осмысленна. Известно, что добывающими обществами были разработаны некоторые из сложнейших традиционных технологий для охоты и рыболовства (Oswalt 1976). Они представляют собой соответствующие условиям и зачастую изобретательные решения проблемы добывания ресурсов с минимальными затратами.

Добытчики следуют циклической модели воссоединения и рассредоточения в зависимости от наличия пищи. Когда ресурсы распределены единообразно, единообразны и затраты на их использование, и наибольшей эффективности достигает рассеянная популяция, в которой снижается конкуренция отдельных добытчиков. Но когда ресурсы сконцентрированы в одном или двух районах, затраты на их использование возрастают с дистанцией, на которую удален от этих областей пользователь; в таких случаях эффективны объединяющиеся вместе группы. Или как в случае с шошонами и кунг, когда доступность ресурсов может меняться в течение года и добытчики собираются вместе на один сезон для использования сконцентрированных в это время ресурсов, например сосновых орешков у шошонов, лишь для того, чтобы снова разбиться на отдельные группы, когда пищевые ресурсы становятся более доступными повсеместно.

Антропологами были предложены различные объяснения социальной организации добытчиков (Hayden 1981a; Lee and DeVore 1968; Service 1962; Steward 1936, 1938; Williams 1974). В этой книге мы рассматриваем семейный уровень у добытчиков с низкой плотностью населения как эффективный способ выживания в определенных условиях экономики и окружающей среды. Имеются основные экономические условия, необходимые для экономики, соответствующей семейному уровню. Технология индивидуальна. Разделение труда простейшее (по возрасту и полу), а востребованный труд редко выходит за пределы семьи. Из-за того, что территориальность выражена слабо, а передвижение населения сравнительно свободно, необходимые ресурсы в той или иной степени доступны всем домохозяйствам. Этот элементарный уровень организации является, однако, частью более сложной социальной системы, которая объединяет семьи вместе — в лагеря и региональные сети.

Мы хотим показать в этой книге, что основными причинами образования группы являются управление рисками, технология, война и торговля. Среди добытчиков управление рисками имеет решающее значение; как следствие, оно ведет к образованию неформальных и гибких социальных связей между семьями. Далее мы покажем, что люди, занимающиеся добычей, весьма различаются (Kelly 1995) и эволюционная динамика добытчиков порождает множество линий эволюционного развития, отражающих связанные друг с другом переменные, описывающие окружающую среду, технологию, войну и торговлю. У эскимосов (случай 6) и у рыболовов Северо-Западного побережья (случай 9) социальные ответы на эти факторы имеют, как мы увидим, иную природу, нежели социальный ответ на управ-

ление рисками, отражающий более высокую плотность населения и более интенсивную экономику жизнеобеспечения.

Важнейшая проблема риска восходит к двум несколько различающимся экономическим условиям. Первое и более общее — это риск, связанный со сбором растений. На каждодневном уровне собирательство относительно предсказуемо, поскольку растения неподвижны, и если однажды найти их месторасположение, то их можно употреблять в пищу, пока не будет собран весь урожай. Но на многолетнем уровне, напротив, растительные ресурсы непредсказуемы; и территория, урожайная в какой-то год, на следующий может оказаться абсолютно бесплодной. Чтобы компенсировать это непостоянство, популяция должна быть мобильной, перемещаясь из одной местности в другую, для того чтобы использовать лучшие из доступных возможностей. Для этого семьям надо поддерживать широкую региональную сеть отношений, часто через обмен и межгрупповые браки, что открывает им доступ и к информации, где можно найти пищу, и к областям проживания других групп. Гибкость при составлении группы и отсутствие территориальной исключительности лежат в основе добывающей экономики и использования в ней изменчивых ресурсов дикой природы.

Второе — это риск, связанный с охотой. В отличие от собирательства, охота непредсказуема на каждодневном уровне: дичь, которую ищет охотник, не всегда можно обнаружить, а обнаруженную не всегда возможно убить. У любого охотника есть шанс прийти домой с пустыми руками, и стойбище, состоящее из нескольких охотников, предпринимает меры, чтобы уравнивать эти высокие повседневные риски с помощью дележа мяса. И хотя в данной ситуации стойбище напоминает по своим функциям домохозяйство, распределение и сотрудничество обычно ограничиваются мясом и не снижают независимость домохозяйства, которое может перемещаться из стойбища в стойбище.

В целом семейный уровень организации примечателен своей неструктурированностью. Временные социальные и экономические успехи сводят группы вместе лишь для того, чтобы затем возрастающие издержки на приобретение и социальные трения снова разбили их на части. Церемониализм и лидерство — два элемента образования группы, за которыми мы проследим в этой книге, — проявляют себя только от случая к случаю. Они существуют, чтобы разрешать особые трудности, связанные с групповой сплоченностью, которая проявляется лишь при образовании многосемейной группы. Церемониализм и лидерство существуют среди добытчиков, но они обусловлены контекстом и сравнительно не разработаны.

Но где же община, о которой так много писалось (Service 1962; Williams 1974)? В ходе поисков первобытного человека некоторые ученые описывали общину как базовую форму человеческой социальной организации, которая развилась в условиях добывающего хозяйства. Как представляется, община — патрилокальная группа с исключительными правами на территорию, — чаще всего конструкт антрополога, занятого поиском структуры в простом обществе. Если община — это стойбище, то она определенно существует среди добытчиков, особенно там, где охота требует высокой степени распределения. Но община как территориально определенная корпоративная группа, регулирующая браки и использование ресурсов, очевидно, не подходит добытчикам, потому что ограничивает гибкость передвижения, от которой зависит их выживание. Шошоны Оуэнс-Вэлли наиболее соответствуют такому определению общины, но, как мы увидим, они зависят от относительно богатых и надежных ресурсов. Однако большая часть добытчиков с низкой плотностью населения не территориальны, поскольку не могут себе этого позволить.

С нашей точки зрения, неразумно выделять первобытную форму социальной организации. Скорее следует предполагать, что, в соответствии с самым добывающим хозяйством, у ранних людей будут обнаруживаться чрезвычайно разнообразные социальные институты (см. Kelly 1995). Общим же для всех человеческих обществ является их приспособляемость — способ формирования отношений, соответствующих их жизненным условиям. Семейный уровень добытчиков ярко иллюстрирует прагматическую природу человеческого общества, превратившегося в более сложные институциональные формы. Случаи шошонов и кунг иллюстрируют сходства и различия между добытчиками с низкой плотностью населения и зависящими от собирательства. Далее мы вернемся к более общему вопросу о месте добытчиков в эволюции политической экономики.

Случай 1. Шошоны Большого Бассейна

Исторически шошонаязычные группы¹ американского Большого Бассейна² представляли собой добытчиков с низкой плотно-

1. В оригинале *Shoshonean groups*, букв. шошонские группы или группы шошонов. Термин *шошоны* (*шошони*) имеет несколько значений. В культурном (узком) смысле — это три общности: восточные, северные и западные шошоны; общая численность всех трех — ок. 7000 чел. (1977). Шошоны — не самоназвание, а наименование, данное им белыми первоначально так называемым восточным шошонам и лишь позже всем остальным. Лингвистически — значительно более широкое

стью населения. В действительности, как мы еще увидим, в организационном отношении шошоны занимали разные уровни сложности, представляющие весь спектр типов охотников и собирателей, как их обрисовал Л. Бинфорд (L. Binford 1980; D. H. Thomas 1983a). Но прежде чем дать оценку этому интересному примеру эволюционного развития, следует ознакомиться с описанием этих добытчиков на семейном уровне, сделанным Стюардом (Steward 1938).

Организация у этих добытчиков не была формализованной, а отношения за пределами семейных носили случайный характер, были временными и минимальными. Простейшие семейные группы шошонов собирались вместе и снова разбредались сообразно колебаниям в доступности ресурсов дикой природы. Организация работы и модели перемещений и объединений были у них приспособлены к использованию рассредоточенных и непредсказуемых ресурсов при помощи простой технологии.

Окружающая среда и экономика

Большой Бассейн засушлив, осадки в виде снега выпадают сезонно в зимние месяцы, годовое количество осадков на возвышенностях составляет менее десяти дюймов³; растительность скудная, и в основном это ксерофиты⁴. Водные ресурсы, особенно в период летней засухи, ограничиваются небольшими ключами у подножья гор, не пересыхающих же ручейков мало.

Топография Большого Бассейна неровная, состоящая из поднятий суши, которые варьируются от долин, лежащих на высо-

понятие, включающее ряд народов, говорящих на языках юто-ацтекской языковой семьи: во-первых, на языках ее нумической ветви (или ветви плато), в составе групп: центральной (три упомянутые общности), а также западной (северные пайюты и моно) и южной (кавэйису, южные пайюты и юты); и, во-вторых, на языках еще трех ветвей этой же языковой семьи — керн-ривер, пуэбло (хопи) и южнокалийфорнийской (такической). Чтобы предотвратить возникающую путаницу, которой не избежали полностью и авторы этой книги, в последнее время наметилась тенденция употреблять термин лишь в первом значении. А. Джонсон и Т. Эрл, говоря о шошонах Большого Бассейна, имеют в виду только западных шошонов и несколько произвольно причисляют к ним пайютов Оуэнс-Вэлли (или восточных моно), отличающихся культурно и хоть и родственным, но особым языком, непонятным шошонам.

2. Англ. *Great Basin* — здесь один из так называемых культурных ареалов в аборигенной Северной Америке (*culture-areas*, в советской этнографической традиции — «историко-этнографические области»), а не просто географические реалии.
3. Дюйм (английский или имперский) с 1958 года приравнивается к 2,54 см. Ранее пересчитывался в метрическую систему по-другому.
4. В англ. оригинале *xerophytic*, букв. ксерофитическая. Ксерофиты — растения, приспособленные к жизни в засушливой местности.

те 3900 футов⁵, до гор, вздымающихся выше 12 000 футов. У членов локальной шоноязычной группы в пределах небольшой территории обитания мог быть доступ к местностям с самыми разными возвышенностями, вплоть до 6000 футов. И осадки, и температура зависят от высоты; с каждой тысячей футов вверх среднее количество осадков возрастает на два дюйма, а среднегодовая температура падает на 3 градуса по Фаренгейту⁶ (D. H. Thomas 1972: 142).

Это разнообразие высот и микроклимата имело следствием вертикальную зональность (Steward 1938: 14–18; Thompson 1983). Самыми важными микросредами являются высокогорная альпийская тундра (выше 10 000 футов), зона гибкой и остистой сосны (от 9500 до 16500 футов), зона полыни и трав (от 7500 до 10 000 футов), зона пиньона и можжевельника (от 4900 до 7500 футов), зона полыни (от 4900 до 5900 футов) и зона лебеды⁷ (от 3900 до 4900 футов). В пределах этих различающихся микросред имеют место и разные растительные и животные ресурсы. В высокогорных лесных зонах это экономически важные сосновые деревья с орешками, определенное число растений, дающих съедобные ягоды, корни и семена и дичь нескольких видов: олень, вапити и снежный баран. На более низких и более засушливых территориях — травы, дающие семена, съедобные корни, заяц, вилорог⁸ и рыба в непересыхающих ручьях.

Сезонность в Большом Бассейне предельно выражена. Летом сухо и жарко, с дневной температурой выше 90 градусов по Фаренгейту (часто выше 100 градусов) и без значительных дождей. Зимы очень холодные и влажные, часто на протяже-

5. Фут (международный, США) составляет 0,3048 м.

6. Один градус по Фаренгейту (°F) равен 9/5 принятого у нас градуса Цельсия.

7. *Гибкая сосна* — вид американской сосны *Pinus flexilis*. *Остистая сосна* — собирательное название (англ. *Bristlecone Pines*) для нескольких разных видов сосен в Северной Америке, из которых наиболее обычна для Большого Бассейна *сосна остистая межгорная*, или *долговечная*, — *P. longaeva*. *Пиньон*, или *мексиканская сосна*, — собирательное название для ряда видов сосен в Северной Америке, из которых в Большом Бассейне встречаются *P. edulis* и *P. monophylla*; их орехи широко употреблялись в пищу американскими индейцами. *Можжевельник* — вид *Juniperus osteosperma*. *Лебеда* — имеется в виду *Atriplex confertifolia*.

8. «Олень» — здесь американский эндемик, *чернохвостый*, или *олиный*, олень (*Odocoileus hemionus*), некрупный вид. Далее, *elk*, употребленное в англ. варианте, имеет два значения — лось, олень. В данном случае, очевидно, не лось, а *вапити* (*Cervus canadensis*), американский вид настоящего оленя, известного и в Старом Свете. *Снежный баран*, или *толсторог* (*Ovis canadensis*), — парнокопытное животное, обитающее не только в Северной Америке, но и на северо-востоке Азии. *Чернохвостый*, или *калифорнийский*, заяц (*Lepus californicus*), часто ошибочно называемый кроликом. *Вилорог* (*Antilocapra americana*) часто неточно называют антилопой, в том числе и в английском оригинале этой книги.

нии всего дня с температурой ниже точки замерзания (обычно ниже 0 градусов) и со снегом, который там обычен, особенно на более высоких участках. Такие сухое лето и влажная зима создают трудные условия для простого в технологическом отношении общества.

Среда обитания шошонов сурова. Ресурсы скудны, большую часть года недоступны в диком состоянии и ненадежны от года к году. То, что, пользуясь простой технологией, добытчики способны выживать в таких условиях, является свидетельством их изобретательности. Характер популяции, экономики жизнеобеспечения и социальной организации шошонов определяются прагматическими решениями в трудных условиях.

Плотность населения у добытчиков-аборигенов Большого Бассейна была низкой, возможно, один человек на шестнадцать квадратных миль (Steward 1938: 48), с вариациями от менее чем одного человека на 40 квадратных миль до одного человека на 2 квадратных мили (см. рис. 6, с. 138). Д. Х. Томас (D. H. Thomas 1972: 140–141) находит у шошонов нежесткую корреляцию между плотностью населения и уровнем годовых осадков; то же самое прежде обнаружил и Бёрдселл (Birdsell 1953) в отношении австралийских добытчиков. Но основным фактором, ограничивающим плотность населения таких добытчиков, как шошоны, были скорее не осадки, а доступность пищи.

Шошоны являлись добытчиками широкого спектра. Большую часть их рациона составляла растительная пища, такая как орешки, семена, корни, клубни и ягоды. Они также собирали насекомых, например личинки мух и кузнечиков, особенно когда их прибывало к берегам озер и потому было в избытке. Но важнее всего были сосновые орешки, которые они в больших количествах собирали в течение короткого периода осенью и заготавливали, чтобы употреблять их зимой, когда они составляли основной рацион. А поздняя зима и ранняя весна были временем невзгод, так как прежде, чем становились доступными новые пищевые ресурсы, все заготовленное успевало закончиться. Более того, общеизвестно, что урожай сосновых орешков ненадежен; созревающие шишки часто повреждаются ветром, дождем и заражаются паразитами, и урожайность может быть низкой. Случаи сильного сезонного голода, отмеченные Стюардом (Steward 1938), показывают неуместность простых заключений об изобилии у добытчиков, особенно когда доступность пищи варьируется в разные времена года и ее наличие непредсказуемо.

В отличие от большинства добытчиков, шошоны ограничено использовали ирригацию. Стюард (Steward 1930) отмечает,

что в Оуэнс-Вэлли, где плотность населения была необычно высокой, для увеличения собираемости и предсказуемости урожая семян трав были устроены ирригационные системы. Как мы увидим, шошоны Оуэнс-Вэлли иллюстрируют определенные аспекты интенсификации и социальной эволюции в добывающих обществах, предвосхищающие изменения, о которых пойдет речь в следующих разделах.

Важное, но вторичное для рациона шошонов значение имела охота (Steward 1938: 33–44). Они охотились за разной дичью: от крупной, такой как олень, снежный баран, вилорог, вапити и бизон, до мелкой, такой как зайцы, грызуны и рептилии, а также ловили рыбу и собирали личинки насекомых. Хотя перечень видов животных кажется довольно длинным, в общем рационе мясо составляло небольшую долю, вероятно менее 20%.

Технология включала простые транспортабельные орудия — палки-копалки, молотилки для семян, корзины и луки со стрелами, которые могло изготовить каждое домохозяйство. Приобретение пищи, включая все виды добычи — и собирательство растений и личинок, и охоту на дичь, — в основном не требовало кооперации за пределами отдельного домохозяйства. Мужчины охотились и сооружали строения, в которых нуждались семья и стойбище. Женщины занимались собирательством в различных местах, например, часто работали группами, обмолачивая семена трав и насыпая их в свои переносные корзины. Во время сбора сосновых орешков мужчины сбивали с деревьев шишки, а женщины подбирали их и приносили в стойбище для обработки.

Войны происходили редко или вообще не происходили, хотя в определенных местностях с более высокой плотностью населения, таких как Оуэнс-Вэлли, набеги могли иметь место. Индивидуальные акты насилия случались, но межгрупповая агрессия была редкой.

Среди шошонов, как и среди других добытчиков, определенно существовала торговля. Важнейшим был обмен пищи на сырье, такое как обсидиан, местные заменители которого имелись в ограниченном количестве или не отличались хорошим качеством. Разветвленная торговля обсидианом хорошо описана у абригенных добытчиков Калифорнии (Ericson 1977).

Подводя итоги, можно сказать, что шошонаязычным добытчикам необходимо было решить шесть важных проблем производства и воспроизводства. Им надо было собрать достаточное количество растительной пищи, разбросанной в небольших количествах, и охотиться на дичь. Они должны были справляться с экстремальными погодными условиями, как и с серьезным

риском нехватки пищи. Им нужно было развивать подходящие брачные паттерны и, наконец, находить надежные пути получения необходимого сырья. Как мы попробуем доказать, эффективным способом добиться всего этого можно было с помощью организации, соответствующей семейному уровню, наряду с группой, образующейся в специальных случаях, лидерством и церемониализмом.

Социальная организация

В целом собирательство было индивидуальным делом: хотя собиратели и могли трудиться вместе, но необходимости в кооперации при выполнении этой работы нет. Обычно низок и повседневный риск. Конечно, такие ресурсы, как сосновые орешки, могут от года к году варьироваться, но в пределах одного года, если урожайность установлена, их доступность достаточно предсказуема.

Общепринятой была индивидуальная охота, однако групповая охота с точки зрения ее вклада в производство пищевых запасов, возможно, была важнее. В открытых низовых долинах имела место, хоть и не регулярно, коллективная охота на зайца, вилорога и лысуху⁹. Серьезным предприятием был гон зайца, явно требующий координации со стороны больших групп. Огромные сети, высотой с теннисные, но в несколько сотен футов длиной, размещались большим полукругом вплотную друг к другу. Затем мужчины, женщины, дети и собаки на большой площади обшаривали кусты и гнали животных по направлению к сетям. Пойманные в сети зайцы насмерть забивались дубинками. Роль предводителей, необходимую в таких гонах, выполняли «кроличьи начальники»¹⁰, решая, когда и где устраивать гон, где расставлять сети и какую работу определить каждому из участников.

Гон вилорога, хотя и случавшийся намного реже, возможно, лишь раз в 12 лет, организовывался подобным же образом. Охотники гнали животных по открытому пространству в трубу, сделанную из ветвей кустарника, до полумили длиной, ведущую в круглый корраль, где стадо удерживали и забивали. В координации гона центральную роль играл «антилопий» шаман, который, как считалось, способен привлекать души животных. Такая широкомасштабная охота в интересах непосредственного увели-

9. Имеется в виду *американская лысуха (Fulica americana)*, водоплавающая птица из семейства пастушковых (*Rallidae*).

10. Англ. *rabbit bosses*.

чения пищевых запасов вела к выбиванию местной популяции животных; не делалось попыток сохранения племенного скота. Уничтожалась целая популяция, и затем на вилорогов не охотились до тех пор, пока их численность не достигала уровня, достаточного для следующего гона.

Самой новаторской частью исследования шошонов Стюардом (Steward 1938, 1955, 1977) было то, что он показал, как распределение и организация групп приспосабливались к разным типам окружающей среды и соответствующим проблемам в добывании ресурсов. Перемещения населения в течение года соответствовали сезонному циклу изменений в доступности ресурсов. Осенью семьи концентрировались в сосновых рощах, где подготавливали для хранения большие урожаи. Зимой вблизи от источников и сосновых рощ разбивались стойбища из пяти — десяти семей. Весной, когда температура повышалась, семьи уходили от монотонной жизни и однообразного рациона в зимнем стойбище и разбредались в поисках новой пищи. Нуклеарные семьи переселялись на возвышенности, высокие или низкие, и все лето семьи были рассеяны. Вертикальную зональность и сезонность, влияющие на перемещения по отчетливо выраженным паттернам, часто называют сезонным циклом¹¹.

Затем большую часть года шошоны перемещались в виде отдельных семейных единиц, состоящих из отца, матери, детей и часто зятя, бабушки или какого-нибудь другого близкого родственника. Эта единица, которую Фаулер (Fowler 1966) назвала «кликкой родственников»¹², соответствует простейшей семье у Стюарда (Steward 1977). Каждая семья представляла собой отдельную экономическую единицу, принимающую решения.

В течение осени и зимы из различных семейных единиц вокруг общественных ресурсов образовывались стойбища, в которых было не более пятидесяти человек; но эти стойбища не обладали ни чувством общинной интеграции, ни групповым предводителем (Steward 1977). Основаниями для возникновения зимнего стойбища служили близость к воде и сосновым орешкам и тот факт, что зима представляла собой время потенциальной нехватки, когда имело смысл объединить ресурсы и уравнять риски.

Слабое развитие у шошонов стойбища как надсемейной организации отражает относительную второстепенность охоты с ее упором на кооперацию и дележ добычи между семьями. Совсем другое дело — случавшийся нерегулярно гон кролика и вилоро-

11. Англ. *seasonal round* — букв. сезонный круг.

12. Англ. *kin clique* — букв. родственная клика.

га, который периодически вызывал сдвиги в сторону значительно более сложной социальной организации. Для такой охоты, в которой групповой деятельностью руководили лидеры, игравшие роль кроличьего босса или антилопьевого шамана, собиралась вместе большая группа, возможно, состоящая более чем из 15 семей (75 человек и более).

Когда случалась удача, сулящая достаток, как после гона кролика и необычайно хорошего урожая орешков, много семей шошонов собирались на празднование фанданго¹³. Как Стюард (Steward 1938: 106–107) описывал его у шошонов Риз-Ривер, пять дней мужчины из собравшихся семей охотились на зайцев, а ночью все танцевали. Танцы служили главным образом для удовольствия, и празднование представляло прежде всего развлечение; семьи, которые обычно вели уединенное существование, собирались вместе, чтобы насладиться обществом друг друга, потанцевать и поучаствовать в ухаживаниях. Церемония являлась частью, хоть и не доминирующим элементом этого собрания. В круговом танце вызывали дождь и оплакивали недавно умерших.

Веселье фанданго отмечало временное появление надсемейной группы, у которой, в дополнение к развлечениям и удовольствиям, имелось определенное количество важных экономических функций (D. H. Thomas 1983a: 86). Во-первых, собрание объединяло труд множества семей, без которых была бы невозможной совместная охота на зайцев или вилорога. Во-вторых, оно способствовало наиболее эффективному использованию убитых животных. В-третьих, оно содействовало обмену информацией о том, где можно найти пищу, то есть радикально снижало затраты на поиски пищи. В-четвертых, оно предоставляло возможность для торговли сырьем, таким как, например, обсидиан, и для выстраивания сети дружеских отношений посредством обмена. В-пятых, это было превосходное время, чтобы найти мужа или жену, что не всегда было легко в условиях преобладания малых групп, низкой плотности населения и нечастых встреч.

Церемониализм таких праздников иллюстрирует важную характеристику, присущую рассеянным популяциям добытчиков. Популяция, обычно разделенная на семьи, от случая к случаю должна собираться, чтобы использовать разбросанные ресурсы

13. Фанданго — музыкально-танцевальный стиль, первоначально португальский, но затем распространившийся в Испании и во многих ее колониях (Филиппины, Мексика и пр.). В Калифорнии, где жили пайюты Оуэнс-Вэлли, так стали называть их фестивали, центральным событием которых был так называемый круговой танец, известный и у западных шошонов.

было оптимальным во время деятельности, выходящей за пределы семьи и выгодной для всех. Служащий данной цели церемониал, объединяя семей из разных зимних стойбищ, действовал на них как сильный фактор, стимулирующий участие. Как мы увидим, церемониализм заметно развивался по мере того, как территории обретали границы, которые требовалось защищать. Церемония — это официальное приглашение соседям посетить территорию группы без страха подвергнуться нападению.

Эти нечастые, но экономически и социально важные сборища привлекают внимание по трем соображениям. Во-первых, воссоединение популяции у добытчиков зависит от плотности местных ресурсов, которые часто эфемерны и непредсказуемы. Во-вторых, специфические проблемы организации деятельности такой группы решает лидерство, но, подобно большой группе, оно само эфемерно и действует ситуативно. И в-третьих, праздничная деятельность очень сильно связана с разными типами доступности сезонных и нерегулярных ресурсов, что по экономическим причинам приводит к формированию более крупных групп.

Очевидно, что у шошонов отсутствовало строгое разграничение территорий. Хотя семьи владели сосновыми деревьями с орешками и такими приспособлениями, как рвы для ирригации, места для засад охотников и корралы, групповые территории в большинстве случаев не имели четких границ (Steward 1977: 375–378). Скорее характерными были права на использование растительных и животных ресурсов, от которых можно было отказаться и которые не носили исключительного характера. Стюард (Steward 1933: 241) описывает, что группы могли делиться территориями, на которых можно было собирать сосновые орешки, и что любое вторжение считалось возмутительным и могло спровоцировать стойбище на избиение нарушителей камнями. Войны не имели большого значения, и в доконтактные времена их практически не было.

Стюардовское описание прагматичных и приспособляющихся шошонов составляет основу нашей модели общества на уровне семьи, в котором церемониализм, лидерство, войны и территориальность были не слишком важны. Напротив, Сервис (Service 1962) доказывал, что шошоны, стоявшие на семейном уровне, этнографически являлись просто остатками общества, состоящего из общин надсемейного характера, которое группы, использующие лошадей и ружья, загнали в маргинальную среду обитания¹⁴. Решить, какая модель больше соответст-

14. Дж. Стюард (Steward 1937), на выводы которого в основном опираются Т.Эрл и А.Джонсон, выделял в составе западных шошонов 43 подгруппы (две из них —

вует доисторическим шошонам, могла только археология, и она выполнила эту задачу. В 1960–1970-е годы Д. Х. Томас (D. H. Thomas 1972, 1973) исследовал тип археологического поселения в бассейне реки Риз-Ривер — шошонской области с относительно разбросанными и непредсказуемыми ресурсами. Выяснив, что оно в большой степени соответствует выводимым на основании стюардовской модели прогнозам о расположении самого места, частотности и типе, Томас (Thomas 1983b) сделал вывод, что доисторические шошоны бассейна Риз-Ривер являлись обществом, находящимся на уровне семьи.

Недавние работы Д. Х. Томаса (D. H. Thomas 1983a) и Беттинджера (Bettinger 1978, 1982) показывают, что различные группы шошонов по всему Большому Бассейну организовывались разными способами, которые лучше всего рассматривать в качестве локальных проявлений адаптации к специфическим ресурсным условиям (Thomas 1983a). На одной стороне спектра находились шошоны Кавич-Маунтин, с очень низкой плотностью населения (один человек на 20 квадратных миль), жившие в условиях нехватки воды и разбросанных и непредсказуемых ресурсов. Хранение запасов не привилось там из-за того, что хранить было практически нечего; по той же самой причине население было в высшей степени мобильным, с гибкой организацией, соответствующей уровню семьи и при отсутствии территориальности. Правила, регулирующие заключение браков, также являлись гибкими. Группы образовывались нерегулярно, в основном для охотничьих гонов и кратковременных фанданго. На другой стороне спектра находились шошоны Оуэнс-Вэлли, с гораздо более высокой плотностью населения (один человек на 2 квадратные мили), жившие в хорошо орошаемой местности, что достигалось с помощью ирригации, и на относи-

Риз-Ривер и Кавич-Маунтин — упоминают и авторы этой книги). Девять из них похожи по своим названиям (в основе — главный источник пищи; например, *Fish Eaters* — рыбоеды) на общины соседей — восточных и северных шошонов и, возможно, заимствованы у последних, а оставшиеся тридцать четыре — просто географические округа с естественными границами. Однако первому исследователю западных шошонов, майору Дж. У. Пауэллу (1874), показалось, что это патрилинейные родственные группы, обладающие собственностью на землю. Отсюда и берет начало указанное заблуждение. Точку зрения о возможно более сложной социальной организации у западных шошонов в доколониальный период (на этот раз якобы разрушенной белыми захватчиками) поддерживали и советские этнографы. Тем не менее, как было показано (Thomas, Pendleton, Sarpannagi 1986: 274–275), данные Стюарда датируются всего лишь десятью годами позже пауэлловских (ок. 1880), а полевые записи Пауэлла очень несовершенны, и автор просто подстраивал их под тогдашний мейнстрим — взгляды Л. Моргана на родовую организацию.

тельно богатой и предсказуемой ресурсной базе и урожаях сосновых орешков, которыми можно было запастись. Популяции были оседлыми, и некоторые группы почти весь год оставались в стойбище, расположенном в центре. Эти шошоны были территориальными и организовывались в локальные группы. Брачные правила были менее гибкими и со временем превратились в важный аспект межгрупповых отношений. Фанданго в долине Оуэнс-Вэлли выполняли важную функцию, разрешая пересечь защищаемые границы и приблизиться к пище, торговле и брачным партнерам (Bettinger 1982).

Таким образом, пример шошонов иллюстрирует две разновидности организации добытчиков. Популяция с низкой плотностью, являясь следствием разбросанных и непредсказуемых ресурсов, организуется на семейном уровне, вместе с надсемейной организацией, по большей части неформальной и возникающей только в специальных случаях. Популяция с высокой плотностью — следствие более богатых и надежных ресурсов — организуется на более высоком уровне в виде локальной группы с определенной территорией. Почему? Более общий ответ будет дан в разделе 5, а пока можно сказать, что в случае с шошонами богатая, предсказуемая ресурсная база долины Оуэнс-Вэлли позволяет надсемейной группе сформироваться, но вынуждает ее защищать свои ресурсы от посягательств со стороны других популяций, живущих в менее благоприятных средах¹⁵.

Теперь перейдем к кунг пустыни Калахари, другому обществу на уровне семьи, в котором стойбища существуют в течение более продолжительного времени. Ниже будет рассмотрено значение охоты и стойбищной организации в этом обществе.

15. Очевидно, по задумке авторов, данные, относящиеся к пайютам Оуэнс-Вэлли, должны были наглядно продемонстрировать роль демографического фактора, при прочих равных условиях, в усложнении социальной организации. Однако шошонский случай куда сложнее: восточные и северные шошоны, перешедшие, в отличие от западных, к конной охоте на бизонов, втянулись в процесс, в целом характерный для племен Великих Равнин (возрастание лидерства, усиление надсемейной организации и пр.). И в этом первостепенную роль сыграли не столько постепенные демографические изменения, обусловленные экологически, сколько скачок и переход к экономике нового типа под влиянием контактов. Шошоны, как и шоноязычные юты, одними из первых переняли использование лошадей от испанцев. В 1880-е годы в Большом Бассейне возникает (среди северных пайютов) и быстро распространяется по Великим Равинам новая религия пророка Воюки — «Пляска духов», стимулирующая развитие у них церемониализма.

Случай 2. Кунг пустыни Калахари

Основным этнографическим примером организованного на семейном уровне общества добытчиков является для нас кунг Южной Африки¹⁶. Хотя их стиль жизни представляет собой специфическую форму адаптации к локальным экологическим и экономическим условиям, мы выбрали их для более детального анализа в силу того, что им посвящено большое количество работ, касающихся в особенности переменных среды и экономики, которым в нашем подходе уделяется центральное внимание. Наш основной источник — превосходное этнографическое исследование Ли (Lee 1979). Другими ценными источниками являются работы Нэнси Хауэлл (Howell 1979), Элеонор Ликок и Ричарда Ли (Leacock and Lee 1982), Ричарда Ли и Ирвена Де-Вора (Lee and DeVore 1976), Лорны Маршалл (L. Marshall 1976), Джорджа Силбербауэра (Silberbauer 1981), Полин Уисснер (Wiessner 1977) и Джона Йеллена (Yellen 1977). В качестве этнографического настоящего для кунг мы выбрали 1950-е годы и начало 1960-х — время, когда этнографами был описан добывающий образ жизни. В своем сравнительном исследовании койсанских народов Бернард (Bernard 1992) подчеркивал, что в образе жизни добытчиков существует много различий и что кунг хоть и наиболее изучены, но нетипичны.

Койсанские исследования вызвали оживленные дебаты (Denbow and Wilmsen 1986; Lee and Guenter 1990, 1995; Solway and Lee 1991; Wilmsen and Denbow 1990). Центральным вопросом в них стало то, в какой степени можно рассматривать этнографических кунг в качестве изолированных групп, пригодных для конструирования моделей обществ добытчиков, существовавших в предыстории. В своей работе Ли подчеркивал изоляцию кунг и считал, что они могут служить точкой отсчета в моделировании самостоятельных добывающих экономик и обществ до сельскохозяйственной экспансии и колониального господства. Это вызвало категорическое несогласие Денбоу и Уилмсен, доказывавших, что койсанцы на протяжении двух тысячелетий являлись частью широкой региональной экономики, в которой они играли роль пастухов-клиентов. Как только было признано, что кунг торговали с внешним миром, Ли начал доказывать, что такая торговля была отно-

16. «!» в слове *Kung* [в англ. написании. — И. К.] — это щелкающий звук, который невозможно выразить буквой. В этом разделе в названиях кунг используются и некоторые другие символы подобного рода. — *Примеч. авт.*

сительно второстепенной и не могла изменить их общество; но Денбоу и Уилмсен возражали, считая, что койсанцы — часть сельских бедняков Ботсваны и что их добывающая экономика — ответ на периферийные и нестабильные связи с мировой экономикой. Садр (Sadr 1997) в своем недавнем обзоре археологических данных доказывает, что кунг были охотниками (не пастухами) и до недавнего времени не были вовлечены ни в региональную, ни в мировую экономику.

Мы полагаем, что кунг должны были являться в значительной степени самостоятельными добытчиками, и их этнография способна помочь объяснить динамику обществ, находящихся на семейном уровне, как это уже было сделано в случае шошонов. Если отбросить исторические узы, то ядра культур кунг и шошонов сходны по ряду параметров, а различия между ними часто могут быть отнесены на счет контраста между характеристиками окружающей среды и экономическими условиями. Как и шошоны, кунг — добытчики, зависящие главным образом от растительных ресурсов в засушливой окружающей среде. Плотность населения низкая и, несомненно, ограничена наличествующими ресурсами. Семейный уровень предполагает максимум гибкости при перемещениях и при заключении браков, а надсемейная организация неформальна и непостоянна. Территориальность, лидерство и церемониализм обнаруживаются лишь иногда, и они малоразвиты, войн практически не бывает.

Как и у шошонов, у кунг мы наблюдаем простой прагматизм общества, стоящего на семейном уровне. Решение вопросов, чем питаться, куда перемещаться, к какой группе присоединиться и когда ее покинуть, принимается семьей на основе непосредственной оценки выгод и затрат. Присутствует, хотя и с некоторыми оговорками, изобилие, пусть и относительное, которое обычно наличествует у добытчиков даже в суровых условиях.

Однако кунг не живут отдельными семьями, а организованы в стойбища из нескольких семей, объединенных на основе обменных сетей индивидов, связывающих между собой семьи и их стойбища на обширной территории. Важность этой надсемейной организации в управлении повседневными рисками охоты и — в более широкой перспективе — рисками от непредсказуемости ресурсной базы четко показывает границы самостоятельности семьи.

Окружающая среда и экономика

Кунг — северная лингвистическая группа¹⁷ койсанских народов, состоящая более чем из 15 тысяч человек, живущих на территории государств Ботсвана, Намибия и Ангола (Lee 1979: 34–38). Мы располагаем особенно большим количеством информации по области Доуб в пограничном районе Ботсваны и Намибии, где традиционных добытчиков детально изучала группа по исследованию Калахари (Lee and DeVore 1976).

Пустыня Калахари — большой и засушливый бассейн, расположенный на высоте 33 000–40 000 футов над уровнем моря. Она производит впечатление бескрайней равнины (Lee 1979: 87). Залегающая в ее основании скальная порода покрыта песком, исключая нечастые выходы на поверхность и углубления, вымытые потоками. Основной топографический рельеф создают длинные низкие дюны, разделенные широкими впадинами, идущими через весь регион параллельно друг другу. Укрепленные растительностью дюны образуют волнообразную поверхность: от гребня вниз к молапо — впадине между дюнами. Выбеленные и более крупные пески находятся по гребням дюны, а более мелкий песок и ил оседают в молапо.

Сезонный цикл в Калахари характеризуется сухой и холодной зимой и дождливым и жарким летом. Кунг различают пять сезонов, основываясь на разнице температур и осадков (табл. 2, с. 104). *Bara* (лето) — время обильных ресурсов, дождливый период с теплой температурой; изобилие продолжается до *?Tobe* (осени), когда в отсутствие дождей земля начинает высыхать. *!Gum* (зимой) днем комфортно: температура от 75 до 81 градуса по Фаренгейту и нет дождей; однако ночью приблизительно в течение шести недель может быть довольно холодно, температура падает до точки замерзания и даже ниже. Затем *!Gaa* (ранней весной) температура быстро поднимается часто до 93 градусов и выше, а продолжающаяся нехватка дождя выжигает землю. С первыми ливнями *!Huma* (поздней весны) земля быстро зеленеет и растительные ресурсы снова становятся доступными.

В Калахари существует сезонность: в определенные периоды ресурсы скудны, днем стоит жара, а ночи холодные. Однако крайности менее выражены, чем в окружающей среде шошонов,

17. Койсанская языковая семья, кроме основного массива в Южной Африке, включает также два реликтовых языка из Танзании (хатса и сандаве). Койсанские языки Южной Африки подразделяют на южную, центральную и северную группы. Помимо кунг, или *!Kung-Ekoka*, в северную группу входят также *=Kx'au//ein*, *ǀu//hoan*, *Maligo*, *!O!ung* и *Vasekela*.

ТАБЛИЦА 2. Сезоны кунг

<i>Bara</i> (лето) декабрь–март	<i>?Tobe</i> (осень) апрель–май	<i>!Gum</i> (зима) июнь–август	<i>!Gaa</i> (ранняя весна) сентябрь–октябрь	<i>!Huma</i> (поздняя весна) октябрь–ноябрь
жаркий дождливый	прохладный засушливый	холодный очень сухой	жаркий сухой	жаркий ливневый

характеризующейся резкими переменами. Уровень влажности не зависит от низкой температуры воздуха; и, исключая короткий период времени, жару облегчает дождь.

Однако количество осадков год от года варьируется, и нередко засушливые годы со скудным урожаем. Ли (Lee 1979: 113) оценивает среднегодовое количество осадков в 18 дюймов, варьирующееся от 8 до 36. Засуха (менее 15 дюймов) случается дважды в пять лет, а сильная засуха (менее 30 дюймов) раз в четыре года. Вдобавок осадки носят локальный характер, особенно весной, и могут способствовать разнообразию пищевых ресурсов.

Окружающая среда естественная, она не подвергалась значительным преобразованиям со стороны кунг. В Калахари растут в основном небольшие деревья, кустарники и травы. Некоторые региональные различия в вегетации зависят от изменений в характере гидрологии и осадков, но в большинстве случаев соответствуют различиям в почвах и водных условиях (см. Lee 1979: 97). В рыхлой и хорошо орошаемой почве дюн вырастают редкие рощицы широколиственных деревьев, таких как монгонго (*Ricinodendron*)¹⁸; в более плотной и сырой почве молапо — акации и кустарники нескольких важных съедобных видов.

Воды в Калахари не хватает. Постоянные водные источники довольно редки, ограничены расщелинами в скалах, в руслах пересохших рек. В области Доуб есть девять постоянных водяных скважин (Lee 1979: 306); некоторые области, такие как *Myae Myae*, снабжены лучше (L. Marshall 1976: 64), но в других, как в *?Kade*, вообще нет постоянных источников (Tanaka 1976: 100). Временные водные источники, сохраняясь до шести месяцев в течение дождливого лета, находятся в сухих руслах рек и впадинах молапо. Дополнительно воду получают из маленьких лужиц, образующихся после дождя в разветвлениях деревьев (Lee 1979: 94), и из растений (Tanaka 1976: 100–104, 114). Вода для кунг — ограничивающий фактор.

18. Дерево из семейства молочайных, монгонго (*Ricinodendron*, или *Schinziophyton rautanenii*).

В области Доуб существует около сотни видов съедобных растений, включая более сорока видов, дающих годные к употреблению корни и клубни, и примерно тридцати, приносящих ягоды и фрукты. Фрукты, дыни и ягоды собирают летом и осенью, а большинство корней, орехов и клубней — зимой и весной. Плодоносное дерево монгонго, которое ценится за фрукты и орехи, — важнейший ресурс в области Доуб. Фрукты монгонго сезонные, но их орехи (косточки) можно весь год собирать на земле¹⁹.

Примерно 70% калорий, получаемых кунг, растительно-го происхождения. В рационе июля и августа в Доуб растения обеспечивают 71% получаемых калорий и 64% получаемого белка (Lee 1979: 271). В ?Kade, где животные встречаются реже, эти цифры еще выше (Tanaka 1976: 112)²⁰.

В кратком описании Ли (Lee 1979: 98–102, 158) поразителен диапазон растительных продуктов, которыми питаются кунг. Однако этот обширный рацион свидетельствует об избирательности и гибкости, необходимых для минимизации затрат на добычу, а также необходимости реагировать на изменения окружающей среды. Особое значение имеет монгонго, в изобилии приносящие плоды высокой питательной ценности и обеспечивающие кунг пищей круглый год. Восемьдесят два процента калорий в рационе июля и августа, описанном Ли (Lee 1979: 271), было получено за счет плодов дерева монгонго.

И Ли (Lee 1979: 167–72), и Танака (Tanaka 1976: 105) отмечают иерархию предпочтительности пищевых продуктов. Виды ранжируются как на основе затрат на их добывание (повсеместное изобилие, рассредоточенность распространения, сезонность и трудности при сборе), так и их привлекательности (вкус, ощущаемая питательная ценность и побочные эффекты). Например, фрукты предпочитают корням, а корни, находимые в мягкой наносной почве, — корням, которые труднее выкопать, что отражает затраты на добывание. Интересно, что ранжирование пищи значительно варьируется в зависимости от региона. В области Маршалла монгонго встречается реже, чем в Доуб, и имеет второстепенную важность, уступая бобам тсин (*Bauhinia esculenta*). В ?Kade, где деревья монгонго отсутствуют, не едят

19. Для извлечения орехов плоды (фрукты) обрабатывают паром для смягчения кожицы, варят в воде до отделения тёмно-бордовой мякоти от семени. Мякоть съедают сразу, а орехи сохраняют про запас. Орехи извлекают также из экскрементов слонов, действительно подбирая с земли, что менее трудоемко.

20. Важно помнить, что //Gwi и //Gana из области ?Kade — языковые группы, отличные от кунг. Но большинство информации для этого случая взято из исследований о кунг. — Примеч. авт.

и орехов (Tanaka 1976). Внутри региона Доуб иерархия главных и второстепенных растений значительно меняется от одной водной скважины к другой и, соответственно, доступности местных видов (Lee 1979: 176–80). Говоря словами Ли (Lee 1979: 168), «растительные пищевые продукты оцениваются прагматично и рационально; религиозно-магические табу запрещают лишь немногие виды».

Для рациона кунг также важны и животные. В области Доуб отмечено более 50 видов млекопитающих, включая различных копытных (особенно куду, гну и орикса²¹), обеспечивающих наиболее доступную биомассу. Однако изрезанная топография низводит размеры стада до небольших групп или отдельных животных, а нехватка воды ограничивает популяции животных. Животные ранжируются охотниками на основе распространенности и биомассы особей (Lee 1979: 226–235); обычно убивают самых распространенных копытных. Других съедобных животных, таких как ящерицы, мыши, страусы, африканские буйволы и слоны, избегают из-за низкой биомассы, плохих вкусовых качеств, большого уровня опасности или высоких затрат на их добычу.

Как можно было ожидать, интенсивность землепользования меняется обратно пропорционально расстоянию до постоянного водного источника (Yellen and Lee 1976: 44). Ли (Lee 1979: 175) описывает, как стойбище кунг «выедает себе дорогу» из этой базы для проживания:

Типично, когда на несколько недель кунг занимают место для стоянки и «выедают» из него себе дорогу. К примеру, члены из стойбища в лесу монгонго в первую неделю проживания истощают весь запас орехов в радиусе 1,5 км, во вторую неделю — в радиусе 3 км и в третью неделю — в радиусе 4,5 км. Чем дальше группа живет в стойбище, тем дальше ей надо продвигаться ежедневно, чтобы добыть еду. Эта черта повседневного жизнеобеспечения характерна и для летних, и для зимних стойбищ. Например, в июне 1964 года в зимнем лагере в Доуб, чтобы достичь рощ монгонго, собиратели ежедневно проходили туда и обратно от 9 до 14 км. А к августу ежедневные походы туда и обратно удлинились до 19 км.

Это прогрессирующее возрастание расстояния происходит потому, что кунг чрезвычайно избирательны в своих пищевых привычках. В данной местности они едят не все. Начинают они с поглощения наиболее желательных видов, а когда те истощаются или

21. Куду — 6 крупных видов из рода лесных антилоп (*Tragelaphus*). Гну — у А. Джонсона и Т. Эрла *wildebeest* (африкаанс — дикий бычок), массивная антилопа, точнее два вида: гну белохвостый (*Connochaetes gnou*) и гну голубой (*C. taurinus*). Антилопа орикс (*Oryx gazella*) — речь идет, скорее всего, о капском ориксе (*Oryx g. gazella*); авторы книги употребляют форму *gemsbok* (голл. и африкаанс — самец лани).

уменьшаются в числе, переходят на менее желательные. Поскольку изобилуют различные растительные пищевые ресурсы, то когда желаемой пищи мало, у кунг в пищевой стратегии имеется две альтернативы: 1) они могут продвигаться дальше, чтобы питаться более желательными видами, или 2) оставаться вблизи стойбища и использовать менее желательные виды.

Если продолжать использовать монгонго, которые предпочтительнее, то надо продвигаться на большие расстояния, что означает увеличение транспортных затрат. По мере того как затраты на сбор монгонго увеличиваются, люди переходят на менее предпочтительные, но теперь уже и относительно менее затратные альтернативы.

Использование ресурсов на протяжении года отражает сезонную доступность и затраты на добывание. Монгонго — из всех ресурсов наименее сезонные — добывают весь год, но к концу сухого сезона, когда затраты увеличиваются из-за большого расстояния до водяной скважины, это делается реже. Использование других ресурсов носит более сезонный характер (Lee 1979: 188–190). Во влажное время года, когда наиболее доступны растения, акцент в рационе делается на такие легко добываемые ресурсы, как фрукты, ягоды и дыни. Но при этом ведется охота на водоплавающих и некоторых мигрирующих копытных. Затем в сухое время года, когда пища становится менее доступной, рацион расширяется (Yellen and Lee 1976: 44–45) за счет включения высокзатратных пищевых продуктов, таких как корни и клубни. Как указывалось в первом разделе, расширение рациона под влиянием ограниченных ресурсов согласуется с нашей моделью экономики жизнеобеспечения.

Количество осадков и другие изменчивые факторы окружающей среды также определяют доступность ресурсов и влияют на тип рациона кунг. Ли (Lee 1979: 174) описывает различия в использовании растительной пищи на примере двух лет с различным количеством осадков. Благоприятные для излюбленных видов растений годы отличаются снижением затрат на добывание этих видов и увеличение их использования. Неурожайные годы вызывают значительное расширение рациона.

Ежегодные перемещения популяции кунг по всей территории обитания, во время которых зимой они собираются вокруг ограниченных источников воды, а затем расходятся, приближаясь к растительным ресурсам, необходимы, чтобы минимизировать затраты на добывание (рис. 5, с. 108). Например, в регионе Доуб распределение воды создает «пульсирующий тип» популяции, который Ли (Lee 1976; 1979: 103–104) назвал диалектикой концентрации и рассредоточения. Зимой, в сухой сезон,

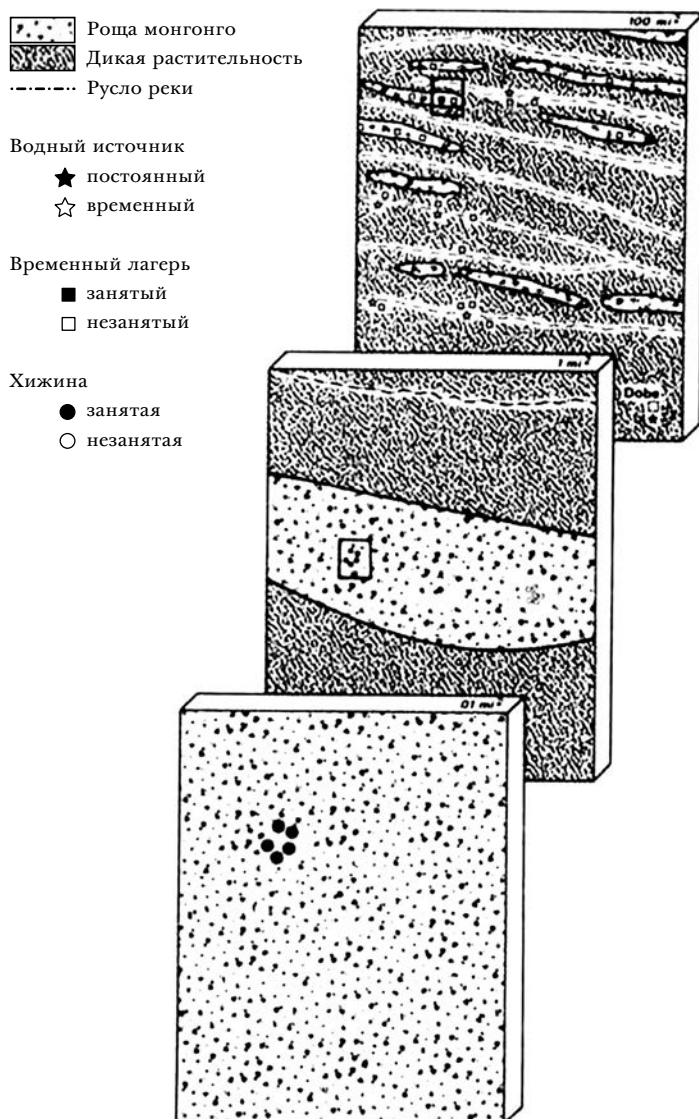

РИС. 5. Тип расселения у кунг
 Главный лагерь области Доуб занят большую часть сухого сезона, но на время влажного сезона кунг селятся в рассеянных мелких лагерях, в которых не остаются более нескольких дней подряд

наличие воды ограничивается немногими постоянными водяными скважинами, вокруг которых и селятся кунг. Такие базовые стойбища, как, например, в Доуб, могут быть довольно большими (дающими пристанище 35 человекам в 12 хижинах), и кунг находятся в них более полугода. Стойбищ в Калахари намного больше, чем постоянных источников воды, так что вокруг единственной водяной скважины их может находиться несколько (от двух до шести) (Лее 1976: 79). Когда в октябре и ноябре начинают идти весенние дожди, эти стойбища быстро распадаются на временные стойбища в рощах монгонго, где используется вода, собирающаяся в разветвлениях деревьев. Эти стойбища меньше по размеру (они вмещают примерно 10 человек), и каждое из них занято только несколько дней. Когда же летние дожди заполняют пересыхающие в другие сезоны водоемы, популяция становится максимально рассредоточенной и занимает участки и вблизи воды, и вблизи ресурсов. Но наступает осень, и вода в пересыхающих водоемах начинает спадать; популяция отступает к более крупным водоемам и в конце концов к постоянным источникам.

Целью является поддержание максимально возможного рассредоточения стойбищ в соответствии с доступностью воды. Эта цель соответствует стратегии минимизации затрат на приобретение; она достигается перемещениями в стойбища и из них и являет собой еще один пример принципа заселения, который Стюард описал у шошонов как конкурирующий. Вдобавок к этому ежегодному типу перемещения, распределение популяции зависит от непредсказуемых изменений, случающихся с водными источниками в условиях засухи, обычной для Калахари. Постоянные водяные скважины не всегда сохраняют воду в засушливые годы, и эти источники можно ранжировать сообразно с тем, как быстро засуха осушает тот или иной источник. В условиях засухи стойбища все в большем количестве собираются вокруг источников, которые быстрее всего восполняются. Например, во время одной из сильных засух у единственной водяной скважины Дж. Маршалл (J. Marshall 1957: 36) обнаружил семь стойбищ. Во время подобных засух могут быть покинуты целые области в Калахари, поскольку кунг мигрируют в поисках воды и подходящей пищи (Hitchcock 1978). Эта гибкость в перемещениях составляет сущность экономики, которая для управления рисками полагается больше на социальные связи, чем на хранилища (Wiessner 1982).

Паттерны питания и передвижений у кунг иллюстрируют важность рассмотрения затрат при решении, какие ресурсы использовать и как это делать. Их высокая избирательность

и гибкость в пространстве и времени соответствуют изменениям в доступности ресурсов и затратам на добычу. Условия окружающей среды, оказывающие прямое воздействие на добычу, в большей степени определяют природу экономики жизнеобеспечения и связанные с ней социальные и культурные особенности. Такие тесные взаимоотношения между экологией, экономикой и обществом, обобщенные Стюардом (Steward 1955) в понятии «ядро культуры», являются одной из центральных тем настоящей книги.

Региональная плотность населения у северных койсанцев, в среднем один человек на 10 квадратных миль, варьируется от одного человека на 13 квадратных миль в *?Kade* до одного человека на 8 квадратных миль в Доуб и одного человека на 1,4 квадратной мили в *Нуае Нуае* (Lee 1979; L. Marshall 1976: 18–19; Tanaka 1976: 1100)²². Как и предполагалось, уровень плотности населения приблизительно соответствует доступности постоянных источников воды для этих областей (ни одного в *?Kade*, 9 в Доуб, 16 в *Нуае Нуае*). Население данной области распределяется неравномерно, но больше всего людей сосредоточивается в пределах однодневного перехода до постоянных источников воды. В области Доуб «экономическая плотность», как ее называет Ли, составляет около одного человека на квадратную милю (Lee 1979: 306).

Что же ограничивает плотность населения до таких низких цифр в добывающем обществе, подобном койсанскому? Очевидно, что таким фактором является нехватка ресурсов; и корреляция между плотностью населения и доступностью воды явно это подтверждает. Однако Салинз (Sahlins 1968a) находит кунг богатыми, и Ли тоже говорит, что у них редко возникают проблемы с получением достаточного количества пищи. В ходе своего месячного исследования Ли (Lee 1979: 271) рассчитал, что среднесуточное потребление индивидом составляет 2355 калорий, а среднесуточный их расход — 1975. Эти цифры говорят о том, что ожирение могло бы стать большей, чем голод, проблемой!

Возможно, нам следует сфокусироваться не на нехватке в среднем, а на нехватке периодической. Не каждый месяц на протяжении года кунг едят так много и расходуют так мало; если принять за единицу наш год, то, как утверждает Уилмсен (Wilmsen 1978), цикл прибавки и сброса веса будет находиться

22. Вероятно, порядковые места этих трех регионов кунг более точны, чем абсолютные цифры, поскольку не существует стандартного способа вычисления плотности населения. — Примеч. авт.

приблизительно в пределах от пяти до десяти фунтов²³. В хорошо сбалансированном в целом рационе время от времени может не хватать калорий (Truswell and Hansen 1976), в результате чего, согласно Хауэлл (Howell 1979), у женщин кунг отмечается низкий уровень фертильности. Этот аргумент основывается на более общей работе, предполагающей, что для циклов оплодотворения необходимо, чтобы у женщин имелся минимальный уровень телесного жира (Frish 1978). Кроме того, периодические засухи отбрасывают популяцию на уровень намного ниже средней вместимости среды (см. Hitchcock 1978).

Еще одним фактором, ограничивающим рост населения у таких добытчиков, как кунг, является длинный интервал между родами. Ли (Lee 1979: 324) полагает, что традиционно роды происходили с промежутком примерно в четыре года; в этих обстоятельствах, учитывая относительно короткий репродуктивный период, рост населения может приблизиться к нулю. Почему интервал был так долг? Возможно, это основывалось на потенциальной производительности матери как собирательницы. Поскольку своих детей женщина кунг до четырехлетнего возраста носит с собой, предполагает Ли, то, когда она передвигается во время собирательства, количество и вес детей, которых ей надо нести, сильно влияет на ее рабочую производительность. При четырехгодичном промежутке между родами женщине не приходится носить более одного ребенка. И если интервал возрастает с двух до трех и четырех лет, то максимальный вес детей, которых ей нужно нести, снижается с 47 до 41 и до 26 фунтов. Увеличение промежутков между родами снижает рабочую нагрузку матери; к тому же интервалы между появлением детей могут повысить вероятность выживания детей, тогда как с каждым новым ребенком шанс на выживание всех детей снижается (Blurton Jones and Sibly 1978).

Женщины могут выбрать ограничение рождаемости и как один из способов снижения собственных затрат на приобретение пищи. Как же поддерживается этот, очевидно, желательный интервал? Бёрдселл (Birdsell 1968a: 243) предположил, что для промежутка между родами добытчики могли применять детоубийство; но женщины кунг редко практикуют детоубийство — Хауэлл (Howell 1979) отметила шесть случаев на 495 родов. Думается, что, как уже было сказано, речь может идти скорее о влиянии неполноценного питания на рождаемость. Другое объяснение — долгое кормление, которое требуется при

23. Ли (Lee 1979: 440–441) не согласен. См. также дискуссию в: (Konner 1982: 372–373). — *Примеч. авт.*

отсутствии пригодной пищи для младенца, отнятого от груди (Konner and Worthman 1980; Lee 1979: 328). Представляется, что и то и другое подавляет овуляцию и, таким образом, обеспечивает биологический механизм, ограничивающий темп роста населения.

Нам представляется, что рост населения кунг держался на низком уровне в силу определенной комбинации биологических и экономических факторов вкупе с крайне тяжелыми условиями в неблагоприятные годы и что низкая плотность населения позволяла добывающему хозяйству сохраняться на границах с областями, занятыми пастухами. Однако к 1920-м годам в область Доуб вошли пастухи гереро²⁴ (Soloway and Lee 1990), и к концу 1960-х развивающееся пастушество породило сильный спрос на труд кунг по выпасу скота гереро, количество которого нарушило экосистему и ее возможности поддерживать жизнеобеспечение добытчиков. Кунг стали оседлыми пастухами и теперь являются частью региональной экономики Ботсваны. Но об этом мы поговорим позже.

Технология кунг представлена немногими многоцелевыми орудиями труда, изготавливающимися из материалов, доступных в этой местности (Lee 1979: 119). Сюда входят: у женщин каросс — обработанная шкура животного, которую используют для переноски пищи и других материалов, палка-копалка — для добывания корней и клубней; у мужчин лук со стрелами — для охоты, нож — для использования в разнообразных работах, связанных с резкой, и емкость из страусиных яиц. Обычно орудия труда делают из природных материалов, не требующих больших усилий при обработке. Какое-то время наконечники стрел и ножи изготавливали из металла, намытого или полученного путем обмена, с помощью холоднойковки придавая ему желаемую форму; становились все более важными и такие товары, как керамика и произведенная на Западе металлическая посуда. Традиционные же орудия труда у кунг изготавливались индивидуально, из местных материалов, для собственного применения.

В отличие от шошонов, у кунг нет помещений для хранения растительной пищи, в основном потому, что пища, даже если ею не запастись, доступна в нужных количествах круглый год. (Хотя кунг обычно не запасаются на продолжительный период

24. Гереро (англ. *Herero*) — народ, говорящий на одном из языков банту (бантоидной ветви) языковой семьи нигер-конго; проживает в пограничных районах Намибии, Ботсваны и Анголы — район Хереролэнд; общ. числ. ок. 240 000 чел. На юго-западе Африки появились не более чем за 200 лет до белых (немецких) колонистов.

и водой, есть свидетельства того, что /*Gwi*, готовясь к сухому времени года, закапывают в землю по несколько сотен заполненных емкостей из страусиных яиц [Lee 1979: 1231].)

При всей своей простоте технология кунг эффективна и зачастую изобретательна. Например, легкий лук (силой натяжения в 20 фунтов) смертелен даже для крупной дичи благодаря использованию стрел, наконечники которых смазываются ядом, выделенным из куколок жуков-хрисомелид²⁵ (Lee 1979: 133–134). Стрела — оружие, искусно изготовленное из стебля высокой многолетней травы, с привязанной к древку костью и металлическим наконечником из кусочка проволочного заграждения, которому с помощью молотка придают нужную форму. Другими эффективными орудиями являются оснащенное железным наконечником охотничье копьё для добывания раненых животных, десятифутовая гнущаяся деревянная рукоятка с металлическим крюком, используемая при ловле долгоногов²⁶, спящих в глубоких норах, и веревочные силки с приманкой для мелких млекопитающих и птиц.

Э. М. Томас (E. M. Thomas 1959) назвала свою книгу о койсанцах /*Twi* «The Harmless People»²⁷. Войны как организованной межгрупповой агрессии у них не существуют, а демонстративные знаки насилия не одобряются. Разумеется, убийства, особенно среди мужчин в конфликтах из-за женщин, являются обычными: ярость нарастает — и летят ядовитые стрелы. Однако такие конфликты рассматриваются как нарушающие устои, и агрессоров не поддерживают. Ли (Lee 1984: 96) описывает следующую драматическую сцену:

Когда /*Twi* убил трех человек, члены сообщества, в редком порыве единодушия, напали на него среди бела дня из засады и смертельно его ранили. Он лежал, умирая, а все мужчины стреляли в него отравленными стрелами до тех пор, пока, по словам информанта, «он не стал похожим на дикобраза». А после того как он умер, все женщины и мужчины приблизились к его телу и вонзили в него копьё, символически разделяя ответственность за его смерть.

Индивидуальное насилие не способно перейти в межгрупповой конфликт, поскольку межгрупповые узы превыше всего; ссоры чаще улаживаются расселением.

25. Многочисленное семейство жуков-листоедов (*Chrysomelidae*). Желто-оранжевая пахучая гемолимфа многих видов семейства действительно ядовита.

26. Долгоног (*Pedetes capensis* либо *P. caffer*) — зверек, напоминающий крупного тушканчика или мелкого кенгуру; в англ. оригинале *springhare* — заяц-прыгун, впрочем, ничего общего с зайцем не имеющий.

27. Название переводится как «Безобидные люди».

Торговля ремесленными изделиями, а в наши дни в первую очередь товарами западного происхождения существует среди койсанцев, как и в других добывающих обществах, и, возможно, в малом масштабе существовала и в доистории (Lee 1979: 76). Но, как и у шошонов, необходимости часто заниматься торговлей не было, поскольку набор используемых предметов был ограничен и они обычно долго служили. Не существовало ничего похожего и на экономическую специализацию.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что главные проблемы производства и воспроизводства, с которыми столкнулись кунг, в высшей степени сходны с теми, что были у шошонов. Как и шошонам, им надо было собирать подходящие виды растительной пищи, рассеянные по территории; в дополнение к этому они охотились на дичь, которую надо было сначала отыскать. Проблемы сезонности и возможных неудач при добычии пищи хотя были и не такими тяжелыми, как у шошонов, тем не менее присутствовали и в жизни кунг. Так же, как и шошоны, они нуждались и в надежной системе поиска брачных партнеров, и в получении ремесленных изделий с помощью торговли. Неудивительно, что и общий тип организации кунг очень схож с типом организации шошонов. Главное отличие состоит в различном значении охоты для стойбищной организации.

Социальная организация

Среди кунг, как и в других простых экономиках жизнеобеспечения, элементарной экономической и социальной единицей является семья с ее кровом и очагом. Индивид или семья принимают все основные экономические решения: что собирать, как это делать, куда и когда переместиться и к какой группе присоединиться (см. Yellen 1977). Имущество семьи обеспечивается ее членами, вовлеченными в соответствии с половым разделением труда в разные виды деятельности по приобретению. Внутри домохозяйства свободно объединяют и распределяют ресурсы. Большую часть растительной пищи, которую потребляет семья, собирают ее члены.

Организация работы, как и технология, у кунг представляет собой простой и прямой ответ на проблемы, связанные с добыванием. Большую часть деятельности по жизнеобеспечению могут выполнять индивиды, работающие порознь. Женщины — собирательницы, но они к тому же что-то мастерят (например, емкости для воды), готовят еду и следят за детьми. Мужчины — охотники, но еще они занимаются собирательством и изготовлением разных предметов, в особенности используемых на охоте.

Обычно собирательством занимаются индивидуально или небольшими, независимыми друг от друга группами (Lee 1979: 192–193; L. Marshall 1976: 98), без разделения труда, причем по эффективности группы не превосходят одиночек, занимающихся добыванием. Например, при сборе урожая орехов монгонго индивиды собираются в группу, но каждый собирает плоды со своего дерева, а затем сам жарит их и колет. Люди работают вместе, но их действия не скоординированы, за исключением установленной последовательности операций.

Охотятся мужчины тоже отдельно или небольшими группами. Большие охотничьи партии не нужны, поскольку в Калахари не существует стад животных. Охотничья партия на крупную дичь составляет от одного до четырех мужчин (Lee 1979: 211; L. Marshall 1976: 132). Обнаруженное животное преследуется охотником в одиночку, чтобы его не спугнул кто-то еще (Lee 1979: 217). Однако важно, чтобы группа состояла из трех или четырех человек. След преследуемого животного часто теряется, и охотничья партия разворачивается всером, чтобы его обнаружить. Когда животное замечено, один охотник начинает его преследовать, а другие располагаются в местах, куда оно может побежать, чтобы поразить его еще раз. А когда животное смертельно ранено, его добивают группой из трех — шести человек и затем относят мясо в стойбище. Эта деятельность требует кооперации, поскольку охотник не может в одиночку унести добычу и, не имея помощи, был бы вынужден оставить мясо на съедение падальщикам.

Для выживания семьи кунг, даже больше, чем шошоны, нуждаются в организации выше семейного уровня. Стойбище и сетевые отношения между семьями и стойбищами в регионе составляют два уровня надсемейной организации. И хотя эти уровни чрезвычайно гибки и неформальны, они необходимы для решения проблем, связанных с управлением рисками жизнеобеспечения.

Основной локальной группой является стойбище — не обладающее единством, билатерально организованное общество, в котором люди живут вместе по меньшей мере часть года. Обычно такое поселение состоит из пяти или шести маленьких хижин, сделанных из травы (около шести футов в поперечнике) и развернутых к центру (рис. 5, с. 108). Хижина обеспечивает жильем нуклеарную семью, а в стойбище располагается несколько близкородственных семей (Yellen 1976: fig. 4). Согласно исследованию Ли (Lee 1979: 56–57), численность населения лагеря варьируется в пределах от девяти до тридцати индивидов. Приобретая и теряя членов, стойбищные группы перемещают-

ся по территории среды обитания, чтобы расположиться поближе к наиболее существенным ресурсам. Иногда, особенно зимой, стойбища располагаются по соседству друг к другу; и стаккато из звуков раскалываемых орехов (называемое речью *!Gi*) несется от стойбища к стойбищу. В другие времена года обособившиеся стойбища в основном разбросаны по безбрежным и пустынным землям.

Верхняя граница размеров стойбища продиктована как внутренними разногласиями, дробящими его на части, так и высокими затратами на жизнеобеспечение в больших группах. (Более крупные группы быстрее поглощают ресурсы в непосредственной близости от стойбища, что ведет к возрастанию затрат на добычу и большей частоте передвижений.) Нижняя же граница определяется желанием сохранить соотношение производителей и иждивенцев (3: 2) (Lee 1979: 67) и числом требующихся для охоты мужчин.

В экономическом отношении стойбище объединено делом добычи, являющимся важной культурной ценностью среди койсанцев, что прослеживается с особой четкостью, если убита крупная дичь (L. Marshall 1976). Например, в соответствии с исследованием Маршалл, туша животного принадлежит хозяину стрелы, ранившей зверя первой. А поскольку охотники из стойбища обмениваются стрелами друг с другом, зачастую удачливый охотник не является хозяином стрелы (Lee 1979: 247). Внутри стойбища хозяин распределяет мясо убитого животного среди близких и далеких родственников, пока каждый в стойбище не получит свою долю.

То, что мясо делится на всех, решает одновременно две проблемы. Во-первых, распределяется пища, которая, если нет хранилища, не могла бы быть съедена одной семьей; во-вторых, риски от непредсказуемости охоты сводятся к средним, поскольку все семьи получают долю независимо от удачливости отдельного охотника. Распределение мяса исключает моменты, когда успех одного охотника контрастирует с неудачей другого; в противном случае могли бы наблюдаться сильная зависть и разногласия. Охота создает необходимость организации группы, основанной на обмене, поскольку нуклеарная семья не в состоянии обеспечить себя пищей самостоятельно, социализация происходит на базе генерализированной реципрокации.

Хотя группа чрезвычайно важна для кунг экономически, членство в ней не определено жестко. Люди могут присоединяться к стойбищу в соответствии с билатеральным родством или через браки, так что домохозяйство вольно войти в любое из нескольких стойбищ. Гибкие брачные правила помогают со-

здать сеть из родственных отношений между стойбищами. Посещения других групп, за которыми следуют ответные обязательные визиты, настолько распространены, что они меняют ежедневную численность людей в стойбище. Образуются широкие сети обмена (*hxaro*), связывающие семьи и открывающие доступ в стойбище и на территорию соседей (Wiessner 1977, 1982). Эти региональные сети позволяют каждой семье и ее стойбищу свободно перемещаться и относительно быстро приспосабливаться к меняющимся экономическим возможностям на всей территории, занимаемой кунг. Они имеют центральное значение для адаптации кунг к изменениям в наличии ресурсов (Lee 1976).

Региональные сети создаются в засушливое время года, когда стойбища собираются вместе вокруг постоянных водяных скважин. Это время церемоний и другой деятельности по налаживанию связей между стойбищами. Засушливое время года — это время социальной жизни; и когда кунг собираются в одном месте, меняется весь ритм жизни. Такая концентрация населения, как доказывает Ли (Lee 1979: 446–447), дает не только экономические, но и социальные выгоды, имеющие большее значение, чем то, что при приобретении ресурсов в короткий срок подобные скопления могут и не стать оптимальными. Когда несколько стойбищ собираются на танцы и на церемонии исцеления, длящиеся всю ночь в состоянии транса, в стойбищах и между ними налаживаются узы, крепнущие впоследствии в таких сферах активности, как сватовство, социализация и обмен.

Представленная Ли диалектика концентрации и рассредоточения описывает фундаментальную человеческую амбивалентность в отношении к жизни в группах. Самодостаточный индивид и его семья обладают самостоятельностью и возможностью контролировать свою жизнь и ее благополучие. Группа же хотя и предлагает социальные вознаграждения и экономическую помощь, но также приносит в жизнь ограничения, неудовлетворенность и конфликты. Вероятно, еще со времен самых ранних гоминид²⁸ индивиду необходима была малая социальная группа в виде стойбища для удовлетворения того, что Голдшмидт (Goldschmidt 1959) назвал «необходимостью позитивного эффекта». Напряжение между семьей и группой сохраняется, но оно

28. Гоминиды, или семейство людей (*Hominidae*) с единственным современным родом *Ното*, к которому биологически относится человек — *H. sapiens*. По ископаемым останкам известны и другие вымершие роды и виды семейства, древнейшим из которых на текущий момент считается так называемый сахельский человек (*Sachelanthropus tchadensis*), живший около 6 млн лет назад. Но авторы книги, по-видимому, подразумевают *австралопитеков* — представителей рода *Australopithecus* (2,5–4 млн лет назад), о поведении которых нам уже кое-что известно.

второстепенно по сравнению с явными социальными и экономическими преимуществами группы. Когда ресурсы широко распределены и предсказуемы, группа распадается, но только затем, чтобы собраться вместе опять, когда ресурсы локализованы и не гарантированы.

Региональная мобильность кунг требует коррекции представления об их территориальности. Стюард (Steward 1936: 334–335) описывал кунг как организованных территориально в патрилинейные общины; но в новой интерпретации, которую представили Ли и его сотрудники, делается акцент на отсутствии у них исключительного доступа к землям. «Родное пространство» группы — это область, которую та наиболее часто использует, область, не имеющая четких границ, без исключительного доступа и не защищаемая активно. (Ср. описание территориального поведения у групп бабуинов²⁹ в: [DeVore and Hall 1965]). Территориальность не основывается на признанных границах, а образуется на ключевых ресурсах, которыми для кунг являются водяные скважины.

Кунг различают местности (*n!ore*) площадью ориентировочно от 100 до 200 квадратных миль, каждая из которых связана с группой-ядром, долговременно в ней проживающей (Lee 1979: 334):

Внутри *n!ore* группа Kausi [стойбище] со всей очевидностью владеет водяной скважиной и областью непосредственно вокруг нее; право владения передается из поколения в поколение до тех пор, пока потомки продолжают там жить. Но это ядро окружено широким поясом земли, которую они делят с прилегающими группами. Передвигаясь от одной *n!ore* к другой, я часто мог спросить у моих спутников: «Мы еще в *n!ore* X или уже вышли из нее в *n!ore* Y?» Обычно им было довольно трудно определить, в какой *n!ore* мы находимся, и информанты зачастую затевали спор об этом.

Считается, что доступ к ресурсам внутри *n!ore* не ограничен для членов связанного с ней стойбища и их гостей (Lee 1979: 335–336). Другое стойбище должно просить разрешение у группы-ядра, чтобы воспользоваться ресурсами *n!ore*, особенно постоянным источником воды. Очевидно, в этом праве может быть и отказано; но если оно дается, то это благодеяние налагает ответные обязательства на стойбище, наносящее визит. Создается впечатление, что доступ к ресурсам затруднен лишь минималь-

29. Бабуин, или желтый павиан (*Papio cynocephalus*) — один из самых распространенных видов так называемых собакоголовых обезьян, живущих стадами (группами) с жесткой внутренней иерархией.

но и что индивиды могут его получить и как визитеры, и как члены просящего стойбища.

Отсутствие территориальности у кунг подчеркивали также Йеллен и Харпенинг (Yellen and Harpening 1972), объясняя это нестабильными условиями окружающей среды, при которых популяция должна постоянно разделяться в соответствии с меняющейся урожайностью ресурсов. Хотя признается групповая собственность на земельные участки, как и личная собственность на орудия труда, собранные пищевые продукты и, возможно, на некоторые природные ресурсы, все же низкая плотность населения и практическое отсутствие заметных улучшений, характеризующих существование кунг, не создают, как представляется, ограничений в доступе к земле. Вдобавок защита таких рассредоточенных ресурсов, как земельные участки у кунг, стоила бы больше, чем сам этот участок. Койсанцы не защищают территорию как таковую; доступ к ресурсам контролируется через взаимные договоренности, исключающие присутствие чужаков, если у тех нет социальных связей со стойбищем (Cashdan 1983).

Суммируя, можно сказать, что стойбище кунг обладает текущим составом и по своей природе не является четко отграниченной корпорацией. И хотя обмен мясом может придать стойбищу вид группы с четкими границами, во многих других аспектах это временное соединение самостоятельных домохозяйств.

Исходя из такой оценки, можно предположить, что у стойбища по большей части отсутствует и установившееся лидерство. Неформальное лидерство также минимально выражено. Ли (Lee 1979: 343–344) описывает это следующим образом:

В эгалитарных обществах, таких как кунг, деятельность группы осуществляется, планы задумываются и решения принимаются без явного участия власти или ее влияния. Однако более внимательное исследование обнаруживает, что паттерны лидерства все же существуют. Когда кунг упоминают о водяной скважине, живущую там группу называют именем кого-то одного, мужчины или женщины: например, стойбище *Bon!a* у Xangwa или стойбище *Kxarun!a* у Vate. Эти индивиды зачастую являются старейшинами — теми, кто жил там дольше всех или вступил в брак с членом группы владельцев и кто обладает некими личными качествами, которые достойны упоминания, например оратор, спорщик, знаток ритуалов или охотник. При групповых обсуждениях эти люди могут высказываться чаще, чем другие, к ним прислушиваются, и может возникнуть ощущение, что их мнение обладает большим весом, чем мнение других участников обсуждения. Но какие бы ни были у них навыки, у предводителей кунг нет формальной власти. Они могут только убеждать, но не навязывать другим свою волю.

Чтобы быть точным, возраст и особые навыки даруют уважение, и мнение уважаемой персоны обладает весом, когда надо принять решение, касающееся, например, перемещения стойбища. Л. Маршалл (L. Marshall 1976: 133) отмечает, что признанный хороший охотник действует в охотничьей партии как неформальный лидер. Однако когда Ли (Lee 1979: 348) спросил о местных предводителях (главарях) у старика кунг, то получил ответ: «Конечно, у нас есть главари!.. На самом деле мы все — главари... Каждый из нас — главарь самому себе!» Охотника, снова и снова снискавшего удачу, уважают, но ему могут и завидовать, и он скорее перестанет какое-то время охотиться, чем попытается открыто заявить о своем лидерстве в группе. Представляется, что лидерство в основном касается определенного контекста, например отдельной охотничьей партии, и обычно не распространяется на дела стойбища. Большинство решений принимаются группой посредством консенсуса; большей частью они неформальные и достигаются путем долгого обсуждения всеми заинтересованными лицами (Silberbauer 1981).

Как и американские шошоны, независимые прежде добытчики кунг теперь живут в мире, который изменило вторжение обществ и экономик извне и слияние с ними. В случае с кунг экспансия пастухов гереро создала возможности для трудоустройства, открывающего больший доступ к иностранным товарам, таким как стальные ножи и медная посуда, табак и кофе, стеклянные бусы и одежда. Растущие стада и численность пастухов также изменили окружающую среду, интенсифицируя ее использование выпасами и делая добывающее хозяйство все более трудным. Кунг приспособились работать на гереро, и теперь они зависят от пищи, получаемой от стад и извне. Трагично, что их особые навыки как следопытов сделали их ценными для армии, а слава, доставшаяся им после успешного фильма «The Gods Must Be Crazy»³⁰, превратила их еще в одну туристическую достопримечательность в «зоопарке».

Для культур, которые не имеют исторических связей и находятся на противоположных концах Земли, шошоны и кунг кажутся удивительно похожими. В обоих случаях засушливый и переменчивый характер окружающей среды делает их регионы маргинальными для земледелия или пастушества, в результате чего там до недавнего прошлого основным способом жизнеобеспечения оставалось добывающее хозяйство. В обоих случаях плотность населения весьма низкая, а само население в высшей

30. Фильм (реж. Джеми Уэйс, 1980) в российском прокате шел под названием «Наверное, боги сошли с ума».

степени рассредоточено; и обе экономики жизнеобеспечения, по сути, прагматичны, и среди возможных пищевых ресурсов выбираются те, которые отвечают нуждам группы. В результате большая часть калорий пищевого рациона приходится на растительные ресурсы. А мясо дичи, хоть и очень желаемое, имеет второстепенную важность. (Это смещение акцента в сторону от охоты к собирательству очень важно и, как мы увидим далее, может не распространяться на все добывающие группы.)

Однако между шошонами и кунг существуют определенные различия, связанные с условиями окружающей среды. Например, выраженные сезонные особенности в регионе, где живут шошоны, требуют использования пищевых хранилищ для предотвращения голода поздней зимой. Дедеж запасов сосновых орешков в зимних стойбищах — важный элемент групповой сплоченности. Кунг обходят свои риски другим способом, хотя гон кроликов или антилоп время от времени имел место и у шошонов. Ежедневная охота добавляет мясо в пищевой рацион кунг; их взаимные соглашения внутри стойбища идеальны для его распределения, но при этом охота рискованна, а добывание растений непредсказуемо. Шошоны — дихотомизированное общество, распадающееся на нуклеарные семьи, когда идет сбор растительных ресурсов, а затем на короткое время вновь собирающееся для групповой охоты. У кунг более стабильное промежуточное положение с экономикой, сохраняющей баланс собирательства и охоты, и с меньшими колебаниями в организационном составе.

Доисторические добывающие общества

Почему мы решили так подробно остановиться на шошонах и кунг при рассмотрении общих характеристик добывающего хозяйства в доисторические времена, когда оно было универсальным способом человеческого существования? Чтобы рассмотреть эволюцию добывающих обществ до перехода к земледелию, вкратце разберем три периода, в которые происходили главные изменения в ранних человеческих популяциях, — нижний и средний палеолит, верхний палеолит и постплейстоценовую эпоху. В эти периоды в человеческом обществе произошли три прогрессивные «революции», результатом которых в итоге и стал добывающий способ, аналогичный тому, который сохранился у шошонов и кунг.

Возможно ли допущение, что живущие ныне общества способствуют пониманию того, как организовывались группы лю-

дей в далеком прошлом? Потенциальные аналоги былых социальных форм в современных обществах могут определяться не присущей им «первобытностью», но гибкостью и приспособляемостью людей, организовывающихся в целях выживания и процветания в разнообразных условиях. Таким образом, койсанцы или шошоны, как и все люди, не «первобытны», а прагматичны. Их социальное существование напоминает по организации более ранние формы в силу схожести экономических и демографических условий, в которых они живут.

Самым ранним и самым долгим периодом был нижний и средний палеолит (приблизительно от 2 млн до 35 тыс. лет тому назад) — время происхождения человека и как биологического вида, и как вида, использующего орудия труда. В течение плейстоцена, или ледникового периода, наши прямоходящие предки-гоминиды развились в современного *Homo sapiens*, и представители этого вида с сильно увеличенным объемом черепа (возросшим, возможно, с 650 до 1450 см³) начали использовать орудия труда в качестве основного средства адаптации. Результатом медленного, но последовательного популяционного роста стало некоторое увеличение плотности населения, но более существенным фактором оказалась экспансия из первоначально ограниченного района Африки, приведшая к весьма широкому распространению по Африке, Европе и Азии. Эта беспрецедентная экспансия имела место частично по причине роста населения в самом ядре и частично вследствие освоения новых земель с помощью новых технологий. Важнейшими технологическими изобретениями были огонь и одежда, необходимые для выживания в суровых европейских и азиатских зимах вблизи от ледниковых масс, и эффективные стратегии для охоты на крупную дичь. В начале этого периода пищевой рацион, по всей вероятности, был достаточно эклектичным и включал мелкую и крупную дичь, как падаль, так и забитую охотниками. Но к среднему палеолиту, как представляется, охота стала более важной благодаря развитию эффективных охотничьих технологий, таких как хорошо обработанные каменные наконечники, прикрепленные к метательным копьям.

Какое из археологических свидетельств, имеющих у нас в распоряжении, способно подтвердить, что ранние гоминиды были организованы в небольшие мобильные группы? Концентрация каменных отщепов³¹ и останков забитых животных на таких стоянках, как Олдовай (1,75 млн лет тому назад)

31. Англ. *flaked stone tools* — букв. орудия [из] отщепленного камня. *Отщеп* откалывается от *нуклеуса* (более крупного камня) ударом или отжимом.

и Олоргесаилие (от 900 до 700 тыс. лет тому назад [дата установлена заново с помощью более точных методов; см. *Bye et al. 1987*]),³² говорит о том, что ранние люди могли регулярно возвращаться в базовое стойбище для дележа пищи (*Bye et al. 1987; Isaac 1987; Wenke 1980*). Но среди исследователей разгорелись дебаты: не будет ли ошибкой распространять модели организации современных добытчиков, находящихся на уровне семьи, на далекое прошлое, когда адаптация у наших предков была совершенно иной (см. обзор в: [*Kelly 1995*])? Внимание исследователей было сфокусировано на костной тафономии³³, поскольку состояние костей убитых животных могло быть результатом различных действий: нападения плотоядных хищников, охоты и забоя животных человеком, поедания падальщиками, природной эрозии и т. п. Повреждения многих костей соответствовали тем, что появляются от зубов плотоядных хищников, по всей вероятности, из семейства кошачьих; и первые теории о ранней человеческой организации оказались несостоятельными. В недавней своей интерпретации Блуменшайн (*Blumenschine 1995*) приходит к выводам, (а) что смешение костей животных различных размеров указывает на то, что животные были убиты хищниками, а не человеком, но (б) то, что на костях обнаруживаются следы культурных практик разделывания туш, свидетельствует о том, что люди находили эти кости после гибели животного и разбивали их камнями, чтобы достать костный мозг. Очевидно, эти ранние предки людей являлись не охотниками, а падальщиками. Однако можно еще предположить, что они организовывались в небольшие группы для отпугивания от добычи хищников и других падальщиков и для переноски туш в надежное базовое стойбище — там они с помощью первых орудий труда могли обрабатывать туши и охранять их от конкурирующих падальщиков, таких как гиены. Первое же убедительное свидетельство охотничьей деятельности обнаруживается позже, в раннем па-

32. Олдовай, или Олдувай — ущелье в Северной Танзании, важнейший памятник для понимания эволюции человека и развития каменной индустрии. Стратиграфия (выделяющиеся слои) охватывает весь нижний палеолит: слой 1 (от 1,9 млн лет назад) — галечные орудия, орудия на отщепах, кости австралопитековых (*H. habilis* и др.); слой 2 (1,2–0,5 млн лет назад) — появляются ручные рубила (кости *H. erectus*); слои 3 и 4 — появляются ашельские орудия и кости, напоминающие неандертальские; слой 5 — кенийско-капсийская индустрия. Бассейн Олоргесаилие расположен на юго-западе от Найроби (пров. Рифт-Вэлли, Кения); другая датировка — 200–100 тыс. лет назад.

33. Тафономия (англ. *tafonomy*) занимается исследованием процессов естественного захоронения организмов и образования отложений из их ископаемых остатков. Термин предложил русский ученый и фантаст И. А. Ефремов.

леолите, и связано оно с периодом использования ашельских³⁴ ручных рубил³⁵; а недавняя находка деревянных копий может быть датирована возрастом 400 тыс. лет тому назад! Охота — свидетельство организованного участия и групповых усилий — сделала доступными новые источники пищи.

Достоверно известно, что время от времени базовые стойбища занимали среднепалеолитические стоянки (от 100 тыс. до 35 тыс. лет тому назад), включая известные пещеры района Дордонь³⁶ во Франции, что наводит на мысль об организации семейного уровня. Скопления артефактов конца среднего палеолита представляют «наборы орудий», связанные с разными видами экономической деятельности (Binford and Binford 1966). Например, в наборе орудий I имелось 12 типов орудий, включая сверла, скребла и ножи, которые использовали, очевидно, при работе с костью, деревом и шкурами; набор орудий V включал 6 типов, такие как метательные наконечники, диски, скребла и лезвия, вероятно использовавшиеся в охоте и при забое животных. Обнаруженные в стоянках наборы орудий обычно различались, что дало повод Бинфордам предположить, что в определенных стоянках практиковался целый ряд видов деятельности (включая производство), и такие стоянки, по всей вероятности, являлись базовыми стойбищами, тогда как другие, в которых обнаруживались следы деятельности по добыванию пищи, были кратковременными и специализированными. Ролленд и Диббл (Rolland and Dibble 1990) утверждают, что всесторонняя ретушь³⁷ на каменных орудиях, найденных в определенных среднепалеолитических стоянках, указывает на то, что люди в них проживали довольно долго, иногда на протяжении всей зимы, так как там было много северных оленей. Широкое использование камня сделало необходимым создание его запасов, поскольку места, где можно было брать камни, находились далеко и были

34. *Ашель*, точнее *ашель* (Acheul) — нижнепалеолитическая индустрия, по названию местечка Сент-Ашель (пригород Амьена, Франция), где были впервые найдены соответствующие орудия (ручные рубила), которые в Европе сменяют орудия другого типа — абbevиль. Для изготовления ашельских орудий при отщеплении использовали уже не камень-отбойник, а кость, дерево и пр. Применительно к Африке все ручные рубила именуются ашельскими, включая ранние, совпадающие по времени с абbevильскими.

35. Ручное рубило (англ. *Handaxe* — букв. ручной топор) — каменное орудие, изготовленное оббивкой заготовки с двух сторон, и служившее для резки, рубки, скобления и т. п.; впервые описано Буше де Пертом (1847), который и назвал его охи-бочно топором.

36. Имеются в виду пещеры Ле Мадлен, Ласко и др.

37. Техника обработки каменных орудий, при которой от нуклеуса с обеих сторон поверхности отделяются тонкие чешуйки.

недоступны в это время года. Такой тип расселения соответствует той общей модели соединения-рассредоточения, которую демонстрируют и описываемые нами случаи. Значение защиты от хищников в нижнем палеолите и охоты в среднем палеолите могло привести к образованию стойбищной группы, объединенной генерализированной реципрокацией.

Было получено много данных и о переходном периоде в верхнем палеолите, приходящемся на конец плейстоцена между 35 тыс. и 12 тыс. лет тому назад, особенно в Европе (Conkey 1978; Gilman 1984; Hayden 1981b). В это время разительные изменения в экономике и социальной организации людей вызвали, по-видимому, продолжительный рост населения; в этот же период имело место и распространение человека в Новом Свете; а резкое возрастание числа регистрируемых стоянок убедительно доказывает факт увеличения плотности населения.

Одновременно с популяционным ростом должна была происходить значительная интенсификация в использовании ресурсов. Новыми технологиями были следующие: копьеметалка (считается, что атлатль³⁸ увеличивает максимальную дальность броска до 500 футов, по сравнению с 200 футами при броске рукой), зазубренные остроги и рыболовные крючки (Wenke 1980a). Главным продуктом питания во многих экономиках стало мясо крупных мигрирующих животных, таких как северный олень или дикий бык³⁹. Характерно, что интенсификация ведет к расширению пищевого рациона (Earle 1980a), хотя причины этого не совсем ясны. Одной из гипотез может служить то, что в некоторых областях люди решали свои пищевые проблемы на манер шошонов (не расширяя рацион, а усиливая эксплуатацию доступных осенью обильных ресурсов и делая запасы на зиму), поскольку в самое скудное время года (зимой), когда дополнительные пищевые источники малодоступны (а то и вовсе недоступны), интенсификация наиболее затруднена. По какой бы причине это ни произошло, именно эта направленность на обильные ресурсы, которыми можно запастись, оказала, как нам представляется, глубокое влияние на человеческое общество.

Верхнепалеолитический тип расселения, возможно, продолжал включать и базовые стойбища, и стоянки для специализиро-

38. Англ. *atlatl* происходит из ацтекского через испанский; этим термином в Новом Свете называют копьеметалку: кусок дерева до 60 см длиной, с петлей для пальцев на одном конце и глубокой зарубкой для вкладывания копья на другом.

39. Англ. *wild cattle* — букв. дикий скот; по-видимому, имеется в виду *mup* (*Bos primigenius*), вымерший к 1627 году, к которому восходят все современные породы крупного рогатого скота; либо, возможно, какие-то другие виды, ископаемые и современные, относящиеся к подсемейству *Bovinae* (быков).

ванных видов деятельности. Изменились главным образом размеры базовых стойбищ. Такие поселения, как Сольвио в Южной Франции, могли быть довольно большими (более 7 акров) и, вероятно, представляли собой группы из нескольких сотен человек (Sackett 1984). В огороженном частоколом стойбище Дольни Вестонице⁴⁰ на территории Чехословакии люди занимали пять хижин. В одной большой хижине длиной в 45 футов находилось несколько очагов, что позволяет предположить, что она обеспечивала жильем целый ряд нуклеарных семей. В целом размер некоторых поселений в верхнем палеолите говорит о наличии более крупных локальных групп, чем те, которые обычно обнаруживают у добытчиков и которые в большей степени соответствуют нашим ожиданиям в отношении таких деревенских обществ, как яномамо (см. случай 5).

Как мы увидим в части II, с образованием более или менее долговременных групп более чем из сотен человек появляется важное институциональное усовершенствование, включающее церемониализм и групповое лидерство. В верхнем палеолите наскальная живопись на таких стоянках, как Альтамира в Испании и Ляско во Франции⁴¹, и резные фигурки Венер⁴² из Восточной Европы предоставляют недвусмысленное свидетельство в пользу бытования церемониальных действий. Различные верхнепалеолитические артефакты, такие как большие солютрейские⁴³ наконечники копий, тщательно выполненные в отжимной технике, и костяные жезлы с вырезанными фигурками животных почти наверняка являются статусными маркерами лидерства.

Возможно ли это? Действительно ли охотники были способны на успешную организацию за пределами семейного уровня? Мы попробуем доказать на примере эскимосов Северо-Западно-

40. Стоянка охотников на мамонта у гор Поллау в Южной Моравии; радиоуглеродная датировка — 23650 ± 170 г. до н. э.; раскопаны жилища и погребения; обнаружены кремневые орудия, украшения из кости мамонта, палеолитические Венеры и др.

41. *Альтамира*, или *пещера Сантандера*, расположена в Пиренеях (Испания); потолок бокового зала покрыт многокрасочной росписью, изображающей стадо бизонов и других животных, которая до начала XX века считалась фальсификацией. Радиоуглеродная датировка дает ей примерно 15 500 лет. *Ляско* — верхнепалеолитическая стоянка в пещере, расположенной около Монтиньяка (Дордонь, Франция); известна своей серией росписи и гравировок, открыта позже других (1940).

42. Верхнепалеолитические скульптуры малых форм, натуралистически изображающие женщин, но часто без лиц, не только резные, но и терракотовые; ареал распространения — от современной Австрии до Прибайкалья. Обычно рассматриваются как свидетельство культа плодородия.

43. Верхнепалеолитическая индустрия (англ. *Solutrean*) по названию места, где были впервые найдены соответствующие орудия (Масон, Сона-и-Луара, Франция); характеризуется высокой техникой исполнения так называемых листовидных наконечников. В некоторых частях Франции и Испании ее сменяет мадлен.

го побережья, что при особых экономических и политических условиях добытчики, несомненно, развивают более высокие уровни интеграции. Поэтому неудивительно, что в верхнем палеолите существовали локальные группы и даже системы бигменов. Потенциально для такого развития были важны три условия: управление рисками, широкомасштабная охота и защита территорий.

Обычно считается, что в таких популяциях охотников и собирателей, как шошоны и кунг, потребность в управлении рисками главенствует над социальными отношениями за пределами нуклеарной семьи. Разрешение споров в стойбищах и гибкие сети региональных обменов, характерные для таких добытчиков, как койсанцы, можно сравнивать с теми, которые существовали 30 тыс. лет тому назад, поскольку нет причин полагать, что природа риска значительно изменилась с тех времен.

С. Бинфорд (S. Binford 1968) и Уобст (Wobst 1976) выделили охоту на крупную мигрирующую дичь как отдельную проблему, которая вызвала усложнение культуры в верхнем палеолите. Они объясняли это тем, что для охоты на мигрирующие виды, подобные северному оленю, требуется куда больше охотников, чем способно поставить одно стойбище, и следовательно, она ведет к усложнению церемониализма как способа интеграции стойбищных групп, обычно рассредоточенных. Такая связь между объединением с целью охоты и усложнением церемониализма, как показывает случай шошонов, достаточно вероятна, но важность ее для палеолита остается недоказанной. Джилмен (Gilman 1984) отмечает, что степень зависимости от мигрирующих стад животных в верхнем палеолите значительно разнится и не определяет усложнение культуры. Например, верхнепалеолитическое население Испании, создавшее некоторые из наиболее совершенных образцов искусства, зависело от оленей, которые, очевидно, не мигрировали, и на них возможно было охотиться, не преследуя их большой группой.

Для верхнепалеолитических обществ, зависящих от крупной дичи, защита территорий могла иметь решающее значение. Джилмен (Gilman 1984) убедительно доказывает, что локальные группы, характерные для верхнего палеолита, можно рассматривать скорее в качестве механизма сокращения числа кооперированных охотников за счет определения границ определенной социальной группы, а не увеличения охотничьих групп. В плейстоцене общества с высокой плотностью населения (охотники) зависели от ограничений в доступе к благоприятным местам для ведения охоты. В этом контексте стилистические различия, которые в верхнем палеолите отличают одну локальную группу

от другой, в действительности могут представлять собой попытки ограничить пределы социальных обязательств и, таким образом, преградить соседним группам доступ к важным ресурсам.

Можно доказать и то, что технологические усовершенствования и рост населения, связанные друг с другом, стимулировали охоту на животных, представляющих собой высоко продуктивную и непортящуюся пищу. Чтобы охота на такие виды стала эффективной, охотникам необходимо было контролировать их миграционные маршруты, например горные проходы и речные запруды, как в случае с северным оленем (S. Binford 1968), и излучины рек, чтобы ловить лосося (Jochim 1984); в случае с немигрирующими видами, такими как олень и мамонт, это означало бы возможность контролировать оптимально продуктивные места их обитания. Интенсивное использование животных ресурсов приводило к усилению от местности к местности разницы в затратах на охоту и, таким образом, увеличивало выгоду от защиты группой своих охотничьих угодий.

Появление в верхнем палеолите локальных групп будет подробнее рассмотрено в разделах 5–8. Пока же мы вернемся к добытчикам, стоящим на уровне семьи. Именно в постплейстоценовый период (от 12 тыс. до 7 тыс. лет тому назад), который в Европе соотносят с мезолитом, а в Новом Свете — с раннеархаичным периодом, пищевой рацион человеческих популяций во многих областях радикально поменялся, включив большое число новых видов (L. Binford 1968; Mark Cohen 1977). Необходимость этого была связана отчасти с изменениями в окружающей среде, но главной причиной стал рост популяций людей. Во многих местах, как, например, в культурной области Пустынь⁴⁴ на западе Северной Америки, экономика жизнеобеспечения впервые включила в себя растительные ресурсы. Этот процесс интенсификации, который был назван «революцией широкого спектра действия» (Flannery 1969), происходил, как представляется, во всемирном масштабе (Christenson 1980; Mark Cohen 1977). После того как в основном завершилась экспансия на целинные территории, дальнейший рост населения потребовал интенсификации.

44. Англ. *Desert Culture* (8000–300 до н.э.); несколько локальных вариантов (кочисе и др.), сложившихся в постплейстоценовое время в аридной и полупустынных зонах от Орегона до Калифорнии и Мексики, для которых в целом характерны кочевой образ жизни, собирательство и охота, инвентарь в виде зернотерок, циновок, корзин, атлатлей и землекопалок и пр. Считается, что с переходом к земледелию некоторые из этих областей заняли «высокие» культуры (могольон и др.), но в центральной части пустынный образ жизни вплоть до XIX века продолжали вести западные шошоны и пайюты.

Самым распространенным следствием такого расширения рациона стало то, что люди в большей степени перешли на растительную пищу, что породило экономику жизнеобеспечения, аналогичную шошонской и кунг. Именно в этот период общество, основанное на уровне семьи, распространилось по всему миру, и именно отсюда ведется эволюционное развитие, о котором мы говорим в данной книге. Гибкая семейная форма организации являлась прагматичным и эффективным средством, с помощью которого у добытчиков появились разделение труда и дележ добычи. Для использования многообразных и меняющихся ресурсов группы могли разбиваться на части и заново объединяться.

Но даже внутри этой общей интенсификации существовало значительное многообразие. В некоторых областях интенсивная охота продолжала сосуществовать с обществом, организованным территориально: примером тому могут служить охотники на камелид⁴⁵ и ранние пастухи, которых изучал Рик (Rick 1978, 1984) в центрально-андских пуна (см. раздел 12), где локальные группы, оставаясь оседлыми, различались по типам метательных наконечников из камня. В других областях интенсификация концентрировалась на обильных ресурсах, которыми можно было запасаться, чтобы популяция выжила в голодные периоды: например, доземледельческие деревни натуфийцев⁴⁶ в Леванте (Flannery 1972), где оседлые локальные популяции собирали обильный урожай дикорастущих злаков и делали запасы. Но общие для всех тяжелые условия жизни добытчиков привели к постепенному переходу от этого многообразия к доместикации и другим фундаментальным для человеческого общества изменениям.

Выводы

Для понимания всеобщей эволюции охотников и собирателей необходимо рассмотреть, как меняющиеся экономика и общество связаны с тремя основными эволюционными тенденциями — интенсификацией, интеграцией и расслоением.

45. Семейство верблюдов (*Camelidae*); в Южной Америке к нему относятся 2 вида рода *Lama*: викунья (*L. vicugna*) и гуанако (*L. guanicoe*); в ходе доместикации последнего появились еще лама и альпака.

46. *Натуфийская культура* названа по имени Вади-эн-Натуф в Палестине и датируется поздним мезолитом или самым концом плейстоцена (10–8 тыс. до н. э.). Ее инвентарь включает микролиты, серпы, пестики и ступки, рыболовные снасти, украшения из раковин и кости, но основа хозяйства еще охота и собирательство. Самое известное поселение — Иерихон.

Интенсификация деятельности по добыванию пищи в отдельном районе становится необходимостью либо с увеличением численности населения, либо в случае деградации окружающей среды. Медленный рост населения в плейстоценовом и следующим за ним постплейстоценовом периодах привел к распространению людей по всему миру и постепенному увеличению плотности населения в областях, которые способны обеспечить большее количество людей. Результатом явилась интенсификация деятельности по добыванию пищи (Mark Cohen 1977). Вначале постепенно были заняты новые места обитания с ресурсами, близкими к оптимальным, такими как крупная дичь (относительно редкая), мелкая дичь и растения, требующие более затратных стратегий добывания. Затем, чтобы обеспечить увеличивающееся население, пришлось расширить пищевой рацион за счет постепенного добавления видов, добывание которых было еще более затратным. Обе тенденции вели к увеличению количества труда, направленного на приобретение пищи. Следующим шагом логически и исторически стала domestикация.

Вторая тенденция — интеграция — имеет место лишь в группах людей определенного размера и сложности, но степень интеграции общества не связана напрямую со степенью интенсификации его экономической деятельности. Интенсификация при некоторых условиях окружающей среды приводит к интеграции, а при других — нет.

Во всех обществах охотников и собирателей можно обнаружить три уровня социальной интеграции, но их относительная важность в значительной степени зависит от доступности ресурсов, особой формы интенсификации их использования и технологического развития. Семья, как основная единица жизнеобеспечения, практически универсальна, хотя ее значение снизилось, когда некоторые из ее экономических функций перешли к стойбищу. Стойбище из четырех или шести семей тоже в целом универсально. Однако, как мы уже видели, его значение и степень его институционализации широко варьировались от наименее выраженных у таких собирателей растений, как шошоны, до наиболее значимых у охотников на крупную дичь. Породив потребность ограничивать территорию, интенсификация охоты могла явиться причиной того, что в некоторых районах стойбище превратилось в необходимую для защиты территории группу с более сильной интеграцией, которую обеспечивал церемониализм. По мере того как стойбища становились важными экономически, часто усиливались социальные узы внутри групп на основе гендерных различий: женщины объединялись с женщинами, а мужчины с мужчинами. В регионе, объединявшем

примерно десять — двадцать стойбищ, появлялась организация, необходимая для решения проблем безопасности и защиты. Посредством региональных сетей собиратели растений в стойбище или отдельные семьи получали возможность узнавать о наличии пищи или получать ее в других местах, когда их земли истощались. А при развитой охоте на животных региональная сеть могла обеспечивать системой временных объединений для защиты охотничьих территорий.

Значение территориальности неоспоримо, но и оно непостоянно. В начале дискуссии о патрилокальных общинах и Стюард (Steward 1936), и Сервис (Service 1962) рассматривали территориальную группу в размере стойбища как типичную для охотников и собирателей. Однако в более поздних работах исследователи начали подвергать сомнению корпоративный и территориальный аспекты организации добытчиков, утверждая, что минимум территориальности сделал возможной гибкость в перемещениях в поисках пищи, что было насущной необходимостью для выживания добытчиков. При отсутствии территориальных границ, запрещающих передвижения внутри региона, популяции могли легко собираться вблизи самых благоприятных ресурсов, доступных все время. Других же зачастую просто не было.

Таким образом, территориальность у охотников и собирателей должна быть связана с более стабильными ресурсами, как в случае с шононами Оуэнс-Вэлли. Территориальность также ограничивает доступ к важнейшим ресурсам, которые либо созданы природой, как водяные скважины или сосновые орешки, либо улучшены с помощью технических средств, как местная ирригация в Оуэнс-Вэлли или запруды для ловли рыбы на Северо-Западном побережье (см. раздел 8). Там, где ресурсы сконцентрированы, доступ к ним легче ограничить. А во все более распространяющихся и успешных попытках ограничить доступ к важнейшим ресурсам мы видим первопричины войн.

В связи с возникновением территориальности и войнами, по-видимому, меняется значение церемониализма. В группах со сравнительно низкой плотностью населения, у которых отсутствует территориальность, церемониализм тесно связан с периодами воссоединения, например, когда кунг собираются вокруг зимних водяных скважин или шононы сходятся вместе для гона животных. Особого внимания церемониализм заслуживает при рассмотрении более крупных групп, а не семей, из которых они состоят; в этом случае его значение заключается в том, чтобы компенсировать тенденции к расколу из-за ссор внутри группы.

Церемонии, проводимые в определенных случаях охотниками и собирателями, могут служить различным целям: и что-

бы отграничить социальную группу с правом на доступ к ресурсам, и чтобы впоследствии преодолеть границы подобных социальных подразделений для создания более широких союзных образований. Согласно Енгояну (Yengoyan 1972), обряды инициации в Австралии планировались на время, когда можно было воспользоваться обильным урожаем дикорастущих ресурсов. Когда намечался хороший урожай, локальная территориальная группа могла пригласить соседние группы присутствовать на церемонии инициации и одновременно присоединиться к сбору изобильного урожая. Таким же поводом для большой церемонии у территориальных помо Северной Калифорнии были хорошие урожаи семян и уловы рыбы (Vayda 1967). Соседи группы-«спонсора» приобретали семена или рыбу в обмен на деньги в виде раковин, которые в голодные периоды обменивались на пищу. Некоторые из таких механизмов, компенсирующих региональные различия в доступности природной пищи, представляются существенными. В отдельных случаях, как, например, у рыболовов Северо-Западного побережья (раздел 8), подобные механизмы являются первым признаком развития политической экономики.

В обоих случаях, подвергнутых анализу в данной главе, расслоение не прослеживается. В целом добытчиков характеризуют минимальная социальная дифференциация и сильно выраженный этос равенства со стремлением все поделить. Их цель — жизнеобеспечение всех и каждого, а не разнящиеся экономические выгоды отдельных людей или групп. Расслоение зависит от различий в доступе к ресурсам, которые, в свою очередь, должны основываться на наличии понятия собственности на землю, чего нет у кунг и шошонов. Однако в других местах определенные экономические и экологические условия вкупе с интенсификацией создают общества охотников и собирателей с неравным доступом к ресурсам и, таким образом, к расслоению. Как мы уже видели, под это описание подходят некоторые верхнепалеолитические культуры. И как мы покажем в разделе 8, социальные элиты являются отличительной чертой территориального общества с высокой плотностью населения, каковым являются, например, рыболовы Северо-Западного побережья.

4. Семьи при доместикации

МЫ ДОКАЗАЛИ, что семья — естественная единица социальной и экономической организации людей; она уходит своими корнями на миллионы лет назад, когда гоминиды жили за счет добывающего хозяйства в соответствии с биологическими возможностями и тенденциями. Примерами экономики, соответствующей уровню семьи, для нас стали шошоны и кунг — классические группы добытчиков. В этом разделе мы собираемся обобщить свою аргументацию, чтобы показать, что производство пищи посредством одомашнивания не обязательно приводит к более сложным социальным и экономическим системам. В двух случаях, рассматриваемых здесь, — мачигенга и нганасаны, — наличествует и вносит значительный вклад в экономику технология производства пищи посредством одомашнивания, и все же господствующей единицей экономической интеграции остается семья.

Безусловно, здесь мы сталкиваемся с более стабильными поселениями, которые напоминают села. Но это явление попросту отражает факт существования стабильных ресурсов, таких как сады у мачигенга и зимние участки для рыбной ловли у нганасан, и еще не означает появления в экономике намного более сложной интеграции. Между рассматриваемыми здесь случаями и теми, которые содержались в предыдущем разделе, найдется не так много различий, за исключением образования сел: семьи продолжают объединяться вместе и рассредоточиваться, когда это нужно, в зависимости от того, что диктует наличие ресурсов, то увеличивая гибкость, то уменьшая такие формы сдерживания структуры, как территориальность и лидерство.

Хотя насилие и убийства известны в этих группах, организованные набеги и войны редки, за исключением тех, ответственность за которые лежит на более высокоорганизованных и сильных группах соседей. В многосемейные группы кооперируются для производства или дележа пищи только в отдельных случаях, и автономия домохозяйства регулярно подтверждается случающимся с разной частотой распадом поселения на составляющие его домохозяйства.

В обоих случаях одомашненные виды служат в качестве пищевого дополнения к дичи, и охота по-прежнему очень важна. У мачигенга Перуанской Амазонии, ведущих полуоседлый образ жизни, семьи, проживающие в селлах, выращивают большую часть пригодных в пищу растений, но при этом продолжают ценить и разнообразие дикорастущих. Хотя у них в изобилии имеются неиспользуемые земли, пригодные для садоводства, они предпочитают рассеиваться отдельными семьями, чтобы иметь легкий доступ к диким источникам пищи. Нганасаны, охотники на северных оленей сибирской тундры, содержат небольшие стада из одомашненных северных оленей, но не столько для их употребления в пищу, сколько для транспортных целей и использования во время охоты. Они употребляют технологию доместикации, но по сути остаются добытчиками.

Почему же эти группы не воспользовались технологией доместикации, чтобы завершить ожидаемый эволюционный переход к обществам с большей плотностью населения и внутренней дифференциацией? Как будет показано в разделе 5, такая постановка вопроса неуместна. Мы уже видели, что при нормальных обстоятельствах расселение в виде малых разбросанных групп предлагает экономичное решение основных проблем экономики. Куда более интересный вопрос заключается в следующем: что заставляет людей отказываться от автономии семьи и предпочитать ей крупные поселения с более концентрированным населением, при которых приобретение пищи менее эффективно, а социальная напряженность выше?

Археологические свидетельства говорят о том, что земледелие само по себе не приводит к революционным изменениям в организации общества. Как показывает археология, оседлая деревенская жизнь сначала возникла в обществах, зависящих от охоты и собирательства; рыболовы Северо-Западного побережья (случай 9) являются этнографической иллюстрацией того, как это стало возможно. В этом разделе мы докажем, что организация семейного уровня, характерная для большинства обществ охотников и собирателей в конце плейстоцена, в ряде случаев сохранялась и намного позже появления земледелия.

На Ближнем Востоке и в Месоамерике земледелие и пастушество появились не как экономическая революция, с переходом к оседлому образу жизни, а в результате долгих и постепенных процессов, не связанных напрямую с образованием деревень. Действительно, на Ближнем Востоке оседлые деревни предшествовали земледелию; деревенские жители запасались дикорастущими злаками, чтобы питаться ими в голодные пе-

ТАБЛИЦА 3. Тенденции развития в долине Техуакан

Фазы	Население	Процент окультуренных видов	Самое крупное поселение
Поздний Ахереадо (?—7400 год до н.э.)	25	0	стойбище
Эль-Рьего (7400–5800 годы до н.э.)	50	4	базовое стойбище
Кошкатлан (5800–4150 годы до н.э.)	150	14	базовое стойбище
Абехас (4150–2850 годы до н.э.)	300	22	село?
Пуррон и Ахальпан (2850–1000 годы до н.э.)	недостаточно данных		село
Санта-Мария (1000–150 годы до н.э.)	4000	58	деревня

Источник: Christenson 1980.

риоды (Flannery 1969). Деревня Айн-Маллаха¹, в которой люди жили между 10 и 11 тыс. лет тому назад, — там, где сейчас находится Израиль, — состояла примерно из пятидесяти полуземлянок округлой формы, что позволяет предположить, что она могла быть деревней садоводов, такой, как описана в разделах 6 и 7. Однако первое свидетельство доместикиции растений и животных обнаружено лишь в конце этого периода, около 10 тыс. лет тому назад. На примере важной в археологии деревни Али-Кош², на юго-западе Ирана, Флэннери (Flannery 1969) документирует медленное освоение одомашненных видов в качестве пищи. Несмотря на использование окультуренных злаков (пшеницы-двузернянки и ячменя двухрядного³) и одомашненных животных (коз и овец), на протяжении более чем тысячи лет охота и собирательство продолжали обеспечивать большую часть пищевого рациона. На Ближнем Востоке, как и в других местах, переход в экономике жизнеобеспечения на окультурен-

1. Поселение натуфийской культуры существовало в 10–8 тыс. лет до н.э., население занималось добывающей экономикой.
2. Поселение расположено на равнине Дех-Луран в Южном Загросе и датируется 7000–5700 годами до н.э.
3. Пшеница-двузернянка — англ. *emmer wheat* (в рус. языке также в ходу название эммер), вид пшеницы *Triticum dicoscon*. Ячмень двухрядный — англ. *two-row barley*, прежде *Hordeum distichum*, сейчас классифицируется как форма ячменя обыкновенного (*H. vulgare*).

ные виды занял несколько тысячелетий и был обусловлен постепенным ростом населения.

Долговременный характер причинно-следственных связей между ростом населения, изменениями в экономике жизнеобеспечения и изменениями в социальной организации лучше всего задокументирован в подробном исследовании Мак-Ниша (Byers 1967; Christenson 1980; MacNeish 1964, 1970), проведенном в долине Техуакан⁴ в Мексике. Таблица 3 представляет нам данные, которые показывают связи между этими тремя ключевыми переменными. Согласно нашей интерпретации, долговременное развитие было ускорено ростом населения и интенсификацией экономики жизнеобеспечения. Первоначально имел место переход от смешанной экономики охоты и собирательства в период Поздний Ахереадо и Эль-Рьего к экономике широко спектра, опирающейся на растения, которые в период Кошкатлан составляли около 65% пищевого рациона. Одомашненные растения (маис, бобы, сквош⁵ и др.) собирали, начиная с Эль-Рьего, и они со временем начали составлять более высокую долю пищевого рациона.

Тип расселения, который медленно менялся, был увязан с ростом населения и интенсификацией жизнеобеспечения. Добытки периодов Эль-Рьего и Кошкатлан были организованы на уровне семьи, как шошоны или кунг, с характерной моделью, сочетающей базовые стойбища с небольшими кратковременными стойбищами. Вероятно, к периоду Абехас стойбища разрослись в размерах примерно до 50 человек и стали более оседлыми, что может считаться переходом к селам. Настоящие же оседлые деревни не обнаруживаются до периода Санта-Мария — на 5 тыс. лет позже, чем началось использование окультуренных растений.

Таким образом, с точки зрения археологии мы не можем говорить о технологической революции, а лишь о медленном увеличении роли фермерства в обществе семейного уровня, как мы

4. Пустынная долина в штате Пуэбла (Мексика), микроклимат которой способствовал особой сохранности органики, позволившей проследить развитие хозяйственной деятельности и других аспектов жизни местного населения на протяжении более чем 10 тыс. лет, вплоть до испанского завоевания. Выделяется 9 культурных фаз (периодов) по названию местечек. Две последние из них не вошли в таблицу, предлагаемую авторами книги: Пало-Бланко (150 до н.э. — 700 н.э.) и Вента-Салада (700–1521).

5. Англ. *squash*; существует определенная путаница в переводах этого слова на рус. язык — переводится то как кабачок (подвид тыквы обыкновенной — англ. *pumpkin*), то как тыква вообще. В действительности в Америке так чаще всего называют 4 вида рода тыквы (*Cucurbita*), включая тыкву обыкновенную (*C. pepo*), для остальных же существуют другие термины (*gourd* и др.).

собираемся показать на примерах мачигенга и нганасан. Эволюцию от уровня семьи к более сложным формам невозможно объяснить исключительно доместикацией.

Случай 3. Мачигенга Перуанской Амазонии

Мачигенга⁶ — тропические садоводы, плотность населения у которых значительно выше, чем у шошонов или кунг, но при этом они схожи в социальной и экономической организации. Часто собираясь вместе и рассредоточиваясь, если того требует ситуация, мачигенга так же прагматичны в поисках пищи, как классические добытчики. Мачигенга воздерживаются от создания групп, объединяющихся на уровне деревни, и явно ценят экономическую автономию домохозяйства, хотя их многосемейные группы и более постоянны, чем стойбища у сан.

Окружающая среда и технология мачигенга смогли бы обеспечить достойную жизнь большему количеству людей, чем те, что проживают там ныне. Если смотреть с воздуха, то возникает впечатление, что это бескрайний и пустой природный лес. Ландшафт усеян рассыпанными небольшими садами и участками земли, на которых расположено от одного до пяти домов (рис. 6, с. 138). У групп добытчиков, речь о которых шла в разделе 3, мы видели ограничивающие факторы, удерживающие плотность населения на низких цифрах, — воду у кунг и воду и зимнюю пищу у шошонов. Однако у мачигенга явного недостатка в чем-либо, что ограничивало бы рост населения, нет. Производство пищи является достаточным для удовлетворения основных потребностей и для того, чтобы уберечься от голода в большинстве условий окружающей среды.

Возникает важный теоретический вопрос: живут ли мачигенга (и многие другие туземные народы тропического леса) скромнее, чем позволяет вместимость экологической ниши? Возможно, их численность была большей в прошлом, до контактов с евроамериканцами, которые оказали разрушительное влияние на их жизнь, принеся с собой болезни и эксплуатацию. Но, как мы покажем, даже если их окружающая среда и могла бы теоретически выдержать большее население, сами мачигенга на ос-

6. Мачигенга (Machiguenga), или мацигенка (Matsigenka, Matsigenga), живут в верховьях реки Урубамба, вплоть до верховьев реки Мадре-де-Дьос (Перу); общая численность — 10150 чел. (2000). Говорят на языке мачигенга, относимом к предандийской группе ветви южн. майпуре аравакской языковой семьи (раньше включалась в андо-экваториальную суперсемью).

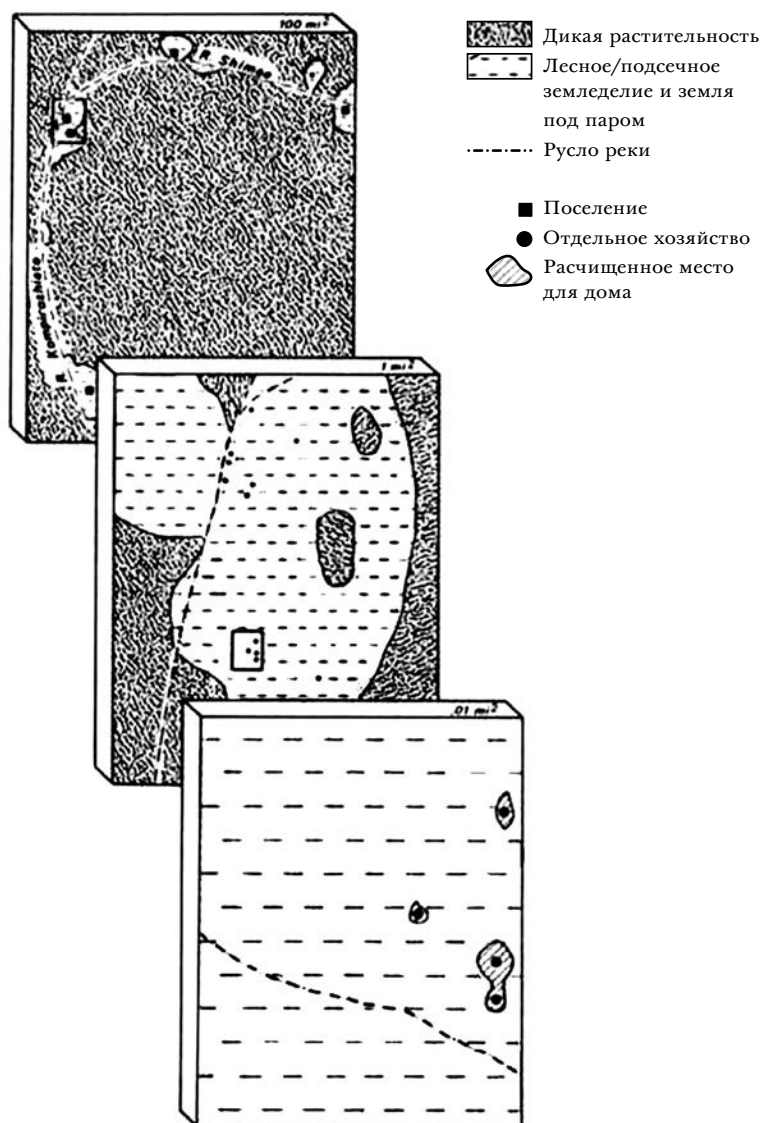

РИС. 6. Тип расселения у мачигенга

Люди селятся отдельными хозяйствами или небольшими временными селами, которые перемещаются, когда местные ресурсы иссякают. Небольшие сады, плодоносящие или заброшенные, находятся близко к поселениям, образуя островки среди тропических джунглей

новании собственного опыта считали ее скудной, способствующей скорее конкурирующей, чем кооперирующей адаптации. Их основные продукты питания не встречались настолько часто и не были так сконцентрированы, чтобы за них стоило сражаться, как это делали яномамо (случай 5). Для поддержания обычного для их культуры уровня жизни им надо было рассеиваться и часто передвигаться, чтобы сохранить низкие затраты на жизнеобеспечение и гарантировать доступ к широкому набору пищи и материалов. Все аспекты их адаптации укрепляют их экономику, соответствующую уровню семьи. Это означает не только то, что у мачигенга мало мотиваций для образования более крупного сообщества, но еще и то, что чужаки — от инков⁷ до современных перуанцев — находят трудным или невозможным контролировать их политически или инкорпорировать их в свою государственную систему.

Окружающая среда и экономика

Мачигенга (А. Johnson 1983; 2000; О. Johnson 1978) живут в Юго-Восточном Перу на западном краю дождевых лесов Амазонки вдоль склонов Анд. Расположенные в высокогорьях Анд альтиплано⁸ задолго до завоевания Нового Света европейцами обеспечивали политически сложные общества, существовавшие на основе интенсивного земледелия. К инкскому времени (ок. 1400 года н. э.) государство имперского типа сумело интегрировать область, идущую вдоль цепи Анд, — от административного центра Куско более чем на 2 тыс. миль на север и на юг (раздел 12). Но инки, несмотря на многочисленные набеги в тропический лес, сочли, что установить господство уже несколькими милями восточнее, в монтанье⁹, в районе дождевого леса среди труднопроходимых гор на высоте от 1 тыс. до 6 тыс. футов над уровнем моря, политически трудно. Обитатели Монта-

7. Первоначально династия, правившая Тауантинсуйю — самой обширной империей в доколумбовой Америке с центром в Куско (осн. ок. 1200), которая существовала в 1438/1442–1572 годах и была покорена испанскими конкистадорами под предводительством Ф. Писарро. Ее население составляли предки современных народов кечуа и аймара. В дальнейшем инками стали называть и самих носителей этой цивилизации. Инки подступили к краю территории, занимаемой предками мачигенга, уже в самый ранний период, при инке Пачакути (1438–1463).

8. От исп. *altiplano* — плоскогорье (род. понятие); Альтиплано (собств.) — второе в мире по территории (после Тибета) высокогорное плато в самой широкой части Анд, в плейстоцене покрытое гигантским озером, остатком которого является современное озеро Титикака.

9. От исп. *montaña* — гора (род. понятие); Ла-Монтанья (собств.) — местность в Перу у границ с Бразилией.

нии, как и мачигенга, жили в маленьких разбросанных селах, занимаясь экстенсивным садоводством. Они могли внушать ужас, но никогда не противостояли армиям инков в открытом столкновении, хотя даже те боялись их, называя *antis* — «дикари».

В такой окружающей среде, как у мачигенга, нет необходимости собираться вместе с целью защиты или для охоты. Поселения мачигенга разнятся в диапазоне от отдельных домохозяйств, изолированных от других девственными лесами, до сел из трех-пяти скооперировавшихся родственных домохозяйств (рис. 6). Выбор места и время такого выбора определяются главным образом скудостью или изобилием основных ресурсов данной местности.

Домохозяйства у мачигенга полуоседлые. Главное место их пребывания — прочные дома, строящиеся на время от трех до пяти лет, в течение которых они там живут. Но в заброшенном поселении могут оставить и более старый дом в качестве охотничьего домика или временного пристанища семьям, которые возвращаются в старые сады, где все еще можно собирать урожаи и охотиться на небольшие стада пекари¹⁰ и иную дичь, привлекаемую корнеплодами, оставленными без присмотра.

В течение определенного времени года, когда изобилует пища из диких источников, мачигенга покидают дома и живут во временных хижинах вдоль рек или в отдаленных садах. Люди ценят эти времена за возможность уехать из сел, где дежеле добычи и кооперация высокочрезвычайны, а дикие источники пищи истощены. Плотность населения составляет 0,8 человека на 1 квадратную милю, что является высоким показателем для обществ, находящихся на уровне семьи, но при этом достаточным, чтобы ресурсов хватало для нормального существования всей группы. И хотя мы полагаем, что лес мачигенга практически не заселен, они считают его переполненным. Почему? Это вопрос, к которому мы еще вернемся.

Из объема труда, который мачигенга вкладывают в производство пищи, почти две трети уходит на их высокопродуктивные сады; а оставшаяся треть — на получение пищи из диких источников, особенно дичи, рыбы и насекомых. И хотя пища из диких источников составляет около 10% от того, что они потребляют, она считается существенной прибавкой к их пищевому рациону. Судя по свидетельствам наблюдателей, еще недавно, в 1965 году, такая пища в рационе занимала намного большую

10. Животные двух видов из рода *Tayassu* (*T. tajacu* и *T. albirostris*), известного только на Американском континенте; отдаленные родичи пекари — свиньи и бегемоты Старого Света.

долю. Причиной изменений являются возрастающие контакты с внешним миром, приводящие к более легкому приобретению стальных инструментов для садоводства, и увеличение плотности населения и связанное с этим снижение доступности пищи из диких источников. Позже мы рассмотрим некоторые последствия этих недавних перемен. Сейчас же отметим только то, что пища, получаемая от садоводства, обеспечивает основу рациона и является основанием для уверенности мачигенга в наличии достаточного ее количества, что достигается путем перепроизводства корнеплодов, которые могут храниться в земле, пока не потребуются.

Принимая во внимание способность мачигенга производить крахмалосодержащие продукты питания свыше потребностей жизнеобеспечения, нельзя не задаться вопросами, почему плотность населения у них остается низкой и почему сохраняется организация семейного уровня. Ранние наблюдатели полагали, что ограниченный потенциал тропических почв является сдерживающим фактором роста населения в «зеленой пустыне» тропического леса, подобно тому как у добывающих групп рост населения ограничивается экстремальными засухами или холодами (Meggers 1954). Часто тропические почвы более хрупки, чем почвы умеренных зон. Роскошная растительность тропического дождевого леса покоится на непрочном балансе питательных веществ, быстро циркулирующих из леса в почву и обратно. Постоянный дождь из детрита¹¹ — листьев, веток, плодов, испражнений животных и др. — падает на землю, где быстро разлагается на питательные вещества при помощи насекомых и бактерий, активизирующихся в теплом и сыром почвенном слое. Эти питательные вещества подбираются неглубокой корневой системой леса и снова используются для поддержания роста. Стоит обнажить землю, лишив ее лесного покрытия, как будет беспрепятственно палить солнце и хлестать дождь, разрушая рыхлую структуру тонкого почвенного слоя. Питательные вещества станут просачиваться глубже уровня, достигаемого молодыми корнями, оставляя после себя латериты¹² (окислы

11. *Детрит* (от лат. *detritus* — истёртый) — совокупность мелких (до нескольких сантиметров) частиц растительных и животных организмов или их выделений, остающихся на суше или осевших на дно водоема. Время сохранения их может быть различным: трупы и фекалии животных перерабатываются личинками мух за несколько недель; листья в лесу — за несколько месяцев; стволы деревьев — за несколько лет и т. д.

12. Поверхностные образования характерного красно-коричневого цвета в жарких и влажных тропических областях. Просачивающаяся дождевая вода разрушает основные минералы пород, уменьшая концентрацию хорошо растворимых эле-

железа и алюминия); те же, застывая, могут образовывать твердый подпочвенный пласт, на котором ничего не будет расти. Но еще чаще из-за продолжающегося возделывания почвы эрозия или истощение питательных веществ приводят к снижению ее плодородия, а в крайних случаях и вовсе уничтожают плодородные почвы.

Наблюдатели спорят о степени бедности тропических почв. Некоторые амазонские земли поколениями использовались в фермерских целях без явной потери плодородия, в то время как другие при интенсивном возделывании неуклонно разрушались. Зачастую почвы рядом с большими реками ежегодно пополнялись илом, который оседал во время половодий, и эти речные почвы могли переносить интенсификацию лучше, чем внутренние (расположенные между рек) (Moran 1993). Однако во многих случаях причины различий в степени плодородия и выносливости почв остаются непонятными (см. Moran 1979: 248–290; Sanchez 1976).

Если тропические почвы в самом деле бедны, то амазонскому дождевому лесу вполне могло бы подойти подсечно-огневое или переложное земледелие. При подсечно-огневом земледелии, какое практикуется у мачигенга, требуется вырубка и расчистка небольших участков леса под сады. После одного-двух лет возделывания, пока расчищаются новые делянки, поле может восстановить природную растительность. Для этого необходимо на время оставлять землю под паром и в течение этих периодов не возделывать поля. Прежде такую технологию возделывания считали отсталой и неэффективной. Наблюдателей, знакомых с чистыми распаханymi участками при интенсивном земледелии в умеренных зонах, вводили в смятение и виды полей, замусоренных полусгоревшими бревнами, и смешение разнотипных культур, происходившее, по-видимому, из-за отсутствия планирования или заботы о внешнем виде. В длительном нахождении почв под паром видели расточительную практику, так как многие земли не использовались и урожаи от этих садов, как полагали, были низкими. Однако рост знаний о предрасположенности многих тропических почв к деградации привел к тому, что на подсечно-огневое земледелие стали смотреть с большим интересом. Что же до наиболее распространенной критики этой системы (например, C. Webster and Wilson 1966: 87), то ее объектом является сокращение времени, на которое почвы остаются под паром (что делалось для увеличения количест-

ментов (натрий, калий, магний и кремний) и увеличивая концентрацию малорастворимых элементов, таких как железо и алюминий.

ва садов) в областях, где наблюдается рост населения. Критики утверждают, что такая практика препятствует восстановлению почв, которое ранее обеспечивалось более долгим подниманием пара.

В садах обычного подсечно-огневого типа, часто обнаруживаемых в не столь интенсивных садоводческих системах, в районе которых важную роль все еще играет пища из диких источников, в междурядьях высаживают несколько отдельных видов растений, употребляемых в пищу. Как отмечает Гирц¹³, сады с междурядным размещением культур имитируют тропический лес и достигают успеха в защите цельности почв. Стелющиеся по земле культуры, такие как тыквы и сквош, занимают нижний ярус; среднюю зону в междурядьях заполняют главные культуры — маис, маниок и ямс, а над ними образуют полог древовидные — бананы, кешью и гуава¹⁴.

Разнообразие сельскохозяйственных культур также представляет собой определенную защиту от паразитов и болезней, действие которых наиболее опустошительно, когда они наносят удар по полю, полностью засаженному одной культурой. Например, мачигенга высаживают на одном и том же поле не только от шести до десяти различных культур, но и по несколько

13. Клиффорд Джеймс Гирц (Geertz, 1926–2006) — американский антрополог; получил бакалаврскую степень в Антиок-колледж в штате Огайо (1950) и докторскую в Гарварде (1956); полевые исследования вел главным образом на островах Ява и Бали и в Северной Африке; преподавал в Чикагском университете и в Институте повышения квалификации при Принстонском университете. Один из лидеров так называемой символической антропологии, считал, что функция культуры заключается в наделении мира значениями, чтобы сделать его понимаемым; а роль антрополога — в том, чтобы попытаться интерпретировать основные символы каждой культуры через так называемое густое описание. Ранние работы посвящены экономике и экологии.

14. Маниок съедобный, или юкка (*Manihot esculenta*), в Африке известен как *кассава*; многолетнее вечнозеленое кустовое растение из семейства молочайных; родина — тропическая Южная Америка, где до сих пор произрастает свыше 160 видов маниока; употребляются в пищу клубни; второй по популярности корнеплод в мире после картофеля: в 2004 году — 203 млн т. Ямс — несколько растений рода *Dioscorea*. Клубни ямса, достигающие 2,5 м в длину и весящие до 70 кг, потребляют в пищу; четвертый по популярности корнеплод в мире после картофеля, маниока и батата: в 2004 году — 40 млн т. Бананы — род многолетних растений (*Musa*), но не «древовидных», а травянистых, из семейства банановых (*Musaceae*), родиной которых является Малайский архипелаг; среди выращиваемых культур занимает четвертое место в мире, уступая только рису, пшенице и кукурузе (маису). Кешью, или *анакардиум* (*Anacardium occidentale*), дерево семейства сумачовых, плод которого, включая плоть и косточку, употребляют в пищу; родина — Бразилия, так что еще одно рус. название — *индийский орех* — ошибочно; в Индию завезен португальцами позже. Гуава — небольшое вечнозеленое или полулистопадное дерево (*Psidium guajava*) из семейства миртовых; родина — Перу; в пищу употребляют округлые или грушевидные плоды с мускусным запахом.

сортов каждой из них, поскольку, как они говорят, им «нравятся различия»¹⁵. Они называют пятнадцать сортов самой главной своей культуры — маниока — и десять сортов маиса, второй по важности культуры. Потребовалось бы совершенно невероятное сочетание случайностей, чтобы помешать плодоносить всем этим сортам.

Согласно Бекермену, преимущества полей с междурядным размещением культур для жизнеобеспечения фермеров в основном таковы:

- 1) более низкие потери от паразитов и болезней растений;
- 2) возросшая защита от эрозии;
- 3) более низкий совокупный риск от неурожая всех культур, что может быть приписано частично действию пунктов 1 и 2, но также и разбросу риска по нескольким культурам, одновременный урожай которых маловероятен;
- 4) более действенное использование света, влаги и питательных веществ;
- 5) получение в отдельном саду многих предметов потребления, необходимых для самообеспечения домохозяйства;
- 6) более равномерное распределение работ в течение года;
- 7) меньшее количество проблем, связанных с хранением.

Тем не менее при определенных условиях в тропических регионах обнаруживаются монокультурные поля из таких важнейших растений, как маниок или банан-плантен¹⁶. Бекермен (Besketman 1983) определяет эту практику как форму интенсификации, отражающую все возрастающую зависимость сообщества от садоводства как источника питания. Однако даже в этих случаях многие из преимуществ междурядного размещения культур сохраняются, поскольку выращиваются несколько сортов одной и той же ведущей культуры.

15. Мачигенга различают, по меньшей мере, 80 видов культигенов [виды, существующие только в окультуренном состоянии. — И. К.], но большая часть их выращивается малыми количествами в домашних садах и служит в качестве приправ, лекарств, стройматериалов и др. В домашних садах они также экспериментируют с новыми культурами. — *Примеч. авт.*

16. Культурные гибриды различных банановых в основном двух видов — *M. acuminata* и *M. balbisiana*; в отличие от других бананов (сладких), употребляются в пищу не в сыром, а только в приготовленном виде. Завезены в Америку из Европы испанцами. И в англ. и в рус. названиях этой культуры присутствует путаница. Англ. *plantain* имеет также и второе (изначальное) значение — подорожник; в рус. языке не делается различия между десертными бананами и теми из них, которые подвергают кулинарной обработке перед употреблением.

Неверно, что сады подсечно-огневого типа относительно непроизводительны. Обычно урожайность семян в них составляет от сам-сто до сам-двести, в сравнении, например, с урожайностью меньше, чем сам-сто, отмечаемой ежегодно при плужном возделывании культур в Месоамерике, и меньше, чем сам-десять — при зерновом фермерстве в Европе до нашей эры. Трудовая отдача также высокая: на каждую калорию вложенного труда — 20 калорий, что делает возможным производить значительный излишек сверх обычных потребностей жизнеобеспечения. Менее чем за четыре часа комбинированного труда в день члены домохозяйства мачигенга производят в два раза больше пищевой энергии, чем та, что необходима для их обеспечения.

Результативна даже практика длительного нахождения земель под паром. Бозеруп (Boserup 1965) показала, что продолжительность воздействия пара является фундаментальной характеристикой системы земледелия, тесно связанной с давлением населения на ресурсы. В системах со значительными периодами воздействия пара она различает три типа: лес под паром, при котором после одного или двух лет возделывания следует длительный период парового воздействия, позволяющий лесу вырасти заново; буш¹⁷ под паром, при котором после нескольких лет возделывания следует менее десяти лет нахождения земель под паром, чтобы вырос не настоящий лес, а только кустарник; и кратковременный период воздействия пара, при котором после нескольких лет возделывания следует такое же число лет под паром, затем снова период возделывания, так чтобы и кустарник не вырос заново. Согласно Бозеруп, более короткий период воздействия пара требует больше труда для получения такого же урожая с той же земли, что является потерей производительности труда.

Два ряда доводов подкрепляют этот взгляд. Первый заключается в том, что более короткие периоды воздействия пара снижают плодородие почв. Растущий лес восстанавливает рыхлую структуру почвы и содержащиеся в ней питательные вещества, потерянные во время возделывания. Мы не знаем точно, сколько времени требуется экосистеме, чтобы полностью восстановиться. За 10 лет составляющие почвы в значительной степени восстанавливаются, но полное восстановление лесного комплекса может занять от 25 до 50 лет.

Бозеруп не смогла убедительно доказать, что более короткие периоды воздействия пара снижают плодородность почв,

17. От англ. *bush* — куст, кустарник; неводеланная земля, покрытая кустарником, иногда низкорослый лес (в Канаде и других бывших британских колониях).

ТАБЛИЦА 4. Состав почв в зависимости от возраста садов у мачигенга

Возраст сада	Количество наблюдений	Процент содержания органических веществ	Процент содержания азота
Первичный лес	4	6,8	0,32
Однолетний	12	6,7	0,32
Двулетний	2	6,2	0,30
Трехлетний	3	4,6	0,21
Четырехлетний	4	3,6	0,16
Под паром (два года)	2	3,2	0,14

но данные мачигенга подтверждают ее правоту. Из таблицы 4 видно, что плодородие почв у мачигенга, если измерять его количеством органических веществ и азота, неуклонно снижается, в зависимости от количества времени постоянного возделывания. Плодородие фактически идентично у первичного леса и однолетних садов, но оно резко снижается после второго года возделывания. (Это, кстати, и приводит к тому, что мачигенга забрасывают свои сады.) Два сада, рассмотренные в таблице 4, как находящиеся под паром, были заброшены только на два года, и мы не находим свидетельств того, что их плодородие значительно восстановилось.

Данные таблицы 4 подтверждают мнение, что тропические почвы при постоянном возделывании быстро теряют плодородие, и, чтобы его восстановить, требуются долгие периоды воздействия пара. Настолько же могут быть важны и другие составляющие почвы, например ее кислотность, которая неуклонно возрастает по мере старения сада (Baksh 1984). Но каков бы ни был химический состав почв, представляется очевидным, что короткие периоды воздействия пара не полностью восстанавливают плодородие, что, в свою очередь, означает, что урожай будет ниже. И поскольку вклад труда не уменьшается, более низкие урожаи означают, как доказывает Бозеруп, потерю производительности труда.

Второй довод против более коротких периодов воздействия пара основывается на увеличении затрат на прополку. Как говорят мачигенга, чрезмерный рост сорняков является главной причиной забрасывания садов. Сорняки — проблема и в новых садах, но там прополка необходима примерно каждые шесть недель; кроме того, она идет быстро, поскольку молодые сорняки

слабы и их легко выдергивать руками. Но по мере увеличения возраста сада сорняки укореняются, ручная прополка становится невозможной, и надо применять мачете¹⁸. В конце концов крепкая трава, крапива и иные многолетние виды начинают побеждать, и садоводу приходится сдаваться. А при воздействии пара, способствующего возвращению природного многообразия растений, соотношение устойчивых сорняков к целому уменьшается до первоначальных малых величин.

Утверждение Бозеруп выглядит опять неубедительным. Однако Бергман (Bergman 1974: 191) сообщает, что индейцам шипибо¹⁹ в перуанской Монтанье на расчищенных целинных землях в гектар маисовых садов требуется вложить 260 часов труда, в то время как на обработку гектара земли после коротких периодов воздействия пара им понадобится около 480 часов. Он объясняет эту разницу необходимостью дополнительно пропалывать поля после того, как они в течение короткого времени остаются под паром.

Рассуждения Бозеруп и свидетельство Бергмана, которое мы привели, подтверждают точку зрения Меггерс о том, что при интенсификации земледелия потенциал тропических дождевых лесов становится ограниченным. То же подтверждают и серьезные неудачи технологий современного агробизнеса на таких предприятиях в Амазонии, как каучуковые плантации Форд Мотор Компани в Фордлэндии (Wagley 1976: 89–90) и целлюлозно-бумажный комбинат Дэниела Людвига на Жари²⁰ (Veja 1982). Сложности жизнеобеспечения в тропической лесной среде от-

18. Длинный (более 50 см), тонкий (до 3 мм) и широкий нож для уборки сахарного тростника и прорубания троп в густых зарослях.

19. Шипибо живут в регионе Укаяли (Перу); говорят на языке шипибо-конибо северо-центральной ветви паноанской языковой семьи (раньше включалась в же-пано-карибскую суперсемью); общая численность до 26 000 чел. (2003).

20. В 1920-е годы Г. Форд приобрел в бразильской Амазонии 10 000 кв. км, чтобы взять под контроль резиновое производство, необходимое для его автомобилей, и таким образом преодолеть зависимость от британских поставщиков-конкурентов. Предприятие закончилось крахом, сказалось все: почвы были неплодородные; не учитывались особенности тропических условий для земледелия; деревья на плантациях насадили чаще, чем они растут в джунглях, и их начали одолевать паразиты; нанятые индейцы не хотели вести трезвый образ жизни и поднимали восстание; и наконец, самое главное — с 1945 года каучук стали получать синтетически. В 1967 году другой американский миллиардер, Д. Людвиг, выкупил у бразильского правительства 16 000 кв. км амазонского дождевого леса, чтобы наладить там производство целлюлозы из эвкалиптов, которые собирался посадить. Из Японии доставили целиком целлюлозно-бумажный комбинат и сплывили его вверх по течению реки Жари; построили новый город и начали расчищать джунгли. Но через 10 лет из-за повышения цен на энергоносители бизнес стал убыточным, его забросили, и делянки начали снова зарастать.

мечались и в доисторический период на островах Тихого океана (раздел 9).

Но в действительности ситуация еще сложнее. Карнейро в своей авторитетной статье (Carneiro 1960) показал, что у индейцев куйкуру²¹ верховий реки Шингу в Бразилии имелось достаточно земли, чтобы содержать население в десять раз большее, чем у них было, и поэтому они все еще могут позволить себе роскошь оставлять земли под паром на периоды в 25 лет. У мачигенга, несомненно, тоже в изобилии имеются земли, пригодные для обработки. Следовательно, нехватка земель не может быть единственным ограничивающим фактором в экологии человека, живущего в тропическом дождевом лесу.

Один ограничивающий фактор все же существует, поскольку мачигенга весьма разборчивы в выборе мест для садов и считают, что большая часть земель для этого непригодна. Они предпочитают мягкие почвы без камней, плодородные, с хорошим дренажем, без лишних кручин и обрывов и расположенные не слишком далеко. Они постоянно заняты поиском хороших земель, и семья может предъявить права на понравившийся ей кусок земли более чем за год до фактической расчистки. Хорошая земля в сравнении со второстепенной производит больше, а труда требует меньше, таким образом сохраняя общие трудовые затраты на низком уровне. Но как только возрастающая плотность населения снижает доступность желаемой земли, это имеет своим следствием (и именно так воспринимается) увеличение производственных затрат.

Наконец, даже тропические дождевые леса в определенные годы зависят непредсказуемым образом от непомерно сухой либо слишком влажной погоды, способной резко снизить производительность садов. Садовые вредители, так же как нетрудоспособность членов семей из-за травм или болезней, тоже могут повлиять на производительность садов. Таким образом, значительные излишки пищи, которые мачигенга производят в обычные годы, обладают важной функцией надежности и не могут служить доказательством того, что их изобильные земли способны поддерживать намного большее население.

Если принять производство достаточного количества пищевой энергии за фундаментально важное условие жизни любого общества, то понятно, что культурные экологи, такие как Мег-

21. Куйкуру (Kuikuru, Guicugú), или куйкуро (Kuikúro), живут в штате Мату-Гросу (Бразилия); численность 277 чел. (1995); вместе с соседями калапо говорят на языке куйкуро-калапо из группы бассейна Шингу южной ветви карибской языковой семьи (раньше были включены в же-пано-карибскую суперсемью).

герс, должны были задуматься о потенциале земледелия как о факторе, ограничивающем рост населения в группах, занимающихся экстенсивным садоводством. Но, конечно, решающее значение имеют калории. Обычные ведущие культуры (маниок, бананы, сладкий картофель²² и др.) высококалорийны, особенно в тропических регионах, но они содержат недостаточно других необходимых питательных веществ. Слишком большие надежды на такие культуры в плотно заселенных регионах могут привести к хронической пищевой недостаточности²³ (Jones 1959). Поскольку после калорий вторым по важности для питания является белок, он и стал следующим пунктом изучения в поисках ограничивающих факторов. Гросс (Gross 1975) утверждал, что из-за того что в Амазонии не хватает белковой пищи, садоводы там нуждаются в больших территориях, на которых они могут охотиться, ловить рыбу и собирать богатые белком личинки и орехи.

Но и в этом объяснении быстро обнаружились недостатки (Besckerman 1979, 1980), а именно то, что не был доказан факт недостатка белка в пищевом рационе жителей Амазонии. Недавние тщательные исследования сообществ коренных жителей Амазонии показали, что люди там получают белка в два раза больше, чем рекомендовано диетологами (Berlin and Markell 1977), и мачигенга не являются исключением. В самом деле, у мачигенга обычно превышены рекомендуемые уровни потребления буквально всех необходимых питательных веществ (Johnson and Behrens 1982).

И все же от вопроса потребления белков нельзя просто отмахнуться. У самих мачигенга не считается, что их пища богата белком. Они высоко ценят орехи, семена, насекомых, рыбу и дичь, добываемые ими в лесах и реках, и охотнее тратят энергию на то, чтобы получить такую пищу, чем произвести равнозначную по весу пищу в садах (A. Johnson 1980). Природная пища является источником высококачественного белка, а также иных питательных веществ в дополнение к нему, таких как витамины и жирные кислоты.

22. Сладкий картофель (англ. *sweet potato*), или батат, — растение из семейства вьюнковых (*Ipomoea batatas*); родина — Анды; употребляются в пищу клубни; третий по популярности корнеплод в мире после картофеля и маниока: в 2004 году — 127 млн т.

23. Клубни маниока содержат очень мало белка (1,2%) и совсем немного важных аминокислот, поэтому диета, основанная на маниоке, приводит к детской пеллагре. Из-за недостатка аминокислот внутренние органы накапливают воду, откуда — вздутие живота у детей.

Садоводство обеспечивает некоторым количеством растительных белков, но общеизвестно, что тропические корнеплоды ими не богаты. Например, хотя мачигенга и затрачивают в десять раз больше усилий на получение килограмма рыбы, чем на производства килограмма садовых плодов, но в рыбе в десять раз больше белка на килограмм, и поэтому затраты на получение белков в обоих случаях приблизительно равны. Следовательно, такие ведущие экстенсивное хозяйство садоводы, как мачигенга, компенсируют недостаток пищи, получаемой из садов, ее добычей из диких источников, и, таким образом, длительность их пищевого благосостояния зависит от сохранения небольших разбросанных поселений и низкой плотности населения, необходимых для доступа к достаточным запасам пищи из диких источников.

Несмотря на то что они получают необходимое количество белка, они продолжают считать, что богатой белком пищи у них недостаточно, и упорно работают, чтобы получить ее из диких источников. В их рационе обнаруживается низкое содержание жиров и масел (Baksh 1984: 89–93), потребление которых не превышает минимальный уровень, рекомендуемый диетологами. Это может помочь в объяснении распространенной у них практики распознавать количество жиров (игека) в пище с хорошим вкусом (пошин). По их выражению, пища пошин, такая как мясо, рыба и арахис, приятна на вкус из-за своего игека.

Мачигенга часто жалуются и на нехватку других важных для их жизни вещей, в особенности на многолетнюю нехватку пальмовых листьев, которыми кроют крыши. За несколько лет проживания на одном и том же месте даже самое небольшое село способно истощить местный запас рыбы, дичи, пальм и дров. Любимая тема разговоров — кто куда ходил, какие видел пальмы и фруктовые деревья, какую дичь или рыбу, какие следы. О подобных вещах рассказывают снова и снова с большим энтузиазмом.

Если принять во внимание, что мачигенга считают нехватку хороших земель губительной для сельского хозяйства и других природных ресурсов, то кажется удивительным, что у них отсутствуют истории войн. Время от времени они рассказывают про убийства, но еще больше — про самоубийства. Мачигенга сильно походят на кунг тем, что подчеркивают мирный характер отношений в своей среде, в противоположность своим «диким» и сильным соседям, живущим в долинах. Когда вспыхивают ссоры, семьи расселяются, пока не стихнет враждебность. Воинственных людей остерегаются.

Одной из причин такого мирного образа жизни является маргинальный характер лесной среды, в которой живут мачигенга, затрудняющий добывание (особенно это касается аллювиальных почв²⁴ для фермерства, большей части дичи и речной рыбы). Такие земли не привлекательны для популяции, привыкшей к сравнительно богатой окружающей среде вблизи рек в низкогористой местности либо же зависящей от интенсивного земледелия в высокогорьях. Как и у кунг, нехватка ресурсов, очевидно, оказалась благоприятной для небольших семейных групп и рассеянной популяции. Но почему же эта нехватка не привела к борьбе семей за участки хороших для сельского хозяйства земель и другие природные ресурсы? Причиной этого послужило то, что такие ресурсы были недостаточно сконцентрированы и надежны, чтобы защита территории стала действенной. Если группа собиралась вместе, что необходимо для защиты, это могло привести к скорому истощению ресурсов, а быстро растущие затраты на приобретение пищи могли заставить группу снова рассредоточиться.

В заключение необходимо отметить, что фундаментальной проблемой, с которой столкнулись мачигенга, была нехватка и периодическая непредсказуемость природных ресурсов в лесной среде обитания. При низкой плотности населения, которая является следствием такой нехватки, обнаруживаются и преимущества, в частности отсутствие войн. Решением проблемы нехватки ресурсов должно было стать сохранение гибкости общества, организованного на уровне семьи, что мы сейчас и опишем.

Социальная организация

Мачигенга сохраняют низкие производственные затраты и достаточный уровень жизни, продолжая жить небольшими, разбросанными по территории социальными группами. Будучи самодостаточными на уровне домохозяйств, они то живут изолированно на протяжении какого-то времени, доходящего до нескольких лет, то перебираются в села, состоящие из нескольких домохозяйств.

По меньшей мере 90% пищи, потребляемой в домохозяйстве, производится его членами. В таблице 5 мы кратко рассмотрим степень взаимодополняемости мужей и жен, позволяющую им объединяться в самодостаточную производственную единицу. Большую часть времени мужчины находятся вне дома, охо-

24. Почвы, расположенные в поймах рек; периодически подвергаются затоплению паводковыми водами.

таясь, обрабатывая землю и добывая сырые продукты. Женщины остаются в доме или находятся неподалеку от него, готовя пищу, заботясь о детях и изготавливая материю из хлопка. В некоторые сферы деятельности, такие как рыболовство, собирательство и изготовление орудий труда и утвари, вовлечены и мужчины и женщины, но и здесь они выполняют разные задачи: мужчины ловят рыбу «мужскими» сетями там, где есть течение, женщины — вдоль берега «женскими» сетями меньшего размера; мужчины изготавливают луки со стрелами, женщины — плетеные сепялки и сита; мужчины мастерят деревянные веретена, которые используют женщины при прядении хлопка, и т. д.

Взаимодополняемость мужа и жены способствует взаимным уважению и привязанности. Правда, мужчины во время семейных переходов по лесным тропам берут руководство в свои руки, но все члены семьи соглашались с тем, что это разумно, поскольку они вооружены луками со стрелами и могут лучше справиться с любой возникающей опасностью. Если мачигенга теряют супруга, они остро переживают горе и одиночество, но выражают свои чувства чаще в выражениях практического характера. Так, женщина может спросить: «Кто будет для меня охотиться?», а мужчина запричитает: «Кто выткет мне кушма²⁵ (мантию)?»

Несмотря на то что мачигенга ведут полуоседлый образ жизни, а не кочуют, они искуснее строят дома и приобретают больше вещей, чем их кочующие собратья. Но поскольку в поисках природной пищи они перемещаются в зависимости от сезонных изменений и поскольку приблизительно каждые пять лет вынуждены переносить свои селения, мачигенга не обзаводятся большим количеством вещей; по первому зову они могут легко сняться с места и жить как добытчики за счет лесных ресурсов. Товаров, полученных посредством торговли с пришельцами, мало, и до недавнего времени они ограничивались в основном топорами.

Мачигенга — хорошие ремесленники, их продукция скорее прочна, чем красива. Мужчины строят дома, сучат волокна для сетей и сумок, которые сами вяжут, и придают форму лукам и стрелам из тростника и твердого пальмового дерева. Женщины прядут хлопковую нить, ткнут полотно для своих кушма (мантий), изготавливают краску для лица и другие красители, плетут сети и корзины. Дом мачигенга, сделанный из древесины листовенных пород и пальм, может показаться западному наблюда-

25. Представляет собой кусок хлопчатобумажной материи, сшитый по бокам и с отверстием для головы.

телю непрочным и грубым²⁶, но в действительности это надежное, долговечное и уютное строение.

У мачигенга отсутствуют специалисты в хозяйственной деятельности, но, как и в других случаях, некоторые люди выполняют работу качественнее, чем остальные. Какой-то мужчина может быть известен как лучший изготовитель луков, а женщина — как мастерица, ткущая тончайшее полотно. Люди начали оценивать ручную работу другого, критиковать ее или любоваться ею. Мужчины могут заказать луки лучшему ремесленнику и отплатить ему услугами, но не в исчисляемом виде; на некоторых молодых женщин, которые еще не научились прясть, смотрят с пренебрежением и считают их ленивыми, потому что они зависят от более опытных женщин. Но такие различия никогда не институционализируются в профессии или классы.

Существует также и возрастное разделение труда. К младенцам относятся тепло и снисходительно, но от детей постарше ждут, чтобы они все больше полагались на себя и приносили пользу; так происходит вплоть до пяти- или шестилетнего возраста, когда они считаются ответственными и начинают вносить свой вклад в экономику домохозяйства. Обычно дети должны приносить воду, подносить семена во время посадки, передавать сообщения, а девочки — заботиться о сиблингах младшего возраста. После достижения детьми шестилетнего возраста их работа начинает носить более выраженный половой характер. Мальчики начинают охотиться на воробьев и ящериц при помощи маленьких луков со стрелами, а девочки — сучить неровную, но на что-то пригодную нить на маленьких веретенах. К двенадцати годам мальчики и девочки способны выполнять большую часть заданий взрослых одного с ними пола. В этом возрасте они выказывают мало инициативы и склонны при возможности уклоняться от работы, но их отношение к труду меняется, когда они созревают и начинают принимать на себя собственные семейные обязанности.

В домохозяйствах, где есть полигиния²⁷, существует также разделение труда между женами (O. Johnson 1978). Молодые жены чаще всего вовлечены в работу вне дома: они занимаются садами или добычей. Старшие обычно остаются дома, ор-

26. Прямоугольное жилище, у которого отсутствуют стены, а двускатная крыша со скосами к торцовым концам покоится на столбах.

27. Англ. *polygyny* (греч. *polu* — много и *gynē* — женщина) — многоженство. Интересно, что мачигенга вроде бы считаются также примером матрилокальности — практики, которая традиционно вызывает повышенное внимание у антропологов, выстраивающих эволюционные схемы развития семьи и брака. Но об этом авторы почему-то не упоминают.

ТАБЛИЦА 5. Распределение времени у мачигенга, часов в день (только дневные часы (6.00–19.00))

Деятельность	Мужчины	Женщины
Производство пищи:	4,3	1,6
Охота*	0,7	0,0
Рыбная ловля	0,7	0,3
Собирательство	0,4	0,4
Земледелие*	2,5	0,8
Разведение скота	0,0	0,1
Приготовление пищи	0,2	2,2
Потребление пищи	1,1	1,0
Торговая деятельность	0,0	0,0
Домашняя работа:	0,2	0,6
Домоводство	0,1	0,4
Вода и топливо	0,1	0,1
Уход за домашними животными	0,0	0,1
Рукоделие:	2,4	2,3
Приобретение материалов*	0,7	0,1
Изготовление предметов искусства	1,2	1,3
Изготовление одежды*	0,0	0,8
Изготовление средств производства	0,5	0,1
Социальная:	1,9	2,2
Социализация, посещения	1,2	1,0
Уход за детьми*	0,1	1,0
Уход за другими	0,2	0,1
Общественные церемонии	0,1	0,0
Общественные развлечения	0,2	0,1
Образование	0,1	0,0
Индивидуальная:	2,4	2,7
Гигиена	0,2	0,1
Сон	0,2	0,1
Ничего неделание	1,6	2,1
Болезнь	0,4	0,4
Иная	0,5	0,5
ВСЕГО	13,0	13,1

Источник: Johnson 1975a.

* Значительные различия между мужчинами и женщинами ($p < 0,05$, t -тест).

ганизуя труд детей и рукодельничая. Таким образом, молодые женщины находятся далеко и зачастую с мужьями, что вызывает ревность старших жен. С другой стороны, труд старших жен более продуктивен, и они уважаемы за это мужьями и другими женщинами. Также у старших жен намного больше общественных сетевых связей, и они налаживают обмен с другими домохозяйствами.

У каждой жены в домохозяйстве с полигинией имеется отдельный домашний очаг, что определяет сферу ее контроля над приготовлением пищи и ее самостоятельного вклада в экономику домохозяйства. Она готовит для себя, а также распределяет между членами домохозяйства основные продукты из сада ее мужа. Матери в домохозяйствах с полигинией занимаются в основном своими собственными детьми и редко — детьми от других жен. Жены обычно общаются и делятся едой с мужем, а не между собой, особенно если между ними возникают напряженные отношения.

Однако большинство домохозяйств мачигенга существуют как общества с генерализированной реципрокацией. Пища постоянно находится в обращении между членами семьи. Женщина передает поджаренный початок кукурузы своему мужу, который разламывает его пополам и возвращает половину ей. Затем он разламывает свою половину и отдает часть своей младшей дочери, которая делится ею с другими детьми. Материнская половина кукурузы разделяется подобным же образом, и вскоре дети передают кусочки кукурузы обратно своим родителям. Кажется, что едой наслаждаются, не только поглощая ее, но и делясь ею.

У каждого продукта питания есть свой «хозяин» (шинтаро) — тот, кто приобрел его или вырастил. Вообще всем имуществом владеют отдельные индивиды, и нужно просить разрешение, чтобы взять и попользоваться чем-то. Если ребенок отказывается делиться вещью, то родители не будут отбирать ее силой, но ребенок почувствует себя неудобно из-за насмешек и упреков, и со временем щедрость привьется. Тот, кто делится, гордится тем, что смог принести какую-то пользу другим членам домохозяйства.

Изолированные домохозяйства могут обходиться без контактов или обмена друг с другом на протяжении недель. Подобно шошонам, они мирятся с изоляцией, поскольку она предоставляет им свободу доступа к окружающим природным ресурсам. Но преимущества имеются и при проживании в селах, состоящих из трех-пяти домохозяйств, связанных родством, как пра-

вило, женатых братьев и сестер²⁸. Узы привязанности и полученное в детстве воспитание прокладывают путь к дружеским отношениям и кооперации у взрослых.

В типичных случаях село мачигенга представляет собой группу домов, расположенных на значительном удалении от реки. Вблизи друг от друга находятся от трех до пяти домохозяйств, на которые приходится общий расчищенный участок для работы и социализации. Иногда один или два дома в селе строятся на некотором расстоянии от других и отграничиваются от остальных фруктовыми деревьями или кустами. Дома стоят в достаточной близости для посещений, дележа пищи и взаимной помощи по уходу за детьми и приготовлению еды, но у каждого домохозяйства имеются свои собственные рамы и навесы для копчения или хранения пищи, сушилки, загон для мускусных уток²⁹ или цыплят, если таковые имеются. Сельчане ничем не владеют сообща. Даже когда братья кооперируются, чтобы расчистить сад, обычно они делят его на две части и обрабатывают каждую индивидуально. Никто не отведаст продукты из сада собственного брата без разрешения.

Продукты, собранные в садах, приносят домой, готовят и съедают каждым домохозяйством в отдельности, но когда добывается пища из диких источников, то домохозяйства часто собираются вместе, чтобы ее съесть. Рыба, дичь и личинки добываются нечасто, и эта ценная пища попадает в общий котел; в действительности, именно этот дележ ценной пищи является главным экономическим фактором для домохозяйств и проживания в селах. Из каждого домохозяйства женщины приходят с горшками маниока; они могут также принести собранные и приготовленные ими зелень и иные продукты питания, а для своих мужей — немного пива из маниока. Такие трапезы удиви-

28. Ничего не говорят авторы и о том, что поселение мачигенга как будто бы организовано не билатерально, как в других примерах обществ, находящихся на уровне семьи, а матриллатерально, то есть на основе счета родства с женской стороны. Матрилокальность и матриллатеральность могут свидетельствовать в пользу гораздо более сильного влияния на социальную организацию мачигенга их перехода к земледелию, чем это показано А. Джонсоном и Т. Эрлом.

29. Англ. *Muscovy duck* — букв. московийская (то есть из Московии) утка (*Cairina moschata*); на самом деле происходит из Нового Света, где была одомашнена и до сих пор встречается в дикой природе. Возможно, что этот вид утки в Европу ввезла английская торговая «Московская компания» (*Muscovy/Muscovite Company*), отсюда и название. Ср. рус. *мускусная утка* (в англ. мускусной уткой называют другой вид — *Biziura lobata* из Австралии). Ранее ошибочно считалось, что у старых особей наросты на голове выделяют жир с запахом мускуса. Мускусная утка — главное домашнее животное у мачигенга наряду с курицей (завезена европейцами). Кроме того, для еды они разводят морских свинок и просто так — кошек и собак (охотничьих).

тельно сложны и структурированы, они демонстрируют баланс между интересами отдельных индивидов и всей группы, которого мачигенга стремятся достичь.

Однажды антропологам удалось наблюдать, как в дележе рыбы, пойманной одним из мужчин, участвовали три домохозяйства. Главы этих трех домохозяйств находились в родственных отношениях: первый был старшим братом второго, а третий — мужем их сестры. Младший брат был женат на дочери жены старшего брата (от предыдущего брака). Старший брат обладал наивысшим социальным положением, а зять — самым низшим. Когда появлялись особые продукты питания, такие как рыба, то общинный пир обычно проводился в доме старшего брата.

В этом конкретном случае, как и во многих других, пока готовился рыбный суп, люди общались, и муж с женой каждой супружеской пары сидели рядом. Затем они разделились на мужскую и женскую группы: одна состояла из трех мужчин и двенадцатилетнего племянника двух братьев, другая — из женщин и младших детей. Жена старшего брата налила рыбный суп в большую тарелку и поставила ее перед мужчинами вместе с миской маниока. Мужчины начали есть маниок, а к супу не притрагивались, пока старший брат не взял ложку бульона. Тут же ложку бульона взял младший брат, затем зять и, наконец, племянник. Затем они продолжили есть маниок, пока старший брат не проглотил еще одну ложку бульона; и снова все повторилось в той же последовательности. Так продолжалось, пока бульон не закончился; затем опять последовала пауза, пока старший брат не отломил маленький кусочек рыбы и не съел его. Другие в том же порядке последовали его примеру, пока не закончилась и рыба. Все это делалось по давно установленным правилам, без обсуждения.

Тем временем женщины и дети тоже делили еду из общего котла. Как и мужчины, они без ограничений брали маниок. Но рыбный суп женщины выдавали порционно и следя за честным распределением. По окончании трапезы мужа и жены вернулись друг к другу и восстановили местоположение нуклеарных семей.

Этот эпизод демонстрирует два важных аспекта социального устройства села мачигенга. Во-первых, несмотря на индивидуальную свободу, присущую отдельным домохозяйствам, они принимают иерархию и контроль в степени, необходимой для распределения таких драгоценных продуктов питания, как рыба, без негодования или ссор. Обильная же пища, как маниок, не служит поводом для подобного поведения. Во-вторых, социальное значение рыбы, то есть тот факт, что она принадлежит группе, а не человеку, который ее поймал, проявляется, по-ви-

димому, в распаде нуклеарных семей на группы едоков-мужчин и едоков-женщин на уровне села. Но как только обобществленная рыба съедена, единицы в виде нуклеарной семьи восстанавливаются, поскольку в обществе мачигенга они являются основными.

Обычно домохозяйства сотрудничают, когда надо получить или распределить особенно ценную пищу. Отдельная семья может и самостоятельно охотиться, ловить рыбу, заниматься добывающим хозяйством либо выращивать ананасы, папайю³⁰ и иные излюбленные продукты питания. Но чаще всего они доступны лишь в единичных случаях и в избыточных количествах. Деlež добычи позволяет не только не дать пропасть большому количеству еды, но также гарантировать, что все будет поделено и в случае подобной удачи у других домохозяйств и, таким образом, делает ценные продукты питания доступными для большего числа людей и чаще. Сопутствующие такому обмену добрые чувства помогают смягчить небольшие разногласия, часто возникающие из-за повседневной конкуренции за скудные ресурсы, и потому деlež является в обществе основным «клеем», связывающим жителей села мачигенга.

Как мы видели, при распределении рыбного супа в этом эгалитарном обществе проявилось существование иерархии. Но в этом нет парадокса. Само домохозяйство мачигенга иерархически упорядочено, как правило, на основе возраста, хотя иногда особо плодовитый член домохозяйства может обогнать по рангу старшего, но менее плодовитого. Сложные задачи кооперирования выполняются без труда благодаря наличию неразрывной связи между командами и их исполнением. Когда дети вырастают и образуют отдельные домохозяйства, эти линии власти вновь о себе напоминают, если группе потребуется кооперация.

В истории с рыбным супом иерархическая структура трех домохозяйств продемонстрирована многими способами. Например, высокостатусное домохозяйство посещается низкостатусными куда чаще, чем само наносит ответные визиты: приблизительно шесть визитов домохозяйства младшего брата и девять визитов семьи зятя приходится на каждый ответный визит домохозяйства старшего брата. Так же домохозяйство зятя часто посещает семью младшего брата, который почти никогда не наносит ответных визитов (A. Johnson 1978: 106–109).

Линии власти и престижности между домохозяйствами реализуются в основном в рискованных начинаниях, для которых

30. Папайя, или дынное дерево (лат. *Carica papaya*), из рода *Carica* семейства кариковых; родина — юг Мексики, Центральная Америка и север Южной Америки; употребляются в пищу фрукты, по вкусу отдаленно напоминающие дыню.

требуется кооперация. У мачигенга задачей, для которой кооперация особенно необходима, является травление рыбы, в которое могут быть вовлечены от двух до десяти домохозяйств. В этом случае деятельность всегда координируется предводителем: мужчины строят плотины, чтобы понизить уровень воды, женщины сооружают запруды, чтобы ловить подтравленную рыбу, когда та поплывет вниз по течению. Каждый из таких видов деятельности включает сложное разделение труда; важным является и распределение по времени. Учет уровня воды в реке, количество необходимых исполнителей, заготовка и приготовление яда, точный момент, когда его надо бросить в воду, — все это требует координации со стороны уважаемых мужчин и женщин, привычных к власти, которым другие повинуются.

На ранних стадиях работы, как и при общем для нескольких домохозяйств приеме пищи, мужа и жены распределяются по однополым группам и работают отдельно. Но как только яд заброшен в воду, мужа и жены воссоединяются в заранее намеченных местах и собирают рыбу для собственных домохозяйств. Порой домохозяйству, которое предоставило больше рабочей силы, достается на его участке реки меньше рыбы. Позже, в ходе обмена рыбой эта непропорциональность до некоторой степени сглаживается, но не существует такой власти или института, которые бы справедливо распределяли улов или даже определяли, что может значить «справедливо».

Если внутри домохозяйства или в селе возникают споры, то их разрешает на месте уважаемый член семейства. Например, мужчина пытался поймать оглушенную сегори³¹ — рыбу с прекрасным вкусом, напоминающую форель, чья икра особенно ценится. Она ускользнула от него и исчезла в пруду. Минутой позже рыбу поймал его семилетний племянник, и выражение чистейшего удовольствия осветило лицо мальчика. Но дядя глянул и произнес: «Эй, это моя рыба. Я преследовал ее!» Мальчик отказывался выпустить из рук свой приз, пока другой его дядя, очень уважаемый человек, не приказал ему это сделать. Потом мальчик поймал свою собственную сегори, и счастье вернулось к нему. Но если бы этого и не случилось, его разочарование рассматривалось бы как неизбежное следствие необходимости признавать старшинство и сохранять мир между домохозяйствами.

31. Трудно определить, что это за вид, поскольку форель и вообще лососевые неизвестны в Южной Америке. В другом месте один из авторов книги, А. Джонсон, сообщает, что эта небольшая рыбка около 20 см длиной называется по-испански *vagre*. По его же данным, сами мачигенга считают, что сегори подобна другому виду — омани (исп. *zongaro*), поскольку обе они — *амонкиакунифира*, то есть «живут в глубоких заводях реки», но омани — крупная рыба, достигающая 2 м.

Периодически, особенно в полнолуние, жители села устраивают пивной праздник. Женщины в течение нескольких дней готовят пиво из маниока, а мужчины охотятся и рыбачат. На празднике могут присутствовать и члены других сел, если их пригласят уважаемые мужчина или женщина. Благодаря обилию пива и мяса, языки развязываются, и обсуждается множество политических вопросов, таких как формирование групп, кооперирующихся для рыбной ловли, притязания на садовые земли или высмеивание нарушителей правил. Мужчина, берущийся за организацию рыболовного проекта, ищет, с кем бы скооперироваться, и этот вопрос может задать тон дискуссии. Или же центром внимания может стать остряк, направляющий свои едкие насмешки на несчастного, который его обидел. Но явного лидера в беседе не бывает, и разговор течет и угасает по мере того, как возникает, подхватывается и обрывается та или иная тема.

В обществе садоводов, ведущих экстенсивное хозяйство, таких как мачигенга, кооперация домохозяйств всегда имеет свои преимущества и издержки. Возможность общаться, безопасность и распределение доходов от неожиданной удачи делают кооперацию привлекательной, но за счет определенной потери автономии при отстаивании собственных интересов. Усиливающееся напряжение может перерасти в негодование, но нормы вежливости и уважения удерживают людей от свободного выражения чувств. Во время пивных фестивалей алкоголь ослабляет следование нормам, и враждебность прорывается в унижающих насмешках, словесных перепалках и физической агрессивности. Такая свобода выражения может остудить чувства и восстановить равновесие, но чаще такие действия ведут к обиде и решению покинуть село. Мачигенга вообще боятся агрессии и предпочитают скорее ретироваться. В большинстве случаев тот, кто испытывает сильный гнев, просто бежит (ишиганака). Позже он может вернуться, чтобы опять присоединиться к остальным или забрать свою семью и уйти. Со временем трудности в отношениях сглаживаются, и на следующей фазе цикла, особенно если природная пища снова в изобилии, те же самые, а возможно, и какие-то еще домохозяйства заново создадут село и будут наслаждаться жизнью при кооперации.

У сельских групп нет общинной собственности, и их групповой характер не подкрепляется церемониальными мероприятиями³², которые мы рассмотрим далее, в разделах 6–8. В этом случае невозможно говорить и о существовании территориаль-

32. Все же в селах мачигенга встречаются общинные дома, располагающиеся в центре, что говорит в пользу существования у них соответствующих общинных церемоний или форм досуга.

ности, за исключением смутного чувства родного пространства, как было описано у кунг (случай 2). Отдельные семьи владеют садовыми наделами, отвоеванными у леса, но только пока они их возделывают; наделы под паром возвращаются в общинные земельные угодья. Все природные ресурсы — леса и реки — открыты для всех мачигенга, хотя обычно одна добывающая группа держится на расстоянии от другой.

Одним словом, жизнь мачигенга демонстрирует условия, при которых у садоводов могут сохраняться экономика и социальная организация семейного уровня. В области, где слаба конкуренция между группами, а высоко ценимая пища из диких источников скудна и крайне рассредоточена, мачигенга эффективно действуют небольшими разбросанными домохозяйствами или селами. С помощью простого метода перепроизводства определенных съедобных корней они могут годами жить как самостоятельно обеспечивающие себя домохозяйства.

С другой стороны, они находят преимущества и в кооперации с другими домохозяйствами при травлении рыбы или дележе пищи, добытой из природных ресурсов. Внутри домохозяйств и между ними существует естественная иерархия, устанавливающая ряд команд, координирующих труд и распределение пищи. Но такое лидерство, как и распадение супружеских пар для дальнейшего объединения членов домохозяйства в отдельные мужские и женские группы на время добычи и потребления пищи из диких источников, являются всегда временными. И когда такие события заканчиваются, автономное домохозяйство снова становится господствующим.

В наше время Перуанская Амазония быстро меняется, и мачигенга уже ощутили в разной степени влияние перемен. Через восемь лет после приведенного здесь исследования Бэкш (Baksh 1984) изучал деревню мачигенга, образованную в ходе политических акций перуанского правительства по созданию «коренных сообществ». Около двухсот человек объединились на основе желания получить доступ к современным технологиям, особенно медицине и орудиям из стали, и начали жить вместе под управлением харизматичного лидера мачигенга. Они располагали редкой возможностью заселить область, богатую природными ресурсами, которая многие годы пустовала вследствие прихода людей с Запада. Они образовали внутри деревни отдельные домохозяйства и села, но согласились при этом кооперироваться при выращивании товарной части урожая для зарабатывания денег, как они сами говорили, «на собственное развитие».

Сначала все шло гладко. Жители деревни четыре дня в неделю оставались в сообществе и были заняты в общих проектах, за-

тем рассредоточивались по своим излюбленным рыбным местам на три дня, которые они называли отпуском. Но вскоре обнаружилось, что местные рыбные стремнины истощаются, а время на дорогу к все более удаленным рыбным местам увеличивается: на протяжении исследования Бэкша каждые шесть месяцев время на дорогу к рыбным местам в среднем увеличивалось вдвое. Ссоры стали настолько обычными, что грозили расколоть сообщество. И тогда предводитель разрешил проблему, перенеся всю деревню на новое место вниз по реке, где рыбы было в изобилии.

Через четверть века после первого посещения Шимаа³³ исследователями, множество кечуаязычных фермеров³⁴ из перуанских альтиплано (потомки сообществ, которыми некогда правили инки) мигрировали вниз к Компирошиато в поисках земель для фермерства. Мачигенга ответили тем, что образовали свое собственное «коренное сообщество» и блокировали свой берег реки, избегая, насколько это возможно, внешних контактов. Посетителей, которые на пароме пересекают реку в направлении к Шимаа, вежливо, но твердо просят уйти. Люди Шимаа продолжают практиковать жизнеобеспечивающее земледелие, дополняя его посевами кофе и какао и продолжая охотиться и рыбачить. Они все еще сами ткут себе одежду, хотя теперь их домохозяйства более похожат на выставки разноцветных пластиковых емкостей, а время от времени и радиоприемников или швейных машин.

Однако ниже по реке, где появился моторный речной транспорт, изменения куда более разительны (Henrich 1997). Проект по добыче природного газа в Камисеа³⁵ (Camisea 1998) принес сообществам мачигенга современное снаряжение и новые воз-

33. Одно из коренных сообществ или деревень нового типа, о которых шла речь выше; расположено на высоком берегу реки Шимаа. В свое время как раз здесь и работали А. Джонсон и М. Бэкш, а теперь на этом месте проходит трасса трубопровода для доставки природного газа из Камисеа.

34. В настоящее время предпочитают говорить не о едином языке кечуа, а о целой языковой семье, из которой только на территории Перу распространены 32 самостоятельных, хотя и близких языка, группирующихся в группы кечуа I и кечуа II (с подгруппами А, В и С). Процесс экспансии кечуаязычного населения, в данном случае говорящего на языке куско кечуа, на земли мачигенга начался давно. Считается, что в доконтактный период предки сегодняшних мачигенга расселялись далеко на юго-запад — вплоть до Мачу-Пикчу.

35. Проект по разработке газового месторождения Камисеа на землях мачигенга (от названия местной речушки в языке мачигенга, букв. лунная река). Начал действовать в августе 2004 года и сулил множество выгод перуанской экономике. К числу отрицательных последствий уже первых двух лет его работы относятся 5 аварий, сопровождавшихся утечками газа; сокращение рыбных запасов в водоемах, попавших в зону строительства; распространение прежде неизвестных болезней у мачигенга.

возможности для работы. Появление транспорта означает и более тесную вовлеченность в рыночные отношения. Сейчас большинство мачигенга в этих предгорьях живут деревнями, выращивают урожай на продажу и работают за зарплату по крайней мере часть времени. Они с энтузиазмом отнеслись к возможностям рынка и ныне выказывают твердое намерение получать денежный доход.

Предсказуемый результат как более плотного уровня населения в деревнях, так и необходимости выращивания урожая для рынка и для жизнеобеспечения — интенсификация традиционной системы. Чрезмерная эксплуатация садовых земель вблизи деревень привела к тому, что увеличилось время на дорогу к удаленным садовым участкам; а деревня, которая экспериментировала с сокращением периода нахождения земель под паром, обнаружила, что если снизить его меньше чем до пятнадцати лет, то в новом саду невозможно будет выращивать культуры дольше года (Henrich 1997: 340).

Растет тенденция возводить изгороди, чтобы обозначить частную собственность на особенно хорошие земельные участки рядом с деревней, но у некоторых членов сообщества это вызывает возмущение. Сейчас такая пища из диких источников, как рыба и дичь, превратилась в крайне незначительную часть рациона. В некоторых сообществах отмечен дефицит пищевого белка наряду с высоким уровнем заболеваемости малярией и инфекционными болезнями. Интенсификация данного типа приводит к увеличению рабочего дня и неустойчивости по отношению к окружающей среде. При нынешних темпах роста мачигенга к 2005 году вырубят весь лес на землях, предоставленных им для деревень согласно перуанской программе коренных сообществ (Henrich 1997: 346).

Таким образом, описанный ранее в этом разделе случай относится к прежним временам, когда семьи рассеивались и ни один участок территории значительного размера не заселялся надолго. Однако природные ресурсы истощены повсюду, потому что хорошие рыбные места и охотничьи тропы не покидаются на долгое время. Живя за счет конкурирующего способа жизнеобеспечения, любое сообщество большего размера, чем семья, намного быстрее истощает местные ресурсы, что вынуждает чаще менять место и к тому же ведет к расколу сообщества из-за все более частых споров.

Предваряя содержание более поздних разделов, мы можем заметить, что когда территория переполняется соревнующимися семьями, которым некуда бежать, то возникает необходимость в других способах разрешения споров, и представляется

вероятным, что на этом уровне политического развития таким способом является война (Carneiro 1970b). Следовательно, экономическое изобилие мачигенга не характеризуется недостатком населения. В самом деле, скорость, с которой даже небольшое увеличение населения приводит к опустошению и лишениям, показывает, что мачигенга живут ближе к популяционным границам, дозволенным окружающей средой, чем это кажется на первый взгляд.

Случай 4. Нганасаны Северной Сибири

Теперь вкратце рассмотрим пример добывающего общества, находящегося на семейном уровне, в котором значительную экономическую роль играют одомашненные животные. Доместикация вообще, и в данном случае доместикация животных, не является достаточным условием социально-экономического развития за пределами уровня семьи. У нганасан небольшие семейные стада прирученных северных оленей служили исключительно для облегчения жизни добытчиков. Однако под давлением растущего европейского населения возникли новые условия, которые стали побуждать нганасан и близкие им группы увеличивать стада северных оленей посредством приручения диких. И именно эта реакция на давление растущего населения, а не привлекательность доместикации, привела в конце концов к тому, что нганасаны сформировали более крупные и сложные экономически социальные единицы и ужесточили политический контроль над ресурсами.

Окружающая среда и экономика

Нганасаны³⁶ (Роров 1964, 1966; Попов 1948, 1984) населяют промерзшую, продуваемую ветрами тундру полуострова Таймыр в северной оконечности Центральной Сибири. Они селятся

36. Нганасаны (самоназв. *няа* — члены товарищества от *ня* — товарищ) — самый северный народ Старого Света, они населяют Хатангский район и административную территорию города Дудинки Таймырского муниципального района Красноярского края; общая численность — 849 чел. (Всероссийская перепись населения 2002 года). Говорят на нганасанском языке самодийской (самоедской) ветви уральской языковой семьи. Современные ученые видят в нганасанах потомков автохтонного для севера Сибири населения (палеоазиатского), ассимилировавшегося с самодийцами — более поздними пришельцами. В частности, появление у нганасан оленеводства, которому в рассуждениях А. Джонсона и Т. Эрла отводится такое важное место, возможно, обязано именно культурному влиянию самодийцев.

на территории холмистой равнины от северных границ лесной тундры до Северного Ледовитого океана. Пейзаж варьируется от места к месту — то высохшие скалистые холмы, то покрытые травой склоны, то болотистые низины и бесчисленные озера. Деревья редки; кустарники, лишайники и осока являются основной растительностью. Из фауны для нганасан наиболее важны северные олени, полярные лисицы³⁷, рыба и различные виды гусей и уток.

Температура на полуострове Таймыр падает ниже точки замерзания 263 дня в году. Лето короткое, и иногда даже поздней весной и ранней осенью случаются морозы. Однако благодаря интенсивному летнему солнцу тундра расцветает в июле и августе, и в это время туда слетаются огромные стаи птиц и тучи кусающихся насекомых. На этой северной широте (75°), в Заполярье, летом в течение приблизительно месяца солнце вообще не заходит, а зимой, тоже около месяца, не восходит.

Центром экономики нганасан является северный олень, или карibu³⁸. Большую часть года северные олени живут маленькими стадами, а осенью собираются в большие стада для миграции на юг и весной — для возвращения на север. Летом и осенью северные олени нагуливают жир, питаются травой, лишайниками, листвой и мхом. Зимой их выживание зависит от количества лишайников и отложенного за лето и осень жира. По-видимому, поголовье северных оленей ограничивается больше наличием лишайников, чем охотой на них волков или людей, если последними используются традиционные методы (Ingold 1980: 20, 35).

Поселения нганасан широко разбросаны при плотности населения ниже одного человека на 50 квадратных миль, а перемещения людей зависят от миграций северных оленей. В отличие от волков, которые способны преследовать стадо северных оленей со скоростью от 10 до 40 и выше миль в день, люди, не способные развивать такую скорость, должны использовать хитрости, чтобы застать северных оленей врасплох или заманить их в ловушки. Наиболее популярной и продуктивной бывает охота весной и осенью в тех местах, куда заходит северный олень. Во время такой охоты большое количество северных оленей загоняется в ловушку, забивается и перерабатывается — таким образом, осенью делают запасы на зиму.

37. Полярной лисицей авторы называют песца (*Alopex* или *Vulpes lagopus*), который действительно является ближайшим родственником лисицы.

38. *Caribou* — североамериканское название северного оленя (*Rangifer tarandus*), по происхождению индейское (из алгонкин. языка), естественно, у нас не употребляемое.

Поскольку мигрирующие северные олени останавливаются у определенных озер и пересекают реки на излюбленных переправах, организацию охоты берут на себя старые охотники, знающие эти места и определяющие лучшее для охоты время. Чтобы присутствие людей не отпугнуло оленей, в этих местах мужчинам запрещено охотиться в любое другое время, кроме большой общей охоты. В октябре 1936 года Попов (Роров 1966: 20; Попов 1984) наблюдал мигрирующее стадо такой величины, что потребовалось несколько дней, чтобы «плотная масса» из северных оленей переправилась через замерзшую реку Пяпина.

Северные олени зачастую сбиваются в группы вблизи озер или рек, в которых они спасаются в случае нападения волков. Нганасаны пользуются этим моментом, натравливая собак, которые загоняют оленей в воду, где охотники на выдолбленных из дерева челноках забивают их копьями³⁹. Другой стратегией является использование стягов, представляющих собой шесты с закрепленными на них хлопающими полосками. Поскольку хлопки пугают северного оленя, нганасаны просто ставят шесты примерно через каждые пятнадцать футов и создают длинные воронкообразные ограждения, двигаясь вдоль которых можно загнать северного оленя в корраль, где в засаде лежат охотники.

Часто группы мужчин в течение кого-то времени на несколько суток оставляют сезонные стойбища, а потом возвращаются с убитыми оленями, чтобы отдать их на обработку женщинам. Если же стада очень велики, то женщины тоже участвуют в охоте. Но, как правило, сохраняется строгое разделение труда; мужчины охотятся, изготавливают охотничье снаряжение, в то время как женщины готовят дома пищу и мастерят одежду и емкости для хранения. В деятельности, связанной с северными оленями, тоже существует четкое разделение труда; мужчины охотятся на оленей, тогда как женщины и девушки ухаживают за одомашненными стадами; после того как мужчина убивает животное, женщины приносят добычу домой (Роров 1966: 28; Попов 1984).

Количество добытого мяса от общинной охоты может быть чрезвычайно большим, особенно осенью. В конце лета и осенью люди вволю насыщаются, а из излишков делают запасы. Они сушат мясо и вытапливают жир, который хранят в емкостях, сделанных из кожи и внутренних органов животных. Они выделывают шкуры для палаток и одежды. Чтобы пережить долгую

39. Охотники подстерегали стадо на переправе, давали ему заплывать достаточно далеко от берега и кололи оленей копьями между ребер, чтобы они могли доплыть до берега. Другие охотники ниже по течению подбирали загарпуненных животных.

зиму, нганасанам еще в большей степени, чем шошонам, необходимо запастись большим количеством мяса и жира. Они следуют простому правилу: ешь как можно меньше весной и как можно больше осенью.

Для некоторых времен года большее значение имеет другая пища. Годичный цикл пищевого производства состоит из разных периодов. С весенними оттепелями нганасанские семьи рассеиваются и движутся на север, прочь от зимних сел, чтобы охотиться на северных оленей, куропаток и уток. С наступлением летнего рыболовного сезона в июне и июле небольшие разбросанные семейные группы ведут относительно оседлый образ жизни вплоть до конца июля или до августа, когда они собираются вместе для общей охоты на гусей, у которых в это время наступает линька и которых в больших количествах можно поймать сетями. Их жир вытапливается и заготавливается на зиму, так же как это делается при охоте на северных оленей.

В конце августа начинается обратное движение на юг, периодически прерываемое гоном северного оленя, и только в ноябре нганасаны опять занимают зимние села. В течение зимы продолжается спорадическая охота на случайно забредших северного оленя и полярную лисицу, совмещаемая с подледным ловом рыбы. В это время нганасаны изготавливают одежду, чинят орудия труда и сани и занимаются другими видами деятельности, не требующими перемещений. Ранняя весна перед наступлением оттепелей, когда запасы еды заканчиваются, — время нехватки и голода как для людей, так и для животных, которых они употребляют в пищу.

Маршруты миграций людей установлены довольно точно. Часто охотник оставляет замерзшую тушу убитого животного около тропы, по которой, как он знает, через месяц или два пройдет его семья. Чтобы уберечь тушу от волков и белых медведей, он может забросать ее булыжниками и залить сверху водой. Вода быстро замерзает и создает надежную ледяную защиту, под которой пища останется в целости и сохранности.

Перемещения нганасан связаны с местонахождением преследуемых ими животных. В течение длительных периодов северные олени, птица и иная дичь широко рассеяны, и нганасаны преследуют их группами из одной или двух семей. В другое время, когда северные олени или гуси доступны в больших количествах, семьи охотников сходятся вместе. Периоды стабильного расселения — летом вблизи излюбленных рыболовных мест, зимой вблизи мест для подледного лова и (что более важно) пастбищ для домашних северных оленей — сменяются периодами перемещений в погоне за мигрирующими северными оленями.

Прирученных северных оленей используют главным образом как транспортное средство. Нганасанская семья не очень легка на подъем, несмотря на свою мобильность. Осенью и зимой семье требуется несколько оленей, чтобы тянуть большие сани, груженные тяжелыми палатками, одеждой, шкурами, запасами пищи и дров — всем необходимым, для того чтобы пережить суровую сибирскую зиму. Одомашненных северных оленей впрягают и в легкие быстроходные сани⁴⁰, на которых охотники зимой преследуют небольшие стада диких северных оленей, а кроме того, их используют в качестве приманки для заманивания диких северных оленей в пределы досягаемости для замаскировавшихся охотников. В крайнем случае, но только чтобы избежать голодной смерти, члены домохозяйства могут резать своих домашних оленей. Нганасаны считают грехом проливать кровь домашнего оленя; поэтому они не режут их, а душат — это гораздо труднее.

Для выпаса домашних северных оленей и защиты их от волков необходимо прилагать немало труда, а если зимой близлежащие пастбища лишайников истощаются, семье иногда приходится переезжать. По традиции нганасанские домохозяйства держали не более десяти северных оленей, и этого количества было достаточно для транспортных целей и охоты зимой, при этом не было необходимости в частых переездах из-за нехватки кормов.

Войн не наблюдалось⁴¹. При этом встречаются рассказы о том, как мужчины вступали в драку из-за неприкосновенных запасов пищи во время весеннего недоедания и голода. В наши дни такого не происходит, и мужчины даже восхищаются своими свирепыми предками, которые могли бороться за пищу. Обычным ответом на весеннюю нехватку бывает присоединение к сельской группе и дележ запасов пищи вплоть до начала летнего рассеивания, имеющего целью приблизиться к ресурсам. Как у кунг (случай 2) и мачигенга (случай 3), нехватка может спровоцировать насилие и у нганасан, но организованная межгрупповая агрессия не одобряется, по-видимому, из-за большого значения

40. У нганасан действительно существовали сани (нарты) различных типов: грузовые (*кунсыбы'э*), в том числе для перевозки шестов (*нгююся*) и оленьих покрышек для чума (*нюков*); легкие ездовые мужские (*ирянка*) с чехлом для оружия справа, в них запрягали обычно двух-трех оленей; женские трех- или пятикопильные (*инсюдаконт*) с меховым пологом сверху, который защищал голову и спину от мороза и др.

41. Это значительное упрощение ситуации. В 1639–1664 годах русские источники упоминают о нескольких военных столкновениях одной из групп предков современных нганасан (ванядов) с оленекскими тунгусами (эдянами). В 1679 году имела место война авамских нганасан и энцев (в союзе с русскими) с ненцами.

широких межличностных и межгрупповых связей при распределении рисков.

Нехватка ресурсов на Крайнем Севере, казалось бы, могла способствовать развитию межгрупповой торговли, но та скудная информация, которая у нас имеется, указывает на то, что до недавнего времени нганасаны являлись самодостаточными. Как мы увидим, на сегодняшний день эта ситуация поменялась; в силу исторической закономерности, как часть общей интенсификации в использовании ресурсов, развился и широко распространился обмен товаров животного происхождения на предметы технологии.

Итак, решающими проблемами, с которыми столкнулись нганасаны, были чрезвычайная скудость и непредсказуемость ресурсов в окружающей среде Арктики. Из-за этих проблем плотность населения вплоть до исторических времен оставалась очень низкой, и было возможно удовлетворять потребности на уровне семьи. В кооперации семьи нуждались только при широкомасштабной охоте и дележе пищевых запасов.

Социальная организация

Важной для нганасан является автономия нуклеарных семейных групп и объединений из нескольких семей. Часто нуклеарные семьи живут отдельно в своих маленьких палатках. Имущество, находящееся в индивидуальном пользовании, рассматривается как частная собственность: как и у шошонов, группа владеет лишь очень крупными предметами, например сетями, используемыми при гоне северных оленей. Конечно, семьи делятся друг с другом, но при этом каждая внимательно следит за тем, как используется ее вклад. Попов (Роров 1966: 108) приводит замечание об «их чрезвычайной бережливости касательно пищевых продуктов. Весной, когда люди, еда у которых кончается, идут за помощью к своим соседям, обеспеченным лучше; последние дают им, но совсем чуть-чуть: два или три сухаря да маленький кусочек мяса размером с кулак. Однако никто не обижается на это, так как пища в большой цене в это время года и для каждого драгоценна».

Если одну палатку делят две или более семьи, то предводителями такого сообщества выбирают какого-то одного мужчину и его жену, и они занимают почетное место справа от входа⁴².

42. Правая от входа сторона считалась предназначенной для хозяев, в левой размещали гостей и хранили всякие вещи хозяйственного назначения; за очагом начиналось «чистое место» (*сиенг*), запретное для женщин, которые располагались у входа рядом с домашней утварью.

Другие обитатели палатки информируют предводителей о своей экономической деятельности. Попов не упоминает, имеются ли отдельные кладовые у каждой из семей, но кажется, что проживание в одной палатке подразумевает, по крайней мере до некоторой степени, наличие общественных пищевых запасов. Зимой в большой палатке (до 30 футов в диаметре) может размещаться до пяти семей. На одном месте может находиться несколько палаток, каменных или земляных хижин. Количество жилищ увеличивается на время охоты на гусей и северных оленей.

Если одну палатку делят несколько семей, то каждая занимает в ней свою часть, внутри которой мужчинам, женщинам и детям отводятся определенные места в соответствии с общепринятыми принципами (например, мужчины располагаются ближе к центральному очагу). Каждый из членов группы оставляет свои сани тоже в строго определенном месте, что указывает на степень структурированности поведения индивида в многосемейной группе с совместным проживанием.

В более крупных группах неравное обладание навыками может привести к разделению труда. Хороший рыболов может быть плохим изготовителем саней, и наоборот; следовательно, обмен между ними происходит естественным образом, при этом каждый вкладывает в него свой нелегкий труд. Попов пишет:

Коллективное потребление ни в коем случае... не означает, что пищевые продукты, орудия производства или предметы обихода одалживаются просто так; напротив, за всем ведется строгий счет. Семья охотника, к примеру, поделится с соседями мясом убитого дикого северного оленя... Но соседи охотника, которые получают котелок, должны домохозяйству охотника оказать помощь рабочей силой, своей собственной или своих северных оленей. Они обязаны ухаживать за его домашними северными оленями, чистить его рыболовные сети, одалживать ему своих тягловых оленей и даже время от времени обеспечивать его оружием и боеприпасами. И если охотник не получил от своих соседей помощи, он считает себя вправе не делиться с ними и из котла.

Несмотря на такое значение права собственности, нельзя не принимать во внимание и потребности группы. Например, как мы видели, опытные охотники регулируют общественный гон северного оленя, а отдельные охотники соглашаются не охотиться индивидуально в запрещенных местах, чтобы не угрожать успеху группы. А весной, когда стойбища или села распадаются, что является свидетельством конкурирующего типа поведения, семьи приходят к согласию в том, какие каждая из них будет использовать тропы, речные потоки, озера и т. д., во избежание ненужных накладок и конкуренции.

За исключением этих случаев, мы не находим свидетельств политической деятельности, выходящей за пределы уровня домохозяйства. Не существует территориального контроля группы над ресурсами, кроме как на территории, которую она занимает по традиции или совместному договору; и самой строгой формой контроля над ресурсами является, по-видимому, достижение согласия относительно зимних рыболовных мест. Главенствующий мужчина способен привлечь работников, выполняющих его задания, но от него не зависит их доступ к ресурсам, и они могут в любой момент выйти из игры. Нганасаны действуют по принципу кунг: «мы все — главари»⁴³.

В результате можно утверждать, что основной тип экономики у нганасан — семейного уровня. Поскольку семейные домохозяйства живут в окружающей среде с рассеянными ресурсами, они вынуждены большую часть года заниматься поиском пищи, переезжая с места на место в погоне за северными оленями и другой добычей. В определенные периоды они собираются, чтобы вместе охотиться на мигрирующие стада оленей и стаи гусей во время линьки. Запасы, сделанные из добытых мяса и жира, помогают им пережить трудные зиму и весну. Семьи стараются сохранять независимость даже в зимних стойбищах и селах и всегда вольны отделиться от группы и следовать самостоятельному курсу. Небольшие одомашненные стада северных оленей могут служить транспортным средством, использоваться на охоте в качестве приманки, в голодные времена их мясо может спасти от смерти.

В последнее время в экономике нганасан произошли значительные изменения, повлекшие за собой возникновение оленеводства, которое заменило традиционное охотоводство. По мере

43. На самом деле, выделяются так называемые авамские (или западные) и вадеевские (восточные) нганасаны, с различными диалектами и, скорее всего, происхождением. Им не чужда территориальность, и в них можно видеть локальные группы, по мнению А. Джонсона и Т. Эрла, свойственные следующему, более сложному уровню социальной организации. Более того, высказывалось даже мнение (впоследствии, впрочем, опровергнутое (Н. М. Тещенко)), что авамские нганасаны называют вадеевских *ася* (так же, как они называют и своих южных соседей не нганасан, — долган). Кроме того, обе группы делятся на патрилинейные родовые объединения, подобные кланам: авамские нганасаны — на пять: Нгомде (Пироговы), Нгамтусо (Костеркины), Чуванчера (Курсимины), Нинонде (Порбины), Линанчера (Турдагины); вадеевские — на шесть: Асянду, Купчик, Кокары, Лапсаха, Нгойбу, Нёрхо. Двенадцатый, по происхождению тунгусский, род Око (Яроцкие) не входит ни в одну локальную группу. Родовые объединения возглавлялись старейшими людьми, которых русская администрация превратила в «князцев», собиравших ясак (налог пушнинаой) и судивших своих подопечных за правонарушения. Все говорит о том, что нганасаны никак не могут быть примером простого общества, находящегося на уровне семьи.

распространения населения на север происходило уничтожение лесов и возрастал спрос на пищевые ресурсы. К концу XIX века нганасаны начали продавать оленей и меха, а на вырученные средства покупать оружие, долбленки, сети, капканы, железные котелки, чай, табак и продукты питания.

С ростом спроса на оленину стало выгодным увеличивать размер домашних стад, которые можно было выпасать на землях, где дикие олени были полностью истреблены. Одомашненные олени помечались особыми надрезами на ушах, чтобы их не приняли по ошибке за диких и не убили. Переход к оленеводству имел несколько последствий. Выросли затраты на производство, так как возникла необходимость защищать стада от волков и браконьеров. поголовье стад резко увеличилось: если прежде они насчитывали восемь-девять оленей, то теперь стадо и в пятьдесят особей стало считаться небольшим. Зимой семье, владеющей большим стадом, надо было часто перемещаться в поисках пастбищ. Поэтому нганасаны перебирались из покрытых дерном сельских домов, построенных вблизи рыболовных мест, в большие тяжелые палатки, которые каждые несколько недель надо было разбирать, транспортировать и устанавливать на новом месте, что было нелегким делом⁴⁴. Зимой возникла необходимость к тому же искать и доставлять корма для оленей.

Выросли размеры стойбищ, на формирование родственных связей стала влиять собственность на стада. Выплаты калыма⁴⁵ и отношения покровительства-подчинения стали важными характеристиками социальной жизни. Следом за увеличением стойбищ возросли капиталовложения в такую технологию, как большие сети для охоты на северных оленей и гусей. Охота и продажа домашних и диких оленей стали контролироваться сообществом, а не семейной группой (см. Ingold 1980).

Превращение нганасан из охотников, владеющих небольшими стадами, в оленеводов промышленного масштаба было ответом на сильно возросший спрос на оленину со стороны расши-

44. Стойбища нганасан располагались на невысоких холмах, между которыми паслись олени. Осенью селились у рек, а весной зимние нюки укладывали на нарты, покрывали продывленными оленьими шкурами и оставляли до зимы в тундре. В течение года нганасаны использовали три вида жилья: летом — чум, осенью — брезентовую палатку, а зимой — балок. Балок, по-видимому описанный здесь авторами, представлял собой прямоугольный возок на полозьях с остовом, крытым оленьими шкурами или брезентом, и был заимствован нганасанами у соседних долган в 1930-е годы.

45. Авторы употребляют англ. *dowry* — приданное, выкуп за невесту (калым), имея в виду, разумеется, второе. Обычно в специальной литературе, для того чтобы развести эти понятия, *dowry* употребляют в первом значении, тогда как второе обозначают через термин *bridewealth*.

ряющегося рынка. По мере того как торговля начала приносить ощутимую коммерческую выгоду, нганасаны стали увеличивать поголовье одомашненных оленей, а охота на диких оленей отошла на второй план. Обеспечение зимними кормами явилось формой интенсификации производства, позволяющей увеличить поголовье оленей в данных климатических условиях. Ответом на возникшие экономические изменения явилось увеличение масштаба и сложности социальной организации.

После революции в России коммунистическое правительство попыталось провести коллективизацию в Сибири. Оно достигло определенного успеха в прибрежных рыболовецких районах, где люди вели оседлый образ жизни, но нганасаны упорно противились этим попыткам, справедливо считая, что они разрушают их самодостаточный кочевой образ жизни и навязывают нежелательные новые стандарты поведения (Sergeyev 1956: 498; Сергеев 1955). Однако власть была заинтересована в разработке новых месторождений⁴⁶, колонизация региона продолжалась, и сопротивление нганасан постепенно угасало под напором коммунистической пропаганды (Forsyth 1992: 309–310; Sergeyev 1956: 497; Сергеев 1955). К 1970-м годам нганасаны составляли только около 4% населения своих бывших территорий (Forsyth 1989: 87–88). Они становились все более оседлыми, в скотоводстве переняли советский стиль хозяйствования (Sergeyev 1956: 505; Сергеев 1955), стали зависеть от поставок хлеба, сахара, масла и других

46. В 1925 году родовые управления во главе с «князцами» заменили на родовые советы во главе с председателями, затем в 1931 году эти последние — на территориальные кочевые, а позже и сельские советы. В 1928 году Авамский родовой совет разделили на Авамский и Таймырский, с 1931 года включили их в Таймырский национальный округ. Параллельно в 1931–1938 годах была проведена коллективизация нганасан, а в 1966 году все нганасанские колхозы преобразовали в совхозы. Но дело даже не в этом. Сама общность нганасан сформировалась в значительной мере под влиянием советской, а до нее и российской администрации. В 1618–1627 годы русские, проникнув на Таймыр, встретили там так называемых пясидских самоедов, самоедов-кураков, тидирисов и тавгов и обложили их ясаком. В последующее столетие происходила их консолидация вокруг зимовья на реке Авам, где они платили ясак. Так возникла авамская группа, отдельные роды которой восходят к этим группам предков нганасан. В верховьях реки Анабар и среднем течении реки Хатанги оставались еще ваянды, по-видимому палеоазиаты, не ассимилировавшиеся с самодийцами. После неудачных восстаний и голодовок часть их поселилась к востоку от авамцев и под их влиянием оформилась в вадеевскую группу (другие ушли к тунгусам и якутам). В русских официальных документах и тех и других стали называть *тавгийцами* или *тавгийскими самоедами*. Но во время коллективизации, чтобы исправить «историческую ошибку», сверху директивно было введено искусственно сконструированное самоназвание от *нанаса*, *нанасан* — человек. Так и появились *нганасаны*.

продуктов и были готовы к урбанизации⁴⁷ (Роров 1964: 580–581, Попов 1984; Savoskul 1989: 116).

В настоящее время увеличивается вероятность возврата некоторых сибирских народностей, в том числе нганасан, к прежнему образу жизни, описанному Поповым (Bennett 1997). С развалом Советского Союза резко сократился поток материальных ценностей и технологий, направляющихся в Сибирь, а также уменьшилось количество рабочих мест, что сделало невыгодным занятие промышленным оленеводством. Снова на время сезонных миграций образуются «семейные бригады» из шести-десяти человек, владеющие небольшими стадами. И, несмотря на то что международные инвесторы планируют разрабатывать новые месторождения полезных ископаемых, отдельные группы оленеводов предпочитают «вернуться к племенному образу жизни, который вели наши предки» (цит. по: Bennett 1997: 16)⁴⁸.

Выводы

Несмотря на то что и мачигенга, и нганасаны обладали технологией domestikации добывания пищи, до недавнего времени они не использовали ее для организации экономики за пределами семейного уровня. Отчетливо проявляется следующая тенденция: в обоих случаях небольшим социальным единицам необходимо рассредоточиваться по всей территории, пока столь же широко рассредоточена природная пища, от которой они зависят. Объединения носят временный характер, и их цель — кооперация для добывания пищи, как это происходило у мачигенга при травлении рыбы, или у нганасан при охоте на северных оленей, или же у обеих групп при дележе добычи.

Автономия семей проявляется многими способами. Каждая семья владеет средствами производства, такими как орудия тру-

47. В 1940–1960-е годы власти переселили нганасан к югу от их кочевий, на территорию долган, в три постоянные деревни: авамских — в Усть-Авам и Волочанку, вадеевских — в Новую. В настоящее время большая часть нганасан сконцентрирована именно в них, и лишь около 100 человек продолжают жить полуоседло в тундре, в основном в верховьях реки Дудыпты.

48. Судя по всему, эти прогнозы в конечном итоге не оправдаются. Так, опираясь на данные последней переписи 2002 года, С. В. Соколовский подчеркивает, что из всего коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока (не только нганасан) лишь 17 393 трудоспособных человек работают в отраслях, которые с некоторыми оговорками можно считать соответствующими племенному образу жизни; тогда как 16 280 чел. заняты в образовании и здравоохранении; 5010 чел. — в управлении, банковском деле, социальных службах, операциях с недвижимостью, управлении и обеспечении безопасности; а 2843 чел. — в строительстве, на предприятиях транспорта и связи (Соколовский 2009: 55).

да, оружие, стада и сады, а их использование другими семьями регулируется и тщательно учитывается. Сходным образом семьи хранят собственные запасы пищи, очень неохотно делясь едой с другими семьями даже из того же села. Но, конечно, наиболее полно автономия семей проявляется в их свободе передвижения, позволяющей преследовать свои интересы и отделяться от других в случае возникновения конфликтов.

Очевидно, сокращение природных ресурсов приводит к бóльшей зависимости от одомашнивания оленей, увеличению размеров сообщества и экономической интеграции. Внутрипопуляционный рост, увеличение населения за счет пришельцев из других мест, доступ к новым технологиям (например, к огнестрельному оружию), способствующий интенсификации, и связанная с этим возможность зарабатывать деньги, — все это усиливает зависимость от доместикации. Вслед за этими изменениями возникает социальное расслоение нового уровня, подразумевающее более строгий контроль за ресурсами в интересах целого сообщества (а не отдельных семей, составляющих это сообщество). Семьи, хоть порой и неохотно, принимают такое развитие общественной организации, поскольку у них нет другого выбора.

Часть II
Локальная группа

5. Локальная группа

В РАЗДЕЛАХ 5–8 мы рассмотрим институт локальных групп — форму организации политически автономных групп, включающих примерно от 100 до 500 человек. Локальная группа имеет свою эволюционную историю. Ее организующие принципы и механизмы — культурные артефакты, возникшие в результате определенных причин и сохраняющиеся по традиции или в силу того, что оказались полезными. Локальные группы могут быть связаны совместным проживанием (в деревнях), или рассредоточиваться и жить селами, или перемещаться, как это происходит у пастухов, в зависимости от специфической природы их социальной организации, лежащей в основе экономики. Развитие локальных групп часто увязывают с неолитической революцией, ассоциируемой с domestikацией растений и животных, но, возможно, в равной степени революционным было и развитие формальных социальных институтов, направивших взаимодействие людей в новое русло.

Хотя в повседневной жизни локальной группы основную роль по-прежнему играет семья, ее экономическое поведение невозможно понять, если не подвергнуть анализу процессы, происходящие за пределами отдельной семьи или даже территориальных границ локальной группы. Каждая локальная группа формируется из подгрупп, в количестве от двух до двадцати, в свою очередь представляющих собой расширенные или разросшиеся семейные единицы, знакомые нам по обществам, стоящим на уровне семьи. Каждая подгруппа организована посредством гибких и замкнутых биокультурных отношений, а задача локальной группы — организовывать и регулировать взаимодействие, права и обязанности этих подгрупп. Поддерживающие локальную группу культурные механизмы сочетают в себе возникающие паттерны лидерства и широко распространенный церемониализм. Эти культурные артефакты побуждают семьи жить вместе и координировать свою деятельность, несмотря на возможное желание отделиться.

Локальные группы ведут сравнительно оседлый образ жизни. В течение всего года охотники и собиратели концентриру-

ются и рассредоточиваются, но нередко они образуют сезонные деревни и живут в них месяцами, используя запасы пищи. Когда жители деревень или сел зависят от фермерства, они располагаются рядом с плодородными землями и остаются там на протяжении многих лет. В целях обороны и для разграничения социальных групп деревни или села могут окружать частоколом. Групповые церемонии проводятся около мест, отведенных для танцев, и кладбищ. Пастухи, которые должны часто перегонять стада на неистощенные пастбища, более подвижны, чем другие добытчики. Как следствие, пастухи тяготеют к небольшим эгалитарным группам, если только внешняя агрессия не заставляет их формировать большие группы.

Общества на уровне локальной группы хорошо известны в антропологии. Их институты — корпоративные родственные группы, соперничество за приобретение статуса и церемониальные объединения — влияют на многие виды деятельности: на ком жениться, с кем кооперироваться и делиться, дружить или враждовать; кроме того, с их помощью происходит идентификация локальной группы как народа. Локальная группа контролирует доступ к земле, сражается за нее, кооперируется, чтобы ее эксплуатировать, принимает решения относительно включения в группу новых членов. Само выживание индивида зависит от группы; и, с точки зрения ее членов, в мире не может быть ничего важнее принадлежности к ней. Региональные локальные группы связаны между собой узами личной дружбы, обмена, союзов и церемониальных циклов (Dalton 1977). Эти связи представляют собой децентрализованные институты, которые уравнивают сложные и непостоянные политические отношения конкуренции и кооперации. В своем наивысшем выражении они могут принимать характер региональных форм коллективности, и в таком случае управление ими осуществляют посредством основных церемоний предводители локальной группы, что предвосхищает эволюцию региональных политий, которую мы опишем, когда коснемся вождеств.

Но не следует преувеличивать степень внутренней структурированности локальной группы. Как часть эволюционного наследия, небольшие семьи тоже продолжают участвовать в организации повседневной жизни. Большинство решений по использованию ресурсов, организации производства, распределению пищи и вопросам объединения и кооперации принимается семьей, близкими родственниками и друзьями. Правила и традиции направлены на сохранение гибкости и спонтанности в принятии решений, касающихся повседневной жизни се-

мы, в частности таких ее аспектов, как работа, социальное взаимодействие и отдых.

Основными характеристиками локальной группы, согласно перечню содержимого ядра культуры (см. раздел 1), являются:

1. Окружающая среда, в которой обитают локальные группы и которая отличается чрезвычайным разнообразием, — от арктических побережий высоких широт до тропических лесов; но, несмотря на это разнообразие, они повсюду используют природу более продуктивно, чем группы на уровне семьи, и менее — чем вожества или государства. В отдельные сезоны ресурсы могут быть обильными, в другие же сбор урожая требует значительной интенсификации и не ведется круглый год (хотя центральные энга [случай 10] являются поучительным исключением).
2. Сходным образом варьируется и численность населения. У фермеров она обычно составляет от 1 до 20–30 человек на квадратную милю, что намного выше уровня в обществах семейного уровня. Энга и здесь являются исключением: их численность колеблется в пределах от 80 до 250 человек на квадратную милю, что требует особого объяснения. У охотников, собирателей и пастухов плотность населения сдерживается недостатком природных ресурсов (животных, рыбы и пастбищ). У береговых тареумютов (случай 6) или рыболовов Северо-Западного побережья (случай 9), живущих там, где ресурсов много, плотность населения выше, но у всей популяции в целом она составляет менее одного человека на квадратную милю. У пастухов плотность населения (так же, как и поголовье скота) зависит от состояния пастбищ и составляет обычно от одного до трех человек на квадратную милю.
3. Технология включает в себя главным образом личные орудия труда, такие как палка-копалка или гарпун. Некоторые технологии, представляющие особенное значение для интенсификации охоты и рыболовства и для выпаса животных, такие как рыболовные запруды, китобойные лодки и коррали для животных, находятся в собственности индивидов, но под их контролем используются большей группой.
4. Существуют два уровня социальной организации производства, характеризующиеся определенным набором функций: а) уровень семьи, нацеленный на повседневное жизнеобеспечение, воспитание детей, социализацию и неформальную помощь; и б) локальная группа, использующая кооперацию при выполнении крупномасштабных задач, управлении рисками, войнах и проведении церемоний.

5. Войны и территориальность характерны для большинства локальных групп, обладающих правом собственности на перегруженные и часто тщательно разграничиваемые земли. Локальные группы с более низкой плотностью населения, такие как яномамо (случай 5), совершают набеги на соседние территории, чтобы прослыть свирепыми и держать врага на расстоянии от своих границ. Группы с более высокой плотностью населения, такие как тсембага маринг (случай 7) или центральные энга (случай 10), считают границы своих территорий священными и защищают их в сражениях с интервентами. Для пастухов, находящихся на уровне локальной группы, постоянную опасность представляет угон скота, и им приходится охранять стада и пастбища. Добытки защищают территории в периоды, наиболее благоприятные для использования ресурсов (например, нерест рыбы). Более сложными технологиями (например, запрудами, каноэ) владеют и управляют индивидуально.
6. Сильная политическая интеграция внутри локальной группы формируется благодаря сочетанию церемониальной деятельности и лидерства. Кроме того, любая автономная и защищающая свою территорию локальная группа всегда связана с другими локальными группами браками, обменом и другими союзами. Несмотря на отсутствие централизованного управления, эти региональные системы могут интегрироваться в разные формы коллективности под управлением предводителей, которые соревнуются между собой и координируют свои действия посредством рычагов экономики.
7. Расслоение в локальной группе происходит в результате соперничества предводителей, что в итоге приводит к созданию межгрупповых форм коллективности. Но у этих предводителей отсутствует полный контроль над ресурсами и их использованием. Чтобы стать признанными лидерами в своей локальной группе, индивидам, обычно мужчинам, поддерживаемым и направляемым женщинами, надо либо отличиться особой свирепостью, либо обладать дипломатическими навыками. Некоторые предводители контролируют большее количество ресурсов, но тогда они должны больше работать и быть для остальных личным примером. Лидеры — от главарей до бигменов — как правило, полигамны и потому отличаются высокой репродуктивностью.
8. Священное выражается в мольбах, почитании и умиротворении духов предков. Во время церемоний предков благодарят за их щедрый вклад в плодородие, производство пищи и успех в сражениях. Церемонии служат для форми-

рования корпоративной локальной группы и поддержания межгрупповых региональных отношений, необходимых для приобретения союзников, урегулирования конфликтов, заключения браков и торговли. Многие из этих церемоний календарные, они проводятся регулярно по расписанию, ежегодному или составленному на несколько лет, и считаются существенно важными для успеха во всех серьезных предпрятиях.

Несмотря на кажущееся сходство уровней локальной группы и семьи, между ними существуют различия, порой разительные. Как будет показано в разделах 6, 7 и 8, наиболее сильные из них заключаются в учащающихся войнах и нарастающих церемониализме и значении лидерства. Это, в свою очередь, меняет акценты в гендерных отношениях: в то время как внутри домохозяйства строгое разделение труда обеспечивало тесную экономическую взаимозависимость жен и мужей, в локальной группе вырастает культурное значение храбрости и агрессивности мужчин, а также их способность защищать свой статус, начинает признаваться мужское превосходство и, соответственно, обесценивается деятельность и атрибуты женщин.

Прежде чем начать исследование уровня локальной группы, суммируем изменения, произошедшие в институциональном характере общества на счет одомашнивания человеческого вида. Для этого рассмотрим важнейшие военные и экономические теории, лежащие в основе нашей собственной теории эволюционной динамики, вызывающей эту социальную трансформацию.

Доместикация человеческого вида

Имевшая место около 10 тыс. лет назад неолитическая революция изменила ход истории, став вторым по важности событием после возникновения культуры (Childe 1936, 1942). Будучи впервые зафиксированы на Ближнем Востоке и в Европе, определенные свидетельства изменений были обнаружены по всему миру, в частности в Африке, Азии и обеих Америках. Коул (Cole 1959) описывает несколько первостепенных технологических сдвигов в неолитической революции:

- начало культивации растений
- одомашнивание животных
- распространение топоров и расчистка леса
- новый транспорт — лодки и телеги

- ремесла, включающие гончарное дело и ткачество
- деревни
- дома
- могилы

Этот список наглядно демонстрирует последствия культурного прогресса: очевидно, с помощью этих технологических новшеств люди становились независимыми от суровой природы. Одомашнивание растений и животных предполагало надежность жизнеобеспечения, что, в свою очередь, позволило людям обрести материальное благополучие, используя выгоды оседлой жизни. Возникает вопрос: почему же подобные технологические достижения не появились раньше? Например, как оказалось, верхнепалеолитические охотники и собиратели еще более 40 тыс. лет тому назад обладали первичными навыками культивации растений (Maryanski and Turner 1992: 91). Да и в наше время добытчики, как кажется, не стремятся переходить к оседлой деревенской жизни, которая требует больше труда и самоотдачи.

Говоря о неолитической революции, недостаточно ограничиваться перечнем успехов технологии. Это была социальная революция, одомашнивание нас самих — экономические преобразования происходили параллельно с концептуальными и социальными: «Одомашненные люди — это те, кто живет (и по большей части работает) в домах, которые сгруппированы в села, деревни и городки; они отличаются от людей, которые использовали и используют (в прошлом и настоящем) лишь временные жилища» (Wilson 1988: 52). Добытчики, организованные на уровне семьи, сохраняли общество открытым и обладали «единственно правильной формой свободы — свободой от вмешательства других» (Wilson 1988: 52).

По мере того как люди становились оседлыми и строили в деревнях дома, изменялись и их познаваемый и пространственный миры. Люди стали жить и взаимодействовать в выстроенном ими искусственном ландшафте, привязанные к земле и сопутствующим такому положению дел повседневным практикам, что усилило их зависимость от социума:

Когда люди стали жить в построенной ими окружающей среде, они, сами того не предполагая, столкнулись с необходимостью решать новые проблемы, связанные с деятельностью, направленной на выживание, жизнеобеспечение и повышение благосостояния, что оказало влияние на их умственные способности... Однажды став одомашненными, люди должны были столкнуться и столкнуться со структурой, как сказал бы Дюркгейм, возникающей *suī*

generis, из этих условий — структурой отношений между людьми как между соседями и как между хозяевами и гостями (Wilson 1988: 112).

Итак, возникли общества соседства, в которых люди совместно владеют искусственно созданными формами окружающей среды, в которых пространство и деятельность могут как связывать людей, так и разъединять их. Пространства могут быть частными либо общественными, они связывают людей или разделяют их, определяют сакральные и профанные¹ ситуации. Наибольшее значение, как представляется, имеет то, что эти взаимоотношения не меняются часто на протяжении жизни отдельных индивидов и даже поколений. Человек рождается в социальном мире, к которому ему, чтобы выжить и преуспеть, необходимо приспособиться.

Пессимистически настроенные социальные эволюционисты не склонны считать такое всем чем угодно, только не улучшением благосостояния общества:

Отказ от охоты и собирательства повлек за собой возникновение... социокультурных ячеек, ограничивающих людей в их потребности в равноправии, свободах, мобильности и индивидуализме. Конечно, люди, как гоминоиды с развитым мозгом, обладают необычайной гибкостью; и если обстоятельства вынуждают их жить большими сообществами, то они к этому адаптируются. Главным инструментом такой адаптации явилось усложнение семейных союзов: от нуклеарных, иногда расширенных и относительно автономных, к линиям, включающим более дальних родственников. Эта линия структурного усложнения была самой распространенной в условиях экономических ограничений. Но в сравнении с мобильностью и свободой охотников и собирателей следование наследственным правилам, регулирующим состав семьи, место проживания, домашнюю и экономическую деятельность, структуру власти и брачные отношения, является существенным изменением социального устройства. Возможно, эти изменения происходили так постепенно, что люди и не заметили социальной клетки, в которую себя загнали, хотя этот способ существования вступал в противоречие с наследием предков, в течение долгих тысячелетий усовершенствовавших способы адаптации охотников и собирателей (Maryanski and Turner 1992: 110).

Авторы говорят здесь о построении социальных институтов — культурных артефактов, лежащих в основании локальной группы

1. *Сакральное* — священное (ритуал, культ, миф); *профанное* — противоположное священному (мирское, обыденное, лишенное религиозного значения); термины восходят к социологии Э. Дюркгейма.

пы. Позже мы увидим, как группы, описанные в отобранных нами случаях, расширяют или ограничивают возможности внутри институциональных рамок. Одну из важнейших ролей играет отношение к предкам; с этим связано и значение кладбищ, откуда предки продолжают каким-то образом общаться с живущими потомками. Человека характеризуют в значительной степени происхождение² и родственные узы, определяющие личные права на землю, брак и обязательства в отношении других. Мир населяют духи предков, они обычно помогают живущим, но люди опасаются их неодобрения. Группы самоидентифицируются в процессе календарных церемоний, во время которых группу прославляют, а предков благодарят за помощь. Новое значение церемонии связано с возросшей зависимостью индивида от локальной группы, решающей вопросы его жизнеобеспечения и репродуктивной активности.

Теоретизация локальной группы

Благодаря развитию культуры люди создали новые социальные институты. Ниже мы остановимся на различных характеристиках локальных групп, таких как мужское превосходство и войны, родство и реципрокация, наличие лидерства и церемониализм.

Войны и мужское превосходство

В большинстве локальных групп, особенно среди садоводов и пастухов, имеют место войны. Салинз (Sahlins 1968b) свидетельствует, что при отсутствии всеохватывающей региональной интеграции локальные группы (люди, ведущие племенной образ жизни) живут в мире политической анархии, где все находятся в постоянной готовности к войне друг против друга. Сервис (Service 1962) под племенем подразумевает локальную группу, хотя отмечает существование кланов и других регио-

2. Очередной пример несовпадений в академических языках, отечественном и международном. В оригинале емкое *descent* означает: 1) снижение; 2) родство (нисходящее, как в генеалогических схемах), счет поколений, счет происхождения. Ниже мы будем переводить *descent group* не как «родственная группа» (для этого в англ. существует *kinship group*), что можно часто встретить в нашей литературе, а как «группа на основе счета родства», поскольку имеется в виду, что какая-то группа основывается не на фактической (биологической) общности происхождения, а именно возводит себя к общему предку генеалогически, то есть социально.

нальных культурных институтов, «поперечных товариществ»³, ведущих большинство политических дел, несмотря на автономность локальных групп. Континуум из яномамо (случай 5), тсембага маринг (случай 7) и центральных энга (случай 10) показывает, как племенные общества эволюционируют в направлении роста плотности населения и интенсивности войн (Johnson 1989).

Являются ли войны между локальными группами следствием человеческой природы? Как отмечалось в разделе 1, при определенных обстоятельствах люди филогенетически готовы быть агрессивными: они конкурируют в поисках пищи, убежища и партнеров и способны сражаться за это с кем угодно. Но не совсем понятно, как это приводит к войнам, — сообщества семейного уровня разрешали эти проблемы сравнительно мирным путем.

Однако мирное сосуществование становится невозможным по мере интенсификации экономики жизнеобеспечения. Мы видели, что при очень низкой плотности населения способом разрешения таких конфликтов было рассредоточение семей, хотя в отдельных случаях мужчины могли вступать в борьбу за доступ к тем или иным ресурсам. По мере увеличения плотности населения возрастает конкуренция за земли и становится меньше возможностей, и хотя неизбежно возрастает конкуренция, это не приводит к созданию региональных политических структур, с помощью которых семьи могли бы улаживать конфликты. Напротив, следуя традиционной стратегии поведения, семья пыталась раньше других семей определить местонахождение наилучших ресурсов, и если они скудны, то завладеть ими единолично и не позволить чужакам проникнуть на свою территорию. С ростом населения возрастают конкуренция и агрессивность.

Харрис (Harris 1977: 65) считает, что следствием процесса всевозрастающих ограничений (Carneiro 1970b) является то, что он называет «комплексом мужского превосходства»: мужская монополия на оружие; воспитание в мужчинах боевого духа и храбрости; детоубийство; воспитание в женщинах благодарного отношения к деяниям мужчин; патрилинейные наследование и счет родства; преобладание полигинии; мужские виды спорта, основанные на конкуренции; ритуальные испытания мужчин при достижении половой зрелости; ритуальная нечистота женщин; выкупы при заключении браков и другие муже-

3. В оригинале *cross-cutting sodalities*. В голове Салинз держит метафору: одни связи для него являются продольными, а другие поперечными.

центричные⁴ институты. Хотя эти модели поведения не являются универсальными, их можно встретить не только в обществах, находящихся на уровне локальной группы, но и в армиях, спортивных командах или студенческих братствах. Наивысшее развитие комплекса мужского превосходства отмечается во время войн, когда жизнь членов локальной группы находится под постоянной угрозой смерти, когда от четверти до половины мужского населения гибнет в результате военных действий, а жен и дочерей забирают в плен, и вся группа изгоняется со своих земель.

Последствия нерегулируемых войн показаны на примере горной Новой Гвинеи (Feil 1987; Langness 1977). Мужчины локальной группы, прошедшие инициацию, образуют крепкое братство для защиты земель клана. В этом регионе среди мужчин существует «тайный культ, основанный на вере в мужское превосходство и в могущество предков, при отправлении которого используются священные флейты (нама), практикуются жестокие обряды посвящения, организуются ритуальные пиршества с поеданием свинины и другой вкусной пищи, участвовать в которых запрещено женщинам и не прошедшим инициацию детям» (Langness 1977: 3). Мужчины могут выражать гипермаскулинность и с помощью гомосексуальных отношений, которые, как они считают, делают мужчин сильными и оберегают их от «расслабляющего» влияния женщин (Herdt and Stoller 1990). Мужчины, как правило, принадлежат к одному клану, а их жены — к другим, потенциально враждебным. Контакты с женщинами оскверняют.

Резкий гендерный антагонизм смягчает тот факт, что женщина играет центральную роль в домашней экономике. В неиндустриальных обществах именно в локальных группах с садоводческой основой для жизнеобеспечения, женщины вносят наибольший вклад в производство пищи (Sanday 1973: 1691). Кроме того, женщины, управляющие экономикой домохозяйства и занимающиеся разведением свиней, играют важную роль в подготовке к церемониальным представлениям и при политических маневрах. Несмотря на мужецентричные публичные проявления политической экономики, несомненное значение женщин в повседневной экономике понимают и мужчины и женщины.

4. В оригинале *male-centered*, ср. выражение «фаллоцентричный» у феминистских авторов.

Родство и реципрокация

Образование кланов и линиджей институционально отличает организацию локальной группы от менее формализованной организации на уровне семьи. Родство становится мерилем, которое определяет личные отношения и групповые связи, строящиеся на том, что Малиновский (Malinowski 1944: 55; Малиновский 1999) назвал «репродуктивным принципом социальной интеграции». Биологические отношения (размножение, вынашивание, вскармливание) служат основной для брака, счета родства и социализации — культурных конструкторов, лежащих в основе институтов локальной группы. В социальной антропологии широкий пласт литературы анализирует эти институты, прототипами которых являются группы на основе счета родства, например группы агнатов⁵, которые Фортеc⁶ (Fortes 1949) обнаруживал в центре «паутины родства». Почему же группы, основанные на счете родства, занимают на уровне локальной группы такое важное место?

В большинстве обществ, стоящих на уровне локальной группы, кланы и линиджи носят корпоративный характер — они имеют общую собственность и, что наиболее важно, сообща владеют землей. Они разграничивают групповые территории, контролируя доступ к высокопроизводительным ресурсам, количество которых ограничено. Корпоративность группы на основе счета родства является результатом возрастания конкуренции за ресурсы и вытекающей из этого потребности в численном превосходстве, для того чтобы регулировать и защищать доступ. В мире, где нет гарантирующих такой доступ повсеместно действующих правовых институтов, основанная на счете родства корпоративная группа объявляет о законности притязаний своих членов, объясняя ее связью их предков с этой землей.

Членство в корпоративной группе влечет за собой не только особые права на землю и помощь, которыми наделяется индивид

5. Англ. *agnates* — родственники по мужской линии. Превратилось в интернациональный антропологический термин.

6. Мейер Фортеc (1906–1983) — британский антрополог; выходец из Южной Африки; учился в Лондонской школе экономики у Ч. Г. Зелигмана, затем у Б. Малиновского; большую часть времени проработал в Кембридже; полевую работу вел среди талленси и ашанти (Гана). Один из главных последователей функционализма и антиэволюционист. Вошел в науку благодаря своему структурно-функциональному анализу родственных отношений индивидов, ставшему классическим. В политической антропологии заявил (вместе с Э. Эвансом-Причардом) о действии так называемых принципов сегментации и сбалансированной оппозиции. От него через М. Глакмена тянется ниточка к манчестерской школе в антропологии.

(Bell 1998a), но и обязанности участвовать в главных церемониальных событиях и войнах и поддерживать их материально. Для завоевания в группе хорошей репутации от индивида требуется множество реципрокаций того рода, какие описывались в разделе 2: обязательные дары во время календарных празднований, выкупы за разрешение на брак или для улаживания ссор, обмен пищей и трудовыми затратами при организации пиршеств. Хотя подношения даров выглядят как проявления щедрости, фактически они представляют собой обязательства группового членства (Bell 1998b). Членство в локальной группе, выражаясь в субстантивистских терминах, является соединением экономических отношений, внедренных в социальные институты группы.

Общее происхождение — это культурный конструкт, выстроенный на могущественном биологическом влиянии родственного отбора и тесно с ним связанный. Он служит преодолению относительно слабых биологических возможностей в распространении за пределами семейного уровня присущих индивиду преданности, доверия и понимания общих интересов группы. Но в действительности на уровне локальной группы большинство людей, связанных теплыми отношениями и обременительными обязательствами, обычно оказываются близкими биологическими родственниками (к примеру, внутри генеалогического расстояния, соответствующего одному колену). И хотя корпоративная родственная группа использует все находящиеся в ее распоряжении символические и церемониальные средства, чтобы, опираясь на значение связей даже с очень далекими предками, воспитывать в членах группы чувство долга по отношению к группе, общая тенденция все же проявляется в том, что корпоративные группы замкнуты в себе и стремятся скорее исключить кого-то из сообщества, чем включать в него.

Чтобы преодолеть закрытость групп, построенных на принципе общего происхождения, локальные группы используют множество институциональных средств для создания форм принадлежности, способных иметь большее значение, чем счет родства. Две самые мощные и распространенные из них — брак и долг. В таких группах, как талленси⁷ Фортеса, правила инцеста⁸ требуют

7. Талленси (англ. Tallensi), или таланси, тали; живут на северо-востоке Ганы (Африка); численность 70 000 чел.; говорят на языке тални ветви гур языковой семьи нигер-конго. Вошли в антропологию (благодаря исследованиям М. Фортеса) как классический случай полигамного брака, патрилинейного счета родства и многочисленных табу, обставляющих взаимоотношения отца и его наследника — первенца-сына.

8. *Инцест*, или *гетеризм*, — беспорядочные половые сношения. В трудах ранних эволюционистов (И. Бахофен, Л. Морган и др.) означал изначальную (нулевую) ста-

от индивидов искать брачных партнеров не в своей собственной, основанной на счете родства группе, а в других. Поэтому у детей есть родственники в обеих группах — материнской и отцовской, а тесные узы между братьями и сестрами ослабевают или рвутся, поскольку те проживают в различных группах, и т. д. В противоположность линейному счету родства, такие связи носят личный характер и представляют собой сети когнатного⁹ родства: «Вокруг этих связей нет принуждения; их не воспринимают как сковывающие права и обязанности, но лишь как добровольные по своей сути» (Fortes 1949: 281). До некоторой степени эти эгоцентрические сети похожи на дружбу, так как индивиды сами выбирают тех, с кем поддерживают тесные связи (через визиты, дележ пищи, кооперацию в работе и т. д.), и не похожи на широкие региональные сети обществ семейного уровня (Johnson and Bond 1974). Как представляется, они функционируют сходным образом: Далтон (Dalton 1977) описывает, как такие сети связывают локальные группы и создают возможности для торговли, брака, союзов и перемещений. Подобные сети могут расширяться с целью увеличить количество возможностей и обрести гибкость. Они противодействуют принципу счета родства и исключению чужаков.

В дополнение к личным сетям, создаваемым с помощью брака, обмен супругами играет к тому же центральную роль в более масштабном процессе создания кредитно-долговых отношений между локальными группами. Обычно брак рассматривается как дар (невеста или жених), приносимый одной группой на основе счета родства другой такой группе. Эти дары имеют классический характер тотальных поставок, влекущих за собой обязательства давать, принимать и возмещать. Принять дар означает согласиться быть в долгу, а долг создает или усиливает социальные связи. Часто долг, в котором группа оказывается благодаря браку, не возвращается годами или даже на протяжении жизни одного поколения. Одна из функций предводителя локальной группы — помнить об этих долгах и кредитах и так направлять поведение группы, чтобы выполнять обязательства и поддерживать социальные связи с другими локальными группами.

Если представить рыболовную сеть, выставленную на обозрение, то вертикальные нити (ткацкая основа) могли бы быть

дию в развитии брака; при этом последующие стадии мыслились как поэтапное исключение родственников из круга потенциальных брачных партнеров вплоть до современного единобрачия. В обыденном смысле — кровосмешение.

9. Англ. *cognates* — родственники по женской линии. Превратилось в интернациональный антропологический термин.

линиями происхождения, характеризующими корпоративные группы, а горизонтальные (уток) — узами, созданными благодаря бракам; это и есть паутина родства. Паутину еще больше уплотняют другие тотальные поставки: известны расточительные пиры с демонстрацией непомерной щедрости (и созданием долгов); но наличествуют и обмены поскромнее утилитарными вещами, выкупы в виде материальных ценностей, нацеленные на разрешение конфликтов, и дележ неожиданно высоких доходов от производства.

Фортес пишет, что у паутины родства поистине неограниченный потенциал для расширения — один узел идет за другим. Связи сохраняются благодаря сбалансированной реципрокации (раздел 2): узлы удерживаются до тех пор, пока не появляется ощущение, что отношения уравновешены и основаны на честности. Часто отношения, из которых состоит сеть, нуждаются в реципрокационном обмене ценными предметами, имеющими не только символическое значение, но и на самом деле материализующими их (DeMarrais et al. 1996). Каждый предмет имеет свою историю и воплощает социальные связи его производителя и сети, благодаря которым этот предмет переходил из рук в руки (Appadurai 1986).

Лидерство и церемония

На уровне семьи лидерство и церемониальные проявления были недостаточно выраженными. Если они возникали, то играли свою роль только в конкретной ситуации и исчезали, когда она разрешалась. Но в локальной группе господство войн и иные условия требуют образования надфамильных групп, а те, в свою очередь, зависят от предприимчивости предводителей и церемоний, выстраивающих групповые отношения.

С точки зрения экологии лидерство выглядит как социальная технология, которая развивается для решения проблем, с которыми невозможно справиться на уровне семьи (Harris 1977; Service 1962). Самой важной из этих проблем являются войны. Фейл (Feil 1987) описывает эволюцию лидерства в горной Новой Гвинее как процесс, связанный с интенсификацией земледелия, конкуренцией и все более частыми войнами, ведущий к развитию региональных политических систем для смягчения остроты конфликтов. Помимо этого, предводители помогают решать проблемы управления рисками, технологии и торговли.

Основная политическая роль местного лидера заключается в том, чтобы организовать группу и представлять ее на межгрупповых церемониях, где члены его группы рекламируют свою

личную отвагу, богатство и привлекательность танцами и костюмами. Предводитель принуждает их оказывать ему материальную поддержку, ссылаясь на то, что действует от их имени. Его престиж — это их сила, способная защитить интересы группы в высоко конкурентной окружающей среде и обеспечить ее потребности.

Среди разительных трансформаций, происходящих по мере укрепления локальной группы, находится и возможность прихода отдельного индивида к власти. В теории в любом сообществе можно найти «самовыдвиженцев» — термин, который относится к

любому амбициозному, предприимчивому, агрессивному индивиду, склонному к накопительству (повсюду рассматриваемому как накопитель или личность «тройного А»¹⁰), который борется за то, чтобы доминировать в сообществе, особенно с помощью экономических средств. Этот термин объединяет и величайших людей, и главарей, и бигменов, и элиты, и вождей (Hayden 1995: 18).

Однако в отличие от обществ семейного уровня, таких как кунг, в которых восхищаются самоограничениями и скромностью готового кооперироваться щедрого соотечественника и где шутят, что «мы все — сами себе главари», в локальной группе предводители во всеуслышание заявляют о своем высоком положении. И самовыдвиженцы приходят решать новые проблемы, которые и открывают перед ними двери: люди нуждаются в них, и они пользуются возможностью контролировать ситуацию для продвижения своих личных интересов.

Позиция предводителя всегда базируется на представлениях церемониального характера, которые определяют как внутреннюю природу группы, так и ее внешние связи. И хотя на этом уровне домохозяйства и на селе совершается по-прежнему немного церемоний, церемониальные циклы затрагивают любые вопросы, касающиеся взаимоотношений одной локальной группы с другими. Церемонии, на которые идут средства от интенсификации производства, становятся самой основой всего социального производства. Определяя само существование локальной группы, церемония выражает сущность ее структуры. Мы обнаруживаем здесь создание и укрепление формальных надсемейных связей, публичное провозглашение и легали-

10. Англ. *triple A* (или *AAA*), то есть аббревиатура от *ambitious, aggressive, accumulative* — амбициозный, агрессивный, накопительский. Игра слов, ср. *AAA* — облигации и акции самого высшего качества на бирже (рейтингом ниже — *AA*, *A* и *BBB*), но также *AAA* — Американская антропологическая ассоциация и пр.

зацию политического статуса группы в регионе, предъявление прав собственности на имущество и обмен последним посредством примитивных эквивалентов стоимости или денег.

Поскольку публичные церемонии важны для приобретения престижа, особенно в системах бигменов, то и экономику, поддерживающую их, некоторые определяют как престижную (Herskovits 1952: 464–465). В этих обществах (как и повсюду) политическая и экономическая власть проявляется не в богатстве как таковом, а в контроле над доступом к ресурсам, рабочей силе и экономическим благам, а потому можно заключить, что престижная экономика и политическая экономика — фактически одно и то же. Конкурируя в ходе межгрупповых церемоний, группа обретает престиж в той мере, в какой предводитель сможет продемонстрировать собственные способности в мобилизации ее членов с целью обеспечения товарами, рабочей силой и воинами. Представления церемониального характера демонстрируют экономическую и военную мощь, а также готовность группы вверять свои ресурсы межгрупповым предприятиям. В сущности, престиж — это скрытая власть или залог власти.

Центральной чертой церемониальных представлений во всех локальных группах является публичная «материализация группы как единого тела». У обществ семейного уровня нет нужды в подобных подтверждениях, поскольку соподчиненность семей коренится в первичных родственных связях и очевидна при повседневной кооперации и дележе добычи. Все выглядит по-другому, если речь идет о соподчинении сотен людей, которые могут не знать и не любить друг друга. Индивиды могут не осознавать своей зависимости от других и не желать идти на жертвы, которых требует жизнь в группе. Церемония не только исцеляет раны от разделения на фракции посредством танцев, соревнований и пиров, но и фокусирует внимание присутствующих на материальном обмене, который и является основным ее смыслом.

Церемонии предоставляют возможность сделать публичные объявления собственности, происхождения и передачи прав, особенно в межгрупповых формах коллективности регионального масштаба. На Северо-Западном побережье (случай 9) и в горной Новой Гвинее (случаи 7 и 10) публичная демонстрация гербов, эмблем, знаков, ценностей и меток, подтверждающих собственность, является основным содержанием церемониального поведения. В мире без судов и документов церемония — тот форум, на котором легализуются права собственности.

Церемония пропитана святостью. Освятить что-то — значит наделить это что-то сверхъестественной силой и значимо-

стью, чтобы оно внушало благоговение. Как показал Раппапорт (Rappaport 1979), церемонии в локальных группах освящают формы поведения, обладающие огромной адаптивной важностью: пир, во время которого чтят предков, является центральной церемонией, которая подтверждает или отвергает военные союзы; определяет новые права на земли для садоводства; инициирует либо завершает цикл войн; а также снижает избыточное поголовье стада свиней. Священных духов вызывают подношениями пищи, песнопениями, игрой на священных флейтах и танцами в масках. Благоговейный трепет, возникающий во время церемоний, делает опасным нарушение ритуально освященных договоров и соглашений. Бросить вызов духам означает навлечь несчастья. Таким образом, священное усиливает узы, связывающие локальную группу. Оно противостоит импульсивным формам поведения, таким как насилие, воровство и прелюбодеяние, которые могут разрушить групповые связи.

Из раздела 2 мы узнали, что среди материальных фондов, которые, по Вулфу, выделяются домохозяйством, в бюджетах семейного уровня преобладают фонды жизнеобеспечения. Однако на уровне локальной группы к ним присоединяются церемониальные фонды, которые становятся главной расходной частью бюджета домохозяйств. По мере того как расширяются социальные отношения, «все социальные отношения окружает... церемониал, а за церемониал надо платить трудом, товарами или деньгами» (Wolf 1966a: 7). Каждой семье нужно производить излишки, которые, как правило, используются в нарождающейся политической экономике локальными предводителями для устройства пиров и демонстраций и для конкуренции в раздаче даров. В этом случае церемонии локальной группы, обусловленные сложностями интенсификации экономики и войнами, начинают влиять на основные производственные решения экономики жизнеобеспечения.

Для пополнения разных фондов семьи продолжают производить важнейшие товары. Но теперь их значительную часть копят, а затем демонстрируют и тратят в ходе церемоний, определяющих границы локальной группы и ее взаимоотношения с другими группами. Производственный потенциал группы и, таким образом, привлекательность ее членов для брака, торговли и союзов оцениваются в ходе этих церемоний на основе успеха в конкуренции в демонстрации пищи.

Обмены и использование примитивных ценностей также играют значительную роль в церемониальных фондах. Такие примитивные ценности в обществах семейного уровня, как, например, ракушки и перья, не только служат украшениями, но могут

использоваться для устрашения врагов. И у самих ценностей имеется «социальная жизнь» (Appadurai 1986). Каждый предмет приходит вместе со своей историей, рассказывающей о том, как ее нынешний владелец вошел в социальные сети. Ценности материализуют абстрактные сети социальных отношений, которые выстраиваются каждым индивидом и группой в целом, чтобы выжить и преуспеть.

Обычно локальные группы широко обменивают эквиваленты стоимости на другие объекты, включая предметы жизнеобеспечения; их не подразделяют на отдельные «сферы обмена» (Eagles 1982; Bohannan 1955). Они служат средствами как обмена, так и накопления. В случаях с бигменами подношения даров и демонстрация ценностей принимают характер соперничества статусов в нарождающейся политической экономике.

Исходная динамика экономики и общества на уровне локальной группы

Наша цель — понять, как интенсификация становится причиной построения институтов на уровне локальной группы. На интенсификацию, являющуюся двигателем изменений, продолжает воздействовать растущая плотность населения, что вызывает конкуренцию и приводит к образованию корпоративных групп. Конкуренция, в свою очередь, порождает на связанных друг с другом локальном и региональном уровнях соперничество, которое усиливает интенсификацию производства и церемониальную конкуренцию. В соответствии с моделью, изображенной на рис. 3 (с. 57), рост населения и интенсификация вместе создают специфические экономические проблемы, которые требуют новых институциональных форм интеграции. Исключительное многообразие условий природной среды и имеющихся у людей средств интенсификации производства на уровне локальной группы ведет к особым проблемам и альтернативным институциональным решениям. Эти эволюционные процессы не однолинейны, а многолинейны; это означает, что специфические причины, условия и результаты социального формообразования варьируются в соответствии с локальной окружающей средой и историей.

И все же для трех основных типов адаптации — добывающего хозяйства, фермерства и пастушества, — несмотря на обильную культурную изменчивость, обнаруживающуюся внутри каждого типа, могут быть описаны определенные закономерности. Большинство добытчиков, как и некоторые фермеры и пастухи,

организованы в виде обществ семейного уровня. Что же приводит в этих трех типах жизнеобеспечения к появлению локальных групп? Поскольку в указанных типах специфические экономические условия значительно различаются, то различаются и институциональные формы. Эти отличия можно наблюдать и среди групп добытчиков (шошоны, случай 1; кунг, случай 2; эскимосы, случай 6; и индейцы Северо-Западного побережья, случай 9), и среди земледельцев (мачигенга, случай 3; яномамо, случай 5; тсембага маринг, случай 7; и центральные энга, случай 10), и среди пастухов (нганасаны, случай 4; туркана, случай 8; и киргизы, случай 11).

Главной причиной эволюции, приведшей к образованию локальных групп, у добытчиков может быть технологическая необходимость. Как утверждает Освальд (Oswald 1976), охотничьи и рыболовные технологии, необходимые для поимки добычи, довольно сложны, и для их конструирования и управления ими может потребоваться организация выше уровня семьи. Даже у шошонов стойбища собираются вместе, чтобы с использованием сетей и корралей устраивать гоны на чернохвостого зайца и других животных. У добытчиков интенсификация часто сосредоточена на высокопроизводительных ресурсах и особых технологиях для их использования. Например, в отличие от эскимосов-нунамутов, проживающих вдали от берега и представляющих собой общество, стоящее на семейном уровне, береговые тареумуты охотятся на китов с больших лодок. Местные предводители владеют лодками, организуют команды, используя разделение труда, и удерживают хранилища с богатейшей добычей. На Северо-Западном побережье интенсивное использование морской среды вызывает необходимость применения таких технологий, как большие каноэ, рыболовные запруды, погреба-хранилища и распорки для сушки, владение которыми не по средствам самостоятельным семьям. Предводители убеждают людей работать, следят за размещением и содержанием оснастки, а также ее использованием по назначению. Кроме того, они являются хранителями произведенной пищи, часть которой следует рассматривать в качестве продукта локальной группы, обобществленного посредством лидера, а не просто совокупности производимого отдельными домохозяйствами. Тенденция использования громоздких технологий среди добытчиков, ведущих интенсивное хозяйство, особенно очевидна там, где выражена сезонность и необходимость сохранять пищу. Это сильно контрастирует с группами садоводов и добытчиков растительной пищи, в которых семьи могут самостоятельно управлять производственными технологиями.

Управление рисками также требует у некоторых добытчиков образования локальных групп. Охота непредсказуема и вынуждает сообщества даже семейного уровня распределять риски внутри стойбища. Тареумюты, стоящие на уровне локальной группы, управляют рисками, добывая и храня китовое мясо и ворвань, которые они могут получать только во время непродолжительной весны. Благодаря кооперации и согласованным усилиям владельцев лодок, производятся громадные излишки пищи, ею запасаются и делятся в голодные месяцы, что позволяет тареумютам хвастаться: «Мы не даем людям умирать с голоду». А когда недостает местных запасов, то еду можно получить путем связей, устанавливаемых между членами домохозяйств и владельцами лодок во время церемониальных пиршеств, устраиваемых совместно с другими деревнями китобоев вдоль берега или даже с кочевыми охотниками на карибу из континентальных районов.

Управление рисками было возведено в ранг искусства на Северо-Западном побережье. Наделенные политическим правом узуфрукта¹¹, физически выраженным в знаках и эмблемах, бигмены контролируют эксплуатацию ресурсов во время недолгого периода изобилия, следя за тем, чтобы было потреблено или припасено все, что возможно. Они даже выпускают специальные знаки, разрешающие доступ к очередному выброшенному на берег киту. Благодаря имеющимся у них возможностям хранить пищу в погребах, копильнях и водонепроницаемых коробах, а также частым церемониальным демонстрациям и раздачам, они распределяют риски неудачи среди множества локальных групп, пополняя в то же время имеющиеся в наличии излишки для политического соперничества.

Большинство добытчиков мало озабочены войнами. Однако если интенсификация ресурсов приводит к сильным различиям в производительности, то возникают условия, сходные с теми, в которых находятся земледельческие общества. Между локальными группами на Северо-Западном побережье происходят сражения из-за рек, богатых лососем, и, возможно, из-за технологий, которые повышают его улов.

Главной причиной развития института локальных групп у фермеров являются войны: борьба за лучшие земли и за участки, пригодные для земледелия. Семьи становятся членами корпоративных групп — линиджей и кланов, гарантирующих доступ к полям, а эти группы объединяются для совместной защиты вла-

11. Право пользования чужой собственностью и доходами от нее.

дений в группы в размере деревни. Промежуточное место между уровнями семьи и локальной группы занимают яномамо: низкая плотность населения; относительно обширные земельные ресурсы; хрупкая структура деревни, раскалываемой внутренними ссорами; и небольшой размер политики (от 60 до 250 человек). Главное их отличие от мачигенга, стоящих на уровне семьи, — это длительное возделывание банана и деревьев персиковой пальмы, а также вложения в землю, стоящую того, чтобы за нее сражаться. Когда группам яномамо не угрожает непосредственная близость сражений, то они распадаются на сообщества в размере села и восстанавливают церемониальные связи с другими селами, если угроза войн опять требует от них объединения.

Единственной гарантией безопасности и жизнеобеспечения для тсембага горной Новой Гвинеи, где мало хороших земель, является локальная группа (около 200 человек) с ее крохотной территорией (около 3 квадратных миль). Локальную группу составляет ряд корпоративных групп, объединившихся посредством церемоний с целью защиты. Другие группы политически независимы, но они могут объединяться посредством либо индивидуальных межличностных уз брака и обмена, либо межгрупповых церемоний — паутины родства. У центральных энга также обнаруживаются конкуренции, войны, корпоративные кланы, локальные группы для защиты и межгрупповые сети и церемонии. Однако в их случае высокая плотность населения и напряженная конкуренция за постоянно приносящие урожай фермерские земли привели к признанию межгрупповых союзов и к созданию региональной формы коллективности бигменов, стремящихся к нарастанию личного престижа по мере того, как они регулируют межгрупповые войны.

Главными причинами эволюции, приведшей к появлению локальных групп у пастухов, являются управление рисками и войны; кроме того, одним из факторов является торговля. Туркана, распределяя риски неудачи, делят принадлежащих семье животных между родственниками и друзьями. Когда пастбища на равнинах покрываются пышной растительностью, туда из районов постоянных пастбищ приходят семьи туркана, чтобы выпастить скот, прежде чем засуха погубит зеленеющую траву; это свидетельствует о такой же подвижности, как и на семейном уровне. Сходным образом хан у киргизов владеет большей частью группового стада, которым он управляет, стараясь извлечь выгоду и для себя, и для жизнеобеспечения членов группы. Он раздает животных семьям соответственно имеющимся у них управленческим навыкам; он принимает на себя некоторые из их рисков, в том числе заменяя погибших животных;

но при этом требует, чтобы семьи старательнее работали в своих хозяйствах. Поголовье, с которым семья пастухов может справиться, невелико, часто недостаточно для сохранения стада; поэтому каждая семья вынуждена объединяться с другими в более крупные социальные единицы, чтобы разделить риски индивидуальных потерь.

У кочевников наличествуют военные традиции, под влиянием которых прошедшие посвящение молодые мужчины вместе защищают сообщество. Они должны защищать свои собственные стада и совершать набеги, чтобы восполнить потери в стаде или получить выкуп за невесту. Кражи животных распространены, и поэтому межгрупповые набеги становятся важной причиной образования локальной группы, основанной на мужских возрастных классах. Сегментарный линидж (Sahlins 1961) — гибкая политическая система, при которой пастушеские группы могут увеличиваться до необходимого размера в зависимости от уровня угрозы, исходящей от внешних групп (Irons 1979); если подобные угрозы слабы или отсутствуют, то локальные группы пастухов уменьшаются; в этом смысле их можно сравнивать с группами семейного уровня.

В мире аграрных государств, контролирующих передвижения и территорию, основой для выживания у киргизов стала внешняя торговля. Барт (Barth 1956) доказывает, что пастухи приспосабливаются к условиям окружающей среды, не подходящей для земледелия, будучи в тесных сношениях с земледельцами, которые нуждаются в продуктах, получаемых от их стад. От оседлых фермеров киргизам поступала большая часть пищи, и внешней торговлей животными управлял хан, что гарантировало поступление с ферм зерновых, а из городов — орудий труда и одежды.

6. Семья и деревня

МЫ ДОКАЗАЛИ, что для образования более крупного сообщества или присоединения к уже существующему необходимо, чтобы выгоды от этого перевешивали затраты. Как показано на случаях из разделов 6 и 7, интенсификация экономики жизнеобеспечения, будучи сама следствием увеличения плотности населения и технологических инноваций, порождает специфические проблемы, которые могут быть решены с огромным успехом при работе в больших группах. Сущность этих проблем варьируется в зависимости от окружающей среды и ее технологического использования. Преобладающей формой интенсификации является одомашнивание растений и зачатки фермерства, которые, согласно археологическим источникам, отражают наступление неолитической революции. Такие изменения могут быть постепенными и не требовать развития локальной группы. Но экономику жизнеобеспечения революционизирует рост сельского хозяйства, который приводит к возрастанию плотности населения во всемирном масштабе, порождая тем самым проблемы, разрешение которых возможно за счет образования более крупных сообществ и более оседлого образа жизни.

В вовлечении в фермерство более крупных групп есть два основных преимущества: дележ пищи (и других ресурсов) и защита. Необходимость защищать семьи и земли от вражеских набегов заставляет локальные группы увеличиваться в размерах либо внутри деревни, либо путем присоединения к межгрупповым союзам. Поскольку люди, объединенные усилиями по защите земель, делятся пищей, а дележ пищи (сотрапезничество) — один из самых мощных способов выстраивания союзов, то нелегко определить, какой из этих двух аспектов жизни имеет большее значение для увеличения размера группы. Похоже, что доверие, возникшее по отношению к одному, приводит к доверию к другому, все больше усиливая ценность локальной группы для составляющих ее семей. Это особенно легко обнаружить у яномамо, о которых пойдет речь в этом разделе.

Однако рост населения в земледельческой деревне приводит к возникновению новых проблем: семьи вынуждены жить дальше от возделываемой ими земли, а все ресурсы (дичь, дрова, строительные материалы и др.) быстрее истощаются, и для их добывания требуются перемещения на большие расстояния. Высокая плотность населения в деревнях увеличивает риск заболеваемости, вероятность краж и взаимных подозрений в сексуальных изменах. Жить в мире становится все труднее, как свидетельствуют бои на дубинках у яномамо.

Важным элементом деревенской жизни становятся регулярные церемонии. Деревня, ограниченная по периметру стенами и частоколами, строится вокруг площадки для танцев. Церемонии, являющиеся искусственным, не основанным на близком биологическом родстве следствием культурного развития, служат средством организации социальных институтов, объединяющих людей в локальные группы. Непрочность таких социальных институтов можно наблюдать на примере яномамо. Группа должна объединяться и искать союзников в других группах, чтобы защитить земли и избежать войн и их последствий, но это непростая задача. Для достижения таких целей устраиваются пиры, в которых участвуют несколько деревень, но и в этом случае участники не знают заранее, закончатся они установлением дружеских отношений и договоренностями о взаимной поддержке или предательством и смертью.

Случай 5. Яномамо Венесуэльского нагорья

Яномамо представляют особый интерес для последователей материалистической теории из-за трудностей в объяснении их необычных войн (Chagnon and Hames 1974; Harris 1974). Центральным является следующий вопрос: что служит поводом для частых и внезапных войн у яномамо, в которых гибнет очень много людей, — скудные материальные ресурсы или борьба за другие, нематериальные, ценности (Lizot 1989)?

Шегнон¹ (Chagnon 1968a, 1968b) подчеркивал в своих описаниях яномамо, что они сражаются по разного рода причинам:

1. Наполеон Шегнон (род. в 1938) — американский антрополог (свою франц. фамилию *Шаньон* произносит также на американский лад); докторскую диссертацию на тему «Войны, социальная организация и брачные союзы яномамо» защитил в Университете Энн-Арбор, штат Мичиган (1966); работал там же и в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре; известен своей долговременной и плодотворной полевой работой, которую вел начиная с середины 1960-х по вторую половину 1990-х годов, среди яномамо верховий рек Сиапа и Мавака. Его

из-за недостаточного количества женщин; из-за подозрений в колдовстве и возможного ущерба, им нанесенного; из-за слабой политической системы, не способной предотвратить войны. Харрис (Harris 1974: 102; 1979) справедливо утверждал, что такой эклектичный взгляд не дает удовлетворительного объяснения войнам у яномамо. По его мнению, яномамо сражаются за охотничьи угодья, в особенности за доступ к скудным запасам пищевого белка. Шегнон на это возразил (Chagnon 1983), что, хотя яномамо действительно считают мясо ценным и редким продуктом, его данные говорят о том, что их пищевой рацион включает достаточное количество белков (Chagnon and Hames 1979).

В недавних работах Шегнон приблизился к биоэволюционной концепции «инклюзивного соответствия», стараясь доказать, что победы в войнах и политическом маневрировании коррелируют с успешным воспроизводством: попросту говоря, мужчины яномамо сражаются не только за женщин, но и за «средства воспроизводства». Агрессивные мужчины оставляют больше потомства, чем мужчины, которые позволяют себя запугивать и подчинять. Таким образом, дискуссия Харриса и Шегнона о причинах войн у яномамо частично явилась продолжением спора (о котором мы говорили в разделе 2) между теориями, фокусирующимися на воспроизводстве и естественном отборе (Шегнон, эволюционная биология), и теориями, которые фокусируются на производстве и адаптации (Харрис, культурный материализм). Мы попытаемся доказать, что для понимания войн у яномамо необходимо принимать во внимание оба эти объяснения, основанные на биологической мотивации.

В этом разделе мы покажем, что войны у яномамо в конечном итоге объясняются конкуренцией за ресурсы, включающей в себя, в числе прочего, конкуренцию за партнеров и за охотни-

метод заключался в сборе у жителей посещаемых им деревень генеалогических данных, которые он использовал в последующем анализе моделей родства, брака, кооперации и расселения, благодаря чему Шегнона считают также одним из пионеров социобиологии и экологии человека. Его главное сочинение «Яномамо: жестокий народ» (1968) превратилось в самую продаваемую книгу по антропологии. Вокруг деятельности Шегнона разразился, однако, громкий скандал, последовавший за выходом «Эволюции человеческих обществ» А. Джонсона и Т. Эрла и спровоцированный книгой журналиста Патрика Тирни «Сумерки в Эльдорадо» (2000). В ней содержались следующие обвинения: визит антрополога к яномамо стал причиной эпидемии кори; он снабжал мачете только одну из их группировок, что могло спровоцировать очередной жестокий конфликт; образ яномамо, созданный им, необъективен и пр. Американская антропологическая ассоциация специально расследовала дело Шегнона и в 2002 году опубликовала отчет, где некоторые из этих обвинений подтверждались, но в 2005 году аннулировала его.

чи угодья. Возникает вопрос: почему такая конкуренция, будучи универсальной для всех социокультурных уровней, приводит к особому типу войн у яномамо? Войны у яномамо занимают промежуточное место в эволюции между отсутствием войн в группах, стоящих на уровне семьи, и организованными и обычными формами войн, о которых мы будем говорить в следующих разделах. Яномамо, похожие на миролюбивых мачигенга (случай 3) способами адаптации к жизни в тропическом лесу, переступили роковой порог от культурного акцента на контроле над агрессией к акценту на контроль посредством агрессии.

Окружающая среда и экономика

Яномамо² (Chagnon 1983), известные также как яноама (Биокка 1972; Биосса 1971; Smole 1976) и вайка (Zerries and Schuster 1974), традиционно заселяют нагорья у истоков рек Ориноко и Риу-Негру в Венесуэле и Бразилии. Хотя этот регион обычно считается частью тропических лесных низменностей Южной Америки, а его народы причисляются к амазонским, в действительности эти нагорья отличаются от тропических низменностей, которые их окружают. В большинстве исследований яномамо описываются как сообщества, которые недавно мигрировали с нагорий на «девственные» низинные территории (Smole 1976: 226), но мы здесь говорим о сообществах, значительно отличающихся от горных яномамо (см. карту В в Migliazza 1972: 17).

Река Ориноко берет свое начало в Гвианском плоскогорье, характеризующемся скалистыми выступами и хребтами из древнего гранита и метаморфических³ скал, сильно выветренных и образовавших замысловатую и неравномерную последовательность из холмов и долин. За исключением редко встречающихся аллювиальных выбросов, почвы бедны: «Ни одно из этих на-

2. Яномамо (Yanomamo) (произносится с назализацией) — букв. человек (предложено Шегноном и не является самоназванием). Живут на севере штатов Амазонас и Рорайма (Бразилия) и на юге прилегающих к ним штатов Амазонас и Боливар (Венесуэла), занимая около 192 000 кв. км; численность 11 700 чел. в Бразилии (2000) и 15 200 чел. в Венесуэле (1992). В языковом отношении относятся к изолированной яномамской группе (прежде их включали в суперсемью макро-чибча), распадающейся на четыре языка или диалектные группы: яномамо (юго-запад), яномами (центр), санума (север) и нинам (северо-восток ареала). В синонимии существует большая неразбериха из-за того, что в разное время яномамо и отдельные их группы (лингвистические) называли по-разному: вайка, гуайка, гуахарибо, сурара, шириана и др.

3. *Метаморфические* горные породы образуются в толще земной коры в результате метаморфизма (изменения) осадочных или магматических горных пород. Минеральный состав их может быть разнообразным (кварцит, мрамор, силикаты).

горий из осадочных скал не подходит для сельского хозяйства. Кажется, что на Гвианском плоскогорье земледелие возможно только в низменностях долин, а они не отличаются особым плодородием» (Sauer 1948: 320; см. также Lathrap 1970: 42).

Высотность региона, который традиционно занимают яномамо, варьируется от 1 тыс. до 4 тыс. футов. Горы высотой до 6 тыс. футов, похоже, «необитаемы, покрыты кустарником и низкой порослью и весьма каменисты» (Smole 1976: 32–33) и практически не используются. Регион напоминает остров, вздымающийся над морем тропического дождевого леса, простирающегося по берегам рек, входящих в дренажную систему Ориноко и Северной Амазонки. Нагорье холоднее и засушливее низин дождевого леса, и оно поддерживает уникальную биоту⁴ (Anduze 1960: 186–187; Chagnon 1983: 55).

Андузе (Anduze 1960: 173) заметил, что если вдоль рек на низких участках суши дичь находится в изобилии, то на возвышениях ее все меньше, — факт, который он отчасти объяснял интенсивной охотой горных яномамо. Смоул (Smole 1976: 41, 131) также отмечает, что на нагорье природная пища вообще и дичь в частности менее изобильны. Рыбы также мало, и она в меньшей степени пополняет рацион у яномамо нагорий, нежели у живущих в низинах (Chagnon 1983: 102). Таким образом, Гвианское плоскогорье, не будучи географически островом, является тем не менее отдельной экологической зоной, для которой характерны бедные почвы и жители которой могут рассчитывать лишь на скудную пищу из природных источников (Hames 1997a: 3–5).

Яномамо населяют Гвианское плоскогорье с незапамятных времен, и, возможно, они являются потомками «пеших кочевников», первопоселенцев в этой части, занимавших куда более обширный регион, пока их не вытеснили распространившиеся карибо- и аравакязычные группы⁵ (Atlas 1979: 320–321; Smole 1976: 17–18; Wilbert 1966: 237–246). Язык яномамо, как кажется, не родственен аравакским и карибским, их культура отличается своеобразием. Аравако- и карибоязычные группы были наро-

4. *Биота* — совокупность видов флоры и фауны внутри одного ареала, необязательно обладающих взаимными экологическими связями (как в биоценозе).

5. Группы, говорящие на языках карибской и аравакской языковых семей. В первую очередь речь идет о карибоязычных пемон (679 чел.) и макиритари (270 чел., 1986). Их вторжение привело в том числе к тому, что северные яномамо (санума) переняли язык макиритари. Кроме того, имеются в виду также и шириана (903 чел., 2000), с которыми иногда ошибочно смешивают яномамо и язык которых вместе с несколькими ветвями майпуре (см. раздел 4 о мачигенга), включают теперь в состав аравакской языковой семьи.

дами каноэ⁶ поразительной силы и свирепости, господствовавшими на судоходных реках; их экономика была сосредоточена на горьком маниоке, рыбе и дичи, на которую они охотились в сравнительно богатых низменных лесах. Мирные контакты яномамо с этими группами заканчивались подчинением, а враждебные — уничтожением и изгнанием, притом жертвами оказывались чаще всего яномамо (Chagnon 1976: 228, 230).

Яномамо представляют собой пример «конкурентного исключения» (Barth 1964), они занимают экологическую нишу, отличную от той, что имеется у их конкурентов, обитающих в более низких местностях: они не используют каноэ, употребляют мало рыбы и вообще избегают воды, когда это возможно⁷. Их экономика также отличается и держится на плантене и сладком маниоке⁸. Согласно Смоулу (Smole 1976: 13–14), регион Парима на Гвианском плоскогорье является «одним из последних великих культурных редутов Южноамериканского континента... Большая часть традиционной территории яномамо недоступна для речного судоходства, она эффективно защищает своих обитателей от пришельцев». Когда мы будем говорить о войнах и «жестокости» яномамо, не следует забывать, что первоначально яномамо занимали зону, исторически окруженную сильными врагами, где трудно было найти убежище.

Европейская колонизация обеих Америк оказалась тяжелым испытанием для речных групп, таких как аравако- и карибоязычные, поскольку они занимали богатые территории, легко

6. Англ. *canoe* — каноэ (различные типы лодок коренного населения Америки: из коры, долбленки и др.). Несмотря на то, что в отечественной литературе этим термином обычно обозначают соответствующие типы лодок североамериканских индейцев, в английской значение его куда шире. Само слово заимствовано именно из аравакского или карибского языка.

7. Это не совсем так. Рыболовством у яномамо широко занимаются представители всех возрастов и полов, в особенности в засушливый сезон, используя для этого специальный малый лук со стрелами либо растительный яд, парализующий рыбу. В меньшей степени рыболовством занимаются на нагорьях.

8. *Маниок сладкий* (*Manihot dulcis*) отличается от других видов маниока сравнительно небольшим количеством ядовитого гликозида, который удаляется при высушивании, промывании и варке корнеплода. *Маниок горький* (*M. sp.*), напротив, после сбора быстро становится ядовитым, и для его приготовления требуется больше времени. По-видимому, Т. Эрл и А. Джонсон опять несколько упрощают реальную картину. Так, Р. Хэймс подчеркивает, что маниок (в том числе горький) играет первостепенную роль в экономике яномамо нагорий, тогда как на низменностях — плантен. Некоторые антропологи объясняют это различие тем, что горные яномамо (санума) все-таки заимствовали свой маниок у соседей макиритари, и это произошло сравнительно недавно. И, как было подсчитано, санума действительно тратят на приготовление пищи времени больше, чем все остальные. Другие же считают, что маниок, напротив, был заменен на низменностях более легким в приготовлении плантеном.

доступные для лодок. Они были порабощены, подвергнуты децимации⁹ (в силу возросшей заболеваемости), и в итоге их земли оказались включенными в расширившиеся границы западной цивилизации. Яномамо же, напротив, укрылись в раковине своего нагорья, главным образом, чтобы избежать болезней, которые они напрямую связывали с присутствием белых людей¹⁰ (Биокка 1972; Виосса 1971: 213; Chagnon 1983: 200).

Но к XIX веку яномамо приобрели орудия из стали и плантен, и вслед за этим их популяция стала быстро расти (Chagnon 1983: 61). Начиная с 1940-х годов некоторое число яномамо стало выходить из редутов своего нагорья, чтобы колонизовать реки на более низких землях. Эти группы широкоизвестны благодаря исследованиям, проведенным Шегноном, и фильмам последнего, снятым им совместно с Тимоти Эшем¹¹ (Chagnon 1992). Первоначально популяционное давление ощущалось в этом регионе сравнительно слабо, что объяснялось уничтожением аравако- и карибоязычных групп, как и тем, что распространенные здесь малярия и желтая лихорадка были серьезной преградой для миграции яномамо (Smole 1976: 228). В результате вокруг поселений яномамо образовалась так называемая буферная зона — незаселенные пустые территории с хорошими участками для садоводства (Steinvorth-Goetz 1969: 195). Шегнон в 1968–1971 годах отмечал изобилие дичи в этом регионе.

Для тех, кто считает скудость ресурсов основной причиной конкуренции и войн у яномамо, проблема заключается в том, что эти сообщества не только продолжили практиковать войны в условиях изобилия ресурсов¹², но стали даже воинственнее, чем прежде (Chagnon and Hames 1979: 912). Почему же они сра-

9. *Децимация* — дисциплинарное наказание в армии Древнего Рима, казнь каждого десятого по жребию. Забавно, что то же самое выражение содержится и среди обвинений П. Тирни в адрес Н. Шегнона (см. выше).

10. В 1970-е годы в описываемый район начали переселяться бразильские золотоискатели, а к 1990 году их было более 40 000 чел. К тому времени, когда в 1992 году президент Бразилии К. де Мельо объявил земли яномамо охраняемой зоной (Яномамо-парк), уже произошли акты геноцида и возникла угроза эпидемии малярии (кровь 62% яномамо оказалась инфицированной).

11. Тимоти Эш (Asch, 1932–1994) — американский антрополог; сыграл важную роль в развитии визуальной антропологии. Известность к Эшу пришла с фильмами о яномамо, снятыми им вместе с Н. Шегноном, особенно «Пир» (1969) и «Сражение на топорах» (1975), которые принесли авторам значительное состояние.

12. Более поздние подсчеты Р. Хэймса показали, что представление о том, что на низменностях яномамо пользуются ресурсным изобилием, верно лишь в отношении добывания, но не садоводства: в горных деревнях на душу населения приходится 2419 (±1247) кв. м садовой земли в сравнении с 558 (±81) кв. м — на равнине. Скорее всего, считает он, это объясняется тем, что в равнинных условиях яномамо в большей степени вернулись к добыванию.

жались, имея в распоряжении обильные ресурсы? На то были две причины. Во-первых, не следует ожидать, что войны могут немедленно исчезнуть вслед за миграцией населения и улучшением ресурсов,— остается привитая в детстве неприязнь. Во-вторых, что представляется более верным, изобилие ресурсов на низменностях кратковременно, и с этим сталкиваются все колонисты, проникающие в прежде необитаемые регионы Амазонии (Baksh 1984). Местные ресурсы оскудевали за несколько лет (хотя в наличии оставались земли, пригодные для обработки). Например, через десять лет после первого исследования, проведенного Шегноном в этой области, яномамо и другими была выбита вся дичь, и Шегнон называл этот регион пустыней (Chagnon 1983: 157, 202).

Ввиду этих исторических причин плотность населения среди яномамо, проживающих в низменностях, довольно низкая (ниже 0,3 человека на квадратный километр), тогда как в традиционной для них среде нагорий она обычно значительно выше (более 2 человек на квадратный километр) (Hames 1983: 425). Смоул (Smole 1976: 48) резюмирует ситуацию следующим образом: «Средняя плотность населения на их территории в целом составляет приблизительно 0,5 человека на квадратную милю. Так как основой для такого подсчета являются и плотно заселенные нагорья, и практически пустые низменности, и необитаемые высокогорья, то фактическая плотность в отдельных местах намного выше. Наблюдение за тем, с какой скоростью высоко расположенные участки Паримы превращались в саванну, наводит на мысль, что лишь несколько десятилетий (а не веков) назад плотность населения там была значительно выше, чем сейчас».

Как и экономика семейного уровня, рассмотренная ранее, экономика яномамо обеспечивает достаточные средства к существованию при сравнительно низких затратах. В частности, в рационе яномамо нагорий содержится достаточное количество белка (Chagnon and Hames 1979). И все же ресурсы, которые им жизненно необходимы для полноценного питания, достаточно скудны, и в результате возникает проблема перенаселенности. До некоторой степени перенаселенность является и следствием войн, из-за которых яномамо собираются для защиты в большие деревни, что ускоряет деградацию окружающей среды. Это парадоксальное явление, поскольку, как будет показано, и сама война является следствием скудости ресурсов и конкуренции из-за них.

Пища, получаемая из природных источников, и охота. Яномамо зависят от природной пищи, стремясь получить пищевое разнообразие

разие и найти приправы, которые они добавляют к продуктам, в основном выращенным в садах¹³. Они отличаются эклектичными вкусами и относительно небольшими ограничениями на то, что считается съедобным (см. Taylor 1974). Их пища состоит из крабов, креветок, иногда маленькой рыбешки из горных стремнин, лягушек, муравьев, термитов, личинок насекомых, сердцевин и плодов пальмы, других фруктов и различных корней. Хотя яномамо нагорий и предпочитают мясо крупных животных, но из-за его нехватки в той же мере зависят от наличия насекомых (Smole 1976: 163). Некоторые фрукты запасают, засушивая и потом храня в пещерах (Биокка 1972; Виосса 1971: 76; Smole 1976: 237), иногда группы устраивают специальные «племенные площадки», где размножаются лягушки, которых потом собирают и едят (Smole 1976: 247).

Как было показано в разделе 1, эта общая скудость пищи и разнообразие добываемых пищевых продуктов характерны для экономики жизнеобеспечения: наиболее обильная и предпочтительная пища со временем становится настолько редкой, что и менее предпочтительная считается сравнимой с ней по ценности. С учетом этих особенностей яномамо нагорий описывались скорее как собиратели, нежели как охотники. Жизнь в деревнях затрудняет получение пищи из природных источников. Поэтому они часто покидают свои деревни и образуют расширенные семейные группы в размере села, чтобы заниматься добыванием¹⁴ в менее плотно населенных районах на своих территориях или на удаленных территориях соседей.

Время от времени небольшие группы отправляются на поиски добычи. Во время таких походов они сильно зависят от наличия природной пищи. Но иногда они могут попасть на участки с сохранившимися старыми садами, в частности, персиковых пальм¹⁵, и тогда природные ресурсы теряют свою значимость. Когда они обнаруживают большое количество природной пищи, то сообщают об этом родственникам, приглашая их воспользо-

13. Если яномамо — садоводы в соответствии с той долей, какую в их рационе составляют продукты, полученные из сада, то, как было показано Р. Хэймсом, они также и добытчики, поскольку основное время у них уходит именно на поиски пищи в лесу. В этом смысле их зависимость от добывания выше, чем у любого другого народа Амазонии.

14. Такая практика возвращения к добыванию называется у них *вайюмо* (waïyumb).

15. *Персиковая пальма*, или *пальма пунуя* (*Bactris gasipaes*), — дерево из семейства пальмовых. Имеет конические или овальные плоды желтого, оранжевого или красного цвета, у которых под тонкой кожицей находится сладкая мякоть с продолговатым семенем. Родина — амазонские джунгли; издавна культивировалась тамошними индейскими племенами. Ныне распространена также в Центральной Америке, на Филиппинах (с 1924), в Индии (с 1970-х).

ваться неожиданным изобилием. В результате порой в течение года деревня либо совсем пустует, либо ее заселяет малая часть общего населения.

Группы яномамо различаются по тому, какое количество природной пищи они потребляют. Обитатели больших оседлых деревень могут чувствовать себя защищенными на случай войны, но сожалеть о том, что в их рационе отсутствуют природные продукты, тогда как у маленьких мобильных групп есть доступ к природной пище, но они очень уязвимы в случае набегов, и их могут изгнать с их территорий. Хелена Валеро, бразильская девушка, воспитанная у яномамо, описывает случай, когда могущественная группа деревенских жителей захватила в плен женщин из небольшой добывающей группы. Когда пленницам удалось бежать, женщины из деревни рассержено кричали им вслед: «Бегите, бегите! Возвращайтесь к поеданию диких плодов, плохих плодов. Глупые женщины, потому что убегаете! Если бы вы остались с нами, то обедались бы пупунья [плодами персиковой пальмы] и бананами из наших рока [садов]. Теперь же вам надо будет много трудиться, чтобы отыскать в лесах дикие плоды!» Но это не произвело впечатления на убежавших женщин, закричавших в ответ: «Мы не пришли просить у вас плоды и бананы» (Биокка 1972; Виосса 1971: 34–36). Известно, например, что группа гнаминаветери («одинокие люди») получила свое имя именно за то, что предпочла мирную кочевую жизнь малыми группами (признаваемую культурно стратегию «прятанья» (баими)), чтобы избегать встреч с врагами (Hames 1997: 8).

Яномамо считают «настоящей едой» определенные виды дичи, а также плантен и плоды персиковой пальмы, выращиваемые в садах. Только такая настоящая пища может употребляться во время пиров и церемоний, устраиваемых несколькими деревнями вместе. Поэтому в преддверии пира большая группа мужчин покидает деревню приблизительно на 8 дней (время, которое требуется на то, чтобы дозрели свежесрезанные зеленые бананы-плантены) и возвращается только после того, как добыто достаточное количество дичи. Наиболее ценными считаются тапиры, пекари (из-за большого количества мяса), агуты и броненосцы¹⁶, а во вторую очередь — некоторые обезьяны

16. *Тапиры* — непарнокопытные животные из рода *Tapirus*. Наиболее обычен равнинный тапир (*T. terrestris*). Центральноамериканский тапир (*T. bairdii*) в историческое время вблизи территории яномамо уже не встречается. Горный тапир (*T. pinchaque*) может оказаться под угрозой исчезновения в ближайшее время. Еще один вид распространен в Юго-Восточной Азии. *Агуты* — крупные грызуны, принадлежащие к 11 видам рода *Dasyprocta*: бразильский агуты (*D. agouti*), гребенчатый агуты (*D. cristata*) и пр. *Броненосцы* — животные из эндемичного для Нового

и птицы (Smole 1976: 182). В этих экспедициях мужчины уходят далеко от своей деревни и часто пользуются охотничьими угодьями близлежащих дружественных деревень. Обычно они предпочитают охотиться в местах, расположенных выше садов и деревень, где охота ведется не так часто. Но и в случае если охоту устраивают не для пира, а для нужд домохозяйства, охотники обычно отсутствуют по нескольку дней, тогда как у стоящих на уровне семьи мачигенга (раздел 4) охота длится от пяти до семи часов.

И все же у яномамо нагорий и мачигенга, проживающих на высокогорьях, есть много общего. Члены обеих групп не получают достаточного количества природной пищи, и на всех высокогорных территориях они систематически и продолжительно занимаются добыванием. Дичи мало даже в единственной избегаемой обеими группами зоне, — на краю заселенной недавно низины, где жили некогда наводящие ужас индейцы на каноэ, а потом и еще более ужасные белые. Шегнон (Chagnon 1983: 157) описывает охоту, устроенную перед пиром бисааси-тери в 1965 году, через 14 лет после того, как они переместились на низину. Большая группа мужчин провела за охотой неделю, но вернулась лишь с семнадцатью обезьянами, семью дикими индюками¹⁷ и тремя большими броненосцами, что было недостаточно, чтобы кормить сотню гостей в течение нескольких дней и еще дать им мясо с собой. У яномамо, что не удивительно, имеется специальный термин для «мясного голода», в отличие от всякого другого голода (Smole 1976: 175), и даже на низинах «мясо является наиболее желанной пищей, и считается, что запасы его ограничены» (Chagnon 1973: 119; Harris 1974: 102–103).

Вкупе с этим ощущением нехватки пищи существует и еще более важное ощущение нарушенного равновесия. Считается, что некоторые участки богаче дичью, чем другие, и большинство из них, по-видимому, действительно лучше. Этими местами хотят завладеть и, как можно предположить, их защищают от нападений. Согласно Шегнону (Chagnon 1983: 70), «яномамо предпочитают долгое время оставаться в одном основном районе, особенно там, где имеется надежный источник дичи в пределах разумной дистанции от деревни. Мое исследование выявило множество случаев подобного расположения деревень

Света отряда неполнозубых; родственны муравьедам и ленивцам; принадлежат к 8 родам; общее число видов — 20. Из них самые обычные для описываемого региона: шестипоясный (*Euphractus sexcinctus*), шаровидный (*Tolypeutes matacus*), девятипоясный (*Dasypus novemcinctus*) броненосцы и др.

17. На самом деле курообразные птицы из рода *Crax* (8 видов), лишь напоминающие индеек.

в одном районе на протяжении от 30 до 50 лет, которые покидались только при военном давлении на них».

Сады. Вблизи деревень расчищают от леса делянки под подсечно-огневое земледелие. Центробежное тяготение к природной пище уравнивается центростремительным притяжением садов, которые так же высоко продуктивны, как и у мачигенга (Smole 1976: 150–151). Яномамо нагорий сделали эффективным использование своих бедных земель, предназначенных под садоводство, выращивая сразу по несколько видов растений для использования в пищу и на материалы, без которых они не могли бы существовать при имеющейся численности населения.

Почвы, которые яномамо расчищают под сады, — плодородный рыхлый суглинок (Smole 1976: 24) — часто способны на протяжении многих лет приносить плоды и обеспечивать население деревни. Но большие площади нагорий не подходят для земледелия: на них «почвы приближаются к песчаным или по меньшей мере умеренно выщелоченным» (Smole 1976: 37). Даже рыхлые суглинки часто отличаются повышенной кислотностью (рН 4,5), что ограничивает продуктивность некоторых культур. Вдобавок во многих районах склоны слишком крутые для садоводства. Более поднятые возвышенности (более 3500 футов) считаются пороговыми для земледелия, а более низкие избегаются по соображениям их вреда для здоровья. Наконец, обширные площади нагорий, хотя по высоте и удобные, представляют собой стерильную саванну, экономически абсолютно бесполезную (Smole 1976: 37).

Главной заботой, как и у мачигенга, является выбор хорошей земли под сад. Потенциальные места для новых садов — популярная тема для разговоров мужчин во время охотничьих походов (Chagnon 1983: 60). Самые лучшие земли (ишабена) должны быть покрыты лесом из больших деревьев; находиться на нормальной высоте; иметь достаточный, но не чрезмерно крутой склон для хорошего дренажа, так чтобы в одном саду на разной высоте могли быть высажены различные культуры; иметь вязкие темные почвы; быть достаточно обширными, чтобы поддерживать население данной деревни, и находиться вблизи от чистой питьевой воды (Smole 1976: 26, 107–110, 132, 239). Такие идеальные условия достаточно редки. Как следствие, яномамо распределяются по нагорью очень неравномерно, с высокой концентрацией в районах, где обнаруживаются подходящие места для садов, и в очень небольших количествах — в других районах. Разместившись однажды в районе с хорошими почвами, яномамо склонны там оставаться, разбивая сад за садом,

пока целые регионы не будут покрыты шахматными квадратами заброшенных и новых мест, образующих рукотворную саванну.

Как мы видели, высотность — важный фактор в садоводстве у яномамо, и сады, разбитые на определенной высоте, часто не могут удовлетворить потребности домохозяйства. Для таких культур, как плантен, персиковая пальма и табак, предпочтительны влажные почвы в низинах, тогда как другие, такие как тростник, необходимый для изготовления стрел, лучше растут на возвышенностях. Так как яномамо нуждаются во всех этих растениях, то они не только налаживают торговые связи между деревнями на различных высотах, но и возделывают сады на различных высотах в дополнение к их основному саду вблизи деревни.

К той сложной взаимосвязи факторов, которая определяет, где яномамо разобьют свои сады, добавляются войны. Члены деревни предпочитают иметь сады вблизи деревни, где их легче защищать, и это вынуждает их засаживать не самые лучшие земли (Smole 1976: 107, 244). Но случается и противоположное (Smole 1976: 239): «[Докодикоро-тери] стали настолько недовольны садоводством на низких, аллювиальных террасах, вблизи безопасной зоны шабоно [деревни], что под новый большой сад расчистили земли высоко в горах, примерно в четырех милях южнее прежнего. Это сократило расстояние от врагов (башоба-ка-тери), но они решили рискнуть, потому что знали, что ближе к шабоно не было настолько же хорошего места для выращивания ковата (плантена)».

Главными съедобными растениями у яномамо являются плантен, сладкий маниок, плоды персиковой пальмы, кокоямс¹⁸ (*Xanthosoma*), напоминающий таро, и ямс (*Dioscorea*). Плантен — весьма богатый источник углеводов и основной компонент их рациона — надо пересаживать, отрезая от корня, что требует огромных усилий, особенно если новый сад находится далеко от уже существующего или если группе нужно переселиться и она хочет взять с собой корни покрупнее, урожай от которых будет получен быстрее. Оба эти условия возникают в основном тогда, когда группа терпит поражение в войне.

18. Маланга, *яутуа*, или *новый кокоямс* (в отличие от старого кокоямса, или таро, то есть *Colocasia esculenta*) — около 50 видов тропических и субтропических цветковых однодольных растений из рода *Xanthosoma*, относящегося к семейству ароидных, или аронниковых, куда также включают каллы, рясковые и пр. В рус. языке нет устоявшегося названия. Некоторые из видов (*X. sagittifolium*, *X. atrovirens*, *X. violaceum*, *X. taffaffa* и др.) были одомашнены и, как полагают, именно в описываемом регионе, откуда попали в Центральную Америку, а затем и в Старый Свет. Разводят из-за стеблей (*корм*) и их отростков (*кормель*), богатых крахмалом.

Бананы собирают только раз в несколько месяцев, и их невозможно хранить. Их, насколько позволяет наличие рабочей силы, высаживают в разное время, чтобы урожай, получаемый тоже в разное время, можно было распределять на протяжении всего года (Chagnon 1983: 71). Но время созревания и количество банана-плантена предсказать трудно, так что иногда хороших урожаев не бывает даже там, где обычно их производят в достаточных для обеспечения населения количествах. Дружественные деревни выравнивают такие колебания, приглашая друг друга на пиры, когда у них в избытке собственные запасы (Биокка 1972; см. Виосса 1971: 27, 45; Smole 1976: 104, 106, 129, 141–142). Смоул (Smole 1976: 193–194) полагает, что в действительности не существует излишков бананов, так как даже если они не съедаются теми, кто их вырастил, они потребляются в ходе пиров. Сады плантена при минимальном уходе плодоносят многие годы.

В те периоды, когда недостаточно плантена, восполнить его отсутствие помогают сладкий маниок, кокоямс и ямс. Плоды персиковой пальмы (*Guilielma sp.*¹⁹) созревают обычно в январе и феврале (Anduze 1960: 215); содержание белка в них вдвое больше, чем в плантене и маниоке, а жира — в 10–40 раз больше, и потому они высоко ценятся. Согласно Шегнону (Chagnon 1983: 70–71), «[э]та пальма — исключение из моего раннего обобщения, что нужно великое множество пальмовых плодов, чтобы заполнить желудок. У персиковой пальмы (раша) относительно маленькая косточка (у некоторых ее нет вовсе) и очень много мучнистой, напоминающей своей текстурой вареный картофель мякоти, богатой маслами и очень вкусной». К тому же эти пальмы имеют такую прочную древесину, что в нее почти невозможно вбить гвоздь. Яномамо используют эту древесину для своих луков, различных типов наконечников стрел и боевых дубинок (набруши).

Считается, что плоды персиковой пальмы вкупе с плантеном — «настоящая еда», и поэтому они являются продуктами, подходящими для пиров. По словам Шегнона (Chagnon 1983: 71), «каждый раз, когда сад расчищен, семьи обычно высаживают одно или несколько этих деревьев, и они продолжают давать очень большой урожай плодов еще много лет после того, как сады брошены. Итак, с остающихся в основном районе насаждений персиковой пальмы можно легко и просто собрать урожай и получить огромное количество вкусных, питательных плодов». Поскольку персиковые пальмы растут лучше на бо-

19. Другое название рода — *Bactris*; см. выше примечание о персиковой пальме.

лее низких местах и их плоды сезонны, то пиры ими снабжают не так часто, как плантеном, а в деревнях, расположенных на более высоких участках, они вообще редко встречаются. Но то, что плоды персиковой пальмы доступны в старых садах, удаленных от деревни, позволяет семьям в то время, когда плантена мало, и важной в рационе становится природная пища, заниматься ее добытием за пределами деревни (Smole 1976: 155).

Следует подчеркнуть важное различие между садами яномамо и мачигенга. Полезная жизнь сада мачигенга в лучшем случае составляет несколько лет. Напротив, сады персиковых пальм (и, в меньшей степени, плантена) яномамо — основное развитие капитала, который в течение многих лет дает хорошие урожаи: примерно пять лет в случае с бананами-плантен и более двадцати лет для персиковых пальм. Для яномамо старые сады являются важным ресурсом. Благодаря старым садам деревни становятся со временем все богаче, и их не покидают.

Роль нехватки в экологии яномамо. Мы упомянули о различных формах нехваток у яномамо: нехватка крупной дичи; земли хорошего качества, пригодной для земледелия; пищи из ценных дикорастущих растений; определенных пищевых продуктов или сырья, не растущих в садах; и порой самых любимых продуктов земледелия — плантена и плодов персиковой пальмы. Наиболее наглядным свидетельством нехватки на нагорьях является уничтожение лесов из-за чрезмерно интенсивного земледелия, в силу которого разрастается саванна. Это особенно заметно в районах самого плотного и долговременного расселения (Smole 1976: 203, 208). В большинстве случаев саванны — это остатки старых садов. У многих из них правильные формы с прямыми углами, характерные для садов, некоторые прилегают к другим садам, которые через какое-то время тоже могут превратиться в саванны. В некоторых районах нагорий ускорить развитие саванн может и более прохладный сухой климат. Смоул (Smole 1976: 208–209, 254) говорит, что сегодня стерильными саваннами являются те области, которые еще на памяти живущих яномамо были богатыми садовыми землями.

Смоул (Smole 1976: 210) описывает три зоны воздействия. Окружающая деревню земля полностью одомашнена в «разорванной зоне интенсивного использования», и с деревней часто граничат саванны (рис. 7, с. 216). В легкой досягаемости от деревни, скажем в дне ходьбы, находится «зона интенсивного добывания», в которой люди основательно истощают природную пищу; эта зона восстанавливается после того, как деревня перемещается. Еще дальше расположена куда менее интенсивно ис-

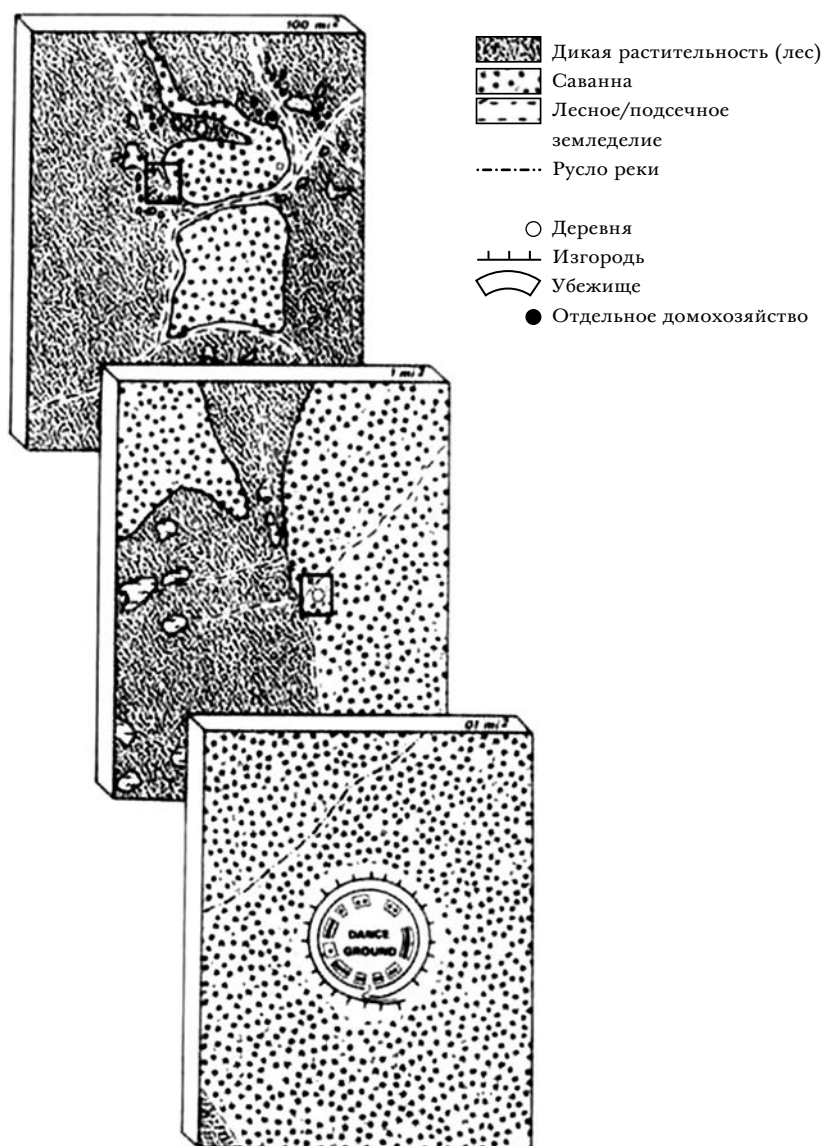

РИС. 7. Тип расселения у яномамо нагорья
 Семьи группируются в небольшие поселения для защиты.
 Несмотря на весьма низкую плотность населения,
 окружающая среда сильно истощена и в ландшафте
 господствует голая саванна

пользуемая «зона охоты и случайного собирательства». И конечно, четвертой, все более разрастающейся зоной является саванна.

Еще одним аспектом нехватки является распределение определенных, наиболее желаемых продуктов на местах. Например, растения, обладающие галлюциногенным действием (эбена), распределяются неравномерно, и многие деревни не могут сами его получать; то же верно в отношении тростника для стрел, кураре²⁰, бамбука для колчанов и персиковой пальмы. Деревни, стоящие неподалеку от мест произрастания этих растений, специализируются на их приготовлении и торговле ими (Arvelo-Jimenez 1984; Chagnon 1983: 46–50; Smole 1976: 70–71). Неравное распределение и ненадежная продуктивность множества продуктов усиливает значение торговли в экономике яномамо.

Социальная организация

Общество яномамо сходно с обществом мачигенга в том, что его основой является семья, а социальная жизнь интегрируется и структурируется родственными связями. Однако, как мы увидим, у яномамо имеется еще один уровень социальной интеграции, не обнаруженный в обществах семейного уровня, — деревни и союзы деревень.

Домохозяйство. Основной экономической единицей у яномамо является семейное домохозяйство. Домохозяйство у яномамо сохраняет значительную автономию, хотя, в противоположность обществам семейного уровня, одиночные домохозяйства всегда живут в больших группах. Внутри деревни пространство каждой семьи тщательно отграничено и содержит свой домашний очаг, место для сна и собственное имущество. Сходным образом отграничены сады, которые строго охраняются от воровства, хотя, казалось бы, у деревень должны быть большие общинные земельные угодья. Несмотря на обширные леса и расчищенные пространства деревень, семьи яномамо ютятся в крохотных жилищах, где вешают свои гамаки бок о бок или даже один над другим. Согласно Смоулу (Smole 1976: 67), «семья из пяти человек обычно занимает площадь приблизительно десять на двенадцать футов, что означает, что каждый индивид имеет около

20. *Кураре* — самый опасный стрельный яд парализующего действия, приготовляемый главным образом из коры растения *Strychnos toxifera*. Родина — бассейн Амазонки. Мясо животных, отравленных ядом кураре, пригодно для использования в пищу.

двадцати пяти квадратных футов жилого пространства». В этих тесных отсеках детей учат контролировать свои эгоистические желания и быть щедрыми (Биокка 1972; Виосса 1971: 137–138, 159). Детей обычно балуют, хотя некоторые «жестокое» (ваитери) мужчины могут впадать в ярость и бить своих жен и детей, нанося им иногда серьезные травмы. Считается, что надо иметь детей, особенно сыновей, которые будут присматривать за родителями в старости; единственной защитой женщины от обижающего ее мужа являются братья, если они живут рядом (Биокка 1972; см. Виосса 1971: 95).

Тери. Самые маленькие самостоятельные группы у яномамо насчитывают от 30 до 35 человек, то есть примерно столько же, сколько самые большие группы у мачигенга. Домохозяйство яномамо не может жить независимо от более крупной группы, называемой тери, которая является расширенной семьей или скоплением расширенных семей, занимающих одну деревню²¹. Все тери имеют свои названия, связанные с характеристиками ландшафта, то есть названия у тери географические (Smole 1976: 52, 57).

Деревня²², или шабоно, представляет собой большой круг из построек с общей крышей из пальмовых листьев, поднимающихся наклонно на высоту до 15–20 футов. Центральная площадка находится под открытым небом и используется во время общественных событий, например пиров. Вокруг площадки для танцев под наклонной крышей размещаются отдельные домохозяйства. Наклонная крыша такой деревни ограждает тери и служит для нее укреплением: люди могут входить и выходить только через узкие ворота.

Часто тери образуются из пережившихся родственников по двум отцовским линиям²³, размеры каждой из которых соот-

21. Из приведенной характеристики видно, что тери и деревня представляют собой как бы две стороны одной медали. По этой причине некоторые антропологи (Р. Хэймс), описывая социальную и политическую структуру яномамо, вообще предпочитают говорить только о деревнях. С другой стороны, и ошибочно, тери могут уподоблять кланам/линидхам (см. дальше), а также отдельным этническим группам (в нашей литературе — Л. Файнберг). А. Джонсон и Т. Эрл упоминают здесь о нескольких тери: гнаминаветери, докодикоро-тери, башобака-тери, шаматары, намоэтери, пишаансетери, махекототери, патанаветери.

22. В 1990-е годы у яномамо в общей сложности имелось 363 деревни, которые включали от 30 до 90 жителей каждая. Но в Венесуэле, в бассейне реки Мавака, число жителей деревни могло достигать 200 чел. и более.

23. Брак у яномамо патрилокален, но муж должен несколько лет прожить у родителей жены, от этого освобождаются лишь высокостатусные мужчины. Как правило, брачные партнеры являются кросс-кузенами. Это связано с практикой, когда мужчины обмениваются сестрами; 10–20% всех мужчин в любое время практикуют полигинию. Такие семьи состоят из большой патрилокальной семьи

ветствуют отдельному селу у мачигенга (см. Wilbert 1972: 46). Так, тери на плоскогорье Парима в среднем состоят из 70–75 человек. Мужчины в такой тери, как правило, братья и свояки²⁴, отцы и сыновья, дяди и племянники. Однако в тери крупнее многие мужчины являются родственниками лишь классификационно²⁵; биологически же они не состоят в родстве и не слишком стремятся к общению. Очень близки настоящие братья, связанные сильными семейными чувствами, и свояки, которые поставляют женщин в дружественные группы: они живут в смежных частях шабоно; бок о бок выращивают сады, делятся микроэкологическими зонами и вместе покидают шабоно на время рискованной охоты и добывания (Chagnon 1983: 67, 131; Smole 1976: 67, 94, 158, 188–189). Деревни более чем из ста членов, как правило, оказываются нестабильными и временными. Тери большего размера состоят из нескольких маленьких тери, которые для обороны во время войн собираются вместе в одно большое шабоно. Пока они находятся вместе, они берут для тери название, связанное с этой территорией. Солидарность тери у яномамо зависит от близости родственных и брачных уз среди ее членов. Шегнон (Chagnon 1983: 110–145) утверждает, что, хотя классификационная система родства объединяет многих мужчин как «братьев» или «свояков», ближайшими партнерами становятся те, кто находится в наиболее близком генетическом родстве или же состоит в браке с близкими родственницами. Страх публично-неодобрения и общественные санкции запрещают воровство, оскорбления и насилие между близкими родственниками.

Тери укрепляют солидарность браками; такая стратегия теснее связывает дальних родственников, вступающих в тери через брак, и к тому же повышает фактическую степень генетиче-

главного мужчины и матриликальных подсемей (жена и дети от нее). Жизнь внутри деревни сконцентрирована вокруг этих малых матриликальных единиц, в то время как политическими функциями обладают большие патрилокальные семьи.

24. Здесь сказываются различия в терминах родства в рус. и англ. языках: англ. *brothers-in-law*, как написано в оригинале, можно перевести и как «зятя» (мужья сестры), и как «шурины» (братья жены), и как «свояки» (мужья свояченицы), и как «деверья» (братья мужа).
25. Букв. *many men are only classificatory kin* — многие мужчины лишь классификационные родственники. Фразу надо понимать в контексте восходящего еще к Моргану противопоставления двух типов систем родства: описательного (*descriptive kinship*), когда родственники описываются через основные термины или их комбинации, и классификационного (*classificatory kinship*), при котором родственников не описывают, а подразделяют на категории (классифицируют). Морган объяснял такое различие стадийностью. Данные принципы могут проявляться в самых разных языках, например, рус. *брат* и *двоюродный брат*, но англ. *brother* — брат, *sister* — сестра и при этом *cousins* — двоюродные братья/сестры.

ской связанности между членами группы. Поскольку близкие родственники во время ссор действуют сообща, то в деревнях, где таких родственников много, ссоры редки, и поселения могут разрастаться до все бóльших размеров, что во время войн является особым преимуществом. Шегнон свидетельствует, что у шаматари, которые наводят ужас по берегам Ориноко (Anduze 1960: 122), «средняя степень связанности» на биологическом уровне равна родству между двоюродными братьями. Такая степень связанности значительно выше той, что обнаруживается у соседних намоэтери, и она позволяет шаматари жить более крупными, более стабильными и, вследствие этого, более опасными группами, чем намоэтери.

Хотя родственные группы яномамо рассматриваются как «линиджи» (Chagnon 1983: 127; Smole 1976: 13) и «кланы» (Anduze 1960: 2–28), в действительности их сообщество не организовано на этих уровнях (Jackson 1975: 320–321; Murphy 1979). У родственных групп яномамо существуют патрилинейные тенденции, но линейный счет родства от общих предков не является ни главным фактором, ни принципом при определении прав собственности. Нет у них и строгих правил, касающихся территориальных прав (Smole 1976: 236). Небольшие тери — стабильные группы, кооперирующиеся на основе близких родственных связей и браков, но они не могут считаться формальными родственными группами.

Таким образом, можно утверждать, что тери представляет собой биологическую группу. Взаимная поддержка внутри группы может принимать разные формы, среди которых содействие в выполнении трудовых задач, дележ мяса и оказание помощи в случае недееспособности члена семьи. Как показал Шегнон (Chagnon 1983), эта генетическая близость во время деревенских ссор обеспечивает поддержку членов семьи и определяет линии раскола, когда внутренние распри невозможно преодолеть. Небольшие тери покидают порой деревню, чтобы самостоятельно заняться добыванием, или чтобы поселиться отдельно, или чтобы присоединиться к другим группам. Пока они остаются членами тери, домохозяйства делят между собой природные ресурсы на территории этой тери. Однако их старые и новые сады, как и их часть деревни, остаются в их владении, и никто не может туда войти без разрешения. Сетями родственных и брачных уз одни домохозяйства связаны с другими, которым они доверяют и которым преданы. По мере того как тери разрастается, этих связей становится недостаточно, чтобы удержать семьи вместе; возникают ссоры, и тери распадается на более мелкие группы.

Иногда близкие родственники живут в одной и той же тери; иногда в разных тери. Внутри тери их взаимная преданность основывается на фактической генеалогической близости, узах брака, кооперации и повседневных дележах добычи; те же принципы работают при торговых сношениях и заключении военных союзов между тери. В остальном отношения между тери обуславливаются главным образом географическим соседством, дележом возникающих пищевых излишков, торговлей и взаимной защитой.

Яномамо, занимающие смежные регионы, обычно сохраняют дружественные отношения, несмотря на то, что порой среди них возникают незначительные трения, обусловленные воровством, супружескими изменами, оскорблениями и другими конфликтами (Lizot 1989). Если же между двумя соседними группами зревает война, то обычно одна из них старается до начала сражений переместиться в отдаленное место. Часто соседние группы представляют собой бывших членов расколовшейся тери; теперь ее члены населяют отдельные шабоно и называются разными именами, но отношения между ними остаются дружественными. Такие группы часто навещают друг друга (Chagnon 1983: 43), приглашают друг друга на пиры, имеют родственные и брачные узы, а в военное время могут снова оказаться в одном шабоно.

Как известно, наличие основных продуктов, плантена и важных для пищевого рациона плодов персиковой пальмы в какой-то мере непредсказуемо. Поскольку бананы и плоды персиковой пальмы надо есть, пока они не испортятся, то в случае их изобилия устраиваются пиры, на которые приглашают членов дружественной тери. В первую очередь на пир приходят соседи, но зовут и родственников из отдаленных тери, которые тоже могут прийти на несколько дней, чтобы повидаться и разделить пищу. Естественно, от гостей ждут реципрокации в случае появления подобных излишков. Эта система позволяет не терять урожаи плантена или плодов персиковой пальмы (Smole 1976: 40, 187).

Исследователи, знакомые с яномамо, приходят в восхищение от их способностей к торговле, но это восхищение смешано с раздражением. Они непреклонны в своих требованиях получить желаемое и добиваются своего (Chagnon 1983: 14–16; Smole 1976: 100). Особенно агрессивны они с чужаками, которых оценивают по тому, что те могут им дать. Шегнон рассказывает (Chagnon 1983: 15), как его вынуждали делать «дары», к которым он не был готов, «потеря имущества докучала мне куда меньше, чем шок от того, что большинство из них не видели во мне ничего, кроме как источник, из которого они могли черпать желанные вещи».

Торговля важна для яномамо еще и потому, что в нее часто вовлекаются далекие и не самые родственные деревни; торговаться принято достаточно агрессивно. Экологическая основа торговли, как мы видели, лежит в региональной специализации, кроме того, торговля имеет важное значение для налаживания сети союзов, способствующих миру в регионе. Разделение труда между деревнями существует даже тогда, когда отсутствуют экологические различия, — в деревнях производят разные предметы для последующей торговли ими (Chagnon 1983: 149).

Торговля включается в программу любого посещения одной из тери другой. Обычно мужчины навещают только те тери, где у них есть родственники. После еды и разговоров гости ходят кругами по деревне, требуя даров (Биокка 1972; Виосса 1971: 158, 192). Щедрость хозяев считается нормой; гости не выражают своей благодарности, поскольку дара ждут, и «попросить что-нибудь — значит польстить владельцу предмета» (Smole 1976: 237). Если же хозяева недостаточно щедры, то гости приходят в ярость, и их негодование может привести к межгрупповой вражде и войнам. Чтобы не выглядеть скупыми, в ожидании гостей мужчины могут спрятать в лесу свои мачете, лучшие стрелы или другие ценности (Smole 1976: 102). Враждебно настроенные гости могут провоцировать хозяев, приходя без приглашения, съедая больше, чем их хозяева могут себе позволить, и требуя чрезмерных даров, как будто испытывая своих хозяев на прочность (Chagnon 1983: 164). Итак, торговля способна внести вклад в дружбу между тери, но может и посеять семена недовольства и враждебности. Как мы покажем ниже, минимизировать эти опасности помогают церемонии и лидерство.

Итак, можно заключить, что экономика яномамо организована на уровне семьи, так же как экономика групп, рассмотренных в предыдущей части, хотя следует отметить, что у яномамо большее значение приобретают распределение пищи и торговля между сообществами. По мере увеличения размеров группы семьям становится все труднее интегрироваться в большую группу. И все же существуют деревенские группы большого размера. Почему? Как нам представляется, это в основном связано с необходимостью защищаться от врагов.

Войны яномамо

Яномамо — парадоксальный народ. Они могут быть любящими и воспитанными в семейной жизни, но прибегать к агрессии и насилию в конфликтах с другими группами. Они осознают ужасные последствия войн и боятся их, но могут враждовать

годами, платя за это человеческими жизнями и экономической производительностью. Они щедры и кажутся обезоруживающе честными, но при этом способны на вероломство.

Наши студенты, смотревшие фильмы Эша и Шегнона о яномамо (Chagnon 1983: 221–222), выражали не только восхищение и интерес, вызванные ими, но и недоумение. «Как люди могут быть такими?» — спрашивали они. А некоторые наблюдатели даже сомневались в том, что яномамо являются людьми (см. Chagnon 1983: 205). Конечно же, яномамо — люди, и, как мы собираемся показать в этой части, особенно в том, что касается их тщетных попыток найти решения более рациональные, чем насилие, в тяжелых условиях их существования.

Не следует думать, что яномамо легко вступают в агрессивные конфликты. Угроза насилия беспокоит их, и они придерживаются серии из последовательных действий (которые мы обсудим ниже), чтобы предотвратить более суровые его проявления. Но, несмотря на это, как отмечает Шегнон (Chagnon 1983: 5), на низменностях по меньшей мере четверть смертельных случаев среди взрослых мужчин наступает в результате насилия. Смоул (Smole 1976) свидетельствует, что масштабы войн менее значительны на нагорьях, где мирное сосуществование некоторых групп отмечалось на протяжении жизни поколения или больше. Свидетельства Хелены Валеро не оставляют сомнений в том, что частые убийства и набеги имели место у намозтери и шаматари еще раньше, чем они мигрировали в зону низменностей вдоль Ориноко (Биокка 1972; Виосса 1971).

Яномамо сильно скорбят, если убивают их любимых родственников (Биокка 1972; см. Виосса 1971: 247, 251, 258–261). Однако даже если в семьях нет убитых, война так или иначе касается всех. Если убивают или ранят мужчин, посланных строить или ремонтировать ограду, или наблюдателей, призванных предупредить о нападении, это заметно увеличивает трудовые затраты. Небольшим тери приходится перемещаться в большую деревню, а это не только увеличивает время на дорогу к их садам, но и приводит к возникновению опасности потерять и сами сады вместе с вложенным в них трудом (Smole 1976: 137).

Любая насильственная смерть, включая смерть из-за болезней, по мнению яномамо, является следствием магии, а это, в свою очередь, вызывает взаимные подозрения, приводит к проверке на прочность союзов и к обозначению конфликтующих группировок. Участники вооруженных столкновений часто испытывают страх из-за того, что, если их сторона проиграет войну, им придется бросить свои земли и начать все сначала вдалеке от привычных мест (Smole 1976: 235).

Шегнон (Chagnon 1983: 73–77, III, 146) говорит об общем снижении качества жизни в ходе войн. Обычно яномамо стеснительны и аккуратны в отношении фекальных отходов (Anduze 1960: 228), но в военное время, когда они боятся покинуть деревню, они испражняются на листья и выбрасывают их через ограду, загаживая все вокруг деревни. Люди, запертые в деревне и вынужденные находиться вместе с членами дружественных группировок, бесконечно дерутся и ссорятся, пока угроза насилия внутри не сравнивается с угрозой извне. И когда раздражение доходит до критической точки, то старшие мужчины и женщины, например братья и жены разгневанного мужчины, пробуют охладить его пыл такими, к примеру, словами:

Ах, мой сын, тебе нельзя стрелять. У тебя два мальчика; один взрослеет, другой только недавно родился. Почему ты думаешь об убийстве? Ты думаешь, что убийство — это шутка? Если ты убиваешь сегодня, завтра твои сыновья останутся брошенными. Когда человек убивает, то часто ему надо бежать, оставляя своих детей плакать от голода. Ты еще не знаешь этого? Не гневайся больше... Не позволяй гневу захватить тебя (Виосса 1971: 218).

Почему же мужчины яномамо не слушают разумных советов и продолжают убивать?

Природа войн у яномамо. Мы видели, что популяции яномамо нагорий, отличающиеся высокой плотностью населения, ведут относительно благополучную жизнь, но при этом постоянно обеспокоены недостаточным количеством ресурсов. Каждый мужчина является членом семьи, владеющей старыми садами с ценными ресурсами; он делит с другими близкими членами семьи большую территорию, на которой они занимаются добычей; он имеет жену и детей или, возможно, две и более жен. Он знает, что другие мужчины тоже считают, что ресурсов мало, и делают все возможное, чтобы с помощью угроз и насилия получить их и улучшить свою ситуацию за его счет. Он осознает необходимость гарантированного доступа к земле под сад и другим территориальным ресурсам. Он может упрочить свое положение, лишь принимая участие в союзах с близкими родственниками по рождению или браку и защищая «семейное имение», если нужно, применяя насилие.

Такая ситуация выдвигает на первый план тех мужчин, которые сильны и бесстрашны. Если человек по своему темпераменту не годится на эту роль, то он вынужден примкнуть к одному из лидеров и быть при нем. Модель, которую мы видели у групп, находящихся на уровне семьи, таких как мачигенга

и кунг, где группа подвергает остракизму и убивает чересчур агрессивных мужчин, здесь не работает. Конкуренция находится на таком уровне, что жестокие и агрессивные мужчины ваитери, несмотря на свой опасный стиль поведения, пользуются чрезвычайным спросом, и их непременно приглашают в группу. Их агрессивное поведение устрашает потенциальных врагов, и те предпочитают держаться подальше. К несчастью, мужчины ваитери склонны к насилию в любой ситуации, и число случаев насилия внутри тери и между ними возрастает, что нарушает мир и приводит к войнам.

Агрессивное поведение у яномамо отличается импульсивностью. Мужчины (а иногда и женщины) легко приходят в ярость и набрасываются даже на ближайших родственников. Потом они могут раскаиваться, но сдерживать злобу они не умеют, разве что в случаях большой опасности (Биокка 1972; Виосса 1971: 308). Как отмечалось ранее, яномамо создали серию из последовательных действий, чтобы контролировать импульсивные агрессивные действия. Раздраженные мужчины сначала произносят длинные речи. Если это не погасило ярость, то они начинают бить друг друга в грудь, при этом оба стоически выносят удары со всего маху сжатым кулаком. Если же раздражение все еще не уходит, то они берут в кулаки булыжники, чтобы усилить удары.

После этого мужчины переходят к дубинам (или дерутся плоской стороной мачете и топоров). Эти бои организованы; сторонники, предводители и родственники наблюдают за сражением и следят за тем, чтобы оно не закончилось убийством. Бойцы обмениваются ударами по очереди. Если один из них падает, его место занимает родственник. Предводители могут руководить дерущимися и заставлять тех, кто готов сдаться, продолжать бой и нести ответственность за честь группы, храбрость которой проверяется в таких сражениях (Chagnon 1983: 164–169).

Яномамо говорят: «Мы сражаемся, чтобы снова стать друзьями». В этом смысле бои на дубинах и другие «дуэли» являются антитезой войны (Chagnon 1983: 170), поскольку они ведутся под наблюдением и контролем, а их основная цель — сдерживать конкуренцию и враждебность между группами до того, как те приведут к убийствам.

Но когда эти попытки не приводят к желанному результату, остается только убивать (Chagnon 1983: 174). Для яномамо успешный набег — это нападение на одиночного врага из засады, так чтобы он был уничтожен, а никому из отряда нападавших не причинили бы вреда. Иногда группа агрессоров может окружить деревню и выжидать: поскольку в деревне нет больших запасов пищи, то в конце концов людям приходится вый-

ти, и тогда их можно легко убить. Открыто нападать на деревни очень опасно, потому что надвигающийся враг может быть замечен хорошо вооруженными деревенскими мужчинами. Поэтому нападающие прячутся за деревьями у края поселения и оттуда пускают огненные стрелы. Поскольку десятифутовая ограда делает невозможной прицельную стрельбу, они пускают стрелы под углом, не выбирая цель. Как правило, во время таких нападений случайными жертвами становятся женщины.

Войны у яномамо носят в высшей степени личный характер: воюют обычно не тери против тери, а один мужчина со своей семьей и собственностью (то есть «имением») против другого. Мужчины кричат друг на друга, вызывая к бою и произнося при каждом случае личное имя своего противника, что является страшным оскорблением. Мужчины проявляют осторожность, стараясь не причинить вреда своим родственникам, живущим в семьях врагов. Когда стрелы падают, их осматривают и распознают вражеского лучника по неповторимому оформлению его стрел. Если кто-то убит, то считается обязательным определить убийцу, который должен затем подвергнуться ритуалу очищения, и все, включая родственников скончавшегося, узнают, кто он.

Мужчину ваитери, на счету которого много убитых, ненавидят, а родные его жертв его преследуют. Он может выйти на расчищенное место в деревне и с угрозой в голосе призывать своих врагов выстрелить в него. Если угроза кажется мнимой, то враги, скорее всего, удалятся; но если нет, то мужчину ваитери могут и застрелить. Чем больше на его счету жертв, тем большее число родственников, жаждущих мести, хотят его смерти (Биокка 1972; см. Виосса 1971: 186ff). Поэтому неудивительно и то, что мужчины ваитери гибнут от насильственной смерти чаще, чем другие (Chagnon 1983: 124; Lizot 1989: 31).

Встречаются у яномамо и так называемые пиры вероломства. Ненависть может привести к тому, что одна группа притворяется дружественной по отношению к другой, приглашает ее членов на пир, а затем набрасывается на них и убивает как можно больше гостей. Но убивать приглашенных можно только во время третьего пира, так как на двух предыдущих «дружественная» группа усыпляет бдительность гостей. Такую практику нельзя назвать общепринятой, поскольку большинство яномамо не достигают такой степени организации. Обычно у тери отсутствует единство, а потому какие-то из ее членов не могут знать, что другие планируют убить гостей. Кроме того, они могут и предупредить об опасности, если осведомлены о таких планах; правда, в их мире все настолько запутано, что этому предостереже-

нию могут не поверить предполагаемые жертвы (Биокка 1972; Виосса 1971: 53–54, 190).

Социальный ответ на опасность войн. Шегнон (Chagnon 1983: 148) описывает яномамо как мастеров ведения политики «на грани войны». Каждой группе необходимо слыть жестокой, иначе ее запугают и будут эксплуатировать; но слишком жестокие группы наводят на других ужас, и у них возникают трудности при поисках союзников. В некоторых ситуациях мужчины из двух желающих объединиться групп должны столкнуться на дуэлях и доказать свое упорство, нанося и получая болезненные удары; тем не менее им нельзя убивать или наносить серьезные увечья, чтобы не разрушить саму возможность союза и не породить вместо этого новых врагов.

«Балансирование на грани войны» — подходящее выражение²⁶, если не углубляться в цели или политику, стоящие за ним. Бои на дубинах, в сущности, являют собой внешнюю границу политической экономии, за пределами которой недоверие и враждебность перевешивают возможности для социальной интеграции. Эти сражения у яномамо не являются продуманными политическими действиями; напротив, яномамо делают все возможное для расширения сферы мира и сотрудничества за пределы своих сообществ, а сражения лишь показывают границы возможного добрососедства.

Заметные различия между яномамо и обществами, стоящими на уровне семьи, заключаются в образовании деревень и расширяющейся роли церемоний и лидеров. Эти различия необходимо рассматривать как ответ на большую роль войн и угрозы насильственной смерти.

Отношения между семьей и деревней наглядно демонстрируют шабоно. Несмотря на то что каждое домохозяйство устраивает себе собственное пристанище, шабоно может показаться неосведомленному наблюдателю общинной структурой только потому, что пристанища эти строят вплотную друг к другу и они образуют замкнутый круг.

Деревни яномамо могут насчитывать до более чем сотни членов, а региональные кластеры в общей сложности, возможно, даже до нескольких сотен (Smole 1976: 55, 231). Между самыми маленькими по размеру тери из тридцати человек и самыми большими, возможно, из трехсот, есть тери, численность которых варьирует в этих границах. Равным образом варьируются

26. В англ. это одно слово — *brinkmanship*, поэтому авторы говорят не о выражении, а о термине.

и размеры шабоно (Chagnon 1968a, 1983). С другой стороны, в деревне должно быть по меньшей мере от 80 до 100 человек, — количество, достаточное для обороны. Деревни больших размеров сильнее в военном отношении, лучше защищены и успешнее при набегах. Но с другой стороны, как мы видели, они больше подвержены деструктивным социальным трениям. В такой большой группе деревенские предводители постоянно заняты сглаживанием разнообразных проявлений враждебности, что затрудняется отсутствием общих экономических интересов.

Внутри и за пределами деревни устраиваются церемонии, которые отражают бурлящее напряжение и служат средством для разрешения конфликтов. Во время церемоний яномамо достигают различных целей: на них распределяют пищу и другие материальные объекты, чтобы выровнять сезонные и географические колебания в достатке, укрепляют социальные связи между старыми союзниками и организуют новые союзы. Успех в достижении таких целей зависит от навыков предводителей.

На пир приглашают не тери, а отдельный индивид из одной тери приглашает отдельного индивида из другой. Обычно это предводители семейных групп, у которых могут быть сторонники. Иногда приглашение принимается, а иногда в силу разных причин отклоняется. Группы, которые объединяются на время пира, не являются деревнями в полном составе, а лишь какой-то частью населения нескольких деревень. В социальном отношении пир — это своеобразная мозаика, составленная из каких-то семейных групп, представленных в этом регионе в большем количестве.

Можно дать следующее определение тери у яномамо: это группа, возглавляемая общим лидером, или тушауа. В тери небольшого размера тушауа — это глава господствующей семьи, но в больших тери мужчина представляет группу в целом, выступает от имени всех ее членов и принимает директивы, касающиеся работы всей группы. Если его команды игнорируются и если другие тушауа в его группе отдают другие распоряжения и направляют свои группы в ином направлении, это является знаком того, что его власть ограничивается автономиями малых тери, следующих девизу кунг: «мы все главари». Но тушауа — сила, которую надо рассматривать в контексте общества яномамо, учитывая ее важные функции воздействия на группу. Тушауа обычно не вторгается в домашнюю экономику, за исключением влияния на решение вопросов, где селиться тери и где разбивать сады. Основная его роль заключается в управлении межгрупповыми отношениями, в сохранении мира или, когда это необходимо, ведении войны.

Тушауа разрешает конфликты внутри своей тери. Он предлагает решения проблем и пытается урезонить стороны, вовлеченные в спор. Он часто обращается к общим принципам, таким, например, как: «У тебя уже слишком много жен; здесь есть мужчины, у которых нет ни одной». Он вмешивается в разговор в опасных ситуациях и пытается контролировать ситуацию: «Дай ему сказать! Пусть никто не направляет свою стрелу на него; пусть каждый держит свои стрелы в своих руках» (Биокка 1972; Виосса 1971: 37, 110). От предводителей ждут также большей, чем от других, щедрости (Биокка 1972; Виосса 1971: 216); поэтому они должны выращивать сады больше обычных (Chagnon 1983: 67). Будучи официальным хозяином на пирах, устраиваемых для нескольких деревень, тушауа играет важнейшую роль в создании и укреплении союзов, которым эти пиры служат.

С другой стороны, от тушауа ждут, что он возглавит группу на войне. Он дает распоряжения о возведении ограды и размещает охрану вдоль троп, ведущих к вражеской тери. Он зовет мужчин на битву и сам принимает в ней участие, он решает, где разбить лагерь и как остаться незамеченными во время набегов, а в настоящем сражении берет на себя руководство. Кажется, что мужчины яномамо часто сражаются неохотно и что им трудно выдержать длительную оборону (Биокка 1972; см. Виосса 1971: 59). От предводителя ждут, что он первым выстрелит во врага, рискуя своей безопасностью.

Таким образом, лидеры «являются одновременно миротворцами и храбрыми воинами... Деревенским лидерам необходимо удерживаться на тонкой грани между дружбой и враждебностью» (Chagnon 1983: 6–7). Этот баланс достигается с трудом, и лидеры подходят к решению этой задачи разными способами. Кто-то снисходителен, хладнокровен и умудрен опытом; а кто-то вспыльчив и властен (Chagnon 1983: 26).

Предводитель, который кого-то убил, часто имеет такое количество врагов, жаждущих мщения, что после этого ему не удастся прожить долго. Согласно Хелене Валеро (Биокка 1972; Виосса 1971: 193), когда тушауа Рохариве пригласили туда, где, как он предчувствовал, должен был быть устроен пир вероломства, он сказал: «Думаю, они убьют меня. Я собираюсь туда, чтобы никто не смог подумать, будто я боюсь. Я собираюсь туда, чтобы они смогли меня убить. Я убиваю многих мужчин; даже женщины и старики злы на меня. Будет лучше, если намоэтери убьют меня».

Мужчина, убивший много людей, потом бывает подавлен и опустошен (Биокка 1972; см. Виосса 1971: 226–247), как если бы он чувствовал, что насилие вышло из-под его контроля, что в каком-то смысле соответствует истине. Шегнон (Chagnon 1983:

188) документирует случай, когда относительно мягкому лидеру проигравшей группы, ныне запуганному и презируемому «дружественной» тери, предоставившей ему убежище, надо было стать более свирепым, чтобы защитить свою группу. Неумолимый прессинг жестокости вокруг него насильственно заставил его принять необходимость жестокости против своей воли.

Непосредственные причины войн у яномамо. Данные Шегнона (Chagnon 1983) говорят о том, что основной мотивацией для войны является захват женщин; Смоул (Smole 1976: 50, 232) видит в качестве центральной причины подозрение в магии и вытекающее отсюда желание отомстить; а Хелена Валеро в своем описании дает много примеров того, что действуют обе мотивации (Биокка 1972; Виосса 1971: 29–41, 98, 133, 186–188, 293). Поскольку эти причины действуют незамедлительно и зависят от самих участников, то мы называем их непосредственными причинами (см. Names 1982: 421–422). Будучи ключевыми по отношению к условиям и событиям, ускоряющим начало войны, непосредственные причины представляют собой бесценный материал для понимания процесса нарастания антагонизма и проявлений насилия.

Однако для объяснения войн непосредственные причины не являются достаточными хотя бы потому, что люди, занятые в войнах, часто называют множество разнообразных поводов для сражений, что может привести к выводу, что у войн много причин, не связанных между собой. Мы же, напротив, считаем, что войны у яномамо, как войны вообще, можно понять в рамках единой теории.

Второй недостаток объяснения войн у яномамо «непосредственными причинами» заключается в том, что хотя во всех обществах семейного уровня, рассмотренных нами в разделах 3 и 4, присутствует один и тот же источник межличностных конфликтов, ни в одном из этих обществ ревность или желание мести из-за конфликтов в сексуальных отношениях не приводят к набегам. Эти мотивации присутствуют также в деревнях со сложными вожествами и государствах, которые мы будем рассматривать в разделах 11–13, но и там они не ведут к локальным войнам, а войны, возникающие в этих обществах, качественно отличаются от войн у яномамо. Таким образом, можно заключить, что войны у яномамо имеют некую более глубинную причину или причины. К этому вопросу мы еще вернемся после исследования непосредственных причин:

1. Поскольку яномамо часто считают «жестоким народом» (Chagnon 1983: подзаголовок), может показаться, что войны

являются неизбежным следствием их психологических особенностей. Многие антропологи в своих характеристиках яномамо ссылаются в особенности на ваитери — жестоких, агрессивных мужчин, доминирующих во время войн. Они не только обеспечивают защиту своим родственникам и союзникам, но и эксплуатируют всех остальных, остающихся вне орбиты их доверия и кооперации. Сильные группы запугивают слабых, забирают их женщин и присваивают ресурсы. Например, воины ваитери, вытеснив группу мужчин из их деревни, насмеялись над одной из обозленных, убегающих жен: «Тебе так плохо оттого, что у тебя нет стрел и у тебя муж, который всего боится!» (Биокка 1972; Виосса 1971: 33, 108–109).

Группам надо казаться жестокими, иначе они потеряют уважение других и будут запуганы (Chagnon 1983: 148–151, 181). Так, разбитая и побежденная группа пишаансетери попробовала завербовать храбреца Акаве, чтобы поддержать свою репутацию: «Ты — ваитери, ты везде известен, ты убил вайка, ты сражался против шириана... Если ты убьешь шаматари, мы дадим тебе одну из наших женщин, ты останешься здесь с нами» (Биокка 1972; Виосса 1971: 316). Как демонстрирует этот рассказ, многие мужчины яномамо в действительности боятся насилия. Они рвутся в бой, но, когда сражение близится, отступают или подыскивают уважительные причины, чтобы не принимать в нем участия (Chagnon 1983: 183). Настоящий мужчина ваитери, не боящийся смерти и готовый убивать, необходим группе, желающей выстроить свою репутацию на насилии.

Хотя психология агрессивных мужчин и является неотъемлемой частью движущих сил, приводящих к войнам у яномамо, ее нельзя назвать основной причиной, поскольку в соответствии с боасовским принципом психического единства человечества следовало бы ожидать, что в любом человеческом сообществе храбрые/жестокие мужчины будут рождаться примерно в той же пропорции. Почему же в остальных местах не наблюдаются сходные типы войн?

2. Часто яномамо называют мотивом для своих нападений на другие группы месть (Биокка 1972; Виосса 1971: 40). Но это объяснение предполагает, что первичной причиной войн является насилие: принимается, что в вечном круговороте мести одно убийство порождает другое. Но почему же общества на уровне семьи, как мачигенга, справляются с этой проблемой, не допуская эскалации насилия, тогда как яномамо не способны на это? Ниже мы покажем, как яномамо

используют церемониальные события, чтобы напоминать о мертвых и поддерживать жажду мщения. Почему же они стараются так долго подогревать желание мстить, когда издержки от войн столь высоки?

3. Часто мужчины яномамо заявляют о своем намерении напасть на другие группы и забрать у них женщин (Биокка 1972; Виосса 1971: *passim*). Когда Шегнон (Chagnon 1983: 86) рассказывал мужчинам яномамо о теории Харриса, согласно которой они борются за охотничьи территории, то они рассмеялись, сказав: «Даже если мы и любим мясо, женщин мы любим куда больше!»

Яномамо, участвующие в набегах, стараются не убивать женщин и девочек; и Хелена Валеро не единожды избегала смерти: «Оставьте ее, это девушка; мы не будем убивать женщин. Дайте нам увести с собой женщин, и пусть они принесут нам сыновей» (Виосса 1971: 34). Женщины, которых они ценят, находятся в детородном возрасте. Старые женщины не стоят того, чтобы за них сражались; старой женщиной называют еще и старый сад по причине его бесплодия. Будучи более защищенными, во время войны старые женщины весьма востребованы: они передают послания врагам и выносят мертвых с полей сражений.

Многие мужчины яномамо сталкиваются с трудностями при получении жен (Биокка 1972; Виосса 1971: 41; Chagnon 1983: 142–145). Человек, решивший жениться, часто должен вступать в переговоры с родителями девушки, и наиболее успешными оказываются мужчины с высоким социальным положением и сильными родственными связями. Хеймс показал, что домохозяйства с полигинией, как правило, принадлежат предводителям и что при обменах пищей с другими домохозяйствами они получают львиную долю, что служит одной из причин того, что женщины желают быть у таких мужчин вторыми женами (Hames 1996). Как правило, мужа старше своих жен, а многие молодые мужчины вследствие полигинии остаются без жен. Частично набеги являются попытками молодых мужчин приобрести для себя жен и положить начало семье. Но захваченные жены могут сбежать, либо их могут выкрасть заново их первые мужья или увести во время набегов другие мужчины, поэтому и существует бесконечный цикл из набегов и встречных набегов. И хотя в некоторых областях женщин хватает всем мужчинам, желающим завести семью (Smole 1976: 50), яномамо всегда захватывают женщин, когда воюют, а конкуренция среди жестоких мужчин за имеющихся женщин весьма характерна для этого общества.

Однако это не объясняет в полной мере войны у яномамо, поскольку подобного рода конкуренция за женщин среди мужчин есть повсюду, но она не везде приводит к войнам. Почему же ради женщин и воспроизводства яномамо позволяют агрессивным мужчинам искать поводы и убивать друг друга?

Первичная причина войн у яномамо. Все три выделенные нами причины — изначальная жестокость, месть и захват женщин — не отвечают на вопрос об основной, первичной причине войн у яномамо, потому что представляют собой универсальные человеческие характеристики, свойственные не только яномамо. Но яномамо действительно отличаются от обществ, находящихся на уровне семьи, тем, что они, как мы считаем, перешли порог от эпизодического насилия, сознательно ограничиваемого и сдерживаемого, к широко распространенному насилию, ведущему к ответному насилию и, таким образом, к возникновению постоянного замкнутого круга взаимной агрессии.

Высокая степень распространенности насилия среди яномамо находится в прямой связи с межличностной и межгрупповой конкуренцией за недостающие ресурсы, свидетельства которой мы находим в их обозначении, защите и насильственном захвате территорий. Конфликты из-за доступа к скудным ресурсам и их распределения приводят к тому, что у яномамо постоянно присутствует межличностная враждебность. И частота, с которой эта враждебность выливается через край и приводит к насилию, жестокости и вероломству, обуславливается простой политической структурой, сохраняющей у яномамо близость к семейному уровню социокультурной интеграции.

Изрядная доля межличностных трений произрастает из порядка владения ресурсами и их распределения. У яномамо традиционно поощряется быть щедрым с друзьями и родственниками; а отсутствие щедрости принимается за знак враждебности и вызывает подозрительность. Кроме того, существуют правила, гарантирующие всем индивидам контроль над принадлежащим им имуществом. Проникновение в дом или сад другого, даже для того чтобы набрать дров (Chagnon 1983: 68), рассматривается как воровство и приводит в ярость владельца собственности. Хеймс (Hames 1997b) отмечает: «Я сам видел, как в Мишимишибавеи вспыхнуло восстание из-за того, что кто-то утверждал, что плоды персиковой пальмы, приготовленные для распределения, были собраны с его деревьев». Когда претензии предъявлены, то яномамо встают перед выбором: либо согласиться и отказаться от вещей, которые им ценны, либо сопротивляться, рискуя вызвать недовольство и неприязнь других.

Распределение пищи внутри тери служит постоянным источником для перебранок и ревности. И если не противопоставить им позитивные чувства и скрепляющий опыт совместной семейной жизни, то нарастает зависть, а затем и негодование; в переменчивой атмосфере деревни яномамо, находящейся в состоянии войны, продолжительное негодование может привести к насилию (Биокка 1972; Виосса 1971: 84–86; Smole 1976: 244).

Ревность и взаимная подозрительность между тери еще чаще приводят к насилию. Члены тери действительно воруют в садах у других тери и прячут собственные товары. Женщины часто жалуются на жадность других тери. Процитируем Хелену Валеро (Биокка 1972; Виосса 1971: 206): «Между тем женщины намоэтери начали говорить, что у махекототери много вещей, много мачете, но что они не отдают их; что когда они приходят, то едят так много, что их животы невозможно наполнить; что чем больше они едят, тем больше хотят есть; что они злятся сами на себя». И хотя в этом случае предводитель намоэтери хотел союза с махекототери, бурчание женщин подтолкнуло членов группы намоэтери пригрозить махекототери, что они могут тотчас подвергнуться нападению, разрушив тем самым возможность такого союза. В более серьезных случаях, когда, например, захватывают или разрушают сад, женщины «накручивают» своих мужчин и подстрекают их к убийству (Биокка 1972; Виосса 1971: 219). Из-за ошибочных сравнений с более сложными группами в Африке и Новой Гвинее действительную степень территориальности у них преувеличивают. Но территориальность значительно больше присуща яномамо, чем любой другой из групп, рассмотренных в разделах 3 и 4. Каждая тери связана с географическим пространством, которое обычно ограничено реками или водоразделами (Smole 1976: 26–27, 231). А поскольку соседние тери находятся обычно в дружественных отношениях, то их члены свободно перемещаются для охоты и собирания внутри широких зон, удаленных от шабоно.

Когда с целью безопасности дружественная тери присоединяется к какой-то деревне, то она, как мы уже видели, берет имя той группы, на территории которой расположена эта деревня. При этом она по-прежнему владеет собственной территорией; ее члены продолжают растить там сады и возвращаются обратно, когда большая тери распадается (Smole 1976: 234). Почему же яномамо привязаны к территориям, границы которых определены более четко, чем родное пространство у обществ семейного уровня?

Ответ заключается в том, что территории представляют собой ценные владения, полные сырья, необходимого для удовле-

творения сегодняшних и будущих потребностей, как и способов развития капитала, таких как сады плантена и персиковых пальм. Это и есть главная причина того, что яномамо не перемещаются в деревни, удаленные от их мест проживания, исключая те случаи, когда их изгоняют враги (Chagnon 1983: 70).

Хотя избавление от враждебных соседей редко называют в качестве непосредственной причины для набегов на другие тери, войны часто приводят к перемещениям тери на большие расстояния от соседствующих с ними врагов (Биокка 1972; Виосса 1971: 98, 103, 209; Smole 1976: 235–236). Однако когда враждебность уходит и члены вытесненной тери убеждаются в прочности мира, они могут вернуться на прежние земли невдалеке от своих бывших врагов (Smole 1976: 93–94).

Войны яномамо не имеют своей прямой целью захват территорий. В некоторых районах нагорий войны относительно редки, и многие группы сохраняют стабильность на протяжении поколений. Но это происходит потому, что там образованы территориальные союзы, представляющие серьезную угрозу для врагов.

В тех районах, где войны обычны, группа, согнанная с насиженного места, может, в свою очередь, сама проявить агрессию и вытеснить еще более слабую группу, так как ей крайне необходима новая территория. Например, после того как намоэтери, возглавляемые своим предводителем Фусиве, разделились на четыре отдельные тери, одна из них, пишаансетери (бисааси-тери), построила свое шабоно слишком близко от сада намоэтери. Собственно, намоэтери представляли собой теперь небольшую группу, и, когда пишаансетери стали красть у них урожай, уничтожая их табачные насаждения, некоторые намоэтери посоветовали Фусиве бросить этот сад. Но Фусиве пришел в ярость, говоря: «Они сами просят меня, чтобы я убил их».

Обе группы попробовали снять нарастающую враждебность, прибегнув к сражению на дубинах. После чего Фусиве заявил: «Нет, я не сержусь. Вы нанесли мне удары, и моя кровь течет, но я не держу на вас зла». Однако брат предводителя пишаансетери ответил: «Ты должен уйти; вы должны покинуть эту рока, здесь должны жить мы. Идите и живите с патанаветери; мы должны быть хозяевами этого места». По мере того как обострялись проявления враждебности, росли и амбиции у пишаансетери: «Мы желаем убить патанаветери [включая намоэтери Фусиве]; мы останемся одни; мы, пишаансетери, самые ваитери из всех». Они убили Фусиве и рассеяли его группу; но заговор других тери, теперь настроенных враждебно к пишаансетери, привел в конце концов к тому, что их почти всех вырезали

на пиру вероломства. А выжившие затем отправились на долгие поиски новой территории, которые завершились в низовьях Ориноко (Биокка 1972; Виосса 1971: 217–250, 302; см. также Chagnon 1983: 152–153).

В итоге следует подчеркнуть, что мы придерживаемся того мнения, что войны у яномамо — это трагическая неудача. Она трагична в том классическом смысле, что является не чьей-то ошибкой, а неизбежным итогом противоречий человеческого характера в специфических условиях жизни яномамо. В одном из мифов яномамо говорится, что люди были сотворены, когда один из предков выстрелил в живот Луне. Цитируя Шегнона (Chagnon 1983: 95): «Его кровь упала на землю и превратилась в мужчин, но таких, которые по своей сути были ваитери — жестокими. Где была самая «толстая» кровь, очень свирепыми были и сотворенные там мужчины, и в своих войнах они почти истребили друг друга. Но там, где упали отдельные капли или, смешиваясь с водой, кровь «истончилась», они сражались меньше и не истребляли друг друга; то есть, кажется, сумма врожденного насилия у них оказалась более управляемой». Центральным для яномамо является контроль над насилием: они знают, что неконтролируемое насилие ведет к уничтожению. Их войны порождены не адаптацией, но неудачами адаптации. Яномамо — убежденные семейные люди со своими участками, имеющими реальное материальное значение, которые необходимо защищать. Чувство собственной выгоды приводит их к заключению союзов, которые способствуют перераспределению скудного продукта, в зависимости от сезона, природного или домашнего, и расширяют мирные зоны вокруг них. Но если союзники не щедры (Chagnon 1983: 163) или приходит ощущение, что кто-то начинает пользоваться преимуществом, это чувство собственной выгоды попирается. И тогда, чтобы в условиях скудности окружающей среды получить конкурентное преимущество, надо дать выход жестокости мужчин и быть готовым подкрепить ее действиями.

Это создает арену, на которой мужчины ваитери играют ведущую роль. Мужчины, которые в обществах, стоящих на семейном уровне, были бы обузданы или изгнаны из группы, у яномамо получают больше жен и сторонников. Будучи ваитери, они поистине бесстрашны и подвергают опасности себя и всех остальных: если их пытаются обуздать, они выходят из-под контроля и увечат или убивают других мужчин, вызывая у семей своих жертв гнев по отношению к себе и своим близким родственникам и тем самым провоцируя возможное начало войны с ее тяжелыми для всех последствиями. И пока менее воинствен-

ные группы оказываются запуганными и эксплуатируемыми более сильными, жаждущими их женщин или желающими согнать их с земель, то альтернативы, похоже, нет. Тот факт, что хороших для возделывания земель на нагорьях недостаточно и что их улучшают садами персиковой пальмы, означает, что бегство — не лучший ответ на агрессию.

В этом смысле основной причиной войн у яномамо является то, что Карнейро (Carneiro 1970b) назвал географической стесненностью. Яномамо нагорий окружены низовьями, куда до последнего времени невозможно было убежать. Их нагорья характеризуются бедной окружающей средой с ограниченными возможностями, в которой для надлежащего качества жизни важно поддерживать контроль над территориями, заключающими в себе ресурсы в прошлом, настоящем и будущем. Отсутствие условий для бегства заставило яномамо встать на свою защиту, группируясь в деревни и союзы, разграничивая свои территории и тщательно отличая друзей от недоброжелателей.

Часто яномамо сравнивались с более сложными группами, как те, которые мы будем описывать в следующих разделах (Chagnon 1980; Ramos 1972: 127–131). Такое сравнение представляется односторонним, поскольку в этом случае делается упор на относительное изобилие природных ресурсов у яномамо и на спонтанный и индивидуалистичный характер их войн, в силу чего предполагается, что они примитивны, иррациональны и испытывают недостаток политической структуры в сравнении с обществами, ведущими войны в более организованных формах. Однако при сравнении с рассмотренными нами прежде обществами, стоящими на семейном уровне, бросается в глаза не то, чего у яномамо не хватает, но то, чего они достигли: деревни, лидеры, солидарность родственников и церемонии, которые гасят проявления враждебности и порождают узы взаимного доверия.

Выводы

Яномамо во многом подобны обществу, находящемуся на уровне семьи. В тери мы обнаруживаем высокую степень экономической взаимосвязанности территориальных групп и собственников улучшенных сельскохозяйственных земель, которые следуют за корпоративными родственными группами, описанными в предшествующих разделах. Но то, что в сравнении с обществами, стоящими на семейном уровне, яномамо вынуждены тесниться на своей земле, привело к значительной и далеко идущей трансформации: поскольку они не способны избегать

конкуренции за ресурсы, перемещаясь на другую территорию, то храбрые агрессивные мужчины теперь рассматриваются скорее как ценные союзники, а не как опасные изгои.

Конкуренция и жестокость и есть та взрывная смесь, которая подвергает опасности благополучие тери. Яномамо понимают это и всеми силами стараются избежать войны. Но неотвратимое разочарование, ощущение несправедливости и подозрительность, которые произрастают из обменов между людьми, не состоящими в родственной связи, часто перевешивают ограниченные экономические выгоды от торговли между деревнями, оставляя тери уязвимыми для нападения врагов, недружелюбных и беспощадных, ищущих себе женщин и земли. У тери, которая не наводит страх, не принимает и не вознаграждает храбрых и неистовых мужчин для защиты своего имущества, нет места, куда можно уйти, а значит, нет и будущего.

7. Деревня и клан

В РАЗДЕЛЕ 5 мы рассмотрели причины экономической и политической интеграции в обществах за пределами семейного уровня. В разделе 6, посвященном яномамо, мы показали, что необходимость жить в деревне вызывается потребностью защищать имущество семьи: участок улучшенной садовой земли и женщин, в отношении которых мужчины предъявляют свои репродуктивные права. Кроме того, мы нашли подтверждение тому, что дележ пищи, достаемой без большого риска, и межобщинная торговля усиливают паттерны союзов и лидерства, возникающие на основе военных мероприятий с целью защиты.

В настоящем разделе мы продолжим исследование сложных факторов, определяющих экономическую интеграцию на уровне, превосходящем семейный. Три случая, описанные здесь, доказывают несомненное значение представлений Стюарда о многолинейной эволюции. Двигателем изменений продолжает быть интенсификация, подталкиваемая ростом населения и направляемая специфическими условиями окружающей среды и применяемой для ее использования и преобразования технологии. Интенсификация экономик охотников, собирателей и рыболовов становится возможной при наличии богатых природных ресурсов, особенно в приморских зонах. Технология ловли рыбы в открытом море и реках и охота на крупных морских млекопитающих может быть достаточно трудной, необходимыми становятся специальные лодки, остроги, леска, ловушки и т. п. Береговые эскимосы (первый из трех в этом разделе случай) близко родственны организованным на семейном уровне континентальным группам, но их сложная китобойная технология требует серьезных капиталовложений в оборудование и разделение труда в ходе преследования добычи. Важную роль играют предводители, владельцы китобойных лодок, поэтому вокруг их жилья образуются небольшие деревни. Торговля также важна, а войны здесь гораздо меньше, чем у садоводческих обществ, находящихся на таком же уровне организации.

В других условиях окружающей среды последствия интенсификации могут быть совершенно иными. Процесс интенсификации в садоводческих группах, таких как маринг, показывает, какую роль в выстраивании группы играет защита территории, что было описано и на примере яномамо, но у последних отмечается большая плотность населения, что выдвигает на передний план значение собственности на землю. Достойны внимания у маринг и формализованные кланы — корпоративные группы, основанные на родстве, являющиеся типичными для уровня локальных групп. Притязания кланов на землю покоятся на священных правах, и люди защищают эти права от соседей.

В итоге в окружающей среде, которая не годится для земледелия, особенно если она характеризуется наличием саванн, как природных, так и сотворенных человеком, результатом интенсификации становится развитие пастушества с целью жизнеобеспечения. Северным туркана локальные группы необходимы, чтобы защищать стада от набегов и предоставлять доступ к общим пастбищам всем членам группы. Деревни организуются не в силу экологических причин; люди собираются в локальные группы для распределения пастушеских рисков (например, для защиты от всякого рода хищников, включая человека) и для того, чтобы увеличить гибкость и своевременность передвижений к пастбищам и воде.

Описание этих трех случаев, в дополнение к рассмотренным выше яномамо, позволяет нам детально рассмотреть, как каждый из четырех процессов экономической интеграции — защита, неприятие рисков, капиталовложения в технологию и торговля — влияет на экономическую независимость даже в обществах институционально лишь немного более развитых, чем те, которые находились на уровне семьи.

Случай 6. Эскимосы Северного склона Аляски

Факторы, ведущие к образованию экономики, соответствующей уровню деревни, мы рассмотрим на примере эскимосов Северного склона. Этот случай особенно показателен, поскольку, хоть эскимосы¹ Северного склона и принадлежат к одной культурной

1. Эскимосы общей численностью около 116 000 чел. проживают в Гренландии, Канаде, США и России. В недавнем прошлом говорили на различных языках эскимосско-алеутской языковой семьи: юпик (тихоокеанский, центрально-алясский, науканский, центрально-сибирский и сиреникский — вымер) и инуит-инупиак (алясский, канадский, гренландский). В культурном отношении их

и лингвистической группе, экономику деревни развили лишь те из них, которые живут на берегу и, кооперируясь, занимаются китобойным промыслом (тареумюты). Живущие же вдали от берегов эскимосы (нунамюты) — типичные добытчики семейного уровня; как и нганасаны (случай 4), они собираются в группы, выходящие за пределы уровня стойбища, только на время гона карибу раз в полгода или же, что менее обычно, на зиму, чтобы пережить трудное время с помощью соседей.

Окружающая среда и экономика

Тареумют, или «люди моря» (Spencer 1959), и нунамют, или «люди земли»² (Gubser 1965), занимают отдельные ниши, проживая на Северном склоне — регионе площадью около 70 тыс. квадратных миль, полностью расположенном за полярным кругом и спускающимся с хребта Брукс, минуя его подножья и прибрежные равнины, к Северному Ледовитому океану. Несмотря на то что внешне Северный склон имеет вид пустынной безлесной тундры, для небольшой рассредоточенной добывающей популяции он предлагает широкий выбор животной пищи. Это киты, моржи, тюлени и белые медведи, которые живут вдоль берега, и карибу, которые высоко ценятся, вкуче с медведями-гризли, горными баранами, лосями и куропатками, которые обитают во внутренних районах³. Соответствующей пищи обычно хватает, чтобы поддерживать плотность населения аборигенов в пределах 1 человека на 20 квадратных миль; но степень доступности пищевых продуктов колеблется в различные сезоны,

подразделяют на 20 групп: полярных, восточно-гренландских, западно-гренландских, иглулик, нетилик, эскимосов карибу и др. Название внешнее, и значение его окончательно не выяснено. Так индейцы монтань называли не только эскимосов, но и индейцев микмак. Разные группы эскимосов используют различные формы самоназвания, но в последнее время в Северной Америке их все чаще называют политкорректно инуитами (в гренландск. и канадск. — люди).

2. Две из двадцати групп эскимосов, которые соседствуют друг с другом на севере Аляски; общая численность 3700 чел. (1980). Более точная форма названия тареумютов (tareumiut) — taġiuġmiut; самоназвание обеих — *ин'упиаг* (мн. ч. — *ин'упиаг*).
3. *Гризли* — так в Америке называют *бурого медведя* (*Ursus arctos*). *Горный баран* — по-видимому, все же речь идет не о горном баране (*Ovis ammon*), а о *баране Далля* (*Ovis dalli*), который именно в этих местах обычен. В отечественной систематике его часто считают подвидом толсторога. *Лось* (*Alces alces*) — здесь авторы используют североамериканское, по происхождению индейское (из алгонкин. языка) *тоосе*, чтобы избежать двусмысленность англ. (брит.) слова *elk*. *Куропатки* — очевидно, это какой-то из трех видов рода белых куропаток (*Lagopus*), довольно крупных птиц (до 800 г), встречающихся в азиатской и североамериканской Арктике: скорее всего, *тундряная куропатка* (*L. mutus*).

и в течение года имеются непредсказуемые отклонения моделей миграций у самой важной дичи — карибу и китов.

Весенние миграции китов и карибу — время, когда на побережье и во внутренних районах предвкушают изобилие пищи. Как только начинает крошиться полярный паковый лед, киты мигрируют ближе к берегу, где люди на лодках могут на них охотиться. А во внутренних районах собираются в стада сотни и тысячи карибу, которые пасутся на лугах Северного склона и заполняют перевалы хребта Брукс. Но с приближением лета миграции заканчиваются и дичь рассредоточивается. Снега тают, и, хотя регион представляет собой настоящую пустыню, где выпадает лишь около 6 дюймов осадков в год, влага испаряется медленно. Отсюда и ландшафт местности — лабиринт из болот и луж, покоящихся на вечной мерзлоте. На протяжении двухмесячного летнего периода, когда солнце светит по 24 часа в сутки, земля расцветает, и все наземные животные нагуливают жир; но в конце августа может выпасть первый снег, а к началу октября земля промерзает. Осенью у карибу происходят небольшие миграции, а у китов — только случайные.

К ноябрю настает голодное время. У зимы есть свои преимущества: при температуре от -10 до -30 градусов по Фаренгейту снег и лед хороши для передвижений на санях и пешком; свободного времени много, и в заселенных областях интенсивно происходит социализация. Но зима — трудное время для охоты, поскольку среди пустых снегов дичь способна увидеть, услышать и уловить запах на большом расстоянии и к ней трудно подкрасться. Габсер (Gubser 1965: 260) отмечает, что человек способен услышать хруст снега под ногами в лучшем случае на расстоянии в милю. Дичь рассредоточена, и ее можно не увидеть неделями. Поэтому люди вынуждены есть менее желанную пищу, такую как рыба, в которой намного меньше жиров, или даже лисиц. (В нормальной ситуации на лисиц охотятся только из-за их шкурок; мясо лисиц выбрасывают или скармливают собакам.) «С их уровнем технологии и в той окружающей среде, где они живут, невозможно ручаться, что появятся достаточные запасы пищи, чтобы каждую зиму поддерживать все семьи» (Chance 1966: 2).

У нунамутов, как и у нганасан, запасы пищи в домохозяйстве зависят в основном от успешной охоты, и в рационе доминируют мясо и жир карибу. Шкуры, рога, сухожилия и кости карибу предоставляют большую часть необходимых материалов в том числе для палаток и одежды. Женщины поставляют дрова (которых остро не хватает), ходят по воду (ее зимой вытапливают из снежных глыб), готовят пищу и изготавливают одежду.

Большую часть года нунамюты скитаются одиночными семьями или расширенными семейными стойбищами, которые часто разделяются на одиночные домохозяйства и какое-то время движутся каждое своим путем, пока не соберутся снова. В течение того же самого периода карибу также перемещаются малыми, широко разбросанными группами, которые эскимосы считают нуклеарными и расширенными семьями.

Но когда происходят весенние и осенние миграции карибу, то в местах, заранее установленных для охоты, собираются, кооперируясь, разные стойбища. Как и у нганасан, организовывать коллективные виды деятельности во время гона карибу зовут успешных охотников. Но при этом охота по большей части остается индивидуальной, и в годы, когда больших стад карибу недостает, нунамюты разбредаются, преследуя небольшие стада.

Если лето — довольно легкое время, то карибу, добытых весной и осенью, не бывает достаточно, чтобы запасов мяса хватило до конца зимы, и это создает дилемму. С одной стороны, семья может всю зиму оставаться невдалеке от других семей; и поскольку от людей требуют, чтобы они делились пищей, то никто не будет голодать, пока его сосед хорошо обеспечен. С другой стороны, в окрестностях такой общины скудные запасы дичи и дров быстро заканчиваются, и неудобства, недоедание и постоянные домогательства со стороны соседей могут вынудить предприимчивую семью предпочесть одиночество в тундре, где ей не надо будет делиться добытыми пищей и дровами. При этом растет вероятность того, что такая изолированная семья может в течение долгого времени не находить еды и ее ожидает голод.

У нунамютов не существует войн, как организованной межгрупповой агрессии, хотя в некоторых других эскимосских ареалах они обнаруживаются (Nelson 1899: 327–330; Oswalt 1979: 194–197). Сражения и случайные убийства, особенно из-за женщин, имеют место, как и в других обществах семейного уровня. Мужчина может попытаться захватить женщину, особенно если ее родственники считаются слабыми; распространены внебрачные отношения, и мужья характеризуются ревностью (Spencer 1959: 78). Несмотря на то что действует паттерн строгого контроля над растущим раздражением и агрессией внутри семьи (Briggs 1970), убийства на почве ссор между семьями нередки, как и следующая за ними месть, что в результате приводит к междоусобице. К чужакам относятся с подозрением, их могут поколотить и оскорбить, если те без разрешения вторгнутся в пространство другой группы. Однако противостоять этим конфликтным тенденциям помогают сетевые связи, имеющие огромное значение для торговли и управления рисками.

ТАБЛИЦА 6. Торговля у эскимосов Северного склона

С побережья во внутренние районы	Из внутренних районов на побережье
Рыбий жир	Шкуры карибу
Кожи (тюленя, моржа)	Меха (волчий, лисий, росомахи, овечий, мускусного быка ⁴)
Гончарные изделия	Роговой материал
Деревянные сосуды	Ноги карибу
Камень, сланец	Деготь
Сумы	Изделия из дерева и камня
Моржовая кость	Пеммикан ⁵ и ягоды
Лес, прибитый к берегу	
Лодочные каркасы	
Муктук (кожа и жир кита)	

Экономика тареумютов сильно отличается от описанной выше, хотя, как и нунамюты, они занимаются добычей и охотятся на карибу, особенно летом и осенью. Тареумюты живут в прочных, покрытых дерном домах в постоянных зимних деревнях, состоящих из 200–300 жителей и расположенных на большом расстоянии одна от другой вдоль арктического берега. Экономика сфокусирована на китах. В весеннее время года успешная деревня может поймать пятнадцать и более китов и получить сотни тонн мяса и ворвани. В отличие от нунамютов, которые высушивают излишки мяса карибу и хранят их в небольших количествах для последующего употребления, тареумюты, с трудом выкапывая ледяные погреба в вечной мерзлоте, запасаются на зиму большим количеством мороженого мяса.

Помимо китов, тареумюты отлавливают также некоторое количество моржей и тюленей; но для выживания им необходимы киты. Взрослый съедает от семи до восьми фунтов мяса в день. Надо кормить и собак, которые необходимы как транспортное средство обеим группам эскимосов (как одомашненные северные олени нганасанам). Спенсер (Spencer 1959: 141) ссылается на отчет, согласно которому в 1883 году группа из 30 человек за 75 дней потребила 18500 фунтов мяса, то есть в среднем около восьми фунтов в день на индивида. Несмотря на большое количество добываемого в хорошие годы мяса и жира, в жизни

4. Овцебык, или мускусный бык (*Ovibos moschatus*).

5. Англ. *petmican* — пеммикан (из алгонкин. языка), род индейских консервов (сушеное измельченное мясо бизона, сало и измельченные ягоды). Применялся в военных походах и охотничьих экспедициях. К началу XX века стал основным мясным продуктом полярных путешественников. Евроамериканский пеммикан состоит из 40% перемолотой говядины и 60% жиров.

людей постоянно присутствует угроза голода. Когда в какие-то годы киты перестают следовать своим привычным маршрутам, тареумюты начинают зависеть от добычи моржей и еще сильнее — тюленей, чье мясо не является для них привлекательным, но запасы которого наиболее надежны (Chance 1966: 9, 36).

Обе группы эскимосов тесно связаны торговлей. Тареумютам нужны карибу, чтобы изготавливать палатки, одежду и орудия, а нунамюты нуждаются в тюленьем жире в качестве топлива и пищи. Кроме того, идет торговля многими другими продуктами (см. табл. 6): например, нунамюты считают превосходной пищей китовую ворвань, тогда как тареумюты хотят приобрести шкурки лисицы, волка и росوماхи для изготовления одежды. Торговля важна для эскимосской экономики и часто на удивление хорошо организована. Например, тареумюты из полос тюленьей шкуры делают стандартные связки по двадцать штук, являющиеся популярным товаром.

Социальная организация

В обеих группах эскимосов основной единицей для проживания и производства является нуклеарная семья. Две или три семьи могут построить дома рядом, и иногда два дома могут иметь общий входной тоннель, но пищу семьи хранят и готовят отдельно. В первичной семейной группе важны единство и гармония. Супругов выбирают отчасти на основе того, насколько они совместимы с остальными членами семьи; в самом деле, наиболее частой причиной самоубийств считается совместное проживание с человеком, «причиняющим беспокойство»⁶, и неспособность это далее терпеть. Родственные узы остаются самой крепкой основой социальных отношений за пределами домохозяйства. Родственники свободно посещают друг друга и просят помощи, но их связи становятся еще крепче, когда они живут рядом.

Социальные правила нунамютов требуют, чтобы пищей делились и внутри группы, образующей село, и с партнерами, участвующими в обмене. Они внимательно следят за тем, кому принадлежит пища; во избежание споров о том, кто убил какое животное во время общинной охоты, все охотничье оружие идентифицируют по личным меткам. Даже обмен супругами рассматривается как форма реципрокации прав собственности мужчин на сексуальность их жен. А наибольшим уважением

6. В англ. оригинале *troublemaker*.

пользуются спокойные, трудолюбивые, щедрые мужчины, у которых нет желания «поместить себя выше голов других».

Среди нунамутов известны и локальные группы, существующие обычно под именем их родной территории; например, людей, живущих на реке Утокак, называют утокагмю⁷. Идентифицировать свое родное пространство с таким местом могут 200 или 300 человек. И поскольку на чужаков нападают, если они вторгаются в родное пространство других, на всей территории региона люди устанавливают партнерские связи так, чтобы посещения и охота стали возможными за пределами их собственной земли. У каждого члена домохозяйства есть дружественные связи, которые можно задействовать, когда потребуется: эти узы часто укрепляются путем обменов дарами, товарами и сексуальным доступом к женам. Эти добровольные и обоюдные узы очень важны для более широкой, нежели вызванной необходимостью, интеграции.

Тареумюты и нунамуты вступают друг с другом в торговые партнерские отношения и каждое лето встречаются в условленных местах, чтобы вместе торговать. На таких временных рынках, или торговых эмпориях⁸, может собираться до пяти сотен человек (Spencer 1959: 198). Объемы торговли часто довольно большие: например, два человека могут выторговать сотни кож карибу за несколько дюжин торб тюленьего жира. В этой торговле не принимает непосредственного участия каждый в отдельности, и когда торговцы возвращаются домой, то их там ждут с заказами и просьбами; и затем во всем сообществе происходит распределение на основе родственных и дружественных связей.

Экономика деревни у тареумютов строится на кооперации в китобойном промысле и распределении пищи для создания ее запасов. Хотя на одной лодке предпочитают работать родственники, но и другие члены группы могут составлять лодочную команду, а для ловли кита могут скооперироваться несколько лодок из одной деревни. Китобои образуют добровольные ассоциации, в которых лидирует *умеалик* («владелец лодки»; мн. умеалит), организующий трудовую деятельность, необходимую

7. Еще в начале XX века в составе нунамутов отчетливо выделялись 4 локальные группы. Кроме упомянутой авторами, это еще так называемые горные эскимосы, эскимосы реки Колвилл и эскимосы рек Мид и Икпикпак, которые, в свою очередь, делились на более мелкие общины (bands), по 6–12 расширенных семей в каждой. Их эскимосские названия образовывались также с помощью суффикса –*мют*. Около восьми подобных групп имелось и у тареумютов, но там они практически совпадали с деревнями.

8. *Эмпорий* (греч., лат. *emporium*) — в античной Греции оборудованные ряды для оптовой дальней торговли, обычно на берегу моря.

для приобретения и правильного содержания большой китобойной лодки. Умеалику необходимо быть знающим и успешным китобоем, чтобы приобрести и удержать сторонников, и он должен быть способен объединить в слаженно функционирующую команду разных специалистов (кормчего, гарпунера). Сторонникам надо доверять и своему умеалику, и другим членам команды, потому что в арктических водах редко кто выживает, если лодка опрокинется (эскимосы, как правило, не умеют плавать). Умеалик ручается, что кита разделают и распределят среди охотников справедливо.

Кроме того, *умеалик* должен обеспечивать безопасность своих сторонников в плохое время года. У всех семей имеются ледяные погреба для хранилищ, но у умеалика погреб больше в соответствии с его обязанностями. Этот погреб служит своего рода фондом социального обеспечения, из которого его сторонники могут получать необходимое. Ранней весной, до начала охоты на китов, *умеалик* очищает свой подвал и устраивает для сторонников пир из остатков прошлогодней добычи. К тому же от него ждут, что в обмен на лояльность он обеспечит сторонников одеждой и другими вещами. Более того, умеалик устанавливает связи с другими *умеалит* в деревне, у которых он может попросить пищу из резервов, в случае если охота на его лодке завершится неудачей. Таким образом, тареумюты остаются вместе всю зиму, пользуясь определенными гарантиями в обеспечении пищей, в отличие от нунамютов, которых они критикуют за то, что иной раз те бросают старых или немощных родственников в голодное время. О последних они говорят: «Они точь-в-точь как животные, они позволяют каждому умереть» (Spencer 1959: 95). Наконец, важную роль *умеалик* играет в экономической интеграции за пределами деревенского уровня. И мужчин, которые торгуют часто и много, как правило, называют умеалик, независимо от того, имеется у них своя лодка или нет⁹.

У тареумютов развита сильная взаимозависимость между деревнями, что легко обнаружить в ходе пира посланников — важного и тщательно разработанного церемониального события. *Умеалик*, который считает, что располагает большими излишками пищи и иных ценностей, хранящихся в его собственных хранилищах и в хранилищах его союзников *умеалит*, приглашает *умеалит* из других деревень на пир типа потлача¹⁰ (см. раз-

9. *Умеалит* есть и в обществе нунамютов. Обычно у них в каждой из общин доминирует один *умеалик*.

10. Пир посланников (Messenger Feast) проходит зимой и длится неделями. *Умеалик* через своих посланников приглашает на него *умеалит* из других общин, ода-

дел 8). Пирьы эти включают бега и иные формы церемониальных соревнований, они также отмечены демонстрациями щедрости. Затем от гостей ждут ответного пира. Мы оставляем наш анализ потлача для раздела 8, упомянем только, что функции пира посланников заключаются в распределении значительных излишков продуктов по всему побережью (и внутреннему району) и в выделении средств на конкуренцию между индивидами и сообществами.

Социальная жизнь эскимосов заполнена сравнениями и конкуренцией, но нунамятам необходимо, чтобы давление со стороны общества было «честным и терпеливым», поэтому власть предполагаемых лидеров держится под контролем. Согласно Ченсу (Chance 1966: 73), «никто никогда не говорит эскимосу, что надо делать. Но некоторые люди смекалистее, чем другие, и способны дать хороший совет. Они и есть лидеры». Соревнования в атлетике, акробатике, танцах, пении и шутках — забавы, рассчитанные на долгую зимнюю ночь; при этом все стараются не только продемонстрировать собственные достоинства, но и показать восхищение достоинствами других. Как мы знаем, этого и следует ожидать в обществах семейного уровня.

«Эскимосы — это не те, кто держится в тени: они искренне гордятся своими талантами и достижениями. Они скорее озабочены контролем над агрессией» (Chance 1966: 65–66, 78). Когда враждебные чувства угрожают вылиться в агрессивное действие, самым безопасным считается удалиться на какое-то время, пока эмоции не остынут. Обычно агрессивных мужчин подвергают остракизму и изгоняют из общины — строгая мера, если иметь в виду трудности выживания зимой в одиночестве. Тем не менее, когда враждебность приводит к убийству, родственники жертвы объединяются для мести, институционализируя вражду между семьями, которую впоследствии трудно остановить в системе с отсутствием политического контроля за пределами семейного уровня.

Суммируя вышесказанное, отметим, что тареумюты демонстрируют, что для кооперации большого числа семей важны скорее не войны, а дележ пищи, достаемой без непомерного риска, и капиталовложения в технологию ее производства. Тот факт, что такие условия не характерны или характерны в меньшей степени для близкородственных им нунамятов, отражается

ривая их. Собираются вместе и тареумюты, и нунамяты, и индейцы атапаски. Современные антропологи считают, что эта черта культуры развилась у аляскинских эскимосов под влиянием их южных соседей — индейцев Северо-Западного побережья.

на статусе находящегося на уровне семьи сообщества последних. Политическая экономия тареумютов отчетливо сфокусирована на *умеалит* — лидерах, координирующих производство, использование и поддержание китобойной технологии, как и распределение добычи, большое количество которой способствует развитию экономических возможностей. Итак, представляется очевидным, что как яномамо нуждаются в постоянной и надежной защите, обеспечиваемой братьями и свояками под руководством *тушауа*, так и семьи тареумютов не могут выжить без кооперации с группой родственников и товарищей, собирающихся вместе в эллинге¹¹ под управлением умеалика.

Недавние изменения

В 1960-е годы, когда в заливе Прадо были открыты месторождения нефти, эскимосы Северного склона, несмотря на изменения в их жизни, такие как формальное школьное образование, служба в армии и строительство военных объектов, продолжали в основном существовать с упором на выживание. Но вскоре после этого, в 1971 году, условия жизни эскимосов стал определять Акт об урегулировании требований коренного населения Аляски (АУТКА), который устанавливал и поддерживал новые формы политической и экономической организации¹². Например, эскимосы смогли немедленно преобразовать весь Северный склон в боро¹³, обладая полномочиями облагать налогами доходы от добычи нефти из залива Прадо, чтобы получать фонды для городских служб и продавать муниципальные облигации на Уолл-стрит (Chance 1996: 3). Это позволило эскимосам самим решать, кого нанимать на муниципальную службу с конкурентоспособным жалованьем.

11. Англ. *Boathouse* — букв. лодочный дом. В судостроении эллингом называется помещение для постройки или ремонта судов на берегу.

12. *Alaska Native Claims Settlement Act* (ANCSA) — акт конгресса США в президентство Р. Никсона, призванный решить все земельные конфликты между коренным населением Аляски и федеральным правительством в преддверии пуска мощного нефтепровода, проходящего через их территории. Крупнейший в истории США закон о земельном регулировании, по которому коренные народы Аляски получили взамен 180 000 кв. км земли и 963 млн долл. компенсации. В политическом и экономическом отношении коренное население объединили в тринадцать так называемых региональных и около двухсот деревенских корпораций.

13. В отличие от других штатов США, Аляска административно делится не на графства (counties), а на боро (boroughs). Эскимосы Северного склона образовали Региональную корпорацию Арктического склона (Arctic Slope Regional Corporation, ASRC).

В то же время устройство АУТКА требовало, чтобы земли и ресурсы коренного населения управлялись как корпорации для получения прибыли. Это повлияло на развитие протекционизма и образование «растущей элиты ин'упиат (вкупе с небольшим контингентом управленческих, налоговых и судебных ассоциаций, в которые не входило коренное население)» (Chance 1996: 3). Сейчас в боро существуют трения между эгалитарным слоем, ориентированным на коммунальные услуги и признающим важность семьи, родства, возможностей для жизнеобеспечения и культурной целостности коренного населения, и чиновниками, ориентированными на извлечение доходов и прибыли, что ведет к социальному расслоению и ассимиляции эскимосов с обществом Соединенных Штатов, что, собственно, и было заложено творцами АУТКА в конгрессе.

Кажется неожиданным, что частью эскимосской экономики все еще является деятельность, ориентированная на жизнеобеспечение семьи и основывающаяся на эксплуатации природных ресурсов: в трех деревнях, изученных Джордженсеном (Jorgensen 1990: xvi, 310) в середине 1980-х годов, большую часть пищевых продуктов получали из источников естественного происхождения. В то время как мужчины были вовлечены в работу по найму, женщины расширили свое участие в производстве пищи и даже начали охотиться, чем прежде занимались только мужчины (Jorgensen 1990: 308). Семейные группы, тесным образом интегрированные, делили ресурсы, а взаимопомощь и обмены дарами по-прежнему связывали их друг с другом. Члены этих групп отчетливо склонялись в пользу экономики жизнеобеспечения.

В то же время домохозяйства стали зависеть от внешнего заработка и, соответственно, от подъемов и спадов на нефтяном рынке. Они становились потребителями покупных товаров и печного топлива при высоких ценах на нефть, а когда цены падали, они экономили и искали низкокзатратные заменители. В настоящее время вопрос о возвращении эскимосов к прежней независимости не стоит (Jorgensen 1990: 287–313).

Случай 7. Тсембага маринг Новой Гвинеи

Тсембага, ацефальное общество, по определению Раппапорта (Rappaport 1967: 8, 10), представляет собой одну из примерно тридцати политически автономных групп маринг, проживающих у кромки нагорья в центральной части Папуа — Новой Гвинеи (Buchbinder 1973; Clarke 1966; Rappaport 1967). Около 7 тыс.

человек, говорящих на маринг¹⁴, живут в граничащих с хребтом Бисмарк горных зонах обрывистых долин Джими и Симбаи, ухаживая за свидденами¹⁵, выращивая свиней и добывая пищу из природных источников. До 1950-х годов маринг оставались вне зоны прямых контактов с Западом, и их этнография дает редкую возможность рассмотреть, каким образом племенное общество функционировало в мире негосударственных групп.

Тсембага, находясь в непосредственной близости от враждебных воюющих соседей на перенаселенной территории, организовались в кланы и локальные группы и разработали церемонии, распространенные еще в большей степени, чем у яномамо. Высокая плотность населения у них привела к интенсификации и прямой конкуренции за землю, что, в отсутствие региональных механизмов посредничества в межгрупповых спорах, выливается в постоянные войны между соседями. Чтобы противостоять угрозе вторжения, битв, а значит, и смерти, каждая семья вынуждена присоединяться к клану, служащему механизмом в отстаивании прав на землю, и к локальной группе для совместной защиты. Церемонии помогают объединиться в группы большего размера, институционализироваться, обрести важные символы и заключать союзы на региональном уровне.

Окружающая среда и экономика

Тсембага живут в пересеченной гористой местности, экономически неблагоприятной для людей с нагорья Новой Гвинеи. Самые лучшие земли на нагорье находятся в плодородных долинах, где живут энга (раздел 8) и подобные им группы, со значительно более высокой плотностью населения, образовавшейся на базе интенсивного земледелия. Земли маринг не плодородны в этих районах по сравнению с землями в сердце нагорья, и люди стремятся отсюда уйти. Здесь, у кромки нагорья, возвышения колеблются в пределах от 7000 футов на гребнях гор до 2000 футов над узкими долинами. Ниже 5000 футов наклон в среднем составляет примерно 20 градусов, но на более высоких участках он становится еще круче. Небольшие потоки воды каскадами па-

14. Маринг (Maring), или маренг (Mareng), йодабе-ватоаре (Yoadabe-Watoare) живут в округе Хаген провинции Западное Нагорье и реже в провинции Маданг, расположенной по другую сторону хребта Бисмарк (Папуа — Новая Гвинея); язык распадается на 7 диалектов, есть попытка отнести его к трансногвинейской языковой суперсемье; общее число говорящих на нем — 11000 чел. (1998).

15. Речь идет о местной разновидности подсечно-огневого земледелия, в общих чертах описанного в разделе 4, посвященном мачигенга. Термин *свидден* (swidden) от ст.-норвежск. «быть выжженным» в нашей литературе ранее не употреблялся.

дают на склоны, чтобы влиться в главную реку у основания гор. Климат тропический и влажный. На высоте 4750 футов Раппапорт¹⁶ (Rappaport 1967: 32–33) зафиксировал 154 дюйма годовых осадков, равномерно распределяющихся в течение года, и однообразно теплую температуру, колеблющуюся в пределах от 60–65 градусов по Фаренгейту ночью до 75–80 градусов днем. На возвышенностях температуры ниже, и горы укутаны облаками.

Кларк (Clarke 1971) описал две зоны первичного леса в регионе маринг. Выше 5000 футов доминируют большие деревья панданус¹⁷. Лесистые зоны, остающиеся ниже 5000 футов, отличаются большим разнообразием флоры, от деревьев высотой более чем в сотни футов до низкорослого травянистого подлеска. Но большая часть первичного леса ниже 5000 футов расчищена под сады; и сейчас эта область похожа на лоскутное одеяло из делянок, занятых под подсечно-огневое земледелие, и вторичных лесных новообразований. Первичный лес в основном ограничивается либо самыми низкими возвышениями вблизи рек, либо самыми высокими территориями.

В регионе маринг плотность населения значительно выше, чем у яномамо. Максимально она составляет примерно 35 человек на квадратную милю (7000 человек, живущих на территории в 2000 квадратных миль); и на рис. 8 (с. 258) показано, как местность заполняется селами. Раппапорт (Rappaport 1967: 14) насчитал около 200 тсембага на территории в 3,2 квадратной мили, или около 60 человек на одной квадратной миле. Рассматривая эту проблему в диахронии, Лоумен (Lowman 1980: 15) находит, что цикл роста и сокращения численности населения

16. Рой Раппапорт (1926–1997) — американский антрополог; защищал диссертацию в антропологическом департаменте Колумбийского университета (Нью-Йорк) под руководством Э. Вайды, с которым впоследствии разошелся во взглядах по некоторым позициям; возглавлял департамент в Университете Энн-Арбор, штат Мичиган; бывший президент Американской антропологической ассоциации; полевые исследования вел в 1960-х годах в Новой Гвинее. Раппапорт предложил различать окружающую среду *мыслимую* (то, как общество интерпретирует свою экологическую нишу) и *операциональную* (реальные природные условия). В его работах получила дальнейшее развитие стюардовская идея о вместиимости окружающей среды, для которой Раппапорт предложил даже кибернетическую модель. Следуя определению вместиимости Р. Карнейро, он понимал ее как зависимость следующих переменных: общая площадь пахотных земель, время под паром, длительность урожайного периода и величина возделываемого участка, необходимого, чтобы прокормить одного человека в течение года. Его книга «Свиные для предков» (1968), посвященная тсембага маринг, до сих пор является одной из самых авторитетных и цитируемых в экологической антропологии.

17. *Панданус*, в рус. чаще *пандан* — около 600 видов рода *Pandanus*, древовидных растений семейства пандановых (*Pandanaceae*). Плоды некоторых видов идут в пищу, а жилки листьев используют как материал для плетения.

зависит от давления ресурсов, войн, паттернов брака и болезней. Этот динамический цикл социальной эволюции приводится в движение как в региональном, так и в диахронном плане. По мере того как локальная группа становится престижной, члены ее накапливают богатство и приобретают привлекательность как партнеры; приток женщин создает условия для воспроизводства группы, и она процветает, но только чтобы затем, переусердствовав в использовании окружающей среды, социально раздробиться, уменьшиться в размерах и снизить свое влияние. После проигранного сражения тсембага приходят в упадок и, по оценке Раппапорта, могут насчитывать от 250 до 300 человек (80–95 человек на квадратную милю).

Плотность населения является ключевой переменной в нашей эволюционной модели. Тсембага стеснены больше, чем любое другое общество, стоящее на уровне семьи; но при этом представляется важным, что плотность населения у них относительно низка по сравнению с системами бигменов в сердцеvine нагорья Новой Гвинеи (раздел 8). Почему же плотность населения у них остается невысокой? В основном, как представляется, из-за воздействия окружающей среды и эпидемиологических факторов (см. Lowman 1980). Крутые горные склоны уязвимы для эрозии, уничтожающей питательные вещества, что ограничивает возможности для интенсификации, а малярия, эндемичная для невысоких поднятий суши, сдерживает рост населения. Плотность населения всегда относительно высока вокруг ресурсов, но в отдельных местах, например в регионе проживания маринг, интенсификация приводит к сильной деградации земли, поэтому плотность населения там ниже.

Тсембага — небольшая популяция, и для ее экономического жизнеобеспечения достаточно тех продуктов, которые она получает из домашних и диких растений. Растительная пища из клубней, овощей и фруктов составляет по весу около 99% всего рациона (Rappaport 1967: 73), при этом клубни, а именно таро¹⁸, ямс и сладкий картофель, отличаются высоким содержанием крахмала. Питание тсембага куда разнообразнее, чем, например, у высокогорных новогвинейских групп, как мэй энга (см. раздел 8), и еды хватает для жизни в обычных условиях

18. *Taro* — тропическое многолетнее растение (*Colocasia esculenta*) семейства ароидных. В пищу употребляют клубни весом до 4 кг (варят или жарят как картофель), а также молодые листья (отваривают). Несъедобно в сыром виде из-за содержащихся в нем токсинов. Считается, что это одно из первых окультуренных растений на Земле. Родина — Океания (название происходит из одного из полинезийских языков). По урожаю таро Папуа — Новая Гвинея занимает шестое место в мире — 0,3 млн т (2005) (первые три места — Нигерия, Гана, Китай).

(Rappaport 1967: 74–75)¹⁹. Маленькие дети и женщины получают некоторое количество белка при употреблении в пищу крыс, лягушек, птенцов и личинок. Мясо является незначительной частью рациона, получаемой при охоте на диких свиней и сумчатых²⁰ или путем одомашнивания свиней и цыплят.

Тсембага создали на своих землях своеобразную мозаику из новых и более старых участков расчищенных полей, на которых в определенной последовательности выращиваются необходимые для их питания разнообразные растения, а остальное время земля находится под паром. Они поддерживают экологическое разнообразие, применяя в садоводстве цикл из длительных периодов парового воздействия, что возможно благодаря относительно низкой плотности населения и ограниченным требованиям, выдвигаемым производством. С помощью простых технологий леса расчищают под свиддены, пасут одомашненных свиней и добывают пищу из природных источников.

Основной стратегией производства является переложное земледелие во вторичных лесах (на возвышениях от 3000 до 5200 футов). Сады тсембага отличаются разнообразием культур: таро (*Colocasia* и *Xanthosoma*), сладкий картофель, ямс, бананы, маниок, сахарный тростник²¹, различная зелень и другие овощи. В садах на более высоких участках возрастает значение сладкого картофеля, обеспечивающего до 70% калорий в пищевом рационе.

Согласно Раппапорту (Rappaport 1967: табл. 3–5), урожайность свидденов на более низких участках составляет около 12,8 млн калорий с гектара, а на более высоких — около 11,3 млн калорий. С учетом энергозатрат, идущих на расчистку, огораживание, прополку, сбор и транспортировку урожая (но не приготовление пищи), соотношение получаемого урожая к затратам

19. Позже Маргарет Мак-Артур (McArthur 1974) раскритиковала нутрилогический анализ Р. Раппапорта, в частности, за несовершенство приведенных сравнительных данных, непонимание им подлинной роли соли и увязку болезней с ошибками в распределении свинины. Далее у маринг обнаружили белковую недостаточность, дефицит йода и иные проблемы со здоровьем (малярию, респираторные инфекции), которые тоже могут обостряться из-за их модели питания.

20. Низшие звери (с точки зрения зоологической систематики) из отряда сумчатых (*Marsupialia*). Главное место обитания — Австралия, а также Америка (опоссумы). Применительно к Новой Гвинее речь идет о различных видах бандикутов (3 рода), поскумов (*Dactylonax*), кускусов (2 рода), древесных кенгуру (*Dendrolagus*), то есть некрупных животных, живущих на деревьях.

21. Сахарный тростник (*Saccharum officinarum*) — субтропическое и тропическое многолетнее травянистое растение из семейства злаков; используется для получения сахара. В диком состоянии не встречается, и родина его неизвестна, но она определенно находилась в Старом Свете. Хотя в настоящее время первое место по урожаю сахарного тростника занимает Бразилия — 422,9 тыс. т (2005).

составляет 16,5:1 для садов, расположенных на нижних участках, и 16:1 — на верхних. Как мы видим, соотношения одинаковы в садах на разной высоте; и хотя Раппапорт не акцентирует внимание на этом факте, в действительности он не является неожиданным для экономики жизнеобеспечения, пытающейся минимизировать производственные затраты.

Подготовка свиддена, его засаживание и сбор урожая осуществляются работающими вместе мужчинами и женщинами. Мужчины ответственны, главным образом, за первоначальную расчистку, огораживание и частично за засаживание. Женщины в большей степени засаживают сады, занимаются прополкой, сбором и транспортировкой урожая. Таким образом, сад — это результат кооперации в работе нуклеарной семьи, несмотря на то что мужчины и женщины возделывают сады вместе с неженатыми сиблингами, свояками и вдовыми родителями (Rappaport 1967: 43).

После того как поле расчищено, выжигается кустарник, поле огораживается, чтобы защитить урожай от диких свиней. Немедленно за выжиганием следует засаживание; стандартная модель междурядного размещения культур создает сложное искусственное многообразие растений, где присутствуют дополняющие друг друга сорта различной высоты, с различной скоростью роста и глубиной прорастания корней. С помощью искусно высаженных садов тсембага достигают своей цели в получении урожая в течение относительно долгого периода. Большие урожаи ямса, маниока, сладкого картофеля и таро возможно получать на протяжении 24–36 недель после засаживания. Некоторые овощи созревают еще быстрее, а другие культуры, в особенности сахарный тростник и бананы, продолжают давать урожай на следующий год и позже.

После основного сбора урожая на поле постепенно появляются новые всходы, а в это время продолжается сбор урожая культур, плодоносящих в течение более долгого времени. Тогда же семья подготавливает новое поле, обычно располагающееся рядом с предыдущим. Заращение старых полей приводит к тому, что по всей территории образуются прокосы. Под паром земли оставляются на период около 15 лет на нижних участках, и до 45 лет — на более высоких.

Интересной стратегией вторичного земледелия, практикующей тсембага и другими маринг, является лесоводство (Clarke 1971; Lowman 1980: 59–62; Rappaport 1967: 55–56). Обычно на возвышенностях, расположенных ниже территории тсембага, высаживают два вида деревьев. *Амбуам* (*Gnetum gnemon*) дает съедобную молодую зеленую листву, а *комба* (*Pandanus conoideus*), как

персиковая пальма у яномамо, — фрукты, богатые маслами, белком и никотиновой кислотой (Hipsley and Kirk 1965: 39). Сады, принадлежащие группе, потерпевшей поражение в войнах, разоряют, чтобы ей было труднее выжить после возвращения на свою территорию. Победившая группа вырубает деревья, чем, возможно, и объясняется тот факт, что они собирают меньше урожаев с деревьев, чем другие популяции маринг (Rapaport 1967: 55).

Тсембага не только выращивают свиней и цыплят, но и ловят казуаров²². Но наиболее важными одомашненными животными являются свиньи; они — основной источник белков и жиров, хотя составляют лишь 1% всей массы пищевого рациона тсембага. Свинина — основная церемониальная пища, ее едят на обычных межгрупповых церемониях во время забоя, а также на особых церемониях, связанных с важными для жизни людей событиями.

Обычно свиньями владеют и распоряжаются семьи, то есть мужья и жены. Мужчины покупают свиней или отлавливают их; женщины ответственны в основном за уход за ними и возделывание садов для получения корма для свиней. Взрослых свиней часто отпускают бродить без присмотра в поисках пищи, но они возвращаются, поскольку хозяева их ежедневно кормят отбросами и сладким картофелем. поголовья свиней остаются небольшими, частично потому, что практикуется кастрация самцов, что означает, что самок оплодотворяют лишь дикие свиньи²³, а частично потому, что ритуальный забой удерживает поголовье на низких цифрах.

Предполагалось (Vayda et al. 1961: 71), что свиньи в Новой Гвинее выполняют роль своеобразных живых хранилищ пищи, которую можно употреблять в голодные времена. Но Раппапорт (Rapaport 1967: 59–68) показал, что эта версия несостоятельна, поскольку свиноводство требует от тсембага расхода примерно одной калории энергии на каждую калорию, получаемую с пищей. Кроме того, каждая свинья выедает около 0,15 акра сладкого картофеля, а, как подчеркивает Раппапорт, сада такого размера достаточно, чтобы прокормить одного человека! Таким образом, представляется очевидным, что тсембага соглашают-

22. Крупные тяжеловесные птицы трех видов рода *Casuarius*. Кроме Новой Гвинеи живут на близлежащих мелких островах, а также на полуострове Кейп-Йорк (Австралия). В отличие от других страусовидных, казуары населяют лесные заросли.

23. Самый распространенный вид (*Sus scrofa*) нежвачных животных из семейства свиней, встречающийся на территории от Скандинавии до Новой Гвинеи. От него же происходит и большинство пород домашних свиней (одомашнены еще в неолите).

ся на большие затраты труда, требующиеся на разведение свиней, не для создания запасов калорий, а для непосредственного получения необходимых белков и жиров. Свиньи представляют собой и примитивный эквивалент стоимости: обмены свининой у тсембага в ходе политически важных церемоний предваряют явления, относящиеся к политической экономике, которые мы рассмотрим в разделе 8 на примере обществ бигменов с более высокой плотностью населения в центральном нагорье Новой Гвинеи. Политическое соперничество мужчин при поддержке их жен и труда последних приводит к образованию первоначального капитала (свиных стад).

Охота и собирательство, столь важные в таких обществах, как мачигенга и яномамо, не имеют такого значения для основного пищевого рациона у тсембага. Леса важны для получения строительных материалов и разнообразной пищи, но их площади сокращаются вследствие экстенсивного фермерства. Дикие свиньи и сумчатые служат источником белков и жиров, но они составляют очень незначительную часть рациона. Не бережное использование человеком природных ресурсов региона привело к тому, что получать их стало сложнее. Экономика тсембага характеризуется нехваткой ключевых ресурсов. Хорошие земли для возделывания ограничены и перегружены. Природные ресурсы сильно истощены, мяса не хватает, а разведение свиней для получения жиров и белков затратно, потому что их надо кормить. В этой ситуации недостаточности ресурсов сильна конкуренция.

Но войны относительно редки в жизни тсембага, несмотря на то, что их маленькая территория окружена землями врагов. Эпизодические войны регулируются ритуальным циклом, и конкретную группу, похоже, непосредственно затрагивают лишь раз в 12–15 лет (Rapaport 1967: 156). Враждующие стороны вступают в открытое сражение, и, когда очевиден численный перевес, более сильная группа нападает и убивает возможно большее число противников. По наблюдениям Раппапорта (Rapaport 1967: 110–117), тсембага считают, что непосредственной причиной войн является месть за прошлые убийства. Но в действительности, как и у яномамо, основная причина — это конкуренция за редкие территории, богатые ресурсами, с которых вытесняют группу, не обладающую достаточной военной силой.

Важной частью экономики тсембага является торговля. Группы торгуют солью, топорами и другими предметами, которые они часто могут приобрести только таким путем; кроме того, в ассортименте товаров присутствуют свиньи, перья и раковины, высоко ценящиеся в социальных обменах и во время ритуальных демонстраций.

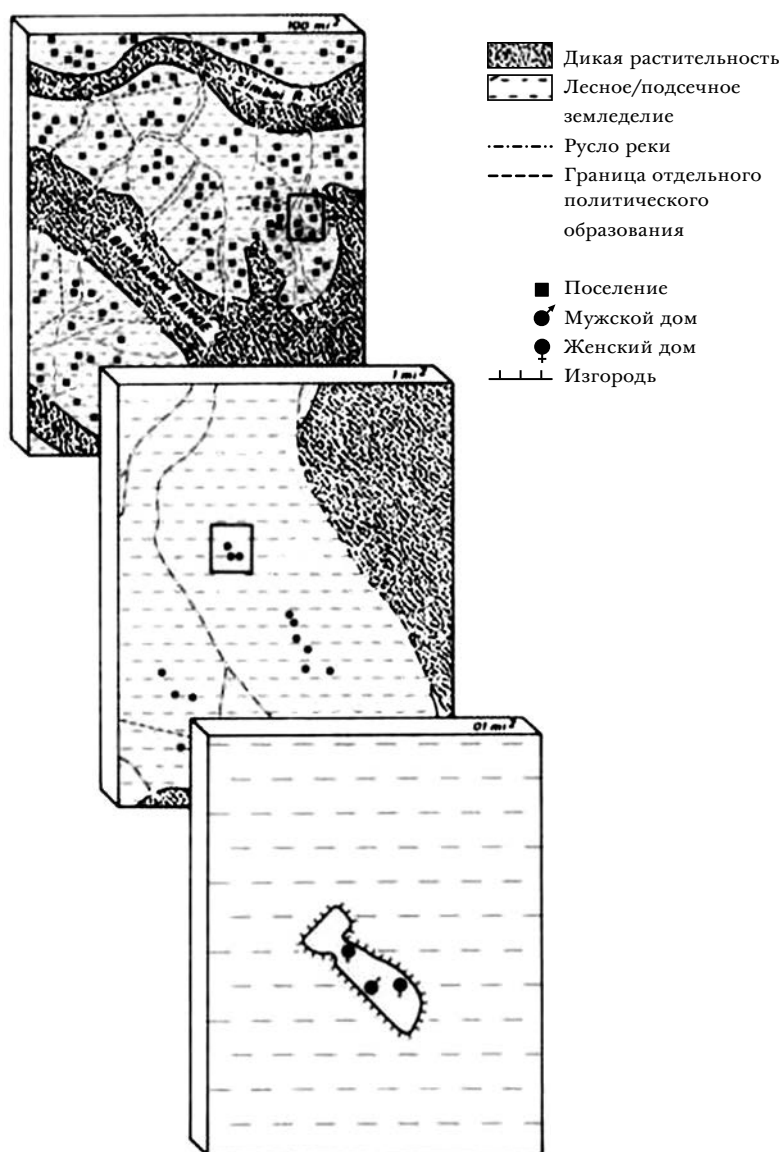

РИС. 8. Тип расселения у маринг
 За исключением горных хребтов и русла долины, ландшафт представляет собой мозаику из садов и посадок «вторичного роста». Разбросанные поселения обнесены оградами, так как территория каждой отдельной группы граничит с землей неприятеля

Социальная организация

Тип расселения у тсембага динамично меняется в соответствии с многолетним циклом воссоединения и рассредоточения, синхронным циклу конфликтов и церемоний. В период перемирия, которое утверждается посредством церемонии, население рассредоточивается на отдельные домохозяйства и небольшие села по всей территории локальной популяции. Но и рассеявшись, они продолжают жить на средних возвышенностях, где производительность земледелия выше, а участки ниже (где распространена малярия) и выше (расположенные слишком высоко для успешного земледелия) этого уровня остаются необитаемыми. Когда перемирие заканчивается и возникает угроза войны, семьи перемещаются, образуя вокруг традиционной церемониальной площадки поселение деревенского типа. В таком группировании Раппапорт (Rappaport 1967: 173) видит начало подготовки к основной церемонии кайко (которую мы опишем ниже), но ее можно рассматривать и как приготовление к обороне в ожидании войны.

Последствия войны отражаются в следующей стадии расселения. Победившая (или не разбитая) группа снова постепенно рассредоточивается по мере того, как растет поголовье свиней и возрастают связанные с этим проблемы. Разбитая же группа покидает свою территорию и рассеивается на землях других локальных групп. Позже она может попробовать заново занять свою территорию, но в таком случае недостаточная военная сила вынуждает ее организовать поселение, которое она способна защитить. Когда однажды вслед за поражением тсембага вернулись на свою территорию, то группа примерно из 200 человек образовала поселение деревенского типа, занимающее около 12–13 акров. И, несмотря на возросшее расстояние до их полей и на тот вред, который наносили ближним садам свиньи, они продолжали жить вместе из-за страха перед врагами (Rappaport 1967: 69).

Расселение в регионе маринг отражает действие противоположных сил. Для защиты и связанных с ней церемониальных действий группы собираются вместе; затем они рассредоточиваются, чтобы облегчить доступ к удаленным полям и избежать разорения земледельческих культур свиньями. Такая динамика концентрации и рассредоточения похожа на рассмотренную ранее в более простых обществах, но она охватывает более длительный период и является результатом действия решающего дополнительного фактора, а именно жестоких войн, которые заставляют людей жить большими группами.

В целом маринг, типичным примером которых являются тсембага, состоят из иерархически соподчиняющихся групп, образующихся в случае необходимости путем сегментации и слияния. Разные уровни организации, как и экономические и политические функции этих уровней, обсуждали Лоумен (Lowman 1980: 108–128) и Раппапорт (Rappaport 1967: 17–28). Мы, в свою очередь, различаем четыре основных организационных уровня, что несколько упрощает картину, но представляется достаточным для целей нашей дискуссии: семейное домохозяйство; кластер из домохозяйств, объединенных на патрилинейной основе; клан и локальная территориальная группа.

Семейное домохозяйство (Lowman 1980: 111–112) состоит из супружеской пары, их неженатых детей и, возможно, близких родственников. Для осуществления экономической деятельности члены его кооперируются и делятся друг с другом пищей, сваренной в одном котле. Разделение труда, главным образом по полу и возрасту, объединяет его поперечными связями, формирующими объединение, потенциально самостоятельное в плане жизнеобеспечения. Мужчины и женщины делят между собой работу по садоводству и земледелию и вместе питаются общими продуктами. Женщина живет в отдельном доме со своими незамужними дочерьми, маленькими сыновьями и свиньями. В отдельном доме живет мужчина со старшими сыновьями и неженатыми братьями, которые являются членами того же домохозяйства. Для того чтобы считаться мужчинами, они должны пройти через обряд инициации, церемонии, наставления и суровые испытания. Они должны жить отдельно от женщин, несмотря на то что питаются и работают все вместе. Мужчины должны вместе сражаться, чтобы защищать свои земли, своих женщин и свою честь.

Кластер из домохозяйств, объединенных на патрилинейной основе, — неформальная группа, состоящая из домашних единиц, в которых мужчин связывает генеалогическая близость, о которой все знают; члены группы мужского пола состоят в родстве не более далеко, чем на уровне двоюродных братьев. Обычно эти мужчины живут в одном мужском доме и постоянно общаются друг с другом; но у такой группы нет названия. Группа функционирует как единица благодаря близким родственным связям и взаимной поддержке ее членов во время экономических, церемониальных и политических предприятий. Домохозяйства располагаются поблизости друг от друга и часто сообщаются, пользуясь одной и той же земляной печью, а их сельские строения окружает общая защитная изгородь. Недалеко расположены и сады, принадлежащие домохозяйствам. В совместном

пользовании этой самой маленькой из групп, проживающей постоянно на одном месте, находятся земля, саженцы и продукты земледелия. Патрилинейные родственники часто выступают вместе во время различных видов социальной и церемониальной деятельности, например, при приготовлении выкупа за невесту или при жертвоприношениях свиней предкам. Членство в такой группе определено нечетко, и новые группы постоянно формируются путем сегментации.

Кланы, зафиксированные у маринг в 1966 году, в среднем насчитывали 75 человек (Lowman 1980: 120), что приближается к размеру тери у яномамо. Двести тсембага делились на пять кланов, которые образовывали три группы (два небольших клана объединялись с одним покрупнее). Часто члены клана не проживают совместно в одной деревне, но при этом клан функционирует как единица во время экономической, политической и церемониальной деятельности. Экономически он контролирует узкую полосу территории от гребня горы вниз до реки, на которой сосредоточено все экологическое разнообразие области тсембага. У такой территории есть формально отмеченные границы, которые известны и определяются часто по характерным природным знакам, таким как речные потоки или хребты. Члены клана индивидуально владеют участками свидденов и рощами; земли патрилинейных подгрупп образуют несмежные наделы, разбросанные по общей территории. Следует отметить, что клан определяет права собственности и ограничивает доступ к землям. Члены клана могут обмениваться землями друг с другом, и эти обмены землями между двумя соседними кланами представляют собой главный шаг на пути их слияния в единую территориальную единицу.

Клан также является центром для всех церемониальных и политических событий. Он организует церемонии главного цикла кайко и выступает как принимающая сторона; вслед за войнами совместное участие в этих церемониях, особенно при высаживании румбим²⁴, помогает группе определиться. Клан владеет домом защитительной магии и набором защитительных камней, которые в действительности являются доисторическими каменными орудиями (Lowman 1980: 1–18; Rappaport 1967: 125). Во время войны ритуальный лидер клана отвечает за этот дом с камня-

24. Древовидное цветковое растение из рода *кордилина* (*Cordyline*), а именно *C. fruticosa*, листья которого широко используются также в Полинезии как оберточное средство, материал для одежды и кровли домов и т. д. Его сахаристый корень обладает целебными свойствами. Во флоре нашего Черноморского побережья известно родственное декоративное растение *кордилина южная*, или *капустное дерево* (*C. australis*), по виду напоминающее пальму.

ми и помогает скоординировать церемонии, объединяющие клан в единую боевую единицу. Такие «военные шаманы» (Lowman 1980: 119) занимают у маринг наиболее высокие лидерские позиции, и история клана является в большой степени их историей.

Идеальным можно считать соответствие клана территориальному подразделению, однако, как мы видели, кланы меньшего размера могут соединяться с более крупными. Возникновение такой надсемейной корпоративной группы с лидерством и интеграцией церемониального характера является значительным отступлением от общества, находящегося на уровне семьи. И еще более значительным отступлением следует считать интеграцию на ритуальной основе большинства кланов маринг в совместно обороняющуюся территориальную группу кланов.

Локальная группа (или кластер из кланов) представляет собой у маринг группу из двух — шести кланов, которая насчитывает от 200 до 792 человек, или 380 человек в среднем (Lowman 1980: 125). Тсембага с численностью в 200 человек находятся на краю этого диапазона, что отражает их слабую политическую позицию, обусловленную недавним поражением в войне. Кластер из кланов не имеет названия²⁵, и у него нет ни почитаемых всеми ритуальных лидеров, ни военных домов, а составляющие его кланы связаны браками и обменами. Для подготовки кланов к совместным действиям по определению и защите территории одновременно проводятся главные церемонии: высаживание румбим — живой изгороди, которая отграничивает территорию клана и знаменует собой установление перемирия, и забой свиной, чтобы отблагодарить союзников и предков за оказанную помощь.

Такая локальная группа является своего рода деревней, и иногда в связи с необходимостью ее защищать составляющие ее кланы образуют большую группу для совместного проживания. Как показано на рис. 8, эти локальные группы играют важную политическую роль; за их границами возрастает опасность войн.

За пределами локальной группы институциональная структура отсутствует, хотя и имеют место частые взаимодействия. С помощью браков и обменов индивиды выстраивают сети межличностных связей вне локальной группы. Эти связи служат средствами как личной, так и групповой безопасности, их используют, чтобы обзавестись женой, товарами, союзниками в войнах и найти убежище на случай поражения. Поскольку эти внешние контакты возникают и укрепляются во время церемо-

25. Но мы ведь знаем о таких названиях: тсембага, тимбунки, тсувенки и др. Возникает определенное противоречие, которое авторы не объясняют.

ниальных событий, то участие индивида в межгрупповых церемониях является для него важнейшей стратегией в образовании связей.

Внешние отношения тсембага, от которых зависит локальная группа, основываются на личных узах, построенных на церемониальном представлении группы. И хотя мужчина зависит от своей группы в том, что касается доступа к землям, экономической взаимопомощи и совместной защиты, ему необходимо добиться в ней особого положения, чтобы получить выход к региональным сетям, обеспечивающим контакты, безопасность и возможность торговать, чего не может предоставить локальная группа. Возможность блеснуть предоставляется мужчинам на церемониях, на время которых они украшаются изящными перьями и раковинами и участвуют в групповых танцах. Раппапорт (Rappaport 1967: 186) в деталях описывает досконально продуманные наряды и то, как они демонстрируются в ходе главной церемонии кайко:

Украшаются [во время общественных плясок] тщательнейшим образом, и приготовление нарядов часто отнимает у мужчин по нескольку часов. Красители — изначально природные пигменты производства аборигенов, а в последнее время порошковые, европейского происхождения — наносят на лица в виде рисунков, стиль которых часто меняется. Бусы и раковины носят в ожерельях и подвязках из маленьких каури вокруг икр. Надевают пояса, сплетенные из лучших орхидей, и парадные повязки, которые становятся еще богаче от меха сумчатых, украшают их лентами, окрашенными в пурпур. Ягодицы покрывают множеством сложенных гармошкой листьев румбим, называемых «камп», и иными безделушками. Басл²⁶ из получаемых при торговле сухих листьев, шелестящих во время танцев, прикрепляют поверх листьев камп.

Наибольшее внимание уделяют головным уборам. Голову обычно окружают короной из орлиных и попугайских перьев. Перья прикрепляют к плетеной основе, которую часто прячут под повязками из меха сумчатых, повязками, сделанными из стеблей желтой орхидеи и зеленых жуков или фестонов из маленьких раковин каури. В центре головы размещают гибкую тростинку длиной в 2 или даже 3 фута, к которой крепят либо плюмаж из перьев, либо целое чучело птицы.

Успех мужчины в этом конкурсе имеет значение для его престижа, который, в свою очередь, повышает (или снижает) интерес к нему со стороны его группы.

26. От англ. *Bustle*: 1) переполох; 2) турнюр — так в Северной Америке называют часть танцевального облачения коренных американцев, одеваемого во время фестивалей пау-вау (корона из длинных перьев, крепится сзади на ягодицы).

Последовательность цикла церемоний у маринг описывают Раппапорт (Rappaport 1967: 133–242; 1971) и Пиплз (Peoples 1982). В самых общих чертах она выглядит так. Локальным популяциям маринг присуща враждебность, и периодически имеют место жестокие открытые войны. Когда по причине сокрушительного разгрома или множества смертей при отсутствии очевидного итога сражение решают прекратить, люди начинают готовиться к заключению перемирия, которое церемониально отмечается ритуалом высаживания особого растения румбим. Затем в течение периода продолжительностью от 5 до 20 лет, пока румбим не вырастет, войны невозможны. Кроме того, должно вырасти и поголовье свиней для кайко. Когда достигнут консенсус в том, что наступило время для начала церемонии, предназначенной для того, чтобы отблагодарить за помощь предков и союзников в прошлых сражениях, то первым делом высаживается изгородь, обозначающая территориальные границы локальных кланов или их кластеров. В случае если разгромленная группа не займет снова территорию и не посадит свой собственный румбим, то победившие кланы ставят изгородь так, чтобы включить новые земли; в противном случае изгородь будет определять ту же территорию, что существовала и перед войной. Затем румбим выкорчевывают, и происходит главная межгрупповая церемония, в ходе которой свиней, принадлежащих группе, забивают и съедают. Эта церемония завершает перемирие; нет институционального механизма, ограничивающего проявления враждебности, и поэтому локальные группы постоянно ожидают войны. Когда же они неизбежно начинаются, то союзники, которых находят через межличностные региональные сети, собираются, чтобы поддержать воюющие группы.

Как же понимать этот необычный цикл? Приведем три точки зрения на этот вопрос, принадлежащие Раппапорту, Лоумен и Пиплзу.

Раппапорт (Rappaport 1967, 1971), будучи культурным экологом, рассматривает церемонию кайко в качестве гомеостата²⁷,

27. *Гомеостат* (от *homoios* — подобный и *stasis* — состояние) — самоорганизующаяся система. Ключевая и наиболее оспариваемая метафора в концепции ритуала у Р. Раппапорта. Так, М. Салинз видел в ней редукцию культурной сущности института, характерную вообще для функционалистских построений в антропологии; необходимо учитывать, что у реального общества всегда имеется множество альтернативных культурных практик, служащих одной и той же цели, и т. д. Другие обращали внимание на то, что в основе раппапортской идеи лежало устаревшее представление о том, что существенными чертами всякой экосистемы должны быть стабильность и уравновешенность. На самом же деле маринг, сосуществуя с окружающей средой, то действительно пытались балансировать, то сознательно нарушали это равновесие.

или системного регулятора, который в отсутствие группового лидерства полезен группе тем, что регулирует распределение человеческой популяции, размер поголовья свиней и использование диких сумчатых и других видов животных. Цикл церемоний определяет те меры, которые группа предпринимает для выживания, знают об этом сами участники или нет.

С этим не согласна Лоумен (Lowman 1980). Она утверждает, что это не хитроумная модель регуляции, а скорее чередование периодов быстрого популяционного роста и коллапса, которое связано, с одной стороны, с успехом группы в войнах, в заключении браков и в переселениях, а с другой — с деградацией среды, которую невозможно остановить. Поддерживающий такую позицию Кларк (Clarke 1982) доказывает, что любое подобие регуляции или устойчивости у маринг представляет собой результат действия их простой технологии, рассчитанной на индивидуальное применение, а на более низких участках — и результат свирепствующей малярии (см. Lowman 1980).

Пиплз (Peoples 1982) представляет третий взгляд, заключающийся в том, что церемониализм имеет наибольшее значение для войн как средство получить и сохранить союзников. Пиплз задается вопросом, служит ли кайко выгоде групповой или личной, и заключает, что одно не противоречит другому и что для более полного понимания кайко их следует рассматривать вместе.

Хотя наша точка зрения и отличается несколько от позиции Пиплза, мы согласны с ним в том, что цикл церемоний выгоден как группе, так и отдельным индивидам. Групповая выгода представляется более очевидной. Церемонии — главный способ получить союзников или поддержку вне группы. Усложняя церемониал на Новой Гвинее, участники церемонии кайко получают конкурентную выгоду, позволяющую им развиваться за счет тех, кто не принимает в ней участия. Этот групповой отбор связан с конкурентным исключением в ходе войн и с «социальным уничтожением» групп, у которых недостаточно развиты организационные способности (Peoples 1982: 299).

Но, как представляется, в равной степени выгода очевидна и для отдельной личности, поскольку кроме выгод от социальных сетей, образующихся во время церемонии, в ходе церемониального цикла вербуются сторонники, от числа которых зависит успех в войнах. Таким образом, групповые и личные выгоды совпадают.

Кроме того, церемонии институционализируют локальную группу. Участие в церемониях определяет членство в группе и ее отношения с предками. Таким образом, церемония — это событие, которое формирует группу и устанавливает родственные

отношения среди ее членов посредством следования формальным процедурам. Когда мы говорим о социальных группах ма-ринг, то не следует забывать о церемонии кайко и общем культурном контексте.

Тсембага имеют общие черты и с более простыми обществами, стоящими на уровне семьи, и с важными институциональными усовершенствованиями, находящимися за пределами семейного уровня. Для большинства аспектов производства и потребления центральными остаются домохозяйства и их кластеры; но ухудшающиеся условия жизни порождают и два новых уровня интеграции: клан, состоящий из порядка 75 человек, и территориальное сообщество из нескольких сотен людей, объединяющее семьи далеких родственников и не состоящих в родстве членов группы в целях корпоративного владения и взаимной защиты. Эти институты поддерживаются с помощью впечатляющих церемоний, но при этом не имеют лидеров в современном смысле; так, в кланах тсембага отсутствуют признанные лидерские позиции, за исключением военных шаманов (Rappaport 1967)²⁸.

Интегрированные в ходе церемоний корпоративный клан и территориальная группа важны еще и потому, что знаменуют начало того, что Чайлд (Childe 1936) мог бы назвать неолитическим обществом. В чем заключается причина развития этих институтов? Люди создают культурный мир институтов (деревень или клановых территорий), используя групповые отношения, и наделяют его значениями в исторических повествованиях, составляющих содержание церемонии.

Наиболее разительные изменения в жизни тсембага по сравнению, скажем, с мачигенга выражаются в плотности населения и наличии войн. Согласно нашей теории, значительное увеличение плотности населения ведет к сдвигам в жизнеобеспечении в направлении земледелия, конкуренции из-за ограниченных ресурсов, затрудненности доступа к ним, групповой собственности на небольшие территории и распространения войн (см. Brown and Podolefsky 1976). Это и произошло у тсембага. Сейчас их пищевой рацион составляет почти исключительно вегетарианская пища, получаемая с помощью земледелия, окружающая среда практически полностью трансформирована группами людей. Земель не хватает, они четко разграничены, и кланы ревностно их защищают и ограничивают доступ к ним. Территориальная группа, состоящая из различных кланов, должна

28. В дальнейшем было показано, что влиянием на политику клана во время войн и церемоний, когда происходил забой свиней, обладал так называемый Мужчина Дух Предков.

ДЕРЕВНЯ И КЛАН

ТАБЛИЦА 7. Распределение времени у капанара (Папуа — Новая Гвинея), часов в день (12-часовой день, у женщин общее количество часов отличается вследствие округления)

Деятельность	Мужчины	Женщины
Производство пищи:	2,4	3,6
Охота	0,2	0,0
Рыбная ловля	0,0	0,0
Собирательство	0,2	0,3
Земледелие	1,8	3,1
Разведение скота	0,2	0,2
Приготовление пищи	0,8	1,5
Потребление пищи	0,4	0,4
Торговая деятельность:	1,6	1,3
Получение товарной части урожая	1,0	1,2
Наемный труд	0,6	0,1
Домашняя работа	0,2	0,1
Рукоделие	0,4	0,3
Социальная:	3,5	2,7
Уход за детьми	0,1	0,4
Общественные церемонии	0,4	0,2
Общественные развлечения	2,5	1,8
Образование/информация	0,5	0,3
Индивидуальная:	1,5	1,6
Гигиена	0,2	0,3
Ничего неделание	1,2	1,0
Болезнь	0,1	0,3
Иная	1,2	0,7
ВСЕГО	12,0	12,2

Источник: Grossman 1984.

насчитывать несколько сотен человек, чтобы защищать свои владения, но она владеет маленькой территорией (около мили от края до края) и окружена врагами. Такая маленькая площадь делает невозможным доступ к внутренним ресурсам, и поэтому необходимо торговать с другими группами. И постоянно присутствует угроза войны.

Институциональные усложнения в виде клана и территориальной группы кажутся логичным расширением политики исключения, необходимость которой неизбежно возникает из-за популяционного давления на ресурсы. Важные для тсембага церемонии помогают определить группы и связать их с другими для совместной защиты. Таким образом, доместикация людей, другими словами, их объединение в зависящие друг от друга социальные группы, и рост политической экономики тесно переплетены с конкуренцией, войнами и необходимостью групповой защиты для выживания индивидов.

Отличия от мачигенга в рассматриваемой нами группе настолько важны, что они непременно должны были найти отражение в том, как люди проводят время. И хотя данные о распределении времени у тсембага отсутствуют, недавние исследования капанара²⁹ — группы с похожей плотностью населения, живущей в высокогорьях, — позволяют допустить наличие определенных совпадений (Grossman 1984). Мы видим в таблице 7 некоторые важные отличия, по сравнению со способом использования времени у мачигенга (табл. 5). Как и ожидалось, капанара проводят намного меньше времени за охотой, рыболовством и собирательством, но в четыре раза больше, чем мачигенга, ухаживая за скотом (имеются в виду свиньи). Также в противоположность мачигенга женщины капанара выполняют куда больше земледельческой работы, чем мужчины, занятые общественной деятельностью, церемониальной и досуговой. В данном случае мы также видим значительные затраты времени на новые виды торговой деятельности (получение товарной части урожая и наемный труд), отражающие растущую в последние десятилетия коммерциализацию нагорий Новой Гвинеи. Когда Раппапорт занимался исследованием тсембага, производство на коммерческой основе, несомненно, было менее распространенным, чем сегодня, но какая-то часть времени, которая в наши дни занята торговыми предприятиями, тогда могла уходить на производство пищи (в том числе на уход за свиньями) для церемониальных целей (как противоположных жизнеобеспечивающим).

29. Капанара (Kapanara), или таирора (Taigora), живут в округах Каинанта и Обура, в окрестностях долины Айюра (провинция Восточное Нагорье); как и маринг, их язык относится к трансногвинейской языковой суперсемье; общее число говорящих на нем — 6000 чел. (2003). В отличие от маринг, капанара рано (с 1950-х) попали в зону распространения товарного земледелия — выращивания кофе арабика, который быстро превратился в главную экспортную статью Папуа — Новой Гвинеи, с чем связаны все изменения и успехи в экономическом развитии населяемой ими провинции.

И все же не нужно преувеличивать степень различий между мачигенга и тсембага. Как подчеркивала Лоумен (Lowman 1984), для общества маринг характерна более широкая региональная динамика: высокая институционализация тсембага с развитым церемониализмом типичны не для всех маринг, а только для тех, которые отличаются высокой плотностью населения и долго проживают на одной территории. Группы, заселившие пограничные районы, где плотность населения ниже и конкуренция менее интенсивна, организованы более простыми способами и имеют больше сходства с обществами семейного уровня. Они живут в селах, у них не обнаруживается сильных кланов и церемонии разработаны не так тщательно. Как и яномамо, маринг по своей организации располагаются вдоль континуума от организации на уровне семьи до локальной группы, в зависимости от доступности ресурсов, плотности населения и межгрупповой конкуренции.

Случай 8. Туркана Кении

Туркана — подвижные пастухи, которые разводят животных для потребления на уровне домохозяйства, — характеризуются сфокусированной на семье экономикой, ориентированной на удовлетворение индивидуальных потребностей, что нам уже знакомо по таким группам, как кунг и нганасаны. Сравнительно высокая плотность населения и значительные риски, связанные с засухой, болезнями и набегами, вынуждают их мобилизовать семьи и стойбищные группы и организовываться, объединяясь в соседства и региональные ассоциации, чтобы распределить вышеупомянутые риски и обеспечить защиту. Несмотря на свои постоянные перемещения, вызванные непредсказуемыми условиями окружающей среды, их локальные группы демонстрируют высокую степень структурированности и интеграции, не наблюдавшуюся прежде в обществах, находящихся на семейном уровне.

Окружающая среда и экономика

Туркана³⁰ являются мигрирующими пастухами, проживающими на востоке Рифтовой долины в Кении (Gulliver 1951, 1955, 1975). Северная часть их региона, о которой мы здесь говорим, отли-

30. Туркана (Turkana), или буме (Bume), живут к западу и югу от озера Туркана в округах Туркана, Самбуру, Транс-Нзоя, Лаикипия и Исиоло провинции Рифт-Вэлли (Кения); язык распадается на 2 диалекта (северный и южный) и относится

чается жарким и засушливым климатом; среднегодовое количество осадков составляет там от 6 до 15 дюймов, осадки выпадают неравномерно. Удачный для выпаса год бывает лишь раз в четыре или пять лет, а раз в десять лет жестокая засуха серьезно сокращает стада туркана. Осадки наиболее обильны в период с апреля по август, но и в любое другое время они могут внезапно выпасть в виде ливней, образующих на несколько дней лужи и небольшие ручьи, пока вода не испарится. Из-за того что состояние ресурсов в высшей степени непредсказуемо, нелегко охарактеризовать и адаптацию туркана. Для них «не существует ни „наилучшей области“, ни „наилучшей стратегии эксплуатации“», и их ответы на изменяющиеся обстоятельства тоже различаются (Dyson-Hudson 1989: 181).

Окружающая среда туркана варьируется от аридной (заросли колючек и луга) до выраженно аридной (карликовый кустарник с «невысоким потенциалом») (Patton 1981: 2). На севере региона, в горных областях и по берегам русел располагаются лучшие пастбищные земли, и начиная с середины засушливого времени года до его окончания в этих областях наблюдается тенденция к концентрации населения. Но обычно туркана предпочитают жить на открытых равнинах и перемещаются туда, как только дожди создают более благоприятные условия. Согласно Галливеру (Gulliver 1951: 44), принципом, непосредственно управляющим миграциями туркана, является то, что они «пасут скот или содержат его на подножном корме, которого обычно недостаточно и который надо использовать до того, как он закончится, чтобы извлечь максимум пользы из вегетации на всей территории». Как мы покажем, результатом этого являются частые перемещения индивидуальных участков³¹ и постоянные воссоединение и рассредоточение домохозяйств по мере того как меняются условия (см. Dyson-Hudson 1989: 169).

Галливер подсчитал, что в 1949 году население туркана составляло около 80 тыс. человек, рассредоточенных по территории более чем в 24 тыс. квадратных миль. Соответственно средняя плотность населения достигала 3,3 человека на квадратную милю, притом что на засушливых равнинах она составляла лишь около человека на квадратную милю, а в горах с более высоким уровнем влажности эта плотность была значи-

к нилотской ветви (вместе с масаи, самбуру, тесо, топоса и др.) нило-сахарской языковой семьи; общее число говорящих — 340 000 чел. (1994).

31. Здесь и дальше, вслед за Филипом П. Галливером (основной источник, используемый авторами) авторы употребляют амер. *homesteads*, которое у нас, применительно к истории США, обычно переводят как *гомстеды* (участки поселенцев).

тельно выше. Но на протяжении года она варьируется в одних и тех же местах, поскольку туркана легко приспосабливаются к постоянно меняющимся условиям и используют все предоставляемые возможности. В 1949 году Галливер наблюдал в горах временное «соседство»³² площадью в 20 квадратных миль, в котором проживало 400 человек (20 человек на квадратную милю), вместе с ними было 2000 голов крупного рогатого скота, 1200 верблюдов и 4000 овец и коз.

Большую часть года главной пищей туркана являются молоко и мясо. Основное поголовье составляют крупный рогатый скот, верблюды, овцы, козы и ослы; последние используются преимущественно как транспорт, остальные же важны в пищевом рационе. Крупный рогатый скот и овцы питаются травой, и, следовательно, их надо выпасать в наиболее орошаемых районах, как правило в горах. Напротив, верблюды и козы ошипывают молодые поросли колючек и могут находить пищу в засушливых местах, не пригодных для выпаса крупного рогатого скота; более того, верблюды могут обходиться без воды пять или более дней и могут пастись на землях, удаленных от воды, тогда как крупному рогатому скоту водопой требуется через день. Пастух учитывает эти различия, сложными способами разделяя свои стада по мере надобности, чтобы в конкретный момент максимально использовать возможные ресурсы.

Наступление более влажных или более засушливых периодов на протяжении одного года и от года к году происходит непредсказуемо. Скотоводу туркана необходимо умение оценивать условия и использовать стратегии развития. Во влажные периоды, когда животные содержатся на подножном корме, у людей много еды и обилие молока; излишки молока они могут запастись, проводя сепарацию и сохраняя масло и снятое молоко на шкурах, растянутых на солнце. В засушливые периоды животные теряют вес и молока не хватает. В это время женщины для пополнения рациона собирают дикую растительную пищу. Пастбище ограничивает размеры населения, а вода, в свою очередь, ограничивает размеры пастбища. Реки периодически пересыхают, и круглогодичных источников воды не хватает. На протяжении засушливых периодов воду можно добывать, копая колодцы, но в плохие годы водные скважины могут

32. В оригинале *neighborhoods*; так в Северной Америке называют неформальные территориальные образования внутри больших агломераций, в отличие от формальных (коммун, округов, графств и пр.). Очевидно, как и в предыдущем случае, этим термином Галливер подчеркивает, с одной стороны, территориальность социальной организации у туркана, а с другой — ее неформальный характер.

быть на большой глубине, и, как говорят туркана, «много женщин глубоко», поскольку женщины по цепочке передают из глубоких ям черпаки с водой.

Животные обеспечивают людей не только мясом и молоком, но и необходимыми материалами для обустройства жизни: выделанные кожи используются для подстилок во время сна, для покрытия крыш, для вместилищ, предназначенных для сушки, а также для щитов, сосудов, одежды, канатов и веревок. Женщины в основном заняты рукоделием и приготовлением пищи, а в редкие урожайные годы могут к тому же ухаживать за небольшими садами, занятыми под сорго³³ или просо в редких областях на равнине, вблизи от пастбищ. Обязанности по выпасу скота ложатся в основном на молодых мужчин, а старшие проводят большую часть времени, обсуждая в тени свои стада и состояние пастбищ.

В большей части Восточной Африки пастушество — единственный способ жизнеобеспечения в силу сравнительно высокой плотности населения и крайней неблагоприятности региона для земледелия. Пастушество характеризуется концентрацией жизнеобеспечения в подвижном имуществе, то есть семейных стадах. Поскольку стада туркана являются предметом зависти соседних групп, набеги представляют постоянную угрозу, и многие аспекты социальной организации туркана направлены на снижение или, по крайней мере, контроль этой угрозы.

В отличие от таких пастухов, как киргизы (случай 11) и басери (случай 14), у туркана нет прочных меновых связей с земледельческими популяциями. При внимательном исследовании пищевого рациона у четырех семей туркана на протяжении 16 месяцев обнаружилось, что они «получали 76% своей пищевой энергии от скота (мясо, молоко и кровь); 16% — посредством продажи или обмена скота на сахар, сорго и кукурузу; и остальные 8% — от диких животных и растений»³⁴ (Dyson-Hudson 1989: 169). Социальные сети служат здесь, прежде всего, для решения проблем, связанных с риском, а не для интеграции туркана в региональную экономику специализированных производителей.

33. Около 50 культурных и диких видов одно- и многолетних травянистых растений рода *Sorghum* из семейства мятликовых (злаков). Эта яровая культура отличается теплолюбивостью и засухоустойчивостью. Зерна перерабатывают на крупу, муку и крахмал, из соломы делают плетеные изделия, бумагу и веники. Родина сорго — Эфиопия и Судан (культивируется с 4–3 тыс. до н.э.) Однако сейчас лидером по его производству являются США — 9,84 млн т, второе место у Нигерии — 8,02 млн т (2005); выращивается также в России (Воронеж).

34. В последние десятилетия у них также было введено рыболовство (на озере Рудольф), которое прежде было табуировано. Нововведение быстро принесло свои результаты, существенно изменив образ жизни туркана.

Социальная организация

Основной производственной единицей является участок, или стойбище (ави), состоящее чаще всего из мужчины, его жен и детей и небольшого числа иных иждивенцев, с отдельной у каждой жены спальней хижинкой и помещением для приготовления пищи. Стойбище обычно окружает изгородь из зарослей колючек, внутрь которой на ночь загоняют принадлежащие семье стада, охраняя их от набегов. Днем мальчики и молодые мужчины выпасают стада, наблюдая за ними издали и в это же время добывая себе пищу из природных источников или забавляясь играми. Если пастбище далеко, то мальчики со своими стадами могут ночевать вне дома; они проводят довольно много времени одни, вдали от своих участков. Согласно Галливеру, в некоторых случаях мужчина, являющийся главой дома, назначает ответственными за различные части стада разных жен с их сыновьями. В таких случаях жены (вместе со своими детьми) большую часть года, а то и годы, живут отдельно друг от друга и от своего мужа, который навещает их по очереди.

Участки в высшей степени самодостаточны и автономны. Большую часть года население отдельного участка или небольшого села сознательно расходится, избегая конкуренции с другими туркана за пастбища и воду. Семьи могут собираться в короткое влажное время года, чтобы использовать быстро зеленеющие пастбища, и снова перемещаться к рекам и в горы, где водные ресурсы и пастбища надежнее, по мере того как усиливается засуха. Однако туркана считают себя жителями равнин; они описывают, какие горы холодные и трудные для ходьбы и что они кишат львами и леопардами, и поэтому люди с нетерпением ждут того времени, когда смогут вернуться на равнины. В удачные годы, когда на равнинах появляется много пастбищ и воды, когда плодоносят редкие сады, занятые под просо, население участков, месяцами или даже годами жившее раздельно, воссоединяется. Такие относительно многочисленные объединения (до 40 участков), возникающие в удачные годы, в определенных отношениях напоминают временные деревни. Там устраивается множество пиров, на которых люди обмениваются мясом и молоком и проводят основные церемонии.

Дайсон-Хадсон и Мак-Кейб (Dyson-Hudson and McCabe 1985: 79–80) описывают, как у туркана большое количество разнообразных решений индивидов приводят к образованию групп:

Родство, как агнатное, так и через брак, — важная основа для отношений кооперации. Однако, поскольку скот представляет собой

ресурс, который можно без труда поделить, а частые перемещения стойбищ и тот факт, что основные ави расщепляются на стойбища-спутники, допускают разрыв старых связей и установление новых, мужчины обладают великой свободой выбора жить с теми людьми, которые ему нравятся. Женщина также обладает некоторым выбором: она может жить со своим отцом, своим братом или с воспитанными ею сыновьями, как и со своим мужем. Текучесть и гибкость характеризуют [их] социальные сети.

Хотя у туркана не сильно выражена структурированность родственных групп, территорий и формализованной политической системы, они образуют и поддерживают широкие сети, которые представляют собой некое сообщество отдельных участков и играют важную роль в жизни туркана. Во-первых, группы, напоминающие села и состоящие из близких родственников и друзей, какую-то часть года живут и передвигаются вместе. Во-вторых, эти группы, расположившись на доступном расстоянии друг от друга, образуют кластеры, и внутри них мужчины часто встречаются, по очереди распределяют свежее мясо забитых животных и делятся информацией о поголовьях скота и пастбищах. Эти два уровня социальной организации (Галливер называет их первичными и вторичными соседствами) обеспечивают глав домов сетями из друзей, посредством которых организуются пищевые и информационные потоки, у друзей к тому же можно настойчиво выпрашивать что-нибудь (как и поступает «хороший туркана») (Gulliver 1951; Patton 1982), и они кооперируются для защиты от набегов. И хотя семьи свободны перемещаться по своему желанию, на практике возникает тенденция к тому, что они делают это вместе со своими соседями и на новых местах оседают поближе друг от друга.

Обмениваясь скотом, туркана образуют и поддерживают узы крепкой дружбы даже на расстоянии. Настоящие друзья щедры по отношению друг к другу, даже если они встречаются раз в год или реже. Друзья, находящиеся на расстоянии, помогают распределять риски: даже если поголовье скота в каком-то отдельном районе подвергается децимации вследствие природного бедствия, у каждого участка имеются разбросанные по землям туркана друзья, к которым можно обратиться, чтобы пополнить свои стада пищей и скотом. Воссоединения, спорадически происходящие на равнинах во влажное время года, предоставляют участкам, соседствам и даже удаленным друг от друга друзьям возможность укрепить свои социальные сети. Во время таких воссоединений браки и церемонии пере-

хода в очередную возрастную группу³⁵ консолидируют уже существующие связи и создают новые.

Важность социальных связей для успешного управления стадами иллюстрирует Дайсон-Хадсон (Dyson-Hudson 1989: 187):

Между июлем 1979 года и февралем 1981-го — периодом усиливающейся засухи — Ангор (владелец стада с пятью подростками братьями, на которых он мог опираться) разделил свой скот на шесть частей, с отдельными стойбищами-спутниками для слабого и сильного не дойного мелкого рогатого скота, а также для всего крупного рогатого скота и для не дойных верблюдов. Напротив, Лори, у которого в его ави находился только один (ненадежный) брат, обладал единственным стойбищем-спутником для не дойных верблюдов и, выпасая свой крупный рогатый скот, зависел от агната, живущего на удалении. Ангор успешно управлялся со стадами, имея вначале небольшое поголовье, умело превращенное им в крупное владение, тогда как изначально большое стадо Лори пришло в упадок и к 1983 году настолько сократилось, что такое малое число животных не могло уже прокормить его семью. Однако неудачи Лори во время засухи при разделе скота по стойбищам-спутникам, вероятно, свидетельствовали скорее о его плохих способностях к управлению (в том, что он не смог установить надежного партнерства, которое помогло бы при выпасе), чем о других причинах его катастрофических потерь в течение изучаемого периода.

В прошлом протяженные сети, несомненно, являлись также ответом на войны и потребности в защите. Набеги на другие племена были для всех нормальным способом пополнения стад, и посредством сетей туркана могли участвовать в дележе добычи совершающих набеги отрядов или искать помощи в защите от врагов. И после установления мира, в то время когда Галливер проводил свои исследования, мужчины брали в дорогу копыя, а совсем недавно набеги и разбой стали снова распространяться (Dyson-Hudson 1989: 179–180; Dyson-Hudson and McCabe 1985).

Основным связующим звеном социальной организации туркана являются обмены скотом. Стадами нуклеарной семьи владеет и управляет отец; и, хотя каждодневный уход за ними ложится на женщин и мальчиков, пасущих стада в окрестной местности, возникает впечатление, что семье присуще некое внутреннее единство³⁶. Некоторые села являются остатками прежних расширенных семей, старшие мужчины в которых умерли: в таких случаях братья и свояки продолжают жить рядом, а поскольку их стадами прежде владел один человек, то мужчины

35. Англ. *age-set ceremonies* — букв. церемонии установления возраста.

36. Более того, в своих устных текстах туркана часто называют себя народом серого быка (зебу).

продолжают чувствовать себя членами одной семьи. Кроме того, как мы видели, часто в село включены и друзья.

Индивиды укрепляют свои сетевые связи с помощью даров и займов скота. Туркана привязаны к своему скоту: они дают имя каждому животному и знают имена не только своих, но и тех животных, которые принадлежат соседям. Дары или займы скота между друзьями — акты настолько личные и символические, что о них не забывают; они закладывают основу для будущих обменов. Заем также помогает распределять риски путем размещения каких-то животных из семейного стада в других микроэкологических зонах и передавать их под управление поголовьем, осуществляемое в ином стиле.

Насколько глубока социальная организация у туркана? С одной стороны, имеются черты, указывающие на «племенную» интеграцию. Туркана говорят, что «мы все братья», и уважают такую племенную идентичность, редко совершая набеги или используя копыя друг против друга (исключение составляют разбойники — игороко). Они знают и признают «территориальные» названия своих районов. Кроме того, они входят в кланы, иногда маленькие и локализованные в определенной местности, а иногда занимающие широкие пространства на территории туркана. Представляется очевидным, что в прежние времена туркана в целом могли выставлять тысячи воинов против врагов.

При этом, как правило, туркана не считают себя племенем. У них отсутствуют как племенные, территориальные или клановые предводители, так и корпоративные группы и генеалогический счет дальше родства на уровне дедов. Они в высшей степени индивидуалистичны и имеют тенденцию мигрировать внутри очерченных областей; и даже тесно связанные расширенные семьи часто разделяются на время в силу конкретных потребностей. Великое множество факторов влияет на миграцию и определяет сложное передвижение семейных единиц внутри и вне более крупных сообществ, а именно: доступность пастбищ, необходимость смешивать скот, количество трудовой силы, имеющейся в распоряжении у семьи, передвижение и размещение родственников и угроза набегов (Gulliver 1975).

Можно увидеть, как социальная структура туркана находит свое выражение в правилах, хоть и не очень строгих, касающихся общего уважения, территориальности, кланов, принадлежности к возрастной группе³⁷ и выкупов за невесту, то есть таких,

37. Англ. *age-sets* — букв. установление возраста.

которые обеспечивают определенные возможности каждому отдельному участку у туркана. Поскольку из-за в высшей мере непредсказуемой окружающей среды в любой момент может произойти серьезное сокращение поголовий скота, то автономия семьи является скорее идеалом культурного устройства, не работающим, однако, на практике, а главенствующими становятся надсемейные узы. Из всех возможных уз родства, брака, дружбы и соседства туркана выбирают лишь некоторые, чтобы в дальнейшем развить их и усилить посредством обменов скотом и сезонных пиршеств. Таким образом, население участка остается свободным в использовании постоянно меняющихся ресурсов и продолжает сохранять протяженные социальные сети, которые оно может активизировать во время возникновения угроз и отсутствия безопасности.

Выводы

Здесь следует вкратце рассмотреть, как выглядит образование институтов на уровне деревни с учетом главных эволюционных процессов интенсификации, интеграции и расслоения.

Интенсификация экономики жизнеобеспечения является характерной для тех четырех случаев, которые обсуждались в разделах 6 и 7. Высокое давление населения на пищевые ресурсы является причиной важных изменений как в пищевом рационе, так и в объеме труда, необходимого для обеспечения потребности в пище. В областях, где почвы пригодны под возделывание, несомненно, господствует подсечно-огневое земледелие. Давление населения на землю полнее задокументировано в случае яномамо, но еще сильнее оно выражено у маринг, где плотность населения составляет до 80 человек на квадратную милю. Маринг по существу преобразовали всю окружающую среду, следуя установленному ими циклу земледельческих работ; теперь пищевые продукты из природных источников имеют второстепенное значение, составляя менее 1% от общей массы пищевого рациона. Белок мясного происхождения поставляют по большей части домашние свиньи, а не убитые на охоте животные, которых добывают лишь при значительных трудовых затратах.

Но в областях, неблагоприятных для земледелия, специфические условия окружающей среды предлагают разные пути интенсификации. В засушливой восточноафриканской саванне туркана сочетают смешанное пастушество с нерегулярным земледелием. Эскимосы Крайнего Севера могут рассчитывать на добычу китов, что хоть и является высокопроизводительным ресурсом, но в то же время носит сезонный характер, к тому же

требуется создание запасов. Следовательно, интенсификация экономики жизнеобеспечения может принимать различные формы, включая возрастающую зависимость от земледелия, экстенсивное управление поголовьем скота и специализированную охоту. Различные условия окружающей среды и исторические процессы способствуют созданию особых путей интенсификации, а разные стратегии жизнеобеспечения порождают специфические проблемы и институциональные средства для их разрешения. Следствием этих контрастов, лежащих в основе экономики жизнеобеспечения, и является многолинейная эволюция — независимое развитие параллельных форм усложнения.

Интеграция влечет за собой развитие надсемейных структур, которые связывают семьи с корпоративными группами (кланами и линиджами), организуют корпоративные группы в объединения с местом постоянного проживания, таким как деревни, и связывают локальные группы в протяженные сети на основе взаимообменов и поддержки между индивидами. Существенной чертой таких, более высоких, уровней интеграции является взаимное доверие, особенно характерное для церемоний, во время которых определяются как сами группы, так и связи между ними. Другой важной чертой, хоть и не такой заметной, является соперничество за статус и групповое лидерство, которое осуществляется предводителем, ответственным за выполнение церемониальных и экономических задач.

Как вместе с церемониализмом и лидерством развиваются формы надсемейной организации? Ответ определяется спецификой самого семейного уровня. В разделах, посвященных организации уровня семьи, мы описали основные различия в межсемейных отношениях в зависимости от применяемых стратегий жизнеобеспечения. У собирателей пищи ресурсы, как правило, предсказуемы, и получение их в значительной мере зависит от индивидов; а из-за того, что межсемейные отношения носят в основном конкурентный характер, население в целом рассредоточено, и люди собираются вместе только периодически — в случае неожиданной удачи при добывании растений или дичи и ее дележа. У охотников, напротив, ресурсы непредсказуемы, и для их получения семьи должны кооперироваться; соответственно, образуются группы на уровне стойбища, и семьи поддерживают сетевые связи в виде обмена с другими стойбищами.

Эти различия между основными способами жизнеобеспечения характеризуют и общества на уровне локальной группы. Универсального объяснения этому нет: возможно, на различные потребности в интеграции и на механизмы интеграции

влияют разные условия интенсификации. Основной причиной организационного усложнения в сельскохозяйственных группах является, как представляется, потребность в защите. Относительно высокая плотность населения у яномамо и у тсембага ведет к конкуренции локальных популяций за контроль над ресурсами производства, такими как более плодородные земли и лучшие территория для добывания. Образование корпоративной группы, тери или клана, делает возможным оградить земли, принадлежащие группе, от возможных нападений и регулировать их использование членами клана; преобразование же кланов в территориальную группу во время церемонии создает возможности для защиты территории от групп соседей.

Представляется, что в сельскохозяйственных популяциях экономические причины играют менее важную роль при образовании группы. На уровне организационной сложности, соответствующем локальной группе, сельскохозяйственная технология проста и не требует от группы кооперации. У яномамо нехватка или переизбыток плантена и плодов персиковой пальмы в разные сезоны приводит к соглашениям между группами. Но даже в их случае риски невысоки, и экономическая функция тери представляется вторичной по сравнению с функцией защиты. В ходе выстраивания институциональным способом союзов для обороны они пришли к таким видам экономической деятельности, как обмен предметами потребления, и теперь используют их для укрепления и без того важных отношений.

В экономиках охотников и рыболовов более заметно, как экономические причины способствуют образованию групп и региональных сетевых отношений. Эскимосам для охоты на китов необходима организация в виде деревень, равно как им необходимы сетевые отношения внутри деревни и за ее пределами из-за непредсказуемого характера пищевых запасов. Промежуточные условия существуют у пастухов, таких как туркана. Стада животных подвижны и легко могут быть украдены во время набегов. В то же время поголовье, которым под силу управлять одной семье, малочисленно, животные болеют и гибнут по другим причинам. Решающим фактором является риск. В результате рассеянное по региону сообщество туркана обеспечивает механизмы как для защиты, так и для управления рисками. Характер организации у локальной группы зависит от специфических проблем интенсификации, а значение местных лидеров может быть различным.

С расслоением появляется дифференциальное управление производительными ресурсами, но его наличие на уровне локальной группы не подтверждается достаточным количеством

свидетельств. Можно утверждать, что индивиды приобретают и используют свои собственные ресурсы. Отсутствует связь лидерства с контролем над экономикой, за исключением случаев экономической кооперации, когда предводитель контролирует необходимую технологию, как, например, при китовой охоте у эскимосов, и непосредственного участия в войнах, когда предводитель координирует нападение и защиту (включая их экономические аспекты).

Внутри более сложной социальной организации этих обществ, в отличие от обществ семейного уровня, несомненно, содержатся важные элементы статусного соперничества. Чтобы обрести известность и признание своего статуса, индивиды соревнуются друг с другом во время демонстраций и игр, которые мы находим во всех этих обществах, в особенности в групповых танцах во время церемонии кайко у тсембага и в песенных состязаниях у эскимосов. Такая конкуренция, как мы убедились, имеет важные экономические последствия, поскольку она вносит свой вклад в успех индивида в формирующихся сетевых связях. И в сочетании с экономическими и политическими факторами, лежащими в ее основе, она предвещает развитие конкурентного лидерства, которое мы опишем в следующем разделе.

8. Корпоративная группа и форма коллективной организации во главе с бигменами

ЗДЕСЬ мы рассмотрим факторы, в силу которых экономически сильные бигмены стали играть более важную роль, чем производители, ориентированные на жизнеобеспечение. Бигмен — местный лидер, принимающий решения в локальной группе и представляющий ее во время главных межгрупповых церемоний. Для обсуждения были взяты выбирающиеся на время бигмены горной Новой Гвинеи и несколько более институционализовавшиеся «вожди» у киргизов Афганистана и рыболовов-индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. По показателям социального, политического и экономического поведения эти системы весьма сходны, хотя и по-разному структурированы.

Ранее появление бигменов объясняли перепроизводством пищевых продуктов; подтверждением этого служила конкуренция бигменов во время пиршеств (Hayden 1995). Но даже если для поддержания деятельности бигменов излишки пищи необходимы, остается непонятным, почему их производство становится приоритетным и люди соглашаются тратить свое свободное время на их производство. Другими словами, почему люди не отказываются принимать на себя бремя содержания бигменов, включая затратные пиршества и публичные демонстрации богатства и статусов?

Следует сказать, что бигмены управляют экономикой и за пределами своей локальной группы. Они привлекательны как союзники и партнеры по обмену, они организуют и направляют межгрупповые церемонии, сопровождающиеся скоординированными подношениями щедрых даров, имеющими решающее значение для престижа группы. Они организуют внешнюю торговлю и могут являться очень умелыми торговцами. Таким образом, бигмен действует как представитель группы, вступая в связь с другими бигменами, чтобы организовать политические и экономические отношения внутри свободной ассоциации сообществ, известной нам как межгрупповая форма коллективности.

Тот факт, что бигмен принимает решения от имени группы, неизбежно приводит к определенной потере его сторонниками автономии, свойственной семейному уровню. Несмотря на то что бигмен должен благодарить своих сторонников, чтобы сохранять привлекательность для членов группы и не потерять их поддержку, он обладает силой и властью, ограничивающей их выбор посредством доминирующей системы производства и распределения.

Мы продолжим рассматривать различающиеся линии эволюционных изменений, соответствующие разным факторам, лежащим в основе интенсификации экономики жизнеобеспечения, на примере следующих трех этнографических случаев: индейцы Северо-Западного побережья (охотники и собиратели), центральные энга горной Новой Гвинеи (садоводы) и киргизы Афганистана (пастухи). Все эти случаи подтверждают, что для развития сильного лидерства важную роль играют внешние отношения; но в каждом из них обнаруживаются специфические комбинации значения войн, торговли и дипломатии. Как было показано в разделах 6 и 7, в обществе садоводов (центральные энга) лидерство построено на необходимости защиты, имеющей исключительную важность, тогда как среди групп Северо-Западного побережья (где экономика жизнеобеспечения зависит от наличия рыбных и животных ресурсов) и киргизов, ориентированных на торговлю, большее значение приобретают экономические вопросы.

Случай 9. Индейцы-рыболовы Северо-Западного побережья

Коренное население Северо-Западного побережья Северной Америки¹ представляет огромный интерес для западного наблюдателя. Исследователей привлекают не только их произведения искусства, детально разработанная технология, неожиданно высокая степень развития и сложность политической жизни,

1. Северо-Западное побережье (Northwest Coast) — культурный ареал в штате Аляска (юг), канадской провинции Британская Колумбия и штатов Вашингтон и Орегон. Объединяет (с севера на юг) тлинкитов (Tlingit), хайда (Haida), гитксан (Gitksan), цимшиан (Tsimshian), кваквяк'авакв (Kwakwaka'wakw, прежде именовались квакиутль), нуучалт (Nuuchahlth, прежде — нутка), сэлишей (Salish) и др. Почти все языки изолированные, исключая сэлишские — многочисленную языковую семью, известную и за пределами данного ареала. Нишга, гитксан и цимшиан объединяют в группу цимшиан; хайсла, кваквала (язык кваквяк'авакв), нутка и другие — в вакашскую. Существуют также попытки причисления языка тлинкит к филена-дене.

но в первую очередь их кажущаяся капиталистической экономика, основанная на конкуренции и предпринимательстве. То, что эти параллели с современным обществом удалось обнаружить у охотников и собирателей, применяющих технологию каменного века, привело многих наблюдателей к вопросу, применима ли вообще к экономической организации на Северо-Западном побережье эволюционная теория.

В этой части мы попытаемся объяснить, каким образом возникла эта уникальная экономическая система, показав, как на Северо-Западном побережье соотносятся между собой окружающая среда, технология, социальная организация производства и политическая экономика.

Окружающая среда и экономика

Большинство наблюдателей согласны в том, что окружающая среда способна обеспечить безбедное существование популяциям охотников и собирателей Северо-Западного побережья (Drucker and Heizer 1967). Земли на побережье значительно продуктивнее, чем во внутренних районах, поэтому плотность населения здесь выше, а размеры деревень больше. Во всем регионе от полуострова Олимпик до Южной Аляски наблюдается сходная модель добывания пищи, хотя существуют локальные вариации в наличии определенных пищевых продуктов. Сообщества побережья сфокусированы на использовании ресурсов, сосредоточенных в море и устьях рек. Их основной добычей являются одиннадцать видов морских рыб, включая палтуса, треску, сельдь и камбалу; морские млекопитающие, включая морских выдр, морских львов, морских свиней², а иногда

2. Тихоокеанский (белокорый) палтус (*Hippoglossus stenolepis*) — очень крупная рыба вида камбаловых (но вдвое мельче своих атлантических сородичей; достигает в длину 2,6 м); имеет важное промысловое значение. В этом регионе англ. *cod* — треска — обозначает, как минимум, четыре вида рыб, самостоятельных с точки зрения систематики: тихоокеанская треска (*Gadus macrocephalus*), тихоокеанский томкод (*Microgadus proximus*), тихоокеанская мерлуза, или хек (*Merluccius productus*), и минтай (*Theragra chalcogramma*). Восточная, или малопозвонковая, сельдь (*Clupea pallasii*) до 50 см длиной, крайне многочисленная, заходит на нерест в реки Америки и Сибири. Камбала — множество видов рыб из подсемейства Камбалоподобных (*Pleuronectinae*), объединяющихся в 28 родов, обитающих в Тихом океане. Морская выдра, иначе калан, или морской бобр (*Enhydra lutris*), — хищное морское млекопитающее, родственник выдр. Из-за своего ценнейшего меха к XX веку был почти истреблен. Северный морской лев, или сивуч (*Eumetopias jubatus*), — крупнейший представитель семейства ушастых тюленей размером до 3,5 м и массой до 1 т. Морская свинья — в данном случае 2 вида китообразных: обыкновенная морская свинья (*Phocoena phocoena*) и белокрылая морская свинья (*Phocoenoides dalli*). Морские свиньи мельче настоящих дельфинов.

и китов³; птицы — водоплавающие и береговые; мидии, моллюски и ракообразные; морские водоросли и иные растения.

Сходное разнообразие обнаруживается и во внутренних районах. Основным источником пищи здесь являются лосось и рыба-свеча⁴, нерестящиеся в определенное время года. Хотя плотность (биомасса) дичи низка, но ее разнообразие создает рай для охотника (Oberг 1973: 8). На белохвостого оленя, горную козу, медведя, лося, толсторога⁵, карибу (на севере) и прочие виды животных охотятся из-за меха и мяса; в некоторые сезоны отстреливают уток и других водоплавающих; кроме того, доступен широкий ассортимент ягод, корней и иных съедобных растений.

Благодаря необычайной продуктивности природной экосистемы, на Северо-Западном побережье плотность населения достигает от одного до двух человек на квадратную милю, а в отдельных местах и того больше, что является самым высоким показателем среди всех известных этнографам народов охотников и собирателей (археологически задокументированные калуса⁶ Флориды могли обладать плотностью населения еще в несколько раз выше [Marquardt 1992]). Хотя можно ожидать при

3. На китов охотятся редко, исключая нутка. Выброшенный на берег кит — большая удача и повод для пиршества. — *Примеч. авт.*

4. Под «лососем» подразумеваются так называемые тихоокеанские, или дальневосточные, лососи (*Oncorhynchus*), а именно чавыча (*O. tshawytscha*), нерка (*O. nerka*), кижуч (*O. kisutch*), кета (*O. keta*) и горбуша (*O. gorbuscha*). Все они заходят на нерест также в азиатские реки и являются ценными промысловыми рыбами. К лососеобразным относится и американская разновидность корюшки *талейт*, или *рыба-свеча* (*Thaleichthys pacificus*). В Англии этим же самым термином (*candlefish*) называют угольную рыбу (*Anoplopoma fimbria*), которая ничего общего не имеет с лососевыми, однако север Тихого океана также входит в ее ареал (в Америке это *sablefish* — рыба-сабля).

5. Белохвостый, или виргинский, олень (*Odocoileus virginianus*) — самый обычный из оленевых вид в Северной Америке, намного крупнее чернхвостого, о котором упоминалось в разделе 3. Горная коза в отечественной литературе известна как *снежная коза* (*Oreamnos americanus*) — парнокопытное животное семейства полорогих, североамериканский эндемик. Из ее шерсти на Северо-Западном побережье ткали накидки. См. также примечание 90.

6. Калуса (*Calusa*) проживали на юго-западе Флориды, когда в начале XVI века с ними столкнулись испанцы, и исчезли к 1750 году вследствие войн, работорговли и эпидемий. Так что они известны нам и по археологическим, и по этноисторическим источникам. Их экономика действительно зависела от добывания морепродуктов, хотя они, вероятно, и начали культивировать сквош, папайю и табак. Уильям Марквардт, на которого ссылаются авторы, приходит к выводу, что к колониальному времени калуса при численности около 10 000 чел. достигли уровня сложного вожества или даже слабого даннического государства. В разделе 9 этой книги описываются как редкий пример добывающей экономики, на базе которой развились региональные политии, интегрировавшиеся через церемонии.

такой высокой плотности населения давления на природные ресурсы, нет доказательств того, что народы Северо-Западного побережья сколько-нибудь значительно испытывают нехватку пищи (Codere 1950; Driver 1969; Drucker and Heizer 1967).

Однако заслуживают внимания факты, говорящие о том, что население тем не менее ожидает и боится нехватки пищи, прилагая серьезные усилия, чтобы ее избежать. Во-первых, в народных сказках рассказывается, что в прошлом люди страдали от голода (например, Voas 1910: 139; *People of Ksan* 1980: 13). А во-вторых, население всегда запасалось громадным количеством еды на зиму, чтобы пережить возможный голод. Известно также, что в разные годы запасы природных пищевых продуктов в регионе сильно варьируются. Так же, как эскимосы и нганасаны, никогда не знающие, сколько карибу пройдет своим привычным маршрутом, население Северо-Западного побережья не может быть уверено в численности лосося, который в один год может быть в изобилии, а на другой почти отсутствовать по причинам, совершенно не зависящим от рыбаков (Donald and Mitchell 1975, 1994). Наконец, некоторые группы, такие как квакиутль (Voas 1966: 17), усиленно трудятся над тем, чтобы интенсифицировать производительность ресурсов, используемых в собирательстве, например, расчищая участки, где они собирают такие виды съедобных растений, как клевер и лапчатка⁷, либо выжигая ягодные места и пастбища для повышения их урожайности.

Эти факты говорят о том, что значительные излишки приходятся, по-видимому, лишь на некоторые сезоны и урожайные годы. В течение зимних месяцев в этом регионе со сравнительно большим населением нарастает угроза нехватки и даже голода.

Несмотря на размер и сложную организацию своих обществ, на Северо-Западном побережье индивиды большую часть года добывают пищу небольшими семейными группами. Годичный цикл зависит от локальных условий (береговая зона, удаленные от берега районы, территория около большой реки или около маленькой и т. п.) и выглядит следующим образом.

В марте и апреле люди из отдельных локальных групп собираются вместе на нерест рыбы-свечи. Рыба-свеча отличается высоким содержанием жира: говорят, что можно вставить фитиль

7. Местная разновидность клевера, так называемый *коровий клевер* (*Trifolium involucratum* или *T. wormskioldii*) со съедобным корнем. *Лапчатка* — речь идет о травянистом растении с мелкими желтыми цветками, *лапчатке тихоокеанской*, научная систематика которой не вполне определилась (*Potentilla pacifica* или *Argentina pacifica*). В пищу использовался также корень.

в сушеную рыбу-свечу, поджечь его и использовать как свечку. Миллионы рыб-свечей ранней весной идут на нерест, и люди напряженно трудятся, чтобы поймать их и вытопить жир, который затем хранится для домашнего потребления и торговли. Жир является ценным консервантом, добавкой к сухим продуктам и основным источником энергии, в котором нуждаются, чтобы сохранять зимой тепло. Этот не портящийся продукт играет такую важную роль в политической экономике, что его привлекательность для людей «сродни тому, как их манит золото» (*People of Ksan* 1980: 89).

Поздней весной и летом люди рассредоточиваются по семейным и стойбищным группам, как нунамюты и шошоны, чтобы охотиться, ловить рыбу и собирать корни и зелень. Береговые группы собирают ракообразных и морские водоросли на берегу, охотятся на морских млекопитающих на небольших каноэ в прибрежных водах и у островов. Период этот описывают, как один из самых беззаботных и изобильных.

В августе и сентябре производственный ритм ускоряется по мере того, как созревают ягоды и начинает нереститься лосось. Ягоды собирают в больших количествах, тщательно высушивают на превосходно сделанных распорках и упаковывают в большие коробки, иногда покрывая их жиром, чтобы сохранить на зиму. Во время нереста лосося, как и рыбы-свечи, требуется вложение тяжелого труда, чтобы выловить и законсервировать рыбу. В обоих случаях в удачные годы затраченные усилия щедро вознаграждаются; и в результате, чем больше вложено труда, тем больший получен урожай.

По окончании этого периода люди воссоединяются в зимних деревнях, где проводят зиму, изготавливая и чиня лодки, орудия труда, одежду и т.п. Иногда организуются охотничьи экспедиции, но в основном люди живут запасами пищи. Это период социализации и церемониальной активности. Ранней весной люди устают от заготовленной пищи, которая начинает портиться и терять вкус. Они готовы уйти из зимних деревень и вернуться к добычанию на семейном уровне.

Индейцы Северо-Западного побережья — мастера в обработке древесины. Они сооружают большие и прочные дома, маленькие и большие каноэ и ловушки для рыбы, иногда настолько большие, что для установки основных подпорок используются деревянные «свайные копры». Кроме того, они сооружают копильни и сараи, оборудованные сушильными рамами и столами. Экономически важны и большие кораба, изготавливаемые из тщательно обтесанных и крепко связанных кедровых досок. Они водонепроницаемы и могут использоваться либо для вар-

ки (тогда их заполняют водой и кладут туда раскаленные камни из костра), либо для хранения жира, ягод, лепешек из морских водорослей или другой пищи.

В копильнях и земляных погребках, покрытых деревом и дерном, можно хранить большое количество пищи (*People of Ksan* 1980; Stewart 1977: 145). Домохозяйства, ведущие зимой оседлый образ жизни, должны запастись ягодами, жиром, сушеной и копченой рыбой и дичью, а также шкурами, костью и рогами, которые используются в рукоделии. Таким путем некоторые домохозяйства сколачивают крепкое состояние, выражающееся и в капитале, и в потребительских товарах. Эта способность к накоплению богатств и растущие имущественные различия позволяют отнести общества Северо-Западного побережья к ряду самых сложных из числа известных нам среди охотников и собирателей (Arnold 1996a). Важное значение хранения для этой экономики и является, очевидно, предпосылкой к развитию на Северо-Западном побережье социальной дифференциации (см. Suttles 1968).

Разумеется, накапливаемые богатства и высокопродуктивные места рыбной ловли становились объектом набегов; и войны, иногда ожесточенные, действительно имели место. Согласно Барнетту (Barnett 1968: 104), «квакиутль говорят, что они сражались оружием до того, как пришел белый человек, а сейчас сражаются собственностью. Это последствие того, что в их войны, захваты рабов и охоту за головами вмешались белые люди».

По-видимому, войны были на Северо-Западном побережье в конце XVIII века, в то время, когда устанавливались первые важные контакты с белыми людьми. В ходу были защищавшие тело доспехи в виде тяжелых кожаных плащей или «кольчуг» из деревянных пластин, скрепленных сухожилиями; хорошо развита была технология изготовления боевых топоров и дубин⁸ (Gunther 1972: passim). Судя по всему, «настоящие войны с целью вытеснить или истребить чужой линидж или семью, чтобы завладеть их землями и вещами, представляли собой практику, которая прочно утвердилась на севере» (Drucker 1955: 136). Войны могли принимать форму набегов с целью захвата добычи и рабов, но за многими из них стояла конкуренция за ресурсы. По словам Друкера (Drucker 1965: 75), «заслуживает внимания

8. Полное облачение и вооружение воина состояло из деревянного шлема с забралом, плаща с накладными деревянными пластинами, боевого кинжала (меча), короткого дротика, боевой дубины и лука со стрелами. В контактный период начали появляться и настоящие кольчуги — из нанизанных китайских монет, которые приобретали именно с этой целью.

свидетельство о том, что в доисторические времена побережье вмещало максимально возможное население, особенно в северной половине ареала. То есть богатые природные пищевые ресурсы полностью вырабатывались внутри границ действия технологии, имеющейся у коренного населения. Традиции несут информацию о группах, вытесняемых из своих домов и со своих земель, и о трудностях, которые те переносили, прежде чем обретали новые дома».

Группы, не способные выстоять перед натиском врагов, были обречены на тяжелое существование. Друкер (Drucker 1965: 81) описывает, как члены одной из них, зажатой и «перемолотой в мелкие частицы» двумя могущественными соседями, бродили малыми группками и питались сырой едой из боязни, что их костры могут привлечь внимание военных отрядов. «Враги хотели истребить этих людей, чтобы завладеть их обильными участками для рыбной ловли и охоты». В то же время локальные популяции с их ресурсами, обладавшими специфическими возможностями, были связаны тщательно продуманной меновой системой. Как и у эскимосов (случай б), особенно важны были протяженные торговые связи между береговыми и внутренними группами.

Итак, мы видим, что жизнь популяций индейцев Северо-Западного побережья характеризуется комплексом необычных проблем, связанных с их интенсивной экономикой, основанной на охоте, собирательстве и рыбной ловле. Природная окружающая среда отличается изобилием, но подвержена непредсказуемым колебаниям. В отдельных районах ресурсы обильны, а в других сравнительно скудны. Следовательно, в экономике индейцев Северо-Западного побережья важнейшим оказалось поразительное сочетание трех основных факторов: организованной на высоком уровне рыбной ловли и технологии хранения, периодических жестоких войн и нарастающего значения торговли. Рассмотрим далее их столь же уникальную социальную организацию.

Социальная организация

В обществах Северо-Западного побережья можно выделить пять уровней, или единиц, социальной организации: семья, домашняя группа, линидж, деревня и организация за пределами деревни, то есть «межгрупповая форма коллективности» (Newman 1957). Семья и домашняя группа фокусируются на жизнеобеспечении; домашняя группа образуется и распадается на протяжении годового цикла, в зависимости от перспектив в развитии

жизнеобеспечения. Линидж, деревня и межгрупповая форма коллективности, напротив, сосредоточены на политической экономике, и в фокусе их внимания находятся капиталовложения, церемонии, обмен и войны.

Семья является первичной экономической единицей, которая в летний период добывания действует самостоятельно. Основные орудия труда, одежда, пища и ремесленные изделия производятся и используются индивидуально, при этом более крупные группы не задействованы. Большую часть года семьи организованы в «домашние группы», насчитывающие в среднем от семи (Rosman and Rubel 1971: 130) до двадцати пяти человек (Donald and Mitchell 1975: 333), то есть размером семейного села, о которых говорилось в части I. Домашние группы используют ресурсы в складчину и часто питаются из общего котла.

Домашняя группа не основывается на линейном счете родства; к тому же родство прослеживают билатерально, хоть часто и на основе либо патрилинейности, либо матрилинейности⁹, и оно определяет членство в группе. Главой или вождем домашней группы обычно считают старейшего мужчину; тем не менее социальный ранг его необязательно выше, чем у других взрослых мужчин внутри более крупной единицы, сфокусированной на политической экономике. Он и его ближайшие родственники составляют постоянное ядро семейной группы, в которую входят индивиды, не состоящие с ними в близком родстве, вливающиеся в группу и выходящие из нее в зависимости от колебаний в доступности местных ресурсов и потребностей в труде. Эта модель на уровне домохозяйства в обществах Северо-Западного побережья заметно отличается от модели у элит, которые посредством политически усиленных отношений собственности теснее привязаны к производительным ресурсам, и у общинников, которые относительно свободно разбредаются по территориям региона, признавая наследственное право разных бигменов и проживая у них в течение короткого времени (Newman 1957: 9–12).

Домашние группы обладают многими общинными чертами. Очевидно, сам дом — стационарный, безопасный, обеспечи-

9. Это сильное упрощение. Вопрос о счете родства на Северо-Западном побережье был одним из самых острых в полемике ранних эволюционистов с их критиками (боасовцами). Распространение обоих типов линейности здесь весьма примечательно: отчетливая матрилинейность среди северных групп, множество сбоя в центре, несомненная патрилинейность на юге. И Боас, и многие антропологи последующих поколений склонны были объяснять эту картину исторически (через диффузию культурных черт). С другой стороны, это и был тот случай, который заставил Дж. Стюарда признать многолинейность эволюционного процесса.

вающий запасами пищи — каждую зиму влечет обратно членов группы. Люди сообща производят и сохраняют под контролем домохозяйства производительный капитал группы, включая рыбные запруды, плотины, приспособления для топления жира, сушильные рамы, сараи и каноэ. Члены группы равно вкладывают труд в рыбную ловлю, получение жира, сбор ягод, охоту и торговлю. Отдельные домашние группы совместно работают на бигмена, возводя запруды и плотины или занимаясь поддержанием деревенских улиц.

Труд женщин играл центральную роль в экономике домохозяйства. Представление об этом дает следующее описание тлинкитов (Emmons 1991: 165)¹⁰:

Мужчина трудился над камнем, костью, металлом, посудой, всякой утварью и орудиями труда, используемыми в работе. Он был резчиком и художником. Он изготавливал разное оружие, станки для выделывания кож и плетения накидок, рамы для снегоступов и украшения из слоновой кости, кости других животных и раковин. Он делал музыкальные инструменты [барабан, трещотки, барабанные палочки], игровые приспособления и деревянные шляпы, шлемы и головные уборы, используемые в церемониях. Он запасал дрова и большие панели из кедровой коры для различных целей.

Женщина нянчила маленьких детей и обучала девочек. Она дубила и выделывала кожи, изготавливала одежду, сучила козью шерсть для накидок, подготавливала корни, траву и стебли растений, применяемые при шитье, плетении и изготовлении накидок, корзин и сетей. Принимала, обрабатывала, коптила и консервировала рыбу [может быть, это был ее самый важный вклад], часто помогала развешивать ее на сушильных рамах и упаковывать для транспортировки. Собирала ягоды, съедобные корни и растения, моллюсков и ракообразных, а также морские водоросли, консервировала или готовила их к употреблению. Готовила еду и распределяла то, что накрывала на стол. Расщепляла иглы дикобраза¹¹ и вышивала бисером. Лекарственные растения тоже относились к сфере ее деятельности, поскольку она являлась и лекарем и повитухой. Переработка рыбьего и тюленьего жира была в основном ее работой, но мужчина

10. В оригинале (тексте и библиографическом списке) ошибка: *Emmonds* вместо положенного *Emmons*. Имеется в виду прославленный собиратель и этнограф-любитель Джордж Торнтон Эммонс (1852–1945), неоконченный труд которого был издан посмертно Фредерикой де Лагуна. Материалы для него Эммонс собирал в 1880–1900-х годах, следовательно, к этому времени, а не к концу XX века, и должно относиться состояние культуры тлинкитов, описанное в приведенном отрывке.

11. До знакомства с европейским бисером во многих культурных ареалах Северной Америки (для Северо-Западного побережья не так характерно) его заменителями в качестве материала для декора изделий из кожи были расщепленные, мелко нарезанные и покрашенные иглы североамериканского дикобраза *Erethizon dorsatum*.

оказывал ей помощь... У женщины было крепкое положение в домохозяйстве. Она была хранительницей, носившей ключи от сундуков, в которых содержались наряды, одежда, а в последние годы и деньги... [Роль ее в торговле была велика;] она не только могла наложить вето на любую сделку своего мужа, но также изготавливала товары, которыми сама торговала или раздавала их на потлачах.

Производство женщинами сушеного лосося служило экономической основой жизнеобеспечения и накопления предметов, являющихся доказательством богатства. Богатая женщина высокого ранга могла построить себе собственный дом и устроить потлач для укрепления своей репутации. Было отмечено, что женщины-шаманы обладали такой же могучей силой, как и мужчины (De Laguna 1983: 81).

За пределами домашних групп находятся единицы, которые называются по-разному: *нумайма*, линидж и клан¹². Эти группы различаются особыми символами, гербами и прочими знаками, члены групп признают у себя наличие родства. Если члены линиджа живут в одной деревне, то они совместно владеют правом на специфические ресурсы, такие как речные потоки, ягодные участки и прибрежные острова. Но членство в группах может быть непостоянным: многие на основании родства могут быть приняты в две группы и более, и они присоединяются к той, которая на данный момент наиболее выгодна. Возможно также войти в группу людям, не состоящим в родстве, если они вносят свою долю.

Линидж может распространиться и за пределы деревни. В этом случае он не представляет собой корпоративную и территориальную группу, но выступает посредником в налаживании связей, ценимых в этом регионе благодаря значению торговых и церемониальных обменов. Кроме того, связи, которые есть у линиджа, гарантируют определенную безопасность в областях, где присутствует угроза войн.

Крупные деревни вмещают более одного линиджа и могут насчитывать от 500 до 800 членов. Люди, владеющие собственностью, составляют в деревне относительно стабильное ядро

12. Все опять значительно сложнее, картина очень сильно различалась по оси север — юг. Например, у тлинкитов две матрилинейные экзогамные дуальные половины (*moieties*) распадались приблизительно на 30 матрилинейных кланов (*na'*). Единицы обоих уровней носили названия животных (так называемый тотемизм). Клань, в свою очередь, делилась на большое число матрилинейных линиджей или домашних групп (*hít-ta'n*). У кваквашавак же не было ничего подобного тлинкитским дуальным половинам и кланам, их линиджи (*nunaym*) занимали по несколько домов в деревне, а брачные стратегии были совершенно разнотипными (и эндогамия, и экзогамия).

благодаря значимости их вкладов в виде домов и производительного капитала. Дом считают священным и в нем стараются проживать постоянно: рождаются, женятся и умирают. Поскольку зимняя деревня состоит из таких домов, в которых происходят важнейшие церемонии и пиршества, то квакиутль говорят: «Мирское лето, но священная зима» (Voas 1966: 172).

Тем не менее при рассмотрении того, как деревни интегрируются в единую региональную экономику, необходимо помнить, что они объединены не жестко. Их члены лояльны к своим домашним группам и при этом постоянно подозревают других во всех грехах, особенно в воровстве (см. Voas 1910: 70, 138, 148, 153). Многие вожди, как мы увидим, борются за поддержку населения деревни, постоянно запугивая при этом своих даже самых лояльных сторонников, чтобы те отказывались от драгоценных продуктов жизнеобеспечения во благо политического развития.

Бигмен или вождь — ключ к пониманию политической экономики Северо-Западного побережья. Публичная жизнь представляет возможности для того, чтобы продемонстрировать разницу в рангах, испытать ее на прочность и снова восстановить. Кроме того, ранг бигмена — это выражение его богатства, являющегося суммой богатств, которые он смог собрать у группы, признающей его лидером. Его функции, несомненно, сложны и распространяются в том числе на такие сферы, отчасти связанные с экономической жизнью, как брак, регулярно случающиеся праздники жизненного цикла и структура родства. Однако, рассматривая те функции бигмена, которые связаны с экономикой, можно понять, каким образом на Северо-Западном побережье действует политическая экономика и что она дает людям. Не вызывают сомнения несколько положений.

1. Бигмен представляет группу и во многих случаях является ее воплощением. Его богатство — это богатство группы, а его ранг выражает совокупный ранг его сторонников. Так, участники церемонии часто подчеркивают, что бигмен действует на благо не своей, но «нашей репутации».

Бигмен окружен титулами и эмблемами, которые символизируют разные территории группы и предметы, являющиеся доказательством богатства. Для домашней или локальной группы эти титулы соотносятся с особыми рыболовными и ягодными участками, скалами для охоты на тюленей и т. п. (океан и внутренние охотничьи районы не контролируются в такой мере). Когда бигмен объединяет со своей собственной локальной группой другие, то, как правило, он покупает эмблемы или захватывает их силой, становясь, таким образом,

пусть и не в полной мере, собственником ресурсов этих групп. Хотя бигмен и способен силой добиться контроля над группой, даже, возможно, убив ее прежнего предводителя, однако в длительной перспективе ему необходимо опираться на ее лояльность, которую он должен заслужить своей храбростью, управленческими навыками и щедростью.

2. Бигмен организует сложную экономику, характеризующуюся крупномасштабными капиталовложениями и тщательно разработанным разделением труда. В его распоряжении есть такие специалисты, как мастера по изготовлению каноэ, гарпунеры и плотники, снабжение которых осуществляется из его запасов. И хотя он владеет всем, что эти специалисты производят, но его сторонники тоже каждый день пользуются этими предметами, добывая, готовя и храня пищу.

Проведение широкомасштабных работ, таких как сооружение плотин, запруд и оборонительных построек, трудно организовать в обществах семейного уровня. Предводителю необходимо убеждать людей, чтобы они выполняли работу, которая не несет прямых выгод их семьям, и в этих целях он использует свое богатство.

3. Рыбные места, богатые лососем, могут быть иногда полностью истощены, за исключением тех, что находятся в самых больших реках. Речные потоки меньшего размера можно перекрыть при помощи запруд. Как мастеру церемоний, бигмену необходимо решать, открывать ли рыбный сезон: рыбу можно направить через ловушки как для икрометания, так и на отлов группами, живущими выше по течению. Ритуальный цикл, который регулируют групповые лидеры, в какой-то степени является средством кризисного управления, способного предотвратить «трагедию общественного достояния» (Morrell 1965; Pinkerton 1985).
4. У бигмена на Северо-Западном побережье должно быть больше запасов, чем у остальных, для чего он направляет инвестиции в складские постройки. Эти и более крупные строения нуждаются в домашних специалистах. Неттинг (Netting 1977: 36) описывает эти строения как «крепкие дома, полные обременительного имущества». Действительно, большая часть приходящего в дом богатства бигменов сразу же уходит снова его сторонникам — на покрытие расходов, оплату долгов, предоставление ссуд и т. д. Основной принцип заключается в том, что не инвестируемое богатство бесполезно.
5. Чтобы поддерживать такую деятельность, бигмен требует от своих сторонников делиться произведенным. Успешному охотнику или рыболову надо отдавать своему бигмену от пя-

той части до половины собственной добычи (Voas 1921: 1333–1340). Если же тот не отдаст, то не добьется расположения или будет вынужден выслушивать оскорбления (Voas 1921: 1334).

Бигмен, в свою очередь, тратит или перераспределяет свои доходы, возвращая часть из них сторонникам посредством пиров и других проявлений щедрости, а часть употребляя на то, чтобы заплатить своим специалистам за сделанную работу. Из этой продукции кое-что используется по прямому назначению (например, каноэ и помещения для хранения); остальное служит для увеличения престижа бигмена и его группы (например, тотемные столбы и украшения на домах). Наконец, часть доходов бигмена идет на пополнение запасов престижных предметов, таких как чеканные медные пластины и накидки, которые используются при церемониальных обменах.

6. Бигмен также содержит воинов, поскольку войны достаточно распространены. Храбрый и хорошо вооруженный бигмен служит для своих сторонников либо гарантией безопасности, либо источником беспокойства, если они не отвечают его требованиям.
7. Бигмены — инициаторы больших межрегиональных церемоний, таких как потлач. Большинство церемоний происходит ранним летом или в ноябре и декабре и связаны с циклом хранения запасов пищи. Церемонии могут быть связаны с бесконечным числом событий, имеющих отношение к жизненному циклу семьи: рождение, имянаречение и др. Но состоится церемония или нет, определяется суммой богатств, накопленных бигменом. Бигмен может приглашать гостей на церемонию только при наличии достаточного количества богатств, поскольку другие бигмены осмеют его, если устраиваемый им пир будет недостаточно пышным. Основная цель заключается в том, чтобы разрекламировать успехи группы и, таким образом, привлечь трудовые ресурсы, необходимые бигмену для лучшей эксплуатации ресурсов и приращения находящегося в его распоряжении богатства.

Церемониальные события сложны экономически. Политически же они служат бигменам для того, чтобы конкурировать за престиж, раздавая и уничтожая богатство. Зависть и унижение — неотъемлемые составляющие пиршеств. Согласно Боасу (Voas 1921: 1341–1342), бигмены способны убедить своих сторонников следующим образом:

Я завишу от тебя потому, что, если я стану бороться с вождями племен (деревень), ты все время будешь за моей спиной... Я хочу устро-

ить племенам потлач. У меня в моем доме есть пятьсот накидок. Сейчас ты увидишь, хватит ли их, чтобы пригласить племена. Пятьсот накидок недостаточно, подумаешь ты, и станешь договариваться со мной, как со своим вождем, и отдашь мне для потлача свою собственность... потому что он не для моей репутации. Он для твоей репутации, и ты прославишься среди племен, если будут говорить, что ты отдал свою собственность для потлача, чтобы я смог пригласить племена.

Бигмен и его сторонники жаждут сровнять с землей имя другой группы, «похоронив» его под грудой даров. Но и между ними возникает чувство соперничества, поскольку сторонники стремятся стать такими же, как бигмен, возможно чтобы конкурировать с ним. Когда бигмен предлагает устроить потлач, каждый из них должен ответить на его предложение, в порядке ранга вставая и произнося речь. Кто-то может сказать следующее (Voas 1921: 1343): «Меня раздражает наш вождь тем, что слишком часто просит у нас имущество для своего потлача. Я попробую пристыдить его. Поэтому я дам ему сто накидок, чтобы можно было похоронить его имя под нашим имуществом. Я хотел бы, чтобы вы дали для потлача пятьдесят, или сорок, или десять накидок и по пять накидок пришло бы от тех, кто беден».

Все это происходит открыто, чтобы все слышали и видели. На потлаче хозяева предлагают публике дары как форму платы за освидетельствование обменов между бигменами (Barnett 1968: 93). Свидетельствовать нужно для того, чтобы сделать публичной экономическую производительность группы, которую представляет бигмен, и, как указывает Ньюмен (Newman 1957: 86), чтобы легализовать или признать имеющей силу передачу контроля над собственностью от одного предводителя другому.

Несмотря на использование накидок и медных пластин как мерил стоимости, большинство из того, что раздается или ломается в ходе потлача, составляют пищевые продукты, орудия труда, коробки, иные полезные вещи и услуги (Barnett 1968: 76, 85–88). Вещи эти представляют собой излишки, которыми в данном обществе, ориентированном на хранение, располагают в годы изобилия именно для такого употребления. В годы, когда пищи не хватает, напротив, бигмена могут унижить, если он устраивает потлач, и, если хозяин не готов, у него, разумеется, не будут ничего выпрашивать. В целом группы с наилучшими ресурсными базами являются самыми крупными и обеспеченными и имеют самых богатых бигменов (Donald and Mitchell 1975: 334–35).

Гости, которые получают вещи, пригодные для хранения, сохраняют их для своих собственных церемоний или используют для того, чтобы между церемониями выплачивать долги или сделать заем. Пищу съедают на пиру или уносят домой. Но потлач не гарантирует, что пища попадет от богатых к бедным (J. Adams 1973): в плохие годы богатые в первую очередь удовлетворяют свои потребности, тогда как в годы изобилия еды вдоволь у всех. В особо изобильные годы устраиваются «жирные» пиры, на которых соперничающие предводители коробками льют рыбий жир в огонь и сжигают его, конкурируя в неумной демонстрации богатства.

8. Бигмены должны обладать способностями обеспечить в плохие годы своих сторонников пищей посредством обмена на предметы роскоши, накопленные за удачные годы (Vayda 1961: 621), но, конечно же, только при условии, что какая-то другая группа располагает запасами пищи для обмена. Таким образом, богатство дает возможность в какой-то мере распределить пищу между голодающими и хорошо обеспеченными, а запасы ценных предметов служат чем-то вроде сберегательного счета или задатка в системе социального страхования, чтобы не допустить голода в отдельных регионах. Боас (Boas 1898: 682, цит. по: Barnett 1968: 4) говорил в связи с этим о полисе страхования жизни, поскольку это богатство можно унаследовать и оно способно защитить маленьких детей, если те останутся сиротами. Безопасность, обеспечиваемая сохраненным богатством, является главным фактором, заставляющим людей подчиняться требованиям бигмена, поскольку доступ к такому богатству есть только у элит.

Владеющий ценностями не только имеет доступ к запасам другой группы, но может пожаловать ей право участвовать в распределении сезонных или случайных пищевых излишков на вверенной ему территории. Так, один из предводителей, владевший берегом, выдавал специальные знаки, предоставляющие их держателям право на долю от ворвани очередного кита, выброшенного на его территорию (Newman 1957: 82). Члены других групп также могут получать права на ловлю лосося или рыбы-свечи у стремнин, находящихся в частном владении, если у владеющей группы есть рыба, оставшаяся после удачного нереста. С помощью такого владения и распоряжения правами доступа можно при необходимости перераспределять и рабочую силу, притом не эпизодически, не в связи с образовавшимися неожиданными излишками, но и в течение остального времени, а кроме того,

снижать напрасные потери пищи, неизбежные в случаях, когда у небольшого стойбища добытчиков временно образуются излишки в большем количестве, чем оно способно употребить.

9. В дополнение к обменам пищи на эквиваленты стоимости, устанавливаются торговые сношения на расстоянии, в особенности между побережьем и внутренними районами. Такая торговля ведется не членами отдельных домохозяйств, а обычно организуется бигменами, у которых благодаря их политической активности уже наладились связи с бигменами из других экологических зон.

Важно не преувеличивать степень соперничества между бигменами. Язык во время проведения потлача агрессивен, а речи и самовосхваления предназначены для того, чтобы устыдить других. Однако бигмены действуют последовательно, их нелегко сокрушить полемикой, и они признают долги, в которые влезают в ходе церемониального обмена, и пытаются с ними расплатиться. Со временем они выстраивают узы уважения и доверия (Barnett 1968: 112; Rosman and Rubel 1971: 170), которые по необходимости используют.

Как и у яномамо (раздел 6), эти узы служат также образованию мирных зон, внутри которых можно регулировать агрессивную конкуренцию между популяциями и направлять ее в конструктивное русло. Действительно, существуют определенные свидетельства того, что после прихода белых людей и установления мирного сосуществования соперничество, которое могло бы перерасти в открытый конфликт, стало выражаться в язвительных словесных соревнованиях во время церемоний. Этим очередной раз подтверждается, что войны следует объяснять неспособностью политической экономики интегрировать сообщества, между которыми отсутствуют сильные связи родства и обмена. Время от времени враги, притворявшиеся миролюбивыми, превращали церемонии потлачей в вероломные пиры в стиле яномамо, чтобы завлечь и уничтожить свои жертвы (Drucker 1965: 80).

Накануне перемирия в числе прочих трофеев оказывались и пленные, которых исследователи принимали за рабов. Но термин «раб» представляется в этом случае спорным, поскольку обычно пленных выкупали (Drucker 1965: 51–52; Suttles 1968), а в победивших сообществах они оставались чужими (Kap 1989: 95). Тем не менее зачастую пленников удерживали неограниченно долго, а в ряде случаев они превращались в основную рабочую силу для элит, которые сами работали мало и неохотно

либо занимались непроизводительными видами деятельности. Таких рабов ценили: иногда их захват становился главной целью войны; их могли покупать, продавать и раздавать как драгоценные дары¹³ на потлачах (Mitchell 1984). В некоторых случаях рабы составляли от 20 до 30% всей рабочей силы сообщества, и их статус был строго фиксирован и переходил к их детям (Donald 1984), которых владеющая ими группа рассматривала как плод неравных браков. В подобных случаях термин «рабство» уже не представляется неуместным.

Ведутся ожесточенные дебаты по вопросу о том, наличествуют ли в обществах Северо-Западного побережья экономические классы (Ruyle 1973). Помимо разногласий, касающихся вопроса, являются ли рабы эксплуатируемым рабочим классом, существуют разные мнения и относительно того, образуют ли элиты высший класс, использующий контроль над собственностью для управления трудовой деятельностью других (Arnold 1996a: 63; Hayden 1995: 64–65). Некоторые элиты Северо-Западного побережья, обладающие титулами, контролирующими ресурсы и удерживающие за собой высокие ранги, признаваемые обществом, а также передающие своему потомству ранги и собственность, можно рассматривать скорее как вождей¹⁴, а не бигменов. В таком случае можно говорить о существовании трех классов в стратифицированных обществах Северо-Западного побережья: вождей, общинников и рабов.

Райл (Ruyle 1973) утверждает, что это начавшееся расслоение общества. Однако мы продолжаем использовать термин «бигмен», поскольку очевидно, что он больше соответствует подавляющему большинству сообществ Северо-Западного побережья, в которых лидерство (обычно относящееся к крупному домохозяйству и лишь изредка — к деревне) носит локальный характер, когда оспариваются наследственные права и охотно покупаются и продаются эмблемы ранга. Это подтверждает и само слово, которое тлинкиты употребляют для обозначения вождя, — *lingit tlein* («большой человек») (Kap 1989: 83). При этом следует все же заметить, что расслоение, наблюдаемое в некоторых обществах Северо-Западного побережья, согласуется с многоли-

13. Подобно тому как соперничающие друг с другом вожди уничтожали во время потлачей эквиваленты стоимости (ломали медные пластины, раздирали накидки), в раннеконтактный период они могли закалывать рабов, по крайней мере, это было известно у тлинкитов (Аверкиева 1941).

14. Как видно, авторы употребляют термин *chief* — вождь — в значении более узком и специальном, чем это принято у нас, то есть лидера, степень институционализации которого выше и который соответствует следующей ступени эволюционного развития — вожеству.

нейным подходом в социокультурной эволюции. Распространенные послылки типологического характера, согласно которым охотники и собиратели должны быть эгалитарны, часто приводили к недооценке возможности политического усложнения и появления расслоения в этих обществах (Arnold 1996b).

Бигмен на Северо-Западном побережье представляет экономические интересы своих сторонников, выходящие за пределы семьи. Он владеет правом на ресурсную базу и защищает его, организует кооперативный труд над проектами, выгодными группе, осуществляет крупные капиталовложения, создает и поддерживает запасы пищи и богатства на случай тяжелых времен, содержит экономически важных специалистов и обменивает произведенное ими на долю от продукции неспециализированных домохозяйств, устанавливает воинскую повинность, а также управляет церемониями и обменами между деревнями и регионами, что интегрирует экономику далеко за пределами семейного уровня.

Межрегиональная группа (согласно Ньюмену, межгрупповая форма коллективности (Newman 1957)) фактически является ассоциацией бигменов, в которой нет доминирования единого верховного предводителя, хотя некоторые из них обладают большей силой, чем другие, благодаря преимуществам своей ресурсной базы и своим политическим, военным и управленческим навыкам. Посредством общественных церемоний они приходят к соглашениям о постоянном обмене власти на престиж и престижа на власть, что равнозначно обмену богатства (накидок, медных пластин) на экономические товары (пищу, технологию, труд), и наоборот.

Такая разработанная экстенсивная политическая экономика стала возможной благодаря изобилию природных пищевых продуктов, концентрирующихся в определенных местах и в определенное время года. Кроме того, она явилась следствием высокой плотности населения (при постоянно растущих пищевых запросах) и непредсказуемых колебаний в снабжении пищей в зависимости от регионов и сезонов, а также войн и набегов с целью установления контроля над востребованными ресурсами. Политическую систему можно рассматривать в качестве механизма мобилизации ориентированных на семейные ценности масс для повышения безопасности на случай голода и войн путем перепроизводства пищевых продуктов и материальных объектов. Большую часть этих излишков бигмены инвестируют в общественные работы и общественную безопасность. Оставшееся тратится во время церемоний на саморекламу для поддержания статуса бигмена в условиях постоянной конкуренции.

Тот факт, что здесь мы представили этнографическое настоящее (и попытались совместить этот случай с остальными), может показаться странным читателям, знающим, что общества Северо-Западного побережья жили описанным нами образом на протяжении многих поколений. Когда в конце XVIII века торговцы мехом были заняты экстенсивной торговлей с обществами Северо-Западного побережья, у аборигенов уже установились торговые отношения между собой, распространявшиеся на большие расстояния (Wolf 1982: 182–192). Будучи искусными торговцами, бигмены с энтузиазмом приняли растущие возможности для накопления еще большего богатства и контроля над ним в любой ситуации. Они охотно вошли в рыночные отношения, что оказало различные эффекты на политическую экономику Северо-Западного побережья.

1. Возросший экономический контроль бигменов усилил социальное неравенство.
2. Рыночный спрос повысил цену производства излишков, что, в свою очередь, повысило цену труда и, следовательно, привело к учащению набегов за рабами как за рабочей силой.
3. Контакты стали приводить к образованию политических групп большего размера (конфедераций), в которых ранг группы внутри конфедерации институционализировался более детально разработанными потлачами. Развитие потлачей, как и беспрецедентное количество эквивалентов стоимости, таких как накидки и медные пластины, вероятно, и привело к тому, что антропологи переоценили масштабы этих явлений в доконтактный период¹⁵.
4. Катастрофическое падение численности населения¹⁶ вследствие распространения болезней и вторжения на земли ко-

15. Схема развития, предложенная авторами, по-видимому, не соответствует действительности. В 1884 году власти Канады под давлением миссионеров запретили потлачи. Считалось, больше на основании слухов, что практикующие их занимались каннибализмом. Участников арестовывали, а их драгоценности и имущество конфисковывали. Антропологи вступились за коренное население, пытаясь найти в его празднествах рациональное зерно, понятное белому человеку. Так появилась аналогия с развитием банковских операций и кредитования (Боас), которая легла в основу последующих интерпретаций потлача. Взаимосвязь в развитии экономики, церемониализма и политических структур на Северо-Западном побережье надолго была нарушена, поскольку потлачи разрешили возобновить лишь в 1951 году.

16. К началу колониального периода (1774) население аборигенов Северо-Западного побережья насчитывало около 200 000 чел., сократившись за следующее столетие более чем на 80%. Изначальная численность не восстановилась и в 1886 году — 188 300 чел.

ренного населения евроамериканских поселенцев привели к изоляции индейцев и кардинально изменили их жизнеобеспечивающую и политическую экономику.

Случай 10. Центральные энга нагорий Новой Гвинеи

Центральные энга¹⁷, обитающие в сердце новогвинейских гор, во многом схожи с ацефальными тсембага маринг, описанными в разделе 7; но между ними имеются и определенные различия, которые могут помочь разобраться в дальнейшем развитии политической экономики. В этом случае особенное значение имеет процесс интенсификации, чему в нашей дискуссии будет уделено особое место. На примере тсембага мы видели, что рост населения ведет к интенсификации, интенсификация — к войнам, а войны — к образованию кланов и локальных групп. У энга с плотностью населения вдвое выше, чем у тсембага, результатом интенсификации стал переход к садоводству и выращиванию сладкого картофеля на плодородных землях; для этой большой популяции нет другого надежного способа получить достаточное количество пищевых продуктов. Соответственно, войны были нацелены на захват лучших земель; частота их выросла, и это ускорило возвышение бигменов. Местные лидеры управляют обменами и сетями союзов, формирующих региональную коллективность, от которой в конечном итоге зависит выживание локальной группы.

Окружающая среда и экономика

Центральные энга, включающие энга мэй и райапу, живут в Папуа — Новой Гвинее, в горном регионе западнее хребта Хаген, плотность населения здесь очень высока, в отличие от окраинной области, занимаемой тсембага. Центральные энга были выбраны предметом дискуссии, поскольку у нас в распоряжении

17. Энга (Enga), или тсага (Saga, Tsaga, Tchaga), живут в провинции Энга (Папуа — Новая Гвинея); их язык относят к трансновогвинейской языковой суперсемье, как и языки упомянутых ранее маринг и капанара (раздел 7); но по сравнению с ними он куда многочисленнее: общее число говорящих — 164 750 чел. (1981). Энга распадаются более чем на десять локальных групп, которым соответствуют особые диалекты: кандепе, тайато, марамуни и др. Среди них мэй (Mac, Mai), или вабаг (Wabag), а также лайапо (Layapo), или райапу (Rayapu) действительно занимают центральное положение: диалект мэй понятен всем, но уже райапу — как мэй, так и кайака (восточные соседи энга).

имеются многочисленные и подробные данные по экономике, церемониализму и социально-политической организации мэй энга (Meggitt 1964, 1965, 1972, 1974, 1977), как и по экономике жизнеобеспечения близкородственных им райапу энга (Waddell 1972) и региональным обменам *ти* (Feil 1978, 1984).

Подобно другим группам нагорья, центральные энга еще до недавнего времени были изолированы от прямых контактов с западным миром (Meggitt 1965: 2). Первые контакты зафиксированы в 1933 году. В 1942 году на территории энга была основана патрульная база, а в 1948 году прибыли миссионеры и горняки. Спустя всего двадцать лет после подтвержденных контактов, в 1955 году, туда приехал Мервин Меггитт¹⁸ — первый этнограф, изучавший энга.

Центральные энга живут в стране горных рек и открытых долин. Их земли простираются на возвышениях примерно от 3900 футов в долинах, покрытых травой, до 7900 футов. Среднегодовое количество осадков составляет 108 дюймов, и 265 дней в году идет дождь. Лето (с ноября по апрель), как правило, влажнее и теплее, чем в среднем в течение года (от 50 до 80 градусов по Фаренгейту); а зима (с мая по октябрь) суше и прохладнее (от 40 до 70 градусов). Зимой бывает засуха, и тогда отмечается недостаток пищи.

Растительность и микроклимат заметно варьируются от одних возвышений к другим. Ниже 4600 футов простираются густые дождевые леса низменностей, из-за малярии практически необитаемые. Зона от 4600 до 7500 футов состоит из невысоких гор и долин, которые когда-то были покрыты лесами; но теперь, после расчистки под земледелие, она похожа на мозаику из садов и участков под паром. Отроги аллювиальных почв окаймляют днища долин; их интенсивно возделывают, и в них сконцентрировано три четверти населения. Выше, от 7500 до 9500 футов, находятся буковые леса, в которых водятся дичь и свиньи. Еще выше расположена субальпийская зона, экономически используемая слабо.

18. Мервин Меггитт (1924–2003) — один из первых выпускников-антропологов Сиднейского университета (Австралия); с 1960-х годов — профессор антропологии Нью-Йоркского городского университета. Принадлежит к числу пионеров в изучении папуасов горной Новой Гвинеи и австралийских аборигенов; в 1953–1979 годы вел полевые исследования среди валбири (Австралия) и энга (Папуа — Новая Гвинея). Энга посвящены его книги «Система линиджей мэй энга» (1965), «Их аргумент — кровь» (1977) и др. Меггитт, как ему казалось, обнаружил у энга патрилинейность, выраженную сильнее и действующую регулярнее, чем у других групп новогвинейских нагорий. Однако в дальнейшем было продемонстрировано, что это скорее преувеличение и энга — не исключение.

Наибольшее разнообразие окружающей среды отмечается внутри в высшей степени компактного региона, на крутых горных склонах, поднимающихся над дном долины. По этой причине у центральных энга участки земли, принадлежащие кланам, хотя обычно и небольшие (от 1 до 2 квадратных миль), нарезаются вертикально и проходят через все зоны. Интенсивное использование окружающей среды привело к снижению разнообразия флоры и фауны, и ныне регион в основном заполнен пастбищами и садовыми участками. У соседних райапу энга только около 5% территории клана покрыто лесом (Waddell 1972: 14).

Согласно Меггитту, плотность населения в сердце области проживания центральных энга составляет от 85 до 250 человек на квадратную милю, что близко к максимальным значениям для групп новогвинейского нагорья. Рисунок 9 (с. 307) показывает, что земля заполнена переселенцами и трансформирована долговременным использованием. Соотношение человек/земля здесь куда выше, чем в простых садоводческих обществах, описанных в более ранних разделах, что влияет на развитие экономики жизнеобеспечения.

В экономике центральных энга, наиболее полно описанной на примере райапу энга (Waddell 1972), доминирующими были интенсивная форма земледелия, использующая насыпной способ получения сладкого картофеля, подсечно-огневое возделывание земли и в значительной мере свиноводство. Из-за деградации окружающей среды под воздействием интенсивного сельскохозяйственного использования количество природных пищевых продуктов стало ограниченным, и они вносят незначительный вклад в пищевую рацион.

Круглогодичное выращивание сладкого картофеля является основной стратегией жизнеобеспечения. В сообществе райапу, выбранном в качестве примера, 62,5% садовой земли использовалось под постоянное производство сладкого картофеля (Waddell 1972: table 8). Поле укладывают насыпями, каждая из которых около 9 футов в диаметре; в этой насыпанной почве и выращивают сладкий картофель. После снятия урожая насыпь разравнивают и землю разбрасывают; в середину помещают компостное удобрение из стеблей и ботвы старого сладкого картофеля и прочей мульчи¹⁹. Когда мульча начинает разлагаться, насыпь восстанавливают, и сад готов для засаживания. С помощью такого искусственного удобрения, даже при отсутствии периода под

19. *Мульча* (от нем. *Mulch*) — различные органические остатки, перегнивающие и образующие в почве гумус. Мульчирование помогает в борьбе с сорняками.

паром, насыпные поля можно сохранять для постоянного производства, что в сравнении с переложным земледелием является существенной интенсификацией (Waddell 1972: 44).

Большинство насыпных полей расположены на нижних отрогах и в долинах, где наклон меньше 10 градусов (Waddell 1972: table 9). На более крутых склонах представлен широкий выбор культур, включая ямс и бананы, выращиваемые на переложных свидденах (Waddell 1972: tables 13 and 14). Эти сады похожи на переложные поля у тсембага, которые сходным образом используют природные условия и применяют длинный паровой цикл (от 10 до 14 лет), чтобы восстановить плодородие. Когда речь идет о садах, составляющих лишь около 20% сельскохозяйственных земель (Waddell 1972: table 8), продукция свиддена важна скорее с точки зрения пищевого разнообразия, чем количества калорий.

В отличие от тсембага центральные энга не культивируют деревья для того чтобы иметь пищевые продукты. Они разводят некоторые сорта деревьев для получения материалов, используемых при строительстве, возведении заборов и для других целей (Waddell 1972: 40); такие материалы они получали от дикорастущих деревьев до того, как в регионе вырубili леса. Широкомасштабное культивирование дерева *Casuarina*²⁰ удовлетворяет огромную потребность в дровах, отмечает Меггитт (Meggitt 1984).

Свиньи в нагорьях имеются повсюду и численностью обычно превосходят людей (Waddell 1972: 61–62). Пищу они добывают на холмах, но в основном зависят, как и люди, от культивируемых продуктов, особенно сладкого картофеля (Waddell 1972: 62). Интенсификация выращивания сладкого картофеля тесно связана с политически обусловленной интенсификацией производства свиней (Feil 1984: 229).

Энергоемкость свиноводства поражает, затраты на него для фермеров высоки. Уодделл (Waddell 1972: table 28) считает, что на свиноводство уходит 49% всей сельскохозяйственной продукции — больше, чем съедается самими энга! Человек посвящает около 438 часов в год выращиванию корма для свиней, который дает менее 2% всего пищевого рациона; производительность труда при этом невероятно низка — лишь около 40 ка-

20. По-видимому, *Casuarina oligodon* — вечнозеленое дерево с чешуевидными листьями, плодами крылатыми орешками и соцветиями (жен.), напоминающими шишки. Разводится на новогвинейских нагорьях уже 3 тыс. лет. Древесина используется в строительстве и рукоделии, идет на растопку. Корни богаты азотом и способствуют повышению плодородия почв, а азотосодержащая листва применяется как мульча. Другой вид этого рода (всего 17 видов) — *казуарину хвощевидную* (*C. equisetifolia*) — выращивают как декоративное растение в России (Кавказ).

лорий в час, или примерно двадцатая часть калории от *одного* растения сладкого картофеля. Поскольку из других источников белков и жиров поступает мало, а они необходимы энга, то свиней выращивать необходимо. Но при этом высокие издержки усугубляют потери, которые люди несут оттого, что интенсификация вынуждает замещать охоту скотоводством.

Кроме того, интенсификация, как и повсюду, приводит к важным изменениям в самом пищевом рационе: с переходом к постоянному возделыванию полей происходит сдвиг в сторону почти исключительно продуктов земледелия. Сладкий картофель составляет до 90% пищи, потребляемой чимбу²¹ и другими группами. В результате популяции нагорий «испытывают высокий белковый и калорийный дефицит среди младенцев и общий дефицит в поступлении белка» (Waddell 1972: 122) и повышается риск заболеваний, вызываемых пищевой недостаточностью. Проблему риска заболеваемости райапу энга (Waddell 1972: 124–125) смягчают путем разведения разнообразных съедобных растений в своих переложных садах (включая различные интродуцированные виды, такие как земляной орех²²), а сегодня и приобретением, например, рыбных консервов, содержащих и белок и жиры. В настоящее время пищевой рацион отвечает основным требованиям, за исключением, возможно, детского питания.

Войны представляют собой непосредственную и постоянную угрозу для энга; в относительно небольшом районе, который изучал Меггитт, войны случались каждые два или три года (Meggitt 1977). Враги (либо потенциальные враги) окружают территорию всех маленьких локальных групп, и война может разразиться в любое время. Смертность высока; в среднем на каждый конфликт приходится четыре смертельных случая. Поскольку население несет тяжелые потери, то, чтобы остаться политически жизнеспособной, группе нужно сохранять высокие показатели роста.

21. Чимбу (Chimbu), или симбу (Simbu), куман (Kuman) живут на севере провинции Симбу и в субпровинции Миндж (провинция Западное Нагорье); вместе с маринг, энга и прочими их язык относят к трансногвинейской языковой суперсемье; общее число говорящих на нем — 80 000 чел. (1998). Во многом чимбу контрастен по отношению к энга (см. дальше).

22. *Земляной орех*, или *арахис культурный* (*Arachis hypogaea*), — однолетнее растение, плоды — 2–4-семенные бобы с паутинистым рисунком; созревая, наклоняются к земле, зарываются в нее и там дозревают. Культивирован в Южной Америке (более точно — на территории нынешних Аргентины и Бразилии), откуда распространился в колониальный период. В настоящее время основные производители Китая — 13 млн т, Индия — 6,6 млн т, Нигерия — 3,8 млн т, США — 1,7 млн т (2008).

Несмотря на то, что Меггитт (Meggitt 1977) приводит большой перечень непосредственных причин для войн (от изнасилования и воровства до борьбы за землю), он с уверенностью доказывает, что в основе лежит конкуренция за земли. Войны обычно происходят между открыто конкурирующими соседями: одна локальная группа нападает на другую, более слабую, разбивает ее и тут же аннексирует ее земли. Энга сами признают, что причиной войн является конкуренция за сельскохозяйственные участки, в особенности за плодородные земли, которых мало и которые используются для постоянного интенсивного возделывания сладкого картофеля. Более половины всех войн, как утверждает энга, происходит из-за земель.

Торговля продуктами питания и сырьем была для энга второстепенным занятием, исключая обмены каменными топорами, солью и особенно свиньями. Являясь главным источником белка, свиньи в локальных и региональных взаимоотношениях стали главной политической валютой (Feil 1984). Появление политической экономики напрямую связано с экономикой жизнеобеспечения, а именно со свиноводством, требующим высоких трудовых затрат, и производством сладкого картофеля, необходимого для содержания свиней.

Социальная организация

Тип расселения. У центральных энга нет деревень (Meggitt 1965: 3; Waddell 1972: 30–39). Фермерские усадьбы, которые традиционно составляют парные мужские и женские дома, размещаются на территории клана; предпочтительными являются аллювиальные уступы рек, наиболее подходящие для возделывания сладкого картофеля (рис. 9). Часто дома располагаются между полями сладкого картофеля и верхними склонами со свидденами и землями под паром, где пасутся свиньи; такое расположение минимизирует затраты на передвижение, составляющие основную расходную часть труда при садоводстве (Waddell 1972: 179). Время на дорогу к полям сладкого картофеля составляет обычно менее 7 минут, а к свидденам — от 24 до 30 минут.

Почему центральные энга не сформировали деревни, подобные тем, которые мы, как правило, обнаруживаем на нагорьях, например, у чимбу (Brown 1972)? Предположительно из-за затрат: образовать деревню — значит увеличить расстояние до сельскохозяйственных полей и, таким образом, увеличить затраты на фермерство. Но, несмотря на это, тсембага образовали деревни из-за необходимости защищаться; это же, как мы полагаем, послужило побудительной причиной для создания дере-

вень у таких групп нагорья, как чимбу, среди которых войны — обычное явление. Но тогда почему этого не произошло с энга?

И хотя ответ не полностью ясен, можно затронуть некоторые различия между этими группами. У энга села снижают затраты производства на транспортировку, а у чимбу деревни повышают безопасность в случае внезапных нападений. Поскольку обеим группам одинаково важно защищаться от нападений, то различия в типах расселения, вероятно, объясняются различиями в затратах производства. Энга зависят от насыпных участков для выращивания сладкого картофеля, под которые используются земли уступов, располагающиеся вдоль русел рек; эти земли естественным образом рассредоточены, и поэтому жизнь в деревне становится непозволительно дорогой из-за времени на дорогу. Чимбу же зависят от систем осушаемых полей, сосредоточенных в низинах долин; и такая концентрация хороших земель, возможно, приводит к тому, что деревенская жизнь им подходит. У энга земли на речных уступах подвержены эрозии до такой степени, что образуются целые гребни, представляющие собой естественную защиту. Необходимо, однако, подчеркнуть, что куда больше, чем наличие или отсутствие деревень, важно наличие организованных локальных групп, обнаруженных и у энга, и у чимбу. Для археологов деревни представляют собой свидетельства образования локальной группы; но политически в локальные группы могут быть организованы и рассредоточенные села, когда условия окружающей среды делают их экономически более предпочтительными, чем деревни. Для людей, не живущих в деревнях, локальная группа может предоставить альтернативное материальное выражение групповых институтов. У энга групповая идентичность сфокусирована на специальных местах, отведенных под церемониальные танцы.

Возвращаясь к социальной организации, рассмотрим ее четыре уровня: домохозяйство, сегмент клана, клан с бигменом и межгрупповую форму коллективности. Как и в предыдущем случае, эта организация соответствует проблемам жизнеобеспечения и фокусируется на деятельности по приобретению пищи и разделению труда на двух нижних уровнях, а также решает проблемы политической экономики на более высоких уровнях, фокусируясь на защите и экономической взаимозависимости.

Домохозяйство. Обычно первичной социальной и экономической единицей является семья (Waddell 1972: 20); в типичных случаях простейшая семья в среднем состоит из 4,5 членов: женщины, ее мужа, их детей и, конечно же, их свиней.

Центральные энга занимаются жизнеобеспечивающей деятельностью в основном индивидуально; численность рабочей

группы у них редко превышает двух или трех человек (Waddell 1972: 103). Индивидуально в значительной мере и садоводство: при выращивании сладкого картофеля больших рабочих групп не требуется. Женщины выполняют однообразные задачи по жизнеобеспечению, возделывая сады, в основном выращивая сладкий картофель, готовя пищу и ухаживая за детьми. Сады и дома рассматриваются как их владения (Meggitt 1965: 246). Они обеспечивают 92% труда на полях сладкого картофеля и 80% на свидденах, за исключением важной «мужской» культуры — ямса (Waddell 1972: 98). Мужской труд отличается регулярностью и включает периодическую расчистку и возделывание свидденов, выращивание ямса, постройку домов и многочисленные виды общественной деятельности (Waddell 1972: table 25).

Э. М. Стратерн (Strathern 1972) считает, что у соседних групп на горе Хаген роль женщины заключается в (вос)производстве, а мужчины — в обменах. Подобным образом и у энга женщины заняты в основном в фермерстве; они обрабатывают поля и собирают урожаи сладкого картофеля; к тому же они обязаны управлять работой по домохозяйству, готовить пищу и заботиться о детях и свиньях. В свою очередь, подростки дети присматривают за свиньями и маленькими детьми. Среди мужских видов деятельности наиболее важными являются межгрупповые церемониальные обмены и защита территории. На уровне домохозяйства и в политических вопросах мужчины и женщины энга сотрудничают (Feil 1984). Мужчины активны на публичных демонстрациях и раздачах богатства, но основной источник богатства — свиней — могут производить и предоставлять только женщины. Таким образом, у энга бигмен и его жены являются партнерами в политической деятельности.

Земля находится в прямом владении домохозяйств. Во время вступления в брак мужчина получает землю из семейного имущества и основывает самостоятельное домохозяйство. Эта земля, включающая обычно как поля сладкого картофеля, так и свиддены, управляется мужем и женой, работающими вместе. Собственность на землю передается ограниченно, и на это требуется согласие заинтересованных родственников со стороны отца; домохозяйство, как правило, удерживает контроль над своей землей.

Количество земли, которую обрабатывает домохозяйство, прямо отражает размер последнего: чем больше потребителей в домохозяйстве, тем больше у него участок обрабатываемой земли (Meggitt 1974: 43). Другими словами, пределы земледельческой активности определяются потребностями в жизнеобеспечении домохозяйства.

Несмотря на интенсивность экономики жизнеобеспечения, традиционная технология, в значительной степени основанная на женских палке-копалке и сумке-сетке и мужском каменном топоре, остается простой и предназначена для персонального использования. У каждой семьи имеются собственные орудия труда, которые либо изготавливаются, либо покупаются.

Домохозяйство и соответствующая ему экономика жизнеобеспечения, описанные здесь, согласуются с моделью домашнего способа производства Салинза (Sahlins 1972). Домохозяйство является первичной единицей производства и потребления, оно напрямую контролирует основные факторы производства — труд, земли и технологию — и так направляет производство, чтобы удовлетворить свои собственные потребности.

Несмотря на экономическую взаимозависимость полов, мужчины боятся женщин и выражают им свою глубокую антипатию, видя в них угрозу мужественности и здоровью (Meggitt 1964). Мужчины и женщины живут отдельно. Женский дом, главный в домохозяйстве, служит жилищем женщине, ее детям и ее свиньям. У мэй местом проживания мужчин, в идеале родом из одного патрилинейного линиджа, служит мужской дом (Meggitt 1965: 20, 22), но у райапу он принадлежит одному мужчине и составляет пару с домом жены (Waddell 1972: 34). Следовательно, у мэй кластеры домохозяйств состоят, как представляется, из определенного числа домов женщин, окружающих мужские дома; в противоположность этому, у райапу обнаруживается тип проживания, для которого характерны изолированные усадьбы с отдельными местами для мужчин и женщин.

Как мы покажем ниже, разделение между мужчинами и женщинами может принимать еще более крайние формы на востоке Новой Гвинеи (Feil 1987). Мужчины часто образуют тесно связанные группы, членство в которых определяется ритуалами инициации, включая ритуальный гомосексуализм. Эти группы мужчин представляют особое значение во время сражений, и то, как они распределяются, коррелируется с частотой не урегулированных военных конфликтов (Langness 1977). Однако у энга противостояние полов перекрывается их партнерством, важным при политическом маневрировании за пределами группы, помогающем урегулировать военные распри, к описанию чего мы сейчас и перейдем.

Домохозяйство каждой жены представляет собой отдельную домашнюю экономику. Поскольку большую часть работы по производству выполняют женщины, то мужчина, которому требуется большое количество сельскохозяйственной продукции, чтобы финансировать собственные политические амбиции,

может этого добиться, имея несколько жен. Однако количество жен, как мы увидим, зависит от наличия как значительных богатств, накопленных путем брачных обменов, так и продуктивных земель.

Сегмент клана. Домохозяйства организованы в патрилинейные группы, являющиеся сегментами кланов, базирующихся на данной территории. Хотя структурный анализ Меггитта (Meggitt 1965), возможно, и не отличается достаточной гибкостью, мы все же обсудим, каким образом функционируют более низкие, по его определению, чем клан, уровни групповых образований, а именно патрилинейный линидж и субклан.

Патрилинейные линиджи — это группы «людей одной крови», называемые именем основателя, от которого они ведут происхождение (Meggitt 1965: 16). Обычно говорят, что основателем является «отец отца отца старших из живущих мужчин» (ibid.: 16–17), и знают, какие родственные отношения существуют между членами линиджа. Меггитт относится к патрилинейному линиджу как к «квазидомашней группировке» (ibid.: 17), существование которой не очевидно для чужих. У мэй энга мужской дом обычно состоит из членов патрилинейного линиджа (ibid.: 20, 22), но такой дом не играет важной роли в церемониях (ibid.: 235).

Патрилинейный линидж представляет собой группу домохозяйств, мужчины-предводители которых являются близкими родственниками и помогают друг другу в особых экономических и социальных ситуациях. Мужчины из локальной группы вовлекаются в редкие виды деятельности, требующие привлечения труда за пределами домохозяйства, таких как расчистка свидденов, возведение изгородей и строительство домов (см. Waddell 1972: 106). «Братья» индивида по патрилинейному линиджу должны предоставлять ему помощь, когда он в ней нуждается (Meggitt 1965: 244); например, если он окажется нетрудоспособным, то они могут подготовить к засаживанию его сады и отремонтировать его дом. К тому же «братья» являются наиболее надежным источником поддержки при брачных обменах и т. п.

Патрилинейные линиджи различаются по размерам, насчитывая от 4 до 68 членов, а в среднем — 33 человека (Meggitt 1965: 5–18). В нашем представлении это группа в размере села, приблизительно такая же, как уже описанные группы-села: существенным отличием является лишь расширение действия близкородственных уз для решения проблем жизнеобеспечения и безопасности, важных для маленькой и уязвимой нуклеарной семьи и в то же время находящихся за пределами ее возможностей.

Напротив, субклан — это более крупная единица, формирующаяся вдоль политических и церемониальных границ; членами субклана являются предполагаемые потомки сына основателя клана. Субклан владеет площадкой для танцев и священной рощей и играет важную роль во внешних обменах и политических вопросах. Социальная система мэй энга возлагает на церемониях тяжелые обязательства на индивидов, такие как брачные выкупы и посмертные выплаты (см. Meggitt 1965: 110–127). Эти обязательные выплаты требуют взносов от поддерживающей группы — субклана. Как мы увидим, при восхождении человека к статусу бигмена первоначально помощь приходит из его субклана.

Хотя в фокусе брачных выкупов и других социальных обменов находится индивид, такие обмены, сопровождающиеся публичными демонстрациями, обозначают и субклановую группу в целом. Как и у тсембага, мужчина нуждается в широкой региональной сети межличностных связей, предоставляющей ему жен, торговые товары не местного происхождения, безопасность в случае бедствия в его районе и политическую поддержку при соревновательных обменах. Субклан играет важную роль, помогая мужчине основать свою собственную региональную сеть. В свою очередь, успехи любого из членов субклана в региональных сетевых отношениях повышают статус этого субклана и привлекательность его членов для индивидов из других групп. А поскольку индивидуальный статус прямо переносится на статус группы, то очевидно, что и поддержка, оказываемая членами субклана, является частью более общей стратегии выстраивания ими собственных личных сетей.

Случается, что между субкланами возникает конкуренция за лидерство в политических отношениях клана. Кроме того, субклан представляет собой отправную точку при образовании новых кланов путем сегментации. У мэй энга субкланы различаются размерами, насчитывая от 45 до 145 членов, а в среднем — 90 человек (Meggitt 1965: table 7), что приближается к размеру клановых групп тсембага.

Клан и бигмен. Клан — самая политически важная группа у центральных энга. Отграниченный своей территорией (рис. 9), клан является обороняющейся группой, защищающей интересы своих членов от чужих людей. Клан автономен политически, поскольку представляет собой самую крупную группу, члены которой способны в войнах и церемониях действовать сообща. Клан возглавляется бигменом, который во внешних отношениях говорит от его имени, а внутри ведет работу по его мобилизации на церемониальные и политические деяния.

Клан — самая первая и выдающаяся корпоративная общность, ограничивающая доступ к земле. Предполагается, что он патрилинеен, с правами на землю внутри клановой территории, отражающими мужской линейный счет родства, основанный на допущении общего происхождения от предка-основателя. Там, где существует дефицит хороших земель, правила их распределения основываются на линейном счете происхождения²³. Индивиды, не являющиеся родственниками по отцовской линии, могут присоединиться к клану и добиться доступа к земле, но только там, где у клана достаточно земли, и он нуждается в поселенцах из соображений безопасности. Полагают, что клан, как часть региональной системы обменов и союзов, должен быть и чаще всего является экзогамным, с женами, приходящими из других клановых групп и иных мест. Меггитт (Meggitt 1965: 9) оценивает средний размер клана у мэй энга в 350 индивидов (от 100 до 1000 человек), что приблизительно соответствует размерам территориальной группы у тсембага.

В групповой собственности клана у энга находятся основная площадка для танцев и надел вместе с домом — объектом культа предков (Meggitt 1965: 227). Площадка для танцев, расчищенная, как считается, еще предками-основателями, находится в центре церемониальных обменов с другими территориальными кланами, включая посмертные выплаты и выкупы за убийство, а также драматические соревновательные обмены церемониального цикла *ти*. И подобно деревням в других местах, участок для устройства церемоний у энга является физическим выражением, или структурой, локальной группы.

Помимо владения церемониальной площадкой и совместных действий по защите, клан заявляет о себе как о группе в определенных церемониях, на собраниях клана и в действиях своего предводителя — доминирующего в клане бигмена. В различных церемониях, в особенности в *садару*, определяется и групповая идентификация. *Садару* — это ритуальное исключение из общества неженатых, во время которого их обучают, как защищаться от женских выделений (Meggitt 1964; Waddell 1972: 87). Это событие включает «четыре ночи уединения и обучения в особом доме,

23. В этом суждении, как нигде, видна позиция авторов в вопросе о происхождении родовой организации, точнее групп на основе счета родства. Они присоединяются к тем исследователям, которые объясняют этот процесс через категории власти и контроля над ресурсами, в данном случае над землей. Позиция эта до сих пор еще непривычна для отечественной науки, продолжающей находиться в плену теорий однолинейной эволюции XIX века, прямо увязывая счет родства с формами брака и семьи, подчеркивая универсальность рода в глубокой древности, и пр.

поставленном на удаленной части территории... На праздновании выхода, когда украшенные и распеваящие песни неженатые возвращаются из своего горного убежища, члены принимающего клана раздают пищу большому числу присутствующих гостей»²⁴ (Waddell 1972: 87).

Неженатые — это родственники мужского пола по линии отца, объединяющиеся на время этого ритуального уединения в группу, которая станет следующим поколением глав домохозяйств и политических деятелей. Их публично представляют на основной площадке для танцев их клана гостям из соседних кланов, которые будут их свояками, торговыми партнерами, союзниками и, конечно же, потенциальными врагами. Отточенность, с какой клан демонстрирует свои намерения и планы на будущее, имеет большое значение для процесса экономического и политического маневрирования членов этого клана в регионе.

И хотя ценится право домохозяйства на самостоятельность, что выражено в утверждении «каждый мужчина сам себе выносит решения» (Sackschewsky 1970: 52), бывают времена, когда группе нужно действовать сообща, например, во время войн и обменов *ти*; и в этих вопросах решающим является собрание клана. Задействуются все активные мужчины группы; сегмент клана или субклана собирается, чтобы обсудить конкретный вопрос и прийти к консенсусу. На таких собраниях весьма ограничены права у мужчин без родственных связей; участие женщин и детей исключается. Достигнутый консенсус касается всех, кто участвовал в собрании.

На клановом собрании и связанных с ним церемониальных и политических событиях отчетливо проявляется лидерство — ключевой компонент групповой активности. Бигмен, имеющий самый высокий статус, не нуждается в том, чтобы созывать собрание или заставлять членов группы думать, что его слово связывает их обязательствами. В первую очередь бигмен — это прославившийся человек, который известен успехами в политических и экономических делах и которого слушают потому, что он продемонстрировал способность влиять на поступки индивидов, что он имеет контроль над богатством и обменами и что он способен говорить публично. Фейл (Feil 1984: 3) подчеркивает, что у энга статус бигмена берет начало в обменах *ти*, мини-

24. Инициация включает ритуальное промывание глаз мужчинам в возрасте 16–19 лет от «загрязнений», якобы получаемых через любые контакты с женщинами. Затем очищенные мужчины украшают себя, сооружая на голове круглые, украшенные перьями парики из собственных волос (отличительная черта энга).

мально институционализированных и основывающихся на индивидуальных союзах дружбы и обменах свиньями.

Бигмен — это и индивидуальный предприниматель, и оратор, представляющий группу. В первой роли он использует ресурсы, получаемые посредством манипуляций собственной протяженной межличностной сетью, основанной на браке, союзах и обменах. Он прибегает к агрессивным и хорошо просчитанным действиям, контролируя значительную долю в обмене и производстве ценностей, в особенности свиней, которые важны в любом социальном обмене. Во второй роли, как оратор, выступающий от имени группы, он убеждает все составляющие ее части работать вместе с целью выживания группы в целом и для общего блага всех ее членов.

Эту двойную роль демонстрирует и то, как бигмен отбирается кланом (Meggitt 1967). Как мы говорили, каждый клан состоит из определенного числа субкланов. Один из мужчин субклана, известный своими личными лидерскими качествами и способностью к планированию, при поддержке братьев из патрилинейного линиджа выходит в бигмены, чтобы решать такие вопросы субкланов, как сбор выплат, необходимых во время брачных обменов, или организация церемоний. Затем предводители субкланов соревнуются за лидерство в клане и статус главного бигмена. Частично способность мужчины достичь этого статуса и удержать его зависит от величины группы союзников, то есть его близких родственников. Но ему необходимо также увеличить число поддерживающих его людей, чтобы получать помощь из других субкланов и в конечном итоге — от членов других кланов. Для этого он использует разные средства; например, он может предложить члену другого субклана изыскать средства для оплаты брачных выкупов, таким образом превращая этого индивида и его патрилинейных родственников в своих должников. Другой претендент на роль предводителя клана может сделать аналогичное предложение или еще более щедрое. Это и есть способ конкурентной борьбы двух кандидатов за политическую поддержку.

Это притягивание и отталкивание повышает активность групповых лидеров. Субкланам и кланам нужно иметь эффективных предводителей, которые способны отстаивать их интересы в межклановых отношениях, включая браки, обмены и оборонительные союзы. Таким образом, группа подталкивает потенциального кандидата. В свою очередь, привлекательность контроля над богатством, властью и женщинами (поскольку бигмены — многоженцы) мотивирует предводителя действовать таким образом, чтобы усилить собственную власть и репродуктивные возможности.

Как единица клан существует главным образом чтобы успешно функционировать во внешних отношениях — войнах, обороне, союзах и обменах. Для понимания значения клана и его лидера необходимо понять их место в региональной системе конкуренции и кооперации. Поэтому перед тем как вернуться к роли клана, к церемониям, способствующим развитию интеграции и взаимоотношений, и к появлению бигменов, мы кратко обрисуем природу региональных взаимодействий.

Межгрупповая форма коллективности. Отношения между кланами характеризуются частыми и жестокими войнами. Все люди за пределами клана считаются потенциальными врагами, а все земли за пределами маленькой территории клана — враждебны²⁵. Чуждый мир начинается уже на расстоянии полумили от его дома, и он несет в себе угрозу смерти. Согласно Меггитту (Meggitt 1977: 44), «в прошлом всякое передвижение вне собственной для клана территории было опасным, и люди совершали такие походы только вооруженными группами и в силу убедительных причин, в частности чтобы заняться распределением богатств, реализовать проведение обменов, поучаствовать в торговле и помочь друзьям или родственникам во время сражений. Мужчины обычно не посещали другие группы в одиночку не только из-за того, что путник подвергался опасности натолкнуться на засаду и быть убитым, но и из-за того, что это не соответствовало взглядам мэй на частную жизнь индивида и безопасность группы».

Все решения клана принимаются под влиянием угрозы или перспективы войн. Крупный клан с численным превосходством, но с недостатком земель ищет повод напасть на соседний слабый клан и захватить его землю. Маленькому клану, уязвимому для нападений, необходимо поощрять переселение родственников не по прямой отцовской линии, чтобы увеличить численность и вместе с ней силу для собственной защиты. В силу этих причин проигравшие в войне теряют все, и контроль домохозяйства над важнейшими ресурсами зависит от политической силы и успеха клана.

Возможности группы для защиты своей или захвата новой территории зависят, прежде всего, от того, насколько значительна боевая сила, которую она способна выставить, а значит,

25. Протекание военного конфликта у энга регламентировано, подобно тому как это имеет место и у яномамо (раздел 6): вначале стороны выстраиваются друг против друга, и на протяжении нескольких часов звучат словесные оскорбления, при этом несколько раз чередуются броски в направлении противника и отступления назад; в заключение начинается открытое сражение на боевых топорах (дубинах) и ножах.

и от ее собственного размера и от того, какое количество союзников она сможет набрать для военных действий. Размеры клана частично определяются демографическими факторами; критическим фактором может быть способность к деторождению каждого конкретного члена группы, поскольку в то время как некоторые кланы стремительно растут, другие сокращаются. Как мы видели, маленькому или сокращающемуся в размерах клану для сохранения своих земель необходимо следовать стратегии включения в группу родственников не по прямой отцовской линии (см. Meggitt 1965). Напротив, если группа большая и с высокой плотностью населения, то сохраняются строгие правила патрилинейного родства, по которым мужчина получает землю только из клана своего отца. Такая корреляция между процентом патрилинейных родственников и плотностью населения подкрепляет более общее утверждение о том, что линейность возрастает с интенсификацией жизнеобеспечения.

У успешных кланов есть тенденция к росту частично из-за того, что успехи клана в региональных обменах и войнах повышают способность его членов обзаводиться женами и расширять репродуктивный потенциал клана. По мере того как численность клана увеличивается, начинается чрезмерное использование местных ресурсов, приводящее к снижению производства свиней, являющихся несомненной ценностью. И успехи порождают как новые успехи, так и поражения, приводя к частым взлетам и падениям в жизни клана.

Когда-то было распространено мнение, что войны, как механизм негативной обратной связи, регулируют демографический рост. Так, с ростом населения возникает нехватка ресурсов, из-за этого учащаются войны и нарастает смертность, которая возвращает численность популяции на низкий уровень. Этого не наблюдается у центральных энга (см. Meggitt 1977: 112); люди здесь пытаются иметь настолько много детей, насколько это возможно, чтобы было достаточное число мужчин-воинов и женщин, играющих важную роль в региональных обменах, имеющих решающее значение при заключении союзов. В действительности распространение войн привело к интенсификации давления увеличивающейся популяции.

Другим важным для организации союзов фактором является репутация клана как надежного и выгодного союзника. Успехи в обретении сторонников тесно связаны с успехами в участии в связанных между собой церемониальных обменах, включающих браки, посмертные компенсации, демонстрации образа жизни и цикл региональных обменов *ти*. В ходе каждого из це-

ремониалов на репутацию индивида и группы обращают внимание размер группы; то, как украшаются индивиды; обмены примитивными ценностями. С наибольшей очевидностью это наблюдается в *ти*.

Ти представляет собой цикл обменов соревновательного характера, которые связывают большое количество кланов у центральных энга (Feil 1978, 1984; Meggitt 1972, 1974). Главными его участниками являются несколько кланов с выстроенными отношениями обмена и с рядом альтернативных возможностей (Meggitt 1974: diagrams 2–3). Другие кланы, периферийные по отношению к основной линии отношений, присоединяются к ней через меновые связи личного характера с членами кланов, составляющих главную линию.

Первые дары, состоящие из небольших свиней, сумчатых, свинины, соли, топоров и других ценностей, передаются по цепочке из кланов от одного партнера к другому посредством индивидуальных обменов. По мере продолжения такого процесса индивиды из клана на том конце основной линии обмена, где это начиналось, требуют себе свиней в качестве возмещения. И как только этот сигнал проходит по системе, свиней начинают собирать, чтобы живыми раздать во время серии больших церемониальных событий, сопровождающихся демонстрациями и речами. На противоположном конце цепочки начинается серия из таких же действий, включающих основные межклановые представления и церемонии, и волнами движется к началу, и все это занимает от 6 до 9 месяцев. Клань, которые иницируют главные церемонии дарения, затем начинают требовать возмещения убытков, а те, кто находится на противоположном конце этого обмена, забивают до половины накопленных ими свиней и во время тщательно разработанной межклановой церемонии раздают свинину членам следующего клана. Таким образом, демонстрируются все дары членов одного клана следующему за ним по цепочке, при этом увеличивается визуальный эффект от общего масштаба церемонии и идентифицируется каждое из скоординированных групповых действий. Такие церемониальные представления на уровне клана координируются клановыми бигменами.

Бигмены руководят также переговорами, которые ведутся между кланами по вопросам завершения вражды между локальными группами и выплате компенсаций за убийства. Когда конфликт затягивается на долгое время, число инцидентов нарастает, а исход непонятен, бигмены созывают широкое собрание противоборствующих групп, чтобы обменяться большим количеством свинины, установить требования по выпла-

там за убийства и таким путем восстановить мир (Meggitt 1977: 20). Самое важное в этом процессе — это выплата компенсаций за убийства. За каждую смерть в ходе битвы должны заплатить человек, убивший другого, и его союзник, поддерживавший его во время сражения. Для завершения войны необходимо установить ответственность за каждый инцидент и совершить компенсационные выплаты. Очевидно, что каждому хочется, чтобы плата, получаемая им за смерть родственника, была большой, а плата, которую он вносит за убийство, — маленькой. При таких противоположных интересах между воюющими группировками прекратить ссору непросто. В этом случае бигмен может установить размер выплат, который бы всех удовлетворял, убеждая, что надо быть щедрыми, и это хорошо отразится на престиже группы. Риторика бигменов на таких собраниях должна быть воинственной и враждебной по отношению к противникам, но действия их, несомненно, направлены на умиротворение и посредничество и ведут к восстановлению статус-кво для региональной формы коллективности.

Роль бигмена в этих церемониях заключается в координировании того, как дары и выплаты предоставляются кланом, чтобы эти дары и выплаты, как и само событие, впечатляли. Таким образом, он является постановщиком зрелища, успех которого должен отразиться, во-первых, на самом бигмене, как лидере и организаторе, во-вторых, на его клане, как группе, приобретшей больше влияния, и, в-третьих, на членах клана, стремящихся сохранить и расширить свои социальные сети, основанные на обменах со свояками и партнерстве в торговле.

Выживание группы прямо зависит от того, какое впечатление она создает в этих соревновательных обменах. Кто захочет стать союзником клана, которому не сопутствует успех, партнером неэффективного бигмена или свояком тому, кто никак себя не проявляет? Престиж, получаемый в ходе *ти*, непосредственным образом превращается в успехи при обретении союзников, торговых партнеров и жен. Итак, успехи в *ти* способствуют успехам в иных социальных и политических сферах и оказывают значительное влияние на выживание группы в целом и входящих в нее домохозяйств. Фактически *ти* и войны представляют собой противоположные принципы (Feil 1984: 5). Развитие региональных обменов *ти*, хотя и мотивированных потребностью в союзах на время войны, создает сеть дружеских отношений, регулирующих региональные связи. *Ти* становится воплощением региональной формы коллективности, координирующей отношения между политиями и уменьшающей постоянную угрозу войны.

Клан энга существует во враждебной среде, в окружении вооруженных соседей, которые жаждут захватить его земли. Его успехи в производстве и воспроизводстве зависят от его оборонно-способности как группы и возможности завербовать союзников. А это, в свою очередь, зависит от его успеха в организации межгрупповых сношений, которыми управляет бигмен клана и которые представляются на впечатляющей межгрупповой церемонии.

В групповых церемониях, как и в экономических и политических действиях бигменов, обнаруживается достаточно развитая политическая экономика. Товары из домохозяйств пускаются в обращение для поддержания ряда действий, которые служат основой как для приращения могущества конкретного бигмена, так и для долговременного политического выживания локальной группы.

Кисинг (Keesing 1983) в истории жизни «Элоты, бигмена с Соломоновых островов»²⁶ обращает внимание на то, что региональные отношения между кланами там не являются результатом постоянных войн; клан, пока его считают могущественным, способен большую часть времени жить мирно. Хотя по отношению к нему могут проявляться раздражение и отдельные агрессивные действия, в целом враги такого клана ведут себя осторожно и скорее соглашаются принять компенсацию, выраженную в ценных объектах, чем приступить к насилию. Основой для мира служит баланс в расстановке политических сил, который во время церемонии тщательно поддерживают и подчеркивают региональные бигмены.

Фейл (Feil 1987) в своем сравнительном исследовании эволюции обществ на Новой Гвинее описывает противоположные институциональные образования. На западе новогвинейских нагорий в результате длительного периода интенсивного земледелия²⁷ плотность населения поднялась до очень высокого уровня, а угроза конфликтов способствовала возникновению систем церемоний и обменов, установивших отношения между политика-

26. Архипелаг примерно из тысячи мелких островов в Меланезии, к востоку от Новой Гвинеи; бывшая британская колония, ныне независимое государство, член Британского содружества (Содружества наций); населен множеством групп, говорящих в совокупности более чем на семидесяти языках. Бигмен Элота (Elota, около 1908–1973), о котором идет речь, жил на острове Малаита и происходил из группы квайо (Kwaio; численность около 13 000 чел.).

27. Археологическое поселение Кук-Суомп (Kuk Swamp), раскопанное в 1960-е годы, в провинции Западное Нагорье; изолированное развитие земледелия обнаруживается в этой высокогорной долине (1550 м над уровнем моря) на протяжении 7–10 тыс. лет. Переход к земледелию происходил в 5 тыс. до н.э. (пригорки-грядки по кромке влажной зоны); во 2 тыс. до н.э. была создана система дренажных каналов. Выращивались фруктовые и ореховые деревья, ямс, таро, сахарный тростник, бананы и пр.

ми и предоставивших локальным группам механизмы для политических переговоров. Хотя локальные группы являются почти всегда потенциальными врагами, они способны в значительной степени снизить уровень напряженности путем переговоров, обменов и церемоний. Таким образом, региональная форма коллективности бигменов ограничивает войны (см. Langness 1977).

Напротив, на востоке новогвинейских нагорий сладкий картофель появился поздно, и вслед за ним уже совсем недавно пришли интенсификация земледелия и экспансия населения, приведшие к росту популяции, что, в свою очередь, привело к вспышке войн. Механизмов регуляции конфликтов с помощью соревновательных и компенсирующих систем пиршеств и обменов не существует. Здесь локальные группы относительно изолированы друг от друга. И поскольку женщины не являются экономическими партнерами по политическому процессу разведения и обмена свиньями, то и в локальной группе главную роль играют близкие родственники — мужчины, которые защищают себя и свою землю; при этом сколько-нибудь значимые отношения между группами (включая брак) не поддерживаются. В отсутствие региональной формы коллективности, основанной на пиршествах и обмене, войны не урегулированы, а локальное лидерство эфемерно.

Представляется, что причина усиления роли предводителей у энга очевидна: без них локальная группа неспособна нормально функционировать. Возникает вопрос: почему при столь высокой плотности населения и крайне конкурентных подходах бигменов в регионе не победил один бигмен и данное общество не трансформировалось в вождество? Следует напомнить, что без экономического контроля вождь не может управлять эффективно, а условия для экономического контроля на нагорьях отсутствуют: хранение не обязательно, технология простая, технология и торговля не сконцентрированы, а широко рассредоточены. В вождестве энга, в отличие от вождеств, которые будут исследованы в разделах 10 и 11, вовсе отсутствуют механизмы запуска в действие контроля над основными факторами производства. Действительно, возникающая политическая экономика *ти* строится на производстве свиней, но его трудоемкость и рассредоточенность не способствуют стимулированию лидерства и не допускают контроля на уровне региона над производством таких лидеров. Церемония *ти*, во время которой бигмены жульничают, оказывая влияние на обмены, представляет собой царство безграничной конкуренции, контролировать которое единый социальный организм не может²⁸.

28. Очень жаль, что авторы ни в данном разделе, ни в своем заключении так и не косну-

Случай 11. Киргизы Северо-Восточного Афганистана

Киргизы Северо-Восточного Афганистана на протяжении жизни одного поколения трансформировались из скотоводческого общества, преимущественно семейного уровня, в общество с сильными местными лидерами. Условия, благодаря которым осуществился этот поразительный эволюционный сдвиг, поддаются анализу и описанию и в значительной мере помогают пониманию других систем бигменов, описанных в этом разделе.

Окружающая среда и экономика

Киргизы (Shahrani 1979) — кочевые пастухи Памирской зоны в Афганистане, вблизи границы с Китаем и Советским Союзом²⁹. Они населяют обширные, плоские долины между горами на высоте свыше 12 тыс. футов, то есть выше границы возможного земледелия. Среднегодовое количество осадков составляет менее 6 дюймов, и на год приходится менее 30 дней без морозов. Растительность редкая, а постоянные резкие ветры ухудшают и без того неблагоприятные климатические условия.

Исторически через Памир пролегал Великий шелковый путь — торговая магистраль, соединявшая Китай со Средней Азией. Она не лишена ресурсов. Когда этой дорогой следовал в Китай Марко Поло, то его впечатлило обилие крупных диких овец («овец Марко Поло», по достоинству оцененных современными спортивными охотниками)³⁰; кроме них здесь водят-

лись изменений в положении энга, произошедших после исследований М. Меггитта. А как раз здесь много интересного. С одной стороны, провинция Энга, в которой энга оказались после перекройки административных границ в постколониальное время, уникальна тем, что она единственная в Папуа — Новой Гвинее, где очевидное большинство составляет одна этнолингвистическая группа (энга). Это создало новые возможности для политической консолидации. С другой стороны, органы власти, сформированные энга, до сих пор еще очень слабы и уродливы: центр в Порт-Морсби трижды вынужден был распускать их после коррупционных скандалов. Стараниями миссионеров большинство энга стали католиками, лютеранами, баптистами и адвентистами седьмого дня. В провинции действует множество государственных и приходских школ. Очередной вызов выразился в распространении среди энга огнестрельного оружия, как фабричных винтовок, так и кустарных обрезов, и изменил характер протекания вооруженных конфликтов, которые все еще происходят (появилась снайперская тактика, но при этом снизилось количество случайных жертв).

29. С 1991 года это граница между Китаем и независимым Кыргызстаном.

30. Речь идет о подвиде *арха́ра*, или *горного барана* (*Ovis ammon*), ареал которого включает Таджикистан, Киргизию, Китай и Афганистан и который у нас известен

ся горные козлы, тибетские волки, бурые медведи, сурки, зайцы и индюки³¹. Горные стремнины питают топи и озера, где в отдельные сезоны образуются обильные пастбища. Торфяные болота предоставляют горючее, необходимое для приготовления пищи и обогрева.

Первоначально Памир являлся для киргизов излюбленным местом летних пастбищ. В июле и августе дни жаркие, и лощины альпийских лугов зарастают буйной растительностью. Но во время долгой зимы все высыхает, луга покрываются снегом и дуют мучительно холодные ветры. Прежде на зиму киргизы отходили со своими стадами на нижние пастбища в Китай и Россию. Но в 1938 году Советский Союз закрыл свои границы, а в 1949-м этому примеру последовал и Китай, таким образом, вне советского и китайского контроля осталось всего лишь несколько тысяч кочевников-киргизов в Афганистане (Paksoy 1984: 56–57; Shahrani 1984: 31). Эти политические изменения и заставили их круглый год жить на Памире и интенсифицировать использование в этом регионе.

Сейчас киргизы Памира насчитывают около 1800 человек³², а плотность населения у них составляет приблизительно 1 человек на квадратную милю. Эта группа выпасает смешанное стадо, состоящее из около 40 тыс. овец и коз (причем овцы численно превышают коз в соотношении 3: 1), 4 тыс. яков³³ и небольшого числа верблюдов и лошадей. Как и у туркана (раздел 7), ста-

как памирский горный баран (*Ovis ammon polii*). Архар со всеми своими подвидами включен в международную Красную книгу, поэтому охота на него запрещена.

31. «Горные козлы» — по-англ. так называют прежде всего американских эндемиков *Oreamnos americanus*, которые в отечественной литературе известны как *снежные козлы*. В данном случае речь идет о другом животном, об одном из девяти видов рода *Capra*, скорее всего, о *сибирском горном козле* (*C. sibirica*) или о *винторогом козле* (*C. falconeri*). *Тибетский волк* (*Canis lupus laniger*) — подвид волка обыкновенного (*C. lupus*), отличающийся средними размерами и длинным светлоокрашенным мехом. Сурки — в данном случае семь видов крупных грызунов из рода *Marmota*. Авторы упоминают также и об индюках, но это явная ошибка, поскольку индейковые (*Meleagridinae*) — американские птицы и в диком виде в Евразии не встречаются. Возможно, имеются в виду какие-то тетеревины (*Tetraoninae*).
32. В настоящее время в Афганистане киргизов осталось всего лишь 750 чел. (2000). Далее из текста следует, что в 1981 году все киргизы бежали из Малого Памира в Пакистан, а оттуда их в качестве беженцев приняла Турция, расселив в илах Ван и Карс. В 1982 году в Турции насчитывалось 1140 киргизов.
33. *Як* (*Poephagus grunniens*) — крупное парнокопытное животное, высота в холке до 2 м, масса у старых быков до 1 т, длина тела старого самца до 4,25 м. На холке у яка небольшой горб, рога длинные, широко расставленные. Родина животного — Тибет, но еще в 1 тыс. до н.э. як был одомашнен человеком, и теперь его разводят и в других частях Центральной Азии, в Монголии, Туве, на Алтае, Памире, Тянь-Шане и даже на Кавказе (карачаевцы). Яков используют в качестве вьючного, молочного и мясного скота.

да составлены из разных животных, требующих разного ухода, и для них можно использовать различающиеся микросреды. Овец и коз всегда пасут вместе, поскольку их кормовые среды дополняют друг друга; овцы находятся на подножном корму, а козы ошипывают листья, поэтому они не борются за пищу. Зимой преимущество остается за овцами, которые способны разгребать копытами снег, чтобы добраться до подмороженных ростков, и козы в поисках пищи держатся вблизи них. Но летом, когда овцы, питающиеся подножным кормом, слишком надолго задерживаются на одном месте и пастбище иссякает, козы быстро переходят дальше, за ними следуют и овцы, что предотвращает полное истребление кормов. Киргизы учитывают эту взаимодополняемость и осознанно сохраняют смешанные стада.

Яки являются коренными обитателями этой области, они хорошо адаптируются к холодам и значительным высотам и могут пастись на пастбищах, которые не подходят другим видам. Киргизы выпасают только около 4 тыс. яков, но из-за их большого размера и из-за питательности их молока они вносят основной вклад в пищевой рацион.

Подобно туркана, киргизы сперва используют временные пастбища и оставляют постоянные в качестве некой гарантии на скудные времена. Зимой всякий раз, как только ветер расчищает хоть клочок пастбища, пастухи быстро перемещаются туда, чтобы использовать его до того, как оно снова покроется снегом. Большую часть времени южная сторона долины находится в тени, северная же — на солнце. Поскольку в основном ветры дуют с севера на юг, то на протяжении долгой зимы южная сторона остается в тени, занесенная снегом. В это время киргизы разбредаются маленькими семейными группами по северной стороне долины. Там вблизи воды на дне долины расположены лучшие пастбища, но зимой все пастбища используются максимально бережливо. Только весной, когда происходит отел овец и коз, киргизы перегоняют свои стада на самые обильные пастбища, чтобы животные окрепли перед отелом.

Летом семьи переходят на южную сторону, чтобы интенсивно использовать пастбища, доступные лишь короткое время. Это — период изобилия. Конкуренция за пастбища небольшая, и поселения увеличиваются в размере. Затем, с наступлением осени, примерно на месяц они перемещаются на дно долины, постепенно двигаясь на север — в направлении зимних стойбищ.

С тех пор как закрыли границы, киргизы начали более интенсивно использовать свои пастбища. Самые обильные и орошаемые пастбища оставляют нетронутыми все лето, а потом скашивают траву и зимой хранят фураж. Кроме того, под руко-

водством своего хана они начали орошать и удобрять навозом земли пастбищ.

Большей частью пищевых продуктов киргизы обеспечивают себя сами. Важную роль в их пищевом рационе играют мясные и молочные продукты, особенно на протяжении четырех или пяти самых теплых месяцев. Молоко перерабатывают в йогурт и кислое молоко, которые солят, замораживают и хранят зимой. Сыр изготавливается и сушится для дальнейшего хранения, а масло очищается и по несколько лет хранится в емкостях, сделанных из козьих и овечьих желудков. Мясо едят часто, особенно во время церемониальных событий, устраиваемых сообща многими стойбищами. Пища из природных источников не имеет большого значения для киргизов, за исключением беднейших семей; овощи едят редко. Однако, как мы увидим, для экономики домохозяйств существенное значение имеет торговля продуктами питания.

На первый взгляд может показаться странным, что вопреки тому, что стада животных должны привлекать наездников, набеги отсутствуют. Почему? Существует, по-видимому, две причины. Во-первых, местный хан достаточно могуществен, чтобы разрешать споры среди киргизов. Во-вторых, существование сильных государств, способных регулировать режим границы и наказывать нарушителей, удерживает от нападения на киргизские стада. До закрытия границ киргизы были в числе множества племенных групп, совершавших набеги на русских захватчиков: характерно, что русские называли их *басмачами* (бандитами), в то время как они звали себя *моджахедами* (праведными воинами — *муджахидинами*; Paksoy 1984: 57).

Когда границы закрыли, в земледельческих районах Афганистана заметно выросла потребность в продуктах животного происхождения. Рост населения в Афганистане привел к необходимости значительного расширения земледелия за счет пустых земель, на которых когда-то паслись дикие и домашние животные. Ежегодно киргизы ввозили около 5 тыс. овец и коз, 200 яков, 7 тыс. кг очищенного масла и множество шкур, кож, войлочных одеял и т. д., приобретая в обмен на них продукцию земледелия, чай (который они потребляют в невероятных количествах), металлические и деревянные изделия (включая каркасы для юрт), опиум и многие другие товары. Сейчас пищевыми продуктами первой необходимости у них являются пшеница и другие зерновые, получаемые через торговлю.

Таким образом, результатом интенсификации пастушества стал ряд существенных сдвигов в экономике киргизов. Сюда входят появление круглогодичного разведения скота в погра-

ничной окружающей среде со значительными рисками, использование таких новых методов интенсификации, как ирригация и удобрение, обмен продуктов животного происхождения на земледельческую продукцию и другие товары, получаемые от оседлого земледельческого населения. Как и у нганасан (случай 4), развитие такого обмена на систематической основе превратило киргизов в специализированных производителей свободной рыночной экономики.

Социальная организация

Базовой социальной единицей производства является домохозяйство. Среднее домохозяйство у киргизов состоит из 5,5 человек, 120 овец и коз, 12 яков, одной лошади и одной или нескольких собак. Пастух способен в одиночку справиться со стадом из нескольких сотен животных, а стада, в котором более 100 овец и коз, достаточно для удовлетворения основных потребностей жизнеобеспечения. Обычно домохозяйство живет в юрте, которую сооружают из дерева и соломы и оборачивают большими войлочными покрывками³⁴. Последнее время семьи начали строить зимние каменные и земляные дома на землях, на которые домохозяйство или родовая группа заявляют права собственности.

Восемьдесят процентов киргизских домохозяйств — нуклеарные, в некоторые из них входят неженатые или престарелые члены семьи; остальные 20% являются либо расширенными семьями, либо домохозяйствами с полигинией. Домохозяйство представляет собой самостоятельную группу, объединенную вокруг одного очага. Старший мужчина выступает выразителем ее мнения, но во время принятия экономических решений право голоса имеют все взрослые члены семьи обоих полов. Два или более домохозяйства обычно образуют группы, известные как *айил* (стойбище) или *горов* (загон, что указывает на то, что их стада зимуют под одной крышей). Стойбища увеличиваются в размере летом и уменьшаются зимой. Обычно они состоят из патрилинейно связанных домохозяйств, но в любом случае являются стабильными объединениями, претендующими на территорию и разделяющими принципы гостеприимства. У стой-

34. *Юрта* (тюрк. *yurt*) — переносное жилище у кочевников тюрков и монголов. Сооружая юрту, вначале выставляют по кругу отдельные звенья и связывают их между собой. К решетчатым стенкам каркаса привязывают кошмы, покрывающие цилиндрическую нижнюю часть, кошомную дверь, накрывают купол. Изнутри юрта делится на две половины: женскую (северную) и мужскую (южную). В центре устраивается очаг.

бища имеется предводитель, богатый и уважаемый человек, посредничающий в спорах внутри группы и представляющий ее на межгрупповых церемониях и в конфликтах.

Мужчины и женщины разделяют ответственность за основные решения внутри своей домашней группы: «Женщины в киргизском обществе относительно самостоятельны во всех вопросах, важных для домашнего хозяйства, хотя их роль сильно варьируется в зависимости от конкретного домохозяйства. Бросается в глаза, что в бедных домохозяйствах в решении семейных вопросов наблюдается равенство мужчин и женщин, а в более богатых... доминировать стремятся мужчины» (Shahrani 1979: 141). У киргизов моногамные браки; лишь немногие богатые пастухи (7,5%) способны содержать двух жен. Всю тяжелую работу делают мужчины (транспортировка товаров, предназначенных для торговли, копание оросительных каналов), к тому же они выполняют со своими сыновьями большую часть работ, связанных с пастушеством, в том числе занимаются возведением построек, кожевными работами и сбором навоза для топки³⁵.

Женщины большую часть времени проводят внутри юрты или около нее, они доят животных и приготавливают молочные продукты, занимаются прядением, ткачеством и переносят воду. «Два десятка других задач — валяние войлока, плетение веревок, разборка юрты, ее упаковка и установление, доение — требуют участия всех членов домохозяйства. Уход за ягнятами, детьми и телятами — ежедневные обязанности маленьких мальчиков и девочек» (Shahrani 1979: 141). За пределами стойбища патрилинейные линиджи и соседства образуют свободно кооперирующиеся и церемониальные сообщества. Патрилинейные родственные отношения важны для брака, особенно среди богатых, рассматривающих эндогамию в качестве способа сохранения богатства внутри большой родственной группы. С закрытием границ родственные отношения приобрели дополнительную значимость, поскольку группы родственников начали предъявлять права на территорию и регулировать ее использование, становясь, таким образом, корпоративными родственными группами.

Кроме того, закрытие границ значительно усилило у киргизов расслоение и централизацию. Прежде они свободно передвигались по Памиру как самостоятельные семейные стойбища, хотя уже тогда существовали лидеры для выполнения специфических функций во время церемониальных обменов и разре-

35. В отсутствие древесных и иных пригодных в качестве топлива материалов кочевники обычно используют высушенный навоз крупного и мелкого рогатого скота, смешанный с соломой (*кизяк*).

шения споров. Но после 1950 года стойбища и сообщества родственников предъявили права на участки земли, пересекающие долину, чтобы обеспечить себе доступ ко всем микросредам, необходимым для круглогодичного жизнеобеспечения. И по мере возведения постоянных домов, загонов и ирригационных сооружений утвердилась собственность на тщательно разграниченные земельные наделы.

Теоретическое обоснование ключевых изменений заключается в возрастающем усилении неравенства при распределении богатства и собственности. Прежде существование имущественных различий определялось в первую очередь возрастом: молодая пара с небольшим стадом могла присоединиться к стойбищу богатых родственников, на которых она должна была работать, пока не вырастало собственное стадо. За это время им нужно было накопить собственное имущество и занять свое место в эгалитарном мире пастушеских домохозяйств. Но быстрая трансформация в политическую систему, подобную вожеству, привела к предсказуемому результату: экономическими средствами существования, а именно животными и пастбищами, все больше завладевала элита из богатых домовладений.

Поэтому сейчас две трети домохозяйств владеют небольшим числом животных или не владеют ими вовсе, а 5% хозяйств являются собственниками 80% всех овец и коз. Контроль над стадами находится в руках немногих мужчин, обладающих исключительными навыками в управлении как животными, так и людьми. А их жилища окружены зависящими от них домохозяйствами, получающими доступ к животным через покровительство со стороны богатей. И если собственных животных им не хватает, как это нередко случается, чтобы выжить суровой зимой, то пищей и новыми животными их снабжает богатч.

Контроль элиты над стадами является ответом на интенсификацию производства на Памире. Если зимой домохозяйство может покинуть данную зону, то оно не испытывает таких сильных рисков от потери собственных животных. Следовательно, функция богатых людей, которые рассредоточивают животных по Памиру, заключается в борьбе с рисками. Когда беда случается в одном месте, они используют ресурсы, взятые из другого, и являются для своих подчиненных главными гарантами безопасности. К тому же они выявляют плохих пастухов и либо исправляют их ошибки, либо забирают назад то, что они им дали в помощь.

Дальнейшее проявление централизации власти заключается в роли лидеров во внешней торговле, которая приносит им значительную выгоду. Торговлей богатые предводители стойбищ

и линиджей заняты бо́льшую часть зимы, когда с целью бартера они отправляются в сельскохозяйственные районы. Хан, признанный выразитель мнения киргизской группы на Памире, активно развивает торговые сношения с внешними рынками, снабжая городское население Афганистана продуктами пастушества. Его действия горячо поддерживаются местным населением, поскольку заезжих торговцев обвиняют в мошенничестве и в том, что они потворствуют употреблению киргизами опиума, чтобы их было легче эксплуатировать.

Изменения, произошедшие в наше время

Закрытие границ с Китаем и Советским Союзом, имевшее место в начале этого столетия³⁶, привело в этом регионе к интенсификации производства, последствия которой можно обобщить в серии взаимозависимых изменений.

1. Более тщательное управление находящимися в распоряжении пастбищами, использование обильных пастбищ, которыми прежде пользовались летом, для создания запасов на зиму.
2. Капиталовложения в технологии, такие как проведение ирригации и строительство более надежных сооружений, способных защитить людей, животных и фураж.
3. Усилия по разграничению отношений собственности на земли, занятые под стойбища и под пастбища, что ведет ко все большему числу конфликтов и вовлечению элит в их разрешение.
4. Возрастающее расслоение, по мере того как контроль над стадами и управление ими сконцентрировались в руках немногочисленных элит, которые, подобно бигменам, действуют как распределители рисков, управляющие и патронирующие зависимые домохозяйства.
5. Возрастающее значение торговли в экономике домохозяйства, усиливающей влияние элитных домохозяйств, которые действуют как брокеры между бедными домохозяйствами и конкурентным и ненадежным миром рынка.

Уже после исследования, проведенного Шахрани в 1970-х годах, в жизни киргизов произошли драматичные изменения. В 1970-е годы на Памире стали появляться не похожие на обычных охотников-спортсменов русские «охотники», вооруженные боевыми автоматами АК-47. Так советские власти пытались

36. Речь идет о 1930–1940-х годах, см. выше.

охранять регион, разрываемый на части конфликтами между Советским Союзом и Китаем, Афганистаном и Пакистаном. После советского военного переворота в Афганистане в 1978 году киргизский предводитель Хаджи Рахман Гуль объединил оставшихся еще свободными киргизов и в 1981 году повел их в тяжелый долгий переход по бездорожью в Пакистан (Shahrani 1984: 32). К 1985 году единственными обитателями их родины были советские и афганские солдаты (Nyrop and Seekins 1986). Но жаркие низменности Пакистана не подходили для культурной адаптации киргизов, и в течение последующих четырех лет их стада сократились и более ста киргизов умерло.

Хаджи Рахман Гуль страстно желал вернуться к прежней жизни на Памире, но из-за советского вторжения в Афганистан в 1979 году он потерял всякую надежду на возвращение и приступил к поиску нового места жительства, всерьез рассматривая как вариант Аляску, но власти США ему отказали. В 1981 году он обратился в посольство Турции, где тюркские корни киргизов вызвали сочувственную реакцию; и киргизы, лояльные своему лидеру (Paksoy 1984), были переселены в деревню на востоке Турции. Несомненно, схожесть климата и культуры способствовала тому, что в этой отдаленной деревне киргизы почувствовали себя как дома и бесстрашно возобновили свое пастушеское существование.

Может показаться, что, по крайней мере, на данный момент политическая и экономическая неопределенность оставили в покое эту небольшую группу кочевников-киргизов. Но этого нельзя сказать о примерно 2–3 млн кочующих пастухов, как и о миллионах других, кто страдает от трагической войны в Афганистане. В самом деле, киргизская одиссея представляет собой печальный репортаж о состоянии миллионов кочующих пастухов, которые за века адаптировались к чрезвычайно недружелюбной природной среде, сохранив свою культурную самостоятельность лишь для того, чтобы потом быть уничтоженными революциями нашего столетия, — и именно тогда, когда по иронии судьбы стали звучать обещания освободить человечество (Shahrani 1984: 34).

Выводы

В разделах 6 и 7 рассматривались группы, находящиеся на уровне деревни, в которых групповое лидерство как таковое не играло значительной роли. Но группы, описанные в этом разделе, не могут более существовать при отсутствии сильного лидерства, необходимого для интеграции деревенских сообществ энга и рыболовов Северо-Западного побережья в региональную эконо-

мику и в особенности в межгрупповые формы коллективности. (Киргизы отличаются тем, что они окружены не сообществами такого же размера и силы, но чрезвычайно могущественными национальными экономиками, что вынуждает киргизского хана выполнять скорее роль брокера в отношениях между своим народом и более значительной политической экономикой, чем бигменом в классическом смысле.) Следует рассмотреть три переменные — интенсификацию, интеграцию и расслоение, чтобы понять причины роста, имеющего место за пределами экономики, соответствующей уровню относительно ацефальной деревни.

Интенсификация производства является мощным фактором изменений у рыболовов Северо-Западного побережья, у энга и у киргизов, хотя ее специфические формы в этих случаях различаются. На Северо-Западном побережье интенсификация позволила получать большие урожаи рыбы-свечи и лосося в определенные сезоны или даже непредсказуемо, запасать и сохранять продукты питания на то время, когда пищи не хватает, и распределять полученные излишки по локальным районам, испытывающим трудности с едой. Это достижение, зависящее от капиталовложений, таких как ловушки, запруды, сушильные рамы, хранилища и водонепроницаемые кораба, привело к увеличению пищевой массы, получаемой от уловов, и, таким образом, способствовало возрастанию общей плотности населения до поразительного для народов охотников и собирателей уровня.

У мэй энга интенсификация приняла форму domestikации окружающей среды. Леса были вырублены, и на их месте повсюду появились постоянные поля. В производстве главное место заняло выращивание высокоэффективной культуры — сладкого картофеля. При этом разительный рост затрат производства обнаруживается в свиноводстве, на которое уходит половина сладкого картофеля, что необходимо для компенсации потери в дичи в отсутствие территорий для охоты и поддержания нарождающейся политической экономики региональной коллективности.

У киргизов — народа пастухов, ранее мигрировавшего на длительные расстояния в поисках обильных в разные времена года пастбищ, — в силу драматических событий остался лишь один, сравнительно бедный, регион. И если изначально летние пастбища удовлетворяли их потребности, то теперь они начали удобрять и орошать земли, чтобы собрать урожай и запастись фураж, необходимый им для выживания.

Разные формы интенсификации порождают различные организационные потребности, чем объясняются разные варианты систем бигменов. В экономиках добытчиков Северо-Западного

побережья лидеры нужны в основном для управления высокими рисками во время охоты на мигрирующие виды. Бигмены должны поставлять снаряжение, необходимое для добычи и переработки пищи из природных источников и заключать союзы и мирные договоры. Кроме того, групповой лидер управляет важнейшими межгрупповыми церемониями, направленными на усиление престижа группы и повышение способности ее членов образовывать региональные меновые сети, и обязан поддерживать своих сторонников, испытывающих экономические затруднения.

У киргизов-пастухов технология относительно простая, и лидеры нужны, главным образом, чтобы распределять риски и вести внешнюю торговлю, от которой зависит экономика жизнеобеспечения.

Садоводам энга лидеры нужны в первую очередь для политического маневрирования и регулирования войн. Групповой лидер у центральных энга руководит поведением группы во время межгрупповых церемоний с целью сохранения старых союзников и обретения новых и, таким образом, является преимущественно политиком. В Новой Гвинее, где войны между областями возникают постоянно, группе для выживания необходим лидер, способный заключать межгрупповые союзы и межгрупповой мир. Образование корпоративных групп, о котором говорилось в разделах 6 и 7, является первым шагом в ограничении доступа к производительным ресурсам. Следующим шагом становится образование коллективности, помогающей регулировать войны и упорядочивать систему землепользования в регионе; наиболее эффективно с этой задачей справляется новый сектор из признанных лидеров, взаимосвязанных посредством обменов ценностями.

Внешним ограничителем политической экономики у рыболовов Северо-Западного побережья, у энга, тсембага и яномамо являются войны. В рассматриваемых случаях население больше, его взаимозависимость сильнее, а политическая экономика сложнее. Но, независимо от размеров и сложности сообществ, войны — результат не столько сознательной политики, сколько провала политики, связанного с неспособностью лидеров в интересах большей пользы сдерживать конкурентные и корыстные импульсы сильных индивидов, стремящихся к собственной выгоде.

В обществах бигменов обнаруживается, хоть и в своей зачаточной форме, расслоение, возникшее в результате дифференциального контроля над стратегическими ресурсами. Во всех описанных случаях бигмены контролируют такие ресурсы, как

копченую рыбу, свиней, стада овец и коз, которыми они пользуются для распределения рисков производства пищи за пределами семейного уровня. Иные способы экономического контроля бигменов варьируются в каждом из трех случаев: контроль над технологией в экономике охотников и собирателей, контроль над обменом на больших территориях в пастушеской экономике и контроль над церемониями межгруппового обмена в садоводческом обществе. Но во всех этих группах лидерство включает экономическое управление и манипулирование для получения индивидуальной и групповой выгоды. Как мы покажем в разделах 10 и 11, от более усовершенствованных форм экономического контроля зависит дальнейшая эволюция политической экономики, институционализирующей в вождество.

Часть III
Региональная политика

9. Региональная политика

РЕГИОНАЛЬНЫЕ политики — это политические институты, которые организуют группы людей размером от тысячи до более чем миллиарда человек (что составляет в наше время население Китая). В действительности региональные политики развились и стали формой организации подавляющего большинства человечества лишь за последние пять тысяч лет. Поразительно, что одна из тенденций заключается в том, что число независимых политий в мире сокращается (Carneiro 1977). На протяжении неолитического времени существовало, как представляется, более чем 100 тыс. независимых политических единиц на уровне семьи или локальной группы. По причине экспансий, завоеваний, объединений и геополитических договоров их число сократилось примерно до 160 суверенных государств, вошедших в Организацию Объединенных Наций. Стремительно возникающие региональные блоки ведут к наличию в будущем еще меньшего числа экономически самостоятельных сообществ. Формула проста: по мере того как растет население в мире, сокращается число независимых политий. Впрочем, эта отрицательная корреляция труднообъяснима, и возникает вопрос, почему рост населения в группах не приводит к их дроблению и образованию независимых политий. На этот вопрос мы и будем искать ответ в следующих пяти разделах.

В культурной эволюции были идентифицированы следующие уровни: семья, локальная группа, форма коллективности бигменов, вождество, архаическое государство и национальное государство (табл. 8). Эта классификация не отражает полностью дискретные или пологие периоды развития, общие для всех известных культур; скорее они обозначают внутри континуума такие пункты, на которых можно остановиться для сравнения с предшествующими. К примеру, «вождество» — это подходящий термин для культуры, развивающейся от коллективности бигменов или локальной группы (и содержащей ее элементы) к государству. Поскольку эволюционный континуум включает в себя трансформацию многих переменных одновременно, то су-

ТАБЛИЦА 8. Размер сообществ и политий
в эволюционной перспективе

Тип политии и его примеры	Размер одного сообщества	Размер политии
Стойбище:		
шошоны	30	30
сан	20	20
Село:		
мачигенга	25	25
нганасаны	30	30
Локальная группа:		
яномамо	150–250	150–500
тареумюты	150–300	150–300
тсембага	200	200
туркана	20–25	100–200
Форма коллективности с бигменами во главе:		
рыболовы Северо-Западного побережья	500–800	500–800
центральные энга	350	350
киргизы	20–25	1800
Вожество:		
тробрианские островитяне	200–400	1000
гавайские островитяне	300–400	30 000–100 000
бассери	200–500	16 000
Государство:		
Инки	±400	14 000 000
Бразилия	±300	80 000 000+
Китай	±300	600 000 000+
Ява (Индонезия)	±300	100 000 000+

ПРИМЕЧАНИЕ: Средневековые Франция и Япония (раздел 12) не включены в список примеров, поскольку они покрывают длительный период, на протяжении которого население и политическая интеграция значительно изменялись.

ществует множество вариантов культурного развития, в зависимости от локальных условий и истории, которые в одних отношениях оказываются более, а в других менее прогрессивными, если сравнивать их с соседями по этому континууму.

Начнем с рассмотрения типологии: такой широкий разброс в размерах политически организованных экономик должен соответствовать различным типам региональных политий. Для упрощения анализа в данном случае мы установили четкие пределы в зависимости от специфических экономических условий. Таким образом, мы распределяем многообразие случаев по двум измерениям — масштабу и жизнеобеспечению. Масштаб региональных политий возрастает от простых вожеств (с популяциями в ты-

сячи человек) к сложным (популяции в десятки тысяч человек), затем к региональным государствам (популяции в сотни тысяч человек) и, наконец, к империям (с миллионными популяциями). Основу жизнеобеспечения для большинства региональных обществ составляет земледелие, часто высокоинтенсивное (применяющее, к примеру, ирригацию или разбивку террасированных садов); но в конце раздела мы рассмотрим и альтернативные случаи, основанные на добывании и пастушестве.

В нашу задачу входило описание развития человеческих обществ от малочисленных до крупных, поэтому мы отобрали для исследования случаи, которые могут показать устройство мира до возникновения торговых и промышленных государств, играющих в последние столетия ведущую роль. Их усилением в процессе исторического развития объясняется случайное в какой-то мере образование Запада, включающего Европу, Северную Америку и Японию (Blaut 1993). Некоторые из исследованных нами народов были истреблены этими странами (например, шошоны, случай 1; инки, случай 16); другие же подверглись насильственным преобразованиям (крестьяне Кали-Лоро, случай 19). Глобальная трансформация человеческого общества до некоторой степени затронула все описанные выше сообщества, и на их примере мы стараемся показать эти изменения. В разделе 14 мы сопоставляем некоторые случаи, чтобы распространить научный анализ на динамику развития национальных государств, имперских систем и возникающей глобальной формы коллективности.

Региональные политики сформировались из сообществ, находящихся на уровне семьи и локальной группы, которые вошли в новые образования и были трансформированы. Но даже в региональных политиках центром повседневной жизни остается семья. Большинство решений, касающихся производственной деятельности, принимается в домохозяйствах или в близких группах из родственных домохозяйств; семья организует работу в садах, торговлю и даже наемный труд. Тем не менее свобода выбора семьи в вожествах и аграрных государствах все больше ограничивается экономическими и институциональными реалиями. Экономическое поведение семей невозможно понять в отрыве от локальных сообществ и региональных политий.

Крестьянские сообщества в Бразилии (случай 17), Китае (случай 18) и на Яве (случай 19), подобные рассмотренным выше, служили отправной точкой исследований антропологов, которые иногда преувеличивали степень их независимости и самодостаточности. Несмотря на то что проведенные в этих сообществах исследования показывают, до какой степени локальное сообщество регламентировало различные аспекты жизни семьи, пона-

добилось время, чтобы осознать, насколько экономика и политика сообщества, в свою очередь, определялись региональной политией. Региональные политии, в зависимости от их масштабов и внутренней интеграции, создают в той или иной степени мир закона и законную власть, которая гарантирует как порядок среди сообществ внутри политии, так и согласованный ответ внешнему миру конкурирующих и кооперирующихся государств.

Для вожеств и государств характерен оседлый и иерархический тип расселения. Основной единицей расселения у тробрианских вожеств (случай 12), средневековых государств Европы и Японии (случай 15), Империи инков (случай 16) и большинства крестьянских сообществ (случаи 17, 18 и 19) является деревня — социальное сообщество, характеризующееся ритуалами, проводимыми на площадях, в храмах или на кладбищах. Деревни контролируются элитами. Домохозяйства организуют деревни на территории сообщества вблизи от плодородных земель; как правило, деревня заселяется на протяжении многих поколений; ее история представляется членам группы вечной, а в их повседневной жизни огромное значение имеет связь с духами далеких предков.

При деревенском типе расселения существует четкая граница между своими (теми, кто имеет права и обязанности члена сообщества) и чужаками (членами других деревень или изгоями). Несмотря на крепкие добрососедские отношения, деревни плохо защищены. В вопросах обороны они скорее зависят от властей вожества или государства, и неспособность защищаться самостоятельно подчеркивает их подчиненность региональной власти. В тех случаях, когда для поддержания законности и порядка организуется местная милиция, это является свидетельством того, что региональная полиция слаба и неэффективна, что происходит периодически, в соответствии с циклами подъемов и падений вожеств и аграрных государств.

Политии с городскими рыночными системами и городские поселения организованы иерархически, чтобы удовлетворять требованиям рынка и эффективного регионального администрирования (С. Smith 1976). Повелители и хозяева владеют в центрах политической и религиозной власти внушающими трепет резиденциями, храмами и административными зданиями. Деятельность правительства, как и рынки со связанными с ними ремесленниками и мастерскими, притягивают рабочих и приезжих из сельских местностей. Часто центры экономической, религиозной и политической власти защищены особыми укреплениями, что обусловлено многоступенчатой иерархией в центре; и они возвышаются над деревнями земледельцев.

Степень бюрократизации при развитии региональных политий широко варьируется. Вождества обычно представляются лишенными бюрократии. У их сравнительно мелких лидеров, как, к примеру, у вождей деревень на островах Тробриан (случай 12), роли генерализованы, и они функционируют и как правители, и как судьи, и как воины, и как жрецы. Хотя вождь и может делегировать особые полномочия по управлению делами другому человеку (например, землеустроителю у гавайцев (случай 13)), однако делегированное лицо в таком случае не является частью отдельной административной единицы и остается подотчетным вождю, которого и представляет. Во многих государствах, таких как средневековые Европа и Япония (случай 15) и Империя инков (случай 16), структура государственной администрации основана на личных (часто родственных) узах, что напоминает вождества. Но с развитием крупных современных национальных государств, как явствует из раздела 13, масштаб операций требует для администрирования и контроля хорошо налаженной бюрократии.

Регионально организованные политии характеризуются следующими переменными из перечня содержания ядра культуры.

1. Окружающая среда теперь обычно включает: (а) обогащенные ресурсы, такие как орошаемые земли или аллювиальные почвы, и (б) возможности для торговли, проистекающие из наличия водного транспорта или близости рынков и торговых путей. Повсеместно окружающую среду радикально трансформируют при помощи интенсификации (расчистки лесов, распашки лугов, осушения болот) и искусственных средств. Земля, тщательно поделенная на участки, с традиционными линиями наследования, способствует установлению контроля над доступом к производительным ресурсам и транспорту.
2. Характерной чертой является высокая плотность населения, хотя и здесь присутствуют различия, отражающие разнообразие форм доминирующей экономики и путей интенсификации: от 100 человек на квадратную милю на островах Тробриан до 400 — в Дайдоу и 1850 — в Кали-Лоро. У пастухов, даже организованных в вождества, плотность населения остается сравнительно низкой. Это можно обнаружить у басери, которые занимают неплодородные земли за пределами зоны, пригодной для земледелия, но территории которых в разные сезоны перемежаются и соседствуют с земледельческими сообществами и плотность населения у которых составляет лишь 2 человека на квадратную милю.
3. Технология интенсивного земледелия включает важные формы развития капитала (такие, как ирригационные каналы, сред-

ства регулирования паводковых вод, террасы и дренаж). Там, где торговля стала важным видом деятельности, капиталовложения делаются в каноэ, корабли, пирсы, порты, повозки, мосты и дороги. Обладание технологиями предоставляет возможности для контроля над производством и распределением.

4. Социальная организация производства носит иерархический характер и подвержена воздействию региональных моделей специализации и расслоения. И хотя повседневное производство еще часто организуется внутри домохозяйства, большая часть преобразований ландшафта, включая такие виды деятельности, как возведение и поддержание ирригационных систем, требует мобилизации на уровне, по меньшей мере, локального сообщества. От администрирования и финансирования со стороны региональных элит в какой-то мере зависят локальное развитие и региональные рынки. В политиях большего размера этнические подразделения часто совпадают с регионально специализированными экономиками, интегрирующимися посредством торговли и рынков.
5. Войны и территориальность продолжают занимать центральное место, но цели у них другие. Природа войн существенно изменилась: от конкуренции локальных групп за землю и иные ресурсы, в которой врагов убивали или заставляли отступить, до захватнических войн, преследующих цель расширения политической экономики, с тем чтобы завладеть землями и трудовыми ресурсами и отдать их под контроль элит. Войско, профессионализм которого растет, служит как для расширения роли и защиты политики на внешнеполитической арене с присущей ей конкуренцией, так и для прекращения насилия между сообществами и государствами. Собственность на землю подразумевает право на долевое участие в производстве (фонд ренты) как основу для финансирования институтов и проектов элиты.
6. За исключением самых маленьких вожеств, политическая интеграция распространилась на большие пространства, вобрав в себя крупные регионы и тысячи подданных. Таким образом, политическая система соединила незнакомых до этого людей, не связанных дружескими чувствами, из разных этнических групп, разных культур и разной идентичности. Государства объединяют мультиэтнические популяции с разной историей и разной идентичностью, которые каким-то образом должны идти на компромиссы и балансировать внутри властной структуры. Выстраивание региональных институтов власти, таких как вожества, государства, церковные иерархии и бюрократия, знаменует появление региональных поли-

- тий. Решающее значение приобретают средства финансирования новых институтов управления.
7. Расслоение, присущее региональной политике, по мнению некоторых авторов, является ее основной характеристикой. С появлением сложных вожеств и государств приходит и разделение на классы: правящий сегмент, владеющий и управляющий большей частью богатств и производительных ресурсов, и сегмент общинников, которые трудятся в поле и над выполнением иных производственных задач. Расслоение может базироваться на вере в расовое, историческое и религиозное превосходство элиты. Отмечается также и гендерное неравенство. Различия между подразделениями и иерархиями материализуются в одежде, культуре, качестве жилья, погребениях и т. п. Региональная политика представляет собой мир подразделений и отличий, которые выражают и легитимизируют экономическое превосходство одних над другими.
 8. Но более всего в региональной политике впечатляет священное, которое находит свое выражение в сакральных церемониях, предназначенных порождать чувство общности происхождения, целей и достижений и освящающих классовое деление общества. В действительности шаманизм, магия и культ предков играют свою роль уже внутри семьи и соседства, а на уровне локальной группы моления у деревенских святынь или церемонии почитания святых покровителей продолжают укреплять отношения. Но именно в церемониях, характерных для региональной политики, оно материализуется с помощью демонстрации военной мощи, красивых религиозных празднеств, драматических представлений, публичных наказаний и жертвоприношений. Цель их заключается в том, чтобы производить на зрителей впечатление безграничной властью, демонстрирующей тщетность любой попытки восстания или бегства. И если священное на уровне локальной группы в основном сопряжено с демонстрацией и укреплением уз, связующих семьи в группы, то на уровне региональной политики оно служит тому, чтобы общинники одобряли и поддерживали политику и привилегии элиты.

По сравнению с уровнями семьи и локальной группы, в региональной политике существует огромная дистанция между домохозяйством, лидерством и политической властью на самом высоком уровне. По этой причине Крёбер (Kroeber 1948: 92) назвал крестьян «неполнообществами с неполнокультурами»¹: многое

1. В оригинале *part-societies with part-cultures*.

из их социального, экономического и культурного окружения произведено вдали от домохозяйства — на рынках, в городах, замках и храмах — и обусловлено борьбой элит за власть. В отличие от сети родства, столь важной для локальной группы, крестьянские домохозяйства более раздроблены и изолированы, они лишь в индивидуальном порядке участвуют в рынке и сохраняют личные связи со своими покровителями из элиты.

Разделение труда между мужем и женой по принципу взаимодополняемости продолжает подчеркивать независимость экономики, основанной на браке. В региональной политике у крестьян имеется тенденция передавать землю и иные богатства по мужской линии, проживание здесь патрилокальное, и отчетливо видна идеология мужского господства (Michaelson and Goldschmidt 1971). Наиболее сильно эти паттерны выражены в имущих семьях, где на смену ценности воспроизводства мужских наследников приходит значимость вознаграждения, получаемого за целомудренных дочерей, которые станут плодовитыми и верными женами. Идеология мужского господства проникает во все регионы и классы. Новобрачные обычно стремятся обзавестись отдельным очагом и собственным домом, что часто входит в противоречие с желанием престарелых родителей сохранить патриархальный контроль над экономиками домохозяйств их сыновей, в том числе затем, чтобы в старости им был обеспечен уход.

Политическая революция: происхождение цивилизации

Урбанистическая революция представляет собой третий важнейший переворот в человеческой истории (Childe 1936, 1942). Рост городов приводит к развитию региональных политических ландшафтов с центрами сосредоточения населения, администрации, религии и экономики. Урбанизация является одним из множества взаимосвязанных процессов, действие которых влечет за собой образование сложного общества. Здесь мы хотим остановить внимание на одном из основополагающих аспектов этой революции — экспансии политической экономики, привлекающей полученные сообщества земледельцев излишки для финансирования новых институтов элиты в вождествах и государствах.

Почему локальные популяции земледельцев соглашались на дополнительные усилия по производству излишков, чтобы финансировать проекты, которые по большей части ими не контролируются и мало влияют на их жизнь? Общий ответ заключается в том, что продолжительная интенсификация производ-

ства порождает возможности для контроля, которые позволяют элитам требовать свою долю от произведенного. Мы уже видели, как интенсификация в экономике жизнеобеспечения в качестве обратной связи между ростом населения и технологическими изменениями порождает новые проблемы (такие, как возрастающие риски и возникновение войн), для разрешения которых, в свою очередь, требуются новые социальные технологии, как, например, расширенное родство, долги и кредиты, церемониальные циклы и лидерство. Дальнейшее развитие этого процесса и приводит к усилению контроля.

Для лучшего понимания этого процесса рассмотрим институционализацию властных отношений. В работе «How Chiefs Come to Power»² Эрл (Earle 1997) исследует на трех исторических и археологических примерах, как появляются и развиваются независимые вожества: на Гавайях (случай 13), в Перуанском нагорье (случай 16) и в Дании. В каждом из случаев долговременный рост человеческой популяции требовал интенсификации жизнеобеспечения, что имело своим результатом как драматические антропогенные изменения в окружающей среде, такие как расчистка лесов и разбивка полей, так и преобразования в иных средствах производства. Интенсификация породила особые возможности для контроля. И, несмотря на очевидность альтернативных путей, ведущих к усложнению, во всех указанных примерах процесс этот происходил сходным образом, хотя под контроль брались разные источники власти.

Основными источниками власти являются экономика, военная сила и идеология (см. Mann 1986), и каждый из них можно рассматривать как результат интенсификации. Экономика предполагает управление различными условиями, проистекающими из интенсификации, они же создают возможности для появления дифференцированной власти. Первым из таких условий являются риски: более интенсивные экономики сопряжены с большими рисками на местах и нуждаются в элементах распределения рисков внутри региона. Вторым — технология: устройство ирригационных систем или иных средств влечет за собой развитие капитала в виде территориальных преобразований. Третьим является торговля: во время «вторичной революции продуктов» (Sherratt 1981) развивающиеся интенсивно земледельцы начинают потреблять продукты животного происхождения, поставляющиеся пастухами, живущими в неблагоприятных для земледелия зонах. Как доказывает Барт (Barth 1956), нарождается региональная экономика, связывающая различные политии

2. Букв. «Как вожди приходят к власти».

с варьирующимися экономиками жизнеобеспечения, и наибольшую выгоду начинает приносить торговля, которая ведется между популяциями (например, басери, случай 14).

Что касается военной силы, то по мере интенсификации экономики конкуренция за наиболее производительные ресурсы и предметы торговли приводит к появлению вооруженных сил, и образуется новая форма элиты — воины. Воины защищают от внешней угрозы территорию группы и устанавливают в регионе мир, когда это отвечает интересам локального сообщества. Новый региональный порядок гарантирует общинникам право доступа к ресурсам, но это им дорого обходится: воины (как и вожди и хозяева, которых они представляют) назначают ренту на землю, находящуюся во владении элит. Воины выполняют двойную функцию, устанавливая стратифицированный порядок (с различиями в доступе к средствам производства) и расширяя своими завоеваниями политическое поле деятельности своего вождя или хозяина.

Идеология предоставляет мощный источник легитимации, дающей юридическую силу экономическому и военному регулированию, от которого теперь зависит экономика на местах. Групповым правом в региональных полициях по-прежнему управляют церемонии, как это имело место и в локальной группе; но теперь их совершают на нескольких уровнях, что способствует вхождению локального сообщества в усиливающуюся политическую структуру вождей и хозяев, защищающих с помощью культов божеств и космоса свой привилегированный статус. Статус элиты делает ее основным содержанием ритуальных практик, от которых, как считается, зависят преумствственность в развитии сообщества и его способность к воспроизводству. На церемонии приходят, чтобы разграничивать отношения зависимости и подчинения.

Рисунок 10 служит иллюстрацией того, как основные условия экономики жизнеобеспечения предоставляют возможности для контроля над производством и распределением, приводящего, в свою очередь, к привлечению излишков, использующихся в политической экономике. Впоследствии излишки из политической экономики могут быть реинвестированы в инфраструктуру экономики для получения еще больших излишков. Кроме того, излишки, направляемые через политическую экономику, используются на содержание нарождающейся военной элиты, приводящей в действие контроль над экономической инфраструктурой и идеологической надстройкой. Излишки идут и на разработку идеологии, что включает в себя образование формальных религиозных институтов и проведение широкомасштабных церемониальных действий. Идеология к тому же устанавливает правила, легитимизирующие социальное расслоение в региональной политике.

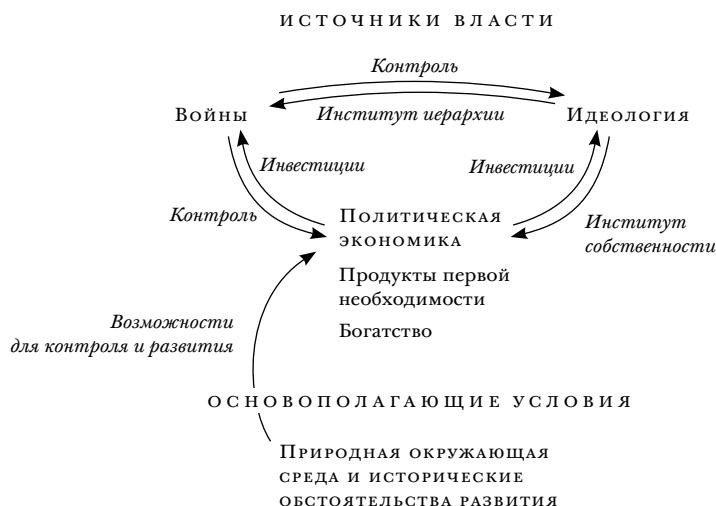

РИС. 10. Взаимосвязи различных источников власти во властных стратегиях вожеств (Earle 1997: 204)

Теоретизация региональной политики

Понимание региональной политики означает понимание тех способов, с помощью которых лидерство становится институциональным и распространяет свое господство на популяции в тысячи, а то и в миллионы человек. Теоретические дебаты о том, как это происходит, по большей части следуют разделению на экологическое и политическое измерения власти, что уже отмечалось в разделе 1 (Earle 1987). Теоретики экологии акцентируют внимание на том, каким образом предводители региональных политий управляют экономикой жизнеобеспечения. Сервису (Service 1962) виделось, что к эволюции вожеств привело появление региональной редиистрибутивной экономики, управляемой вождями. Согласно этому взгляду, вожди получают товары от экономически специализированных сообществ для того, чтобы впоследствии распределять их по необходимости. Сандерс (Sanders 1956) также связывал эволюцию государств с распределением, на этот раз на рынках, нуждающихся в централизованной власти государства, чтобы сохранять в регионе мир, от которого эти рынки зависят. Виттфогель³ (Wittfogel

3. Карл Август Виттфогель (1896–1988) — немецкий и американский историк, специалист

1957) видел в государстве необходимое условие для сооружения и поддержания в регионе ирригационных систем; он доказывал, что, как и в похожих случаях с позднейшими индустриальными технологиями, производственные масштабы ирригации требуют централизованного управления значительной рабочей силой.

Говоря о политике, Фрид (Fried 1967) обосновал идею Маркса о том, что стратифицированные общества появляются для поддержания различий в доступе к средствам производства. Крестьяне начинают зависеть от новых средств развития земледелия, например ирригации. Манн (Mann 1986) описывает, как в цивилизациях Среднего Востока общинное население, обитающее в пустынях и не имеющее выбора, стало узником ирригационных систем. Появившаяся военная элита с легкостью захватывала такие средства производства и использовала их для собственной выгоды (Gilman 1976, 1981). Таким образом, институты стратифицированного общества служат сохранению контроля элиты над богатством и собственностью и централизованно основывают и регулируют законы, суды, учет, звания, полицию и тюрьмы.

по Китаю, писатель, деятель коммунистического движения, которого у нас, однако, рассматривали как ревизиониста, а поэтому замалчивали; получил докторскую степень во Франкфуртском университете. После прихода к власти нацистов сидел в концлагерях, затем вынужден был бежать в Англию, а потом и в США, где преподавал в Колумбийском и Вашингтонском университетах. Кроме разбираемой здесь так называемой гидравлической теории (см. также примечание 39), Виттфогель — автор многих других широко обсуждаемых идей. Работая в русле многолинейного марксизма, он был одним из теоретиков так называемого азиатского способа производства: первобытнообщинный строй и вступление в первое классовое общество (по Виттфогелю, феодальное) были универсальными для всего человечества; далее Европа пошла по пути рабовладения (античности), в других же местах, например в Азии (но не только), сложился бюрократический строй (деспотия) с особым способом производства, отличающимся отсутствием частной собственности на средства производства. Общества такого типа сами не способны перейти к рыночному капитализму. Он вообще считал, что лишь немногим обществам свойственны внутренние обусловленные изменения (трансформация), важнейшим же фактором в истории является взаимное влияние. Трансформация деспотии обусловлена «кумулятивной тенденцией неразделенной власти» к безграничной централизации, которую ограничивает лишь «уменьшающаяся административная отдача» (затраты на содержание чиновничества не должны превышать доходы государства). В силу этого правители мирятся с второстепенными формами самоуправления (демократией нищих), но только если те не угрожают стабильности общества. Виттфогель выделял 3 типа деспотий: 1) древние гидравлические общества (Египет, Месопотамия, Китай, Индия, Месоамерика, образовывавшие ядро; 2) маргинальные деспотии на окраине гидравлического мира (Византия): здесь государство организует не ирригацию, а просто добычу питьевой воды, строит дороги, собирает налоги и следит за общественным порядком; 3) субмаргинальные деспотии (Турция, Россия): государство лишь собирает налоги и осуществляет общую организационную деятельность (минимум, необходимый для поддержания деспотизма).

В равной степени важны как экологические, так и политические теории появления сложных обществ, поскольку интенсификация, требующая управления экономикой жизнеобеспечения на местах, в то же время создает и возможности для контроля над доступом к ресурсам. Теперь вернемся к этим теориям и рассмотрим их более детально через призму экономического, военного и идеологического источников власти.

Экономические теории

При изучении политической экономики сложного общества ключевым является вопрос, откуда берутся излишки. Например, Лесли Уайт (White 1959; Уайт 2004) утверждал, что культурная эволюция следует за технологическими достижениями в энергопотреблении и что с каждой инновацией большая масса энергии поддерживает большее число людей, освобождая их для более широкой деятельности. Эта теория, объясняющая социальное усложнение излишками, обосновывает простой факт, что технологический прогресс позволяет всегда производить больше излишков, из чего и вытекают достижения цивилизации: искусство, формализованная религия, письмо, ремесленная специализация, городская жизнь и региональные правительства:

[Урбанистическую революцию] инициировали в аллювиальных долинах Нила, Тигра, Евфрата и Инда около 5 тыс. лет назад после того, как некоторые прибрежные деревни трансформировались в города. Общество склоняло или вынуждало фермеров производить продуктов намного больше, чем того требовали их собственные домашние запросы, и, сосредоточивая эти излишки, использовало их для поддержания нового городского населения, состоящего из ремесленников, торговцев, жрецов, руководителей и клерков (Childe 1942: 18).

Представлялось, что была необходима сложная технология пищевого производства, чтобы получить излишки, с помощью которых оплачивалось социальное усложнение.

Однако Пирсон (Pearson 1957) в своей известной статье «The Economy Has No Surplus»⁴ раскритиковал теорию излишков, как способную объяснить социальную эволюцию. Субстантивистские рассуждения Пирсона вернули на место логику в понимании теории излишков; он показал, что невозможно определить фиксированный прожиточный минимум, после которого излишки становятся средством для дальнейшего развития. Он утвер-

4. Букв. «У экономики нет излишков».

ждал, что у всех обществ имеется потенциал для производства сверх биологической потребности (калорийный минимум Вулфа), но это не позволяет прогнозировать, будут ли общества производить излишки, и если да, то направят они их на увеличение потребления внутри домохозяйства или на общественные расходы. По его мнению, это зависит от социального контекста, в котором существует новая система производства. Субстантивистская теория утверждает, что экономика является результатом работы социальных институтов и что экономические цели устанавливаются обществом. Излишки не могут образовать сложное общество, поскольку само общество производит излишки!

Харрис (Harris 1959), разрабатывая экологическую точку зрения, разрешил дилемму курицы и яйца, допуская, что первичной целью социальных институтов было сохранение человеческих популяций в особенных средах. Соглашаясь с Пирсоном в том, что излишки социально обусловлены, Харрис доказывал, что излишки необходимы для долговременного выживания популяции и они не бывают чрезмерными. Так, проживание в непостоянной и непредсказуемой окружающей среде требует больше излишков, чтобы защититься от порой губительных колебаний урожайности. В качестве примера он описал, как на островах Тробриан (случай 12) излишки ямса централизованно выставляют в деревне вождя и оставляют там гнить, если год урожайный. Но в нестабильной окружающей среде островов перепроизводство необходимо для спасения от голода в неурожайные годы, и тогда населением потребляется весь ямс. Проводимая вождем редистрибуция излишков является своего рода страховым полисом, необходимым при интенсивном ведении сельского хозяйства в регионе, где урожаи невозможно предугадать и где они поступают в ведение социальных институтов. Таким образом, можно сказать, что не развитие общества порождает излишки, а излишки служат опорой для развития общества.

При переходе от локальной группы к региональной политике домохозяйству необходимо расширять свои производственные цели, чтобы они соответствовали требованиям региональной политической экономики, которые выражаются, как правило, в форме обязательных выплат элитам. Бюджету домохозяйства необходим фонд жизнеобеспечения. Церемониальный фонд тоже нужен (как и в локальной группе); каждое домохозяйство стремится сохранять свое место в социальной структуре сообщества. Для субстантивистов, к числу которых относится Пирсон, наличие церемониального фонда является знаком того, что крестьянская экономика включена в общество; для Харриса же, как и для Вулфа (Wolf 1966a), это обязательные расходы домо-

хозяйства на поддержание социальных отношений, необходимых для долговременного успеха в жизнеобеспечении и воспроизводстве. С развитием региональных политий домохозяйства должны становиться вкладчиками фонда ренты и делать выплаты вождям, фактическим хозяевам, религиозным и правительственным институтам, претендующим на право собственности на землю и технологию производства. Домохозяйство вынуждено отдавать часть произведенных продуктов, платить барщину и другие формы ренты и налогов, чтобы сохранить право пользоваться наделом и иными ресурсами, необходимыми для жизнеобеспечения. Для финансирования институтов нового общества у общинников изымают излишки, которые иногда составляют до трех четвертей от всего произведенного домохозяйством.

Специфические экономические системы являются характерными в процессе развития вождеств (редистрибуция) и государств (рынок). Поланьи (Polanyi 1957) описывает редистрибуцию как социальное требование передавать товары и услуги центральной фигуре для их последующего перераспределения. В этих терминах излишки можно описать как устанавливаемую культурой долю, которую общинники должны (и выплачивают) центру, в котором ее перераспределяют для удовлетворения более широких социальных потребностей. Как мы видим на примере гавайских вождеств (случай 13), редистрибуция представляла собой организованную политическую экономику, привлекающую ресурсы для финансирования расширяющихся вождеств (Earle 1977).

Поланьи рассматривал рыночный обмен, при котором цены определяются спросом и предложением, как более позднюю фазу человеческой истории, связанную с подъемом капитализма. Другие авторы считают, что рыночные системы имелись у большинства государств (Claessen 1978: 542). Рынки — это такие нейтральные зоны, куда люди из сельской местности и других политий могут прийти, чтобы обменяться товарами и услугами по бартеру или за деньги. Государства необходимы рынкам, потому что они предоставляют инфраструктуру (дороги, порты), институциональную основу (деньги, права собственности) и мир в регионе, от которых зависит рыночный обмен. Но почему рынки так важны для государств?

Эволюция вождеств и государств зависит от того, насколько доступны ресурсы, необходимые для поддержания вождеских и государственных институтов, в свою очередь зависящих от фонда ренты. Система финансирования принимает две формы: вклады в виде продуктов первой необходимости и вклады в виде материальных ценностей. История обеих форм уходит в далекое прошлое к простым обществам: продукты первой необходимости важны как средства к существованию, а наличие ма-

териальных ценностей подчеркивает статус. Но с эволюцией институтов регионального управления производство и распределение товаров, которое они контролируют, становится централизованным.

Вклады в виде продуктов первой необходимости (D'Altroy and Earle 1985; Earle and D'Altroy 1989) представляют собой систему redistribution, при которой продукты (в первую очередь пищевые) изымаются у индивидуальных домохозяйств в качестве обязательной платы центру. Предводители направляют пищевые излишки (точно так же, как это делают локальные группы) на организацию церемоний и распределяют их среди тех, кто работает на вождество (или государство). Первичной институциональной формой сложных обществ, использующей продуктовые вклады, является корпорация (Blanton et al. 1996); правящие элиты владеют землей, с которой они получают долю от произведенных общинниками продуктов питания в обмен на пользование правами. Такое владение материализуется в виде искусственно созданных объектов, предназначенных для демонстрации власти, включающих монументы, хранилища, мощеные дороги и преграды. Корпоративность обнаруживается в групповых церемониях, в ходе которых под сакральным руководством правящей элиты люди идентифицируются с землей и прочими ресурсами.

Главное достоинство системы вкладов в виде продуктов первой необходимости заключается в ее простоте. Излишки используются непосредственно, компенсируя затраты на непродуцируемый сектор, состоящий как из элит, руководства, воинов и ремесленников, так и из общинников, отрабатывающих барщину. От продуктовых вкладов зависят многие вождества, но они распространены и в государствах, как показывают ранние средневековые общества (случай 15) и даже Империя инков (случай 16). Сложные стратифицированные политии могут существовать без развитой рыночной системы, но в таком случае им нужны большие централизованные хранилища. Главный недостаток системы продуктовых вкладов заключается в логистике; большие объемы продуктов первой необходимости и их неделимость на части затрудняет их перемещение на любые расстояния (D'Altroy 1992). Такие политии не урбанизированы и обычно невелики, с протяженностью менее чем тридцать миль.

Вклады в виде материальных ценностей (Brumfiel and Earle 1987; D'Altroy and Earle 1985) связаны с контролируемым производством и распределением эквивалентов стоимости или средств обращения. С появлением вождеств обращение престижных товаров выделяется в особую сферу обмена, и теперь их нелегко обменивать на продукты первой необходимости (Bohannan 1955). Это

ограничивает доступ общинников к ценным предметам и дает возможность элитам контролировать престижную экономику (Earle 1982). Прimitивные ценности, как, например, предметы *кула* у тробрианских островитян, определяют статус индивида, наделяют его правами и обязанностями, связанными с его положением, и обозначают престижные ранги. Они могут действовать и как политическая валюта, компенсирующая службу индивида. Многие вождества, в особенности те, у которых нет средств для высокоинтенсивного земледелия, полагаются на ценные вклады, используя эквиваленты стоимости.

Первичная институциональная форма для ценных вкладов в вождествах представляет собой сеть, внутри которой статус и положение индивида определяются социальными, экономическими и политическими отношениями (Blanton et al. 1996). Сети материализуются в виде служащих доказательств богатства предметов, обмениваемых и демонстрируемых на публичных церемониях; а обмен престижными товарами — это среда, в которой образуются нестабильные, но протяженные конфедерации.

В государствах развитие средств обращения коррелирует с развитием рынков, приобретающих новую интегративную функцию, значение которой трудно переоценить. Настоящая валюта — это эквивалент стоимости, приспособленный под средство обмена и резерв стоимости. Как и универсальные деньги в современных рыночных экономиках, он стремится быть кратным достоинствам различных размеров и свободно конвертируемым (то есть взаимозаменяемым) в обмен на товары. Им пользуются для оплаты и покупки в государствах с рыночной системой экономики. Средства обращения в большинстве государств используются вначале в соединении с продуктовыми вкладами.

Главное преимущество вкладов в виде материальных ценностей состоит в их легкой централизации. Престижные товары и валюта особенно ценятся из-за их транспортабельности, вклады в виде ренты или дани можно перемещать на значительные расстояния и хранить централизованно. Такие вклады не требуют больших хранилищ, не портятся и не теряют ценности. Материальные ценности без труда переправляют, и они надежно хранятся под сводами административных центров.

Главный недостаток вкладов в виде материальных ценностей заключается в том, что их невозможно использовать напрямую для поддержания работающих на вождество или государство. Невозможно съесть престижные товары или валюту; требуются рынки, где ценные предметы можно конвертировать в продукты первой необходимости (Brumfiel 1980). И если рынки разрушаются, то и богатство теряет ценность. Крупные государства

для развития большого не земледельческого урбанистического сектора должны использовать валютную систему для налогообложения и оплаты и конвертировать валюту на рынке. Можно определить государство как урбанистическое, ориентированное на рыночную экономику общество.

Военные теории

С развитием сложных обществ связаны войны и появление войск. Как мы наблюдали на примере локальных групп, рост населения и интенсификация жизнеобеспечения усиливают конкуренцию между сообществами за землю. Локальная группа стремится защитить права своих членов на использование земель и выстроить межгрупповые формы коллективности, обеспечивающие ей союзников и регулирующие военные конфликты. Но что происходит, когда население продолжает расти и ресурсы используются все интенсивнее?

Связь войн с образованием региональных политий была исследована Карнейро (Carneiro 1970b, 1981). Он доказал, что вождества и государства — это общества воинов и милитаристов. Никто не подчиняется добровольно региональному порядку; популяции надо завоевывать и присоединять насильно. Как бы то ни было, растущие популяции со временем оказываются стесненными как географически, так и социально. Им идти некуда: все открытые земли уже заняты, а потому люди еще теснее привязываются к своей земле, которую они должны защищать от соседних групп. Межгрупповая конкуренция и войны требуют от сильных групп выбора лидеров, способных мобилизовать и координировать воинов и заключать союзы для защиты территорий. Таким образом, популяции с эффективным военным лидерством неизбежно вытесняют популяции, хуже организованные в военном отношении (Carneiro 1967).

В вождествах воины представляют собой профессионалов, прикомандированных непосредственно к вождям; в их обязанности входят завоевания и принуждения, а вождь играет роль воина-победителя с львиным сердцем, от которого исходят и безопасность, и выгоды. В государствах войско становится большим и структурированным институтом, предназначенным как для имперской экспансии, так и для внутреннего управления. В обоих случаях войску вменяется в обязанность завоевание и удержание производительных ресурсов, от которых зависит политическая экономика (Haas 1982). Войско, успешное в завоеваниях, открывает широкую дорогу для создания и закрепления привилегий и принудительно вводит неравенство.

Идеологические теории

Идеологии — системы убеждений, создаваемые определенными социальными сегментами, чаще всего правящими элитами вождеств и государств, которые они используют в своей стратегии установления и поддержания легитимности собственного положения в обществе. Идеологии наполняют содержание публичных действий, представляющих теологические и социальные нарративы. Например, до завоевания Явы Голландской империей сельскую местность там населяли крестьянские сообщества, предшественники Кали-Лоро (случай 19). Эти сообщества существовали внутри больших государств, поддерживавших религиозные системы и церемониальные комплексы, чтобы показать преемственность власти, идущей от традиционных королей. Гирц (Geertz 1980) свидетельствует, что на соседнем острове Бали у политий (*негара*) совершенно отсутствовали такие инструменты государственных институтов, как бюрократия или войско. Он описывает их как театральные государства, которые инсценируют детально разработанные календарные и циклические церемонии. В этих представлениях разворачивается исторический нарратив государства, подтверждаемый религиозной догмой и материализующийся в церемониях, литургиях, священных текстах, монументальной архитектуре и надписях. С помощью государственной религии до сознания доводится то, что нарратив государства и властные отношения, которые он кодифицирует, одинаково священны.

Манн (Mann 1986) считает, что социальное развитие может привести к образованию социальных сегментов, различающихся доступами к источникам власти. Если считать верной посылку, что власть может проистекать из различных сфер (экономики, войска и религии), то представляется возможным, что они могут оставаться частично самодостаточными; отделены друг от друга могут быть сакральная и профанная власть, войско и землевладельцы. И, несмотря на желание лидеров взять под контроль все источники власти, их способность осуществить это остается проблематичной. Развитие государств приводит не только к возрастающей централизации, но и к фрагментации их на обособленные и потенциально оппозиционные друг другу источники власти. На месте единого властного центра может появиться, как мы покажем в разделе 10, гетерархическая система, состоящая из частично пересекающихся властных иерархий, уравнивающих друг друга (Ehrenreich et al. 1995).

Исходная динамика региональной политики

Чтобы понять, как и почему людям, приспособившимся к жизни в небольших группах, понадобилось создавать региональные политики, вернемся к вопросу о движущих силах интенсификации. В дополнение к продолжающемуся давлению со стороны непрекращающегося роста населения, политическая экономика, сама ориентированная на рост, запускает новую динамику интенсификации. Хотя локальным сообществом руководит централизованное управление, связывая его с политической надстройкой, исходной мотивацией для управления теперь становится увеличение количества излишков, требующихся институтам власти. Лидеры в высшей степени мотивированы усиливать контроль над экономикой путем повышения собственной репутации в высококонкурентном мире вожеств и государств.

Лидеры должны поддерживать баланс. Они стремятся максимально мобилизовать экономику жизнеобеспечения домохозяйств. Но при этом им необходимо сдерживаться и не подвергать слишком большому риску производственную инфраструктуру. Несмотря на то что элиты, убежденные в собственном превосходстве, мало обеспокоены состоянием общинников, они понимают, что домохозяйствам необходим доступ к ресурсам жизнеобеспечения, чтобы не только прокормить себя, но еще и работать для получения излишков, идущих на надстройку.

Наконец, им следует сдерживать недовольство крестьян. Хотя идеологии вожеств и государств легитимизируют власть правителей, крестьяне убеждены в том, что у их семей есть право на выживание, как замечает Скотт (Scott 1959), говоря о моральной экономике крестьянина. Как показал Харрис (Harris 1959), каждая средняя экономика должна заниматься перепроизводством, чтобы, в соответствии с законом минимума Лейбига, гарантировать возможность нормального существования в неурожайные годы. В крестьянской экономике все излишки потенциально принадлежат владельцам земли, а сумма отчужденного варьируется в зависимости от урожая. В урожайные годы элитам выплачивается большая рента, и те на свое усмотрение инвестируют полученное в земли, технологию и проекты, направленные на усиление безопасности или на модернизацию. Но в неурожайные годы элитам приходится уменьшать размеры отчуждаемого, чтобы гарантировать крестьянам моральное право на выживание.

К примеру, в аграрной Европе (случай 15) элиты боялись крестьянских восстаний. Крестьяне численно значительно превосходили господина с его свитой, поэтому, когда возникала угроза

восстания, он должен был прятаться в замке. Отчуждение большого количества излишков приводило к тому, что крестьяне с трудом могли обеспечивать семьи, однако они поддерживали существующий порядок, гарантирующий им получение средств к существованию. Если же такая гарантия нарушалась, как это произошло, например, совсем недавно в связи с расширением рынков сельского труда (см. издольщики Буа-Вентура, случай 17), ухудшившееся положение крестьян могло спровоцировать мятежи (Johnson 1999; Scott 1976).

Кросс-культурное развитие региональных политий наглядно объясняет процессы многолинейной эволюции. Интенсификация производства становится причиной проблем, решение которых ведет к установлению контроля, но условия, благодаря которым контроль становится возможным, варьируются, что является причиной того, что эволюция идет различными путями. Таким образом, к региональной политике ведут разные линии развития — земледелие, добывающая деятельность и пастушество.

Большинство вожеств и государств основывалось на базе интенсивного земледелия, и мы уже описали главные черты их эволюционного развития. Разные условия окружающей среды предоставляют возможности для интенсификации земледелия, гарантирующей как обеспечение популяции с высокой плотностью населения, так и получение излишков для финансирования социальных институтов. Интенсификация земледелия приводит к возникновению двух главных проблем, требующих разных форм управления. Там, где невозможны вложения в такие технологии, как ирригация или дренаж, и с учетом проблем, к которым в тропических экосистемах приводит короткий период парового воздействия, интенсификация обычно принимает форму продуманного управления паровым циклом. На островах Тробриан (случай 12), где земледелие ведется в засушливой зоне, вожди, управляющие циклом работ, сочетают распределение земель с земледельческим ритуалом и поощряют хранение пищи, необходимой в неурожайные годы для выживания сообществ, а в урожайные — для организации пиров соревновательного характера. В регионах, где возможно развивать технологии для высокопроизводительного земледелия (ирригационные системы, устройство террасных полей, дренаж и т. п.), улучшенные земли переходят в собственность элит, которые могут изымать излишки у сельских работников, не имеющих другого выхода. Такие системы вкладов существовали в сложных вожествах на Гавайях и в Империи инков.

С появлением региональной политики, основанной на интенсивном земледелии, целью войн становится завоевание. Земле-

дельческая интенсификация увеличивает ценность земли, и вместе с этим растет вероятность конфликтов из-за нее внутри политии; способность военного вождя или господина защитить земельные права позволяет ему получить поддержку подданных. Войны, в которых вожди сражаются за контроль над территорией и властвование населением, — это войны, возникающие в результате желания увеличить доходы посредством фонда ренты.

В отдельных специфических условиях вожества и государства могут развиваться и на основе добывающего хозяйства. Исходным условием для этого является чрезвычайно продуктивная окружающая среда, обеспечивающая сравнительно высокую плотность населения и получение излишков. Такие условия могут существовать в приморье, где большие популяции рыбы и морских млекопитающих способны удовлетворить потребности людей даже при высокой плотности населения. У индейцев Северо-Западного побережья (случай 9), рыболовов, в распоряжении которых имелись более сложные технологии, такие как лодки, ловушки для рыбы и приспособления для сушки и хранения, и у которых появились сильные местные лидеры, стала возможной и интенсификация. Вложения капитала, как и в земледельческих обществах, способны значительно повысить производственный потенциал. Это понимают предводители, делающие вложения в ремесло, организующие добытчикам содержание и защищающие их от соседних групп. Контроль над этими средствами дает лидерам возможность привлекать ресурсы для носящих политический характер соревновательных демонстраций, на которых образуются важнейшие формы межгрупповой коллективности. У сложных охотников и собирателей, описанных в археологии и этнографии (Arnold 1996a; Price and Brown 1985), где системы бигменов широко распространены, производительность и контроль, необходимые для поддержания вожества и государства, тем не менее встречаются редко.

И все же в условиях исключительно продуктивной среды добытчики сумели развить региональные политии. Арнольд (Arnold 1996b) доказывает, что право собственности на лодки сформировало у добытчиков (как, например, индейцев чумаш⁵ в Южной Калифорнии) экономическую базу для контроля, необходимого вожествам. Интенсификация приморской экономики привела к установлению разветвленной торговли с применением морских каноэ между островными экономиками, богатыми животными ресурсами, и материковыми экономиками, богатыми ра-

5. Чумаш (Chumash) проживают в южной части Калифорнии, где их осталось всего 156 чел. (2000); прежде говорили на шести довольно сильно отличающихся

стительными ресурсами. Помимо большей эффективности производства, возникшей благодаря специализации, торговля стала не менее важной для жизнеобеспечения деятельностью. Например, у островных чумаш высокопроизводительная приморская экономика была затруднена по причине Эль-Ниньо⁶, из-за которого температура воды повышается, а численность рыбы и других морских животных падает. И тогда островные группы перешли к торговле и стали обменивать деньги-раковины, выловленные ими в урожайные годы, на семена и животных с материка.

В относительно благоприятной окружающей среде добытки развили региональные политики, интеграция в которых была построена на церемониях: это можно сказать про калуса по берегам защищенных заливов Флориды (Widmer 1988), ранние доисторические вождества Поверти-Пойнт⁷ вблизи стоячих вод

друг от друга языках, ныне все они являются вымершими (вентуреньо, обиспеньо, барбареньо и др.). О культуре и социальной организации чумаш мало что известно, поскольку уже к XVI веку они вошли в систему католических миссий и попали под влияние Испании. Ранее выдвигалась идея о родстве этой небольшой языковой семьи с хоканской, но теперь она оспаривается. По ряду признаков культура чумаш резко выделялась на фоне соседей (использование дощатых лодок и мореходства, раковин в качестве эквивалента стоимости и др.), что служило благодатной почвой для всякого рода спекулятивных рассуждений об их трансокеанских (полинезийских) связях, и пр. Чумаш никогда не образовывали этнического и политического единства. При этом барбареньо (жившие вокруг миссии Санта-Барбара и на окрестных островах), которые более всего и интересуют А. Джонсона и Т. Эрла, делились на патрилинейные кланы, возможно тотемические, и *ранчерии* (деревни), каждая из которых состояла из 38–120 домов. В элиту ранчерии входили 3–4 *капитана* (вождя), обычно владевшие лодками, один из которых был верховным. Только капитан мог позволить представителям других ранчерий охотиться или заниматься собирательством на контролируемом им участке.

6. *Эль-Ниньо* (исп. El Niño — малыш), или ENSO (El Niño Southern Oscillation), — характерное для Тихого океана природное явление, которое заключается в длительных температурных аномалиях (повышениях температуры) морской воды у поверхности. Приводит к массовой гибели планктона, который поддерживает большие популяции рыбы. Другое последствие — крупномасштабные нарушения циркуляции атмосферы, вызывающие засухи во влажных регионах и наводнения — в засушливых. ENSO случаются каждые 2–7 лет, последний раз было отмечено в 2002–2003 годах.

7. *Поверти-Пойнт* (Poverty Point) — комплекс археологических памятников в виде колоссальной земляной насыпи (238 000 куб. м) и нескольких насыпей поменьше, расположенных около города Эппс, штат Луизиана. Датируется 1650–700 годами до н. э. Назначение его не совсем ясно, хотя инвентарь (глиняные конусы и призмы символического характера, множество завезенных предметов, включая медь из района Великих озер) позволяет предположить, что это мог быть церемониальный центр или торговый пост. Численность его обитателей достигала 2000 чел., а на его сооружение, по расчетам, должно было уйти в общей сложности 3 млн часов. Поверти-Пойнт — одна из первых оседлых, но еще добывающих культур Архаичного периода по североамериканской хронологии.

(Gibson 1994), доисторические адена⁸ на возвышенностях водораздела Огайо. Эти известные из археологии примеры демонстрируют наличие ранних и развитых комплексов маундов⁹, свидетельствующих в пользу региональной интеграции и мобилизации трудовой силы при отсутствии сколько-нибудь значительного земледелия. Исключительно богатые приморские ресурсы вдоль перуанского побережья поддерживали развитие сложных вожеств, из которых возникла Андская цивилизация (Moseley 1975; Quilter et al. 1991). Зачатки земледелия появились здесь в производстве не пищи, а хлопка, который использовался для изготовления рыболовецких снастей и разнообразной домашней одежды. Вероятно, причинами развития контроля в этих обществах являлись собственность на технологии, предназначенные для интенсивной эксплуатации окружающей среды, и стремление защитить наиболее продуктивные участки территории.

Основным условием расслоения у пастухов является их близость к аграрным вожествам или государствам (Besck 1986: 9–17; Igons 1979). Пастухи занимают земли, которые невозможно улучшить земледелием, но выпасаемые здесь животные обеспечивают их ценными продуктами. В этих условиях пастухи начинают специализироваться на производстве продуктов животного происхождения (мяса, шкур, тягловых животных, молока и сыра), чтобы торговать с фермерами, которые выращивают зерновые. Такое использование земель, позволяющее накормить злаками популяцию с высокой плотностью населения, куда более эффективнее, чем у туркана (случай 8), которые обменивали только мясо и молоко.

В интенсивно развивающихся системах, где пастухи находятся недалеко от популяций фермеров, используют фермерские земли, оставляемые под паром, и пастбища на подступах к ним, где не-

8. *Культура адена* (Adena Culture) — несколько локальных вариантов на территории современных штатов Огайо, Индиана, Западная Виргиния, Кентукки и Пенсильвания; датируется 1000–200 годами до н.э., то есть относится к периоду Раннего Вудленда по североамериканской хронологии. Памятники представляют собой гигантские земляные насыпи (известно около 500). Инвентарь включает каменные топоры, каменные таблички, керамику и пр. Носители вели комплексное хозяйство, сочетая добычу с земледелием (культивировались тыква, сквош и подсолнечник).

9. Маунд (англ. *mound*) — термин, обозначающий в североамериканской археологии всякую насыпь (курган и пр.). В отечественной археологии так принято обозначать лишь американские памятники, отличающиеся от евразийских рядом специфических черт, например, тем, что часто маунд имеет фигурную форму (в виде летящей птицы, змеи и др.) и не является погребением. К строителям маундов относят упомянутые здесь культурные объекты Поверти-Пойнт, адена, а также более поздние — хоупвелл, Средней Миссисипи и др.

возможно возделывать земли; более дорогие продукты животного происхождения охотно обмениваются на более дешевую фермерскую продукцию. Региональная меновая система приводит к интеграции народов, ведущих разный образ жизни и принадлежащих к разным этническим группам (Barth 1956). Появление торговли в доисторической Европе, где она стала одним из экономических факторов, ведущих к социальному усложнению, было названо «вторичной продуктовой революцией» (Sherratt 1981).

В тех обществах пастухов, которые связаны с аграрными государствами, наиболее отчетливо прослеживается напряженность, вызванная, с одной стороны, желанием семей и локальных групп сохранить автономию, а с другой — попытками региональных политий установить контроль. Производство продуктов животного происхождения не требует от оседлых фермеров контроля, соответствующего уровню региональной политики. Но мобильность предоставляет пастухам такую степень свободы, которой у оседлых фермеров нет. Простые фермеры и элиты рассматривают эту свободу как опасность и пытаются ее ограничивать. Но группы пастухов, например басери (случай 14), способны еще больше наращивать мобильность для получения как большей свободы, так и военных преимуществ в отношениях с региональной политией, для чего им требуются и новые экологические зоны (Irons 1979). Не будь военной угрозы, идущей от аграрного государства, басери вряд ли смогли бы достичь даже уровня сложности, соответствующего вожеству (см. Fried 1967: 240–242).

В Азии и в Европе кочевые пастухи часто становились профессиональными воинами. Как мы видели на примере туркана (случай 8), обучение военному делу у пастухов необходимо для защиты семейных стад и для набегов за животными. Пастухи Старого Света презирали спокойную жизнь на ферме и в городе и, несмотря на торговлю с оседлыми фермерами, могли образовать войско и обратить свою силу против них, чтобы доминировать над оседлыми популяциями. Важнейшим историческим примером пастушеского государства является империя монголов Центральной Азии (Morgan 1986). Военная мощь монголов позволила им завоевать громадные территории с земледельческими обществами и кооптировать излишки земледельческих продуктов для поддержания своего пастушеского государства. Монгольские армии вышли из азиатских степей и захватили аграрное государство Древнего Китая, создав величайшую империю из когда-либо существовавших на Земле.

10. Простое вожество

РЕВОЛЮЦИЯ вожеств знаменует собой появление региональных политических институтов. Внутри единой политики вожества объединяют различные локальные группы (Carneiro 1981), а вождеские формы коллективности, координирующие политические и религиозные отношения, способны образовывать достаточно протяженные конфедерации (М. Е. Smith 1985). Полития, которую можно определить как группу, организованную с помощью единого управления, осуществляемого посредством индивида или совета, выходит за пределы деревни или локальной группы. По сравнению с обществами, у которых отсутствует расслоение, община, управляемая вождем, имеет большие размеры; однако еще значительно она отличается от более простых обществ размерами популяции, объединяемой политически.

С точки зрения археологии вожества наследуют социальную организацию более простых сообществ раннего неолита. С вождествами мы связываем и появление поистине крупномасштабных сооружений (в группах маундов у ольмеков¹ (Bernal 1969; Earle 1976) и на Миссисипи² (B. Smith 1978), у зиккуратов Убай-

1. *Ольмеки* — известный ацтекам исторический народ на побережье Мексиканского залива, название которого было распространено на доклассическую цивилизацию Мesoамерики, датируемую 1200–400 годами до н. э. Основные памятники, включая насыпи, десятифутовые базальтовые головы с негроидными чертами и прочее сосредоточены в церемониальных центрах Ла-Вента и Трес-Сапотес (штаты Веракрус, Табаско). Ольмеки, по-видимому, изобрели иероглифику и систему счета, которые потом были восприняты культурой майя.

2. *Культура Миссисипи* (Mississippian Culture), прежде называвшаяся *культурой Средней Миссисипи* (Middle Mississippi Culture), — наиболее развитая и поздняя из культур строителей маундов в долине реки Миссисипи (США). Датируется 700 годом н. э. — контактным временем (считается, что испанский конкистадор де Сото еще застал ее носителей). Экономика миссисипцев основывалась на выращивании кукурузы. Они знали обработку металла, достигли вожества и централизации. Миссисипские маунды еще грандиознее, чем у адена и др. Самый большой так называемый Монаший маунд в группе Кахокиа, штат Иллинойс, достигает 330 м в длину и 216 м в ширину и имеет объем приблизительно в 21690 тыс. куб. футов, превосходя пирамиду Хеопса.

да³ (Wright 1984), хенджей и курсов вождеств Уэссекса⁴) (Renfrew 1973). Эти впечатляющие памятники говорят как об использовании организованной рабочей силы, так и о функционировании поселений в качестве церемониальных и политических региональных центров. Этнографические примеры, приведенные в этом и следующих разделах, показывают, что население вождества варьируется от минимум тысячи до десятков тысяч человек, что на порядок больше, чем численность населения в простых политиях (см. Feinmann and Neitzel 1984).

Полития таких размеров требует нового уровня интеграции, связывающей локальные сообщества. Описаны две различающиеся региональные формы вождеств: иерархии (Earle 1978, 1987) и гетерархии (Ehrenreich et al. 1005). В вождеских иерархиях на локальном и региональном уровнях правящая аристократия берет на себя полномочия по решению социальных, политических и религиозных вопросов. Деятельность вождей такого сообщества имеет много общего с деятельностью местных лидеров, но помимо этого вожди берут на себя ответственность за управление региональной политией. Региональные вожди координируют и направляют широкий спектр действий, от войн до церемоний, ограничивающих самостоятельность локальных сообществ, и образуют сильную статусную цепь, воплощающую власть и могущество.

3. *Убайдская*, или *Эль-Обейдская* (устар. Убеидская), *культура* в Месопотамии относится к энеолиту (5–4 тыс. до н.э.), в Северной Месопотамии сменяет халафскую. Названа Л. Вулли, в 1923–1924 годах раскапывавшим поселение Телль-эль-Убайд в 6 км от древнего Ура (Ирак). Ее носители были оседлыми земледельцами и скотоводами, жили в домах из сырцового кирпича, образующих деревни вокруг центрального храма. Считается, что они могли говорить на так называемом банановом языке, слова которого составили слой заимствований в шумерском. *Зиккурât* (аккадск. *sigguratu* — вершина) — многоступенчатая пирамида культового назначения, в дальнейшем типичная для шумерской, ассирийской, вавилонской и эламской архитектур.

4. *Уэссекс* (Wessex) — графство на юге Британии, по названию исторического англосаксонского королевства. Прежде выделяли так называемую Уэссекскую культуру раннего бронзового века, датируемую 2000–1400 годами до н.э. Происхождение ее связывали с курганами из Арморики (Северная Франция). Она имела развитые торговые связи (находят янтарь из Прибалтики и даже кинжалы и бусы из Микенской Греции). Сейчас принято говорить скорее о группе памятников, относящихся к одному социальному слою, нежели об особой культуре, ареал которой шире. *Хендж* (англ. *henge*) и *курс* (лат. *cursus*) — типы земляных сооружений. Хендж — почти круглая (овальная) площадка диаметром не менее 20 м, окруженная земляным валом, в котором проделано до четырех входов. Внутри могут находиться группы камней, захоронения и др. Самый известный — Стоунхендж — также первоначально представлял собой хендж, на котором позднее были установлены камни. Курс — два параллельных земляных вала и дорога между ними, с внешней стороны которых — рвы. Курс лежит в основании хенджа.

Региональная организация вождества основывается на элитарном классе вождей, которые часто воспринимаются как потомки богов и имеют особый социальный статус, закрепляющийся ритуалами. Общинная организация, построенная на родственных отношениях, расширяется до организации с региональным управлением. Вожди связаны между собой общим счетом происхождения и браками, и в политической деятельности вождества центральное место продолжают занимать родственные и личные узы. Связь между развитием экономической системы и социальным расслоением очевидна, и вожди начинают доминировать как в экономике, так и в социальной и политической сферах.

В вождеских гетерархиях существует аристократический сектор, но элиты не организованы в единую централизованную иерархию. Различающиеся иерархии связаны с разными источниками власти, что в политическом отношении делает гетерархии более децентрализованными. Такие системы с развитыми ритуалами характерны для множества сложных и крупных обществ в Африке (McIntosh 1999), но единая полития здесь институционально не образовалась. Иерархии и гетерархии можно рассматривать как крайние точки континуума из вождеств, демонстрирующих многолинейный характер развития усложнения, в основе которого лежат различные политические экономики с разными способами финансирования и средствами легитимации.

В вождествах существует практика вкладов как в виде продуктов первой необходимости, так и материальных ценностей (Earle 1997). Продуктовые вклады распространены во многих вождествах, например, на Гавайях (случай 13). Интенсификация экономики жизнеобеспечения требует земледельческих технологий, которыми владеют и которые контролируют вожди, что позволяет им получать излишки, инвестируемые затем в интенсификацию земледелия, военные захваты и развитие церемониализма. Вклады в виде материальных ценностей обнаруживаются в вождествах с менее интенсифицированными земледельческими системами, как, например, на островах Тробриан (случай 12), либо в вождествах пастухов, живущих на границах государств и обменивающих продукты животноводства на деньги и продукты земледелия (басери, случай 14). Оба типа финансирования эволюционно равнозначны, но вклады в виде продуктов первой необходимости способствуют установлению более стабильного контроля, чем это позволяют сделать вклады в виде материальных ценностей, и вождества со вторым типом финансирования характеризуются цикличностью.

Следует остановиться на том, что заставляет развиваться региональные институты вожеств, опирающиеся на нарождающуюся политическую экономику. Почему индивиды и локальные сообщества жертвуют своей автономией и подчиняются требованиям правящей региональной элиты? Выгоды для правящих элит очевидны: у них повышается уровень жизни, они обладают большими репродуктивными возможностями и властью управлять человеческими судьбами. Но зачем это общиннику? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть условия его контракта с вождем: услуги и контроль.

Лидеры локальных групп оказывают услуги, которые включают в себя управление действиями, направленными на жизнеобеспечение, координирование торговли на больших расстояниях, хранение пищи и ценных предметов и поддержание союзов через дебито-кредитные отношения. На уровне региональной политики вожди оказывают аналогичные услуги, варьирующиеся в зависимости от выбранной формы интенсификации и разнообразия окружающей среды. Природа контроля права собственности на важнейшие производительные ресурсы, технологии и религиозную власть остается той же. Долговременная интенсификация экономики усиливает необходимость управления собственностью и повышает зависимость общинников локальной группы от своих предводителей.

Можно сказать, что вожжество — это стратифицированное общество, основывающееся на неравенстве в доступе к средствам производства. Такая точка зрения, изложенная Фридом (Fried 1967), является важной для понимания различий между вожествами и обществами более простого уровня. Контроль со стороны вождя означает способность так манипулировать экономикой, чтобы извлекать излишки для дальнейших инвестиций. Вождь обладает властью контролировать или монополизировать экономическое управление в определенных специфических условиях, зависящих от тех факторов, которые мы выделили уже на уровне отдельных семей и на уровне группы в целом: управления рисками, технологиями, войнами и торговлей. По мере того как растет население, настает время, когда ни локальная группа, ни межгрупповая форма коллективности не могут справиться с решением вопросов, имеющих жизненное значение.

Вожества, как отмечалось в разделе 9, развивают специфические институциональные формы, отражающие параллельные, но при этом не идентичные линии социальной эволюции. Возможности для роста населения и получения излишков варьируются от местности к местности и от экономики к экономике, начиная с базовых различий в том, насколько пригодна для ин-

тенсификации окружающая среда. Специфические особенности интенсификации определяют степень легкости и средства возможного (или невозможного) контроля над экономикой, а различия в способах контроля создают основу для различающихся форм власти в вождествах. Большинство вождеств имеет аграрный характер, где контроль над земледельческим производством позволяет получать излишки, идущие на финансирование их образования и деятельности, как это показывает пример островов Тробриан.

Случай 12. Тробрианские островитяне

Тробриан — это маленькая группа плоских коралловых островов, простирающихся примерно на 120 миль севернее восточного окончания Новой Гвинеи. В противоположность таким крупным островам Меланезии, как Новые Гебриды или Соломоновы острова⁵, окружающая среда которых близка к континентальной, Тробрианские острова, отличающиеся маленьким размером, однообразием ресурсов и физической изоляцией, казалось бы, должны были естественным образом ограничить рост популяции. Однако, как мы покажем ниже, на островах Новой Гвинеи торговля с использованием традиционных парусных лодок эффективно связала между собой отдельные экономики и обеспечила возможность не только выживания на локальном уровне, но и финансирования политики.

Этнография тробрианцев⁶ занимает особое место в антропологии благодаря основополагающему полевому исследованию, проведенному Малиновским (Malinowski 1922, 1935; Малиновский 2004) сразу вслед за заключением мира в регионе. Более поздние исследования (Austen 1945; Powell 1960, 1969; Weiner 1976, 1983, 1992) и анализ материалов (Uberoi 1962, Burton 1975, Irwin 1983) показывают научное значение этого случая, требующего внимательного рассмотрения при анализе вождеств.

5. В настоящее время это два независимых островных государства — Республика Вануату и Соломоновы острова.

6. Тробрианцы (Trobrianders) живут в провинции Милн-Бэй (Папуа — Новая Гвинея); совр. самоназвание — *киливила* (*киривира*), хотя во времена Малиновского так называлась только самая высокоранговая локальная группа центрального острова Бойова (сейчас Киривира); общая численность — 20 000 чел. (2000). Язык киливила со слабо различающимися диалектами относят к австронезийским (малайско-полинезийским). Наименование «тробрианцы» получили от названия островов, а те, в свою очередь, от имени одного из французов (Дени де Тробриан), которые под командованием Бруни д'Антраксто (так были названы соседние острова) впервые посетили эти места в 1793 году.

Пример островов Тробриан позволяет понять, каким образом происходит переход от систем бигменов к вождеству. В обществе тробрианцев присутствуют многие характерные черты систем бигменов, но наследственно различающиеся ранги, институционализировавшееся лидерство и некоторая региональная централизация напоминают больше вождества Полинезии. Почему здесь правят не бигмены, а наследственные вожди?

Окружающая среда и экономика

В Тробрианской группе выделяется один главный остров (Киригина, 70 квадратных миль) и несколько более мелких (вместе около 12 квадратных миль). Киригина имеет слегка пересеченную топографию, примерно 60% ее поверхности занимают низины с пахотными почвами, остальная площадь покрыта болотами с редкими зубчатыми коралловыми выходами. Многие ресурсы, такие как глина и камень, на островах недоступны. Речные потоки отсутствуют, а пресную воду получают из чечевицеобразных подземных месторождений⁷. Растительность состоит из садов, вторичного кустарника, небольшого количества лесопосадок кокосовой и бетелевой пальм⁸ вблизи деревень и остатков прежних зарослей. Малиновский отмечает, что «от природы с ее стихийным ростом мало что осталось» (Malinowski 1935: 4). За исключением болот, ландшафт искусственно создан людьми.

Климат теплый и влажный. Осадки носят сезонный характер, при этом наибольшее их количество приходится на период муссонов. Жестокие, хоть и не частые засухи наводят ужас. Как только муссоны теряют силу, снижается и сельскохозяйственное производство и на островах наступает голод. Плотность населения у тробрианцев достаточно высокая для популяции садоводов.

7. В англоязычной традиции это называется *subsurface lens* — букв. подповерхностная (водная) линза.

8. *Кокосовая пальма* (*Cocos nucifera*), высокая (до 30 м) и стройная, с перистыми листьями длиной до 6 м, получила название из португальского *coco* — обезьяна — из-за пятен на орехе, которые делают его похожим на морду обезьяны. В действительности это не орехи, а косточковые, как персик, плоды, они растут по 15–20 шт. Наружная оболочка плода состоит из волокон (койр), семя — из мякоти (копра) и так называемой кокосовой воды, постепенно загустевающей до эмульсии молочного цвета (кокосовое молоко). Родина — предположительно Малайзия. В 2007 году среди производителей кокосового ореха первое место занимала Индонезия (19,6 млн т), второе — Филиппины (14,8 млн т), третье — Индия (11,7 млн т). *Бетелевая*, или *арековая*, пальма (*Areca catechu*), высотой до 20 м и с перистыми листьями до 2 м длиной, распространена в Южной и Юго-Восточной Азии, Океании и Восточной Африке. Культивируется ради семян (орех бетель), содержащих ареколин (алкалоид), который способствует усилению слюноотделения и дополнительно возбуждает нервную систему.

Пауэлл (Powell 1960: 119) говорит о 100 человеках на квадратную милю — цифра, которая, как он утверждает, не изменилась существенно с рубежа веков. Рисунок 11 показывает, насколько острова заполнены небольшими деревнями. Население в основном сконцентрировано вблизи земель, пригодных для возделывания (около 70% популяции), где плотность населения достигает 130 человек на квадратную милю. Из описания Малиновского (Malinowski 1935) следует, что перенаселенность является продуктом человеческой жизнедеятельности.

Экономика жизнеобеспечения сочетает в себе интенсивное земледелие и рыболовство. Добывание же ограничивается малым количеством моллюсков и крабов, которых собирают вдоль берегов и на болотах. Большая часть пищевого рациона состоит из корнеплодов, в особенности ямса и таро. Главная культура — ямс, который сажается в сентябре-октябре и дает урожай в мае-июне. Каждый год подготавливаются новые поля, приносящие урожай два раза подряд; затем их оставляют зарастать кустарником на период от трех до пяти лет, затем снова используют; их плодородие поддерживают, добавляя в почву золу. Растительность срезают и высушивают, после чего ее сжигают. Затем выкапывают ямку для посадки, тщательно очищают ее от корней и камней, заполняют рыхлой почвой и помещают туда проросший клубень. Пока ямс растет, что занимает около восьми месяцев, о корнях заботятся, делая прополку. Необходимый для жизнеобеспечения ямс, собранный на полях или полученный путем обмена, может храниться до шести месяцев в специальных строениях.

Из-за того что получение ямса носит сезонный характер и он довольно быстро портится, могут случаться периоды недоедания, поэтому для островитян важно иметь запасы пищи от прежних урожаев и высаживать различные культуры. По этой причине зачастую разводят таро. Благодаря тому, что урожаи ямса и таро следуют один за другим на протяжении года, период их сбора в целом продлевается, что дает некоторую защищенность на случаи непредсказуемых катаклизмов, при которых единственная пищевая культура могла бы погибнуть.

Безопасность играет первостепенную роль в экономике жизнеобеспечения тробрианцев. На островах, где отсутствует пересеченная топография, дождевые осадки не задерживаются и нет речных потоков, необходимых для ирригации, существует риск периодически возникающих засух. Рассказы о засухах и голоде широко распространены, и пищу выставляют напоказ по каждому церемониальному случаю — на похоронах, свадьбах и во время общинных танцев. Обладание пищей приносит людям ощущение благополучия, безопасности и гордости. Отсутствие же

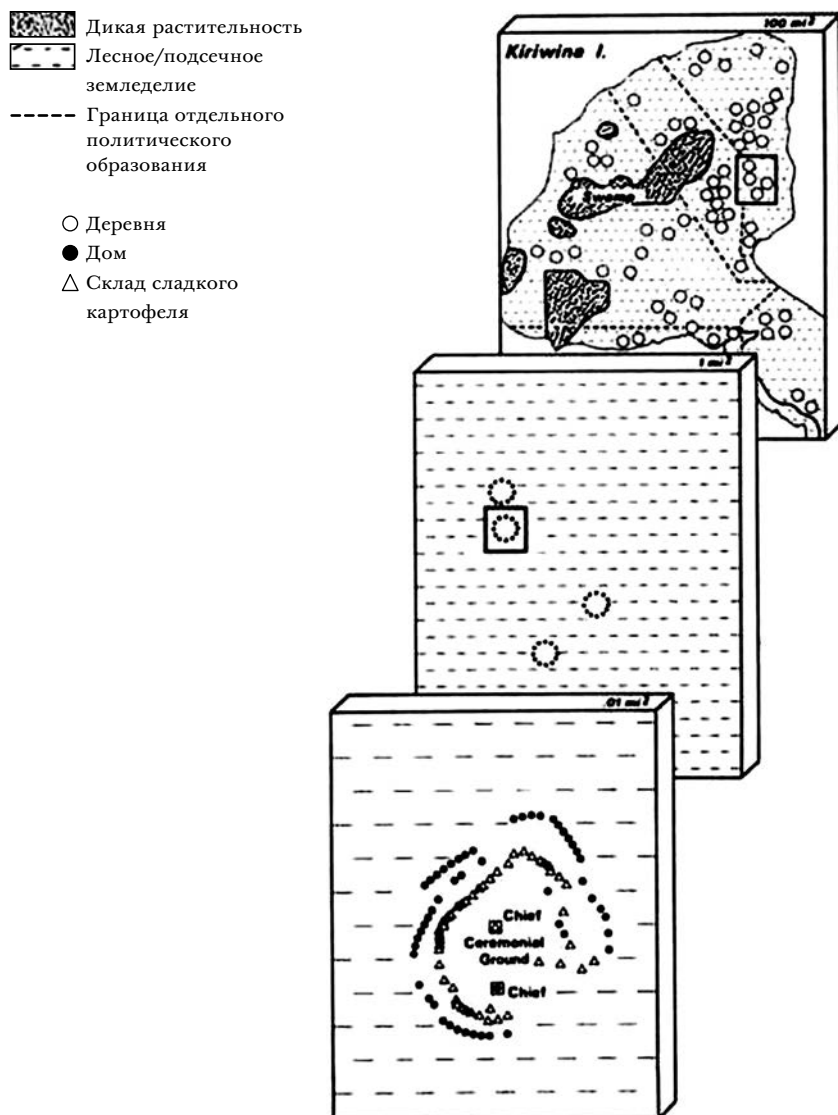

РИС. 11. Тип расселения у тробрианских островитян
 Ландшафт был полностью видоизменен вследствие интенсивного подсечного земледелия. Мелкие поселения сгруппированы и связаны с селом вождя, где на центральной площадке для танцев происходят особые церемонии. Селения обычно объединяют от 13 до 28 домов. Здесь изображено селение вождя, оно существенно крупнее остальных

ее — «не только что-то такое, чего боятся, но и чего стыдятся» (Malinowski 1935: 82).

Есть три основных способа снижения угрозы нехватки пищи. Первый — это расширение пищевого производства в течение года путем последовательного высаживания культур. Второй и, может быть, самый важный, — систематическое перепроизводство. Глава домохозяйства, ободряемый вождями и садовыми магами, черпающий свои силы в убедительной этике накопления пищи как мерила личного статуса, каждый день прилагает усилия, чтобы производить пищи больше, чем нужно для удовлетворения потребностей семьи. И поскольку невозможно предвидеть, будет год урожайным или нет, эти дополнительные усилия позволяют не только сводить концы с концами домохозяйству в неурожайные годы, но также приводят к образованию значительных излишков в средние и урожайные годы. Позднее мы обсудим значение получения излишков для финансирования политики.

Третий способ, хотя его эффективность была оспорена (Powell 1969), заключается в распределении пищи между деревнями, что является частью обычной практики структурированных обменов дарами и церемониальных раздач. Хотя такие меры, возможно, и не решали проблему недоедания в неурожайные годы, все же они приводили к некоторому усреднению и в итоге сокращали излишки, идущие на систему в целом.

То, что интенсивность садоводческого производства полностью зависит от плотности населения, потребностей безопасности и, как мы увидим позже, статусного соперничества, наглядно демонстрирует планирование и регулирование цикла садоводческих работ. Возделыванием земли занимается деревня, в этой работе участвует десять и более семей. Сначала глава или вождь села встречается со своим садовым магом, чтобы договориться о местоположении большого садового участка и распределить между отдельными домохозяйствами наделы. Затем мужчины деревни, которые обычно работают вместе, расчищают, выжигают, огораживают и засаживают этот участок. Садовый маг присматривает за всеми действиями по подготовке сада, уходом за растениями и сбором урожая, оценивая усилия мужчин и ободряя их, чтобы они продолжали напряженно работать. Именитые члены сообщества обрабатывают «стандартные наделы» (легвота) в лучших местах сада; их наделы являются центром проведения садового ритуала и служат образцами для остальных. В то время как в более простых обществах необходимое для жизнеобеспечения производство составляет заботу домохозяйств, на Тробрианах решение важнейшие вопросов садоводства передано в руки специалиста по ритуалам и централизовано.

На Тробрианах существуют войны, хотя, как представляется, не такие ожесточенные, как у энга (Powell 1960). Локальные группы, как правило, сражаются во время голода, но иногда войны вызваны политическими причинами⁹. Снижение интенсивности войн подкрепляет более общую точку зрения Фейла (Feil 1987) о том, что эволюция региональных политий регулирует войны и создает условия для относительного мира. Вождества и вождеские конфедерации — это мирные зоны, которые приносят пользу локальным группам, поддерживающим возникшие институты лидерства.

Интенсификация земледелия ведет к торговле продуктами жизнеобеспечения. Земледельческие участки на островах представляют собой тонкий слой почвы поверх кораллов; их плодородие зависит от толщины этого слоя и от того, насколько он улучшен. Некоторые области, особенно на севере Киривины, существенно более плодородны, чем другие. На лучших почвах продуктивность примерно вдвое выше, чем на средних, и в четыре раза — чем на бедных (Austen 1945: 18). В высокопродуктивных областях сообщества сосредотачиваются на земледельческом производстве; в сообществах с неплодородными почвами люди чаще специализируются на рыбной ловле и ремеслах, торгуя произведенным ими для получения продуктов первой необходимости.

Рыболовство — важнейшее из специализированных занятий. За исключением самых лучших для земледелия районов, деревни обычно строятся на берегу, и население занимается рыболовством — как прибрежным (в мелководных лагунах), так и в открытых водах. Каким-то количеством рыбы торгуют в обмен на ямс и другие продукты. Такой локальный обмен, как «картошка в обмен на рыбу», развивается не централизованно и не организуется вождями; представители берегового и внутреннего населения торгуют на индивидуальной основе, используя традиционные обменные курсы. Но косвенным образом вожди имеют значение, поскольку они поддерживают необходимый для торговли мир между сообществами. Важны и другие специализированные занятия, в частности изготовление шлифованных каменных топоров, корзин, различных предметов,

9. Вот что пишет по этому поводу Малиновский: «Туземцы этого района вели (я пишу «вели», поскольку войны уже отошли в прошлое) особого типа войну — открытую и рыцарскую, весьма отличную от набегов южных массим» (Малиновский 2004а: 51). Здесь же в отличие от соседних островов, даже населенных родственными меланезийскими народами, никогда не было каннибализма. После замирения островитяне заместили войну спортивным состязанием — агрессивным крикетом особого вида.

вырезанных из дерева, и получение извести, которую жуют вместе с семенами бетеля в качестве стимулятора.

Торговля с другими островными популяциями необходима для экономики тробрианцев. Определенные товары, как, например, глиняные горшки и камень для топоров, отсутствуют на коралловых островах Тробриан. Эти привозные предметы имеют значение для экономики; особенно необходимы каменные топоры, без которых невозможно эффективное садоводческое производство. Получаемые посредством торговли пищевые продукты, такие как саго¹⁰, привозимое с Добу¹¹, разнообразят пищевой рацион, а в годы суровой нужды служат одним из важнейших источников пищи. Доступные в урожайные годы излишки ямса могут использоваться на то, чтобы в ходе обмена кула (который мы опишем ниже) получить ценности, а в неурожайные годы обменять их непосредственно или опосредованно на необходимую пищу.

Обобщая вышесказанное, отметим, что население Тробриан столкнулось с четырьмя критическими проблемами экономики, возникшими в результате интенсивного производства на небольших коралловых островах: высоким риском нехватки пищи; межгрупповыми войнами; значительной локальной изменчивостью, характеризующей жизнеобеспечивающее производство и приводящей к необходимости внутренних обменов; и сильной потребностью во внешней торговле с целью получения пищи и товаров ремесленного производства, не доступных на местах.

Социальная организация

Тип расселения. В качестве единицы для анализа выделяется деревня с вождями, обладающими особыми рангами, и с характерным расположением построек для домохозяйств и хранилищ (рис. 11). Разделение деревенского пространства на частное и публичное отражает различия и единство экономики жизнеобеспечения и политической экономики. Частное пространство организовано по краям деревни, здесь размещаются жилые постройки и небольшие хранилища домохозяйств. Домохозяй-

10. *Sago* (от малайск. *sago*) — крупа из крахмала, который получают из сердцевины ствола *саговой пальмы* (*Metroxylon sagu*) и некоторых других растений. Из одного ствола получают 110–150 кг саго. Используется от Таиланда до Новой Гвинеи. Богато углеводами (85%), но содержит мало белка и витаминов. Так же могут называть и искусственную крупу из картофельного (либо даже кукурузного) крахмала.

11. *Добу* — остров в составе архипелага д'Антракосто южнее Тробриан, центр ремесла и торговли, также входящий в кольцо кула; см. дальше. Добуанцы (10 000 чел., 1998) говорят на меланезийском языке, но другой, нежели киливила, подгруппы.

ство со своим отдельным жилым строением, зданием для хранения и рабочим пространством является сектором домашней экономики. Семья собирает ямс на своем участке, когда он нужен, и не хранит его (Weiner 1976); ямс, получаемый путем обязательного обмена, помещают на хранение в закрытое помещение.

Публичное церемониальное пространство находится в центре, где расположены площадка для танцев, амбары, которые вождь показывает во время церемоний, и место, где он живет. На площадке для танцев проходят церемонии, обозначающие корпоративный характер группы, и показы, в ходе которых посторонним демонстрируется экономическое благосостояние группы. Большое центральное хранилище сооружают так, чтобы пространство между боковыми бревнами было открыто и зрители могли видеть собранное вместе богатство вождя и его сторонников. Амбары используются для финансирования такой деятельности вождя, как прием гостей на деревенских церемониях и сооружение торговых лодок. Собственное жилище вождя, похожее на другие, но большее по размеру, располагается на краю центральной площадки, с тем чтобы подчеркнуть, что он управляет всеми делами деревни.

В других поселениях, где отсутствуют вожди с особыми рангами, нет и публичной зоны, за исключением простой площадки для танцев. Поселения часто образуют кластеры с доминирующей вождеской деревней. В масштабе региона контроля над большими районами добиваются лишь немногие вожди, и их деревни становятся самыми преуспевающими. Таким образом, система расселения организована иерархически, и в политических центрах обнаруживаются более крупные публичные площадки для танцев, демонстрационные постройки-хранилища и жилища элиты. Экологический и пространственный факторы здесь сочетаются (Irwin 1983). Центральным местоположением поселения внутри региона определяется ранг его лидера; вождеские деревни обладают наилучшим доступом к другим деревням и, таким образом, оказываются способны управлять многообразными потоками ресурсов. Общая продуктивность региона оказывает давление на статус вождества.

Семья и дала. Основной экономической единицей при производстве и потреблении, нацеленных на жизнеобеспечение, является домохозяйство. Средний размер домохозяйства составляет лишь 3,2 человека (Powell 1960: 119); в основном оно организовано как нуклеарная семья из мужа, жены и тех из их неженатых детей, которые еще не приняты в холостяцкие дома деревни. Каждое домохозяйство владеет отдельными жилыми и склад-

скими постройками и имеет свой садовый участок, на котором выращивает продукты питания для себя и излишки ямса для обмена.

Основное разделение труда — в соответствии с полом (Malinowski 1929: 24–27; Малиновский 2004б). Мужчины выполняют тяжелые земледельческие работы, включая расчистку земли, возведение изгородей и посадку; они также являются торговцами и специалистами по изготовлению лодок и резьбе по дереву. Женщины занимаются садоводством (в частности, прополкой), собирают моллюсков, готовят пищу, присматривают за детьми и производят некоторые товары, такие как циновки, связки банановых листьев и юбки, изготавливаемые из этих связок (Weiner 1976). В целом в деятельности по приобретению пищи доминируют мужчины, а по ее приготовлению — женщины; в ремесленном производстве заняты все, но оно дифференцировано на мужское и женское. Домохозяйство само организует базовое разделение труда во всех видах производства, кроме тех, где используется общинный труд (Malinowski 1935: 355).

Следующей важной после домохозяйства единицей является небольшая деревня с постоянно проживающим населением примерно из 65 индивидов, представляющих собой *дала* (Weiner 1976). *Дала* — это корпоративная группа, владеющая территорией, используемой под фермерство; членство в ней матрилинейное, но расселение вирилокальное, если не более сложное. Среди тех, кто должен проживать вместе с главой или управляющим *дала* (ibid.), находится старший сын старшей сестры последнего, являющийся следующим по очередности лидером села. Также деревня включает и тех, кто не является членами *дала*, но получил землю от сельского главы или от его сыновей. Следовательно, небольшая деревня представляет собой группу, состоящую из матрилинейных родственников и их сторонников, а также их семей.

Деревня имеет как экономическое, так и политическое значение. Экономически, как мы видели, она занимается организацией и управлением деятельности по выращиванию продуктов питания. Этот цикл управления садоводством дополняется системой землепользования, основывающейся на групповой собственности с правами распределения, которыми владеет предводитель (см.: Weiner 1976). Земли принадлежат *дала*, но ее лидер, занимаясь ежегодным распределением, контролирует эффективный доступ к ним. Домохозяйство может получить землю только у предводителя, который свободен наделять ею людей, и не являющихся членами *дала*. В этой зависимости между контролем за землепользованием и развитием политической эко-

номики проглядывает экономический базис для образования более институционализовавшихся вожеств полинезийцев. Гибкой политической «группой поддержки» становится небольшая деревня, а не родственная группа.

Кроме того, предводитель организывает деревню еще и ритуально. Как мы видели, он может назначить садовым магом другого деревенского жителя, но при этом сам остается владельцем магии, особенно важной для садоводства; кроме того, он является инициатором церемоний, устраиваемых на площадке для танцев.

Локальная группа. От двух до шести деревень образуют локальную группу или кластер деревень¹², насчитывающий примерно 300 человек. Эта группа в значительной степени эндогамна; и еще до заключения общего мира войны между составляющими ее селами были запрещены. Браки между жителями разных сел связывают кластер деревень в социальную единицу, и свояки участвуют во множестве обменов, в особенности в устраиваемых ежегодно обменах ямсом. Каждый крестьянин возделывает несколько участков ямса, из которых некоторые предназначены для его семьи, а по крайней мере один — для обмена.

Если дочь или сестра мужчины выходит замуж, то он должен ежегодно выплачивать своему зятю большое приданое ямсом. Анализ, произведенный Малиновским, позволил ему утверждать (Malinowski 1935), что приданое — это компенсация, которую женщина получает за отказ от своих прав на территорию субклана¹³, когда она присоединяется к домохозяйству своего мужа; однако, как мы увидим, у Вейнер (Weiner 1976) имеется иная гипотеза. Каким бы ни было объяснение, в любом случае

12. Малиновский называет эти локальные группы и кластеры деревень *районами* (districts), которых всего на островах Тробриан выделяет девять. Основной из них — Киригина. Причем в двух самых южных районах (Каубагина, Вакута) вождества отсутствуют, и там действует типичная для остальных меланезийцев система старейшин.

13. К сожалению, кроме этого упоминания авторы ничего не говорят о клановой системе тробрианцев. Между тем она многое объясняет в их расселении. На островах существовало 4 матрилинейных, экзогамных клана. Малиновский пишет: «<...> [В] каждой деревне можно обнаружить членов всех этих четырех кланов, и даже в каждом доме <...> муж должен принадлежать к другому клану, отличному от клана жены и детей. <...> Субклан — это местное подразделение клана, члены которого заявляют об общности предков <...> и, кроме того, принадлежат к той местности, откуда родом их предки. Именно с этими субкланами и связано понятие определенного ранга» (Малиновский 2004а: 87). Так, наиболее высоко ранговый субклан главного вождя Киригина — Табалу — относится к клану Маласи, но в него же входит и субклан самого низкого ранга париев из деревни Бвойталу.

действие модели, основанной на эндогамии и обменах между свояками, имеет своим результатом высокую экономическую самостоятельность внутри кластера. И хотя место этих обменов в регионе не настолько значительное, чтобы служить группе буфером в случае экономических потрясений, они полезны в случае недорода культур на местах или временной нетрудоспособности домохозяйства.

Важнейшую роль локальная группа играет в сфере политики. В социальном отношении различные *дала* или небольшие деревни, составляющие кластер, различаются рангами, и предводитель *дала* с наиболее высоким рангом становится лидером всего кластера. Несомненно, это настоящий служебный пост с отчетливо выраженными лидерскими полномочиями по координированию групповой деятельности во время церемоний и обеспечению групповой защиты. И хотя эта позиция иногда может оставаться вакантной, ожидается, что ее займет достойный кандидат. Представляется, что предводитель кластера получает значительное финансирование, женись на женщинах из различных *дала*, при этом он должен поставлять своим своякам огромное количество ямса, которое потом выставляется напоказ в амбарах и используется на поддержание церемониальных событий. Вождь способен приводить в действие «группу поддержки», манипулируя узами брака и обмена, которые Малиновский (Malinowski 1935) называет «данническим родством».

Как и у тсембага или центральных энга, одним из объяснений существования этой локальной группы может быть необходимость защиты. До британского перемирия войны на островах Тробриан были эндемичными. Кластер, не являясь корпоративной группой, был организован как объединение для обороны; войны внутри кластера были запрещены, его защита была общим делом. В развивающейся политической экономике войны между политически могущественными вождями способствовали установлению и поддержанию привилегированного положения кластера. Например, в 1885 году вождь, правивший в Омаракана¹⁴, объявил войну соседнему вождю, отказавшемуся отдать ему жену и, таким образом, косвенно признать данническое родство; омараканский вождь победил и опустошил деревни разбитого вождя (Powell 1960). Как мы увидим на примере гавайцев (раздел 11), в вождествах войны ведутся не из-за конкуренции за землю, а из-за конкуренции за управление, а значит, за контроль над землей и рабочей силой.

14. Деревня Омаракана традиционно является резиденцией вождя самого высокого ранга локальной группы Киривина.

Региональные отношения и вождество. Значение политической конкуренции вождей за контроль над группами в регионе является основным различием между случаем тробрианцев и системами бигменов, описанными в разделе 8. Вождь высокого ранга способен увеличить экономическую поддержку и расширить область политического контроля, женись на женщинах из деревень другого кластера и получая доступ к ресурсам ямса, равняющимся дани. Согласно Малиновскому (Malinowski 1935), число разрешенных жен и размер приданого в виде ямса зависит от ранга мужчины. Если это вождь высокого ранга, то и выплаты ямсом значительно выше: обеспечить ямсом женщину должны все мужчины ее *дала*. Женись на большом числе женщин из разных *дала* всего обширного региона, вождь высокого ранга превращается в центр широкой системы мобилизации. Иллюстрацией того, насколько велика может быть протяженность этой системы, может служить могущественный вождь, правивший в 1930-е годы в Омаракана, у которого, по утверждению Малиновского (Malinowski 1935), было 80 жен!

Вейнер (Weiner 1976) отмечает, что поток ямса, идущий к вождям, уравнивается потоками ответных даров, в особенности масштабным распределением «женского богатства» (юбок и связок банановых листьев) на поминальных церемониях *дала*, к которой принадлежит мужчина, дающий ямс. По существу, человек, получающий на имя своей жены ямс, обязан купить ей женское богатство, чтобы раздать его во время этих церемоний. От распределения богатства жены на поминальной церемонии зависит степень его собственной известности и надежности в более широкой системе церемониальных обменов и демонстраций. Вождь и его жены формируют отношения реципрокации, при которых жены важны для удовлетворения политических амбиций. Родственные обязательства и церемониальные позиции женщин позволяют привлекать излишки, имеющие политическое значение, и демонстрировать статус.

Салинз (Sahlins 1963) показывает два основных различия в идеальных типах меланезийской системы бигменов и полинезийского вождества: размер политики и природа лидерства. Политика бигменов невелика (состоит из нескольких сотен людей), а более крупные сообщества имеют тенденцию дробиться на самостоятельные части. Лидерство основывается на демонстрации личных способностей мужчины во время соревновательных показов, представляющих его сторонников (как это демонстрируют примеры энга и Северо-Западного побережья, см. раздел 8). Вождество в типичных случаях имеет большие размеры; этого уровня достигают локальные сообщества, организованные

в региональном плане иерархически, на основе наследственных рангов, которыми обладают их признанные лидеры. Лидерские позиции здесь составляют посты, что подразумевает наличие отчетливых прав и обязанностей. Таким образом, вожди вступают во власть, которую они получают скорее как должность: они не подготавливают для нее почву, набирая себе личных сторонников, как это делают бигмены. В вождествах наследуется социальный статус, основанный на генеалогическом месте индивида в социальной иерархии, а круг имеющих доступ во власть через должность ограничивается представителями элиты.

Лидерство у тробрианцев представляет промежуточную форму по отношению к бигменам в Новой Гвинее и полинезийским вождям (Powell 1960). И на местах, и в регионе социальный статус основывается на общепризнанном ранге индивида из *дала*, которые сами характеризуются дихотомическим делением на две подгруппы: элита и общинники. Лишь тот, кто родился в *дала* высокого ранга, может вступить во власть. Предводитель *дала*, у которой самый высокий ранг в деревне, является лидером деревни; лидер деревни из *дала* самого высокого ранга в кластере становится предводителем кластера. Лидер кластера одного из *дала* самого высокого ранга в регионе может воспользоваться привилегиями своего ранга и обзавестись большим количеством жен, чтобы расширить базу своей власти в регионе, сформировав группу сторонников числом до нескольких тысяч человек. Наследуемый статус, на основе которого образуются политически важные должности, и степень интеграции региона позволяют идентифицировать тробрианское общество как вождество с элементами системы бигменов.

Внешние отношения и кула. За пределами уровня кластера статус вождя основывается не только на ранге *дала*, к которой он принадлежит, но и на его успешном участии в сильно политизированных церемониальных событиях и в особенности в носящих соревновательный характер сборах урожая ямса и плаваниях *кула*. Как мы видели, вождь высокого ранга, женатый на женщинах из многих локальных субкланов, получает от сторонников со всего обширного пространства ямс, предназначенный для обмена; каждое поднесение ямса сопровождается церемониальным приемом дарителя и демонстрацией громадных количеств ямса перед тем, как он будет убран в амбары вождя. Ямс является как непосредственным мерилем производственного могущества группы сторонников вождя, так и основным капиталом, с помощью которого будут финансироваться его будущие политические акции. Выставляя его напоказ, вождь утверждает свою экономическую власть.

С целью церемониального обмена с другими островными народами тробрианцы совершают плавания *кула*. На Тробрианах они организуются вождем высокого ранга и предусматривают обязательное участие всех лодок, принадлежащих вождям в его регионе *кула*¹⁵. После того как происходит предварительное накопление ценностей и товаров, лодки выходят в плавание и сначала останавливаются у маленького острова, где иницирующий плавание вождь церемониально распределяет пищу среди участников. На следующий день лодки отправляются к острову, где происходит обмен.

Кула — традиционная система обмена, которая достаточно подробно описана (Belshaw 1955; Leach and Leach 1983; Malinowski 1922; Малиновский 2004а). На островах, вовлеченных в нее и занимающих относительно большое пространство океана к востоку от Новой Гвинеи (ориентировочно 210 миль с севера на юг и 270 миль с востока на запад)¹⁶, обмениваются как ценностями, так и множеством товаров утилитарного назначения. Во времена Малиновского наиболее важными ценностями были ракушечные бусы (*соулава* или *баги*) и парные браслеты из моллюсков конус¹⁷ (*мвали*). Они обменивались и циркулировали внутри цепочки из островов в противоположных направлениях: *соулава* по часовой стрелке, а *мвали* — против часовой (Малиновский 2004а: карта 5). Утилитарными объектами обычно были гончар-

15. Во времена Малиновского в *кула* участвовали тробрианцы 6 районов, а общее количество лодок составляло 64 (8 — от Киривина, 3 — от Луба и т. д.). Интересно, что иногда районы, не образывавшие вожество, например Вакута, тем не менее могли составлять особое сообщество *кула* (*kula community*), то есть деревни на их территории совершали *кула* сообще (Малиновский 2004а: 136–137). Это несколько противоречит тезису авторов книги о том, что причина развития лидерства на островах Тробриан всегда теснейшим образом связана с ролью мореходных лодок в их жизни.

16. Всего, по Малиновскому, в кольцо *кула* входят, помимо тробрианцев (сев.-зап.), также жители островов Маршалла Бенетта, Панамоти и Лахлан (сев.-вост.), Мисима и Панайати (юго-вост.), Тубетубе, Вари, Истенд и Добу (юго-зап.). Ныне все это — провинция Милн-Бэй.

17. *Конусы* (*Conidae*) — семейство хищных брюхоногих моллюсков, распространенных в основном в теплых тропических морях. Описано около 500 видов, многие из которых ядовиты и смертельно опасны, в том числе для человека. Наряду с каури высоко ценятся как за красоту, так и из-за их труднодоступности, а *Conus gloriataris* (букв. слава морей) считается самой красивой раковиной в мире (совсем недавно могла стоить у западных коллекционеров до нескольких тысяч долларов). Малиновский поясняет, что браслеты изготавливают, отламывая верхушку и узкий конец большой раковины конкретного вида конусов (*Conus millepunctatus*), а остающееся кольцо полируют (Малиновский 2004а: 103). Что касается *соулава*, то они представляют собой длинные, до 5 м, связки маленьких дисков, выточенных из красных раковин *спондиллуса*, или *колючей устрицы* (*Spondylus*), иногда вместе с раковиной каури и черными семенами банана.

ные и резные деревянные сосуды, камень для изготовления топоров и сельскохозяйственные продукты.

Ценности кула приносят на Тробрианы политическую власть. Внутри меновой сети они образуют отдельную область, поскольку трудно поменять их на что-либо другое (см. Bohannan 1955). И поскольку объекты кула обмениваются только друг на друга, то вожди могут отслеживать и контролировать их распределение. С институционализацией вождеств возрастает и значение престижных товаров, с помощью которых демонстрируется статус, а контроль над их распределением становится существенной частью политической стратегии (Earle 1982).

В ходе типичного большого плавания *кула* флотилия с островов Тробриан достигает острова Добу, где тробрианцы устраиваются по социальному рангу, а добуанцы устраивают им церемониальный прием. Затем тробрианцы расходятся по добуанским селам, встречаясь со своими торговыми партнерами. В одних случаях партнер, ранее уже получивший подарок от тробрианца, должен воздать ему тем же и в равном размере; в других же — тробрианец, приблизившись к партнеру, запрашивает у него желанную драгоценность в обмен на подарки в виде продуктов питания или ремесленных изделий. Тогда добуанец может передать ему эту драгоценность, ожидая ответного дара во время своего плавания на Тробрианы.

Фактическая передача ценностей из рук в руки следует строгим правилам этикета: качество полученного дара демонстративно преуменьшают, а подносимого — преувеличивают, чтобы возвысить индивида или группу, приписывая своим дарам большую цену, чем дарам торговых партнеров. Пока происходит обмен этими ценностями, обмениваются по бартеру и утилитарными товарами с различных островов. Таким образом, в плавании *кула* обнаруживается то, что составляет существо рынка, когда люди из различных регионов обмениваются пищевыми продуктами и местными ремесленными изделиями, договариваясь об эквиваленте обмена посредством заключения сделки.

По завершении обмена тробрианцы отплывают домой, оставаясь на обратном пути у разных островов. Перед тем как высадиться на Тробрианах, флотилия опять делает остановку на маленьком острове, где устраивается специальный показ драгоценностей для их сравнения. Как описывает Малиновский (Малиновский 2004а: 372): «Из каждой лодки вытаскивают одну или две циновки, раскладывают их на берегу, и люди размещают на них ожерелья. Длинный ряд драгоценностей лежит на берегу, а участники экспедиции прохаживаются взад и вперед, восхищаются и подсчитывают их. У вождей, разумеется (а особен-

но у того, кто был *толи'увалаку* этой экспедиции), всегда больше всего трофеев». Эта демонстрация является к тому же мерилем непосредственного успеха индивида в *кула*, и после плавания по сообществам быстро распространяется молва о его личных достижениях и неудачах.

Конкуренция и демонстрация представляют собой неотъемлемые части политического маневрирования индивидов, особенно вождей. Поощряя производство и манипулируя обмена-ми, вождь публично демонстрирует собственную политическую силу и экономическую состоятельность группы, которая его поддерживает. И в производстве, и в обмене успех зависит от инициативности и деловой активности всех участников. Например, в ходе *кула*, где ценности переходят по цепочке в заданных направлениях, выбор особенного получателя среди тех, кто их жаждет, требует внимания и проницательности. Отдавая свои драгоценности и выпрашиваемые у него дары, вождь рассчитывает на то, что в будущем они окупятся и в виде ценностей как таковых, и в возрастающем статусе, как личном, так и его группы.

Несмотря на то что статус лидера приобретает в соответствии с принадлежностью к *дала*, успех и неудачи во время церемоний публичного показа могут принести вождю известность либо, напротив, опозорить. Более того, эти успехи и неудачи способны изменить ранг самой *дала* (Uberoi 1962), поскольку соперничество за статус регулирует политическое и социальное положение.

Выводы

Почему, однажды начавшись, расслоение и институционализация политических иерархий продолжали эволюционировать на Тробрианах, а в иных обществах, кажущихся сходными с ними, нет? Можно назвать две причины, связанные соответственно с политической экономикой и экономикой жизнеобеспечения. Первая заключается в том, что различия в доступе к средствам производства и распределения в политической экономике гарантируют возникновение социальной дифференциации, которая у тробрианцев вылилась в институционализировавшееся лидерство.

Как мы видели, и для политической экономики, и для экономики жизнеобеспечения важнейшее значение имеет внешняя торговля, и монополизировать ее могут вожди, владеющие парусными лодками, пригодными для мореходства (Burton 1975). Эти технически сложные торговые лодки, состоящие из вы-

долбленного ствола с надводным бортом, рамы с аутриггером, мачты и паруса из листьев пандана¹⁸, длиной от 35 до 45 футов, способны выдержать дюжину мужчин с тяжелыми тюками, набитыми товарами. Для изготовления торговой лодки требуются хорошие специалисты, значительный ручной труд и ритуальные усилия, и только ранговые вожди, обладающие доступом к ямсу и драгоценностям, могут позволить себе такие расходы. Таким образом, контроль над производством и обменом, который в значительной степени возможен благодаря контролю над капиталом, приводит к социальному расслоению и появлению элиты, заботящейся о самосохранении.

Как отметил Малиновский (Malinowski 1935), вожди в равной степени необходимы тробрианцам. Острова, обычно небольшие, нестабильны экологически и бедны ресурсами. Выбрав свою стратегию управления рисками, тробрианские вожди действуют как банкиры племени, инвестируя излишки, появляющиеся в обычные либо особо урожайные годы, в такое капитальное оборудование, как лодки, во внешнюю торговлю материалами и ремесленными товарами, в политизированные церемонии, которые определяют статус как индивида, так и группы, и в предметы богатства. В неурожайные годы, когда излишки отсутствуют, управление производством, осуществляемое вождем, гарантирует достаток и удовлетворение потребностей жизнеобеспечения. Кроме того, вожди, устанавливая и поддерживая внешние торговые отношения через систему обмена *кула*, предоставляют доступ к рынкам, имеющим большое значение для функционирования экономики на местах, где в урожайные годы на излишки пищи можно выменять широкий набор продуктов, а в неурожайные — ценности обменивать на пищу.

Власть и элитарный статус тробрианского вождя зависят от централизации и контроля над экономикой. Как мы видели, частично этот контроль проистекает из требований, которые диктует обмен, а частично — из необходимости управлять рисками. Когда однажды контроль оказался в руках вождей, они распространили его, установив монополию на производство определенных ключевых ресурсов, необходимых всем, а имен-

18. А. Джонсон и Т.Эрл, как и сам Малиновский, называют плавательные средства у меланезийцев *canoë*. Мы же, следуя сложившейся практике, используем менее специализированное слово «лодка», позволяющее избежать ненужных ассоциаций с иными культурными традициями. В морском деле *надводный борт* (англ. *freeboard*) — это расстояние от ватерлинии до края борта судна. *Аутриггером* (англ. *outrigger*) называют жесткий выносной элемент судна, выступающий за борт. Переводчик на рус. язык «Аргонавтов» Малиновского объяснил этот последний как «бортовой поплавок» (Малиновский 2004а: 124 и далее).

но кокосовых орехов (представляющих особую ценность из-за масел, которых не хватает в пищевом рационе), семян бетеля (употребляющихся как стимулятор), свиней (являющихся основным источником белка и жиров) и каменных топоров (необходимых для расчистки земель под сады). Вероятно, кокосовыми, бетелевыми пальмами и свиньями владели исключительно вожди (Austen 1945; Malinowski 1935), а топоры, изготавливаемые из привозного камня, вытачивали работающие на вождей специалисты (Malinowski 1935).

Таким образом, на маленьких изолированных островах Тробриан невозможно было успешно проводить интенсификацию экономики жизнеобеспечения, не имея института лидерства для управления производственным циклом и внешней торговлей. Но условия сами по себе не порождают вождей; скорее процесс интенсификации в определенных условиях предоставляет возможности для развития контроля. На Тробрианах такими возможностями являются система землевладения, излишки, которые надо хранить, и капитальная технология в виде торговли. При наличии контроля над этими элементами экономики жизнеобеспечения на свет может появиться вожжество.

11. Сложное вождество

НАСЕЛЕНИЕ островов Тробриан организовано в сравнительно простые вождества, построенные на основе структуры и идеологии родственной группы (*дала*) и присущих ей отношений свойства. В этом разделе мы рассмотрим более сложные вождества Гавайев и особый случай басери Ирана. Поскольку Полинезия включает в себя все разнообразие от простых до сложных вождеств и политий, насчитывающих от нескольких сотен до сотни тысяч человек, то перед тем как детально исследовать необычные и крайне сложные гавайские вождества, стоящие на высшей ступени эволюционного развития Полинезии, кажется целесообразным дать общее представление о полинезийцах.

Разбросанные острова Полинезии простираются от Тонги и Самоа до острова Пасхи и от Новой Зеландии до цепочки Гавайев. В этой безбрежной части Тихого океана обнаруживаются скопления островов, часто значительно удаленные друг от друга. Острова эти различаются как своими размерами — от большого массива суши Новой Зеландии (102 000 квадратных миль) до крошечных коралловых островков Туамоту чуть южнее экватора, — так и своим климатом, от умеренного до тропического. Островные группы большего размера, как, например, Гавайи и острова Общества, образуют цепочки из вулканических пиков; они тоже различаются размерами: от таких больших сравнительно молодых островов, как Гавайские (4038 квадратных миль), до маленьких, оставшихся после длительного действия эрозии коралловых атоллов.

До контактов с европейцами эти изолированные земли были колонизированы и заселены полинезийцами, общность происхождения которых способствовала тому, что между островами установилось значительное сходство в языке, материальной культуре, практиках жизнеобеспечения и иных аспектах, характеризующих население¹. Для наших целей наиболее важным

1. Полинезийцы, насчитывающие более 1 млн чел., говорят на 37 близкородственных полинезийских языках австронезийской языковой семьи, которые классифи-

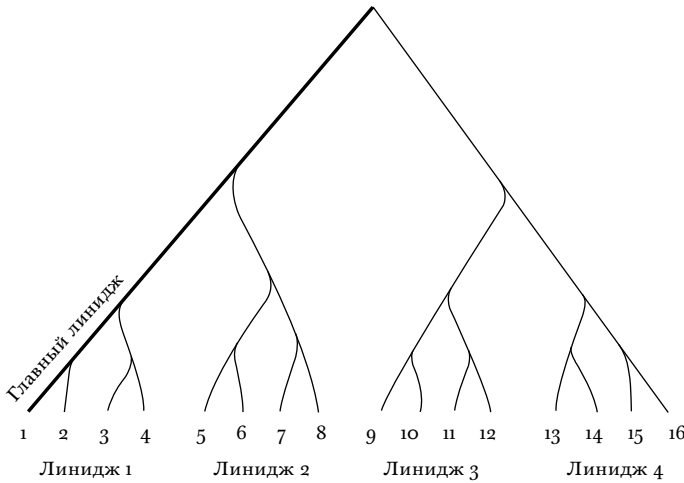

РИС. 12. Взаимосвязи различных источников власти во властных стратегиях вожеств (Earle 1997: 204)

элементом полинезийских культур является их социально-политическая организация в виде вожеств. Различия же между этими океанскими политиями помогают нам понять процессы развития, которые подвели вожества к уровню государств.

Фундаментом для организации полинезийских вожеств является принцип социального неравенства, вытекающий из наследственных статусов. Каждое вожество состояло из конического клана, от которого исходили линиджи (рис. 12). В идеальном случае старшую линию, отмеченную жирной прямой черного цвета, представлял первенец первенца первенца и т. д. Младшие линии основывались вторыми и третьими по счету сыновьями, чьи потомки образовывали линиджи клана (см. Kirchhoff 1955). Ранг мужчины и группы, в которую входили его потомки, зависел от того, каким по счету внутри домохозяйства он родился: линия потомков второго сына занимала подчиненное положение по отношению к потомкам первенца и т. д.

цируются следующим образом: во-первых, группа самоа и переселенцев (самоа, токе-лау, футуна, тувалу и др.); во-вторых, восточная группа (маркизский, гавайский, таити и рапа-нуи) и, в-третьих, тонгическая группа (ниуэ и тонга). Считается, что основная волна предков их носителей переселилась около 1200 года до н. э. из Меланезии (острова Фиджи) на Тонга, а оттуда — около 1000 года до н. э. на Самоа (западный путь). Другой возможной территорией исхода была Микронезия (северный путь).

Теоретически каждый индивид и линидж в системе обладал уникальным рангом в зависимости от степени удаленности от старшей линии: чем ближе к старшей линии, тем выше (на что указывают порядковые номера на рис. 12). Но на практике существовала тенденция ограничивать ранжирование лишь вождеской группой, состоящей из старшей линии; младшие линии редко затрудняли себя подсчетом различий в рангах. Хотя наследование титулов вождей и происходило обычно патрилинейно, линия не являлась экзогамной, и обычно к ней принадлежали когнатные родственники².

Многие младшие линии, которых не удовлетворял подчиненный ранг в клане, позиционировали себя в виде самостоятельных локальных вождеств. Такие вождества жестко конкурировали за контроль над землей и общинниками, и их ранг определяли уже и позиция внутри генеалогии, и политическое доминирование, проистекающее из завоевательных войн (Goldman 1970).

На каждом уровне состоявшей из этих групп социальной иерархии лидерство осуществляла вождеская линия самого высокого ранга. Деятельность локальной группы организовывал и направлял ее вождь из старшей линии. Когда локальные группы организовывались в региональные образования, то церемониальные циклы и военные операции в регионе координировал локальный вождь, обладавший самым высоким рангом.

Полинезийский вождь являлся не только сакральной фигурой, тесно связанной с божествами предков и выступавшей посредником на церемониях, но и светским предводителем, ответственным за организацию военных действий, управление экономической деятельностью и разрешение внутренних ссор. И поскольку во власти вождя находилась любая деятельность, требовавшая от группы совместных действий, то он объединял в себе светский и религиозный аспекты, взаимно усиливавшие друг друга.

В полинезийском вождестве существовали отчетливо выраженные лидерские должности — позиции, отмеченные особым статусом, безотносительно того, были ли они на текущий момент заняты или оставались свободными. И в иерархии этих групп — локальное сообщество, район, островное вождество — каждая обладала такой должностью вкпе с должностями подгрупп, которые ранжировались согласно отношениям статусов.

2. Надо иметь в виду, что счет родства у гавайцев ведется в соответствии с классификационным принципом, образуя так называемую генерационную, или гавайскую, систему родства, в соответствии с которой отсутствует противопоставление родственников как по мужской и женской линиям, так и по прямой и коллатеральной. Например, в первом восходящем поколении одним и тем же термином обозначаются отец, брат отца и брат матери.

На рисунке 12 1-й, 5-й, 9-й и 13-й номера — это главы линиджей, из которых 5-й подчинялся 1-му, как предводителю более крупного сегмента, 13-й — 9-му, а все вместе — 1-му, как верховному вождю конического клана.

В целом каждая должность предоставляла в руки своему держателю как права на мобилизацию рабочей силы и продукты, необходимые, чтобы прокормить себя и своих родственников, так и обязательства по поддержанию внутригруппового порядка и производительности. Держателям этих должностей вверяли проведение церемоний с необходимостью выполнять ритуальные обязательства по отношению к божествам, поддержание боеспособности, охрану внутреннего порядка, а также создание и поддержание таких средств производства, как ирригационные системы, террасированные поля и пруды для разведения рыбы.

Полинезийские вожества финансировались с помощью редистрибуции — формы даннического налогообложения (Earle 1977). Должностные prerogatives помогали вождям накапливать продукты первой необходимости, которые производились общинниками. Некоторые из продуктов вожди оставляли для своего собственного потребления, но большую часть использовали в качестве компенсации людям, которые на них работали, будучи занятыми в различных видах деятельности, необходимых для удовлетворения вождеских обязанностей и удержания вождем доминирующего положения и надлежащего образа жизни.

В Полинезии прекрасно представлен весь континуум вождеств от простых до сложных (Goldman 1970; Sahlins 1958). Более того, полинезийская этнография предлагает превосходную возможность рассмотрения того, как можно сохранить перекрывающую саму себя социально-политическую организацию, несмотря на присущие ей тенденции к фрагментации. Как мы видели, политические единицы часто расщепляются вдоль линий линиджей, причем отдельным вождеством становится старшая линия низкорангового линиджа (например, 9-й номер на рис. 12), конкурируя с изначальной старшей линией (представленной 1-м номером). Для некоторых островов, например Маркизских (Handy 1923) и Тонгарева (P. Buck 1932), характерно фрагментирование вождеств на мелкие политии численностью примерно в тысячу человек. На других же, таких как Тонга (Kirch 1980) или Гавайи, вожества разрастаются, вбирая в себя популяции, исчисляющиеся десятками тысяч человек. Что же это за условия, которые препятствуют фрагментации? Они должны способствовать как увеличению размеров политической системы, так и развитию новых институтов, решающих проблемы, порожденные этими новыми размерами.

Случай 13. Гавайские островитяне

Ко времени первого контакта (в 1778 году) население Гавайских островов насчитывало³ 300 тыс. человек (Nordyke 1989; Schmitt 1971); популяция разделялась на четыре больших вождества, конкурирующих друг с другом. Эти вождества, характеризовавшиеся исследователями (Earle 1978; Goldman 1970; Hommon 1976; Sahlins 1958, 1972) как высшая стадия социально-политического развития в Полинезии, рассматриваются здесь для установления факторов, обусловивших эволюцию, приведшую их вплотную к обществу государственного типа.

Сложный характер гавайских вождеств привел к развитию социального расслоения и региональных институтов. Общество было отчетливо разделено на два класса: общинников и вождей. К общинникам принадлежали деревенские земледельцы, рыбаки и ремесленники. Они не обладали протяженными генеалогиями, редко прослеживали счет родства далее поколения дедов, а ранги и организация выше домохозяйства были случайными и неформальными. Несколько родственных домохозяйств могли проживать по соседству и кооперироваться на время совместных экономических предприятий, но свидетельств в пользу существования линиджевой или корпоративной структуры у общинников не обнаруживается. Некоторые из них имели бигменов, но скорее в том смысле, что эти лидеры были успешными фермерами и организаторами, вокруг которых небольшие группы домохозяйств сообщества образовывали кластеры (Sahlins 1992: 208). Но в целом эти сообщества, как и крестьянские деревни в составе государств, организовывали эгалитарный этос, являющийся составной частью региональной иерархии вождеств.

Вожди, напротив, были организованы в разные, основанные на счете родства, правящие группы, особенно на главных островах — Кауаи, Оаху, Мауи и Гавайи. Теоретически ранг индивида, то, насколько он располагал правами на должность, и поддержка, которую ему оказывали вожди-родственники, определялись тем, насколько он был удален от старшей линии; при этом поскольку индивид получал статус через родство как по матери,

3. Гавайцы (Hawaiians), прежде говорившие на одном из полинезийских языков восточной группы, насчитывают около 400 тыс. чел. (2003), что составляет лишь 18,8% всего современного населения Гавайских островов, где также живут белые американцы, японцы и др. Причем только 8 тыс. гавайцев продолжают в той или иной мере пользоваться гавайским языком и являются чистыми в расовом отношении.

так и по отцу, то расстояние это не просто было высчитать, поэтому у правящих вождей были свои специалисты по генеалогии, способные оценивать притязания индивидов на ранг и положение. Важным способом приобретения статуса являлся брак. Вождь из элиты мог жениться только на женщине из элиты; вождь высокого ранга практиковал полигинию как внутри собственной правящей линии, чтобы упрочить политические позиции своих детей, так и вне ее, чтобы выстраивать союзы с другими линиями. Конкуренция за правящие позиции была жесткой, а брак и счет родства сильно политизированы, и их тщательно планировали. Женщины являлись важными политическими игроками, удерживающими вождеские позиции на уровне отдельных сообществ, но верховным вождем всегда был мужчина, несмотря на то, что он мог прийти к власти, воспользовавшись наследственным правом на должность своей жены (см. примеры, относящиеся к Кауаи, в [Earle 1978]).

Примерная численность населения в гавайских вождествах доисторического периода варьировалась приблизительно от 30 тыс. (Кауаи и Ниихау) до 100 тыс. человек (Гавайи). Обычно крупный остров и связанные с ним острова меньшего размера управлялись единым сложным вождеством. И хотя предпринимались попытки расширить такое вождество путем завоевания других больших островов, как правило, они заканчивались неудачей из-за трудностей контроля над столь большими и сильно разделенными популяциями.

Окружающая среда и экономика

Гавайи состоят из семи главных островов, которые расположены на севере центральной части Тихого океана, в тропической зоне на 20 градусах северной широты. Эту цепочку островов, более чем на две тысячи миль удаленную от всех крупных массивов суши, образуют вулканические пики. Их геологический возраст и, соответственно, степень эрозии сильно варьируются. На большом острове Гавайи до сих пор имеются активные вулканы, на широких склонах острова мало долин и постоянных речных потоков. Напротив, подвергшийся сильной эрозии Кауаи представляет собой остров с глубокими каньонами и водами, стекающими с центральных гор в море. Почвы в основном вулканического происхождения, но в производстве используются аллювиальные почвы, находящиеся в эродированных долинах и вдоль прибрежных равнин. Количество аллювиальных почв сильно варьируется в зависимости от развития речных систем (см. Earle 1980b; Kirch 1977).

Количество дождевых осадков также определяет разнообразие окружающей среды. В этом районе Тихого океана годовое количество осадков составляет около 60 дюймов в береговых зонах. Однако дожди приносят с собой неодинаковое количество воды на острова разного размера. Обычно на наветренной стороне островов количество осадков варьируется от примерно 60 дюймов на берегу и 300 и более дюймов в центральных горах; а на подветренной, ограниченной заслонами, оно составляет менее 20 дюймов. Неравномерность осадков и различия в почвах представляют собой важнейшую детерминанту для возникновения варьирующихся локальных стратегий жизнеобеспечения.

Как мы видели, на момент первого контакта плотность населения на семи островах оценивалась в 39 человек на квадратную милю. Большую часть островного ландшафта составляет пересеченная местность с крутыми обрывами, и в основном она расположена слишком высоко, либо же отличается засушливостью, что затрудняет выращивание тропических корнеплодов. На более низких возвышенностях, обычно на расстоянии мили от берега и вблизи водных потоков, была сконцентрирована большая часть популяции, и плотность населения здесь могла быть больше 200 человек на квадратную милю.

Вследствие такой высокой плотности населения в отдельных местах, экономика жизнеобеспечения зависела в основном от интенсивного земледелия. Здесь были внедрены ирригация, террасированные поля и дренажные системы, позволяющие круглогодично возделывать землю. Главную культуру, таро (*Colocasia esculenta*), выращивали на орошаемых запруженных полях, где это позволяли водные и почвенные условия (Earle 1980b; Kirch 1977). В этих полях, похожих на рисовые пaddy Юго-Восточной Азии, по множеству коротких канав вода доставлялась на террасированные поля, каждое из которых представляло собой прудик, где в грязи или на маленьких холмиках росло таро. Это была сравнительно несложная технология, с которой люди легко управлялись, и урожаи были высокими. Главная проблема заключалась в том, что эти ирригационные системы могли строиться только на дне долин вблизи от моря. Поэтому продукция земледелия сообщества периодически уничтожалась наводнениями и приливными волнами, которые и сегодня служат помехой современной системе выращивания таро на островах (Earle 1978).

В случаях, когда ирригация была неприменима, для выращивания таро, а в более засушливых местах и сладкого картофеля применялось возделывание земель с применением коротких периодов парового воздействия. Разводились и другие культуры, такие как ямс, сахарный тростник, арроурут и некоторые сор-

та древовидных, в особенности хлебное дерево⁴ и банан. Одомашненные животные, в том числе свиньи, собаки и куры, также сохраняли значение для добавления в рацион белка. Свиньи особенно ценились вождями, которые, по-видимому, монополизировали их разведение.

Основным источником белка являлась рыба. Мужчины применяли разные методы рыбной ловли; весьма распространенным был хукилау, при котором большая партия рыбаков с сетями окружала стаю рыб на мелководье и тянула улов к берегу. Важной была также ловля пелагических⁵ видов рыб в открытом море, требующая особого оснащения и больших лодок. Вдоль берега и на прилежащих аллювиальных низинах устраивали рыбные пруды, в которых выращивали мальков специально для их употребления вождями (Kikuchi 1976). Технология запруд была проста, применялось либо расширение площади пруда, предназначенного для таро, либо запруживание участка береговой зоны с помощью каменного или земляного вала.

Иные, хоть и не имеющие первостепенной важности продукты природного происхождения обеспечивали разнообразие и дополнительный белок. Женщины собирали моллюсков и крабов, на удаленных от берега птичьих базарах сетями ловили морских птиц, в горах охотились на диких кур⁶ и свиней

4. *Ароурут* (англ. Arrowroot — букв. стрельчатый корень, хотя, возможно, из аравак. *ару-ару* — пища пищи), или *маранта тростниковидная* (*Maranta arundinacea*) — кустарник высотой около 1 м, произрастающий в дождевых лесах Карибского бассейна, Австралии, Юго-Восточной Азии, Южной и Восточной Африки, куда был завезен англичанами. Родина — Центральная Америка. Корневища имеют веретенообразные клубни, в которых содержится около 25% крахмала. Из них получают муку. *Хлебное дерево* (*Artocarpus altilis*) — крупное, до 26 м в высоту, дерево, напоминающее дуб. Цветки мелкие, опыляются летучими мышами-крыланами. Плоды вначале зеленого цвета; по мере созревания становятся желто-коричневыми, диаметром до 30 см, а массой до 4 кг; на 60–80% состоят из крахмала, на 14% — из сахара, на 0,2–0,8% — из жиров. По вкусу жареные плоды напоминают скорее картофель, чем хлеб. Хлебное дерево непрерывно плодоносит 9 месяцев в году, а затем 3 месяца отдыхает. Одно из самых урожайных плодовых растений (в южной части Тихого океана приносит от 50 до 150 плодов в год). Родина — Новая Гвинея, откуда полинезийцы завезли его на свои острова; с XVIII века также культивируется в Вест-Индии и других местах.

5. *Пелагиаль* (греч. *pelagos* — открытое море) — зона моря и океана, которая не находится в непосредственной близости от дна; среда, богатая обитающими в ней так называемыми пелагическими организмами (планктоном и др.).

6. *Дикие*, или *гребенчатые*, *куры* — 4 вида птиц с мясистыми наростами на голове (гребешками), относящиеся к роду *Gallus* из семейства фазановых. В данном случае речь идет о *банкивском петухе*, или *красной джунглевой курице* (*G. gallus*). (Три других родственных вида населяют запад и юг Индии, Цейлон и Яву.) Ее родина — Южная и Юго-Восточная Азия. От банкивского петуха, как считается, происходят все породы домашних кур. Скорее всего, он был завезен человеком

и занимались сбором съедобных дикорастущих растений. Важной зоной для добывания были внутренние районы островов, обычно не заселенные. Таким образом, разнообразный пищевой рацион гавайцев, хотя и состоящий в основном из главных крахмалосодержащих культур, отличался высоким содержанием калорий и белка.

Многообразие условий окружающей среды, характерное для высоких вулканических островов Полинезии, обусловило разнообразие в экономике жизнеобеспечения. В тесном соседстве располагались три главные зоны, подходящие для трех различающихся типов эксплуатации: для интенсивного земледелия годились аллювиальные впадины и пологие возвышенности; для продуктивного рыболовства — мелководные и удаленные от берега заливы и рифы; для охоты и добывания — внутренние дикие леса. И хоть Сервис (Service 1962) утверждал, что вождества часто развивались в условиях, требующих управления обменом между специализированными сообществами, в действительности торговля носила в высшей степени ограниченный характер и процветала в основном внутри границ сообщества (Earle 1977).

Войны являются еще одним следствием высокой плотности населения и неровного распределения производительных ресурсов. Опираясь для объяснения возникновения войн на теорию стесненности Карнейро, Кёрч (Kirch 1988) отмечает, что в Полинезии популяционный рост в островной, ограниченной естественным образом окружающей среде должен оказывать давление на имеющиеся ресурсы, приводящее к межгрупповым войнам. Войны ограничивают выбор индивида, заставляя его присоединяться к группам, чтобы ему был гарантирован доступ к ресурсам, за которые идет борьба (Boon 1992). Хотя межгрупповые войны за землю, пригодную для производства, были характерны и для мелких вождеств, как, например, маори (M. Allen 1996), на Гавайях они превратились в политическую стратегию, предназначенную главным образом для распространения контроля.

С большинством проблем производства, как мы покажем ниже, люди справлялись еще на уровне семьи или локального сообщества, но для управления рисками и урегулирования конфликтов между сообществами были важны вожди. Несомненный интерес представляет особая форма интенсификации на Гавайях, предоставившая возможности для экономического

на Новую Гвинею, острова Общества, Маркизские, Новые Гебриды и др., где позднее вновь одичал.

контроля, сформировавшего, в свою очередь, базис для появления социального расслоения.

Социальная организация

Виттфогель (Wittfogel 1957: 241) утверждал, что развитие ирригационных систем на Гавайях нуждалось в появлении системы управления, которая состояла бы из вождей и земельных распорядителей, сформировавших затем основу политической организации гавайцев. Напротив, Сервис (Service 1962), говоря о Полинезии, пытался доказать, что разнообразие условий среды островов потребовало централизовать управление системы обмена, что привело к власти и получению статуса вождей для тех, кто ею управлял. Но, как мы уже говорили (Earle 1977, 1978), эти теории не соответствуют действительности, поскольку ни ирригация, ни обмен не привели здесь к возникновению проблем, решение которых требовало бы расширения системы контроля за пределы локального сообщества.

Необходимую для реализации стратегий жизнеобеспечения рабочую силу была способна самостоятельно обеспечить нуклеарная семья, организованная на основе стандартного разделения труда по возрасту и полу (Earle 1978). Разные авторы говорят о строгом разделении труда, основанном на предписании культуры охранять *мана*⁷, или сакральную силу мужчин (Handy and Pukui 1958: 176–178; Malo 1951: 27–30). Мужчины и женщины питались отдельно, и, по крайней мере, во время формальных приемов пищи на мужа возлагалась ответственность за запекание таро в особых земляных печах для себя и жены и за разминание его отдельно в *по'у*⁸. Женщинам нельзя было есть такую сакральную пищу, как свинину, и входить в дом, где ели мужчины или совершались подношения богам. Мужчины выполняли работы по выращиванию священного таро, женщины занимались трудоемким дублением *тана*⁹ (ткани из коры), которая шла на одеяния как членов семейства, так и божеств. В наиболее важных сферах домашней жизни отчетливо проявлялась реципрокация. Чтобы нарубить деревья и возвести каркас дома, мужчины созывал своих близких родственников, в это время женщины

7. *Мана* в верованиях гавайцев и прочих народов как Полинезии, так и Меланезии — сверхъестественная сила, носителями которой, как считается, являются и отдельные люди, и животные, и разные предметы, и духи. Маной манипулировали, чтобы достичь хорошей погоды, урожая, излечить от болезни и пр.

8. *По'у* — повседневная пища гавайцев в виде тестообразной массы из размятого таро, разбавленного водой.

9. *Тана* — художественно окрашенная материя из луба.

собирали солому и плели напольные циновки. Пока мужчины работали на полях таро и рыбачили, женщины выращивали или собирали растения, в том числе сладкий картофель, разнообразящий питание семьи. В организации работы как внутри семьи, так и между соседними домохозяйствами наблюдались уравновешенность и взаимопомощь.

Представляется, что наличие отмеченных некоторыми авторами строгих правил в разделении труда в гавайских вождествах сильно преувеличено. Похоже, что противопоставление мужского и женского, а еще чаще — сакрального и профанного касалось больше вождей, считавшихся божествами; других мужчин оно затрагивало только на время священных ритуалов. Археологические данные не подтверждают наличия пространственного деления и специальных мест для приготовления пищи в домохозяйствах, не относящихся к элите, на что указывала этноистория¹⁰. Мы считаем, что разделение труда между мужчинами и женщинами было, по всей вероятности, гибким и взаимодополняющим, за исключением публичного и сакрального контекстов, связанных с церемониальными событиями.

Важнейшим пищевым продуктом в экономике жизнеобеспечения являлось таро, выращиваемое на орошаемых участках садов и на полях, расположенных на возвышениях. Ирригационные системы были небольшими и ограничивались одним локальным сообществом; обычно ими пользовались четыре или пять фермеров, реже — двенадцать и более. Вероятно, само сооружение расширялось постепенно, а с ремонтными работами, как и сегодня, справлялись маленькие бригады рабочих. Исторические записи свидетельствуют о том, что близкородственные семьи (братья и свояки) проживали вместе вдоль короткой канавы и кооперировались, чтобы поддерживать ее функционирование. Хотя на Гавайях определенно существовали земельные распорядители, для развития ирригационных систем они не были нужны.

Что касается обменов, следует отметить, что три главные ресурсные зоны — прибрежного рыболовства, земледелия на низменностях и добывающего хозяйства на возвышениях — располагались обычно близко одна от другой; во многих районах от побережья до горных пиков насчитывалось менее 8 миль. Таким

10. Этноисторию (*Ethnohistory*) надо понимать в контексте истории американской антропологии. Так называлось направление 1960–1980-х годов, сторонники которого в ответ на вызванные колониализмом изменения в культурах коренного населения призывали преодолеть традиционный разрыв между подходами антропологическим (в данном случае археологическим) с фокусом на бесписьменных культурах (культурах без истории) и историческим (изучением письменных документов, статистики и т. п.).

образом, домохозяйство, располагавшееся внизу, в прибрежной долине (а их было большинство), обладало доступом ко всем важнейшим ресурсам и оставалось самодостаточным. Там же, где ресурсные зоны были разделены сильнее, как в отдельных местах на большом острове Гавайи, домохозяйства в определенной степени специализировались на ресурсах, характерных для этого района. Обмены велись в основном между домохозяйствами одного локального сообщества, связанными узами близкого родства, поскольку земли сообщества простирались узкой полосой от гор в центре к морю (Handy and Pukui 1958). Домохозяйства из разных сообществ не обменивались интенсивно, а если обмены все-таки происходили, то на небольших неформальных собраниях, функционировавших как простые рынки (Ellis 1963 [1827]: 229–230). Индивиды обменивались выточенными из базальта, получаемого из местных источников, теслами и плетеными циновками из камыша, росшего на определенных болотах. Как будет описано ниже, система, которой управлял вождь, не представляла собой систему обмена предметами потребления между специализирующимися производителями, занятыми в жизнеобеспечении.

Разумеется, вожди вместе со своими земельными распорядителями оправдывали свое назначение, в особенности когда они организовывали усилия сообщества по проведению ремонтных работ после периодических разрушений, вызванных наводнениями и приливными волнами, либо сдерживали межрегиональные войны путем перераспределения прав пользования. После обсуждения того, каким образом были организованы и как финансировались имения вождей, мы вернемся к их правящей роли.

Экономический контроль и финансирование

На Гавайях развился институт иерархии правящих вождей, отличительной чертой которого был его всеохватывающий характер. Вожди удерживали позиции на трех уровнях, в соответствии с рангом той правящей линии, к которой они принадлежали. На вершине социально-политической иерархии находился верховный вождь. Являясь собственником всей земли, он распределял ее среди представителей народа в обмен на долю от производимых ими пищевых продуктов, ремесленных товаров и сырья или давал ее за поддержку во время войны. За верховенство шла постоянная конкуренция, и после смерти правящего вождя остров обычно разделялся на воюющие регионы, которые поддерживали соперничающих претендентов. Сле-

дующим правителем становился тот, кто побеждал в этих войнах за право преемственности.

Вторыми в иерархии значились вожди округов — мужчины с высоким рангом, принадлежащие к правящей линии и лично преданные своему верховному вождю. На них возлагалась ответственность за то, чтобы приказы и решения верховного вождя были доведены до вождей в сообществах, а кроме того, за сбор продуктов и мобилизацию рабочей силы, которые сообщество должно было поставить по приказу верховного вождя. Окружные вожди могли брать себе долю продуктов, собранных для верховного вождя, но большую часть своего дохода они получали непосредственно от сообществ, которые отдавал в их распоряжение верховный вождь.

Третьими были многочисленные вожди сообществ (*ax'ui 'ai axu-pua'a* — «вожди, которые кормятся сообществом»). Обычно такие вожди приходились близкими родственниками верховному вождю и поддерживали его, за что и получали в качестве награды сообщество, которое их кормило. Таким образом, в «группе поддержки» верховного вождя каждый получал свою долю власти после того, как ему безвозмездно передавали землю¹¹, обретение контроля над которой зависело от верховного вождя, но, как правило, подтверждалось преемником последнего. В свою очередь, вождь этот назначал земельного распорядителя, который надзирал за тем, как в сообществе шло производство, и выполнял широкий круг социальных, политических и религиозных обязанностей. Как и вожди, земельные распорядители не являлись членами сообщества, а были чаще родственниками вождя, обычно младшими. Соответственно, земельные распорядители выполняли такие повседневные обязанности по управлению сообществом, которые лежали на локальных вождях в более простых вождествах. Это были своего рода профессионалы, правда еще не такого уровня, как те, о которых мы будем говорить в разделе 12, то есть они еще не превратились в работников самостоятельных бюрократических институтов. Они подчинялись непосредственно своему вождю, который к тому же являлся обычно их родственником.

Существенной составляющей жизни вождеского сообщества на Гавайях были войны. Вожди сами были воинами, и одна из их функций заключалась в поддержании мира в регионе. В отличие от простых вождеств у маори, локальные сообщества на Гавайях были рассредоточены и не укреплены. Поскольку вожди гарантировали локальным домохозяйствам их права на наделы, идущие

11. И снова авторы используют терминологию, отражающую американские жизненные реалии: *land grant* — безвозмездная передача государственной земли.

щие на жизнеобеспечение, региональный мир островного вожества позволял локальным сообществам заниматься производством. Бун (Boon 1992) подчеркивал, что конкуренция за ресурсы фактически ограничивала саму возможность выбора локального домохозяйства, попадающего в зависимость от главенствующей вождеской политики. Войны на Гавайях приобрели политическое значение и не были напрямую связаны с конкуренцией за ресурсы.

Кроме того, сильной была конкуренция и за высокую должность, потому что, как и в тробрианских вождествах, от положения в иерархии зависел доход. Войны, следовавшие за смертью верховного вождя, велись не только за получение верховной власти, но также и за доступ ко всему набору политически важных должностей и доходных имений. Чтобы иметь возможность получить или удержать за собой имение, надо было поддерживать успешного кандидата; поземельные отчеты показывают, что при каждой смене верховной власти происходило и замещение вождей.

Наряду с этим существовали сильные экспансионистские устремления к завладению землями путем захвата их у других островных вождеств. Если они не составляли дополнительную доходную статью верховного вождя, то их жаловали в качестве имений его политическим сторонникам. У каждого верховного вождя был небольшой штат хорошо обученных военных специалистов, которые занимались проведением операций против соседних вождеств.

Консолидировать контроль вождям помогали религиозные институты. По всему вождеству располагались святилища, которые были домами божеств и местами, где жрецы — выходцы из элиты — проводили церемонии. В крупных святилищах, посвященных богу войны Ку, верховный вождь сам инициировал церемонии и наблюдал за ними, приводя поддерживавших его вождей к консенсусу по вопросу участия в военных действиях. Более распространенными были принадлежавшие сообществу небольшие алтари, которые использовались во время ежегодных церемоний Макахики, когда бог земли и плодородия Лоно¹² совер-

12. Пантеон гавайских богов включал 4 общеполинезийских мифологических персонажа: Кане (бог света), Ку (бог войны), Лоно (бог земледелия и мира) и Каналоа. С распространением христианства первые три стали ассоциироваться с Троицей, а Каналоа — с дьяволом (на Гавайских островах он хтоническое существо, тогда как в других местах, наоборот, небесный бог-творец и бог морской стихии). *Макахики* (гавайск. — год) — ежегодные церемонии в честь бога Лоно, длившиеся 4 лунных месяца (приблизительно с октября-ноября по февраль-март), во время которых действовало табу на все войны. Заменитель Лоно (акуа лоа) представлял собой длинный шест с полоской тапы, который несли жрецы. Еще одно важное ритуальное действие заключалось в том, что верховный вождь с дарами для Лоно выходил в море, а затем возвращался. На берегу его пыта-

шал путешествие вокруг острова в сопровождении верховного вождя. В принадлежавших сообществу святилищах вождь, выступая от имени бога, проводил ритуалы, предназначение которых заключалось в том, чтобы поддерживать плодородие общинных земель. Взамен он получал пищевые продукты, ремесленные изделия и сырье. В этих ритуалах проявлялись ритуальные обязанности и значимость верховного вождя; их цель заключалась в сборе средств на финансирование управления церемониями, гарантировавшими продуктивность земледелия¹³.

Финансирование островных вожеств строилось на политической экономике, основанной на редистрибуции. Как мы уже говорили, редистрибуция представляла собой дань, и товары, собранные у производителей экономики жизнеобеспечения, использовались в качестве компенсации воинам, религиозным функционерам, специалистам-ремесленникам и другим «непроизводительным» слоям. На Гавайях система редистрибуции была относительно простой. Для осуществления таких особых операций, как масштабная церемониальная или военная кампания, верховный вождь консультировался со своими ближайшими советниками и устанавливал необходимое количество продуктов и персонала и квоты для каждого округа. Вслед за этим окружной вождь распределял эту квоту среди своих общинников, и домохозяйства под руководством земельных распорядителей в своем сообществе поставляли людей и продукты, которые требовались.

Таким образом, конический клан полинезийцев, изначально организованный путем ранжирования суммарно небольших популяций, разросся и трансформировался во всеобъемлющий институт управления, внутренней логикой которого при этом по-прежнему оставались родство и прямые личные связи. Верховный вождь мог знать всех вождей, число которых ни в одном вожестве, по-видимому, не превышало тысячи человек, а общинники оставались безликими исполнителями его распоряжений, связанных с потребностями в товарах и рабочей силе.

По мере того как население вожества увеличилось от нескольких тысяч до десятков тысяч человек, потребовался и новый уро-

лись загарпунить, а он демонстрировал свою невредимость и, таким образом, добивался легитимности, как правитель, на следующий срок. Сейчас на Гавайях продолжением традиции Макахики является празднование Алоха.

13. Говоря о религиозной составляющей власти у полинезийцев, авторы умалчивают о жрецах (тохунга, кахуна и т. п.), которые в некоторых местах (Таити) составляли особые корпорации. Кроме того, степень сакрализации вождя также была различной и наиболее высокой, как, кажется, на Таити и Тонга (обожеествленный царь-жрец туи-тонга). Сакральные верховные вожди противостояли военным вождям.

вень региональной интеграции, способный более надежно связать в систему этих безликих, но необходимых общинников. Эта задача была выполнена с помощью ограничения землевладения. Поскольку верховный вождь владел всей землей, то распределение ее среди его сторонников в сообществе и последующее перераспределение среди общинников в виде мелких наделов, идущих на жизнеобеспечение, создавало базис для требуемых выплат рабочей силой и товарами. Контроль вождя над основными производительными ресурсами, то есть годной для возделывания земель, особенно проявлялся в тех случаях, когда его земельный распорядитель приступал к организации капитальных сооружений, таких как ирригационные каналы, террасы и рыбные пруды. Наделы на орошаемых и террасированных землях с высокой продуктивностью предоставлялись общинникам в обмен на обязательство работать на смежных землях, которыми владел вождь. Таким образом, каждая ирригационная система проходила по мозаике из земель вождя, служащих для финансирования политики, и земельных наделов общинников. Посредством этого между вождем и общинником устанавливались отношения реципрокации; труд общинников на вождя являлся своего рода выплатой ренты за предоставленные им наделы.

В более общем виде идеологию реципрокации можно определить как принцип взаимности в политической экономике. Производители, занятые в жизнеобеспечении, создавали богатство, которое вождь использовал в качестве компенсации непроизводительному персоналу, вкладов в капитальное развитие, выплат политического характера, расширяющих и консолидирующих его контроль, и финансирования завоевательных войн, предназначенных увеличить его доходы. Обязательства вождя перед производителями, занятыми в жизнеобеспечении, в сущности, носили характер реципрокации: он отвечал за поддержание мира внутри вожества, чтобы таким образом гарантировать локальным сообществам доступ к производительным ресурсам, осуществление капитального развития, предназначенного повысить урожаи, охрану семей, являющихся жизненно важными экономическими единицами, и необходимое посредничество между локальным сообществом и религиозными и военными институтами уровнем выше.

Доисторические Гавайи: эволюционная последовательность

Чтобы лучше понять эволюционную динамику гавайских вожеств, проследим за их развитием во времени. Недавние археологические исследования позволяют реконструировать историю развития, наглядно показывающую, что рост и совершенство-

вание вожества прошли три стадии (Cordy 1974, 1981; Hommon 1976; Kirch 1982, 1964; Kolb 1994).

Первая стадия — первоначальной колонизации и расселения — датируется приблизительно 400–1200 годами н.э. По-видимому, острова были колонизированы ранее 500 лет н.э. маленькой группой, состоявшей примерно из 50 человек, уместившихся в одной-двух лодках, которые, как думают, приплыли с Маркизских островов или, может быть, с островов Общества (Kirch 1974). Это были колонисты или беженцы, которые принесли с собой все необходимое для воспроизведения привычной для себя общественной структуры и экономики. На протяжении первых восьми столетий, пока сохранялись контакты переселенцев со своей родиной, население увеличилось до 50 тыс. человек за счет как внутреннего роста, так и притока новых колонистов. Ранние поселения занимали побережье и наиболее благоприятные территории, где можно было практиковать смешанную экономику, основанную на рыболовстве, простом садоводстве и ирригации. Антропогенные изменения окружающей среды привели к исчезновению множества островных видов птиц (Kirch 1983), и со временем значение пищи, получаемой от разведения домашних видов, таких как свиньи, превысило значение продуктов рыболовства (Kirch and Kelly 1975). Археологические данные не предоставляют большого количества свидетельств существования на раннем этапе социальной дифференциации; вероятно, организация общества находилась на уровне отдельных сообществ.

На второй стадии (1200–1500 годы н.э.) популяция выросла до нескольких сотен тысяч человек (Dye and Komori 1992) и распространилась во внутренние районы, где началось использование переложного земледелия и не крупномасштабной ирригации. Например, около 50% населения маленького острова Кахо'олаве занимало внутреннюю часть острова, но уже к 1500 году, по-видимому из-за деградации почв, покинуло ее и вернулось назад на берег; подобное произошло и на других островах (Hommon 1986). В это же время в долине Халава на острове Молокаи произошел массивный оползень; а связанные с сокращением лесов изменения в популяции земляных улиток и возросшее содержание углерода в почве привели к расширению подсечно-огневого садоводства, расчистке лесов и усилению эрозии (Kirch and Kelly 1975). Важным фактором являлось то, что эрозия на возвышенностях способствовала отложению аллювия, из которого образовались береговые равнины; и на всех главных Гавайских островах увеличилось использование ирригационного земледелия (J. Allen 1992; ср. Spriggs 1986).

Археологические свидетельства указывают на то, что на этой второй стадии развития образовались региональные вождества (Kolb 1994). Различия в размерах и формах жилищ демонстрируют социальное расслоение, при котором дома большего размера принадлежали предположительно элите (см. Cordy 1981). Появились и расширились религиозные святилища (*хеиау*); и поскольку исторически они были связаны с церемониями, легитимизирующими вождя, и возведение их требовало корпоративных усилий, то они являются важным свидетельством вождеской организации. Вероятно, в этот период значение вождей заключалось в том, что они управляли интенсивным садоводством (как на островах Тробриан) и были военными лидерами. Их контроль усиливала сама стесненная среда островов, ограничивавшая свободу выбора зависимого общинника.

На третьей стадии (1500–1778 годы) популяция еще какое-то время увеличивалась, но затем, как представляется, рост населения стабилизировался (Dye and Komori 1992; Kirch 1982). Основные изменения коснулись земледелия (Kirch 1985). Продолжало использоваться переложное земледелие, распространившееся на районы с пологими склонами, где разбивались террасированные поля, что снижало воздействие эрозии (Ladefoged et al. 1996; Rosendahl 1972). В то же время рост популяции замедлился и, как представляется, произошла существенная трансформация земледельческого производства. Под управлением вождей сообщества выстроили высокопроизводительные ирригационные системы, что привело к образованию искусственной среды, благоприятной для выращивания разных сельскохозяйственных культур. Земледельческие зоны были распределены между фермерскими домохозяйствами, обеспечивающими продуктами семьи и производящими излишки, передаваемые вождю. Таким образом, образовалась база для возникновения описанной выше экономической системы, финансируемой за счет продуктов первой необходимости.

В это время на островах появились европейские первооткрыватели — торговцы, китобои, миссионеры и плантаторы. Благодаря внешним связям молодой верховный вождь Камеамеа сумел завоевать вождества на Мауи и Оаху и институционализировать новое гавайское государство¹⁴. На острова пришли воен-

14. Камеамеа I (Kamehameha, 1758–1819) — верховный вождь острова Гавайи, присоединивший при помощи европейского оружия остальные вождества и, таким образом, основавший Гавайское королевство (1810–1893) со своей династией. После прибытия в королевство миссионеров в 1820 году европейцы начали оказывать огромное влияние на гавайских монархов. В 1826 году там был введен первый

ные технологии Запада, включая большие корабли, хлопчатые паруса и пушки, местными правителями стали изучаться западные принципы права и управления для последующего внедрения в их государстве.

В обиход вошли демонстрации пышности, подражающие разработанным внешним атрибутам европейской королевской власти; таким способом гавайские правители материализовали новые институты государственности. Платье, жилище и военные парады, которые гавайские вожди переняли у Запада, Салинз (Sahlins 1992) назвал «политической экономикой величия». Сопутствующая этому расточительность разорила гавайскую экономику, и вожди были вынуждены продавать свои имения семьям американских миссионеров, заинтересованных в создании прибыльных сахарных плантаций. Динамика политической экономики, порожденной западными технологиями и потребительскими товарами, обусловила ее быстрое вовлечение в мировую экономику и привела к присоединению островов к Соединенным Штатам Америки в качестве колонии¹⁵.

Эволюция гавайских вожеств на протяжении четырнадцати веков может служить подтверждением гипотезы о тесной связи между экономикой жизнеобеспечения и политической экономикой. Толчком для роста послужил природный потенциал Гавайев, а именно наличие плодородных аллювиальных почв. Вожди управляли сооружением и эксплуатацией ирригационных систем, необходимых в условиях роста населения, общественная экономика ограничивала свободу общинников, готовых отдавать вождям свое время в обмен на пользование высокопродуктив-

налог (на доходы от торговли и судостроения), а в 1840 году — конституция западного образца. В 1843 году королевство было признано независимым государством Англией и Францией, а в 1875 году заключило договор с США о взаимности (о свободной торговле).

15. Последний гавайский король Калакауа (1874–1891), раздражавший население своей расточительностью, под давлением белых вынужден был принять новую «конституцию штыка», введившую избирательное право для богатых жителей Гавайев (как правило, американцев). Эту конституцию попыталась отменить королева Лилиуокалани, но она пала жертвой государственного переворота, поддержанного матросами с американского корабля «Бостон». И хотя поначалу правительство США отказалось аннексировать Гавайи, признав, что свержение монархии было совершено вопреки народной воле, однако королевская власть все же сменилась властью временного правительства. В последующем Гавайи стали территориями (1898–1959), а затем и штатом США. Только спустя 100 лет американский президент и конгресс приняли резолюцию, в которой коренным гавайцам от лица народа Соединенных Штатов приносилось извинение за свержение власти Гавайского королевства. Эту историю интересно сравнить с судьбой населения Тонга, которое, вопреки внешнему политическому и экономическому воздействию, смогло сохранить институт королевской власти до наших дней.

ной землей. С помощью полученных излишков вожди финансировали региональные институты вожеств и оплачивали труд специалистов-ремесленников, жрецов, управляющих и воинов. Образование сложных гавайских вожеств, характеризующихся наличием механизмов для контроля, стало возможным благодаря использованию ирригации и повышению плодородности почв. В этих условиях вода, пища и власть были переданы в руки правящих вождей. Вслед за открытием островов последовала их интеграция в мировую экономику, и контроль со стороны вожеств был утрачен.

Случай 14. Басери Ирана

Басери (Barth 1964) представляет собой региональное вождество, включающее определенное число локальных сегментов, которыми управляет единый верховный вождь. Вождество басери основано на управлении и контроле над торговлей между оседлыми земледельцами и пастушеским населением, в пользовании которого находятся маргинальные земли по внешним границам аграрного государства. Именно попытки слабого феодального государства распространить свой контроль на независимых пастухов и помогло сформировать вождество басери как средство защиты нomaдизма от внешних интересов и как источник ресурсов и политических выгод (cf. Beck 1986: 9).

Окружающая среда и экономика

Басери насчитывают примерно 16 тыс. человек, живущих в 3 тыс. шатров, размещающихся в аридных степях и горах провинции Фарс в Южном Иране. Они являются четко определенной политической группой, управляемой верховным вождем (ханом)¹⁶.

16. Это верно лишь отчасти. Как пишет Ф. Барт (Barth 1964: 2), ираноязычные басери (Basseri) номинально до сих пор являются частью конфедерации *хамсе* (от араб. — пять вместе), куда помимо них входят еще несколько арабоязычных групп Фарса, а также тюркские племена айналу, бахарлу и нафар (общая численность 15 000–16 000 шатров). Соответственно, различается и два типа «верховных вождей»: *хан*, возглавляющий всю конфедерацию, и *калантар* — вождь отдельного входящего в нее племени. Как политическая единица конфедерация образовалась примерно 150 лет назад и теперь переживает кризис. Причем лишь относительно недавно басери стали занимать в ней главенствующее положение, в частности их вожди тоже приняли титул ханов (ibid: 72). Так что, возвращаясь к общей проблематике книги, мы снова имеем дело со случаем, для которого характерно не столько усложнение социального устройства, сколько его упрощение, то есть регресс.

Басери перемещаются внутри ограниченного коридора шириной от 20 до 50 миль, простирающегося на расстоянии примерно 300 миль от высоких гор вблизи Шираза на севере до пустынных низовий около Лара на юге. Плотность населения басери составляет около двух человек на квадратную милю. Для сельского хозяйства непригодны как высокие горы, достигающие 13 тыс. футов вблизи Кух-и-Бул, так и более низкие возвышенности, до 2–3 тыс. футов в пустынях рядом с Ларом. В провинции Фарс в кластерах на средних возвышенностях на уровне примерно 5 тыс. футов численность оседлых земледельцев в целом превосходит численность пастухов в соотношении примерно 3:1. Чтобы максимально продуктивно использовать экстремальные зоны окружающей среды, небольшие группы басери должны следовать через сельскохозяйственные районы и вокруг них по тщательно спланированным миграционным маршрутам, которыми ходят и соседние группы пастухов, например кашкайцы¹⁷ (Besck 1986; 1991).

Миграции басери определяются и климатическими условиями. Хотя на регион в целом в среднем приходится лишь 10 дюймов осадков в год и земледелие там возможно только при наличии ирригационных систем, большее количество осадков выпадает на возвышенностях, где в течение зимы и весны образуются скопления снега. В это время года стойбища басери находятся южнее, в низинах с обильными пастбищами. По мере приближения лета растительность высыхает и стойбища перемещаются вслед за отступающими пастбищами в направлении гор, где начинают таять снега и появляются возможности для выпаса скота. К осени пересыхают или выедаются и горные пастбища, и пастухи вынуждены перемещаться в зону земледелия, где они пасут животных на только что убранных полях вплоть до того времени, как снова не начнут двигаться на юг.

Экономика специализирована на получении мяса и молока от смешанных стад овец и коз. Крупный рогатый скот не разводится; ослов, лошадей и верблюдов держат в небольшом количестве в транспортных целях. Для разведения овец и коз условия окружающей среды в целом благоприятны, хотя в отдельные годы до половины поголовья стада может быть уничтожено ранними заморозками и инфекционными болезнями.

17. Кашкайцы (Qashqai) — объединение кочевых тюркоязычных племен (дерешури, бюлюк, кашкули и др.) в области Фарс (Иран). До середины XX века это сложное вождество возглавлялось собственными правителями (ильханы), во главе отдельных племен (вождеств) стояли ханы. Численность около 1,7 млн чел. Говорят на кашкайском диалекте азербайджанского языка (все кашкайцы владеют персидским в качестве второго языка). Религия — ислам (шиизм).

Молоко в свежем виде не употребляется, его сразу перерабатывают в кислое молоко или сладкий творог¹⁸, затем его либо съедают, либо перерабатывают в сыр. Весной, на которую приходится пик молочного производства, кислое молоко отжимают и высушивают на солнце, заготавливая запасы на зиму. Басери часто едят свежее мясо и никогда не консервируют его путем сушки или соления. Шерсть и шкуры животных идут на шатры, одежду, емкости для хранения, веревки и прочие предметы. Женщины проводят значительную часть своего времени за прядением и вязанием.

Несмотря на важное значение мяса и молока, в пищевом рационе басери преобладают продукты земледелия, которые они получают у земледельцев путем торговли. Основным продуктом является пшеница; сделанный из пшеничной муки недрожевой хлеб едят со всякой пищей или отдельно. Сахар, чай, финики, фрукты, овощи, утварь и многие другие вещи также получают посредством обмена на очищенное масло, шерсть и овчины.

Иногда басери владеют участками плодородной земли, на которых они выращивают пшеницу и другие зерновые. Некоторые басери занимаются земледелием сами, но большинство с презрением относится к земледельческой работе и нанимает издольщиков из близлежащих деревень. Для басери эти участки являются формой инвестирования в безопасность и экономическое благосостояние, способом сохранения доходов, получаемых от удачного выпаса скота, и средством приращения движимого имущества для элиты.

Социальная организация

У басери еще больше, чем у пастухов, занимающихся исключительно жизнеобеспечением, как туркана (случай 8), базовой экономической единицей является семья. Семьи селятся, в зависимости от времени года, в отдельных шатрах или в стойбищах. Обычно в шатре проживает одна нуклеарная семья, к которой иногда может присоединиться родственник; эта производственная единица является самодостаточной, особенно когда вырастают сыновья, помогающие пасти скот. Семья владеет всем необходимым для производства имуществом, включая шатер, ковры, утварь, овец и коз, транспортных животных и емкости; делиться с другими домохозяйствами не принято.

18. В оригинале англ. *junket* (скорее всего, ст.-франц. происхождения), которое служит для обозначения блюда, неизвестного кочевникам Ирана (сливки из кипяченого молока с добавлением желтка, сахара и карамели).

Домохозяйству для обеспечения собственных потребностей требуется примерно 100 коз и овец. Животные не разделены на условиях реципрокации между родственниками и друзьями из других экологических зон, а собраны в одно стадо, которым управляет непосредственно глава домохозяйства со своими сыновьями. Обладатели очень больших поголовий часть животных за плату отдают менее успешным пастухам, которые потом должны отдавать долг своим состоятельным покровителям мясом, молочными продуктами и ягнятами. Источником надежности для басери служат не расширенные социальные сети, а рынок, как и у крестьян (см. раздел 13). В урожайный год они могут продавать излишки животных и покупать землю, которая позволяет надежно сохранять богатство и приносит доход, который можно использовать на пополнение стада. Поскольку основу их рациона составляют сельскохозяйственные продукты питания, они зависят от рынка, и в неурожайные годы им особенно нужны деньги и иные надежные формы собственности.

Вскоре после свадьбы отец жениха отдает молодоженам часть своего стада, как долю наследства, полагающуюся его сыну. Молодожены переходят в свой собственный шатер и начинают экономически самостоятельную жизнь. Поскольку использование энергичных взрослых мужчин для выпаса небольших стад неэффективно, то, как правило, домохозяйства формируют кластеры — группы, насчитывающие от двух до пяти шатров, которые вместе перемещаются и делят между собой обязанности по выпасу скота. В таких группах дружеские отношения, сложившиеся за годы совместной жизни и работы, имеют не меньшее значение, чем родство. Дружба служит также основой для торгового партнерства с земледельцами. Но самостоятельность остается приоритетом домохозяйств, и группы шатров рассредоточиваются и заново объединяются в зависимости от конкретных условий.

Зимой крупные кластеры шатров встречаются редко, так как группы рассредоточиваются по разбросанным пастбищам в низинах на юге. Но в остальное время года, когда обильные пастбища расположены в определенных регионах, там образуются стойбища, насчитывающие от 10 до 40 шатров. Стойбища эти мигрируют вместе и даже после сезонного дробления на маленькие группы остаются связанными счетом происхождения и браками, усиленными эндогамией.

В каждом стойбище есть признанный лидер, но поскольку у стойбища отсутствует формальная структура, то его лидер не обладает большой экономической и политической властью. Его главная роль заключается в том, чтобы содействовать доб-

рососедским отношениям между домохозяйствами, разрешать споры, касающиеся выбора места для стоянки, и постоянно контролировать влияние независимо мыслящих глав домохозяйств, чтобы не допустить развала стойбища. Как правило, стойбища представляют собой стабильные и протяженные во времени сообщества. Защитить домохозяйства от экономического регресса помогают не только узы родства и дружбы, но и страх перед ворами, который тоже удерживает семьи в группе. Барт (Barth 1964: 47) говорит, что басери рассматривают свое стойбище как «маленькое ядро людской теплоты в окружении зла». Применение насилия между группами шатров встречается редко, а войны вообще неизвестны. Вопреки взаимным подозрениям и требованиям эндогамии, треть всех браков заключается между членами различных стойбищ, и люди могут перемещаться из одного стойбища в другое.

Таким образом, басери образуют группу из шатров, в каждом из которых располагается независимое домохозяйство, причем иногда вместе собирается сразу несколько таких групп, занятых поиском обильных пастбищ, доступ к которым не ограничен формальной структурой. Экономическая кооперация строится на дружеских отношениях, а лидерство основано не столько на контроле над богатством, сколько на личных качествах и успешном выполнении роли посредника, находящего компромиссные решения. Но это описание применимо в той же степени к пастухам, которых мы рассматривали в предыдущих разделах.

В данном случае мы имеем дело и с политической экономикой, концентрирующейся вокруг *улада* — группы большей, чем те, с которыми мы сталкивались у других пастухов. *Улад* представляет собой территориальную единицу, насчитывающую в среднем от 40 до 100 шатров (то есть примерно так же, как рассмотренная ранее локальная группа), членство в которой определяется строго патрилинейным счетом происхождения, идущим непосредственно от ее далекого предка, что исключает образование сегментарной системы из линиджей и сублиниджей¹⁹. Отношения внутри *улада* отличаются неформальностью, экономическая жизнь сосредоточивается в шатрах и стойбищах.

19. Несмотря на то, что социальная организация у басери действительно проще, чем у других членов конфедерации *хамсе*, например арабов, все равно А. Джонсон и Т. Эрл явно искажают ситуацию: басери рассматривают себя в качестве племени (*иль*), разделяющегося по традиции на 12 *тира* или линиджей, которых в реальности даже больше (колумбеи, абдули, лабу-муса и др.) и которые, в свою очередь, как правило, состоят из *уладов* или расширенных семей. Например, в составе *тира* колумбеи выделяется 5 *уладов* (улад-э-юсуф, улад-э-казем, улад-

Исследование экономической роли верховного вождя басери позволяет понять, что же такое *улад*. Вождь басери одновременно является частью элиты более крупного аграрного общества. Как член элиты, он богаче остальных басери, у него тысячи животных, обрабатываемые земли и целые деревни. Он и члены его семьи владеют домами в Ширазе и комфортно чувствуют себя в элитных городских кругах.

Одной из функций вождя является наделение своих подданных правом на пастбище; *улад* представляет собой корпоративную единицу и получает свои права в форме *иль-раха*, или «племенной дороги». *Иль-рах* указывает *уладу*, каким маршрутом надо следовать через различные экологические зоны региона басери и где именно на каждой из стадий их годового цикла располагаются свободные пастбища. Следовательно, несколько *уладов* могут в одном и том же месте выпастать свои стада, не вступая в конфликты до тех пор, пока каждый из них делает это согласно своему *иль-раху*, то есть в отведенное ему время. В соответствии с традиционным *иль-рахом*, вождь выделяет *уладу* пастбище. Если же вследствие демографических изменений один *улад* получает доступ к пастбищу, от которого зависит удовлетворение потребностей другого, вождь собирает глав обоих и вырабатывает новые *иль-рахи*, которых должны придерживаться члены каждого из *уладов*. А поскольку все пастбища в Южном Иране кому-то принадлежат, то у индивидов нет доступа к ресурсам, за исключением земель, гарантированных вождем их *уладу*.

В политической экономике басери территория *улада* в определенной степени аналогична землям деревни в сообществах крестьян (раздел 13). Как и в крестьянской деревне, домохозяйства *улада* в основном самостоятельны, их домашняя экономика самодостаточна, а распределение рисков и структурирование посредством родства менее выражено, чем на уровне деревни и в обществах бигменов с их линиджами и кланами, рассмотренными в разделах 6–8. Дело в том, что те функции, которые в других случаях выполнялись родственными группами, здесь приняло на себя вышестоящее государство, отвечающее за оборону территории, на которую теперь распространяется правовая система, защищающая права собственности, и за распределение рисков с помощью рынка.

э-хосейн, улад-э-махмуд и улад-э-махад-хан) и т. д. Так что последние представляют собой лишь один из трех уровней их социальной организации (Barth 1964: 49–52).

В силу этих причин *улад*, в отличие от локальной группы в менее сложных обществах, не является центром, где ведутся переговоры, образуются социальные сети и разрешаются конфликты. У него фактически нет предводителя, но только посредник, передающий послания вождя в отсутствие последнего²⁰. Если же вождь присутствует, то главы отдельных домохозяйств адресуют свои вопросы непосредственно ему, а не должностному лицу-посреднику.

Как мы видим, вождь басери выполняет в политической экономике две основные функции. Во-первых, он управляет использованием пастбищных земель, предотвращая «трагедию общественного достояния» (Hardin 1968) — деградацию, возникающую вследствие конкуренции пастухов из разных семей за скудные пастбища. Вождь может наложить ограничения на использование пастбища, чего сами пастухи сделать не могут из-за отсутствия группового контроля. Он уполномочен утверждать свою волю путем штрафов и побоев. Вождь живет попеременно то в городе, где он укрепляет свои отношения с другими элитами, то в сельской местности, где он разъезжает по стойбищам, вершит суд, принимает решения, собирает дань и перераспределяет богатство среди самых достойных или самых нуждающихся своих сторонников.

Вторая функция вождя заключается в том, чтобы представлять басери в других сегментах иранского общества. Как показывает Барт, басери представляют собой отдельный элемент²¹ этого общества, отличаясь кочевым образом жизни и глубокими этническими различиями как от крестьянского, так и от го-

20. Барт решает вопрос о лидерстве у басери иначе (ibid: 54):

Группа	Лидерство	Имущество
Племя (<i>иль</i>)	Вождь	Земли басери и <i>иль-рах</i>
Подразделение (<i>тифа</i>)	—	Соседние районы для выпаса, тот же самый или близкий миграционный маршрут, похожий график миграций
<i>Улад</i>	Главарь (<i>катхода</i>)	Совместный район выпаса, совместный маршрут и график миграций

Вожди басери происходят из *улада* махад-хан *тифа* колумбеи. Но вожди (ханы) всей конфедерации *хамсе* принадлежат к семейству Гавам-уль-мульк и по своему происхождению не являются ни басери, ни арабами, ни тюрками, а происходят от некоего купца Мохаммеда, который переселился в Шираз из Казвина. *Катхода*, которых всего у басери более тридцати, действительно лишь представители вождя в его отсутствие.

21. В оригинале *subunit* — субъединица.

родского сегментов. Поэтому в случае конфликта между басери и фермером напрямую трудно прийти к соглашению: мобильность басери угрожает фермеру точно так же, как легкость, с которой фермер обращается к судебной системе, угрожает басери. Вождь может обсудить этот вопрос с хозяевами фермера, равными вождю в классовом отношении, и обычно подобные конфликты разрешаются именно таким путем.

Таким образом, экономика жизнеобеспечения фокусируется у басери на циклической миграции шатров домохозяйств и стойбищ в поисках пастбищ для небольших стад, которыми владеют отдельные семьи. Стойбища, даже являющиеся членами одного улада, конкурируют между собой. Однако нехватка пастбищных земель и необходимость сосуществования с крестьянами-фермерами под властью государства ограничивают эту индивидуалистическую экономику. Доступ к земле регулируется, что позволяет как разрешать конфликты между домохозяйствами, так и предотвращать чрезмерное истощение пастбищ. Основная доля валового продукта продается на рынке, там же приобретаются продукты питания и необходимые материалы.

Для защиты группы от разрушительных последствий беспрепятственной индивидуальной эксплуатации окружающей среды верховный вождь, действующий как посредник между своими подданными и чужими, должен поддерживать порядок в сельской местности. Взамен вождь пользуется привилегиями своей центральной позиции, сохраняя исключительную власть над басери и используя знание рыночной системы, чтобы получать значительное богатство для себя и своей семьи.

Во второй половине XX века образ жизни пастухов, таких как басери, попал под угрозу (Beck 1991). Основные изменения касались следующего.

1. На все земельные ресурсы в Иране усилилось давление растущей плотности населения.
2. На землях, долго использовавшихся людьми, начала применяться интенсификация, и по мере того, как земледелие проникало на новые территории, возрастало давление животных на пастбища. Пастбищами все чаще становились каменистые засушливые пустоши:

[Р]астительность, от которой они зависели, приняла вид редких, приземистых и морозостойких трав да низкорослого кустарника. Предаваясь воспоминаниям, люди описывали овечек, которые резвились среди свежей весенней зелени, такой высокой и густой, что у них были заметны лишь уши, то тут, то там высывавшиеся из за-

рослей. И такие воспоминания, скорее всего, не были большим преувеличением: ранее 1950-х годов условия для пастушества были куда лучше. С тех пор чрезмерное стравливание пастбищ и вырубка деревьев и кустарников для заготовки топлива (а это послужило причиной гибели почвенной растительности в окрестностях) привели к серьезной деградации окружающей среды (Beck 1991: 50).

3. Скудные пастбища стали главной причиной конфликтов. Домохозяйства, в которых не было сильных местных лидеров, оказались в опасности, они могли потерять традиционные права на выпас скота. Это привело к повышению важности роли посредников между бедными неграмотными пастухами и усложняющейся системой городских капиталистов, региональной полиции и правительственных агентств и усилило власть предводителей.
4. По мере того как правительственный и частный бизнес распространил свой контроль на землю, усилились экономическая интеграция и политическое расслоение. Теперь капиталисты из городов со стадами, насчитывающими более 25 тыс. животных, платят наличными за право выпаса на землях, которые прежде находились в пользовании у мигрирующих пастухов. Они пытаются либо вовсе не допустить пастухов на эти пастбища, либо требуют плату в качестве компенсации за потерю пастбищ, которые они теперь считают своей собственностью (ibid.: 60).
5. Так же, как это произошло в развивающихся экономиках феодальных Франции и Японии (случай 15), после заполнения территорий отношения собственности превратились в еще более конкурентные, и их стали сильнее регламентировать (регистрировать в официальных документах под надзором полиции и других правительственных агентов); такие условия ограничивают выбор вариантов, имеющихся у домохозяйства, и повышают возможности элиты устанавливать контроль.
6. Развивающаяся капиталистическая экономика, представляющая собой рост централизованного национального государства, интегрированного в рыночную систему при посредстве дорог, военного транспорта и воздушного сообщения, облегчила доступ правительства к удаленным областям. Этот доступ применялся как внутри государства, так и за рубежом для получения контроля над использованием земель и заключения с пастухами политических союзов. Области становились объектами новых экономических интересов (капиталистическое фермерство, скотоводство и эксплуатация нефтяных и прочих ресурсов). Ответом на эти тенденции

развития даже в таких группах, как басери, становится усложнение и упорядочение иерархий, при этом их база жизнеобеспечения находится под все большей угрозой и может быть полностью уничтожена. При интенсивной рыночной экономике промышленное скотоводство вытесняет кочевых пастухов точно так же, как тысячи лет назад неолитические пастухи вытеснили охотников и собирателей (ср. с нганасанами, случай 4).

Выводы

Рассмотрим теперь вождества и их эволюцию с точки зрения трех эволюционных процессов — интенсификации, интеграции и расслоения.

Несмотря на то что интенсификация экономики жизнеобеспечения является основополагающим процессом, ее уровень в вождествах представляется таким же, как в обществах бигменов, описанных в разделе 8. Плотность населения обычно высокая (около 25 человек на квадратную милю), но и здесь обнаруживается полное соответствие ее пределов тем, что были зафиксированы в бигменских обществах, а в некоторых случаях даже чуть ниже. Формы интенсификации, как и в более простых обществах, различаются в зависимости от условий окружающей среды: от кратковременных периодов парового воздействия на земли и подсечно-огневого цикла у тробрианцев до ирригационного земледелия на низинах у гавайцев. Единственным серьезным отличием от более простых обществ является тщательно регулируемое использование пастбищ (как у басери).

Интересно, что долгий путь к более узкоспециализированному, упрощенному, а значит, потенциально худшему пищевому рациону, о котором мы говорили в разделах 6–9, в исследованных нами здесь вождествах не является таким очевидным. У гавайцев было удивительно разнообразное питание благодаря окружающей среде со множеством ресурсных возможностей, к которым они получили доступ после установления мира в регионе. В случаях басери и тробрианцев пищевое разнообразие достигалось с помощью внешней торговли продуктами жизнеобеспечения.

Интеграция гораздо более очевидна в вождествах, а не в простых обществах. На локальном и на региональном уровнях институционализировалось лидерство, и в повседневной жизни от вождей зависит организация централизованного обмена и хранения продуктов, сооружение средств для эффективного производства продуктов первой необходимости, проведение военных опера-

ций, предоставление гарантий на право использования земли, осуществление посредничества во время внутренних ссор и поддержка внешних торговых отношений или контроль над ними.

Можно определить основные причины эволюции, ведущей к централизации обществ, а именно: управление рисками (Athens 1977; Gall and Saxe 1977), войны (cf. Boone 1992; Carneiro 1970b), технологическое усложнение (Steward 1955; Wittfogel 1957) и торговля (Sanders 1956; Service 1962). Доказано, что эти первичные двигатели, каждый в отдельности или все вместе, сами будучи следствиями роста населения и интенсификации, вызывают необходимость централизованного управления и, таким образом, лежат в основе эволюции сложных обществ. Эта функционалистская²² логика видит в культурной эволюции адаптацию или решение специфических проблем, вызванных популяционным ростом в особых условиях окружающей среды.

Похожей логикой обладал еще в XIX веке вождь гавайцев Дэвид Мало (Malo 1951 [1898]: 187): «Полагали, что у правительства одно тело (*кино*). Как у человека одно тело, снабженное головой, руками, ногами и множеством членов помельче, так и у правительства много частей, но одна организация. Корпоративным телом правительства была вся нация, которая включала и простолюдинов, и вождей под властью короля. Король являлся настоящей головой у правительства; а стоящие ниже короля вожди — его плечами и грудью». Как отмечали Ратджи и Мак-Гвайр (Rathje and McGuire 1982: 705), эта же биологическая аналогия лежит в основе современного функционализма с его анализом социальных систем. Для Мало гавайский вождь периода до начала контактов с западными миссионерами, то есть правящий вождь, был головой у тела, когда он управлял обществом. Общество без правящего вождя казалось этому полинезийцу таким же непредставимым, как тело без головы.

Но правы ли функционалисты? Существует ли жесткая корреляция между эволюцией социального усложнения и интенсификацией экономики жизнеобеспечения? Уверенности в этом нет. Разумеется, интенсификация необходима, но недостаточна; кроме того, следует разделять вопросы контроля и управления в целом. Иначе говоря, интенсификация экономики жизнеобеспечения вызывает необходимость централизованного управления, но не все формы управления обязательно ведут к образованию вождеств. Лишь особые формы интенсификации способствуют установлению централизованного контроля, во-

22. Речь о так называемом функционализме, восходящем в антропологии к Б. Малиновскому. О нем см. в разделе 1 этой книги.

площающегося в вождествах и предоставляющего возможности для политического роста.

Расслоение подразумевает дифференциальный контроль над производительными ресурсами, и именно это отличает вождества от более простых обществ. Вождества основаны на централизованном лидерстве, носящем всеобъемлющий характер, как и в бигменских обществах; но вождь обладает контролем над политическими и экономическими организациями в своем обществе, и этот контроль настолько институционализирован, что лидерство может ограничиваться элитой. Такой контроль, основанный на ограниченном доступе к важнейшим экономическим ресурсам, может зависеть от любого из четырех основных условий, наличие которых варьируется в зависимости от местности.

1. Централизованные хранилища, вначале используемые как способ управления рисками, а затем для контроля над капиталом и финансирования политических отношений (Earle and D'Altroy 1982; D'Altroy and Earle 1985).
2. Крупномасштабные технологии, к которым стремится локальная популяция, чтобы минимизировать издержки производства, требуют основных капиталовложений, что возможно, только если производители, занимающиеся жизнеобеспечением, находятся в единой связке со своим вождем (Gilman 1981; Earle 1978).
3. Постоянные войны в стесненном в природном отношении регионе невозможно вести в отсутствие лидерства. При этом войны позволяют вождю-победителю установить контроль над покоренным населением (Carneiro 1970b; D. Webster 1975).
4. Внешняя торговля, необходимая локальной популяции или привлекающая ее по причине сильного спроса, но недоступная для отдельных индивидов из-за высоких издержек на транспортную технологию (Burton 1975) и трудностей заключения соглашений между сообществами.

Как только над регионом устанавливается контроль, эволюционное развитие вождеств в направлении большей централизации начинает зависеть от возможностей инвестирования, затрат на установление контроля и поддержания защиты. Если инвестирование, например, в ирригационное земледелие и морскую торговлю с зарубежными государствами предлагает исключительный потенциал для контроля и роста, то оно и становится основой для эволюции государств, к рассмотрению которых мы перейдем в следующем разделе.

12. Архаическое государство

ГОСУДАРСТВА представляют собой общества, которые организованы в масштабах целых регионов с населением, насчитывающим сотни тысяч или миллионы человек, и с многоукладной экономикой. Обычно население государств, в отличие от вождеств, составляют разные этнические группы, и задачей государственной власти является уравнивание и манипулирование их интересами. И если в вождествах лидерство принимает форму региональных институтов всеохватывающего характера, то от государств растущий масштаб интеграции требует специализированных региональных институтов, решающих задачи контроля и управления. Военные власти отвечают за организацию боевых действий, оборону и поддержание внутреннего порядка; бюрократия — за привлечение доходов государства для выполнения обязательств по управлению на местах и за общим наблюдением и контролем за информационным потоком; государственная религия необходима, чтобы способствовать организации производства и наделять государственную власть священным смыслом. Такое совершенствование аппарата управления приводит к возрастанию расслоения общества. Элиты теперь не связаны с населением узами родства и демонстрируют свою власть, полученную с помощью контроля над экономикой, подчеркивая свое богатство и сооружая великолепные здания.

Этническое, институциональное и классовое деление государственных обществ порождает конкуренцию интересов и разнотипные источники власти. Несмотря на то что размеры государств обусловлены интеграцией, целостность политики эфемерна и всегда существует риск ее распада на составные части, зачастую в размере вождеств (см. Mann 1986).

Начиная с работ Льюиса Генри Моргана (Morgan 1877; Морган 1934), образование государств стало центральным предметом изучения в антропологической теории. Сервис (Service 1977) говорит о двух основных подходах в антропологии к вопросу происхождения государства, называя интеграционные теории и теории конфликта. Теории интеграции восходят к культурной экологии (Binford 1964; Service 1962, 1975; Steward 1955), а в 60-

лее обобщенном виде к теориям систем (Hill 1977; Flannery 1972; Wright 1977); государство рассматривается как новый уровень социальной интеграции, вызванный к необходимости новыми проблемами, связанными с рисками (Gall and Saxe 1977), технологическим усложнением (Wittfogel 1957) и торговлей (Rathje 1971). В теориях конфликта упор делается на завоевания, в результате которых одна этническая группа начинает править другими (Carneiro 1967; Ibn Khaldun 1956 [1377]), либо на классовые конфликты (R. Adams 1966; Engels 1972 [1884]; Маркс, Энгельс. Соч., т. 21; Fried 1967); государство рассматривается как механизм для поддержания социального, политического и экономического доминирования одного сегмента над другими.

Эти теории не являются взаимоисключающими и фактически описывают разные процессы. С одной стороны, государства порождаются конфликтами и доминированием: одна из этнических групп составляет правящую элиту огромной империи, а имперские институты поддерживают и укрепляют ее доминирование. С другой — государства развиваются и функционируют под действием определенных базовых факторов, обеспечивающих экономический контроль и требующих централизации управления; государство экономически связывает локальные популяции через регулируемые отношения зависимости, являющиеся следствием долговременной интенсификации экономики жизнеобеспечения.

Различия в теориях культурного развития обусловлены и их отношением к вопросу об однолинейном и многолинейном эволюционизме. Исследователи, признающие однолинейную эволюцию, выделяют единую линию развития, отражающую причинно-следственное влияние единственной доминантной переменной, или основной механизм технологического прогресса и возрастающего энергопотребления (Leslie White 1959; Уайт 2004), а также потребность в управлении, диктуемую ирригацией (Wittfogel 1957). Напротив, сторонникам многолинейной эволюции (Steward 1955) видится развитие новых уровней сложности, которые принимают форму параллельных, но самостоятельных линий в соответствии с локальными условиями окружающей среды.

Наиболее общим базисом для развития политической экономики государств служит, как представляется, капиталоемкая технология. Растущая плотность населения требует такого уровня интенсификации земледелия, которого можно достичь только с помощью крупных капиталовложений (как, например, ирригационные системы). Управлять ирригацией в масштабе региона становится возможно лишь при наличии широких ирригационных систем, создание которых требует сильной государственной власти, но даже небольшие ирригационные си-

стемы способствуют установлению экономического контроля со стороны элит, предоставляющих доступ к орошаемым землям в обмен на труд или продукты. Обычно государства, основанные на контроле над технологией производства, финансируются путем получения продуктов первой необходимости, произведенных на контролируемых государством улучшенных землях. Зачастую такая форма продуктовых вкладов связывается с азиатским способом производства¹, который составлял основу финансирования в первых государствах, например в Месопотамии и Египте. Еще одним показательным примером является рассматриваемая в этом разделе Империя инков.

На периферии аграрных государств наиболее важным источником доходов, идущих на государственное финансирование, становится торговля. Подъем Микен и Афинского государства в Восточном Средиземноморье стал возможен благодаря торговому меркантилизму и крупномасштабному производству товаров на экспорт при помощи труда рабов (Engels 1972 [1884]; Маркс, Энгельс. Соч., т. 21; Lee 1983; Renfrew 1972). Финансирование государства ацтеков с его относительно небольшим бюрократическим аппаратом на завоеванных территориях зависело не только от дани, приносимой в виде материальных ценностей, но и от расширения торговли и местных рынков (Berdan 1975; Brumfiel 1980). Возрастающее использование меркантилизма и торговли обусловило эволюцию рассматриваемых в данном разделе средневековых Франции и Японии, развивавшихся от простых обществ на уровне вождеств, живших продуктовыми вкладами, к государствам, успехи в финансировании которых зависели от развития рыночной системы.

Несмотря на то что теоретически технология и торговля представляют собой отдельные источники получения прибыли

1. Для так называемого азиатского способа производства характерны возведение широкомасштабных ирригационных сооружений, с чем может справиться только централизованный государственный аппарат, а посему и отсутствие частной собственности на средства производства, неминуемо ведущее к запаздыванию в развитии рыночных отношений. При таком способе производства выделяются два важнейших класса: крестьянство и бюрократия. Крестьянство формально свободно, но невозможность продажи земли и некоторые повинности в пользу государства напоминают феодальную зависимость. Количество рабов, ремесленников и купцов незначительно, к тому же торговля менее развита по сравнению с рабовладельческим строем. Это понятие, вероятно, восходит к работам Маркса начала 1850-х годов (см.: Маркс, Энгельс. Британское владычество в Индии. Соч., 2-е изд. Т. 9). В дискуссиях, которые несколько раз возникали в СССР (1920-е, 1965, 1980-е), возвращение к идее существования особого азиатского способа производства, отличного от рабовладельческой и феодальной формаций, означало попытку отхода от догматического ленинско-сталинского марксизма в сторону многолинейности.

ли, на практике они обычно взаимосвязаны. Как и следовало ожидать, государства для увеличения суммы и обеспечения стабильности своих доходов находят разные источники финансирования. Государства, которые первоначально зависели от финансирования продуктами, как, например, Китай, начинают активно поощрять развитие денежного обращения, рыночного обмена и внешней торговли в качестве новых источников дохода. В действительности существует общая тенденция развития, когда вклады в виде продуктов первой необходимости замещаются финансированием с помощью иных материальных ценностей, которые легче хранить и, что наиболее важно, транспортировать (D'Altroy and Earle 1985).

Государственное развитие находится в тесной связи с развитием многоотраслевой экономики, которая за счет собственной эффективности наращивает потенциал для производства излишков. Обычно первоначально государства зависят от корпоративного контроля над землями, формирующего базис для финансирования продуктами. Экономический фундамент всех первичных государственных образований на побережье Перу, плоскогорьях Мексики, в Египте, на Среднем Востоке, в Индии и, может быть, в Китае закладывается высокой производительностью развитых ирригационных систем. А Империя инков может служить иллюстрацией того, как регулирование интенсифицированным земледельческим производством, вкупе с управлением рисками от неурожая и войн, позволяет получать излишки, направляемые на финансирование сильного государства.

Государства, финансируемые материальными ценностями, появляются позже, что связано с развитием рыночной и торговой систем на рубеже эпохи первичных государств. Эти «вторичные» государства (Fried 1967: 240–242) получают свое богатство от управляемой ими торговли. Как мы покажем в разделе 14, власть рынка и его производительность становятся основными факторами развития современных государств, в которых крестьянина вытеснили специализирующийся фермер или корпоративное сельскохозяйственное объединение, работающие на разрастающиеся городской и территориальный рынки.

Случай 15. Франция и Япония в Средние века

Теперь ненадолго отставим в сторону наши этнографические и археологические примеры и рассмотрим некоторые хорошо известные исторические материалы. Эти два очередных случая — средневековые Франция и Япония — сильно отстоят друг от дру-

га как пространственно, так и в культурном отношении. Однако если снять наслоения в виде эстетических, технологических, социальных и философских различий, то останется лишь небольшой набор переменных, образующих ядро нашей модели социальной эволюции, и мы сможем обнаружить поразительное сходство между этими обществами. Это касается даже темпов происходивших в них изменений: хотя на различных отрезках истории в обеих странах имели место свои специфические комплексы изменений, между самими стадиями развития в каждом случае проходило приблизительно одно и то же время. Так, первый средневековый период включает X–XI века во Франции и XV–XVI века в Японии, а второй соответственно XII–XIII и XVII–XVIII века.²

Ученые склонны преувеличивать пределы и степень централизации той власти, которой наделялись средневековые предводители, говоря о них, как о королях и императорах. Но используя нейтральные термины, употребляемые в предыдущем разделе, мы можем сказать, что средневековые Франция и Япония были населены различными сообществами, от простых до сложных вождеств, уровень интеграции которых во многих районах не распространялся за пределы семьи или локальной группы. Территории заполнялись под давлением продолжающегося популяционного роста, обусловленного интенсификацией производства; расширялись области сельской местности, попадающие под контроль вождей, и вместе с этим увеличивалась сложность вождеств.

Использование термина «феодализм» тоже может ввести в заблуждение как минимум по двум причинам. Во-первых, мы считаем, что многие феодальные институты, такие как образование уз верности между сюзереном и вассалом, обязательства военной службы правителю и жалование верным вассалам земельных поместий, являются характеристиками экономической организации на уровне вождеств и, таким образом, не уникальны для феодализма. Во-вторых, наличие отдельных своеобразных черт средневекового общества и экономики во Франции и Японии обуславливалось сильным культурным влиянием со стороны, соответственно, имперских Рима и Китая. Например, несмотря на то что в вождествах социальные отношения,

2. Здесь, говоря о *first middle age* и *second middle age*, букв. о первом Среднем веке и втором Среднем веке, авторы придерживаются взглядов Марка Блока на периодизацию истории средневековой Европы и переносят их на Японию. Между тем в нашей науке до сих пор сохраняется деление Средневековья на раннее (V–XI), высокое (XI–XV) и позднее (XVI–XVII), а не менее авторитетный Ж. Ле Гофф вообще говорит о «долгом» Средневековье (III–XVII).

в том числе иерархические, сохраняют родственные корни, даже если генеалогическая дистанция между индивидами очень велика, в средневековых Франции и Японии при описании и организации различных уровней иерархии использовался легалистический язык. Несмотря на эти скорее формальные различия, феодальная экономика, по существу, не отличается от экономики вожеств в решении таких центральных вопросов, как контроль над землей и капиталовложениями и передача продукции в распоряжение элит. Признание сходства между средневековым обществом и вождествами привело уже к определенному пересмотру исторических взглядов, в особенности в изучении эпохи викингов в Дании (Randsborg 1980).

Предвестники империй

В Средние века Франция и Япония находились под влиянием контактов с другими империями. Франция на протяжении веков была под контролем Рима. Японские правители были прекрасно осведомлены о существовании развитого в политическом отношении китайского государства и, напуганные вероятной угрозой, исходящей от могущественного соседа, приняли централизованную легалистическую систему, скопированную с китайской. «Призрак» именно этих имперских политических структур обусловил у их последователей ту степень политической структурированности, которая обычно не свойственна вождествам (Asakawa 1965: 196; Hall 1970: 77).

В научных источниках говорится о том, что Меровингские (400–687) и Каролингские (687–900) правители Франции и императоры периодов Нара (646–794) и Хэйан (794–1185) в Японии владели всеми землями, и управление в странах осуществлялось в соответствии с их указами. Последовавший рост могущества удельных владетелей, представлявший собой вызов правлению императора, рассматривался как своего рода деволюция³ или упадок централизованной власти (например, Duus 1976: 61; Hall 1970: 75–134; Lewis 1974: 25–27), объяснявшийся как неизбежное следствие жадности и неэффективности правителей. В соответствии с этим взглядом, восстановление централизованного правления в конце Средних веков считалось одной из стадий в циклическом процессе образования, распада и нового образования государств.

3. *Деволюция* (лат. *devolutio* — свертывание) — делегирование центральным правительством части своих полномочий местным органам власти.

Однако представляется очевидным, что централизованные государства позднего Средневековья во Франции и Японии весьма отличались от предшествовавших им государств. Раньше территории, на которые так называемые императоры предъявляли свои права, были заселены занимающимися жизнеобеспечением земледельческими сообществами с относительно низкой плотностью населения, характерной для садоводов. Войны были эндемичными, а политическая жизнь концентрировалась вокруг военных вождей, объединявшихся в непрочные федерации. В отдельных областях плотность населения была выше; например, регион вокруг современного Парижа в IX веке населяли 40 тыс. крестьян, организованных в 8 политических единиц (Duby 1968: 12). Для таких областей была характерна значительная интенсификация и локальная централизация, и они платили большую дань своим правителям. Но и во Франции и в Японии эти контролируемые островки были окружены опасными нестабильными территориями, которые находились во владении императора только номинально.

В малонаселенных областях Франции практиковалось подсечно-огневое земледелие, но более общей хозяйственной моделью уже стало интенсивное садоводство. Было широко распространено разведение свиней, лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз. Общепринятым было применение парового воздействия на земли, а в некоторых местах стали применяться и более интенсивные техники: плуги (как правило, легкие деревянные *araire*⁴), ежегодный сбор урожая, севооборот (включавший зернобобовые), канавы и навозные удобрения (Lynn White 1962: 40–77).

Примерно до 250 года до н.э., когда появилась технология выращивания риса, Япония представляла собой экономику охотников и собирателей. Возделывание суходольного риса сосуществовало с добывающим хозяйством примерно до 300–600 годов н.э., когда произошел переход к ирригации и разведению риса на заливных полях и в непосредственной связи с этим возникли вождества и архаические государства. Обратную связь между ростом населения и технологическими изменениями, сопровождавшими распространение заливного рисоводства, описывает Тэйюбер (Taeuber 1958: 15):

В Японии данные изменения происходили весьма постепенно, распространяясь с юго-запада на север и восток. Сперва это был

4. Французское *araire* (от лат. *aratrum*), которое авторы используют для обозначения самой простой формы плуга,— это то же самое, что и рус. *рало*, имевшее деревянную основу и металлический наконечник.

процесс скорее дополнения, а не замещения, но даже уже в этом раннем государстве количество пищи увеличилось. Демографические последствия проявились в сокращении смертности из-за того, что питаться стали регулярнее и качественнее, и в снижении частоты и суровости проявлений голода. И как только выросла численность населения, появилась сильная нужда в расширении земледелия, дабы обеспечить растущие потребности в жизнеобеспечении для выживания большего числа людей. Таким образом, рост численности людей, выживанию которых способствовала агрикультура, стимулировал дальнейшее развитие этой агрикультуры.

Ко времени образования империи в районах с высокой плотностью населения обнаруживались такие признаки интенсификации, как ирригация, применение рассады и навозного удобрения, которые увеличивали урожайность риса на единице площади (Tsuchiya 1937: 60–78).

Эта базовая модель — концентрация населения и интенсивное производство в определенных местах, окруженных большими регионами с рассредоточенным населением и более экстенсивным производством, — отражалась и на других сферах французской и японской экономик. В центральных областях до определенной степени сохраняли важность экономическая специализация, рынки и деньги; но в периферийных регионах с плохими дорогами (или вовсе без дорог) доминировало жизнеобеспечивающее производство. Кроме того, благодаря новой военной технологии, заключавшейся в использовании оружия из железа, доспехов и боевых коней, в центральных областях стали нарождаться вооруженные силы, характеризующиеся специализацией, в отличие от войска с легким вооружением, составленным из почти всех физически способных мужчин из периферийных областей. Новое вооружение стоило дорого, и воинам был необходим доход от крупных поместий, которые им жаловал император.

Итак, эра Средневековья и в Японии и во Франции началась в то время, когда установился централизованный контроль власти над маленькими регионами с интенсифицированным производством, окруженными большими областями, неподвластными контролю из центра, где были распространены применение длительного парового воздействия на земли, добывающее хозяйство, войны между сообществами и непредсказуемые политические союзы. В каждом из случаев императорский контроль над периферийными областями играл определенную роль, но экономическая основа в этих областях не способна была поддерживать государство. По мере того как империи разваливались,

их место занимали воюющие вожества. Дальнейшее развитие, о котором мы здесь говорим, не столько воскрешало прежние могущественные государства, сколько являлось следствием внутренней эволюции общества в результате постепенного заполнения людьми сельской местности, сопровождающегося социально-экономическими изменениями.

Первый средневековый период

Пределами первого средневекового периода для Франции считаются 900–1100 годы (Bloch 1961: 59–71; Блок 1986), а для Японии — 1334–1568 годы (Lewis 1974: 40–48). В течение этого периода тенденции, которые прослеживались уже до средневековой эпохи, продолжают постепенно нарастать, достигая расцвета во второй средневековый период.

В первый средневековый период по-прежнему был силен контраст между развитыми и неразвитыми областями, но их соотношение слегка сместилось в сторону первых. Население неуклонно росло, и существенно изменилось производство пищи (Tauber 1958: 16). По мере роста населения обрабатывалось все больше земель: во Франции «лес и целину непрестанно подтачивал плуг» (Bloch 1961: 60; Блок 1986: 132), поскольку применение тяжелого стального плуга сделало возможной обработку плотных темных почв в долинах рек Луары и Сены. И во Франции, и в Японии региональные владельцы склонялись к тому, чтобы открыть доступ к необработанным землям, предлагая фермерам в качестве стимулов как наделы в частную собственность, так и снижение повинностей. В Японии для освоения новых земель в областях, пригодных для возделывания, правительство и региональные владельцы начали активное осуществление крупных проектов (таких, как работы по осушению болот и ирригации). В результате леса были настолько вырублены, что японское государство учредило программы по управлению ими (Nef 1977; Tsuchiya 1937: 126).

В то же время интенсифицировалось использование находящихся земель, чтобы повысить их продуктивность. Во Франции появление тяжелого стального плуга привело к сложным взаимосвязанным изменениям. Использование плуга позволяло собирать ежегодный урожай на новых землях, но требовало крупных вложений в тягловый скот — вначале волов, а позднее более дорогостоящих, но и более эффективных рабочих лошадей. На находившихся под паром полях пасли тягловый скот, оставлявший после себя навоз; такие изменения вели к объединению домохозяйств в кооперативные группы, которые вместе

использовали свои поля в определенной очередности и пасли животных на больших огороженных площадях. Была изобретена трехпольная система, в соответствии с которой домохозяство засевало одно поле озимой пшеницей, другое — яровыми культурами (как правило, бобовыми), а третье оставляло под паром, при этом ежегодно поля менялись. Такая система существенно повысила продуктивность (Lynn White 1962: 40–77).

В Японии ирригация, все более распространявшаяся на маргинальные земли, привела к похожей интенсификации. Разнокультурные посадки, осушение болот и распространение новых видов культур содействовали «великому земледельческому... возрождению» (Lewis 1974: 53). Угроза голода, как и значительная нехватка земель, часто упоминаются в работах, посвященных этому периоду. Население продолжало расти, а средний размер надела на домохозяство сокращался. Домохозяйства объединялись в самостоятельные кооперативные группы, которые в периоды голода и нужды трудились сообща, чтобы поднять производительность заливного рисоводства (T. Smith 1959: 50–51).

В начале первого средневекового периода почти все население проживало на индивидуальных участках⁵ и в селах, разбросанных по сельской местности. Было все еще много поросших кустарником целинных земель, и во вторичных лесах велось добывающее хозяйство с целью получения пищи из природных источников. Городов, как крупных, так и мелких, было мало; торговля для большинства людей не имела первостепенного значения. Но по мере того как имения местных владельцев заполнялись домохозяйствами производителей, их могущество росло, и попытки императора ввести налогообложение и контролировать регионы опирались на военную силу властителей этих же регионов. В результате распространились жестокие войны, которые не могли способствовать установлению политической стабильности и централизации.

У владельцев на местах было много общего с могущественными вождями, описанными в разделах 10 и 11. Родство сохраняло иногда свое значение для формирования группы, но народы с подлинной племенной организацией исчезали по мере усиления могущества военачальников. Владелец защищал территорию, которую он рассматривал как собственную, по возможности заключая союзы, а в случае необходимости и ведя войны. Для поддержания своего войска он вы-

5. В оригинале авторы употребляют амер. *homesteads*, которое у нас, применительно к истории США, обычно переводят как *гомстеды* (участки поселенцев).

делял подданным долю от произведенного на его территории в обмен на клятву в личной верности и обязательство служить. Признание правителя все еще рассматривалось как акт индивидуального выбора.

Появилась тенденция образовывать кластеры вокруг резиденции владетеля. С ранних времен в поселении один дом обычно превосходил все другие размерами и сложностью конструкции, там хранили общую собственность группы и занимались организацией мер по кооперации и защите (Mayhew 1973). По мере того как росло население, такие центры постепенно трансформировались в поместья, окруженные крестьянами, нуждающимися в защите и безопасности. Однако за пределами поместья существовали большие зоны депопуляции, которые порой занимали разбросанные села «свободных крестьян».

Зарождалась военная аристократия, отличающаяся воинской доблестью и преданностью своему господину. Позднее из этих ценностей выкристаллизовались характерные для рыцарей феодальной Франции и самураев Японии высокие идеалы воина: аскетизм; бесстрашие и решимость защищать честь своего господина и любого другого человека; сила и сноровка, демонстрируемые во время сражений. Но на ранней стадии права и обязанности господина и его подданных не были сформированы, носили личный характер и могли быть предметом торговли.

Концентрировавшееся вокруг господского поместья сообщество было самодостаточным. Начали прокладывать дороги и водные маршруты, а рынки в областях с более высокой плотностью населения только возникали. Холл (Hall 1970: 113) находит парадоксальным, что Япония во время экономической децентрализации и политической нестабильности смогла достичь большого агрикультурного прогресса. Но это не кажется настолько удивительным, если рассматривать процесс не на уровне императорского правительства, а на местном уровне. В обеих странах рука об руку с интенсификацией производства пищи шло возрастающее давление населения и усложнялось социальное разделение труда. В Японии ремесленные мастерские обнаруживаются задолго до появления первых городов (Tsuchiya 1937: 82), точно так же и во Франции поместье служит центром накопления и распределения богатств (Bloch 1961: 236). Таким образом, то, что пугало императора и казалось ему потерей контроля, на местном уровне приводило к экономическому и политическому порядку, способствующему популяционному росту, расширению производства и возникновению отношений взаимозависимости.

Второй средневековый период

Второй средневековый период, или высокий феодализм, датируется во Франции примерно 1100–1300 годами, а в Японии — 1568–1868 годами, включая сёгунат Токугава⁶ и предшествующий ему период. К этому времени появились могущественные правители, были проложены дороги и водные маршруты, на всей сельской местности выросли города и свободные рынки. Прежде автономных местных владетелей принудили присягнуть на верность сюзеренам, у которых были верховная власть и богатство. Однако власть региональных сюзеренов оставалась непрочной, и они должны были ее укреплять, совершая в сопровождении свиты частые поездки по своим провинциям, принимая от местных правителей пищу и оставаясь у них на ночлег во время так называемых «походных пиров» (ibid. 1961: 62; в отношении Японии см. Hall 1970: 111). Как было отмечено, такие поездки наблюдались в вожествах на Гавайях и у басери. В этом проявляются признаки слабости лидера в сравнении с правителями более развитых государств, которые живут в своих дворцах и требуют от подданных, чтобы те приходили и оказывали им внимание. Великий сёгун XVII века Токугава Иэясу, по всей видимости, был первым правителем, при котором в Японии контроль достиг такой степени централизации (Perrin 1979: 60; Taeuber 1958: 18). Второй средневековый период видится нам как переход от общества, разделенного на конкурирующие вожества, к объединенному единому государству.

В начале этого периода население, вероятно, продолжало расти еще более быстрыми темпами, чем раньше; в Японии только в XVII веке оно выросло на 50% (приблизительно до 30 млн человек, или около 260 человек на квадратную милю), но затем рост населения стабилизировался и замедлился (Hall 1970: 202). Во Франции и в Японии второй средневековый период описан как время великого новаторства и прогресса в земледелии (Duby 1968: 21–22; Duus 1976: 83; Hall 1970: 201–202). Томас Смит (T. Smith 1959: 87) говорит о «новом подходе к переменам, хотя и в силу не совсем понятных причин». Новые технологии совершенствовались, а старые применялись еще шире; все больше использовались орудия из железа, вводилась ирригация, распространялись

6. В истории Японии *сёгунат* представлял собой правительство так называемого сёгуна — реального восначальника-правителя, в отличие от номинального, которым был император. Термин «сёгун» (или «сёгун») заимствован из кит. языка (*цзянцзюнь* — генерал). Сёгунат рода Токугава датировался 1603–1867 годами и включал правление 15 сёгунов. Наряду с прочими реформами они перенесли столицу Японии в Эдо (ныне Токио).

новые выведенные сорта семян. В Японии удобрения из-за своей дороговизны превратились в главные издержки производства, и на рынках были широко представлены удобрения, полученные промышленным способом из рыбы, рыбьего жира и человеческих испражнений. Средний размер поля сокращался, а трудовые затраты на его обработку росли; имела место своего рода инволюция⁷ труда (Geertz 1963; см. раздел 13), поскольку теперь больше внимания уделялось расположению культур в зависимости от их взаимного влияния, селекции саженцев, удобрения почвы и тому подобным вещам. К тому же выросло использование тягловых животных, распространился сбор двух урожаев в год, засеивание стало проводиться в промышленных масштабах. Началось возделывание земель в первоначально целинных маргинальных районах, и вследствие этого крестьяне начали ощущать нехватку дров, навоза и фуража (Т. Smith 1959: 95).

Необходимо признать, что все эти изменения были неотъемлемой частью систематической интенсификации производства, обусловленной ростом населения, что может объяснить новый подход к переменам. В этом случае перемены не знаменуют собой наступление периода изобилия и беззаботности. Напротив:

Данная проблема, заключающаяся в недостатке земель, засеянных рисом, необходимых для поддержания людей и экономики, служила постоянно повторяющимся мотивом в истории Японии. На протяжении ранних веков, как и сегодня, существовали две трудности: нехватка земли и перепроизводство. Внутри политической и социальной структуры Древнего мира не существовало культуры, которая смогла бы полностью избежать проблем давления населения и недостатка пищи. И в конце концов результатами политической стабильности и экономического успеха становились недоедание и голод.

...Наблюдается однообразие и регулярность в цикле, состоящем из улучшения земель, возделывания новых полей, голода, эпидемий и неурожаев (Taeuber 1958: 15).

Однако наиболее существенные изменения в течение второго средневекового периода касались уровня экономической, социальной и политической интеграции производства и обмена. Льюис (Lewis 1974: 66) определяет этот период как «век усовершенствований и узакониваний». По мере того как в земледелии все большую роль играли товары, производимые промышленностью города и цеховыми сообществами ремесленников,

7. *Инволюция* (лат. *involutio* — свёртывание) — утрата в процессе развития отдельных органов (составных частей), упрощение их организации и функций; обратное развитие.

все больше земель нужно было использовать наиболее выгодным способом, отводя их под монокультуры, предназначенные на продажу, а не под разные культуры, важные для жизнеобеспечения, — возрастала роль рынка. И только крупнейшие владельцы (в Японии даймё⁸) были способны гарантировать мир на рынках и дорогах, выпускать деньги и иными способами поддерживать торговлю.

Во второй средневековый период в целом сформировался общественный строй Средневековья. Посредством формальных ритуалов, принятия правовых документов, ужесточения правил наследования и воинской повинности устанавливались отношения зависимости. Основными общественными единицами в обществе за пределами домохозяйства стали деревни, ограничивавшие круг тех, кто мог пользоваться деревенскими землями, и удобные для налогообложения. В это время личная верность феодалу уже не являлась вопросом выбора; почти каждый был чьим-то вассалом, а те, кого когда-то называли свободными крестьянами, стали считаться преступниками. Детально регламентировались права на получение ренты, налоги, титулы, жалование и земельные доли, появился крестьянский «фонд ренты» (Wolf 1966a), превратившийся впоследствии в тяжелое бремя.

Для успеха на войне требовались теперь большие армии с тяжелым вооружением. По мере заполнения территории социальная стесненность (Carneiro 1970b) позволяла одной из группировок путем угроз и компромиссов учреждать стабильное центральное правительство, объединяющее отдельных владельцев. Как только этот процесс был завершен, города стремительно выросли и расширилась торговля. Производство и торговля превратились в главные пути обретения власти и богатства, и даже средневековые владельцы начали все больше ориентироваться на выгоду. Появились безземельные крестьяне, превратившиеся в мигрирующих наемных работников и слуг в домах крестьян-землевладельцев.

Землевладение стало иметь огромное значение. Предпринимались усилия в поисках новых земель, правовое оформление собственности сопровождалось растущей тенденцией покупать, продавать и арендовать землю, разногласия из-за собственности на землю приводили к крестьянским восстаниям и бунтам. Причинами этих разногласий могли быть увеличение налогов и размера десятины; частый голод (указывающий, возможно, на то, что земля уже неспособна была выдержать рост населения); за-

8. *Даймё* — владетельные князья в средневековой Японии. В XIV–XVI веках они были фактически независимыми от центрального правительства.

мена уз лояльности, основанных на родстве и личной преданности, правовыми, обезличенными отношениями, которые проводились в жизнь с помощью судов и полиции; появление безземельных крестьян по мере ослабления феодального контроля над доступом к землям и усиления свободного земельного рынка.

В эпоху Токугава целью Японии было закрыться от внешнего мира и запретить торговлю и культурный обмен, но устойчивый рост коммерциализации и рынков оказался непреодолимым следствием растущей интенсификации производства. Мы видим, как второй средневековый период привел к образованию нового порядка. На месте «чистого феодализма» автономных региональных владетелей появился единый могущественный правитель. Исключительная позиция владетеля в осуществлении контроля над земельным богатством начала исчезать по мере того, как оно частично оказалось в руках нарождающихся групп торговцев, ремесленников, промышленников и бюрократов, каждый из которых управляли своим сектором все более сложной экономики. Лидерство стало проявляться скорее в контроле над обменом, а не над средствами производства (см. раздел 13). Развитие транспорта, сохранение мира на внутренних рынках и централизация политической силы усиливали большее значение торговли и промышленного производства в сравнении с сектором жизнеобеспечения.

Суммируя вышесказанное, отметим, что на протяжении Средневековья Франция и Япония, движимые давлением растущего населения и возможностями, возникающими из-за интенсификации в использовании земель, постепенно трансформировались в государства. Рост крестьянства совпал с экспансией политических структур государственного уровня в области, занятые племенами. Но в какой именно момент член племени, являющийся данником вождя, становится крестьянином, который должен платить ренту владетелю (cf. Bloch 1961: 243)? Хотя точно ответить на этот вопрос невозможно, следует подчеркнуть, что интенсификация труда и усиление расслоения и бюрократии за счет родства и личностных взаимоотношений являются связанными между собой процессами, а появление крестьянства — неизбежным их результатом.

Случай 16. Инки: Андская империя

Империя инков Тауантинсуйю представляла собой крупнейшую и наиболее сложную в административном отношении политику доисторического Нового Света. Она простиралась от современ-

ных Чили и Аргентины, минуя Перу и Боливию, вплоть до Эквадора и Колумбии, занимая примерно 350 000 квадратных миль и включая от 8 до 14 млн подданных. В отличие от более простых обществ, рассмотренных ранее, масштабы политической и экономической интеграции Империи инков были чрезвычайно велики. Она подчинила своей власти более тысячи этнических групп, первоначально распадавшихся на многочисленные автономные политии (Rowe 1946: 186–198). Империя существовала в регионах с различными условиями окружающей среды, отличающимися своими особыми сельскохозяйственными культурами и своеобразными ресурсами.

Укрепление власти Инки⁹ происходило удивительным образом. В конце позднего переходного периода (около 1400 года н. э.) Андское нагорье¹⁰ было поделено между многими воюющими вождествами (Rowe 1946: 274). В археологических материалах задокументированы те условия, которые сложились до инкской экспансии в нагорной долине Мантаро к северу от Куско (Browman 1970; Hastorf 1993; Matos and Parsons 1979). По мере того, как медленно росло население, в регионе возникали все новые оседлые деревни, первые из которых датируются, возможно, 800 годом до н. э. Это были маленькие деревни (5–6 акров) с популяциями, насчитывавшими не более нескольких сотен человек, но со временем они перемещались и строились на более высоких участках, по-видимому в целях обороны.

Существенные социальные изменения произошли в середине позднего переходного периода (около 1350 года). Население продолжало увеличиваться, и поселения стремительно разрастались в размерах, так что большое их количество теперь уже располагалось по холмам и на вершинах гребней. Например, поселение Тунанмарка, представлявшее собой относительно крупный центр (занимавший 53 акра), было расположено на высоком известняковом гребне, возвышающемся над долиной Янамарка к северу от Хауха. Защищенность поселению обеспечивало как

9. Существует ошибочное представление, будто инки — некий особый народ наряду с ацтеками, майя и пр. На самом деле так звучал титул правителя империи (букв. господин), официальным языком которой был кечуа, а официальным названием — Тауантинсуйю (букв. четыре провинции). Первым инкой по традиции считали Мánко Кáпака — основателя и первого царя будущей столицы Империи Куско (около 1230).

10. Археологи пользуются следующей периодизацией для Андского нагорья: начальный период (1800/1500–900 до н. э.); ранний горизонт (900 до н. э. — 200 н. э.) — культуры Чавин и др.; ранний переходный период (200–600) — культуры Моче, Тиуанако и др.; средний горизонт (600–1000) — Уари и др.; поздний переходный период (1000–1476) — Чиму, Таллан и др. и поздний горизонт (1476–1534) — Империя инков вплоть до своего разгрома испанцами.

его расположение, так и дополнительные сооружения: два концентрических круга из крепостных стен. Жилая зона предположительно включала 4 тыс. жилых построек, в которых могли разместиться приблизительно 10 тыс. человек, и публичную площадь в центре с различными специальными постройками. Три относящихся к тому же времени поселения поменьше, расположенные в трех милях от Тунанмарки, как представляется, имели политические связи с этим центром. В целом вождество Тунанмарка объединяло примерно от 15 до 20 тыс. человек.

До завоевания инками долина Мантаро, а возможно, и большая часть Андского нагорья, были составлены из вождеских политий, постоянно находившихся в состоянии междоусобной войны. Путем последовательного завоевания этих первоначально независимых политий и инкорпорации их популяций и политических систем инкам удалось выстроить собственную империю. Каким образом они сумели это сделать?

Их беспрецедентный успех в первую очередь можно объяснить использованием инновационных принципов при финансировании институтов, бюрократическом контроле и косвенном управлении. Задача заключалась в том, чтобы создать новый уровень интеграции для объединения воюющих вождеств. Необходимые институты, как, например, разветвленная система налогообложения через использование труда, существовавшие и прежде, должны были быть трансформированы в соответствии с большими и более сложными потребностями империи. Можно сказать, что империю создали на структурной и идеологической базе вождеств путем выстраивания новых иерархических отношений.

Долговременный рост населения до вторжения инков привел к интенсификации экономики жизнеобеспечения, вооруженным насильственным конфликтам и начавшемуся расслоению обществ Андского нагорья. Постоянное пребывание в состоянии войны имело следствием высокие экономические и психологические издержки, делавшие востребованными организацию на уровне региона и мирное сосуществование, характерные для империи. Войны вели за землю; то есть все сообщества сражались, защищая землю, необходимую им для выживания. Империя установила в регионе мир и применение системы легальных прав на землю в обмен на трудовые обязательства. Затраты на поддержание этой системы значительно сократились благодаря долговременному росту плотности населения, снизившему административные расходы, но усилившему зависимость населения от интенсивных методов земледелия (таких, как ирригация и террасированные поля), которые легко поддавались кон-

тролю. Еще одно достижение заключалось в предшествующей эволюции вождеств, позволившей Инке осуществлять косвенное управление при помощи существующих политических систем. И хотя возникновение Империи инков остается одним из самых удивительных событий в истории, нельзя не отметить, что основные предпосылки для этого уже присутствовали.

Чтобы понять, насколько эффективной была империя, рассмотрим экономическую основу как социальной, так и политической интеграции: экономику жизнеобеспечения, поддерживающую население местных сообществ, и политическую экономику, финансирующую государство с его специальными межрегиональными институтами. Большую часть изложенных ниже материалов мы взяли из ценнейших обобщающих описаний, принадлежащих Теренсу Д'Алтрою (D'Altroy 1992), Селли Мур (Moore 1958), Джону Мурре (Murra 1975, 1980 [1956]), Джону Роу (Rowe 1946), Ричарду Скэдлу (Schaedel 1978) и Натану Уактелу (Wachtel 1977: 60–84).

Окружающая среда и экономика жизнеобеспечения

Анды, где зародилась Империя инков, представляют собой цепь высоких остроконечных гор, расположенных на небольшом расстоянии параллельно тихоокеанскому побережью Южной Америки. В целом здесь можно выделить три зоны окружающей среды. Вдоль побережья простирается сухая и бесплодная пустыня, перемежающаяся зелеными долинами, которые питают потоки с высоких сьерра¹¹. Водные потоки использовались для орошения плодородных сельскохозяйственных полей вблизи берега, а богатые морские ресурсы пополняли питание важной пищей животного происхождения. На некотором удалении от берега горы резко вздымаются над береговой пустыней, и вдоль Андского хребта следует центральная зона сьерра. Сьерра состоит из возвышающихся, подобно башням, снежных пиков, расположенных по всем склонам лугов и редких просторных долин между гор. Луга использовались при экстенсивном выпасе скота, а богатые межгорные долины — в земледелии. Восточный склон — более пологий, его пересекают многочисленные обрывы и водопады. На территории, занимающей около 30 миль, уместаются и высокие альпийские луга на возвышенностях (на высоте 9 тыс. футов), и буйные влажные тропические леса внизу в обрывах. Группы горцев жили в верховьях этих потоков, а леса

11. От исп. *sierra* — горы, горный хребет.

были заняты такими группами племен, как мачигенга (раздел 4), которые, находясь всего лишь в сотне миль от Куско, никогда не были включены в империю.

Различные условия окружающей среды отчасти объясняют, почему андское общество сильно варьировалось в своих формах. Зависящие от крупномасштабного ирригационного земледелия и рыболовства популяции на берегу характеризовались высокой плотностью населения и, как правило, организовывались в сложные государства, как, например, Чиму с его городской столицей Чан-Чан¹² (Moseley and Day 1982). Зависящие от смешанного фермерства популяции в сьерра имели меньшую плотность населения, и характерной для них организацией были локальные группы или конкурирующие вождества. Таким образом, внутри массивной политической структуры инки организовывали сильно различающиеся этнические группы, общества и экономики; и такая экономическая и этническая гетерогенность, несомненно, является признаком государств.

Археологические данные свидетельствуют о том, что в сообществах сьерра, к примеру в долине Мантаро, наблюдался длительный и существенный рост населения еще до завоевания инков (Hastorf 1993; LeBlanc 1981). Плотность населения при инках составляла около 37 человек на квадратную милю в целом по нагорью (LeVine 1985: 450), а в отдельных местах — намного выше. Благодаря различающимся почвам, интенсивности выпадения осадков, чередованию возвышенностей и впадин (Hastorf 1993) типичное поселение сьерра представляло собой густонаселенный островок, или очаг жизни, окруженный бесплодным ландшафтом.

Экономика жизнеобеспечения включала долговременное и переложное возделывание культур и животноводство. На полях выращивались маис, картофель и киноа¹³, в животноводстве основное место занимали ламы (для транспортных целей и про-

12. Чиму́, или Чимб́р — наиболее сложное и крупное государство доинкского периода (900–1462/1470) на перуанском берегу, которое сменило собой Мочика (так называемое Раннее Чиму) и просуществовало до покорения инками. Население столицы Чан-Чан составляло до 60 тыс. чел. (в то время крупнейший город в Южной Америке). Чиму строили крепости, дороги и ирригационные сооружения, обладали развитым ремеслом (изделия из золота и серебра, керамика и пр.). Они говорили на языке кингнам (Quingnam), родственном мочика, который сохранялся до ека рядом с Трухильо (испанский город, выстроенный напротив Чан-Чан) и до начала XX века в департаменте Ламбайеке.

13. Киноа, или рисовая лебеда (*Chenopodium quinoa*) — зерновая культура, выведенная в древности и до сих пор произрастающая на склонах Анд (Южная Америка). По производству (2005) 1-е место в мире занимает Перу (32,6 тыс. т), 2-е — Боливия (25,2 тыс. т). В последнее время распространилась и в Старом Свете (Тибет и Гималаи). Название происходит из языка кечуа (*kinwa*). Содержит больше бел-

изводства мяса) и альпаки (для производства шерсти). Маис выращивали на орошаемых полях на высоте ниже 11 тыс. футов, для посадок картофеля и других корнеплодов использовали переложный способ на плоскогорьях выше 13 тыс. футов, а лам и альпака выпасали на лугах, расположенных на высоких возвышенностях.

Рост населения на протяжении длительного времени привел к интенсификации земледелия. Как и на островах Тробриан (случай 12), переложная обработка земель на плоскогорьях описывается в ранних источниках как регулируемое сообществом цикличное паровое воздействие на оставленные на время земли (Rowe 1946). Капиталовложения для того, чтобы добиться постоянного возделывания земель, должны были бы включать ирригацию, террасированные поля и устройство дренажных систем (Donkin 1979; Hastorf and Earle 1985). По мере того как производство распространилось на дно долин, где бывали наводнения, и на плоскогорья, где выпадали грады и случались морозы, побочным эффектом интенсификации стал возрастающий риск неурожая культур. В современную эпоху такие риски возможно частично предугадать, и, стремясь защититься от бедствий, андские фермеры предпочитают размещать и возделывать свои поля в разных местах.

В этноисторических исследованиях (D. LaLone 1982; Murra 1980 [1956]) подчеркивается, что инки в целом представляли собой не рыночное общество. В Мантаро обмена вообще, а особенно пищевыми продуктами, были в высшей степени ограниченными (Earle 1985). Варьирующиеся условия окружающей среды в Андах, как и на Гавайях, предоставляли доступ к разнообразным ресурсам и, таким образом, снижали необходимость обмена между сообществами.

Как мы видели, войны были эндемичными в период до завоевания. Местные лидеры, которых испанцы расспрашивали о временах, предшествующих инкам, описывали их так: «Раньше инков они вели друг с другом войны, дабы приобрести побольше земель, воюя же, не покидали этой долины, но происходило это внутри долины, через которую текла река, так что, находясь на одном берегу реки, они сражались с индейцами с другого берега» (Vega 1965 [1582]: 169). Другие же информанты, как ант-

ка, чем в любых других зернах (в некоторые сортах — более 20% белка, ср. 7,5% — в рисе и 14% — в пшенице). После вымачивания содержащихся в зерне вредных сапонинов, киноа варят в соотношении два объема воды на один объем киноа до отделения семядолей от ростка. Полученная мука используется для производства хлебных изделий.

ропологи наших дней, объясняли причины этих войн увеличением населения и конкуренцией между сообществами за земли, стада и женщин (Toledo 1940 [1570]: 28). Рост населения в Андах привел к проблемам, сходным с современными, а именно к интенсификации земледелия, связанным с этими технологиям и рискам и к распространению войн. Эти особенности, характеризующие период до инкского завоевания, создали необходимые условия для образования государства инков.

Социальная организация

У организации сообществ в Андах имелись два основных уровня: отдельное домохозяйство и *айлью* — родственная территориальная группа. Домохозяйство, по-видимому, представляло собой нуклеарную либо минимально расширенную семью, состоящую из брачной пары и ее детей, иногда вместе с вдовствующим родителем, неженатым сиблингом или еще кем-то из близких родственников. В современных андских сообществах, ведущих традиционный образ жизни, такое домохозяйство из нуклеарной семьи образует элементарную экономическую единицу (Lambert 1973: 3; Mayer 1977: 61). И хотя нельзя просто распространить эту модель на доисторическое время, тем не менее известно, что поселения в нагорьях, датируемые инкским и переходным доинкским периодами, в типичных случаях представляли собой небольшие группы патио¹⁴ из нескольких построек вокруг открытого рабочего пространства (D'Altroy 1992; Hastorf 1993; Lavallée and Julien 1973). Кажется вероятным, что такие группы из одного либо двух зданий и редко более чем из четырех или пяти были семейными образованиями, занятыми трудом по жизнеобеспечению.

Половое и возрастное разделение труда позволило домохозяйству превратиться в самодостаточную производственную и потребительскую единицу. Мужчины были вовлечены в выполнение таких особо трудных видов работ, как подготовка почвы, участие в войнах, занятие многими ремеслами и торговля в удаленных на большие расстояния регионах. На женщинах лежала ответственность за решение многих земледельческих задач, приготовление пищи, воспитание детей, доставку воды, прядение и ткачество (Silverblatt 1978, 1987). Но такое разделение обязанностей не носило взаимоисключающий характер, мужчины и женщины могли помогать друг другу. Мужские и женские ра-

14. *Патио* (от исп. *patio*) — открытый внутренний дворик жилого помещения, с разных сторон окруженный стенами (зеленой изгородью).

боты, необходимые для поддержания домохозяйства, были взаимно дополняемыми. Вклад всех членов домохозяйства в повседневную жизнь был сбалансированным, относительно равным. Например, занимаясь земледелием, они образовывали рабочую пару: в то время как мужчина переворачивал слой почвы мотыгой¹⁵, женщина выбирала комки; пока же мужчина рыл новую ямку для растений, женщина насыпала семена в уже вырытую ямку (Rowe 1946: 213). Молодые члены семьи были обязаны ухаживать за стадами животных, если пастбище располагалось недалеко от основного поселения (Murga 1965: 188).

Если судить по современным андским сообществам, ведущим традиционный образ жизни, то можно предположить, что домохозяйства отстаивали свою самостоятельность. Современные домохозяйства не хотят вступать в отношения реципрокации, несмотря на то, что растущая потребность в рабочей силе делает их необходимыми (Lambert 1973: 17). Хотя с точки зрения политики или экономики отношения между домохозяйствами могут иметь большое значение для их выживания, таких отношений стараются избегать.

Группа *айлью*, основанная на счете родства, которое возводит к единому идентифицируемому предку, сначала занималась подготовкой принадлежащих сообществу полей для выращивания основных культур для государства и для вождя сообщества, а затем работала на полях входящих в это сообщество домохозяйств. Церемонии, сходные у всех сообществ, вовлекали их в ежегодную чистку ирригационных каналов, которыми орошались наиболее продуктивные поля; женщины готовили пищу и кормили мужчин, работа которых позволяла получать воду. Церемониальная природа рабочей команды определяла и материализовала иерархическое положение сообщества с его обязательствами отбавывать государству барщину.

Характерно, что экономика жизнеобеспечения в целом держалась лишь на одном локальном сообществе, в значительной степени самодостаточном, благодаря разным стратегиям жизнеобеспечения, отражающим разнообразие географических зон. Например, доисторические поселения в долине Мантаро (D'Altroy 1992; Hastorf 1993) при инках и непосредственно перед их

15. Авторы употребляют здесь выражение *foot plow* (брит. *plough*) — ножной плуг — так обозначают соответствующее сельскохозяйственное орудие в горной Шотландии. Это уводит русскоязычного читателя в сторону, поскольку у нас традиционно проводится различие между мотыгой (простым ручным орудием для прополки и рыхления земли, а шотландский инструмент именно таков) и плугом для переворачивания верхнего слоя земли, более сложным, приводимым в движение с помощью тягловых животных.

приходом располагались по склонам возвышенностей и на низких холмах над рекой. Почвы возвышенностей были идеальными для выращивания картофеля, являвшегося основным крахмалосодержащим продуктом в пищевом рационе. Ниже поселений находились аллювиальные низинные земли, пригодные для интенсивного производства маиса, а выше — холмистые луга, растительность которых шла на подножный корм скоту. У населения сообщества имелся прямой и непосредственный доступ к разнообразным землям на расстоянии нескольких миль от поселения.

На протяжении доинкского периода собственность сообщества, по-видимому, ограничивалась ближайшими ресурсами, поскольку враждебные соседи способны были воспротивиться любым попыткам распространить контроль на более удаленные расстояния (LeBlanc 1981; Rowe 1946: 274). Однако даже при таких ограничениях сообщество могло обладать значительной самодостаточностью. Сообщества в различающихся зонах имели доступ к разным ресурсам, и представляется вероятным, что между ними происходил какой-то обмен.

Контроль над ресурсами второго типа практиковался сообществами архипелага, у которых основные поселения находились на расстоянии многих дней пути от таких зон ключевых ресурсов, как низменные районы тропического земледелия. В сущности, *айлью* колонизировали эти ресурсные зоны, основали там сателлитные поселения и наладили транспортировку товаров на длительные расстояния при помощи носильщиков или караванов лам. Расширенный контроль такого типа со стороны сообщества был обнаружен в различных местах Империи инков (Мигга 1972), в том числе в сообществах сьерра в долине Мантаро, чьи земли включали невысокие территории на востоке, где производились такие культуры, как кока и перец ахи¹⁶. Из исторических документов мы знаем (LeVine 1979; Vega 1965 [1582]: 168, 172–174), что, несмотря на то что эту тропическую земле-

16. *Кока*, или *кокаиновый куст* (*Erythroxylum coca*) — кустарниковое растение, похожее на терновник, высотой 2–3 м; листья тонкие, овальные; цветы мелкие, плоды — красные ягоды. Листья содержат наряду с другими алкалоидами наркотическое вещество кокаин. Он действует как стимулятор, подавляя голод, жажду, усталость. Некоторые из не психоактивных алкалоидов используются как добавка к кока-коле. Кокаин применяют в фармацевтической промышленности при производстве препаратов для анестезии. Родина — северо-запад Южной Америки, сейчас коку культивируют также в Африке, Индии и на острове Ява. Кока считалась священным растением, и ее применение было столь обыденным, что даже расстояние часто измерялось в единицах «кокада», означавших количество полных ртов листьев коки, которые успевали пережевать, двигаясь из одного пункта в другой. Местные коренные американцы по традиции до сих пор еще носят мешочек, содержащий дневную порцию листьев коки и специальный

дельческую зону отделяли от долины высокие горы и расстояние в тридцать или более миль, сообщества с высокогорий контролировали там небольшие деревни.

Правомерно ли отнесение сообществ архипелага к доинкским временам или они появились после завоевания? Археологические исследования, посвященные этой проблематике, основываются на неполных данных (Hastings 1982; Lynch 1982), поэтому свидетельства в пользу существования архипелаговых сообществ до прихода инков нельзя считать абсолютно достоверными. Несомненно, при наличии враждебных отношений и войн между сообществами пользоваться удаленными ресурсами было невозможно из соображений безопасности. Поэтому кажется логичным, что сообщества смогли выйти за пределы своих территорий только после завоевания, когда инкское государство обеспечило мир в регионе и смогло гарантировать право собственности на ресурсы.

Организация выше уровня *айлью* плохо изучена по причине отсутствия достоверных данных. Известно, что в доинкский период некоторые поселения отличались довольно большими размерами и состояли, вероятно, из нескольких *айлью*; в долине Мантаро к появлению таких больших сообществ привели войны и необходимость обороняться (LeBlanc 1981).

Существовали более широкие образования из этнических групп с близкородственными языками, общими обычаями и культурной историей. Например, в верхней части долины Мантаро проживала локальная этническая группа уанка (так же идентифицируют себя и современные сообщества в этой области)¹⁷. До инкского завоевания уанка не образовывали единой политической группы; политически их локальные сообщества были автономны и вели междоусобные войны (Hastorf 1993). Несмотря на то что имели место обмены между сообществами и существовал политический союз, во многих вопросах сообщества оставались политически независимыми.

Этническая принадлежность приобрела чрезвычайное значение при господстве инков. Иерархия *айлью* провинции, отра-

порошок, который жуют вместе с ними, чтобы смягчить их вкус. *Ахи* (aji), или *перуанский горький перец* (*Capsicum baccatum*), представляет собой один из видов перца-чили.

17. В IX–XII веках область Уанка была объединена под властью династии Пома, но позже распалась на мелкие владения. Исторические кечуазычные уанка были силой присоединены к Империи инков при Пачакути (1460), однако позже снова отпали от нее, помогая испанским конкистадорам. В настоящее время на особом языке уанка-кечуа, принадлежащем к группе кечуа I и довольно сильно отличающемся от кечуа Куско, по-прежнему говорят около 300 тыс. чел.

жавшая различия в экономическом благосостоянии и характере политических отношений с инками, была перенесена на систему контроля над административными должностями в провинциальных округах и уездах. Но за исключением этнической принадлежности, у провинции в целом отсутствовала традиционная опора, и функцией административного контроля стали наделяться инкские чиновники, не принадлежащие к местному населению. Инки создали внутри региона этническую мозаику, направляя в районы внутренних колонистов (*митмас*) из других этнических групп, не имеющих традиционных прав на землю. Таким путем колонисты попадали в зависимость от государства и должны были нести ответственность за ремесленное производство, управляемое государством, за работу на государственных фермах и, разумеется, за внутреннюю безопасность.

Хотя андскую *айлью* часто описывают как группу, организованную на принципах равенства, родства и реципрокации, по крайней мере, в некоторых областях Андов лидерство и нарождающаяся социальная дифференциация сохраняли свое значение. Предводители *айлью* (*курака*) были новыми аристократами. Позиция эта передавалась патрилинейно, в соответствии с локальным счетом родства; но при наличии нескольких кандидатур на роль предводителя производили выбор с определенной гибкостью (Rostworoski 1961). Члены *айлью* работали на специально отведенных землях, чтобы снабжать *кураку* продуктами (Moore 1958: 527); к тому же он обладал, по-видимому, правами пользоваться местной рабочей силой и владеть особо ценными ресурсами, такими как металл и кока (ibid.: 39).

В обмен на право контролировать земельные ресурсы и распоряжаться его рабочей силой *кураки* несли ответственность за урегулирование споров, распределение участков, пригодных для возделывания, и организацию деятельности сообщества, включая проведение местных церемоний и создание общинных трудовых команд для работы на государственных землях. Будучи членом элиты, общинным лидером и устроителем церемоний, *курака* напоминал вождя сообщества (раздел 11); основное же отличие состояло в том, что как местный бюрократ он был связан с государством.

Айлью в основном занималась решением базовых проблем жизнеобеспечения на уровнях домохозяйства и местного сообщества. Ресурсы домохозяйства были подчинены генерализованной реципрокации; а родственные узы *айлью* служили базой для сбалансированных реципрокальных обменов. На этой системе покоилась социальная и экономическая дифференциация, благодаря которой снабжение лидеров происходило в основном

за счет трудовых вкладов членов сообщества. В доинкские времена *кураки*, по-видимому, сильно нуждались в ведении войн и в обороне, но при инках положение изменилось.

Силверблатт (Silverblatt 1987: 22) доказывает, что андские представления о тесной связи маскулинности с войной пришли сюда при инках, когда военные вожди стали назначаться местными администраторами. Государство институционализировало мужскую иерархию в управлении, что усилило гендерное разделение внутри локальных сообществ, формализуя различия между мужской (публичной) и женской (приватной) сферами.

Политическая экономика

В экономическом и в политическом отношении инки построили свою империю на основе локальных сообществ. Они умело использовали уже существующие институты финансирования и контроля и создавали новые. Империя выросла из социального *milieu* вождеств — социально стратифицированных обществ, постоянно конкурирующих за скудные земли и другие ресурсы (Toledo 1940 [1570]: 169). Такая быстрая трансформация в империю оказалась возможной благодаря тому, что после захвата земель вместо изгнания разгромленных популяций происходило включение их производственных возможностей как основы финансирования расширяющейся политической системы (Rowe 1946: 203).

Во многих отношениях государство инков напоминало громадное вождество. В нем, как и в гавайских вождествах, политическое чиновничество выросло из конкуренции внутри группы наследственных элит, каждая из которых искала поддержку в разных фракциях. Чиновники добились права получать доходы (Moore 1958: 32), вследствие чего конкуренция за места в канцелярии инкского правителя трансформировалась в конкуренцию между фракциями элиты за желанный контроль над политическим чиновничеством. Поскольку правительство управляла инкская элита, занимавшая высокое положение, то разделение между социальной элитой и правящей бюрократией сначала отсутствовало.

Религия тоже не превратилась в отдельный институт. Государственная религия была представлена храмовыми маундами или *ушну*, заметно выделявшимися на главных площадях административных центров империи, где происходили церемониальные события, во время которых провозглашалась божественность правителя и, таким образом, его легитимность. Инкскому правителю, выступавшему в роли посредника, приписывались способности сверхъестественным образом воздействовать на ста-

бильность и плодородие дикой природы. С целью интеграции локальных регионов в империю Инка переносил главных идолов в столицу Куско, где они помещались в государственные святилища (Rowe 1946). В дискуссии о вождествах мы подчеркивали, что вождь, как представитель социальной элиты, политический лидер и воплощенное божество, обладал всеохватывающей властью; и это сохраняется в Империи инков с ее религиозными институтами, являющимися важным фактором социальной и политической интеграции (Conrad and Demarest 1984; cf. Kurtz 1978).

В отличие от гавайских вождеств, Империя инков инкорпориовала в себя многочисленное население, состоявшее из множества этнических групп, что привело к проблемам интеграции и контроля, которые общество на уровне вождества не способно было разрешить. Для бесперебойного управления государственными делами была нужна бюрократия, а для поддержания внутреннего мира и отражения внешних угроз — войско, составленное не из дюжины родственников и их сторонников, как в гавайском вождестве, а из сотни или даже тысячи профессионалов, связанных в большие иерархические институты.

Способ, которым государственные общества развивают специализированные институты из более ранних предшествующих форм, отчетливо виден в экономической организации финансирования и производства инкского государства, как ее описывает Мурра (Murra 1980 [1956]; 1975). В доинкский период, как мы видели, *кураки* получали свое финансирование в виде продуктов первой необходимости, которые выращивались на землях, отведенных для обработки общинниками как общественной повинности. Такой же была финансовая основа государства инков в масштабе империи.

После захвата нового региона государство объявляло его земли своей собственностью. Эти земли делились на три части, каждая из которых должна была обеспечивать соответственно государственную бюрократию и войско, государственную религию и местное сообщество. Земли, доставшиеся сообществу, оставались собственностью государства, но сообщество могло ими пользоваться в обмен на его *мит'а* — обязанность трудиться на государственных и храмовых землях и участвовать в иных государственных проектах, таких как строительство дорог, каналов и горные работы. Сохранялась идеология взаимности: пользоваться землей и средствами жизнеобеспечения дозволялось в обмен на труд, необходимый государству (Wachtel 1977: 66).

Основу экономики инкского государства составляло финансирование в виде продуктовых вкладов. Продукты питания,

включая маис, картофель и киноа, выращивались усилиями сообщества на государственных землях. После сбора урожая пищевые продукты отправлялись в государственные зернохранилища, они предназначались для обеспечения администраторов, военных и других членов общества, занятых в работе на государство, включая общинников, отбывающих свои трудовые повинности. Сообщества общинников обязаны были также производить ремесленные изделия, попадавшие в собственность государства. Женщины должны были прясть шерстяную пряжу из сырья, получаемого от государственных стад, и каждая семья была обязана наткать из нее определенное количество ткани, например одно шерстяное одеяло в год (Costin 1993; Murra 1962). (Это право на получение тканых изделий могло инициироваться лидером сообщества, получавшим такие товары, как рубашки и сумки, от своих сторонников.) Ткань могла затем употребляться как политическая валюта (D'Altroy and Earle 1985). Таким образом, контроль государства над производством позволял получать продукты, которые могли не только использоваться или потребляться напрямую бюрократическим аппаратом, но и конвертироваться в ценности, удобные для хранения и последующих платежей.

Хотя система финансирования посредством принудительного труда имела прецеденты в доинкской экономике, масштаб ее распространения в инкском государстве привел к заметным изменениям. Одним из них стало изобретение протоколирования с помощью *кипу* — приспособления мнемонического характера с узелками на нескольких шнурах, которое использовали, чтобы зафиксировать перемещение товаров (в отличие от системы письма, как в других ранних государствах). Умеющие пользоваться *кипу* нанимались на местах в целях фиксации прихода и расхода всех товаров во множестве местных хранилищ¹⁸.

18. *Kipu* (исп. *quipu* от кечуа *hipu* — узел, счет) состояло из сложных веревочных сплетений (от нескольких до 2 тыс.) из шерсти альпаки либо хлопчатых, на которых завязывались узелки. Нити могли быть разного цвета (до 24 оттенков), каждый из которых имел свое значение. В несущий шнур мог вставляться также ключ (кусочки дерева, металла, растения и др.), указывающий на определенное прочтение цвета. Кипу могли служить для передачи сообщений, а также в качестве календаря, своеобразной карты, для фиксации налогов и законов и др. В последнее время было высказано мнение (Г.Эртон), что кипу представляло собой двоичную систему счисления, способную к фиксации звуковых (фонетических) или даже иероглифических текстов. «Чиновники, ведающие кипу» (*кипукамайоки*) размещались в специальных «архивах» каждого селения и принадлежали к двум должностным группам: тем, кто вел учет и статистику; и тем, кто был летописцем и законником. Только вторая должность передавалась по наследству от отца к сыну, что привело к образованию особой касты. Ее

При господстве инков чрезвычайно развилось также хранение продуктов. В течение доинкского периода свидетельства существования централизованных комплексов хранилищ обнаруживались в прибрежных государствах, таких как Чиму (Day 1982); на нагорьях продукты хранились в основном в домохозяйствах (D'Altroy and Earle 1982). Империя инков, чтобы сохранять продукты первой необходимости и ремесленные товары, произведенные для государства, нуждалась в больших складах. Например, в долине Мантаро были возведены аккуратные ряды из более чем 2 тыс. индивидуальных хранилищ в виде построек, похожих на элеватор, размещавшихся на холмах над основным административным центром инков Хатун-Шауша; примерно такое же их число было разбросано по долине и иногда в непосредственной близости от поселений местных сообществ. Хранилища на холмах предположительно служили для обеспечения бюрократического аппарата в Хатун-Шауша, включавшего администраторов, государственных надзирателей на местах и военных. Те же, что находились в долине, поддерживали государственную деятельность в локальных сообществах, включавшую земледельческие работы, проекты по проведению общественных работ и такие ремесленные занятия, как гончарное дело и металлообработка.

Кроме того, эти государственные хранилища могли поставлять ресурсы, необходимые для снабжения военных операций и для поддержания политической стабильности на местах. Согласно обобщенным Муррой хроникам (Murga 1980 [1956]), запасы восполняли недоимки, связанные с неурожаем культур. И хотя главным и наилучшим способом справиться с тяжелым периодом были отношения реципрокального обмена между семьями, в особых случаях государство могло выделять им продукты из своих хранилищ и оказывать тем самым услугу, за которую первоначально нес ответственность *курака* как ритуальный лидер и управляющий-эконом.

Помимо этого, Империя инков спонсировала большие государственные фермы, появившиеся в результате новых проектов по ирригации и созданию террасированных полей: одна из них, расположенная в долине Кочабамба в Боливии (M. LaLone 1985; Wachtel 1982), служила для снабжения государственных институтов вплоть до Куско. *Митмас* поддерживали хранилища, а раз-

члены ежемесячно получали от государства полное обеспечение, но за профессиональные ошибки их наказывали смертью. Утверждение авторов книги о том, что изобретателями кипу были инки, не соответствует современным данным: уже известно кипу, датированное 3000 годом до н. э.

ные группы обрабатывали по очереди земли, выполняя часть своей трудовой повинности *мит'а*.

Продолжая прежние экономические отношения со своим *куракой*, локальные популяции поставляли государству такую ремесленную продукцию, как ткани, сандалии, ценности, используемые в качестве даров и платежей, и керамику. В дополнение к этому от деревень, которым вменялось в обязанность заниматься такими особыми ремеслами, как металлургия и возведение каменных кладок, требовали поставлять специалистов на государственные работы. Этих профессионалов-одиночек, вырванных, подобно *митмас*, из их родных сообществ со своей системой традиционных прав и обязанностей, прикрепляли к государственным институтам для работы в цехах или трудовых группах.

Среди таких несвободных специалистов были и *акля*, или «избранные женщины» — ткачихи, связанные с институтом государственной религии (Rowe 1946: 269). Эти женщины, набираемые из различных сообществ, жили в административных центрах империи, где они ткали *кумби*, изысканно красивую разновидность ткани, и готовили *чича* — сорт пива. *Кумби* была важнейшим в империи предметом роскоши, который использовался, как правило, в качестве даров в политических целях и церемониальных выплат. *Акля* были вовлечены в полуиндустриальную форму производства, организованную с целью массового изготовления этого продукта.

Специалисты другой категории, называемой *яна*, работали непосредственно как сельскохозяйственные рабочие и домашние слуги для господ из элиты и святилищ (Murra 1980 [1956]). Некоторые исследователи описывают *яна* как рабов по причине того, что те были пожизненно прикреплены к владельцу, но не поддается сомнению, что они обладали и многими свободами. К примеру, только один ребенок в семье *яна* должен был остаться с нанимателем их отца.

Наибольшее значение *митмас*, *акля* и *яна* заключается в том, что они являются свидетельствами изменений в производственных отношениях. Система барщины или *мит'а* характеризуется организацией производства в основном на уровнях сообщества и домохозяйства, когда продукты труда поставляются в качестве ренты. Вышеупомянутые новые группы, напротив, исключены из сообщества и организуются правительственными институтами и элитами. Как утверждают Мурра (Murra 1980 [1956]) и Скедел (Schaedel 1978), такая реструктуризация выходит за границы, в которых действует производство сообщества, и является основным организационным изменением, необходимым государ-

ственным обществам для удовлетворения своих растущих специфических потребностей.

Подобно Китайской империи, монополизировавшей производство и продажу соли и железа, Империя инков увеличивала свои доходы, расширяя монополию на определенные важнейшие продукты широкого спроса. В ранних исследованиях утверждалось, что выращивание коки, андского эквивалента табака, контролировалось государством (см. Mooge 1958; Rowe 1946), которое подчеркивало церемониальную важность этого растения для инкских ритуалов и предпринимало попытки поставить его производство в зависимость от рыночного спроса. Государство владело всеми металлическими рудниками, разработка которых была частью трудовых обязанностей сообщества под управлением *кураки* (Mooge 1958: 39); в Империи инков медь сплавляли с оловом для получения бронзы, олицетворявшей имперское могущество (Lechtman 1977). Поскольку медь была распространена широко, а олово намного более локализовано, это упрощало контроль над производством металла со стороны имперских администраторов (Costin et al. 1989).

Центральной фигурой в разных видах деятельности Империи инков и в ее финансировании являлся *курака*. Он, в основном благодаря военному лидерству, играл важную роль и в доинкский период, по крайней мере в нагорных областях; во времена инков *кураку* на основании его экономической эффективности выбирало и поддерживало государство. *Курака* занимал опорные позиции: его власть основывалась как на местном наследственном праве, так и на поддержке, которую гарантировало государство. Включение долины Мантаро в империю (D'Altroy 1981) чрезвычайно укрепило статус *кураки* и усилило осуществляемый им контроль, что привело к дальнейшему подчинению локальных элит интересам государства в регионе.

Причины успеха Империи инков

Инкское государство можно описать либо в терминах теории конфликтов (как руководимое беспощадными эксплуататорами), либо в терминах теории консенсуса функционалистов (как опекаемое добродетельными менеджерами). В действительности присутствует и то и другое, в зависимости от степени сбалансированности эксплуатации и управления. Власть инков руководствовалась собственной выгодой (Rowe 1946: 273). Империя финансировалась с помощью мобилизации рабочей силы для производства продуктов первой необходимости и ремесленных товаров, проведения проектов общественных работ и поддер-

жания армии; для выполнения этих целей все домохозяйства из сообщества на местах должны были отрабатывать барщину. В свою очередь, государство поставляло местному сообществу ресурсы и оказывало услуги, необходимые для его экономики жизнеобеспечения, в частности упорядочивало доступ к обрабатываемым землям и пастбищам. Таким образом, завоевание способствовало установлению новых отношений к средствам производства, что привело локальное сообщество к зависимости.

Империя оказала своим сообществам еще большую услугу, когда прекратила междоусобные войны. Например, существуют данные о значительном улучшении в пищевом рационе и жизненном уровне у элиты и у общинников уанка после завоевания их инками (Earle et al. 1986). Кроме того, государство как субъект, предоставляющий землю в обмен на барщинный труд, гарантировало локальным сообществам права пользования, таким образом позволяя некоторым из них расширить контроль над ресурсами в вертикальном направлении и усилить стабильность и самодостаточность экономики жизнеобеспечения. Государственная монополия на определенные товары сделала их доступными для удаленных сообществ. Наконец, как мы видели, государство в голодные времена поставляло нуждающимся остатки пищевых запасов из своих хранилищ, первоначально организованных для финансирования его собственной деятельности.

Развитие Империи инков на основе собственной выгоды не выделяло ее из ряда архаических государств, в которых отношения между жизнеобеспечивающей и политической экономикой были тщательно сбалансированы. Государство продолжало зависеть от локального сообщества, поставляющего рабочую силу и продукты первой необходимости. Сообщество, в свою очередь, становилось зависимым от государства. Разумеется, государство преследовало свои экономические интересы, поставляя услуги и ресурсы, чтобы усилить зависимость и сохранить производственный потенциал сообщества, составлявшего финансовую основу государства. Перемещения населения по империи породили сложную этническую мозаику, что привело государство к организации руководства согласно принципу «разделяй и властвуй». Перемещаемая государством в новый регион группа должна была сохранять лояльность государству, поскольку ее притязания на землю исходили не из традиционных прав, а были возможны только благодаря государственному установлению.

Почему же инки добились успеха в XV веке, а не раньше? На побережье центрального региона Анд существовали и более ранние государства, в частности известные своим искусством Моче и Чиму (Lumbreras 1974); а задолго до этого на нагорьях

государство Уари¹⁹ имперского типа создало разветвленную систему дорог и административных поселений (Isbell and Schreiber 1978). Следовательно, можно предположить, что Империя инков была воздвигнута на базе более ранних, предшествовавших ей государств.

Однако настоящим ключом к успеху инков стало то, что целый ряд новообразований произошел у них в экономике жизнеобеспечения. Долговременный рост населения в Центральных Андах привел к очевидной эскалации войн между сообществами и сильной интенсификации земледелия, которая основывалась на ирригации, террасировании и осушении полей. Потребность в местных лидерах, в основном в военных целях, привела к развитию социального расслоения и появлению на нагорьях вождеств. В свою очередь, высокая плотность населения, зависимость от капиталоемкого земледелия и существование локальных элит подготовили идеальные возможности для инкорпорирования этих вождеств в имперское государство.

И в довершение всего именно в то время, когда люди устали от войн и готовы были оценить преимущества мира, пришли инки. Установление мира в регионе сделало ненужными огромные затраты на военные приготовления, включавшие не только прямые расходы на поддержание вооруженных сил и укреплений, но также косвенные, проистекающие из неэффективности и потерь в производстве жизнеобеспечения (Schaedel 1978). Восстановление мира и порядка высвободило громадные излишки потенциальной энергии, которые были направлены государством на реализацию его политических и социальных целей.

19. О Чиму уже говорилось выше. Историю государства Моче, или Мочика, располагавшегося на северном побережье Перу, принято делить на периоды: ранний (100–300), средний (300–600) и поздний (500–750). Мочика известны своими ирригационными сооружениями, развитым ремеслом (особенно фигурной керамикой) и массивными храмовыми платформами из сырцового кирпича, в частности так называемыми Солнечной и Лунной пирамидами — крупнейшими строениями в Южной Америке. Причины упадка Мочика до сих пор не ясны. Предполагалось, что это могло быть пагубное воздействие сильного Эль-Ниньо либо вторжение другого государства — Уари, убедительных доказательств чего до сих пор не получено. Появление у мочика фортификационных сооружений на заключительном этапе говорит о нарастании внутренних социальных конфликтов. Государство Уари существовало в Центральных Андах, на южном и центральном побережье Перу (500–900). Его центр находился в горах близ Аякучо, откуда распространилось влияние на побережье. Уари занимались террасным земледелием и строили дороги. Их языком был, вероятно, аймара. Эта культура начала приходить в упадок около 800 года, но влияние продолжало проявляться в керамике побережья до конца 1 тыс. н. э. Позже последовало возрождение прибрежной традиции, что сопровождалось и появлением новых государств (Чиму и др.).

Выводы

Интенсификация экономики жизнеобеспечения является необходимым, но недостаточным условием для образования государства. Растущая необходимость производства пищи, протекающая из длительного роста населения, предшествующего образованию государства, ведет к переполненности территорий, усовершенствованиям в капитальных средствах, организованному управлению земельными циклами, четкой регламентации в землепользовании, интенсивной конкуренции за продуктивные земли и в конечном итоге к такой плотности сельского населения, которая достаточна для поддержания рыночных систем и специализированного городского сектора. Государства не могут существовать без приведенных условий, за исключением сателлитов, тесными экономическими отношениями привязанных к основному государственному обществу. Но и при наличии этих условий до образования жизнеспособного государства должны сложиться определенные средства для экономического контроля и политической интеграции.

Определяющей характеристикой государства является массовая интеграция в региональном или межрегиональном масштабе. Эта интеграция должна включать, как минимум, учреждение бюрократического аппарата и вооруженных сил и институционализацию государственной религии. Данные институты обеспечивают государству достаточное финансирование, умелое экономическое управление, стабильность и легитимность. Кроме того, посредством развития рынков и торговли, как в средневековых Франции и Японии, либо территориальными приращениями с целью включения разнообразных систем производства, как в случае с инками, эти политические институты, с помощью которых могущественное государство устанавливает в регионе мир, делают возможным быстрый рост экономической интеграции.

Все государства стратифицированы. Необходимость этого связана с тем, что финансирование государственных институтов, необходимых для предотвращения экономического хаоса, должно основываться на гарантированных доходах, что возможно только при контроле над экономикой. Элиты, образовавшиеся в социальной, политической и религиозной сферах, трансформируют этот контроль в свою власть. Расслоение оказывается неизбежным на государственном уровне. Представляется, что социалистическая и демократическая альтернативы лишь украшают идеологией равенства базовое расслоение. Единственная альтернатива, которую можно было бы допустить, заключа-

ется во всеобъемлющем упрощении задач мировой экономики, но и это невозможно по причине давления населения.

Контроль является базовым фактором для финансирования государства и для расслоения. Как мы видели, имеются два основных типа контроля: над производством, который стал возможным благодаря таким технологическим нововведениям, как ирригация или, в меньшей степени, паровое воздействие и организованное управление фермерскими землями, и над распределением (торговлей), обусловленным рыночным развитием и появлением материальных ценностей. В первом случае происходит расслоение на класс правящей землевладельческой элиты и класс общинников, занятых в производстве. Во втором появляется третий класс — купцов, часто связанных с правящим классом.

Как было показано в этом разделе, государства могут образовываться только там, где присутствуют необходимые для этого условия: высокая плотность населения и связанная с ней необходимость во всеохватывающей системе интеграции и возможность для установления требуемого экономического контроля, обеспечивающего стабильное финансирование региональных институтов и поддержание правящего класса. Там, где эти условия возникают в одно время, мы обнаруживаем быструю экспансию политической экономики и зачатки государственного устройства.

13. Крестьянская экономика в аграрном государстве

В РАЗДЕЛЕ 12 мы обсудили развитие государства как крупного политического института. Вернемся теперь к этнографическому взгляду на экономику, соответствующую уровню государства, и рассмотрим экономические основы крестьянского домохозяйства и местного сообщества. Словами «крестьянское общество» определяется широкий набор сложных и многоярусных социальных систем, поэтому представляется затруднительным сделать подробное описание или привести исчерпывающую типологию крестьянских экономик. Можно отметить превосходные обзоры и исследования конкретных случаев у Сайрила Белшо (Belshaw 1965: 53–58), Роды Халперин и Джеймса Дау (Halperin and Dow 1977), Джека Поттера и др. (Potter et al. 1967), Кэрол Смит (C. Smith 1976) и Эрика Вулфа (Wolf 1966a).

Для крестьянских экономик характерны сравнительно высокая плотность населения и относительно интенсивное производство. Но такими же характеристиками обладают и сложные вожества, и мы уже убедились в том, что наличие системы производства не может служить отличительным признаком стратифицированных обществ; необходимо лучше понимать локальную экономику в контексте региональной экономики, интегрированной посредством рыночного обмена.

В этом разделе будут разобраны три случая в порядке возрастания плотности населения и степени интенсификации производства. Наиболее сильно различаются первый из них — бразильская *фазенда* (плантация), где посредниками между крестьянами-производителями пищи и доминирующей на рынке политической экономикой выступают землевладелец и другие местные патроны, и два других — деревни в Китае и на Яве, в которых крестьянское домохозяйство непосредственно продает принадлежащие ему рабочую силу и продукты на свободном рынке. Эти три случая представляют различные пункты внутри континуума «коммерциализации» (C. Smith 1976), которая является основным измерением, служащим для распознавания типов крестьянской экономики.

Различия между бразильскими фермерами-арендаторами и крестьянами-землевладельцами из Китая и Явы напоминают различия между феодальными обществами (вождества и ранние государства) и аграрными государствами, интегрированными с помощью рынка, такими как Китай, и современными национальными государствами. У феодальных обществ обнаруживается тенденция зависеть в большей степени от продуктового финансирования, чем от финансирования ценными объектами, обладать ограниченными рыночными системами и ненадежным денежным обращением, управляться через цепочку фиктивного родства и отношений «клиент — хозяин». Напротив, государства, интегрированные с помощью рынка, зависят от финансирования ценностями куда сильнее, чем от продуктового финансирования, имеют хорошо развитые денежные, банковские и транспортные системы и управляются бюрократией, чья лояльность государству предположительно должна быть сильнее их личной привязанности к семье, друзьям и местным элитам. В феодальном государстве власть и богатство первоначально определялись наличием контроля над землями; в государстве, интегрированном с помощью рынка, земля сохраняла свое значение, но обнаруживалась тенденция к коммерциализации, и успех на рынке приобретал большее значение, чем простое владение землей. Государства, интегрированные с помощью рынка, как правило, сильнее централизованы и обладают большим контролем над землями всей территории, чем разделенные феодальные государства.

В средневековых Франции и Японии (см. раздел 12) класс производителей продуктов питания был лишь ограниченно вовлечен в рынок, а сам рынок изначально представлял собой локальную систему обмена, контролируруемую повелителем и ограниченную областью политического влияния последнего. Но рынки быстро расширялись по мере того, как эти системы развивались в национальные государства. Некоторые правящие элиты извлекли выгоду из этого процесса, другие же вынуждены были отказаться от монополии на власть; при этом стремительная экспансия рынка на удаленные сельские земли продолжалась (см., например, C. Smith 1976: 356–360; Wolf 1969: 279–283).

Таким образом, обнаружилось, что эволюционное развитие шло в направлении от зависимых крестьян, прикрепленных к господину — посреднику в их взаимоотношениях с другими крестьянами и элитами, к независимым или свободным крестьянам, конкурирующим за доступ к земле, работе, ремесленным изделиям и другим предметам первой необходимости непосредственно на месте проведения рыночных торгов. На наш взгляд, это освобождение крестьянина является естественным продол-

жением эволюционной экспансии политической экономики. Экономика настолько расширяется, что персонифицированные иерархические цепочки команд теряют эффективность в организации системы труда и производимых с его помощью товаров, и справиться с этой проблемой может только обезличенный свободный рынок. Эволюция от сложного вожества и архаического государства к государству, интегрированному с помощью рынка, характеризуется возрастающим доминированием экономики, связанным с конкурентным, фиксирующим цены рынком. Вышеупомянутое доминирование приводит к образованию институциональных ограничений, служащих в основном развитию и защите рыночной системы (раздел 14).

Крестьяне постепенно входят в рынок и приобретают предметы первой необходимости, которые не способны произвести или получить в своих сообществах. Для этого им нужно произвести ремесленные изделия или продукты, которые они могут затем обменять на металлические орудия, церемониальные атрибуты или наличность, необходимую для уплаты налогов. Как мы покажем в разделе 14, многие проблемы, связанные с популяционным ростом и технологическими изменениями, теперь можно разрешить с помощью обезличенного саморегулирующегося рынка, который одновременно и служит, и угрожает экономическим интересам домохозяйства.

В ответ на вызовы рыночной экономики домохозяйства организуют сети, построенные на личных связях, пытаются найти свое место в условиях безличной эффективности рынка (Belshaw 1965: 78–81; Plattner 1989a). Эти обоюдные договоры (Foster 1961) представляют собой отношения сбалансированного обмена, при которых обе стороны действуют в поисках личной выгоды. Через вертикальные связи клиент-общинник добивается безопасности, а хозяин-представитель элиты — политической репутации. Такие системы, как *джаджмани* в Индии (Dumont 1970) и *пратик*¹ на Гаити (Mintz 1961), возвращают нас в дорыночную

1. Термин «система джаджмани» (Jajmani System) был предложен У. Уайзером (1936), чтобы описать безденежные нерыночные обменные отношения между кастами в сельской Индии: землевладельцы небрахманского происхождения (*джаджмани*) отдают часть своего урожая зерновых либо приготовленной ими пищи безземельным кастам (*джати*) цирюльников, горшечников, плотников и кузнецов в обмен на их долговременные услуги. В своем идеальном выражении, если опустить элементы эксплуатации, такой обмен является взаимным и симметричным. На Гаити отношения *an prensip* (в принципе), то есть так, как должно быть, противопоставляются отношениям *an pratik* (на практике) — так, как на самом деле. Система *пратик*, описанная Сиднеем Минцем, включает особые отношения продавца и покупателя, которые ограничивают свободу рынка: один из партнеров добивается у продавца расположения тем, что чуть-чуть доплачи-

эпоху, когда крестьяне стремились к установлению лояльных отношений с преуспевающими землевладельцами, владельцами магазинов и торговцами, правительственными чиновниками, врачами и иными элитами на местах. В свою очередь, эти локальные элиты зависят от элит еще более высокого ранга, поэтому теоретически отношения «клиент — хозяин» касаются всего общества. И если формальные структуры государственных обществ интегрируют массу обезличенных индивидов, поведение которых регулируется бюрократией, то паутина из личных связей, конструируемых любым человеком, персонализирует эту систему. Несмотря на несовершенство связей «клиент — хозяин», отмечаемое теоретиками свободного рынка, они позволяют бесправным общинникам получать доступ к товарам и услугам, которые в противном случае находились бы вне их досягаемости в большой обезличенной рыночной системе.

Помимо горизонтальной функции, заключавшейся в обмене товарами между специализированными производителями, у рынков имелась и вертикальная функция — сбор и хранение продуктов и товаров, которые могли обеспечить городские популяции, удаленные от ферм и не включенные в производство жизнеобеспечения (Plattner 1989b). Городская модель расселения с иерархией центра приводит к концентрации населения, удобной для администрирования и контроля. Городские центры населяют государственные служащие: бюрократы и писцы, воины и градостроители, жрецы и духовенство, ремесленники и торговцы, а также представители правящего класса. И всем им необходимы пищевые продукты, которые можно получить только из сельской местности.

Рынки являются основной характерной чертой государств, поскольку они облегчают расселение людей и финансирование централизованных иерархических институтов регионального управления. Обеспечение крупных городских популяций, которые не производят продукты жизнеобеспечения, является огромной логистической проблемой. Эту проблему решает рынок, в той или иной степени свободный от государственного управления. Функционирующая рыночная система позволяет государству обладать системой финансирования в форме вкладов материальными ценностями. Для этого государство ис-

вает ему, а тот взамен гарантирует ему поставки искомых товаров. Такие отношения находятся между генерализованной и сбалансированной реципрокацией в схеме Салинза (см. раздел 2). Минц подчеркивает, что их природа не носит договорного характера, а основана на личных узах и обычном праве. *Это очень напоминает обмен на основе бластных связей по типу «ты — мне, я — тебе» в позднюю советскую эпоху.*

пользует денежное обращение в качестве средства оплаты государственных работ. Средством обращения являются стандартизированные ценные объекты, которые можно легко хранить и перемещать. Государство чеканит монеты стандартного достоинства, гарантируя их ценность; они легки в обращении, их можно централизованно хранить и распределять, а это является частью государственного финансирования. Работники, получающие жалованье, обычно берут такую валюту на рынки, где они покупают пищевые и другие необходимые продукты, которые не в состоянии производить сами, и, таким образом, возникает инфраструктура жизнеобеспечения, снабжающая необходимым городское население и профессионалов, от которых зависит государство (Brumfiel 1980).

В терминах теории эволюции фонд ренты представляет собой конечную и наиболее обременительную форму давления политической экономики на экономику домохозяйства, начиная с вынужденных даров производителя одному или нескольким бигменам, переходя к дани, которую требует могущественный вождь, и заканчивая легально санкционированным правом земельных собственников и бюрократии на долю от произведенного крестьянами. Доход, предназначенный для потребления крестьянского домохозяйства, дает только фонд жизнеобеспечения. Но он представляет собой малую и часто недостаточную часть общей продукции, остающуюся после взносов в церемониальный фонд и фонд ренты.

Исследуемые в этом разделе случаи демонстрируют, как государство влияет на все происходящее на каждом из уровней экономики, проводя интенсификацию производства такими методами, как ирригация и использование фабричных орудий и удобрений, региональную интеграцию экономики через рынки труда и продуктов и способствуя расслоению рабочей силы, приводящему к образованию первичных производителей, собственников, управляющих и бюрократов.

Два из рассматриваемых здесь случаев могут служить иллюстрацией к обсуждению продолжающегося процесса проникновения мирового рынка в локальную экономику. В Бразилии и на Яве экономика приобрела этот двойственный характер после того, как лучшие земли, на которых первоначально выращивали крахмалосодержащие продукты для жизнеобеспечения популяции земледельцев, стали использоваться под сахарный тростник. И хотя у локальных популяций, отказавшихся переключиться на получение товарного урожая, имелся доступ к необходимым для пищевого производства землям, началось развитие маргинальных районов с помощью государственных

инвестиций в технологии, гарантировавших быстрый рост пищевого производства. Участие фермеров в рынке труда распространилось повсюду, где сохранялись самодостаточные фермерские домохозяйства.

Случай 17. Бразильские издольщики Буа-Вентура

Первый из предложенных в этом разделе случаев показывает особенности экономики зависимых крестьян, живущих под непосредственным контролем землевладельцев. Главной производственной единицей здесь является домохозяйство нуклеарной семьи, связанное с прочими домохозяйствами, с землевладельцами и элитами узами дружбы, поддерживаемыми частыми обменами даров. Несмотря на достаточно засушливый климат и неподходящую для ирригации местность, усилия со стороны правительства и грамотное управление землепользованием сделали возможным значительное увеличение количества людей, производящих основные культуры для собственного потребления, и помогли землевладельцам создать условия для разведения скота и выращивания хлопка и других продуктов на продажу. С нашей точки зрения, землевладелец является своего рода посредником в отношениях между крестьянином и политической экономикой государства. В более коммерциализованных экономиках значение таких патерналистских посредников снижается, что доказывает растущее господство рынка на всех уровнях экономики.

Окружающая среда и экономика

Крестьяне Буа-Вентура являются арендаторами *fazendas* в штате Сеара на северо-востоке Бразилии. Это регион, характеризующийся наличием различных зон, среди которых следует отметить богатую, плодородную, влажную *литораль* вдоль побережья и истощенный полусухой *сертан* во внутренних районах (А. Johnson 1971a). До завоевания этих мест европейцами *литораль* заселяли воинственные садоводы и сельские жители тупинамба², выращивавшие подсечно-огневым способом корне-

2. Тупинамба (Tupinamba) представляли собой группу родственных по языку племен (тупиникин, каэте, арапае и др.), которые в XVI веке при численности около 40 тыс. чел. населяли побережье Бразилии от современного Рио-де-Жанейро до устья реки Амазонки. Их язык входил в группу тупи-гуарани семьи тупи. Тупинамба оказались на переднем крае колонизации и быстро исчезли. К XVIII веку язык тупинамба, смешавшийся с португальским, превратился

плоды и маис в садах, подобным тем, что мы описывали при рассмотрении случая яномамо в разделе 6. В редконаселенных внутренних районах жили охотники и собиратели.

Вскоре после европейского завоевания литораль стала использоваться для производства экспортных культур, в особенности сахара. Поскольку эти земли оказались теперь практически недоступными для размещения пищевых культур, то фермеры постепенно заселили полузасушливый сертан, где начали выращивать основные культуры на продажу и разводить скот, снабжая побережье мясом и тягловыми животными. Рабочую силу на эти внутренние *фазенды* поставляли крестьянские семьи, занятые производством жизнеобеспечения, которые использовали садоводческие методы своих предшественников — коренных американцев. В этнографическом настоящем (1966–1967 годы) мы обнаруживаем в Сеара экономику жизнеобеспечения, почти не отличающуюся от садоводства до эпохи завоевания, за исключением того, что ее дополняет экспортная экономика, направленная на производство хлопка, сахара, какао, скота и других товаров первой необходимости.

Плотность населения сертана выросла за последний век примерно до 30 человек на квадратную милю, прежде всего благодаря строительству крупных резервуаров и ирригационных систем. В сертане в основном находятся домохозяйства, состоящие из нуклеарных семей, которые самостоятельно принимают экономические решения, касающиеся индивидуальных участков или больших *фазенд*. Подавляющее большинство составляют фермеры, занимающиеся деятельностью по жизнеобеспечению и практикующие в земледелии воздействие пара на буши.

Интенсификация экономики жизнеобеспечения и создание системы производства, ориентированной на рынок, породили резкую нехватку возделываемых земель. Землей владеет в основном класс элиты, который управляет ею в целях получения собственной выгоды. Землевладельцы снабжают своих арендаторов домами, водой и землей, взамен требуя от них выращивать определенные культуры, такие как хлопок, рис или бананы, и продавать их им же по низким ценам. Выплачивая свою долю или отрабатывая трудодни на *фазенде*, арендатор отдает в качестве

в так называемый амазонский лингва-жерал (общий язык), на котором все еще говорят 8 тыс. чел. (1998) в Бразилии, Колумбии и Венесуэле. Гравюры Дюрера и Бургкмайра, изображавшие тупинамба, вывезенных в Европу А. Веспуччи, дали толчок такому своеобразному явлению, как тупинамбизация (У. Стёртевант): особенности внешнего вида этих индейцев надолго остались эталонными в изображении всякого дикаря (корона из перьев, короткая юбочка и пр.).

ренды в совокупности приблизительно от 25 до 30% всего произведенного.

В садах, остающихся под паром до восьми лет, издолщники уничтожают вторичные заросли подсечно-огневым способом. Из-за высокого риска возгорания кустарника во время длительного засушливого сезона на границах своих садовых участков работники тщательно расчищают противопожарные канавы, подметая их вениками из веток. С началом дождей они сажают на полях разные культуры, такие как маис, маниок, бобы, сквош, кунжут, арахис и картофель. На второй год число пищевых культур сокращают, чтобы отвести место под древовидный хлопчатник³, который на третий год остается единственной культурой и возделывается еще несколько лет, после чего поле оставляют под паром.

Практически все продукты питания издолщники получают из садов и от своих животных, которых кормят теми же продуктами из садов. Когда режут свиней и коз, мясо делят, возмещая им сделанные ранее дары. Основной белок поступает от бобовых культур, считающихся в этом регионе «сильной пищей» (*comida forte*), без которой еда не полноценна. Время от времени мужчины, снаряженные винтовками, охотятся на мелких птиц или грызунов; рыболовные участки контролируются землевладельцами, и там рыбачат профессионалы, с которыми заключаются контракты. Но роль пищи из природных источников в экономике крестьянского домохозяйства сравнительно невелика.

Каждое фермерское домохозяйство обрабатывает определенный участок земли с четкими границами и решает, когда, что и в каком количестве сажать, когда пропалывать и т. д., без указаний сверху. Домохозяйства берут на себя большинство рисков производства и поэтому представляют собой не сельскохозяйственных рабочих, а крестьян; но землевладелец при желании может согнать их с земли, что делает их зависимыми, в отличие от крестьян-землевладельцев. Наличие такой зависимости

3. Кунжут, или сезам (*Sesamum indicum*) — однолетнее травянистое растение, в дикой природе встречающееся в тропической Африке; масличная культура, семена которой широко используют, например, в кулинарии. Превосходит большинство пищевых продуктов по содержанию кальция (до 1,4 г на 100 г семян кунжута). Древовидный, или индокитайский, хлопчатник (*Gossypium arboreum*) — самый высокорослый из видов этого рода (высотой 4,5–6 м); черные, голые семена, как бы сросшиеся вместе, образуют конусовидную массу. Является поставщиком желтого волокна высокого качества (хлопка) — важнейшего сырья в текстильной промышленности. Из семян получают хлопковое масло, которое используется в пищевой отрасли.

и личных связей с землевладельцами и иными элитами были ранее присущи и фермерам, обнаруженным в вождествах.

Количество осадков в сертане непредсказуемо, постоянную угрозу несут вредители сельского хозяйства, а земля, на которой работает крестьянин, ему не принадлежит. Такая неопределенность приводит к экономическим и социальным стратегиям, нацеленным на усиление безопасности, пусть даже в ущерб прибыли (A. Johnson 1971b). Например, издольщик не пытается увеличивать производство, засаживая лучшие земли единственной культурой, но высаживает разнообразные культуры в максимально возможном количестве микросред: на сухих склонах холмов, на плодородных берегах рек, в руслах рек в засушливое время года, во влажных почвах, располагающихся в низинах, и по краям водных бассейнов (Johnson 1972). Вне зависимости от того, будет год влажным или сухим, в кладовую фермера, распределяющего риски, гарантированно поступает некоторое количество продуктов. Такое управление рисками происходит на уровне домохозяйства и, конечно же, не включает в себя стратегии, используемые местными лидерами на уровне группы.

Другая стратегия заключается в сохранении годового запаса пищи в урожайные годы для последующей продажи излишков на рынке. У такой стратегии домохозяйства по обеспечению безопасности есть два важных следствия. Во-первых, общее количество попадающих на рынок продуктов питания не является постоянным в разные годы, что ведет к отсутствию стабильности в снабжении городского населения необходимыми продуктами, а это может привести к политическим беспорядкам. Во-вторых, на рынок излишки пищи попадают в одно и то же время, если крестьяне довольны произрастанием новых культур, и это происходит раньше, чем с новым урожаем падают цены. По этой причине рыночная цена таких важнейших культур, как маис и бобы, начинает падать за один-два месяца до того, как первые урожаи поступают на рыночные торги, и крестьянам за произведенные продукты платят меньше, чем это было бы при иных обстоятельствах.

Может показаться неожиданным, что отсутствие безопасности не ведет к полному отказу от инноваций и экспериментов, как считали некоторые исследователи крестьянского земледелия (Schultz 1964; Wolf 1966a: 16). Так же как и фермеры, издольщики интересуются новыми сортами и технологиями. Мужчины обмениваются информацией о новых культурах, которые они видели в своих поездках, и пытаются получить их семена для посадки. Они проводят на своих участках контрольные эксперименты, высаживая рядом два сорта семян или применяя

две техники выращивания, чтобы определить, какие из них лучше. При этом они внимательно относятся к сопутствующим рискам и стараются их минимизировать, ограничивая зоны инноваций маленькими экспериментальными участками так, чтобы неурожаи не могли нанести большого урона домохозяйству.

В действительности, несмотря на существование большого количества схожих идей, методов и практических решений, принимаемых фермерами-арендаторами, садоводческие практики обладают поразительной степенью индивидуальной вариативности. Причины этого различны. С одной стороны, число производителей и потребителей отличается в каждом домохозяйстве, что оказывает влияние на то, сколько земли отводится под производство. С другой — фермеры обычно считают правильным свое мнение по вопросам организации земледелия, даже если оно не совпадает с мнением соседей. Это ведет к бесконечным разногласиям и даже ссорам между арендаторами, которые обычно поддерживают дружественные отношения. И наконец, существуют различия в интеллектуальных и практических способностях индивидов, так же как и в их мотивациях, что отражается на имущественных различиях и престиже домохозяйств (cf. Cancian 1972).

Однако следует отметить, что при этом издольщики сертана живут на грани выживания и значительно теряют в весе в месяцы, предшествующие получению нового урожая. Зачастую самые бедные семьи не могут делать годовые запасы пищевых продуктов и поэтому испытывают недостаток в пище именно тогда, когда их работа требует больших затрат сил. Дети получают меньше пищи, чем им должно было бы доставаться на основании равного распределения (cf. Gross and Underwood 1971); отмечается высокий уровень детской смертности и дистрофии. В те нередкие годы, когда выпадает мало осадков, страдает большее число семей; а в засуху все крестьянские домохозяйства сталкиваются с серьезной угрозой для выживания. Вследствие этого в целях усиления безопасности, помимо использования стратегий, нацеленных на распределение рисков в пищевом производстве на уровне домохозяйства, фермеры начинают использовать различные социальные средства.

Социальная организация

Автономия домохозяйства является основной целью для всякой семейной пары, стремящейся стать *донус ди каза* (хозяевами дома) своего жилища. Муж трудится на полевых работах, ухаживает за урожаем и выполняет иные трудовые обязательства,

чтобы получить дополнительные денежные средства. Жена занимается домашним хозяйством, готовит пищу, стирает белье у ближайших водоемов и растит детей. И хотя культура региона характеризуется в целом гендерным стандартом, предоставляющим мужчинам большую свободу действий, в действительности супруги равны в производственном отношении, ценят это и относятся друг к другу с уважением. Как и в других крестьянских сообществах, отцам демонстрируют уважение и им подчиняются, а матери играют очень важную эмоциональную роль в семье, противоречащую их зависимому с точки зрения культуры положению.

Родство в качестве источника общественной безопасности менее важно для бразильских издольщиков, чем для большинства групп, о которых говорилось в предыдущих разделах. Издольщики говорят, что родственники ненадежны и не представляют особой ценности. Хотя в действительности группы родственников, проживающие на *fazende*, образуют в ряде мест кластеры (A. Johnson and Bond 1974), и даже родственники, живущие на некотором удалении от *fazendas*, поддерживают тесные узы обмена, тогда как во многих других случаях они образуются только между близкими соседями.

Акцент в социальных отношениях между домохозяйствами арендаторов делается на дружбе. Фостер (Foster 1961) и Вулф (Wolf 1966b) утверждали, что для социальной организации крестьянских сообществ дружба имеет важное значение. Прибегая к модели обоюдного договора, Фостер объясняет характерные черты дружеских отношений в мексиканской деревне следующим образом.

1. Отношения всегда обоюдные. Хотя дружба двух людей неизбежно ведет к установлению отношений с друзьями друзей, обоюдные договоры структурированы и минимизируют расширение этих связей таким образом, чтобы друзьям не нужно было брать на себя ответственность за всю сеть социальных и экономических обязательств.
2. Кратковременные обмены обычно не сбалансированы, то есть один из друзей остается в долгу у другого. Долг, который переходит от одного к другому по мере того, как за дар расплачиваются даром, рассматривается как знак доверия, и любая попытка выплатить долг сполна воспринимается как намерение положить конец дружбе.
3. По истечении длительного периода обмены должны быть сбалансированы, чтобы каждому из друзей они представлялись справедливыми (cf. Nomans 1958).

4. В дружеские отношения вступают и выходят из них свободно. Таким образом, дружба в основе своей отлична от родства, долгой кабалы, пеонажа⁴ и иных структурированных социальных отношений, от которых невозможно с легкостью отказаться. Значение дружбы для экономики крестьянского общества обуславливается тем, что сеть из друзей создается на основе собственных интересов и личной выгоды, а друзей, не способных сохранять свое влияние, оставляют или сторонятся.
5. Поскольку дружба характеризуется невысокой степенью прочности и строится на слабо структурированном фундаменте, то для сохранения жизнеспособности и надежности отношений друзьям необходимы частые обмены. Большинство даров, которыми обмениваются друзья, незначительны и представляют собой символические знаки дружбы. Люди избегают явной демонстрации благодарности, поскольку она может интерпретироваться как выплачивание долга сполна с целью разорвать отношения.

У бразильских издольщиков повышение уровня экономической надежности и благосостояния домохозяйства зависит от дружеских отношений. Через сети друзей мужчины и женщины по отдельности получают свежее мясо; сельскохозяйственные культуры, не произрастающие в их собственных садах; небольшие суммы займы; трудодни в случае нехватки рабочей силы; необходимые орудия труда и прочие специфические формы ссуды. Они прилагают много усилий для установления и поддержания дружеских отношений; и, если их попытки оказываются безуспешными, они испытывают горькое разочарование. Близкие родственники и соседи, живущие неподалеку, часто устраивают дружеские обмены. Но поскольку большое количество друзей может стать обременительным, то индивиды ограничиваются двумя или тремя близкими дружескими отношениями. Так, в более крупных родственных кластерах не все члены группы обмениваются на равных; некоторые родственники ведут себя как друзья, тогда как остальные в экономических вопросах относятся друг к другу как люди, не состоящие в родстве.

Фостер (Foster 1961) показывает, как такое родство, не носящее регулярный характер и ориентированное на отдельных индивидов, отличается от жестко структурированного и сфо-

4. *Пеонаж* (от исп. *peón* — поденщик, батрак) — характерная для испанских колоний в Америке форма эксплуатации, основанная на превращении крестьян богатым помещиком-латифундистом (или предпринимателем) в наследственных должников (пеонов).

кусированного на группе родства в обществах, занимающихся интенсивным садоводством. Помимо этого, друзья повсеместно осуществляют важные вклады в усиление экономической надежности и самостоятельности домохозяйств: там, где родственные группы контролируют индивидуальную экономическую жизнь членов группы, друзей стараются выбирать не из числа родственников, чтобы помогать друг другу в случае опасности вторжения родственной группы (A. Johnson and Bond 1974). Хотя Буа-Вентура и представляет собой популяцию деревенского уровня, насчитывающую примерно 300 человек, ее можно назвать сообществом лишь потому, что она является субъектом политического управления со стороны землевладельца. Экономически значимые группы в повседневной жизни бывают куда более маленькими, чем сообщество *фазенды*, и ограничиваются кластерами из родственников и друзей размером с село. Этот распад основанного на родстве деревенского сообщества в ходе эволюции региональной политики представляет собой один из наиболее важнейших коррелятов рыночной интеграции и усиливающегося расслоения.

Вовлеченность в рынок

Следует сказать, что, в дополнение к описанным выше ответам общества, слишком малые размеры хозяйств и непредсказуемость урожаев вынуждают издольщиков вовлекаться в рыночные отношения. Чтобы поднять свой ничтожный доход, издольщик по совместительству часто занимается и ремесленными видами деятельности, а чтобы повысить уровень безопасности в случае неурожая, он продает сельскохозяйственные излишки, полученные в урожайные годы. Обмены на индивидуальной основе интегрируют сообщество *фазенды* и выходят за его пределы.

Обычно на *фазенде* находится целый ряд специалистов. Наибольшим спросом пользуются кузнецы, занимающиеся ковкой и починкой орудий; плотники, изготавливающие двери, окна и мебель; и каменщики, строящие здания. Все эти профессионалы являются сами издольщиками, увеличивающими свои доходы благодаря работам по совместительству; за свою работу они получают меньше, чем специалисты, живущие в городах, но при этом обладают большей безопасностью. У городских специалистов нет садов, восполняющих недоимки, если у клиента нет денег для оплаты их работы, и, чтобы выжить, им необходимы влиятельные родственники или покровители. Один плотник, в 1966 году покинувший *фазенду*, чтобы попытаться счастья в городе, вернулся в 1967 году обратно; его сбережения уничтожило

гибельное для финансов полугодие; у него, не имевшего покровителя, не было возможности получить от клиентов то, что они ему задолжали (А. Johnson 1971a: 90–91).

В случае необходимости можно воспользоваться услугами специалистов с других *фазенд*, но большинство домохозяйств арендаторов приобретают вещи, которые не в состоянии производить сами, в магазинах на *фазенде* или за ее пределами. Эти магазины снабжаются товарами с городских рынков, но крестьяне редко ходят на эти рынки. Они совершают покупки и продают свои урожаи и товары через землевладельца и владельцев магазинов, с которыми стараются поддерживать близкие отношения, похожие на узы дружбы.

Их попытки выращивать урожай на продажу или применять наемный труд неизменно терпят неудачу, либо потому, что они не способны контролировать различные факторы производства (например, у них нет транспорта, без которого невозможно продать скоропортящиеся товары), либо потому, что размер получаемой ими прибыли слишком мал, чтобы в течение долгого времени выдерживать риски производства (например, потери из-за плохой погоды в какой-то год могут превышать прибыль в урожайный год).

В таких системах рынок находится под контролем посредников и элит. Землевладельцы собирают все произведенное на *фазендах* и отправляют товар на склады или в иные сельские накопительные центры, где его хранят, частично обрабатывают или пакуют, а затем переправляют дальше. Рынки представляют собой место, где городские жители покупают продукцию, оптом приобретенную на товарных складах посредниками, которые затем разбивают ее на партии для перепродажи небольшими количествами. Некоторые фермеры сами продают свою продукцию на рынке, но это скорее самостоятельные огородники, выращивающие урожай на продажу, а не издольщики с удаленных *фазенд*.

Торговля и политическая экономика

Любой издольщик на *фазенде* может покупать товары в различных лавках, а поскольку цены на отдельные вещи различаются, то, прежде чем заплатить за вещи, он присматривается и выбирает. Обычно наиболее привлекательные цены бывают в магазинах, которые принимают оплату только наличными и никогда не дают в кредит. Однако издольщики, как правило, не могут позволить себе всякий раз платить наличными; в мертвый сезон для выживания им жизненно необходим кредит, а чтобы

его получить, надо стать верным покупателем (*freguês*) у одного издольщика, цены у которого выше, поскольку он, продавая в кредит, избегает повышенного риска в случае неплатежей. А поскольку стоимость кредита закладывается в цену продуктов, то по иронии судьбы самым бедным приходится платить за них больше, чем их экономически более благополучным соседям, в полном соответствии с универсальным принципом «бедный платит больше» (Caplovitz 1963). Издольщики это очень хорошо понимают, но при этом не могут отказаться от гарантированной возможности получать в кредит бобы, муку из маниока, керосин и масло для приготовления пищи, когда нет денег, а семья голодает.

Сходным образом строятся и отношения с землевладельцем. Зависимые крестьяне видят в нем не «наибольшего социального врага крестьянина» (Quijano 1967; cf. Feder 1971), а потенциального союзника, имеющего большое значение для их благосостояния. Они стремятся любыми способами превратить его в своего покровителя, чтобы привлечь его личные ресурсы и сети из влиятельных людей и клиентов, посредством которых он может оказать практически любую услугу арендатору.

В то время как один из авторов проводил в этом районе полевые работы, там произошли изменения, касающиеся порядка владения *fazendas*. Прежний собственник, известный как Жене́рал (генерал), продал *fazenda* богатому торговцу по имени Сеу Кловис. Хотя Сеу Кловису были близки идеалы демократии и он уменьшил повинность арендаторов (фонд ренты), последние были им недовольны, и чуть ли не все хотели, чтобы вернулся генерал. Но почему?

Одной из причин являлось то, что семья генерала считалась старой и влиятельной, а сам он занимал высокие должности, а Сеу Кловис, хоть человек и богатый, происходил из более низкого класса. Арендаторы не только разделяли ценности общества, в котором старая землевладельческая аристократия занимала более высокое положение, чем новый торговый класс, но к тому же понимали, что статус генерала из высшего класса позволял ему иметь куда более сильное политическое и экономическое влияние, которое можно было использовать.

Тем не менее доступ хозяина к ресурсам считается менее важным, чем его готовность использовать этот доступ на благо арендаторов. От своих издольщиков генерал требовал долю выше той, что хотел Кловис, но они видели в нем более щедрого хозяина. Генерал мог скупать и продавать урожаи в своей собственной лавке, предоставляя возможность арендаторам получать продукты и деньги в кредит (хотя и по более высоким процент-

ным ставкам). Семьи, в которых были больные дети, он снабжал молоком и фруктами из орошаемых садов. Свое влияние он использовал, чтобы заступаться за арендаторов в институтах государственного уровня: например, у него был арендатор, которого арестовали, но по его просьбе сразу выпустили из тюрьмы; однажды он вытребовал помощь у правительства, чтобы бесплатно госпитализировать больную раком женщину.

Кловис упразднил лавку компании как эксплуататорскую, начал продавать свои молоко и фрукты с целью получения прибыли, но у него не хватало политического влияния, чтобы защищать людей, как это делал генерал. И хотя щедрый генерал не терял прибыли, поскольку денежные поступления от ренты у него были выше, чем у Кловиса, он все равно считался более сильным покровителем и защитником. Этот имидж, несомненно, усиливался и определенной гордостью за свой класс, и бравадой, которые были присущи генералу, в противоположность куда большей непритязательности в поведении Кловиса, человека из среднего класса.

Аграрные государства часто организуются по-феодалному в виде восходящих цепочек патронажа (Silverman 1965). Наверху могущественные покровители контролируют основные ресурсы, такие как деньги правительства на ирригацию, строительство дорог, приобретение сельскохозяйственных машин и социальные службы. Эти деньги они ассигнуют клиентам более низкого уровня, которые, в свою очередь, являются патронами для мелких землевладельцев и местных политических лидеров. Каждый патрон уровнем ниже перераспределяет деньги между своими клиентами, получая взамен политическую поддержку не только для себя, но и для своего покровителя уровнем выше (Greenfield 1972). Например, генерал регулярно говорил своим арендаторам, как надо голосовать, а в день выборов доставлял их на грузовиках на избирательные участки. Сеу Кловису хотелось оставаться аполитичным, поэтому эту функцию (на выполнении которой настаивали арендаторы, не знающие, за кого голосовать) взял на себя его управляющий, тем самым усилив собственную политическую власть.

Связи «клиент — хозяин» настолько важны для зависимого крестьянства, что продолжают существовать до настоящего времени, несмотря на множество присущих им противоречий. Хозяина идеализируют как лицо, обладающее родительскими качествами; его часто называют отцом, который защищает своих подопечных и заботится о них; клиенты же — его «дети», и от них ждут лояльности и преданности. И хозяин, и арендаторы открыто признают, что их связь в основе своей носит инстру-

ментальный характер и работает, если оба партнера считают существующий обмен справедливым. Издольщики на *фазендах* северо-востока Бразилии поставляют землевладельцу свой труд, голоса избирателей и другие вещи или ценности, и очевидно, что они могут уйти к новому хозяину, если старый перестанет выполнять свои обязательства по обмену.

Как и бигменам, патронам необходимо потворствовать своим верным сторонникам и демонстрировать щедрость; но связи «клиент — хозяин» — это также и отношения власти в классовом обществе, и в этом патрон не похож на бигмена. В итоге за фамильярными выражениями и упованиями на справедливый обмен стоит полиция и военная мощь государства, — мощь, которая может быть и будет использована для сохранения различий в доступе к богатству и ресурсам. Зависимые крестьяне не спорят по поводу того, оплачивать им фонд ренты или нет; для них важно, насколько большим этот фонд будет и какие дополнительные льготы предложит патрон.

В стабильном аграрном обществе большинство крестьян не видит альтернативы такой классовой структуре. Можно сказать, что господствующее у них мировоззрение — это сознание клиента, типологически противоположное сознанию пролетария. Зависимому крестьянину в его зависимости видится источник безопасности и силы (Hutchinson 1966). Он чувствует себя в изоляции в обществе, где либо нет механизмов защиты демократических идеалов и общественной безопасности, либо они еще не достигли крестьянства. В других арендаторах он не видит потенциальных союзников по политическому движению, с которыми можно объединиться в профсоюзы, чтобы добиться безопасности и прямого политического влияния на программы правительства. Он скорее рассматривает собратьев-арендаторов как бессильных и нуждающихся, подобно ему самому, или как потенциальных соперников в борьбе за благосклонность их общего хозяина. За исключением собственных друзей и родственников, он окружен настороженными конкурентами, принадлежащими к тому же, что и он, классу.

Для всех крестьянских экономик важны личные узы и патронаж; в представленном нами здесь примере, в отличие от многих других, наиболее важную роль играет один патрон. Как мы увидим, в крестьянских деревнях часто имеются политические и церемониальные институты, которые усиливают экономическую безопасность крестьян и выступают их посредниками во взаимоотношениях с государством. В иных случаях отдельные крестьянские домохозяйства для обеспечения безопасности направляют свои усилия в разные русла и стараются найти раз-

личных патронов, включая врачей, аптекарей, нотариусов, лавочников, начальников в рабочих бригадах и даже зажиточных крестьян. Но главная цель всегда заключается в том, чтобы перевести обезличенные бюрократические и инструментальные элементы политической экономики государства (рынки, суды, полицию, налоговую службу и пр.) в личные узы зависимости от известных и надежных патронов.

Недавние изменения

Значительные изменения были задокументированы в ходе последующих полевых исследований в Буа-Вентура, которые проводились Карозу Суаресом в 1981 году (Caroso Soares 1982) и им же совместно с А. Джонсоном в 1988 и 1989 годах (Johnson 1999). Несмотря на то что и две декады спустя общий план *фазенды* был по-прежнему тем же и многие семьи, как обнаружилось, занимали те же самые дома, в целом будущее крестьянского способа жизни было поставлено под вопрос фундаментальными изменениями в политической экономике.

Изменения эти начали проявляться еще при переходе генеральской *фазенды* в собственность Сеу Кловиса во время первого исследования в начале 1960-х годов. Сдвиг от ориентированного на престиж собственника, который сам несет традиционную ответственность по отношению к подопечным, к бизнесмену нового типа, ориентированному на прибыль, изначально мотивированному на увеличение своего личного богатства, в миниатюре отражает экспансию современного рынка и превращение крупных сельских землевладений феодальных государств в капиталистические фермы, появляющиеся в Бразилии и во многих других развивающихся регионах мира (Wolf 1969).

Этот сдвиг наглядно отражается в наборе специфических черт, характерных для Буа-Вентура конца 1980-х годов.

1. Количество семей арендаторов сократилось на треть — с 45 до 30.
2. Сеу Кловис существенно урезал ту часть леса из колючки (*мата*) на пригорках, которую собирался пожаловать арендаторам для расчистки под сады. Он обосновывал этот шаг рассуждениями об устойчивом развитии и угрозе обезлесения. Но фактической его мотивацией было стремление увеличить поголовье собственного стада, которому в качестве фуража требовалась *мата*. Арендаторы восприняли это изменение с горечью, поскольку оно вынуждало их расчищать менее плодородный вторичный лес на мелкие деланки и без

ощутимой пользы. При этом один из сыновей Сеу Кловиса при всякой возможности скупал скот и пригонял его в Буа-Вентура, пополняя стадо своего отца.

3. Одновременно на прибрежных речных землях (наиболее благоприятных для посадок и используемых арендаторами как защита от засухи) Сеу Кловис решил посадить сахарный тростник. Поддерживаемая правительством Бразилии программа по переработке тростникового сока в спирт (этанол) для автомобилей создала экономическую ситуацию, в которой это стало приносить высокую прибыль. И снова протесты арендаторов были напрасными.
4. Сеу Кловис перестал ценить труд арендаторов, как это было при генерале, на что указывает сокращение их числа. Он даже нанял временные бригады с побережья, которые резали тростник до тех пор, пока его арендаторы не стали судиться с ним из-за того, что лишились возможности получать дополнительные деньги на этих работах. Но сыновья землевладельца заявили, что когда-нибудь у них будет *фазенда*, с которой они сгонят всех фермеров-арендаторов, полностью заменив их труд на наемный, чтобы удовлетворить свои потребности. Они видели в этом ключевой шаг к модернизации *фазенды* в целом, следуя модели окрестных, уже модернизированных *фазенд*.
5. Неудивительно, что на территориях между крупными *фазендами* стремительно увеличилось число самостоятельных участков. Отчасти ими владели представители нового поколения арендаторов, которые покупали маленькие участки под дом, чтобы построиться, когда на это появятся средства, — первый шаг на пути их бегства (*escapar*) с фазенды; если это были хорошие работники, то землевладелец позволял им продолжать обрабатывать его землю по контракту издольщика, даже если они уже переехали в свой собственный дом вне *фазенды*. Когда придет время и арендаторов попросят покинуть Буа-Вентура, у некоторых из них будут свои домашние участки, и они смогут подыскать себе другие земли, чтобы на них издольничать. Другие же, а скорее большинство, останутся безземельными, и у них не будет большого выбора.
6. Большое значение имела и новая правительственная программа социального обеспечения, которая позволила даже неграмотным арендаторам зарегистрироваться для получения пенсии по старости (*aposentadoria*) с 66 лет и затем являться ежемесячно в ближайший муниципальный центр для получения пенсии в банке. Сельская беднота и средний класс остались довольны этим нововведением, которое, как они считают, спасло их.

7. Потенциально значимым для арендаторов явилось учреждение в окрестном городе Мадалена общественного медицинского поста. Хотя в 1989 году в наличии там были не лекарства, а противозачаточные пилюли, а часы приема были резко ограничены из-за нехватки персонала, но в перспективе при оказании медицинских услуг это могло бы заполнить огромную брешь и повысить безопасность арендаторов, которую они раньше находили только в своих хозяевах.
8. Когда была проведена электрификация села, землевладелец привез из города в свой особняк старый черно-белый телевизор и выставлял его каждый вечер на веранде, чтобы все, кто хотел, могли бы смотреть популярные *теленовелас* (мыльные оперы) по *Rede Globo* — основному бразильскому каналу. Перед *теленовелас* шли программы национальных новостей, содержащие информацию о событиях в стране, от политики до природных катастроф. Помимо этого, *теленовелас*, будучи фильмами о любви, власти и богатстве белых и состоятельных протагонистов, изображали сцены современной жизни с потребительскими товарами и городскими занятиями. Наряду с прочим, они показывали ценности и жизненные устремления среднего класса и давали информацию о деяниях бразильской политики и законных правах ее населения.
9. Также арендаторы указывали на растущее использование ими потребительских товаров, из которых наибольшее распространение получили велосипеды и алюминиевая мебель. Велосипеды, заместившие прежнее транспортное средство — осл, широко упоминаются арендаторами как свидетельство прогресса.
10. Новая конституция Бразилии дала сельскохозяйственным рабочим права, включая беспрецедентные права, обеспечивающие проведение земельной реформы. Этим правам их учат радиопрограммы, телевизионные новости и местные активисты, как религиозные, так и светские, и ободряемые ими арендаторы начинают действовать. Несмотря на то что в массе они остаются беспомощными, а потому и нерешительными, арендаторы обсуждают тем не менее эти новые права и ищут способы их добиться. Например, в Буа-Вентура имеется отрезок земли довольно большого размера, который зарегистрирован на имя землевладельца не так, как положено. И группа семей начала требовать эту землю себе, что привело к напряженным отношениям с Сеу Кловисом.

Сетевой эффект этих изменений заключается в том, что состоящее из зависимых фермеров-арендаторов крестьянство транс-

формируется, отчасти по собственному желанию, а отчасти по необходимости, в более независимый и самодостаточный рабочий класс издольщиков, наемных рабочих и мелких земельных собственников. То, как арендаторы отзывались о землевладельце в 1989 году, разительно отличается от того, что говорилось в 1967 году и что можно резюмировать следующей формулой, которую часто повторяли и принимали со спокойствием: «Сеу Кловис мало что делает для нас, но и не вмешивается в нашу жизнь». И хотя кое-кто все еще протягивает свою руку со сжатыми в кулак пальцами, иллюстрируя скупость Сеу Кловиса, люди все больше и больше высказываются по поводу своей нужды в хозяевах так: «*A gente arranja o patrão quando precisa*» («Ты можешь найти патрона, когда он тебе понадобится»). Эти новые убеждения, связанные в том числе с растущей эффективностью правительственных служб, особенно распространены среди молодых домовладельцев. Они недвусмысленно говорят о том, что землевладелец уже не такая важная фигура в их жизни, как это было в прошлом.

Случай 18. Китайские крестьяне Дайдоу

До революции 1949 года Дайдоу представляла собой земледельческую деревню с населением примерно в 700 человек в провинции Шаньдун на северо-востоке Китая (Yang 1945). Несмотря на то что это была крестьянская экономика, она сильно отличалась от бразильской *фазенды*. В особенности следует упомянуть два основных отличия. Во-первых, плотность населения в регионе Дайдоу в 10 раз превосходила плотность населения в бразильском сертане и колебалась в пределах от 300 до 500 человек на квадратную милю. На рисунке 13 показано, насколько густо деревни заполняют китайскую территорию. Во-вторых, до 1949 года крестьяне Дайдоу были в основном независимыми землевладельцами, а не арендаторами чужих земель (cf. J. Buck 1937: 9), как это было в это время на территории почти всего Китая. Фактически за тысячелетия в Китае с помощью рынка сложилось интегрированное общество с государством, финансируемым благодаря материальным ценностям, создаваемым за счет бумажных денег, взимания налогов и банковского дела. Семейная экономика китайского крестьянина была ориентирована на приобретение и использование земли, а в условиях выраженной нехватки земель — на покупку и продажу продуктов на рынке.

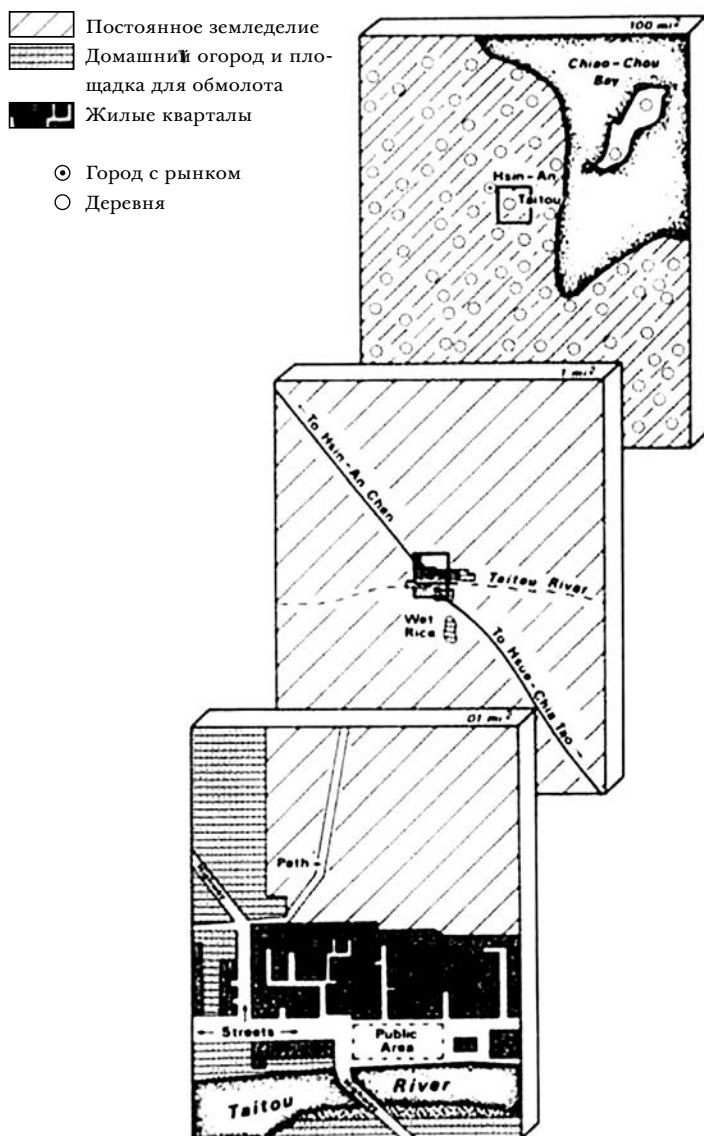

РИС. 13. Тип расселения в сельскохозяйственном Китае
 Ландшафт плотно наполнен деревнями, каждая из которых привязана к городу с рынком. Каждый квадратный сантиметр земли используется для садовой террасы, рисового поля, тропы, дороги или поселения. Каждое поселение разделено на кварталы с частными домами, расположенные вокруг центрального общественного парка

Экономика жизнеобеспечения

Регион Дайдоу является одной из древнейших сельскохозяйственных областей в Китае. Практически все его земли использовались людьми. Исключительное значение имеют различия в микросредах, поэтому у большинства семей есть небольшие земельные участки в разных зонах: песчаниковых нагорьях, где на сельскохозяйственных террасах выращивают сладкий картофель и земляной орех; равнинных полях с более вязкими почвами, где произрастают просо и пшеница; и крошечных ценных наделов, занятых под заливное рисоводство. Согласно Яну (Yang 1945: 14):

Даже в окрестностях одной деревни имеется широкий выбор почв в зависимости от их ценности. Выраженная фрагментация препятствует тому, чтобы вся земля определенного качества оказалась в распоряжении одной или нескольких семей, что снижает для них возможность недорода. Поскольку для различных культур подходят разные земли, то семья, владеющая землями в нескольких местах, может выращивать различные пищевые продукты и почти всегда получать какой-то урожай и быть самодостаточной и, следовательно, мало нуждаться в торговле.

Главными пищевыми продуктами рациона являлись просо, сладкий картофель, пшеница, земляной орех и соевые бобы. Дополняли их ячменем, кукурузой и рисом, выращиваемыми на полях; а также капустой, репой, луком, чесноком, редиской, огурцами, шпинатом, стручковой фасолью, сквошем⁵, персиками и дынями, выращиваемыми на маленьких огородах.

Крестьяне Дайдоу практиковали интенсивное земледелие, выращивая большое число культур и применяя сезонное воздействие пара на земли. Обычно ротация происходила между такими озимыми культурами, как пшеница и ячмень, и такими яровыми культурами, как сладкий картофель, земляной орех и просо. Большие усилия направлялись на то, чтобы на каждой фазе производства было возможно получать наилучшую продукцию. Практически все культуры требовали хорошо удобренной почвы. Семья тщательно собирала в компостную яму, расположенную рядом с жилищем, все отбросы и продукты жизнедеятельности животных и людей. Когда яма наполнялась, то ее содержимое выгребалось, засыпалось землей и оставлялось пе-

5. *Фасоль обыкновенная* (*Phaseolus vulgaris*) — одна из древнейших сельскохозяйственных культур мира; первое упоминание встречается в древних китайских летописях в 1280 году до н.э. *Сквош* — в данном случае А. Джонсон и Т. Эрл, как уже не раз отмечалось, используют название этого сугубо американского культурного растения для обозначения то ли тыквы, то ли кабачка.

регнивать. Затем компост высушивался на солнце и растирался в мелкий порошок. Туда добавляли выметенную из домашних очагов золу, сажу и даже растертые обуглившиеся кирпичи из печи и труб. Растительные отходы использовались редко, поскольку прутья, ветки и стебли растений были нужны как фураж или топливо, но продукты их переработки, как и экскременты или зола, заканчивали свой путь в куче компоста. Во время посевов крестьяне тщательно перемешивали ручную семена и удобрения, чтобы достичь правильной пропорции (добавляли также остатки соевых бобов), и затем эту смесь, тоже ручную, разбрасывали по возделанной почве. Это была скрупулезная, утомительная работа, но люди с ней справлялись. Как писал Ян (*ibid.*: 17), «человеческий труд был дешевый, а удобрений и семян не хватало».

Сладкий картофель, который был особенно важен для небогатых семей как продукт первой необходимости, требовал тяжелых затрат труда на всех фазах его выращивания. Сначала на заботливо сооружаемых теплых сырых грядках из песка рассада давала побеги, а потом ее пересаживали на обильно удобренные грядки в рассадник, где тоже поддерживался высокий уровень влажности. После снятия урожая озимой пшеницы или ячменя поле тщательно распахивалось плугом. Рассаду из рассадника отбирали и пересаживали в борозды, поливая водой из ладоней. Затем приходилось постоянно пропалывать поле, а после дождя каждое растение ручную прикапывали, чтобы новые корни не проросли наружу из борозд. Борозды требовалось постоянно подправлять. И даже когда урожай уже был собран, сладкий картофель надо было нарезать ломтиками и высушивать на солнце, чтобы его можно было сохранить. Ян (*ibid.*: 21) говорит о чрезвычайном утомлении и боли в мышцах, которыми сопровождалась культивация сладкого картофеля.

Крестьянские семьи обычно владели одним или двумя тягловыми животными (мулами или волами) и большим количеством инвентаря, а именно плугом, бороной, прополочной мотыгой, деревянными и железными граблями, серпом, вилами, тачкой. У бедных семей не было животных или орудий труда, и им требовалось найти покровителей среди более богатых крестьян, чтобы занять у них необходимые инструменты. Хотя многие семьи занимались свиноводством, сами они редко ели свинину, поскольку нуждались в получаемых от продажи свиней деньгах на приобретение жизненно необходимых в экономике домохозяйства предметов.

Немаловажное значение имели имущественные различия между семьями, хотя сильное расслоение в деревне не демонстри-

ровалось. У семей был схожий пищевой рацион, в состав которого входили такие продукты первой необходимости, как просо и сладкий картофель; но в некоторых семьях большую часть года эти продукты были недоступны или ограничены, тогда как в других люди регулярно употребляли пшеничный хлеб, рыбу и прочие ценные продукты питания. Имущественные различия обуславливались в основном количеством земли. Редкие успешные семьи владели двадцатью и более акрами земли; у большинства семей имелось примерно по 10 акров, а у самых бедных — меньше 2 акров. Поскольку имущие семьи, как правило, состояли из большего количества людей, то на каждого члена семьи не приходилось в десять раз больше земли, чем в бедных семьях; тем не менее и реальные цифры показывают значительную степень расслоения в деревне, состоящей из 700 жителей. Вследствие этого базовой характеристикой их экономики являлась конкуренция между семьями.

Социальная организация

Деревня Дайдоу представляла собой компактно заселенный район, окруженный интенсивно развитыми и разработанными землями (рис. 13). Его домохозяйства образовывали улицы из построенных почти вплотную домов, крохотных дворишков и переулков. Люди часто собирались в общественном центре на живописном берегу реки Дайдоу, где проводили время за починкой и изготовлением инвентаря и обменивались последними новостями. Вокруг этой площади стояли дома обеспеченных жителей, а небогатые люди селились ближе к деревенским окраинам.

В среднем домохозяйство состояло из пяти-шести человек. Большинство домохозяйств деревни принадлежало к крестьянам-середнякам, владеющим землей. Небольшое число богатых селян сдавали землю в аренду, а самые бедные становились наемными работниками. Богатые семьи были многочисленнее и жили в домах с большим количеством комнат. Семья демонстрировала достигнутое экономическое благополучие прочными строениями, изящной одеждой или упитанными волами, привязанными перед домом, что вызывало восхищение и зависть у односельчан. Богатая семья могла позволить себе более разнообразное питание, она руководила сложными церемониалами и, несомненно, характеризовалась более высоким уровнем жизни.

Богатые семьи, не занимающиеся накоплением и инвестированием в свое состояние, приходили в упадок. Сельчане считали, что семья не может оставаться богатой дольше четырех по-

колений; о домах престижных в прошлом семей они говорили: «Разве сейчас от них не остались лишь кучи разбитых кирпичей да обвалившиеся стены?» (ibid.: 53). Чтобы понять, на чем основаны подъемы и падения крестьянской семьи, следует рассмотреть социальную организацию экономики в Дайдоу.

Хотя считалось, что семья должна быть большой, обычно домохозяйство состояло только из одной нуклеарной семьи или — реже — расширенной за счет включения в нее одного из женатых сыновей (родовое семейство⁶). Как и следовало ожидать, в семье наблюдалось половое разделение труда, при котором в домашней сфере господствовали женщины, а во внешней (полевые работы, торговля, политика) — мужчины. Взаимодополняемость мужей и жен в экономике обеспечивала домохозяйству, ориентированному на жизнеобеспечение, большую степень экономической самодостаточности, особенно по сравнению с семьями, не занятыми в земледелии.

Тем не менее домохозяйство в Дайдоу не могло обеспечить себя полностью: требовалось производство продуктов (главным образом земляного ореха, соевых бобов и свиней) на продажу. Получаемая от продажи на рынке наличность была нужна для уплаты налогов и приобретения пищи, орудий труда и прочих товаров и услуг. Жизнь в Дайдоу требовала от земледельческих семей значительных взаимных уступок. Они не изготавливали и не чинили свой инвентарь, поэтому на определенных фазах земледельческого цикла им нужно было платить поденщикам. Женщины на рынке покупали хлопок-сырец и сами сучили из него нить; потом надо было заплатить специалистам за окрашивание и изготовление полотна, из которого они затем кроили и шили одежду. В деревне были и другие специалисты: плотник, три давилыщика соевого масла, пять или шесть каменщиков, школьный учитель и несколько человек, занимающих общественные должности.

Разделение труда в более крупной системе деревень, в которую входила Дайдоу, обнаружить гораздо сложнее. В Китае основной социальной и экономической единицей за пределами деревни было традиционное рыночное пространство⁷ (Skinner 1964). Как и около двадцати других деревень, Дайдоу по традиции вела свою торговлю на рынке в одном городе (Синаньчжэнь), расположенном от нее на расстоянии примерно в две третьих мили. Синаньчжэнь намного превышал в размерах лю-

6. Авторы употребляют термин *stem family*, где *stem* надо понимать как основную генеалогическую линию семьи.

7. В оригинале *standard market area*.

бую из крестьянских деревень, в нем были большие здания и широкие проспекты с магазинами и ресторанами, аптеки, кузницы, мастерские по изготовлению серебряных изделий, пекарни, скобяные лавки, винодельни, токарные мастерские, книжный магазин и гостиницы. В рыночные дни регулярно открывался большой рынок, и жители деревень потоками стекались в город. Эти рыночные дни были скоординированы с остальными традиционными рынками в регионе таким образом, чтобы объезжавшие свою округу лудильщики и розничные торговцы успевали перебираться с одного рынка на другой, не теряя при этом ни дня (Yang 1945: 90–202; cf. Skinner 1964). Сеть пеших маршрутов объединяла регион в экономическое целое.

Сельчане из Дайдоу и других деревень регулярно посещали рыночный город. Помимо осуществления покупок и продаж, они устанавливали там важные экономические связи. Мужчины получали у лавочников и торговцев кредиты, необходимые для поддержания экономического производства. За стаканом в чайных или винных лавках они узнавали, что происходило в экономике региона, и в соответствии с этим решали, на что направлять собственные усилия. И даже те, кто ничего не покупал и не продавал, каждые несколько дней наведывались на рынок, таская с собой пустые корзины, в надежде быть замеченными, сохранить возможность общения и не потерять кредитные линии.

Региональные элиты превратили традиционный рыночный город в центр своих операций. В то время как крестьяне редко путешествовали за пределами традиционного рыночного пространства, элиты из различных рыночных городов поддерживали между собой экономические и социальные связи. Затем рынки более высокого уровня, как и административные центры, превратились в места концентрации еще более могущественных элит. Такая иерархия центров и мест носила не политический, а исключительно экономический характер, и цепочки патронажа не были с ней связаны. «Отношения „клиент — хозяин“ почти отсутствовали в традиционном китайском обществе, ориентированном на контракт и сильно коммерциализованном» (Mugon Cohen 1984).

Хотя в Дайдоу преобладали семьи крестьян-земледельцев, существовали возможности для получения доходов и от другой профессиональной деятельности на основе частичной или полной занятости. Большая объединенная семья могла завладеть этими дополнительными источниками богатства и обратить их в фермерское землевладение, что закладывало основу для экономического расслоения в Дайдоу. Эта экономическая закономерность подкреплялась имеющими большое влияние идеалами,

привитыми в детстве и усиленными посредством церемоний, религиозным образованием, девизами и народными сказаниями, укрепляющими верность семье и ее единство. Тем не менее обычно сыновья сразу после женитьбы требовали свою долю семейной недвижимости и основывали собственные независимые домохозяйства.

Несмотря на то что эта характеристика крестьянской социальной организации является общей (Mugon Cohen 1970: xx-xxiv), представляется затруднительным объяснить, почему некоторые семьи сохраняют единство и процветают, в то время как большинство не могут этого сделать. Для понимания этого вопроса следует изучить, каким образом решение основывать независимое домохозяйство стало типичным для Дайдоу. До женитьбы молодой человек работал исключительно на домохозяйство, отдавал весь свой заработок отцу и получал по отцовскому усмотрению небольшое жалованье. Родители выбирали невесту, и он мог впервые встретиться со своей женой на собственной свадьбе. Молодоженам предоставлялась комната в доме родителей, и жена переходила под экономическое управление свекрови. Сын продолжал отдавать отцу все свои доходы и следовать его желаниям при выборе собственной карьеры и во время любых деловых операций.

Родители принимали невестку как источник рабочей силы, с помощью которого можно было увеличивать богатство и престиж домохозяйства, но они также говорили: «Мы потеряли сына, когда он женился» (Yang 1945: 58). Верность сына родной семье ослабевала по мере того, как он все больше и больше посвящал себя жене и детям. К этому его подстрекала и невестка. Она была чужой в семье мужа и не испытывала к ней любви и большой преданности; она могла быть недовольна в случае, если экономический вклад ее мужа в семью был выше, чем у его братьев, или если при разделе семейного имущества, приобретенного и с его помощью, он не получал своей доли по справедливости. Ян (*ibid.*: 80) говорит о том, что позиция невестки угрожала духу общинности. Кроме того, дочери и невестки не попадали под тот же, что сыновья, финансовый контроль со стороны общины. Дочерям дозволялось заниматься случайными работами, чтобы зарабатывать на себя деньги; и к моменту выхода замуж прилежная дочь способна была собрать от 30 до 50 долларов. После замужества ей предоставлялось право вкладывать эти деньги в покупку цыплят или в иное предприятие, давать займы и оставлять себе прибыль. Из этих фондов она могла покупать продукты и подарки отцу и детям, а когда семейное имущество делили между сыновьями, ее сбережения

составляли финансовую основу для образования отдельного домохозяйства (Myron Cohen 1968).

Как правило, невестка принималась свекровью как рабочая сила, выполняющая тяжелую работу: как и остальные члены семьи, она страдала и от авторитаризма и скупости своего свекра. Поэтому неудивительно, что за решением мужчины покинуть домохозяйство родителей и основать собственное всегда стояла жена. Когда приходило время подсчетов, в большинстве семей нарастало напряжение, и сыновья требовали свою долю в семейном имуществе. Это разрушало абсолютную экономическую власть отца, несмотря на то что некоторые формы поддержки и стратегии на кооперацию у членов семьи могли сохраняться.

Есть две основные причины того, что большие семьи обладали бóльшим состоянием, чем маленькие. Одна из них заключалась в бережливости, которую строгие родители требовали от всех домочадцев. Семьи, стремившиеся достичь более высокого уровня благосостояния, избегали тратить даже небольшие суммы. Ян (Yang 1945: 130) рассказывает об отце, который отчитывал членов семьи такими словами: «Послушайте, дети, в этом мире нет ничего такого, что можно легко завоевать. И когда-нибудь потом у вас будет кусок хлеба. Вы не купите никакого куска земли, если не будете два или три года приберегать все, что можно. А желание приобрести лучшую пищу, одежду, приятно провести время или не работать тяжело приведет к тому, что наша семья развалится».

Другое преимущество большой семьи заложено во внутреннем разделении труда. Если у семьи уже было много земли, она не нуждалась в том, чтобы использовать на ферме труд всех сыновей. Могло быть достаточно и одного, а остальные могли стать лавочниками, торговцами, ремесленниками, мелкими чиновниками либо сельскохозяйственными рабочими. Отец, насколько возможно поддерживавший свою большую семью с помощью доходов от хозяйства, должен был инвестировать дополнительные средства, получаемые его сыновьями, в новые земельные участки. По мере того как разрасталось землевладение семьи, росла и ее известность в деревне.

Помимо этого, лишь у членов большой семьи благодаря гордости и амбициям могла возникнуть мотивация идти на великие жертвы как в материальном смысле, так и в смысле утраты той автономии, которой обладала нуклеарная семья. И хотя со временем состояние успешной семьи начинало способствовать ее сохранению, до этого она могла не раз подвергаться сильному давлению, вынуждавшему тратить деньги не на покупку дополнительных участков земли, а на достижение более вы-

сокого уровня жизни. К тому же иногда приходилось делить семейную собственность между сыновьями и позволять им самим решать, как использовать свою долю. Должно быть, не так много семей могли выстоять под этим давлением. Очень редко можно было услышать о сыновьях среднего возраста, которые, будучи сами отцами больших семейств, все еще проживали в доме своего престарелого отца и отдавали ему приобретенное, подчиняясь его управлению в экономических вопросах.

Обычной моделью развития было распадение больших семей на отдельные нуклеарные единицы, по-прежнему крепко связанные и верные друг другу, которые обычно кооперировались и жили по соседству. Патрилокальное расселение обуславливало то, что эти группы семей размером с село имели одну и ту же фамилию и образовывали кланы, обладавшие определенными функциями в одном ряду с социальным обеспечением. В сильных кланах зажиточные семьи помогали своим менее удачливым родственникам: выдавали деньги и продукты вдовам, сиротам, пожилым и больным, если те вели достойный образ жизни и были верными членами клана. Кроме того, соседи, не являющиеся родственниками, заключали обоюдные договоры, которые делали повседневную жизнь удобнее и приятнее, объединялись друг с другом посредством церемоний и извлекали из этого пользу, например, одалживая беспроцентно небольшие суммы денег.

Деревня объединялась в единое целое для достижения общественного блага и преследуя определенные цели. Основной целью, как отмечает Ян, на протяжении его исследования являлась защита от преступников, заполонивших местность из-за слабости центрального правительства. Сельчане построили баррикады и отправили на них людей, организовали ночное патрулирование и поставили вооруженные батальоны, которые для отражения нападения бандитов объединились с такими же батальонами из соседних деревень. Кроме того, сельчане в складчину наняли на постоянную работу сторожа посевов, который охранял поля от животных и воров.

Следования социальным нормам добивались, главным образом, слухами, угрозами «потери лица» (стыдя) и остракизмом. Односельчане редко подавали друг на друга в суд с целью законного разбирательства и не отправляли заявлений правительственным чиновникам. В каком-то смысле деревня занимала оборонительную позицию по отношению к внешнему миру. Споры, когда это было возможно, разрешались деревенскими лидерами — мужчинами, которые завоевали уважение благодаря своим добродетелям, экономическому успеху и надлежащему поведе-

нию. И наоборот, представители правительства в деревне чаще всего имели низкий статус; чтобы добиться от сельчан кооперации в таких правительственных проектах, как строительство дорог или восстановление каналов, им сначала необходимо было завоевать поддержку деревенских лидеров.

По-видимому, эти лидеры должны были также заниматься патронажем. Как мы видели, богатые члены клана не только помогали своим бедным родственникам, но к тому же нанимали рабочих, давали займы деньги, сдавали землю в аренду и иными способами снабжали необходимыми ресурсами бедные семьи, не являющиеся их родственниками. Чтобы получить такие ресурсы, бедные сельчане должны были демонстрировать свое уважение, быть честными и тяжело трудиться, и в ответ они ждали, что с ними будут вежливо обращаться и щедро угощать. Например, если семья, регулярно нанимавшая сельскохозяйственных рабочих, не поставляла им хорошую пищу и не предоставляла услуги, в следующий раз могла испытывать трудности с наймом рабочей силы.

Недавние изменения

В 1949 году народно-освободительная армия «освободила» Дайдоу и подчинила ее социалистическому руководству. В первые годы изменилось немного, но в течение 1950-х годов экономика региона значительно трансформировалась (Diamond 1983; 1985). Решения, касающиеся того, что сеять, стали приниматься на уровне коммуны — административной единицы, в которую были объединены деревни, теперь называемые бригадами (Дайдоу превратилась в зерновую бригаду). Производство было переведено в коммуну, а затем и в государство, которое, в свою очередь, занялось распределением предметов первой необходимости среди крестьян. Если использовать терминологию Пола-ньи, можно сказать, что экономику, на уровне деревни основанную на реципрокации, а на региональном уровне — на рыночном обмене, перестроили в экономику, основанную в основном на редистрибуции, с государством и коммунистической партией в центре, где были сосредоточены все ресурсы. Ни индивиды, ни бригады не могли сопротивляться или уклоняться от исполнения решений, принимавшихся правлением коммуны — «кадрами», которые имели право безнаказанно штрафовать, избивать и бросать в тюрьмы противников своей политики (cf. Yan 1995).

Эти изменения приводили к разным последствиям. На первых порах уровень жизни сельчан вырос благодаря их участию в общественных работах, приносивших прибыль, и открывше-

муся доступу к новым химическим удобрениям и пестицидам. Но затем государство, назойливо проводившее политику самообеспечения собственными зерновыми, заставило фермеров Дайдоу ограничиться лишь производством пшеницы, кукурузы и сладкого картофеля. За малым исключением, им запретили выращивать другие культуры, такие как просо, ячмень, арахис, соевые бобы, хлопок, фрукты и овощи, которые прежде вносили разнообразие в их экономику. Хозяевам запрещалось инвестировать в свиней, цыплят и небольшие земельные участки с целью жизнеобеспечения.

Когда же сельчане оказывались неспособными выращивать востребованные культуры, их заставляли отказаться и от мелкого производства — давления масла и переработки соевого молока, а квалифицированных работников из этих цехов переключили на зерновое производство. Плотницкая мастерская испытала похожую судьбу во время бурной Культурной революции конца 1960-х годов, когда на каждого предпринимателя наклеили ярлык «попутчик капитализма» и наказали. К 1980 году доход Дайдоу от производства зерна стал средним по региону, и бригада сыграла свою роль в достижении Китаем своей цели — самостоятельности. Но экономически это означало застой. Лишь правительственный проект по строительству нового города в окрестностях Дайдоу принес сельчанам дополнительные заработки (но не инвестиции в технологию) и повысил на короткий период их уровень жизни.

Кроме того, в 1970-е годы правительство решило, что одна из окрестных бригад, Гандоуцзанцзя, подходит для создания образцовой деревни. Ей предоставили технологии для работ по ирригации, дали разрешение на высаживание разных культур, как это было в Дайдоу до 1949 года, и обеспечили иными технологическими усовершенствованиями, такими как генератор, механическая сеялка и дополнительные трактора. В 1978 году валовой продукт в расчете на душу населения в ней равнялся 257 юаням и был на 37% выше, чем в Дайдоу, где он составлял 188 юаней. Причиной такой помощи правительства, как считалось, стало то, что Гандоуцзанцзя с более высокой плотностью населения заслуживала этого больше, чем Дайдоу, поскольку располагала куда меньшими земельными наделами. Как представляется, это решение должно было отражать и политические предпочтения центрального правительства, позволившего прежде обнищавшим деревням — «таким, куда в прошлом никто не пожелал бы посылать невест» — развиваться быстрее, чем их соседям, чтобы продемонстрировать преимущества «выбора социалистического пути» (Diamond 1983: 170, 177).

Китайская экономическая либерализация 1980-х годов, решив бóльшую диверсификацию, помогла снять некоторые из ограничений в экономике Дайдоу. Даймонд во время своей поездки в Дайдоу в 1986 году (Diamond 1998) обнаружила значительную экспансию мелкого капитализма, основанного на домохозяйстве, который в Китае называют побочным. Доходы крестьянской семьи выросли после того, как были восстановлены участки, находящиеся в частном владении, малые экономические предприятия домохозяйств и их специализация в разведении крупного рогатого скота и домашней птицы (Diamond 1983: 179–180). В деревне появились лавки, ежедневно торгующие предметами первой необходимости, а многие мужчины стали заняты полный рабочий день в строительных проектах за пределами деревни. Представляется, что последствия экономической либерализации здесь, как и в других похожих сельскохозяйственных деревнях Китая (Yan 1992, 1995, 1996), оказывают все более глубокое влияние.

1. Домохозяйства несут больше ответственности за управление. Прежде знали, что государство и партия обеспечивают защиту с помощью «железной рисовой чаши», теперь же крестьяне говорят: «Будет у тебя кусок земли, будет и собственная чаша риса» (Yan 1995: 220).
2. Бóльшей самостоятельности и уважения добились женщины, благодаря тому что они организовывали в домохозяйствах экономические предприятия, разрешенные при либерализации.
3. По мере того как центральную роль в распределении стала играть экономическая автономия домохозяйства, снизилось влияние партийных кадров. При коллективизации в ходу была народная поговорка: «Хорошего лидера группы иметь лучше, чем хорошего отца». Сейчас на устах другая: «У рыбы свой путь, а у креветки — свой», что означает, что каждый волен следовать своим собственным наклонностям, связям и видам на будущее (ibid.: 232–233). По-видимому, политическая экономика редистрибуции должна уступить дорогу более старым моделям реципрокации и обмена.
4. Бум, связанный с доступностью телевидения, открыл крестьянским домохозяйствам новые социальные и политические возможности, в особенности когда правительственная пропаганда стала уступать место развлекательным программам со всего мира, содержащим альтернативные политические послания, акцентирующие внимание на правах личности и демократических формах управления. И, по всей вероят-

ности, они усиливают и делают необратимой ту индивидуализацию, к которой привела экономическая либерализация.

Десятилетиями масштабный китайский эксперимент с коллективизацией отрицал за домохозяйством право на принятие решений. Возможно, он помог нации в целом снизить рост населения и предотвратить голод, за исключением трагического рецидива в 1959–1961 годах. Но невозможно отрицать тот факт, что во всех экономиках жизнеобеспечения превосходство остается за домохозяйством. И его невозможно достичь усилиями какого бы то ни было централизованного планирования, что, как кажется, и было признано в Китае при новой экономической политике.

Случай 19. Яванские крестьяне Кали-Лоро

В заключение мы даем описание деревни Кали-Лоро в Центральной Яве (B. White 1976). Этот пример выбран в качестве завершающего данное исследование, поскольку в экономике Кали-Лоро наблюдается несоответствие плотности населения производственной интенсификации, редко встречающееся в неиндустриальных экономиках. Как мы увидим, высокая степень интенсификации частично связана с вторжением на Яву мирового промышленного рынка в течение последних ста или более лет, поэтому описанный ниже случай иллюстрирует изменения, происходившие в аграрной экономике по мере ее включения в мировой рынок.

Экономика жизнеобеспечения

Кали-Лоро представляет собой комплекс деревень, расположенный двадцатью милями северо-западнее прибрежного города Джокьякарта, в узкой долине между рекой Прого и горами Менора. Несмотря на то что сельская местность, плотно засаженная домашними садами из фруктовых деревьев и разнообразными культурами, внешне напоминает джунгли, здешний ландшафт за столетия интенсивного заселения людьми подвергся радикальным трансформациям и диких природных сред обитания в регионе практически не осталось. С начала XIX века население Явы росло устойчивыми темпами на 1–2% в год. При таких, по современным стандартам, низких темпах (примерно как в Соединенных Штатах Америки на текущий момент) население Явы выросло с 5 млн человек в 1815 году до около 80 млн

в 1975-м, и сейчас во многих районах плотность населения составляет свыше 1000 человек на квадратную милю. Можно себе представить, какое сильное давление оказывают сегодня сельские яванцы, в большинстве своем не выходящие за границы экономики жизнеобеспечения, на земельные ресурсы.

Почему же в таких условиях население Явы продолжает расти? Одной из причин является использование новых культур, расширенной ирригации и (с недавнего времени) технологии лугового севооборота (Guest 1989), обладающих большим потенциалом для интенсификации средств производства. Другой — то, что для яванцев представляют ценность большие семьи: Бен Уайт утверждает, что женщины Кали-Лоро в среднем хотят иметь пять детей. Из-за высокой детской смертности многие женщины не могут вырастить столько детей, но тем не менее большие семьи обычны. Парадоксальность этого усиливается тем, что люди Кали-Лоро часто жалуются на рост населения и связанную с ним крайнюю нехватку земли, но продолжают стремиться к рождению нескольких детей и образованию больших семей.

К 1970-м годам население региона Джокьякарта, как кажется, достигло возможного максимума: регион стал сетевым импортером риса и экспортером людских ресурсов (McDonald and Sontosudarmo 1976). Плотность населения Кали-Лоро настолько высока (около 1850 человек на квадратную милю), что деревни, образованные из домов и небольших садов, занимают примерно такие же площади, что и поля, отведенные под заливное рисоводство. Нехватка рисовых полей приводит к тому, что становится возможно обеспечить одного взрослого в среднем только примерно сорока трудоднями в год. Это послужило поводом для некоторых экономистов постулировать наличие у сельскохозяйственных рабочих скрытой безработицы. Однако Б. Уайт считает, что в Кали-Лоро, где даже детский труд является ценным и необходимым элементом адаптации крестьянского домохозяйства к крайней нехватке земли, скрытой безработицы нет.

Таким образом, возникает еще один парадокс. Остается непонятным, почему при избыточном населении продолжает расти число больших семей и почему в экономике, которая, как представляется, располагает избытком людских ресурсов, рабочей силы не хватает настолько, что домохозяйства стремятся увеличить поставки труда и прилагают усилия, чтобы иметь много детей.

Чтобы разрешить этот парадокс, следует для начала отметить, что, хотя возможности заниматься возделыванием риса ограничены, для получения доходов существует множество

других способов. Большинство из них не так прибыльны, как земледелие, и не обеспечивают даже необходимыми для жизнеобеспечения доходами. Но крестьянское домохозяйство, у которого нет земли и не существует выбора, предпочитает нищенские заработки отсутствию каких бы то ни было. Поэтому «мы должны говорить не о безработице («нечего делать») и неполной занятости («недостаточно возможностей что-то делать»), но о низких производительности и эффективности труда, которые для безземельного домохозяйства означают, что есть много работы, но с очень низкой отдачей» (B. White 1976a: 91; 1976b: 272–276).

Все стремятся владеть землей, необходимой для заливно-рисоводства, и большинство людей как-то этого добиваются. Но чтобы достичь «черты бедности», необходимой для простого жизнеобеспечения, домохозяйство должно обрабатывать, по крайней мере, 0,2 гектара рисовых полей, и большинство семей в Кали-Лоро находятся ниже этого порога. Семьи стараются разрабатывать различные стратегии, чтобы поднять доходы своих домохозяйств на более удовлетворительный (*кукупан*, или «достаточный») уровень.

На протяжении жизни многих поколений самым распространенным являлось трудоемкое садоводство на небольших участках земли. Гирц (Geertz 1963) описывает, как яванцы применяют «технику расчесывания волос на пробор», чтобы получить с обрабатываемого участка земли наибольшие количества риса, — процесс, который он назвал агрикультурной инволюцией. С помощью тщательной и частой прополки, ручного внесения навоза, подготовки грядок для рассады, пересадки рассады, сортировки наделов с целью предотвратить неравномерное распределение воды по полю и других технических средств прилежный фермер способен получить максимально возможный урожай со своего небольшого надела. После того как правительство расширило на Яве ирригационную сеть, количество земель, пригодных для такого рода культивации, сильно возросло.

Другой семейной стратегией по восполнению нехватки земель, используемых под заливное рисоводство, является высаживание садов рядом с домом. Как правило, в таких садах производится столько же *пищи за час труда*, сколько и на рисовых полях. Крестьяне выращивают до 50 различных культигенов, включая корнеплоды и культурные деревья, и производят целый набор предметов утилитарного назначения, таких как дрова и листья для обертки. За счет этих продуктов они разнообразят пищевой рацион и увеличивают стабильность домохозяйства. Но отсутствие ирригации и интенсификации не позволяет по-

лучать здесь такой же урожай *с гектара*, как при заливном рисоводстве.

Совокупная занятость взрослых в заливном рисоводстве и садоводстве составляет малую часть времени (ежедневно около 2,5 часа у мужчин и 0,5 часа у женщин). В Кали-Лоро обычный рабочий день взрослого человека заполняется следующими дополнительными видами деятельности.

1. Скот содержится в помещениях около дома. Поскольку в распоряжении семьи находится мало пастбищных земель, требуются тяжелые трудовые затраты для заготовки фуража для находящихся на подножном корму животных, как правило овец или крупного рогатого скота. Кроме того, необходимо заготавливать или покупать фураж для тягловых животных, пользующихся высоким спросом и поэтому настолько дорогих, что в Кали-Лоро некоторые семьи не могут себе позволить содержать тягловую упряжку и вынуждены сами впрягаться в плуги.
2. В зависимости от времени года выполняются различные работы за деньги как в земледелии, так и в других отраслях.
3. В доме семьи занимаются рукоделием и производством продуктов питания на продажу на рынке.

Как показано в таблице 9, ни один из этих видов деятельности не является преобладающим. Можно сказать, что среднее домохозяйство характеризуется многообразием видов деятельности, что позволяет его членам сохранять какую-то работу и получать дополнительные доходы, даже если из-за сезонных или иных причин исчезает один из источников занятости. С учетом того, что в таблице 9 при выводе средних величин принимались в расчет все дни, включая праздники и периоды болезни, обращает на себя внимание тот факт, что в среднем рабочий день, включая такую домашнюю работу, как уход за детьми и приготовление пищи, составляет 8,6 часа у взрослых мужчин, и 11 часов — у взрослых женщин.

Крестьянские сообщества на Яве и в других частях Юго-Восточной Азии выделяются на фоне мирового крестьянства своей эгалитарностью гендерных ролей и относительно высоким статусом женщин (Michaelson and Goldschmidt 1971). Как и в большинстве крестьянских обществ, в Кали-Лоро мужчины занимаются скотоводством, выращиванием растений, идущих в пищу, и семейной торговлей, тогда как женщины берут на себя ведение домашних дел и воспитание детей. Но при этом женщины вносят большой вклад в экономику домохозяйства, принимая уча-

ТАБЛИЦА 9. Распределение времени в Кали-Лоро, часов в день (рабочие дни, включая выходные и праздники)

Деятельность	Мужчины	Женщины
Производство пищи:	3,9	0,6
Охота	0,0	0,0
Рыбная ловля	0,0	0,0
Собирательство	0,0	0,0
Земледелие	2,6	0,5
Разведение скота	1,3	0,1
Приготовление пищи	0,1	2,7
Потребление пищи ^а	—	—
Торговая деятельность:	3,9	5,6
Сбор натуральных продуктов	0,3	0,4
Получение товарной части урожая	0,4	2,3
Рукоделие	1,4	1,0
Наемный труд	0,7	1,7
Продажа на рынке	1,1	0,2
Домашняя работа:	0,3	1,1
Домоводство	0,1	1,0
Вода и топливо	0,2	0,1
Ремесло	0,0	0,0
Социальная сфера:	0,4	1,0
Социализация, посещения ^а	-	-
Уход за детьми	0,4	1,0
Общественные события ^а	-	-
Индивидуальная деятельность		
ВСЕГО	8,6	11,0

Источник: B. White 1976: 209.

^а Социальная деятельность и развлечения не отмечены.

стие в выращивании товарных культур, изготовлении и продаже ручных изделий и наемном труде, в силу чего они имеют влияние и пользуются необычайно высоким уважением (Stoler 1977). Это особенно выражено в малоземельных домохозяйствах этого расслоенного аграрного сообщества: при отсутствии земли муж и жена нанимаются на работу к семьям землевладельцев и вме-

сте участвуют во всех этапах фермерского производства. Помимо этого, 40% взрослых женщин занимаются в той или иной форме торговлей (ibid.: 83), женщины являются и главными экономическими акторами в обменах между домохозяйствами, или *сламетан* (см. ниже). Следовательно, в относительно высоком статусе женщин в этом сообществе находит отражение форма интенсификации в виде заливного рисоводства, товарного выращивания культур на базе домохозяйства, ремесла и наемного труда местного значения, предоставляющая женщинам столь же экономических возможностей, сколько и мужчинам.

Однако не все занятия ценятся одинаково. За одни работы платят намного больше, чем за другие (земледельческий труд оплачивается в несколько раз лучше, чем другие виды деятельности), а за третьи так мало, что заработанного может хватить разве что на удовлетворение жизненно важных потребностей работника, а денежные запасы семьи не пополняются. Тем не менее низкооплачиваемые работы тоже имеют свои преимущества, поскольку они доступны тогда, когда нет возможности заниматься земледелием и недостаточно альтернативных работ, к тому же многие из них могут выполняться людьми без профессиональных навыков, в том числе детьми. Фактически мальчики и девочки начиная с восьми лет работают по несколько часов в день, внося ценный вклад в экономику домохозяйства (B. White 1976b: 285).

Социальная организация

Как и в других крестьянских обществах, домохозяйства в Кали-Лоро обычно представляют собой нуклеарные семьи и характеризуются замкнутостью. Домохозяйства в среднем состоят из 4,6 членов семьи и в целом образуют 26 деревень примерно по 300 человек в каждой. Домохозяйства вступают в социальные контакты, как правило, либо внутри деревни, либо с жителями соседних деревень. Люди, живущие на расстоянии более двух миль, обычно остаются чужими.

«Для выживания домохозяйства существенно... в высшей степени гибкое разделение труда для большинства его членов. Поскольку отдача почти от всех трудовых занятий едва ли способна принести такие доходы взрослому мужчине, чтобы тот мог обеспечить домохозяйство, то бремя труда по жизнеобеспечению разделяют совместно и мужчины, и женщины, и дети» (ibid.: 280). Происходящие циклические изменения в доме оказывают сильное влияние на экономический статус семьи. Молодые пары прилагают усилия, чтобы насколько возможно быстро начать самостоятельно заниматься домоводством, хотя это явля-

ется трудной задачей из-за нехватки земли. С появлением детей семья вступает, по выражению Б.Уайта, в фазу раннего расширения, когда родители, включая отцов, большую часть времени посвящают воспитанию детей. Когда семья должна кормить голодных детей, простое жизнеобеспечение становится борьбой за выживание, а накопление капитала практически невозможно.

По мере того как дети подрастают, семья переходит в фазу позднего расширения. Воспитанием детей начинают заниматься старшие сиблинги, освобождая родителей для участия в производительном труде, — работы, направленной на получение пищи и доходов, у домохозяйства становится на 25% больше, чем во время фазы раннего расширения. С помощью детей, участвующих в работах по жизнеобеспечению, взрослые члены семьи, способные заниматься производительным трудом, на фазе позднего расширения могут накопить денежные средства и инвестировать их в землю, дома и капитальные блага.

Однако, как и в других крестьянских обществах, где земля является собственностью и передается по наследству, за нее возникает борьба в то время, когда дети готовятся вступить в брак. Дети требуют долю имущества домохозяйства, чтобы выделиться в отдельное домохозяйство, а родители не хотят отказываться от контроля над доходами своих детей и боятся, что если те отделятся, то не станут заботиться о них в старости. Чтобы чувствовать себя в безопасности, родители оставляют за собой земли, на которых их женатые дети работают в качестве издольщиков.

Даже в больших семьях родители опасаются, что у них недостаточно детей, чтобы гарантировать уход за ними в случае недееспособности. Такой страх свидетельствует о непрочности родственных уз в крестьянском обществе, где безопасность зависит не только от родства, но и от дружбы.

Еще одним механизмом обеспечения безопасности, до сих пор наблюдаемым в Кали-Лоро, является *сламетан* — серия обменов дарами и услугами, организуемая посредством системы церемоний. Хотя семьи большего размера обладают более широкими социальными сетями и в большей мере задействованы в *сламетане*, даже небольшие семьи с недостаточными доходами тратят в этих обменах чрезвычайно большие суммы, составляющие в среднем до 15% от общих расходов домохозяйства на деревню. В этом случае в экономику домохозяйства важный вклад вносят женщины, которые путем обменов дарами управляют рисками:

Если сфокусировать наше внимание не на символических аспектах ритуала, а на распределении пищи, то станет ясным, что реальными посредниками в отношениях между домохозяйствами во время

сламетана являются не мужчины, а женщины. Женщины делают закупки, готовят пищу и решают, как ее распределить (Stoler 1977: 86).

Сельчане, таким образом, становятся частью сети безопасности, поддерживая этику «разделенной бедности» (Boeke 1953), при которой церемониальные обмены действуют до некоторой степени как механизм уравнивания (Wolf 1957), предоставляющий всем членам сообщества равные шансы на выживание, и семьи, оказавшиеся в беде, могут рассчитывать на помощь.

Плотность населения интенсифицирует давление, испытываемое от этого выравнивания шансов на выживание; наиболее неравномерно земли распределяются в тех деревнях, где на душу населения приходится больше всего земли. В более плотно заселенных сообществах выровнять доходы помогают такие практики, как издольщина, распределение урожая и различные формы взаимопомощи.

Тем не менее внутри деревень продолжается экономическое расслоение. В то время как происходит обезземеливание одних семей, у других появляются очень большие землевладения. Особенно асимметричным выглядит распределение собственности на земли, отводимые под заливное рисоводство, которые ценятся особенно высоко: у 37% сельчан их нет вообще, в то время как богатейшие 6% владеют более чем 50% посевных площадей риса. Многие безземельные домохозяйства получают доступ к рисовым землям путем аренды или издольщины, и 90% сельчан владеют какими-то садовыми землями. Но неравенство в доступе к ресурсам является общим правилом.

В результате между богатыми и бедными семьями устанавливаются отношения «клиент — хозяин». За небольшую плату клиенты обрабатывают землю своего хозяина или ухаживают за его скотом в обмен на частичное признание их членства в его семье — статуса, который дарует им защиту и помощь. Даже в семьях, владеющих собственными рисовыми наделами, наемная работа (в земледелии и не только) на хозяина служит весьма желанным источником доходов.

Когда колониальные предприятия на Яве стали производить на большей части лучших земель не рис, а сахарный тростник и другие культуры, идущие на экспорт, крестьянам пришлось интенсифицировать свое рисовое производство на менее плодородных землях, включая и те, возделывание которых стало возможным благодаря ирригационным проектам правительства. Одновременно колониализм открыл возможности для наемного труда и ремесленных производств, рассчитанных на мировой рынок. Каким образом эти события повлияли на рост населения, остается не совсем ясным, но можно предположить, что

в доходах крестьянской семьи доля, полученная от жизнеобеспечивающего фермерства, снижается, в то время как население растет, а разнообразие видов деятельности увеличивается.

Возвращаясь к главному аргументу Б.Уайта, мы можем теперь утверждать, что в Кали-Лоро желание родителей иметь много детей рационально. Хотя маленькие дети и представляют собой обузу, старшие дети уже вносят важный трудовой вклад во все области производства домохозяйства. Домохозяйства с детьми старшего возраста эффективнее, потому что они производят больше того, что потребляют, и сверх того, что требует жизнеобеспечение; большие семьи производят много излишков, которые можно инвестировать, чтобы повысить доходы и усилить безопасность. Когда земли не хватает, а альтернативные занятия приносят дохода еще меньше, чем перегруженные земли, то предпринимаются любые попытки повысить доходы за счет использования труда всех членов семьи.

Беспрецедентно длинный рабочий день у взрослых на Яве является показателем отсутствия возможностей работать в производственной сфере. Люди Кали-Лоро справедливо объясняют нехватку рабочих мест ростом населения, и здесь они играют роль жертвы созданной ими же трагедии общественного достояния. Любое домохозяйство, стремящееся к общественному благу и с этой целью ограничивающее рождаемость в своей семье, не достигает ничего, кроме ущерба, поскольку исключает труд из высококонкурентной экономики, в которой большее количество труда означает и лучшую жизнь для семьи.

Описанная неиндустриальная технология в целом позволяет крестьянским экономикам максимально продуктивно использовать земли с кратковременным воздействием пара или без него и оставаться практически независимыми от продуктов питания природного происхождения. Но более важным представляется то, что крестьяне интегрированы в более крупные, иерархически структурированные экономические системы, и в этом смысле они наименее самодостаточны в сравнении с другими народами, исследуемыми в этой книге, несмотря на значительную степень автономии их домохозяйства в жизнеобеспечении.

Даже Буа-Вентура, где плотность населения куда меньше, чем в Дайдоу и Кали-Лоро, демонстрирует высокую степень интенсификации земледелия: чтобы поддерживать активность домохозяйства, люди здесь должны трудиться много часов в день, возделывая имеющиеся земли. И тем не менее наиболее драматическими и яркими примерами интенсификации являются Дайдоу и Кали-Лоро, где была произведена инволюция, заключающаяся в применении семейного труда на крошечных

наделах, занятых под сладкий картофель и заливное рисоводство, включающего в себя: уход вручную за каждым растением на всех этапах производства; управление всей доступной землей с целью обеспечения людей; использование любых ресурсов, даже продуктов жизнедеятельности человека и сажи от кирпичных печей, для удобрения земель с целью хотя бы минимального увеличения урожаев; рассредоточение усилий для обработки различных, очень небольших наделов в разных микроэкологических зонах, чтобы минимизировать риски от неурожая культур и увеличить разнообразие пищевого рациона.

И даже после всей этой кропотливой работы и продуманного управления хозяйством достигаемый уровень жизнеобеспечения выглядит у крестьян менее удовлетворительным, чем в других исследованных нами экономиках. Несмотря на то что перед лицом внезапных непредсказуемых бедствий во многих экономических системах могут наступать голод и мор, мы обнаруживаем, что только в среде крестьян большой процент популяции постоянно переходит от периодов с достаточным количеством еды к серьезному недоеданию. Более развитая экономика способна предоставить им экономическую безопасность, но в условиях интенсивной конкуренции чистая прибыль от безопасности ничтожна и дорого стоит.

Крестьянское домохозяйство самодостаточно в том смысле, что его потребность в политической экономике усиливалась по мере того, как снижалась эффективность расширенных корпоративных родственных групп. Эти большие, но относительно закрытые социальные единицы, такие как кланы у центральных энга и на островах Тробриан, отступили на задний план, как только их функции распределения рисков, развития технологий, защиты и торговли перешли к таким более крупным и более удаленным институтам, как армия, рынки и бюрократические органы.

В крестьянской семье важными остались узы дружбы, организованные таким образом, чтобы застраховаться от кратковременных недородов, спасаясь от них с помощью даров и иной поддержки со стороны друзей. И то, что самые бедные семьи, как мы видели на примере Кали-Лоро, могут потратить до 15% бюджета домохозяйства на дары, пиршества и другие социальные траты, является свидетельством не экономического безрассудства, а показателем значимости меновых отношений с соседями и членства в деревенском сообществе.

Однако, несмотря на наличие таких уз, крестьянская семья довольно одинока и поэтому открыта для отношений с более крупным обществом. По мере того как государство достигает

уровня, на котором появляется бюрократия и рыночная интеграция, власть сельских элит все меньше опирается на патернализм и *noblesse oblige*⁸. На смену традиционным социальным договоренностям, когда-то обеспечивавшим безопасность домохозяйства, приходит эффективный рынок. И крестьяне оказываются в ненадежном мире, полном финансовых интересов и безразличия.

Крестьяне реагируют на меняющийся мир, разрабатывая экономические стратегии, повышающие их безопасность за счет простых способов, имеющихся в их распоряжении. Они прибегают к испытанной стратегии диверсификации культур, чтобы снизить риски от неурожая одной культуры; к налаживанию дружеских связей посредством демонстрации щедрости; к налаживанию отношения «клиент — хозяин» с локальными элитами для защиты в случае бедствий. Они стараются найти работу на рынке труда для повышения доходов домохозяйства, но при этом они не готовы отказаться даже от самых маленьких фермерских наделов, предоставляющих им контроль, хотя бы частичный, над собственным продуктовым обеспечением. Они знают, что рынок находится вне этого контроля и что иногда он зависит от ненадежных управленцев, поэтому они стараются минимизировать свою зависимость от рынка, делая запасы пищи для домашнего потребления, вкладывая наличность в поголовье скота и другие материальные вещи, которые в чрезвычайной ситуации можно обратить в продукты первой необходимости, избегая банков, судов и прочих органов власти элиты.

В силу этих причин они стремятся налаживать отношения со знакомыми им локальными элитами, которые, выступая в роли «крестных родителей» или с помощью ритуальных действий, демонстрируют свою готовность внести вклад в благосостояние крестьянской семьи. В личной зависимости от хозяина крестьяне видят источник силы и, как это ни парадоксально, свободы. Такое «сознание клиента» ставит в тупик наблюдателей из коммерциализованных экономик, в которых свобода приравнивается к свободному рынку, а в любых отношениях «клиент — хозяин» видятся черты эксплуатации. Однако исторически классовое сознание, то есть политическое мировоззрение, рассматривающее такие формы групповой активности, как профсоюзы, забастовки и восстания как средства контроля над

8. *Noblesse oblige* (от франц. «происхождение обязывает») — устойчивая формула, восходящая либо к Бальзаку, либо к герцогу Гастону Пьеру Марку де Леви. Аристократическое происхождение накладывает определенные обязательства на поведение, в том числе в отношениях с простолюдинами.

эксплуатацией на рынке, появляется в среде сельской бедноты только после того, как коммерциализация разрушает традиционные патерналистские системы защиты (Johnson 1999). Связи «клиент — хозяин», несмотря на свойственное им классовое неравенство, все еще являются попытками закрепить в вертикальных экономических отношениях понятия доверия и верности, в то время как эффективный рынок, принимающий на себя управление вертикальными потоками труда, земледельческими культурами, ремеслами, сырьем и деньгами, представляет собой обезличенную «невидимую руку», бесчувственную и к личной верности, и к человеческим страданиям.

Становится очевидным, что в экономике, использующей плотно заселенные земли, которых не хватает на всех и за которые идет борьба, крестьянская семья в высшей степени уязвима. Она довольствуется малой прибылью и выносит громадное число рисков своего производства. Но почему? Во-первых, потому, что трудоемкие методы производства, описанные нами в этом разделе, не дают ощутимой прибыли; и во-вторых, потому, что элиты и правительственные органы обладают большой властью и не подконтрольны на местах, поэтому они не вынуждены возвращать значительную часть тех богатств, которые извлекают из аграрного сектора. Возможность интенсификации зависит в большой степени от услуг, предоставляемых государством, но они нацелены лишь на поддержание уровня производства и предотвращение массового голода, а не на облегчение бремени конкретных семей. С нашей точки зрения, эти проблемы находят свое наглядное и драматическое отражение в описанном выше страхе родителей оказаться в старости брошенными детьми, поглощенными собственной битвой с недоимками, не оставляющей ни времени, ни энергии на уход за стариками.

14. Эволюция глобального общества

Коммерция бросает вызов всякому ветру,
взнуздывает всякую бурю и вторгается
во всякую зону.

*Банкрофт (надпись на здании Департамента
торговли США, Вашингтон, округ Колумбия)*

ПРОМЫШЛЕННАЯ революция была в истории человечества четвертым великим технологическим прорывом после урбанистической революции, одомашнивания растений, животных и человеческого вида в неолите и, разумеется, самого возникновения культуры на заре доисторического времени. В соответствии с широко распространенными воззрениями, промышленная революция — это первый пример установления превосходства человека над природой, причиной которого был технологический прогресс (Beard 1927: 1). Использование прирученных сил природы (воды, пара, нефти) вкпе с технологическим развитием на основе научных методов привело к увеличению производства товаров, которое, в свою очередь, повысило жизненные стандарты и способствовало росту населения. Но революция заключалась не только в создании и внедрении промышленных технологий. Прежде всего, она означала коммерциализацию (Bodley 1996: 3), распространение капиталистической системы рыночных обменов, институционализированных (заложенных) в либеральном государстве, и вызвала настолько драматические и далеко идущие изменения в обществе в целом, что Поланьи (Polanyi 1944, Поланьи 2002) назвал их «великой трансформацией». Подобно приливной волне, она распространилась из Англии по Европе и Северной Америке и в XX веке достигла самых отдаленных уголков планеты. Ею были затронуты все общества, рассмотренные нами в этой книге. Некоторые из них сумели к этому приспособиться, тогда как другие оказались практически разрушенными. Может ли наша трактовка процесса социальной эволюции, изложенная в предыдущих разделах, объяснить эти изменения или же здесь мы сталкиваемся с чем-то принципиально новым, требующим нового теоретического инструментария?

Такой новый инструментарий для понимания современных изменений предоставляет имеющаяся в нашем распоряжении

обширная литература, посвященная данному предмету. Целью этого раздела является обзор наиболее важных работ и их сопоставление с нашей теоретической дискуссией. В вождествах и аграрных государствах большинство населения, как мы видели, все еще проживает в сельской местности и самостоятельно производит продукты питания и ремесленные изделия в домашних условиях, даже если платит землевладельцу ренту и приобретает специализированные продукты на местных рынках. Власть распределяется посредством иерархии, основанной на политическом патронаже и военной силе. Несмотря на то что на нашей планете еще и сегодня существуют места, соответствующие этому описанию, представляется очевидным, что общее историческое направление заключается в том, что эти места будут впоследствии заняты растущими городскими популяциями, в которых производство размещается вне дома, меньшинство производит пищу для большинства, а политическая власть все больше переходит к политикам и бюрократии, обладающим доступом к электоральному процессу и необходимым финансовым средствам, чтобы на него влиять. Насколько такая модель вытекает из предшествующего ей процесса социальной эволюции?

По меньшей мере, можно утверждать, что действие того технотемографического двигателя, который представлен на рис. 3, в данном случае проявляется заметнее, чем когда-либо. Процессы роста населения и технологического развития, идущие бок о бок, беспрецедентными темпами ускоряют друг друга: именно в начале современного периода J-кривая роста человеческой популяции заметно развернулась резко вверх (рис. 1b). Уместен и такой вопрос: было ли это ускоренное развитие, как предполагает наша модель, разновидностью интенсификации, порождающей новые проблемы, решение которых приняло знакомые формы — управление рисками, войны, капиталовложения и торговля? Ответ на него дать непросто. Направленность последних изменений во многих описанных нами случаях служит теоретическим вызовом для разработанной нами модели. В частности, поскольку политическая экономика обратным образом воздействует на экономику жизнеобеспечения, придавая ей определенную форму, то выстраивать причинные связи от жизнеобеспечивающего базиса к более широким структурам общества становится все более сложно и проблематично:

В индустриальном мире приобретают решающее значение капитал, кредитование, торговые системы и т. п. По мере того как культура развивается, социально-обусловленные потребности — пристрастие к особой пище, богатым домам, одежде и разнообразным

жизненным удобствам — становятся все более важными при планировании производства; даже если изначально они, вероятно, чаще были не причиной, а следствием приспособления базиса (Steward 1955: 40).

Создается впечатление, что политическая экономика настолько отделилась от жизнеобеспечения и стала настолько от нее независимой, что такие мощные регуляторы экономики, как курсы валют или мода, не имеют никакой связи с проблемами жизнеобеспечения.

Недавние изменения в неиндустриальных обществах

Действие указанного двигателя — роста населения и технологического развития — до определенной степени можно обнаружить в современных изменениях, затрагивающих народы, описанные в наших примерах. В своем обзоре истории феодальной Японии (случай 15) Тойбер (Tauber 1958: 15) отметила корреляцию между ростом населения и «однообразным регулированием в подсчетах земледельческих усовершенствований, новых земель, периодов голода, эпидемий и упадка». Во многих случаях мы видели связь роста населения и объема технологических изменений с чрезмерной эксплуатацией ресурсов и рисками домохозяйства. Мачигенга (случай 3), истощавшие ресурсы на местах из-за традиционно высокой плотности населения, столкнулись с проблемой растущей иммиграции из перенаселенных нагорий (альтиплано), которая еще больше ограничивала количество земли, имеющейся в распоряжении домохозяйств, и вела к деградации рыбных и охотничьих ресурсов в регионах. У басери (случай 14) неумеренное содержание скота на подножном корму во второй половине XX века, в период стремительного роста населения в Иране, привело к значительному сокращению пастбищ.

Тем не менее в большинстве описанных нами случаев, в том числе у мачигенга и басери, нынешние изменения обусловлены либо усиливающимся центральным правительством, либо расширяющимся рынком, либо тем и другим одновременно. Приведем несколько примеров.

1. Первым обстоятельством, которое заставило нганасан (случай 4) выйти за пределы экономики жизнеобеспечения на семейном уровне, был растущий рыночный спрос на продукты животного происхождения среди расположенных южнее увеличивающихся популяций. В ответ на этот спрос нганаса-

ны стали развивать оленеводство и увеличивать число частных стад, образовывать родственные группы большего размера и устанавливать отношения «клиент — хозяин».

Следующей причиной серьезных изменений стали попытки советского правительства установить государственный контроль над этим независимым народом. Сопротивление нганасан новым порядкам постепенно было сломлено, особенно после иммиграции советских горнорабочих, введения в школах субсидируемых государством учебных программ, реорганизации пастухов, создания управляемых групп советского типа и появления доступных потребительских товаров.

Однако в недавнем прошлом произошли очередные изменения. Постсоветское правительство оказалось неспособным удерживать контроль, и это привело к сокращению денежного потока и рыночных возможностей и способствовало возврату пастухов нганасан к прежней независимости и самообеспечению.

2. В жизни эскимосов Северного склона Аляски первые значительные изменения произошли после того, как конгресс США законодательно распространил действие свободного рынка на разрабатываемые нефтяные месторождения, залегающие под эскимосскими землями. Долгая и постепенная интеграция эскимосов в рынок в конце концов привела к тому, что они стали использовать в охоте снегоходы и обогревать свои жилища топливом из нефти, но при этом по-прежнему оставались в основном на уровне экономики жизнеобеспечения, даже после того, как в Прудо-Бэй были открыты месторождения нефти. У многих исследователей вызывало удивление то, насколько хорошо эскимосы разобрались в положениях конгресса, полностью подтвердившего их законные права как коренного населения Аляски и в определенной степени предоставившего им контроль над процессом развития региона. Позже конгрессом был подготовлен закон, согласно которому свободное предпринимательство в нефтяном бизнесе стало облагаться высокими налогами, чтобы через социальные отчисления сообщество смогло победить бедность и обрести надежную защиту от разделения общества на небольшой имущий класс и бедное большинство.
3. Киргизские пастухи (случай 11) впервые пережили глубокие изменения, когда соседние национальные государства (Китай и Советский Союз)¹ закрыли свои границы и тем самым по-

1. Даже если сделать поправку на то, что федеративный характер СССР и суверенитет входящих в него национальных республик представляли собой больше плод

мешали их сезонным миграциям по разным экологическим зонам. Это породило политическую стесненность и заставило пастухов интенсифицировать производство в открытом для них по-прежнему регионе Памира. За этим последовало расширение управления рисками и развитие торговли, которые способствовали усилению власти хана, а пастбища перешли в собственность, основанную на родственных узах. Однако киргизы оказались в зоне нарастающего военного конфликта между Советским Союзом и Афганистаном, и опасность нападения русских заставила их вспомнить об этнической и лингвистической общности с турками и просить Турцию разрешить им въезд в страну. Турция приняла беженцев и предоставила им возможность снова заняться смешанным фермерством и скотоводством.

4. Изменения, произошедшие в жизни басери (случай 14), проявлялись в постоянном сокращении того объема ресурсов, которым они свободно располагали и могли пользоваться по мере необходимости. Во время демографического взрыва в Иране образовались новые пастбища в удаленных аридных зонах, поскольку правительство провело ирригационные работы. На имеющиеся пастбища претендовало большое число скотоводов, включая городских капиталистов, которые хотели заниматься разведением выносливых животных на продажу и нанимали профессиональных пастухов (присматривающих за стадами и не мигрирующих со своими семьями). Национальное правительство, занятое защитой пастбищ, находящихся под угрозой чрезмерной эксплуатации, и взявшее под контроль пограничные районы, где прежде власть государства была слабой, проводило свою политику вопреки желанию басери и принуждало их подчиняться с помощью полиции и военных.
5. У арендаторов Буа-Вентура (случай 17) за двадцатилетний период численность населения уменьшилась на треть, в то время как в целом население Бразилии удвоилось. Первоначально изменения были связаны с тем, что землевладельцы ощутили новые тенденции в рыночных реалиях, а именно то, что разведение сахарного тростника и скотоводство в условиях растущего рынка приобрели больше экономического смысла, чем получение прибыли с зерна и хлопка, производимых

советской пропаганды, чем реальность, все равно это политическое образование никак не соответствует классическому пониманию национального государства, а скорее может быть названо квазифедеративным, как его определяет, например, Хёрст Ханнум (1994).

их арендаторами. Землевладельцы опасались и того, что новая бразильская конституция посредством проведения земельной реформы предоставила широкие права арендаторам, и землевладельцы нашли выход из положения в сокращении сдачи земель в аренду по мере вымирания населения и в привлечении к труду наемных сельскохозяйственных рабочих. В то же время различные правительственные программы социального страхования укрепили уверенность у некоторых арендаторов в способности выжить без патронажа землевладельца, тем самым еще больше разрушая привычный патернализм.

6. Современные изменения особенно сильно затронули китайских крестьян Дайдоу (случай 18), когда в их регион вошла Народно-освободительная армия. Сельская экономика, которая раньше в основном управлялась небольшими семьями земледельцев-единоличников, интегрированными в региональные рыночные системы, постепенно трансформировалась в централизованную распределительную экономику под контролем коммунистической партии и местной администрации, составленной из партийных кадров. Цели партии заключались в проведении редистрибуции имущества и ресурсов от богатых к бедным и справедливом распределении продуктов питания и других материальных объектов для сглаживания различий между имущими и неимущими и предупреждении возможного голода. Каждой семье в той или иной мере была гарантирована стабильность «железной рисовой миски», за исключением опустошительного голода 1959–1961 годов. Но при этом навязчивая распределительная экономика задушила инициативу на местах и уничтожила большое количество возможностей для получения доходов. Поэтому реформы 1990-х годов, разрешающие единоличникам владеть землей и самостоятельно выносить решения, привели к частичному восстановлению сельской экономики в том виде, в котором она существовала до революции.

В большинстве этих случаев можно обнаружить свидетельства того, как рост населения ограничивает возможности людей, не давая им выбора. Тем не менее представляется, что вмешательство со стороны центрального правительства и проникновение рынка имеют решающее значение в определении направления изменений. Чтобы понять, насколько экспансия правительства и коммерциализация, предвосхищающие возникновение политической экономики, соответствуют предложен-

ной нами модели эволюции человеческих обществ, необходимо исследовать три основных направления теоретической аргументации и обсуждений, переведя их ключевые идеи в используемые нами термины.

Теоретизация современных изменений

Для Поланьи (Polanyi 1944; Поланьи 2002) реальная драма промышленной революции заключалась не в том, что распространение получили новые технологии, а в полной социальной трансформации, к которой она привела с помощью саморегулирующегося (свободного) рынка и либерального государства:

Источником и порождающей моделью системы был саморегулирующийся рынок. Именно это новшество вызвало к жизни цивилизацию особого типа... Ключ к пониманию системы XIX века лежит в законах, управляющих рыночной экономикой (Поланьи 2002: 14).

Поланьи считал, что гегемония саморегулирующегося рынка представляла собой лишь определенную фазу в современных изменениях и исчерпала свои силы ко Второй мировой войне. Но каким бы было его мнение по этому поводу сегодня², когда многие наблюдатели говорят о триумфе все того же саморегулирующегося рынка, преобразовавшего мир в неумолимо прогрессирующую единую систему глобальной экономики?

Прежде чем утверждать, что взгляды Поланьи безнадежно устарели, необходимо вспомнить, что прогнозирование будущего происходит в настоящем и что мы настолько погружены в сегодняшний день, что, по-видимому, просто не способны разглядеть более масштабные исторические процессы, предопределяющие окончательную участь свободного рынка. Например, если бы мы жили во времена ужасной «черной смерти»³, то, возможно, предсказывали бы, что вскоре человечество неминуемо исчезнет с лица Земли в апокалипсисе, вызванном божественным гневом. Однако стремительное воспроизводство на протяжении жизни нескольких последующих поколений восполнило громадные потери населения, пришедшиеся на те годы;

2. Напомним, что первое издание книги А. Джонсона и Т. Эрла вышло в 1987 году.

3. «Черная смерть» — пандемия бубонной чумы, в 1346–1351 годах захватившая Европу и уничтожившая до половины ее населения. Помимо демографических, имела колоссальные культурные, социальные и политические последствия: способствовала падению господства Римско-католической церкви, освобождению крепостных крестьян и пр.

так что восходящая кривая роста популяции людей, прогнозируемая уравнением Судного дня, показывает простое падение, если ее рассматривать на длительном промежутке (рис. 1b; Ehrlich and Ehrlich 1970: 12–13). Сейчас невозможно ответить на вопрос, сохранится ли саморегулирующийся рынок в отдаленном будущем. Но можно попробовать объяснить, почему он играет такую важную роль в экономике и общественной жизни, начиная от промышленной революции и вплоть до нашего времени.

Как утверждает Поланьи, саморегулирующийся рынок и либеральное государство тесно связаны между собой, если не являются неотъемлемыми частями одного и того же процесса. Прототипическим документом, учреждающим либеральное государство, служащее созданию и укреплению свободного рынка, явилась конституция Соединенных Штатов Америки (например, Beard 1935). Чтобы показать обусловленность появления института свободного рынка процессами социальной эволюции, которые мы старались проанализировать на протяжении всей книги, рассмотрим два главных теоретических направления (у второго из которых имеется два подтипа).

1. Либеральная экономическая теория, показывающая сильные стороны свободного рынка и объясняющая, с какими политическими и институциональными требованиями мы неизбежно столкнемся, если эти сильные стороны достигнут своего максимального развития.
2. Два основных направления антирыночной критики, теоретически связанные, но разработанные разными группами ученых:
 - 2.1. Субстантивная экономия — антирыночная критика, основывающаяся на признании того, что свободный рынок упраздняет социальные узы и «атомизирует» индивидов, в одиночку противостоящих силовым центрам, стремящимся использовать рыночные возможности для собственной выгоды. Дополняя субстантивную экономическую антропологию, эта критика включает и политическую экономику (различные марксистские теории и теории институциональной экономики).
 - 2.2. Политическая экология — другая разновидность антирыночной критики, рассматривающая потенциальный ущерб, причиняемый рыночным поведением экологии и окружающей среде. Политическая экология указывает на роль рынков в таких деструктивных по отношению к среде действиях, как вырубка лесов, истощение рыбных промыслов, загрязнение, глобальное потепление и трагедии об-

щественного достояния, которых становится все больше в результате не сдерживаемого индивидуализма и конкуренции в свободных рыночных экономиках (Bodley 1996). Кроме того, она рассматривает сложную взаимозависимость между вторгающимся рынком и популяционным ростом (например, Durham 1979; Goodland 1992).

Как антропологам, нам необходимо понимать, насколько тщательно эти теоретические направления обоснованы научными аргументами и подкреплены доказательствами. Нельзя забывать и о том, что каждое из них представляет собой также моральную позицию или политическую философию, которой доверяют ее политические сторонники. Это помогает объяснить определенную неспособность приверженцев той или иной теории отказаться от дебатов и признать, что любой теоретический подход определяет и анализирует лишь часть целостного эволюционного процесса. Более того, в случае если эти теории дополняют друг друга, мы сможем обнаружить связующие звенья между современными изменениями и общей теорией социальной эволюции человека.

Теория свободного рынка

Свободный рынок представляет собой сложную систему, в которой никто ни за что не несет ответственности. Для существования рынка требуется либеральное государство (гражданское общество), обеспечивающее институциональную матрицу, необходимую для становления успешного капитализма: стандартизированную денежную систему; права собственности; соблюдение заключающихся на добровольной основе контрактов, правила борьбы с мошенничеством; открытость, доступность; мир на рынках и т. п. Однако в решении остальных вопросов, касающихся рынка, государство не играет важной роли. Любая попытка правительства определить, что нужно делать с рынком, или решить, как следует поступать с ресурсами, сколько должны стоить товары, кому и с кем надо заключать контракты, воспринимается как вмешательство или рассматривается как свидетельство несовершенства рынка. Именно обезличенное действие рынка, где цены устанавливает закон спроса и предложения, то есть «невидимая рука» Адама Смита⁴ (Smith 1993;

4. Адам Смит (1723–1790) — шотландский экономист и философ; учился в Университете Глазго и Оксфорде; читал лекции в Эдинбурге. Смит сформулировал концепции «экономического человека» (человека с мотивами и стремлением к лич-

Смит 2007), гарантирует его эффективность. Правительственный контроль, как и попытки влиятельных индивидов использовать богатство и силу, чтобы исключить рыночные возможности для других, может вызвать только ненужные сложности и проблемы на рынке и снизить его эффективность.

В политической сфере приход саморегулирующегося рынка создает условия для победы финансирования с помощью материальных ценностей над финансированием вкладами в виде продуктов первой необходимости. При финансировании продуктами присвоение излишков пищевых продуктов, их транспортировка, хранение и размещение требовали централизованного управления со стороны государственных чиновников. При нормально функционирующей рыночной системе накоплением, транспортировкой, хранением и распределением управляют с помощью денег в качестве меры стоимости стороны, действующие в целях получения собственной выгоды (перевозчики, оптовики, кладовщики, банкиры, розничные торговцы, потребители).

Основной принцип саморегулирующегося рынка — адаптивность — возник задолго до промышленной революции. Этот рыночный принцип (Bohannon and Dalton 1965), распространяющийся на заключение сделок, когда стоимость обмениваемых товаров и услуг устанавливается спросом и предложением, обнаруживается на рыночных торгах в неиндустриальных обществах без всякого либерального государства; этим принципом также характеризуются некоторые виды обмена, которые мы наблюдаем в обществах, находящихся на уровне семьи и локальной группы. Действительно, если бы люди вынуждены были жить исключительно за счет ресурсов, добываемых на их территории, то их выживание могло зависеть от нехватки отдельных продуктов, скажем обсидиана или соли, принимающих в таком случае решающее значение, и человечество никогда не смогло бы занять столь многочисленные среды обитания. Наличие торговли на расстоянии в какой-либо из ее форм между группами чужаков можно легко проследить на сотни и тысячи лет назад, вплоть до возникновения человечества (Наук 1988: 40–41). Попытки максимально увеличить личную выгоду в зависимости от спроса и предложения на местах, даже тогда, когда недо-

ной выгоде) и «естественного порядка» (рыночных отношений), в значительной степени заложивших основу современной экономической теории. «Невидимая рука рынка» — его самая известная фраза: собственная выгода достижима лишь через удовлетворение потребности другого; рынок подталкивает производителей к реализации интересов других людей, а всех вместе — к росту богатства всего общества.

статочны сформированы институциональные рамки либерального государства, наглядно демонстрируют и торговые склады, где внутриматериковые и береговые эскимосы (случай 6) обмениваются специализированной продукцией, и базары, на которых торгуют пастухи и земледельцы Среднего Востока (случаи 11 и 14), и даже обмены дарами между крестьянами, известные как обоюдные договоры (случаи 17, 18 и 19). Как показал Салинз, в Меланезии (Sahlins 1972: 280–301; Салинз 1999), даже в отсутствие либерального государства, то есть определенных правовых и культурных границ, институционализирующих конкуренцию и стремление к прибыли, на стоимость таких обмениваемых по бартеру товаров, как топоры, копья, свиньи и кокосовые орехи, влияют спрос и предложение.

Рыночный принцип, обнаруживаемый всюду, где люди занимаются торговлей (Sapcian 1968), позволяет решать многие проблемы в экономике жизнеобеспечения без контроля и управления со стороны элит. Индивиды заключают сделки, чтобы по возможности получить то, в чем они нуждаются, при этом предлагая то, в чем они в состоянии себе отказать. Каждый имеет право заключить самую выгодную из возможных сделку в данной реальной ситуации. Набор отдельных альтернатив, как то: торговать ли с этим человеком, предлагать ли ему эту вещь, вкладывая свой труд и ресурсы в то, чтобы она поступила в торговлю и т.д., составляет своего рода «бессознательное сотрудничество индивидов... [которое] ведет к решению проблем» (Наук 1939: 14). И, несмотря на то, что некоторые сделки диктуются в значительной мере социальными правилами и ритуальными предписаниями (например, какой выкуп предлагать за невесту или что отдавать, ценные браслеты или бусы), многие другие, совершаемые тихо и без огласки, отличаются высокой эффективностью и позволяют товарам и услугам перемещаться между домохозяйствами в соответствии со спросом и предложением (например, цикл *кула* у тробрианцев, случай 12).

В случае когда рыночный принцип возводят в ранг политической философии, моральным императивом, лежащим в ее основе, становится индивидуальная свобода и ответственность (M. Friedman 1962; Murrau 1997). При исследовании описанных нами случаев мы многократно сталкивались со свободой, основанной на ответственности, соответствующей духу этой философии. На протяжении мировой истории индивиды со своими семьями противостояли миру рисков и возможностей, требовавшему от них осуществления собственного выбора в соответствии с тем, как они сами оценивали свою заинтересованность. Выжечь поле сегодня или подождать еще несколько дней, пока

стоит сухая погода, но с риском, что пойдет дождь? Заняться ткачеством или выйти на поиски пищи? Кому из бигменов преподнести дары? Сколько зерна надо сохранить дома, а сколько продать на рынке? К такому выбору редко принуждают силой оружия: он — дело заинтересованных индивидов и семей. Они могут руководствоваться рациональным подсчетом затрат и результатов, а могут просто подражать уважаемым членам своего сообщества (Наук 1988: 24; Henrich 1998). В любом случае решение за ними, и им приходится принимать на себя ответственность за сделанный выбор (хотя если его последствия разочаровывают, то людям свойственно пенять на черные силы, ведьм и демонов). Подчас неправильный выбор носит фатальный характер, но еще чаще при принятии решения индивид проявляет щедрость, чтобы выстроить социальные связи, на которые можно опереться, когда истощаются собственные ресурсы. Кроме того, мир суров, и неудовлетворительное управление часто бывает наказуемым. Мораль, которую подразумевает теория свободного рынка — род дарвиновской пуританской этики, в силу которой индивидов восхваляют за сообразительность, самопожертвование и усердие и проклинаят за праздность и недостаточную рассудительность (Tawney 1926).

Антирыночная критика I: Субстантивная экономия

Даже теоретики свободного рынка признают, что «бесспорно, имеются сферы... к которым не приложим ценовой механизм, либо из-за того, что некоторые услуги невозможно оценить, либо из-за того, что то, чего желает подавляющее большинство, можно достичь только посредством принуждения небольшого несогласного меньшинства» (Наук 1939: 13). Хотя последователи этой теории по понятным причинам уделяют недостаточно внимания исключительным случаям, когда экономическим потребностям подчиняется некий процесс, отличный от рынка (скажем, бесплатное образование); в действительности они признают, что правительство должно контролировать такие угрозы, как монополизм, загрязнение окружающей среды и распространение заразных болезней. Кроме того, соглашаясь с тем, что саморегулирующийся рынок процветает лишь при наличии сильной правительственной инфраструктуры, теоретики рынка отводят важную роль институциональному окружению, в котором свободный рынок действует. В самом деле, большинство представителей бюрократии, которых теоретики свободного рынка считают помехой рынку, в действительности служат его опорой, регулируя права собственности, стандарты мер

и весов, следя за рекламой и реализуя набор услуг, позволяющих рынку нормально функционировать. Сегодня это так же справедливо, как и тысячу лет назад, когда Китай впервые попытался укрепить рыночную экономику бюрократией, не затронутой, насколько это было возможно, коррупцией на местах и не включенной в локальную политическую экономику.

Однако еще дальше идет антирыночная критика, восходящая к марксизму, институциональной экономике и субстантивистской экономической антропологии. Она подразделяется на общую и специфическую критику. Общей является то, что признается, что свободный рынок способствует эгоцентричному индивидуализму, который разлагает оболочку общества (Wolf 1969: 283), ставя конкуренцию выше кооперации, а эгоистические мотивы выше общественных. Специфическая критика говорит о том, что результатом конкуренции свободного рынка является накопление богатств в руках немногих и бедность остальных, приводящая к их эксплуатации. Согласно этому взгляду, «капиталистическое государство существует, чтобы обеспечивать господство одного класса над другим» (Wolf 1982: 308), тогда как истинной ролью правительства могло бы стать сдерживание рынка, чтобы укреплять в обществе не алчность, а иные ценности, и осуществлять справедливое распределение благ (см. Plattner 1989с: 380).

Эта критика, которую Кук (Cook 1968: 212) однажды назвал романтической, будучи моральной философией, бросает вызов бесчувственному индивидуализму рыночного принципа. В частности, она обращает внимание на те способы, которыми рынок порождает и поддерживает классовое неравенство, усиливая страдания большинства трудящихся и прокладывая путь гротескно неумеренному потреблению ничтожного меньшинства. В более общем виде власть рынка рассматривается ею как недальновидный способ управления экономическими проблемами, нацеленный на эффективность и разрушающий традиционные социальные узы, тогда как проверенные временем социальные отношения и чувство общности ориентированы на безопасность и борьбу с несправедливостью и угрозами для общественного блага.

Антирыночная критика II: Политическая экология

Логика другой разновидности антирыночной критики сродни субстантивистской, но ее внимание сосредоточено не столько на распаде сообщества людей, сколько на ущербе, наносимом здоровью и природе, от которой мы зависим. Согласно этому взгляду, до распространения свободного рынка человеческие со-

общества существовали в относительном равновесии с природой, руководствуясь традиционными экологическими и политическими механизмами сдерживания разрушения окружающей среды и обеспечения стабильности производственных систем на долговременной основе (Balée 1989). Напротив, свободный рынок разрушил социальную оболочку, что привело к исчезновению ощущения единства с миром природы. Поиск выгоды превращается в кратковременную цель: извлечь ресурсы, продать их на рынке, присвоить доход и уйти, когда они истощатся (Bodley 1996: 74–75). Открытая разработка руд, полная вырубка леса, истощение рыбных промыслов — все это сегодняшние примеры этой губительной тенденции. В определенной степени здесь можно говорить о трагедии общественного достояния (раздел 1): прибыльнее вырабатывать ресурсы до истощения, чем охранять их во имя таких абстрактных понятий, связанных с будущим, как «планета Земля» или «наши внуки».

Политическая экология еще только формирует свой особый подход. Представляя собой комбинацию взглядов, заимствованных из политической экономии и экологии человека, она вынуждена балансировать между некогда противоположными позициями. Например, многие политэкономы считают, что возможностей для производства пищи в мире намного больше, чем требуется существующему населению, и что бедность и голод являются результатом неравенства в распределении богатства и политической власти: «Представляется очевидным, что человечество можно легко накормить, если наличествующие ресурсы пустить в производство, используя существующие технологии» (De Janvry 1981: 144). Следовательно, если бы перераспределение ресурсов стало политической целью, оно могло бы уничтожить голод во всем мире. В то же время теоретики, ориентированные на экологический подход, считают, что вместимость Земли уже достигнута или превышена и что перераспределение ресурсов между богатыми и бедными может лишь снизить недоедание, но не уничтожить его (Ehrlich and Ehrlich 1990: 66–69). Одно из исследований, посвященных возможности перераспределения наличествующей в мире пищи, обнаружило, что единственным способом довести пищевое потребление беднейших популяций до минимального достаточного уровня может быть снижение потребления богатых популяций до того же минимума и что любая менее радикальная стратегия, как, например, сокращение потребления мяса у богатых наций на 25%, способна лишь несколько уменьшить пищевой дефицит в бедных популяциях, оставляя при этом сотни миллионов людей ниже рекомендованного уровня пищевого достатка (Heady et al. 1978).

Последователи политической экологии, рассматривающие голод как проблему распределения, подчеркивают политический аспект, а те, кто видит в нем проблему ограниченной востимости, считают более важным экологический аспект. Несомненно, истина лежит где-то посредине, в области, оспариваемой обоими направлениями.

Политическая экология, как и субстантивистская критика, доказывает, что со стороны сообщества необходим контроль, местный или на более высоком уровне политической интеграции, чтобы защитить индивидов от неограниченной, разрушающей окружающей среду капиталистической эксплуатации. Как моральная философия, политическая экология высоко ценит стабильное сосуществование с миром природы. Мы истребляем то, что могли бы восстанавливать, и до конца исчерпываем то, что могли бы упорядочивать. С точки зрения политической экологии, благополучие экосистемы земли зависит от каждого. Некоторые системы религиозных верований, которые поддерживают этику энвайронментализма, настаивающую на гармонии человека и природы (Tucker and Williams 1997), предполагают, что в идеальном мире индивиды, добровольно сдерживая себя, могли ощущать взаимосвязь как друг с другом, так и со сложной и многообразной паутиной жизни. В реальном мире различных перспектив и ценностей, в противоположность идеалам свободного рынка, надо политическими средствами сдерживать субъектов (индивидов, корпорации, правительства), которые разрушают основное богатство — природные ресурсы.

Рынок и государство как инструменты для решения проблем

Общей темой всяких политических дебатов является дискуссия в защиту или, наоборот, против свободного рынка, в течение которой, по существу, поднимается вопрос о том, правительство или рынок может успешнее решать базовые проблемы благосостояния семей и сообществ. Порой кажется, что рыночные теоретики представляют себе либеральное государство как фон, функциональную оправу для помещенного в нее драгоценного камня — свободного рынка. Однако не следует забывать, что в эволюции человеческих обществ либеральное государство появляется поздно и является монументальной, но зачастую недолговечной победой как над индивидуалистическими практиками, ориентированными на семью (коррупцией, гангстеризмом, олигархией, мошенничеством), так и над различными формами локального протеста против слияния с более крупной политической экономикой, то есть над всем тем, что могло бы это госу-

дарство разрушить. Например, недавние попытки по созданию демократического капитализма в России в отсутствие поддерживающей его инфраструктуры, законов и институтов иллюстрируют, насколько губительным может быть неограниченный экономический индивидуализм и как трудно установить нормы закона (Alexiev 1998). Саморегулирующийся рынок не может процветать без сильного централизованного государства, контролирующего проявление его разрушительных крайностей.

С другой стороны, критики свободного рынка недооценивают громадное число экономических проблем, которые он ежедневно решает для участвующих в нем домохозяйств. Критики делают акцент на значении алчности в мотивации рыночного участия. Им очевидна и роль государства, старающегося обуздать жадность и стремящегося служить опорой во взаимоотношениях людей с сообществами и природой. Однако интегративный подход к эволюции человеческих обществ должен подняться выше попыток объяснить алчностью распространение коммерциализации (cf. Harvey 1989: 103), играющей важную роль в решении значимых для домохозяйств и сообществ проблем.

В нашей модели социальной эволюции выделяются четыре проблемные области, которые на каждом новом уровне интенсификации требуют новых решений: риски производства, набеги и войны, неэффективное использование ресурсов и ресурсный дефицит. То, как эти проблемы решались трансформирующейся экономикой в случаях, рассмотренных в этом разделе, служит иллюстрацией применения интегративной теории социальной эволюции к нарождающейся глобальной системе. Необходимо еще раз подчеркнуть, что направление изменений в сторону увеличения и усложнения еще не означает прогресс и что решения, предлагаемые для этих четырех проблемных областей единой рыночной системой, не означают улучшения жизни простых людей, которым в целом ряде случаев от этих изменений становится лишь хуже.

Риски производства. Рынок предлагает различные инструменты, чтобы предотвратить риски от ценовой конкуренции (банковские сбережения, страховые полисы, сделки с недвижимостью). Часто в роли средства накопления используются деньги, которые можно обменять на предметы первой необходимости, как это происходило прежде с примитивными ценностями и финансированием посредством богатства. Фермеры, включенные в систему безопасности, предоставляемую рынком, могут хранить накопления в деньгах и быть уверенными, что по мере необходимости превратят деньги в продукты питания и иные предметы первой необходимости. Многие фермеры, которым здравый

смысл не позволяет доверять рынкам и деньгам в обществе, где рыночная система ослаблена коррупцией, по-прежнему ищут надежности в непосредственном хранении пищевых продуктов в закромах или инвестициях в скот (который тоже можно продать и получить продукты первой необходимости). Тем не менее хранение продуктов первой необходимости в домашних условиях — сравнительно расточительная форма достижения экономической безопасности, от которой обычно отказываются, когда рыночные системы становятся сильными и надежными.

Рынок способен также быстро перемещать движимое имущество от продавца к покупателю, снижая риски потерь, обусловленные пресыщением или порчей, и позволяет покупателям приобретать необходимые для выживания продукты, если их собственные уничтожены бедствием. Большинство современных крестьян (например, случаи 17, 18 и 19) хранят в своих домах меньше пищи, чем покупают на рынке, — отличная от прежней стратегия, успех которой зависит от уверенности фермеров в том, что у них будут деньги, когда опустеют кладовые.

Однако с точки зрения субстантивистов (антирыночная критика I), рынок интенсифицирует риски для семей трудящихся, разрушая их древнюю связь с основными ресурсами (землей, рыбными промыслами и т. д.). Ресурсы становятся движимой собственностью, которую можно отчуждать посредством продажи. Более того, с превращением самого труда в движимое имущество, оцениваемое в соответствии с доминирующими ставками заработной платы, трудящиеся теперь «свободны индивидуально заключать контракт с работодателем. Они „свободны“ также голодать, носить дешевую одежду и превращаться в бездомных, если доходы отсутствуют» (Plattner 1989с: 382).

Этот процесс происходит в Буа-Вентуре (случай 17), поскольку семейство землевладельца все больше стремится покончить со старой системой укоренившихся отношений «клиент — хозяин» и вместо этого иметь дело со свободными рабочими, которых по желанию можно нанимать и увольнять. Национальное правительство обратило внимание на нужды крестьян и ввело пенсии по старости и медицинское страхование для обеспечения безопасности, когда-то предоставляемой им хозяевами, а теперь утерянной. Басери, жизнь которых построена вокруг семьи и общины, также считают, что их древняя связь с пастбищами разрушена современным рынком, предпочитающим наемных пастухов на службе у городских капиталистов. Что произойдет с бразильскими фермерами-арендаторами и пастухами басери к моменту завершения рыночных преобразований, когда они останутся без земли? Усилия эскимосов (случай 6) и мачигенга

(случай 3) по коммерциализации и их стремление установить контроль сообщества над ресурсами нацелены на то, чтобы рынок не уничтожил традиционное право на землю. Антирыночную марксистскую политику проводило и китайское правительство, перемещая богатство из благополучных деревень, таких как Дайдоу (случай 18), в деревни беднее, такие как Гандоуцзан-цзя, и гарантируя каждому домохозяйству стабильность «железной рисовой миски».

Что же касается производственных рисков, то с точки зрения политической экологии (антирыночной критики II) технологии традиционных фермеров, основанные на распределении рисков, меньше зависят от угроз, исходящих от вредителей, болезней или засух, чем капиталоемкие высокопродуктивные стратегии производства (например, фермеры Буа-Вентура [случай 17]; cf. Bodley 1996: 89; Johnson 1972). К тому же рынок ведет к чрезмерному использованию и деградации ресурсов, подобно тому, что в XX веке случилось в Иране (случай 14), где понадобились поколения, чтобы восстановить ресурсы, снижая вместимость земель при росте населения (Bodley 1996: 26).

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что единая саморегулирующаяся рыночная система эффективно решает определенные проблемы, связанные с рисками, позволяя излишкам пищи попадать к потребителю раньше, чем они испортятся, развивая страховые полисы и иные инструменты распределения рисков, добиваясь возможно низких затрат и т. д. Но эта действенность в управлении рисками не связана с потребностями индивидов. Рынок не знает сострадания к конкретным семьям, рискующим остаться без земли и работы в результате рыночной активности. Действительно, по отношению к семьям, живущим в бедности, свободный рынок занимает дарвиновскую позицию — «выживают те, кто приспособился». Более того, он нацелен лишь на добычу ресурсов, мобилизуя для этого массы капитала, и не считается с далеко идущими последствиями деградации ресурсов (например, почв и рыбных промыслов) и загрязнения окружающей среды (например, воды), что повышает риски будущих катастроф. Если пищевые запасы начнут сокращаться, в то время как будет продолжаться рост населения, что уже происходит в некоторых местах (Ehrlich and Ehrlich 1990: 69), то рыночная система, ориентированная на кратковременную выгоду, а не на долговременное управление ресурсами пищевого производства, должна будет взять на себя ответственность за этот кризис.

С точки зрения социальной эволюции, управляя определенно-го рода рисками, такими как снижение потерь из-за порчи продуктов первой необходимости, которые хранятся в домохозяй-

ствах для обеспечения безопасности, рынок способствует большей интенсификации, что означает, что тех же ресурсов может хватить на большее количество людей, поскольку ресурсы эффективнее распределяются. В то же время растущая интеграция домохозяйств в сообщество, де-факто образованное их участием в рынке, означает снижение безопасности на семейном уровне. Как правило, рыночная система работает хорошо, но когда по каким-то причинам рынок буксует, скажем из-за засухи в регионе или политической нестабильности, то у домохозяйств нет запасного выхода и они оказываются крайне незащищенными. Домохозяйства зависят от государственной системы перераспределения (основанной на налогообложении), призванной помогать им на протяжении кризиса — политически обусловленного момента времени, когда их подчинение полицейской мощи стратифицированного государства подкреплено осознанием того, что у них на столе появится еда, только если они будут лояльны элитам, контролирующим неприкосновенные запасы пищи.

Набеги и войны. Популяционный рост и технологические достижения приводят к тому, что цены на землю и прочие природные ресурсы растут, еще больше превращая их в объект соперничества и борьбы. Как могучая интегративная сила, рынок настолько способен помешать войнам, насколько он увеличивает выгоды от мирных сношений между торгующими партнерами. Такая модель действует и в обществах меньших размеров, где с помощью торговли устанавливается доверие между группами и, таким образом, предотвращаются войны (случаи 9 и 12).

Достоверно известно, что рынок, будучи надежным бастионом для стремящихся к собственной выгоде, в сущности, ничего не делает, чтобы заставить искателей наживы отказаться от таких проявлений негативной реципрокации, как организованные преступления и военный захват богатых ресурсами зон. Тем не менее значение рынка заключается в способности решать реальные экономические проблемы, что служит поддержкой для политической воли, направленной на институционализацию гражданского общества, способного гарантировать мир на рынке. Определяя и гарантируя права собственности, свободный рынок и либеральное государство направляют разрешение конфликтов из-за ресурсов в мирное русло. Например, предоставление прав на полезные ископаемые эскимосам (случай 6) дало им власть на рынке, позволив отстаивать свои интересы, мирно улаживая дела с капиталистами, намеревавшимися эксплуатировать их ресурсы. Чтобы сохранять мир на рынке, в распоряжении либерального государства имеется полиция и судебная власть.

Свободный рынок в определенной мере прокладывает прямой путь к богатству и власти, если это не требует военного господства, а богатство не складывается из потоков дани. Рынок позволил индейцам Северо-Западного побережья (и потребовал от них) «сражаться с помощью собственности» вместо оружия (случай 9). Во Франции и Японии (случай 15) усиление рыночной интеграции сопровождалось во властных центрах переходом от собственности на землю (контроль над средствами производства) к повышению доходов от торговли (контроль над средствами обмена), что явилось важнейшим признаком окончания феодализма, базировавшегося на военной силе предводителей.

С другой стороны, свободный рынок часто был основным мотивом развязывания войн. Неустанный поиск ресурсов и потребителей, характерный для капитала, приводит к завоевательным войнам, как это происходило, например, когда европейцы развязали Опиумную войну⁵, чтобы открыть Китай для западных рынков, или когда Соединенные Штаты Америки присоединили захваченные у Мексики юго-западные территории. Военные действия в пограничных районах между Афганистаном, Китаем и Советским Союзом, в результате которых пострадали киргизы (случай 11), как и современная внутренняя экспансия иранского правительства с целью установления контроля над басери, привели к установлению национального контроля над удаленными ресурсными зонами и торговыми маршрутами.

Локальные сообщества зачастую ничего не хотят от рынка или, по крайней мере, ограничивают свое участие в рынке, защищая собственные интересы. Капиталисты, обладающие несметными богатствами и способные купить голоса или получить иной доступ к управлению, посредством тотальных поставок мобилизуют государственную мощь для преодоления сопротивления со стороны популяций, защищающих свои ресурсы от рыночной эксплуатации. Следовательно, большое количество, а то и большинство районов мира за последние века было включено в расширяющийся мировой рынок силой оружия — с помощью завоеваний, колониализма и империализма. В целом усиление глобальной интеграции производителей и потребителей ведет к разрушению культурной целостности и отказу от самоопределения на местах, вынуждая сообщества входить в рынок против своей воли.

5. В действительности речь должна вестись о двух так называемых опиумных войнах — 1-й (Англо-китайской, 1840–1842) и 2-й (Англо-франко-китайской, 1856–1860). Европейские колониальные державы, потерпев неудачу в попытках дипломатическим путем открыть китайский рынок для своих товаров, в особенности опиума, развязали военные действия.

Отсюда следует, что рынок снижает уровень насилия в человеческих отношениях не более, чем события, предшествующие ему в социальной эволюции. Как можно заключить из вышесказанного, способность регулировать насилие внутри больших групп усиливает интенсификацию, превращая экономическую интеграцию в стабильный процесс и укрепляя внутри регулируемой группы основанную на стратификации власть. Но в то же самое время эти достижения означают, что элиты могут широко использовать насилие как инструмент для достижения собственных целей: создания наиболее предпочтительных условий в политической экономике, преодоления оппозиционных настроений на своей рыночной территории и захвата и освоения новых территорий.

Неэффективное использование ресурсов. Рынок предлагает беспрецедентные возможности для накопления капитала, позволяя создавать артефакты и сооружения (например, корабли, мосты и заводы), с помощью которых растет масштабность экономики и ее способность захватывать новые ресурсы, в силу чего увеличивается поток товаров, идущих потребителям. Благодаря капиталу оказались доступны нефтяные месторождения Прудо-Бэй, сибирские рудники и отдаленные районы Бразилии, осваиваемые такими способами, которые были недоступны охотникам-эскимосам, скотоводам-нганасанам и занимающимся жизнеобеспечением арендаторам-фермерам.

Капитал, координируя или, как сказали бы марксисты, экспроприируя собственность множества людей, способен достигать потрясающих размеров. Деньги сами по себе обладают абстрагированным магическим свойством, которое Маркс назвал товарным фетишизмом (Harvey 1989: 100). В больших количествах деньги, как и их обладатели, приобретают ауру святости, неоспоримую власть, но при этом отличную от той наводящей ужас власти, которая характеризовала правителей древних аграрных государств. Священный характер капитала, обязанный частично его способности производить работы огромного масштаба и невероятной сложности, а частично — его тесной связи с властью и полицией (Rappaport 1994: 160–61), помогающей преодолевать сопротивление политической оппозиции на местах, еще больше укрепляет его легитимность, необходимую для дальнейших преобразований земель.

Помимо этого, рынок до некоторой степени способствует возникновению конкуренции систем производства, способной повысить производительность. Можно привести в качестве примера введение современных методов разведения высококачествен-

венных пород овец, которым занимаются профессиональные пастухи, пришедшие на смену басери (случай 14). Пока остается не изученным, достигает ли похожего эффекта введение в производство кофе, какао и крупного рогатого скота в дождевых лесах, окружающих мачигенга (случай 3); то есть является ли это формой интенсификации, при которой с фиксированного количества земли получают больше продуктов и прибыли. В обоих случаях вторжение иных популяций на территории этих малых сообществ повысило рыночный спрос, усилило конкуренцию и в итоге стало угрожать их существованию как самодостаточных экономических сообществ.

Но капитал не пассивная сила, которую можно мобилизовать по мере возникновения проблем. Он постоянно ищет новые возможности для инвестирования, подстегиваемый громадными накоплениями в торговых центрах. До экспансии рынка экономические потребности на местах обычно можно было удовлетворить посредством капитализированной экономики жизнеобеспечения, как это было у рыболовов-индейцев Северо-Западного побережья (случай 9). Однако расширяющаяся рыночная система увеличивает международный спрос на местные ресурсы, такие, например, как лосось, повышая его ценность и привлекая капитал в виде нового снаряжения для его ловли, хранения и транспортировки, что, в свою очередь, сильно увеличивает продуктивность и в итоге приводит к истощению ресурсов. Попадание на глобальный рынок ресурсов, составляющих основу жизни ряда сообществ коренного населения, может приводить к повышению цен на них.

В таких случаях местное население (уже хорошо адаптировавшееся) обычно сопротивляется проникновению капитала, но оказывается бессильным перед ним, поскольку последний усилен военной мощью либерального государства, занятого не только «уходом» за рыночным механизмом, но в первую очередь империалистическими захватами ресурсов и рабочей силы у небольших и слабых сообществ (Wolf 1982: 299–302). Не столь драматично, но с такой же очевидностью ситуация в Буа-Вентура демонстрирует, как реалии меняющегося рынка приводят к тому, что использование земельных ресурсов превращается в прибыльное дело капиталистическими фермерами и наемными сельскохозяйственными рабочими, а не арендаторами-фермерами, занимающимися жизнеобеспечением, и не имеющие здесь корней наемные рабочие вытесняют сообщество фермеров с их традиционной привязанностью к земле.

Как отмечалось выше, расширяющийся рынок позволяет использовать капиталоемкие решения проблем производства,

увеличивая степень и скорость разрушения экосистем: капиталистическое скотоводство забирает миллионы акров леса, горнопромышленные работы загрязняют целые речные системы и т.д. В масштабах планеты рыболовство на плавучих перерабатывающих заводах, ведущее в течение последних десятилетий к истощению морской фауны и рыбных ресурсов, представляет собой зловещее порождение агрессивной капитализации — то, чему П. Эрлих и Э. Эрлих (Ehrlich and Ehrlich 1990: 85) дали определение «пылесосить море».

Во многих случаях в основе своей рыночные технологические решения, направленные на увеличение запасов пищи, не слишком эффективны. Стоит лишь добавить в уравнение затраты на неизбежные расходы, особенно на энергию, используемую в машинах, при производстве удобрений, транспортировке, замораживании и упаковке, как реальная себестоимость дополнительных продуктов питания оказывается куда выше, чем при использовании традиционных технологий в пищевом производстве (Pimentel and Pimentel 1979). Кроме того, зачастую при капиталоемких технологиях урожайность начинает со временем падать, хотя затраты капитала продолжают расти (Ehrlich and Ehrlich 1990: 92–93).

Не будучи одушевленным существом, свободный рынок не способен сформировать концепцию здоровой экосистемы, не говоря уж о том, чтобы ее защищать. Обычно все отдается на откуп капиталистическим фирмам, извлекающим из природы сокровища и не планирующим взять на себя затраты на восстановление этих сокровищ. Если бы строительство сооружений, загрязняющих окружающую среду, включало затраты на восстановление и очистку в качестве расходов, предусматриваемых сделкой, то предел их прибыли был бы совершенно другим и у них присутствовала бы мотивация охранять среду. Если бы лесопилки должны были брать на себя затраты на восстановление леса, то подсчеты собственной прибыли могли бы послужить им мотивацией для более щадящей вырубki деревьев (Necht 1992). Во многих современных рыночных системах прибыль от добычи ресурсов достается частным вкладчикам, тогда как все долговременные затраты — очистку от токсинов, лесопосадки, восстановление водных путей — берет на себя общественность, согласно концепции трагедии общественного достояния (Bodley 1996: 74–77).

Несомненно, рынок эффективно обеспечивает людей ресурсами для удовлетворения их потребностей, и это объясняет его продолжающееся распространение в отдаленные области (Narvey 1989: 103). Рынок влияет на то, что локальные популяции те-

ряют контроль над своей собственной ресурсной базой, потому что рыночные экономисты считают такие традиционные системы неэффективными, недостаточно продуктивными и расточительными. Рыночное поведение, мотивируемое императивом, согласно которому капитал относительно быстро получает прибыль (на протяжении месяцев или, самое большое, нескольких лет), может вылиться в высшей степени неэффективное поведение на протяжении очень долгого времени. Можно сравнить рыночное управление ресурсами с семьей, влезавшей в долги и ведущей при этом расточительный образ жизни — долги потребуют отдавать, но, как сказал один из теоретиков рынка, «в конце концов, все мы умрем».

С точки зрения социальной эволюции главное значение более эффективного использования ресурсов заключается в том, что рынок вводит все большую их долю в мировую орбиту спроса и предложения. Канадская пшеница кормит не только канадцев, но и русских; рыба из Атлантического океана, как и крупный рогатый скот из Центральной Америки, попадает на стол людям, проживающим на расстоянии в тысячи миль от мест их добывания. Спрос распространяется на отдаленные регионы; и это настолько экономически значимо, что в этих регионах с помощью капиталовложений интенсифицируется производство. На всем пространстве мировой экосистемы рынок приводит ко все большей интенсификации производства путем роста затрат в промышленных масштабах на удобрения, пестициды и использование перерабатывающих технологий непосредственно на полях и в море. В результате экономическая интеграция приобретает беспрецедентные размеры, а контроль над принятием решений, касающихся производства, в удаленных местах принимает все более стратифицированный характер.

Ресурсный дефицит. Рынок, посредством распространения объектов спроса и предложения, способствует развитию торговли между партнерами, как угодно удаленными друг от друга (производители в Кении могут предлагать предметы, которые будут востребованы совершенно незнакомыми им индонезийцами); в то же время для такого распространения не требуется настоящего управления, если не говорить о направленных на собственную выгоду постоянных усилиях оптовиков, менял, перевозчиков и розничных торговцев на протяжении всего маршрута следования объектов. Именно рынок ответил на спрос на мясо среди населения, проживающего южнее нганасан (случай 4), который подтолкнул последних увеличить мясное производство, чтобы посредством торговли получать нужные им товары (чай, сахар и металлы).

Фактически рыночная торговля *является* спросом на расстоянии. По мере роста населения растет и спрос, а свободный рынок обезличенно распространяет этот спрос в другие регионы, где можно найти предложение для его удовлетворения. Например, шошоны (случай 1) традиционно проживали в регионе, богатом железной рудой, но ни они, ни кто-либо еще не использовали этот ресурс до тех пор, пока его не стал эксплуатировать капитал и не появился спрос на железо, а капитал и спрос пришли туда с рынком. Рынок же стимулирует мачигенга (случай 3) расширять использование своих земель под товарное выращивание кофе и прочих культур, поскольку рынок заинтересован в ресурсах, в данном случае в земле, на которую имеется постоянный спрос, независимо от того, находится ли она под паром или занята неводеланным лесом.

Как и в случае неэффективного использования ресурсов, способность рынка захватывать дефицитные ресурсы, достаточные для поддержания на местах экономики жизнеобеспечения, приводит к повышению цен на них, непосильному для местных жителей, и их открытости для мирового спроса. Как только спрос в богатых северных странах вынудил местных рыбаков мискито⁶ в Гондурасе стать наемными ловцами омаров⁷, то этот ресурс, обильный еще в 1970 году, практически иссяк к 1990 году (Dodds 1994: 178–189).

Действительно, с точки зрения социальной эволюции последствия обращения рынка с ресурсным дефицитом и неэффективного использования ресурсов идентичны. Повсюду мировая торговля начинает напоминать обоюдоострый меч: она повышает эффективность перемещений товаров в области с самым высоким спросом (цена, которую готовы за них отдать), играя тем самым важную роль в глобальном поддержании роста населения; при этом она создает новые каналы для мирового спроса, который усиливает давление населения на ресурсы даже в областях с низкой плотностью населения, где когда-то люди жили в устойчивом равновесии с природой. В этих случаях рынок не может решить проблемы, имеющие большее значение для локального сообщества. Например, мискито Гондураса

6. Мискито (Miskito), или москито (Mosquito) — народ коренных американцев, расселенный в Никарагуа (154 тыс. чел.) и Гондурасе (29 тыс. чел., 1993). Язык относится к мисумальпанской языковой семье, преподается в начальной школе и давно уже служит торговым жаргоном, которым пользуются также многие испаноязычные соседи. Основные отрасли хозяйства — земледелие и рыбная ловля.

7. *Омары* (*Nephropidae*, или *Homaridae*) — семейство крупных морских раков, в общей сложности объединяющее 13 родов и 48 видов. Лов омаров представляет собой весьма прибыльный бизнес, оцениваемый в 1 млрд долл. в год.

до прихода рынка обладали обильной базой жизнеобеспечения. Интенсифицируя использование своих ресурсов, они интегрировались в мировое экономическое сообщество; но интенсификация, как и интеграция, являются проявлениями стратифицированного характера мировой системы, которой управляют элиты, живущие вдали от местных сообществ и имеющие в своем распоряжении капитал и политические и военные ресурсы, по-прежнему гарантирующие им свободу действий в собственных интересах.

Социальная эволюция и свободный рынок

Когда речь заходит об экономике, населении и окружающей среде, тут же возникают дебаты между сторонниками и критиками свободного рынка. Споры эти часто приводят к простой дихотомии, когда одни выступают за свободный рынок без вмешательства со стороны государства, а другие против рынка, но в защиту такого вмешательства. В доводах в поддержку рынка занижаются затраты свободного рынка на социальную и природную среды, тогда как в прогосударственных аргументах недооценивается роль рынка в решении серьезных экономических проблем, вызванных ростом населения и технологическими изменениями.

Теория социальной эволюции не только позволяет, но и требует объединить эти подходы и каким-то образом их сбалансировать. Многие из тех ситуаций, в которых антирыночные теоретики видят институционализацию алчности посредством свободного рынка, в действительности связаны с эволюционными условиями, и рынок является реакцией на них, а не их причиной. Рост населения в аграрных регионах приводит к увеличению потребности интенсифицировать пищевое производство, как правило, за счет сокращения размеров ферм и увеличения затрат капитала на труд, а также получения улучшенных семян, удобрений и пестицидов. Без интенсификации невозможен рост населения, а интенсификация невозможна (наряду с прочими условиями, но все в нарастающей степени) без рынка.

Представляется очевидным, что зарплата неквалифицированных рабочих будет неминуемо снижаться до тех пор, пока увеличение спроса на неквалифицированный труд не компенсирует рост населения. Верно и то, что элиты будут использовать политическую власть для удержания зарплат на возможно низком уровне, независимо от того, растет население или нет. Стараюсь достичь более высокого уровня потребления, люди будут

покидать близкие им сообщества, основанные на родстве, и даже отказываться делить приобретаемое ими имущество с нуждающимися членами семьи. Простое утверждение, что сокращение размеров фермерских наделов, низкие заработки и распад сообщества рыночно обусловлены, не объясняет того, почему столь большое число домохозяйств реагирует на рынок сходным образом.

На протяжении всей книги мы старались показать, что для социальной эволюции базовым правилом является то, что вместе с любой экспансией политической экономики, решающей проблемы экономики жизнеобеспечения, приходят возможности для установления контроля, появления лидерства и в итоге — элиты из самовыдвиженцев. Либеральные экономисты интуитивно признают это и требуют законодательных ограничений на монополию. Но они не видят тесной связи между богатством и политической властью, ограничивающей доступ бедных к политическому процессу и способствующей концентрации богатств и установлению классовых различий, которые наследуются и де-факто создают аристократию. Урок социальной эволюции заключается в том, что растущая интенсификация производства и экономическая интеграция сообществ неминуемо ведут к усилению расслоения. Состоящая из самовыдвиженцев элита всегда способна воспользоваться своим контролем над средствами производства, поскольку «снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства» (Engels 1972: 225; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21). Тенденцию элит к самовозвеличиванию можно сдерживать, лишь вводя политический контроль над рыночным поведением с помощью таких средств, как установление минимальной заработной платы, прогрессивное налогообложение, антитрестовое и антикоррупционное законодательства и налоги на наследство.

Точно так же мы видели достаточно свидетельств того, что эволюция человеческого общества, будучи эволюцией политической экономики, требует от нас политических решений, направленных на предотвращение разрушения окружающей среды из-за роста населения. Даже в таких простых обществах, как шошоны (случай 1), важную роль играл антилопий шаман, ограничивавший свободу индивидов при эксплуатации общественных ресурсов. Правительственные проекты феодальной Японии (случай 15) по восстановлению лесов и управление вождем басери (случай 14) маршрутами пастушеских миграций тоже иллюстрируют потребность в ограничении индивидуального поведения в масштабах сообщества задолго до того, как произошла революция свободного рынка.

Нарождающийся мировой порядок

После Второй мировой войны число независимых политий в мире перестало увеличиваться. Преимущества перешли на сторону экономической интеграции средствами саморегулирующегося рынка, менее дорогостоящей в сравнении с колониальным подходом к экономической экспансии через завоевания, а необходимость колониализма опровергалась. По крайней мере, в нынешнем политическом климате нации, будучи связанными с мировой экономикой, способны сохранять политическую независимость от лидирующих мировых держав.

В политическом отношении нарождающийся мировой порядок чем-то напоминает системы бигменов, объединяющие большую часть локальных групп в своих регионах. При отсутствии единой власти, претендующей на владение всеми ресурсами в регионе, более богатые локальные группы имеют и более могущественных лидеров, выстраивающих отношения со своими менее богатыми соседями на выгодных для себя условиях. Группы и их лидеры борются друг с другом, балансируя на грани кратковременных (таких, как накопительство и решение споров военным путем) и долгосрочных (как, например, выстраивание уз доверия и щадящее использование ресурсов) интересов. Чтобы достичь своих целей во время проведения переговоров, они используют блеф, помпу и саморекламу и все еще прибегают иногда к войне, по большей части неразумно. Они сами признают, что в интересах их собственных групп было бы лучше установить в регионах мир и сотрудничество, то есть политическую стратегию, характерную для внешней политики демократических наций (Ember et al. 1992; Rummel 1997).

Компромисс между следованием кратковременным и долгосрочным интересам повторяет диалектику соотношения свободы и необходимости, всегда имевшую значение на уровне семьи. Индивиды хотят свободы, чтобы наиболее подходящим, с их точки зрения, образом использовать ресурсы для удовлетворения потребностей своих семей; но при этом они признают, что бороться за ресурсы опасно, а держаться в одиночку означает отказаться от одного из самых величайших изобретений человечества, помогающих его выживанию, — кооперированной групповой деятельности.

В каком-то смысле с ростом населения свободы становится меньше. Наш мир не безразмерен, и чем больше людей, тем меньшая доля достается каждому. Очевидно, что технологии увеличивают доступность ресурсов, идущих на службу человеку; но поскольку к технологиям применим закон сокращающихся доходов,

то по мере того, как окружающая среда переполняется, людям приходится больше работать для удовлетворения своих потребностей. В разделе 1 мы показали, что, согласно данным о распределении времени, при переходе экономических систем от охоты, рыболовства и экстенсивного земледелия к интенсивному земледелию и индустриализации происходит и общее увеличение продолжительности рабочего дня.

А из развернутой в разделе 5 дискуссии о доместикации человеческого вида вытекает, что эволюция человеческого общества подразумевает потерю свободы и принятие примата ответственности. Это вступает в противоречие с представлением о том, что счастливые обитатели богатых современных демократий обладают величайшей в истории человечества степенью личной свободы. Именно крупные урбанистические, а не малочисленные и менее централизованные общества, получая доступ к ресурсам и определяя, как лучше ими распорядиться, испытали на себе стесненность во времени и в пространстве, как и всю полноту действия законов, ограничивающих свободу поведения индивида. Теперь известно, что люди не приветствовали прогрессирующее разрушение семейной автономии, а оказались подавлены растущими ограничениями и контролем.

Проблемы и технологические изменения, обусловленные ростом населения, всегда требовали достижения компромисса между политическим контролем над решением проблем индивидов и устоями сообщества. Сегодня мир меняется еще сильнее, чем в прошлом. Нарождающийся мировой порядок глобальной экономической интеграции, который, как надеются либеральные экономисты, будет поддерживать демократические структуры, средний класс и либеральное государство, в действительности представляет собой дальнейшее развитие интенсификации, интеграции и расслоения, характерных для социальной эволюции. Интенсификация в наше время испытывает сильное влияние рынков, предоставляющих технологии, труд и товары; интеграция предстает в основном в форме усиливающегося вовлечения в рынок; а расслоение все больше приводит к тому, что элиты посредством торговли приобретают несметное богатство и инвестируют деньги в выборы, защищая свои особые интересы. Рынок по-прежнему несовершенен, поскольку его наличие обостряет проблемы (например, загрязнение окружающей среды), решение которых должно контролировать государство, и поскольку, расширяясь, он создает новые возможности для установления контроля, ведущего к монополиям, коррупции, войнам за ресурсы и прочим негативным проявлениям, на преодоление которых направлены героические, но часто безуспешные усилия нарождающегося мирового порядка.

Библиография

- Аверкиева, Ю. П. 1941. Рабство у индейцев Северной Америки. М.; Л.: Изд. АН СССР.
- Барт, Ф. (ред.). 2006. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство.
- Бенедикт, Р. 1997. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. С. 271–284. СПб.: Университетская книга.
- . 2004. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН.
- Биокка, Э. 1972. Яноама. М.: Мысль.
- Блок, М. 1986. Феодалное общество. Том 1. Часть первая, книга II // М. Блок, Апология истории, или Ремесло историка. Приложение. С. 122–181. М.: Наука.
- Боас, Ф. 1976. Методы этнологии // Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретация культуры. С. 519–527. СПб.: Университетская книга.
- Бозеруп, Э. 2004. Рост сельскохозяйственного производства и демографические изменения // Дж. Итуэлл, М. Милгейт и П. Ньюмен (ред.). Экономическая теория. С. 1–18. М.: Инфра-М.
- Борофски, Р. 1995. Введение к книге «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. № 1.
- Карнейро, Р. 1999. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути становления цивилизации. М.: РГГУ.
- Крёбер, А. Л. 2004. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН.
- Малиновский, Б. 1999. Научная теория культуры. М.: О. Г. И.
- . 2004а. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН.
- . 2004б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Б. Малиновский. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН. С. 439–862.
- Мид, М. 1988. Культура и мир детства. М.: Наука.
- . 2004. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: РОССПЭН.
- Морган, Л. Г. 1934. Древнее общество / Пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. Л.: Ин-т народов Севера.
- Мосс, М. 1996. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: Наука.
- Мэн, Г. С. 1884. Древний закон и обычай. М.
- Поланьи, К. 2002. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя.
- Попов, А. А. 1948. Нганасаны: Материальная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- . 1984. Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л.: Наука.
- Салинз, М. 1999. Экономика каменного века. М.: О. Г. И.
- Сергеев, М. А. 1955. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. АН СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 27. М.; Л.: Наука.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Смит, А. 2007. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Соколовский, С. В. 2009. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. № 1. С. 45–64.
- Уайт, Л. 2004. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН.
- Эванс-Причард, Э. 2003. История антропологической мысли. М.: Восточная литература.
- Энгельс, Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. М.: Политиздат.
- Adams, J. 1973. The Gitksan potlatch. Toronto: Holt, Rinehart & Winston.
- Adams, R. 1966. The evolution of urban society. Chicago: University of Chicago Press.
- Alexiev, A. 1998. A march toward the abyss. Los Angeles Times, September 6.
- Allen, J. 1992. Farming in Hawai'i from colonisation to contact: radiocarbon chronology and implications for cultural change. New Zealand Journal of Archaeology 14:45–66.
- Allen, M. 1996. Pathways to economic power in Maori chiefdoms. Research in Economic Anthropology 17: 171–225.
- AMRF. 1979. Studies on the epidemiology and treatment of hydatid disease in the Turkana District of Kenya. Third annual report. Nairobi: African Medical and Research Foundation.
- Anduze, P. 1960. Shailili-Ko: descubrimiento de las fuentes del Orinoco. Caracas: Talleres Graficos Ilustraciones.
- Appadurai, A. 1986. The social life of things: commodities in cultural perspective. Cambridge: Cambridge University Press.
- Arnold, J. 1996a. Organizational transformations: power and labor among complex hunter-gatherers and other intermediate societies. In Emergent complexity: the evolution of intermediate societies, ed. J. Arnold, pp. 59–73. Ann Arbor, Mich.: International.
- . 1996b. The archaeology of complex hunter-gatherers. Journal of Archaeological Method and Theory 3: 77–126.
- Arvelo-Jimenez, N. 1984. The political feasibility of tribal autonomy in Amazonia. Manuscript. Instituto Venezolano de Investigaciones Cientificas, Caracas.
- Asakawa, K. 1965. Land and society in medieval Japan. Tokyo: Japan Society for the Promotion of Science.
- Athens, J. 1977. Theory building and the study of evolutionary process. In For theory building in archaeology, ed. L. Binford, pp. 353–384. New York: Academic Press.
- . 1984. Prehistoric taro pondfield agriculture in Hawaii: modeling constraints for its development. Unpublished manuscript.
- Atlas. 1979. Atlas de Venezuela. 2d ed. Caracas: Ministerio del Ambiente y de los Recursos Naturales Renovables.
- Austen, L. 1945. Cultural changes in Kiriwina. Oceania 16: 15–60.
- Baksh, M. 1984. Cultural ecology and change of the Machiguenga Indians of the Peruvian Amazon. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Balee, W. 1989. The culture of Amazonian forests. In Resource management in Amazonia: indigenous and folk strategies, ed. D.A. Posey and W. Balee (Advances in Economic Botany 7), pp. 1–21. New York: New York Botanical Garden.
- Barnett, H. 1968. The nature and function of the potlatch. Eugene: Department of Anthropology, University of Oregon.
- Barth, F. 1956. Ecological relationships of ethnic groups in Swat, North Pakistan. American Anthropologist 58: 1079–1089.
- . 1964. Nomads of south Persia. London: Allen & Unwin.
- Bartholomew, G., and J. Birdsell. 1953. Ecology and the protohominids. American Anthropologist 55: 481–498.

- Beard, C. 1927. The industrial revolution. Westport, Conn.: Greenwood Press.
1935. An economic interpretation of the Constitution of the United States. New York: Free Press [1986 ed.].
- Beck, Lois. 1986. The Qashqa'i of Iran. New Haven: Yale University Press.
- . 1991. Nomad: a year in the life of a Qashqa'i tribesman in Iran. Berkeley: University of California Press.
- Beckerman, S. 1979. The abundance of protein in Amazonia: a reply to Gross. *American Anthropologist* 81: 533–560.
- . 1980. Fishing and hunting by the Bari of Columbia. In *Studies in hunting and fishing in the neotropics*, ed. R. Hames, pp. 67–109. Bennington, Vt.: Working Papers on South American Indians 2.
- . 1983. Does the swidden ape the jungle? *Human Ecology* 11: 1–12.
- Bell, D. 1998a. The social relations of property and efficiency. In *Property in economic context*, ed. R. Hunt and A. Gilman, pp. 29–45. Lanham, Md.: University Press of America.
- . 1998b. Power and survival within groups. Manuscript. Irvine: University of California. <http://orion.oac.uci.edu/-dbell/>
- Belshaw, C. 1955. In search of wealth. *American Anthropological Association Memoir* 80.
- . 1965. Traditional exchange and modern markets. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Benedict, R. 1934. Patterns of culture. Boston: Houghton Mifflin.
- Bennett, V. 1997. Reindeer herders of Russia hunt for a future. *Los Angeles Times*, October 3, pp. A1 and A16.
- Berdan, F. 1975. Trade, tribute and market in the Aztec Empire. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of Texas, Austin.
- Bergman, R. 1974. Shipibo subsistence in the Upper Amazon rainforest. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Geography, University of Wisconsin, Madison.
- Berlin, E., and E. Markell. 1977. An assessment of the nutritional and health status of an Aguaruna Jivaro community, Amazonas, Peru. *Ecology of Food and Nutrition* 6: 69–81.
- Bernal, I. 1969. The Olmec world, tr. D. Heyden and F. Horcasitas. Berkeley: University of California Press.
- Bernard, A. 1992. Hunters and herders of southern Africa: a comparative ethnography of the Khoisan people. Cambridge: Cambridge University Press.
- Best, E. 1924. The Maori. *Polynesian Society Memoir*.
- . 1925. Maori culture. *Bulletin* 9. Wellington, N.Z.: Dominion Museum.
- Bettinger, R. 1978. Alternative adaptive strategies in the prehistoric Great Basin. *Journal of Anthropological Research* 34: 27–46.
- . 1982. Aboriginal exchange and territoriality in Owens Valley, California. In *Contexts for prehistoric exchange*, ed. J. Ericson and T. Earle, pp. 103–27. New York: Academic Press.
- Binford, L. 1964. A consideration of archaeological research design. *American Antiquity* 29: 425–441.
- . 1968. Post-Pleistocene adaptations. In *New perspectives in archaeology*, ed. S. Binford and L. Binford, pp. 313–341. Chicago: Aldine.
- . 1980. Willow smoke and dogs' tails: hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation. *American Antiquity* 45: 4–20.
- Binford, L., and S. Binford. 1966. A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies. *American Anthropologist* 68: 238–295.
- Binford, S. 1968. Early Upper Pleistocene adaptations in the Levant. *American Anthropologist* 70: 707–717.
- Biocca, E. 1971. Yanoama: the narrative of a white girl kidnapped by Amazon Indians. New York: Dutton.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Birdsell, J. 1953. Some environmental and cultural factors influencing the structure of Australian aboriginal populations. *American Naturalist* 87: 171–207.
- . 1968a. Comment on infanticide. In *Man the hunter*, ed. R. Lee and I. DeVore, p. 243. Chicago: Aldine.
- . 1968b. Some predictions for the Pleistocene based on equilibrium systems among recent hunter-gatherers. In *Man the hunter*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 229–240. Chicago: Aldine.
- Blanton, R., G. Feinman, S. Kowalewski, and P. Peregrine. 1996. A dual processual theory for the evolution of Mesoamerican civilization. *Current Anthropology* 37: 1–14.
- Blaut, J. M. 1993. *The colonizer's model of the world*. New York: Guilford Press.
- Bloch, M. 1961. *Feudal society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Blumenschine, R. J. 1995. Percussion marks, tooth marks, and experimental determinations of the timing of hominid and carnivore access to long bones at FLK Zinjanthropus, Olduvai Gorge, Tanzania. *Journal of Human Evolution* 29: 21–51.
- Blurton Jones, N., and R. M. Sibly. 1978. Testing adaptiveness of culturally determined behaviour: do Bushman women maximize their reproductive success by spacing births widely and foraging seldom? *Society for the Study of Human Biology Symposium* 18: 135–157. London: Taylor and Francis.
- Boas, F. 1898. Final report on the northwestern tribes of Canada. B.A.A.S. Report, pp. 628–288.
- . 1910. *Kwakiutl tales*. New York: Columbia University Press.
- . 1921. *Ethnology of the Kwakiutl*. 35th annual report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office.
- . 1949 [1896]. The limitations of the comparative method of anthropology. In *Race, language, and culture*, pp. 270–280. New York: Macmillan.
- . 1949 [1920]. *Methods of ethnology: Race, language, and culture*, pp. 281–89. New York: Macmillan.
- . 1966. *Kwakiutl ethnography*, ed. Helen Codere. Chicago: University of Chicago Press.
- Bodley, J. H. 1996. *Anthropology and contemporary human problems*. 3d ed. Mountain View, Calif.: Mayfield.
- Boeke, J. 1953. *Economics and economic policy of dual societies, as exemplified by Indonesia*. New York: Institute of Pacific Relations.
- Bohannon, P. 1955. Some principles of exchange and investment among the Tiv. *American Anthropologist* 57: 60–69.
- Bohannon, P., and G. Dalton. 1965. Introduction. In *Markets in Africa: eight subsistence economies in transition*, ed. P. Bohannon and G. Dalton, pp. 132. Garden City, N.Y.: Doubleday.
- Boone, J. 1992. Competition, conflict, and the development of social hierarchies. In *Evolutionary ecology and human behavior*, ed. E. Smith and B. Winterhalder, pp. 301–337. New York: Aldine.
- Boserup, E. 1965. *The conditions of agricultural growth*. Chicago: Aldine.
- Boyd, R., and P. J. Richerson. 1985. *Culture and the evolutionary process*. Chicago: University of Chicago Press.
- Briggs, J. 1970. *Never in anger: portrait of an Eskimo family*. Cambridge: Harvard University Press.
- Browman, D. 1970. *Early Peruvian peasants: culture history of a central highlands valley*. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, Harvard University.
- Brown, P. 1972. *The Chimbu: a study of change in the New Guinea highlands*. Cambridge, Mass.: Schenkman.
- Brown, P., and A. Podolefsky. 1976. Population density, agricultural intensity, land tenure and group size in the New Guinea highlands. *Ethnology* 15: 211–238.

- Brumfiel, E. 1980. Specialization, market exchange, and the Aztec state. *Current Anthropology* 21: 459–78.
- Brumfiel, E., and T. Earle. 1987. *Specialization, exchange, and complex societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brush, S. 1976. Man's use of an Andean ecosystem. *Human Ecology* 4: 147–166.
- Buchbinder, G. 1973. *Maring microadaptation: a study of demographic, nutritional, genetic and phenotypic variation in a highland New Guinea population*. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, Columbia University.
- Buck, J. 1937. *Land utilization in China*. Shanghai: Commercial Press.
- Buck, P. (Te Rangi Hiroa). 1932. *Ethnology of Tongareva*. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Bulletin 92.
- . 1934. *Mangaian society*. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Bulletin 122.
- . 1938. *Ethnology of Mangareva*. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Bulletin 157.
- Burling, R. 1962. Maximization theories and the study of economic anthropology. *American Anthropologist* 64: 802–21.
- Burrows, E. 1936. *The ethnology of Futuna*. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Bulletin 138.
- . 1937. *The ethnology of Uvea*. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Bulletin 145.
- Burton, R. 1975. Why do the Trobriands have chiefs? *Man* 10: 544–58.
- Bye, B. A., F. H. Brown, T. E. Cerling, and I. McDougall. 1987. Increased age estimate for the Lower Paleolithic hominid site at Olorogesaile, Kenya. *Nature* 329: 237–239.
- Byers, D. 1967. *The prehistory of the Tehuacan Valley: environment and subsistence*. Austin: University of Texas Press.
- Camisea 1998. *The Camisea natural resource project in the jungle of Peru*. <http://www.camisea.com>
- Campbell, B. 1966. *Human evolution*. Chicago: Aldine.
- Cancian, F. 1965. *Economics and prestige in a Maya community*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- . 1968. Maximization as norm, strategy and theory: a comment on programmatic statements in economic anthropology. In *Economic anthropology: readings in theory and analysis*, ed. E. E. LeClair and H. K. Schneider, pp. 228–233. New York: Holt, Rinehart, Winston.
- . 1972. *Change and uncertainty in a peasant economy*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Caplovitz, D. 1963. *The poor pay more*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Carneiro, R. 1960. Slash-and-burn agriculture: a closer look at its implications for settlement patterns. In *Men and culture*, ed. A. Wallace, pp. 229–234. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- . 1967. *The evolution of society: selections from Herbert Spencer's Principles of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- . 1970a. Scale analysis, evolutionary sequences, and the rating of cultures. In *A handbook of method in cultural anthropology*, ed. R. Naroll and R. Cohen, pp. 834–871. New York: Columbia University Press.
- . 1970b. A theory of the origin of the state. *Science* 169: 733–738.
- . 1977. Political expansion as an expression of the principle of competitive exclusion. In *Origins of the state: the anthropology of political evolution*, ed. G. Jones and E. Service, pp. 205–23. Philadelphia: ISNI.
- . 1981. The chiefdom as precursor to the state. In *The transition to statehood in the New World*, ed. G. Jones and R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1982. Comment on A. Johnson, Reductionism in cultural ecology: the Amazon case. *Current Anthropology* 23: 413–428.
- Caroso Soares, C. 1982. Sharecroppers of the Sertao: Boa Ventura revisited. Unpub-

- lished research report. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Cashdan, E. 1983. Territoriality among human foragers: ecological models and application to four Bushman groups. *Current Anthropology* 24: 443–463.
- Chagnon, N. 1968a. *Yanomamo: the fierce people*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- . 1968b. Yanomamo social organization and warfare. In *War: the anthropology of armed conflicts and aggression*, ed. M. Fried, M. Harris, and R. Murphy, pp. 109–159. New York: Natural History Press.
- . 1980. Highland New Guinea models in the South American lowlands. In *Studies in hunting and fishing in the neotropics*, ed. R. Hames. Bennington, Vt.: Working Papers on South American Indians 2: 111–130.
- . 1983. *Yanomamo: the fierce people*. 3d ed. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- . 1992. *Yanomamo*. Fort Worth: Harcourt Brace Jovanovich. 4th ed.
- Chagnon, N., and R. Harries. 1979. Protein deficiency and tribal warfare in Amazonia: new data. *Science* 203: 910–913.
- Chance, N. 1966. *The Eskimo of north Alaska*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- . 1990. *The Inupiat and Arctic Alaska: an ethnography of development*. Fort Worth, Tex.: Holt, Rinehart and Winston.
- . 1996. The Inupiat Eskimo and Arctic Alaska: a cultural update. *General Anthropology* 2: 1–5.
- Chayanov, A. 1966. *The theory of peasant economy*. Homewood, Ill.: Irwin.
- Chibnik, M. 1981. The evolution of cultural rules. *Journal of Anthropological Research* 37: 256–268.
- Childe, V. 1936. *Man makes himself*. London: Watts.
- . 1942. *What happened in history?* Baltimore: Penguin.
- . 1951. *Social evolution*. London: Watts.
- Christenson, A. 1980. Change in the human niche in response to population growth. In *Modeling change in prehistoric subsistence economies*, ed. T. Earle and A. Christenson, pp. 31–72. New York: Academic Press.
- Claessen, H. 1978. The early state: a structural approach. In *The early state*, ed. H. Claessen and P. Skalnik, pp. 533–596. The Hague: Mouton.
- Clarke, W. 1966. From extensive to intensive shifting cultivation: a succession from New Guinea. *Ethnology* 5: 347–359.
- . 1971. *Place and people: an ecology of a New Guinean community*. Berkeley: University of California Press.
- . 1982. Comment: individual or group advantage, ed. J. Peoples. *Current Anthropology* 23: 301.
- Coale, A. 1974. The history of the human population. *Science* 231(3): 40–51.
- Codere, H. 1950. *Fighting with property*. Seattle: University of Washington Press.
- Cohen, Mark. 1977. *The food crisis in prehistory*. New Haven: Yale University Press.
- . 1994. Demographic expansion: causes and consequences. In *Companion encyclopedia of anthropology*, ed. T. Ingold, pp. 265–296. London: Routledge.
- Cohen, Myron. 1968. A case study of Chinese family economy and development. *Journal of Asian Studies* 3: 161–180.
- . 1970. Introduction. A. Smith, *Village life in China*, pp. ix–xxvi. Boston: Little, Brown.
- . 1984. *Personal communication*.
- Cole, S. 1959. *The neolithic revolution*. London: British Museum.
- Conkey, M. 1978. Style and information in cultural evolution: toward a predictive model for the Paleolithic. In *Social archaeology: beyond subsistence and dating*, ed. C. Redman et al., pp. 61–85. New York: Academic Press.
- Conrad, G., and A. Demarest. 1984. *Religion and empire: the dynamics of Aztec and Inca expansion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cook, S. 1968. The obsolete «anti-market» mentality: a critique of the substantive approach to economic anthropology. In *Economic anthropology: readings in*

- theory and analysis, ed. E. E. LeClair and H. K. Schneider, pp. 208–227. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Cordy, R. 1974. Cultural adaptation and evolution in Hawaii: a suggested new sequence. *Journal of Polynesian Society* 83: 180–191.
- . 1981. A study of prehistoric social change: the development of complex societies in the Hawaiian islands. New York: Academic Press.
- Costin, C. 1993. Textiles, women, and political economy in late prehispanic Peru. *Research in Economic Anthropology* 18: 3–26.
- Costin, C., T. Earle, B. Owen, and G. Russell. 1989. Impact of Inka conquest on local technology in the upper Mantaro Valley, Peru. In *What's new?: a closer look at the process of innovation*, ed. S. van de Leeuw and R. Torrence, pp. 107–139. London: Allen and Unwin.
- Cowgill, G. 1980. On causes and consequences of ancient and modern population changes. *American Anthropologist* 77: 505–525.
- Dalton, G. 1961. Economic theory and primitive society. *American Anthropologist* 63: 1–25.
- . 1977. Aboriginal economies in stateless societies. In *Exchange systems in prehistory*, ed. T. Earle and J. Ericson, pp. 191–212. New York: Academic Press.
- D'Altroy, T. 1981. Empire growth and consolidation: the Xanxa region of Peru under the Incas. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- . 1984. Personal correspondence.
- . 1992. Provincial power in the Inka empire. Washington, D.C.: Smithsonian Institution.
- D'Altroy, T., and T. Earle. 1985. Staple finance, wealth finance, and storage in the Inca political economy. *Current Anthropology* 26: 187–206.
- D'Aquili, E. 1972. The biopsychological determinants of culture. Module in *Anthropology* 13. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Day, K. 1982. Storage and labor service: a production and management design for the Andean area. In *Chanchan: Andean desert city*, ed. M. Moseley and K. Day, pp. 333–349. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- De Janvry, A. 1981. *The agrarian question and reformism in Latin America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- De Laguna, F. 1983. Aboriginal Tlingit sociopolitical organization. In *The development of political organization in native North America*, ed. E. Tooker, pp. 71–85. *Proceedings* 1979. Washington, D.C.: American Ethnological Society.
- DeMarrais, E., L. J. Castillo, and T. Earle. 1996. Ideology, materialization and power strategies. *Current Anthropology* 37: 15–31.
- Denbow, J. R., and E. N. Wilmsen. 1986. Advent and the course of pastoralism in the Kalahari. *Science* 234: 1509–1515.
- De Sapia, R. 1978. *Calculus for the life sciences*. San Francisco: W. H. Freeman.
- DeVore, I., and K. Hall. 1965. Baboon ecology. In *Primate behavior*, ed. I. DeVore, pp. 20–52. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Diamond, N. 1983. Model villages and village realities. *Modern China* 9: 16381.
- . 1985. Taitou revisited: state policies and social change. In *Chinese rural development: the great transformation*, ed. W. L. Parish, pp. 246–269. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe.
- . 1998. Personal communication.
- Dodds, D. 1994. The ecological and social sustainability of Miskito subsistence in the Rio Platano biosphere reserve, Honduras: the cultural ecology of swidden horticulturalists in a protected area. Ph.D. dissertation. University of California, Los Angeles.
- Donald, L. 1984. The slave trade on the Northwest Coast of North America. *Research in Economic Anthropology* 6: 121–58.
- Donald, L., and D. H. Mitchell. 1975. Some correlates of local group rank among the Southern Kwakiutl. *Ethnology* 14: 325–46.

- . 1994. Nature and culture on the Northwest Coast of North America: the case of Wakashan salmon resources. In *Key issues in hunter-gatherer research*, ed. E. S. Burch, Jr., and L. J. Ellanna, pp. 95–117. Oxford: Berg.
- Donkin, R. 1979. Agricultural terracing in the aboriginal New World. New York: Viking Fund Publication in Anthropology 56.
- Driver, H. 1969. *Indians of North America*, 2d ed. Chicago: University of Chicago Press.
- Drucker, P. 1955. *Indians of the northwest coast*. Anthropological Handbook No. 10. New York: American Museum of Natural History.
- . 1965. *Cultures of the north Pacific coast*. San Francisco: Chandler.
- Drucker, P., and R. Heizer. 1967. *To make my name good: a reexamination of the Southern Kwakiutl potlatch*. Berkeley: University of California Press.
- Duby, G. 1968. *Rural economy and country life in the medieval west*. Columbia: University of South Carolina Press.
- Dumont, L. 1970. *Homo hierarchicus*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dunbar, R. 1996. *Grooming, gossip, and the evolution of language*. Cambridge: Harvard University Press.
- Durham, W. H. 1979. *Scarcity and survival in Central America: ecological origins of the Soccer War*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- . 1982. Interaction of genetic and cultural evolution: models and examples. *Human Ecology* 10: 289–323.
- Durkheim, E. 1947 [1912]. *The elementary forms of the religious life*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Duus, P. 1976. *Feudalism in Japan*. New York: Knopf.
- Dye, T., and E. Komori. 1992. A pre-censal population history of Hawai'i. *New Zealand Journal of Archaeology* 14: 113–128.
- Dyson-Hudson, R. 1989. Ecological influences on systems of food production and social organization of South Turkana pastoralists. In *Comparative socioecology: the behavioural ecology of humans and other mammals*, ed. V. Standen and R. A. Foley, pp. 165–193. Oxford: Blackwell Scientific Publications.
- Dyson-Hudson, R., and J. McCabe. 1985. South Turkana nomadism: coping with an unpredictably varying environment. New Haven: HRAFLEX.
- Earle, T. 1976. A nearest-neighbor analysis of two formative settlement systems. In *The early Mesoamerican village*, ed. K. Flannery, pp. 196–223. New York: Academic Press.
- . 1977. A reappraisal of redistribution: complex Hawaiian chiefdoms. In *Exchange systems in prehistory*, ed. T. Earle and J. Ericson, pp. 213–229. New York: Academic Press.
- . 1978. Economic and social organization of a complex chiefdom: the Halelea district, Kauai, Hawaii. *Anthropological Paper* 63. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan.
- . 1980a. A model of subsistence change. In *Modeling change in prehistoric subsistence economies*, ed. T. Earle and A. Christenson, pp. 1–29. New York: Academic Press.
- . 1980b. Prehistoric irrigation in the Hawaiian islands: an evaluation of evolutionary significance. *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania* 15: 1–28.
- . 1982. The ecology and politics of primitive valuables. In *Culture and ecology: eclectic perspectives*, ed. J. Kennedy and R. Edgerton, pp. 65–83. Washington, D.C.: American Anthropological Association Special Publication.
- . 1985. Commodity exchange and markets in the Inka state: recent archaeological evidence. In *Markets and marketing*, ed. S. Plattner, pp. 369–397. *Monographs in Economic Anthropology* 4.
- . 1987. Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspectives. *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.

- . 1997. *How chiefs come to power: The political economy in prehistory*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Earle, T., and T. D'Altroy. 1982. Storage facilities and state finance in the upper Mantaro valley, Peru. In *Contexts for prehistoric exchange*, ed. J. Ericson and T. Earle, pp. 265–290. New York: Academic Press.
- . 1989. The political economy of the Inka empire: the archaeology of power and finance. In *Archaeological thought in the Americas*, ed. C. C. Lamberg-Karlovsky, pp. 183–204. Cambridge: Cambridge University Press.
- Earle, T., T. D'Altroy, C. LeBlanc, C. Hastorf, and T. Levine. 1980. Changing settlement patterns in the upper Mantaro valley, Peru. *Journal of New World Archaeology* 4(1).
- Earle, T., T. D'Altroy, C. Hastorf, C. Scott, C. Costin, G. Russell, and E. Sandefur. 1986. *The impact of Inka conquest on the Wanka domestic economy*. Institute of Archaeology Monograph. Los Angeles: University of California.
- Ehrenreich, R., C. Crumley, and J. E. Levy. 1995. *Heterarchy and the analysis of complex societies*. Archeological Papers 6. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- Ehrlich, P. R. 1968. *The population bomb*. New York: Ballantine.
- Ehrlich, P. R., G. C. Daily, and L. H. Goulder. 1992. Population growth, economic growth, and market economies. *Contention* 2: 17–33.
- Ehrlich, P. R., and A. H. Ehrlich. 1970. *Population, resources, environment: issues in human ecology*. San Francisco: W. H. Freeman.
- . 1990. *The population explosion*. New York: Simon and Schuster.
- . 1997. The population explosion: why we should care and what we should do about it. *Environmental Law* 27: 1187–1208.
- Ellanna, L. J. 1988. Demography and social organization as factors in subsistence production in four Eskimo communities. *Research in Economic Anthropology* 10: 73–87.
- Ellis, W. 1853. *Polynesian researches during a residence of nearly eight years in the Society and Sandwich Islands*. London: H. G. Bohn.
- 1963 [1827]. *Journal of William Ellis*. Honolulu: Advertiser Publishing.
- Ember, C., M. Ember, and B. Russett. 1992. Peace between participatory polities: a cross-cultural test of the «democracies rarely fight each other» hypothesis. *World Politics* 44: 573–599.
- Emerson, A. 1960. The evolution of adaptation in population systems. In *The evolution of life*. Vol. I of *Evolution after Darwin*, ed. Sol Tax, pp. 307–348. Chicago: University of Chicago Press.
- Emmonds, G. T. 1991. *The Tlingit Indians*. Seattle: University of Washington Press.
- Engels, F. 1972 [1884]. *The origin of the family, private property, and the state*. New York: International Publishers.
- Ericson, J. 1977. Egalitarian exchange systems in California: a preliminary view. In *Exchange systems in prehistory*, ed. T. Earle and J. Ericson, pp. 109–26. New York: Academic Press.
- Evans-Pritchard, E. 1940. *The Nuer*. Oxford: Oxford University Press.
- Feder, E. 1971. *The rape of the peasantry*. New York: Doubleday.
- Feil, D. K. 1978. Women and men in the Enga tee. *American Ethnologist* 5: 263–279.
- . 1984. *Ways of exchange: the Enga tee of Papua New Guinea*. St. Lucia, Australia: University of Queensland Press.
- . 1987. *The evolution of highland Papua New Guinea societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Feinman, G., and J. Neitzel. 1984. Too many types: an overview of prestate sedentary societies in the Americas. In *Advances in archaeological method and theory* 7, ed. M. Schiffer, pp. 39–102. New York: Academic Press.
- Ferguson, R. B. 1997. Violence and war in prehistory. In *Troubled times: violence and warfare in the past*, ed. D. L. Martin and D. W. Frayer, pp. 321–355. Amsterdam: Gordon and Breach.

- Firth, R. 1929. *Primitive economics of the New Zealand Maori*. London: Routledge.
- Flannery, K. 1969. Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East. In *The domestication and exploitation of plants and animals*, ed. P. Ucko and G. Dimbleby, pp. 73–100. Chicago: Aldine.
- . 1972. The cultural evolution of civilizations. *Annual Review of Ecology and Systematics* 3: 399–426.
- Foerster, H. von, P. M. Mora, and L. W. Amiot. 1960. Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026. *Science* 132: 1291–1295.
- Forsyth, J. 1989. The indigenous peoples of Siberia in the twentieth century. In *The development of Siberia: people and resources*, ed. A. Wood and R. French, pp. 72–95. London: Macmillan.
- . 1992. *A history of the peoples of Siberia: Russia's north Asian colony, 1581–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fortes, M. 1949. *The web of kinship among the Tallensi*. London: Oxford University Press.
- Foster, G. 1961. The dyadic contract: a model for the social structure of a Mexican peasant village. *American Anthropologist* 63: 1173–1192.
- Fowler, D. 1966. Great Basin social organization. In *The current status of anthropological research in the Great Basin: 1964*, ed. W. D'Azevedo et al., pp. 57–74. Reno: Desert Research Institute.
- Fried, M. 1967. *The evolution of political society*. New York: Random House.
- Friedman, J. 1974. Marxism, structuralism and vulgar materialism. *Man* 9: 444–469.
- Friedman, M. 1962. *Capitalism and freedom*. Chicago: University of Chicago Press.
- Frisch, R. 1978. Population, food intake and fertility. *Science* 199: 22–30.
- Frisch, R., G. Wyshak, and L. Vincent. 1980. Delayed menarche and amenorrhea in ballet dancers. *New England Journal of Medicine* 303: 17–19.
- Gall, P., and A. Saxe. 1977. Ecological evolution of culture: the state as predator in secession theory. In *Exchange systems in prehistory*, ed. T. Earle and J. Ericson, pp. 255–268. New York: Academic Press.
- Geertz, C. 1963. *Agricultural involution*. Berkeley: University of California Press.
- . 1980. *Negara: the theater-state in nineteenth-century Bali*. Princeton: Princeton University Press.
- Gibson, J. L. 1994. Before their time?: early mounds in the Lower Mississippi Valley. *Southeastern Archaeology* 13: 162–181.
- Gilman, A. 1976. Bronze Age dynamics in southeast Spain. *Dialectical Anthropology* 1: 307–319.
- . 1981. The development of stratification in Bronze Age Europe. *Current Anthropology* 22: 1–23.
- . 1984. Explaining the Upper Paleolithic revolution. In *Marxist perspectives in archaeology*, ed. M. Spriggs, pp. 115–126. Cambridge: Cambridge University Press.
- Godelier, M. 1977. *Perspectives in Marxist anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goldman, I. 1970. *Ancient Polynesian society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Goldschmidt, W. 1959. *Man's way: a preface to the understanding of human society*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Goodfellow, D. 1968. The applicability of economic theory to so-called primitive communities. In *Economic anthropology*, ed. E. LeClair and H. Schneider, pp. 55–65. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Goodland, R. J. A. 1992. Neotropical moist forests: priorities for the next two decades. In *Conservation of neotropical forests: working from traditional resource use*, ed. K. H. Redford and C. Padoch, pp. 416–427. New York: Columbia University Press.
- Goody, J. 1971. *Technology, tradition and the state in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Greenfield, S. 1972. Charwomen, cesspools, and road building: an examination of patronage, clientage, and political power in southeastern Minas Gerais. In *Structure and process in Latin America: patronage, clientage, and power systems*, ed. A. Strickon and S. Greenfield, pp. 71–100. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Gross, D. 1975. Protein capture and cultural development in the Amazon basin. *American Anthropologist* 77: 526–549.
- Gross, D., and B. Underwood. 1971. Technological change and caloric costs: sisal agriculture in northeastern Brazil. *American Anthropologist* 73: 725–740.
- Grossman, L. 1984. Peasants, subsistence ecology, and development in the highlands of Papua New Guinea. Princeton: Princeton University Press.
- Gubser, N. 1965. *The Nunamiut Eskimos*. New Haven: Yale University Press.
- Guest, P. 1989. Labor allocation and rural development: migration in four Javanese villages. Boulder, Colo.: Westview.
- Gulliver, P. 1951. A preliminary survey of the Turkana. Cape Town, South Africa: Colonial Social Science Research Council.
- . 1955. *The family herds*. London: Routledge & Kegan Paul.
- . 1975. Nomadic movements: causes and implications. In *Pastoralism in tropical Africa*, ed. T. Monod, pp. 369–84. London: Oxford University Press.
- Gunther, E. 1972. *Indian life on the northwest coast of North America*. Chicago: University of Chicago Press.
- Haas, J. 1982. *The evolution of the prehistoric state*. New York: Columbia University Press.
- . 1996. War. *Encyclopedia of cultural anthropology* 4: 1357–1361. New York: Henry Holt.
- Hall, J. 1970. *Japan: from prehistory to modern times*. New York: Dell.
- Halperin, R. 1994. *Cultural economies past and present*. Austin: University of Texas Press.
- Halperin, R., and J. Dow, eds. 1977. *Peasant livelihood: studies in economic anthropology and cultural ecology*. New York: St. Martin's.
- Harries, R. 1982. Comment on A. Johnson, «Reductionism in cultural ecology: the Amazon case». *Current Anthropology* 23: 421–422.
- . 1983. The settlement pattern of a Yanomamo population bloc: a behavioral ecological interpretation. In *Adaptive responses of native Amazonians*, ed. R. B. Harries and W. T. Vickers, pp. 393–427. New York: Academic Press.
- . 1996. Costs and benefits of monogamy and polygyny for Yanomamo women. *Ethology and Sociobiology* 17: 181–199.
- . 1997a. Trekking variation among the Yanomamo. Manuscript. University of Nebraska.
- . 1997b. Personal communication.
- Hamilton, W. 1963. The evolution of altruistic behavior. *American Naturalist* 97: 354–56.
- Handy, E. 1923. The native cultures in the Marquesas. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Bulletin 9.
- Handy, E., and E. Pukui. 1958. *The Polynesian family system in Ka'u, Hawaii*. Rutland, Vt.: Tuttle.
- Hardesty, D. L. 1977. *Ecological anthropology*. New York: John Wiley and Sons.
- Hardin, G. 1968. The tragedy of the commons. *Science* 162: 1243–1248.
- Harris, M. 1959. The economy has no surplus? *American Anthropologist* 51: 185–199.
- . 1974. *Cows, pigs, wars, and witches: the riddles of culture*. New York: Random House.
- . 1977. *Cannibals and kings: the origins of cultures*. New York: Random House.
- . 1979. *Cultural materialism*. New York: Random House.
- Harris, M., and O. Johnson. 2000. *Cultural anthropology*. 5th ed. Boston: Allyn and Bacon.

- Harvey, D. 1989. *The condition of postmodernity: an inquiry into the origins of cultural change*. Oxford: Basil Blackwell.
- Hastings, C. 1982. Implications of Andean verticality in the evolution of political complexity: a view from the margins. Unpublished paper presented at the 81st annual meeting of the American Anthropological Association, December 4–7, Washington, D.C.
- Hastorf, C. 1983. Prehistoric agricultural intensification and political development in the Jauja region of central Peru. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- . 1993. *Agriculture and the onset of political inequality before the Inka*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hastorf, C., and T. Earle. 1985. Intensive agriculture and the geography of political change in the upper Mantaro region of central Peru. In *Prehistoric intensive agriculture in the tropics*, ed. I. Farrington, pp. 569–595. Oxford: British Archaeological Reports, International Series 232.
- Hawkes, K., and J. O'Connell. 1981. Affluent hunters? Some comments in light of the Alyawara case. *American Anthropologist* 83: 622–626.
- Hayden, B. 1981a. Subsistence and ecological adaptations of modern hunter/gatherers. In *Omnivorous primates*, ed. R. Harding and G. Teleki, pp. 344–421. New York: Columbia University Press.
- . 1981b. Research and development in the stone age: technological transitions among hunter-gatherers. *Current Anthropology* 22: 529–548.
- . 1995. Pathways to power: principles for creating socioeconomic inequalities. In *Foundations of social inequality*, ed. T. D. Price and G. M. Feinman, pp. 15–86. New York: Plenum.
- Hayek, F. A. 1939. *Freedom and the economic system*. Chicago: University of Chicago Press.
- . 1988. *The fatal conceit: the errors of socialism*. London: Routledge.
- Heady, E. o., D. C. Faber, and S. C. Griffin. 1978. «Some potentials for lessening world food deficits». *Ecology of Food and Nutrition* 7: 181–185.
- Hecht, S. 1992. Valuing land uses in Amazonia: colonist agriculture, cattle, and petty extraction in comparative perspective. In *Conservation of neotropical forests: working from traditional resource use*, ed. K. H. Redford and C. Padoch, pp. 379–399. New York: Columbia University Press.
- Heider, K. 1970. *The Dugum Dani*. New York: Viking Fund Publication in Anthropology 49.
- Henrich, J. 1997. Market incorporation, agricultural change, and sustainability among the Machiguenga Indians of the Peruvian Amazon. *Human Ecology* 25: 319–351.
- . 1998. Ultimatum game bargaining among the Machiguenga: why culture matters in economic behavior. Unpublished manuscript, Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Herd, G. H., and R. J. Stoller. 1990. *Intimate communications: erotics and the study of culture*. New York: Columbia University Press.
- Herskovits, M. 1952. *Economic anthropology*. New York: Knopf.
- Hill, J. 1977. Systems theory and the explanation of change. In *Explanation of prehistoric change*, ed. J. Hill, pp. 59–103. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Hipsley, E., and N. Kirk. 1965. *Studies of dietary intake and the expenditure of energy by New Guineans*. Noumea, New Caledonia: South Pacific Commission Technical Paper 147.
- Hitchcock, R. 1978. The traditional response to drought in Botswana. In *Proceedings of the symposium on drought in Botswana*, ed. M. Hinchey, pp. 917. Gaborone: Botswana Society.
- Holmberg, A. 1969. *Nomads of the longbow*. Garden City, N.Y.: Natural History Press.

- Homans, G. 1958. Social behavior as exchange. *American Journal of Sociology* 62: 597–606.
- . 1967. *The nature of social science*. New York: Harcourt, Brace.
- Hommon, R. 1976. *The formation of primitive states in pre-contact Hawaii*. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of Arizona.
- . 1981. A model of the pre-contact history of the island of Kaho'olawe. Paper delivered at the 46th annual meeting of the Society for American Archaeology, San Diego.
- . 1986. Social evolution in ancient Hawaii. In *Island societies: archaeological approaches to evolution and transformation*, ed. P. Kirch, pp. 55–68. Cambridge: Cambridge University Press.
- Howell, N. 1979. *Demography of the Dobe! Kung*. New York: Academic Press.
- Hutchinson, B. 1966. The patron-dependent relationship in Brazil. *Sociologia Ruralis* 6(1): 3–30.
- Ibn Khaldun. 1956 [1377]. *The mugaddimah: an introduction to history*. New York: Pantheon.
- Ingold, T. 1980. *Hunters, pastoralists and ranchers: Reindeer economies and their transformations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Irons, W. 1979. Political stratification among pastoral nomads. In *Pastoral production and society*. Cambridge University Press.
- Irwin, G. 1983. Chieftainship, kula, and trade in Massin prehistory. In *The Kula*, ed. J. Leach and E. Leach, pp. 29–72. Cambridge: Cambridge University Press.
- Isaac, G. 1978. The food-sharing behavior of protohuman hominids. *Scientific American* 238: 90–108.
- Isbell, W., and K. Schreiber. 1978. Was Hurai a state? *American Antiquity* 43: 372–389.
- Jackson, J. 1975. Recent ethnography of indigenous northern lowland South America. *Annual Review of Anthropology* 4: 307–340.
- Jochim, M. 1984. Paleolithic complexity and salmon productivity. Paper presented at the 49th annual meeting of the Society of American Archaeology, Portland, Oregon.
- Johnson, A. 1971a. *Sharecroppers of the Sertao*. Stanford: Stanford University Press.
- . 1971b. Security and risk-taking among poor peasants: a Brazilian case. In *Studies in economic anthropology*, ed. G. Dalton, pp. 143–78. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- . 1972. Individuality and experimentation in traditional agriculture. *Human Ecology* 1: 149–159.
- . 1975a. Time allocation in a Machiguenga community. *Ethnology* 14: 301–310.
- . 1975b. Landlords, patrons, and «proletarian consciousness» in rural Latin America. In *Ideology and social change in Latin America*, ed. J. Nash and J. Corradi, pp. 78–96. New York: City University of New York.
1978. *Quantification in cultural anthropology*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- . 1980. The limits of formalism in agricultural decision research. In *Agricultural decision making*, ed. P. Bartlett, pp. 19–43. New York: Academic Press.
- . 1982. Reductionism in cultural ecology: the Amazon case. *Current Anthropology* 23: 413–428.
- . 1983. Machiguenga gardens. In *Adaptive responses of native Amazonians*, ed. R. Harries and W. Vickers, pp. 29–63. New York: Academic Press.
- . 1989. Horticulturalists: economic behavior in tribes. In *Economic anthropology*, ed. S. Plattner, pp. 49–77. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- . 1999. Political consciousness on Boa Ventura: 1967 and 1989 compared. In *Critical comparisons in politics and culture*, ed. J. Bowen and R. Petersen, pp. 173–199. New York: Cambridge University Press.
- . 2000. *Families of the forest*. Manuscript.
- Johnson, A., and C. Behrens. 1982. Nutritional criteria in Machiguenga food pro-

- duction decisions: a linear programming analysis. *Human Ecology* 10: 167–189.
- Johnson, O. 1978. Domestic organization and interpersonal relations among the Machiguenga Indians of the Peruvian Amazon. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, Columbia University.
- Jones, W. 1959. Manioc in Africa. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Jorgensen, J. 1990. Oil age Eskimos. Berkeley: University of California Press.
- Kan, Sergei. 1989. Symbolic immortality: the Tlingit potlatch of the nineteenth century. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press.
- Keeley, L. 1988. Hunter-gatherer economic complexity and «population pressure»: a cross-cultural analysis. *Journal of Anthropological Archaeology* 7: 373–411.
- . 1996. War before civilization. New York: Oxford University Press.
- Keesing, R. 1975. Kin groups and social structure. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- . 1983. 'Elota's story: the life and times of a Solomon Islands Big Man. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Kelly, R. 1977. Etero social structure. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- . 1995. The forager spectrum. Washington, D.C.: Smithsonian Press.
- Khalid, Z. 1987. Pakistan in the Pamir Knot: geostrategic imperatives. Lahore, Pakistan: Vanguard.
- Kikuchi, W. 1976. Prehistoric Hawaiian fishponds. *Science* 193: 295–299.
- Kirch, P. 1974. The chronology of early Hawaiian settlement. *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania* 9: 110–19.
- . 1977. Valley agricultural systems in prehistoric Hawaii: an archaeological consideration. *Asian Perspectives* 20: 246–280.
- . 1980. Polynesian prehistory: cultural adaptation in island ecosystems. *American Scientist* 68: 39–48.
- . 1982. Advances in Polynesian prehistory: three decades in review. In *Advances in world archaeology*, vol. 1, pp. 51–97. New York: Academic Press.
- . 1983. Man's role in modifying tropical and subtropical Polynesian ecosystems. *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania* 18: 26–31.
- . 1984. The evolution of Polynesian chiefdoms. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1985. Intensive agriculture in prehistoric Hawaii: the wet and the dry. In *Prehistoric intensive agriculture in the tropics*, ed. I. Farrington, pp. 435–54. Oxford: British Archaeological Reports, International Series 232.
- . 1988. Circumscription theory and sociological evolution in Polynesia. *American Behavioral Scientist* 31: 416–427.
- Kirch, P., and M. Kelley. 1975. Prehistory and ecology in a windward Hawaiian valley: Halawa Valley, Molokai. Honolulu: Pacific Anthropological Records 24.
- Kirchhoff, P. 1955. The principles of clanship in human society. *Davidson Anthropological Society Journal* 1: 1–11.
- Kolb, M. 1994. Monumental grandeur and the rise of religious authority in precontact Hawaii. *Current Anthropology* 34: 1–38.
- Konner, M. 1982. The tangled wing: biological constraints on the human spirit. New York: Harper & Row.
- Konner, M., and C. Worthman. 1980. Nursing frequency, gonadal function and birth spacing among! Kung hunter-gatherers. *Science* 207: 788–791.
- Kroeber, A. L. 1939. Cultural and natural areas of native North America. Berkeley: University of California Publications in American Archaeology and Ethnology 38.
- . 1948. Anthropology: culture patterns and processes. New York: Harcourt, Brace and World.
- Kurtz, D. 1978. The legitimation of the Aztec state. In *The early state*, ed. H. Claessen and P. Skalnik, pp. 169–189. The Hague: Mouton.

- Ladefoged, T., M. Graves, B. O'Connor, and R. Jennings. 1996. Dryland agricultural expansion and intensification in Kohala, Hawai'i Island. *Antiquity* 70: 861–880.
- LaLone, D. 1982. The Inca as a nonmarket economy: supply on command versus supply and demand. In *Contexts for prehistoric exchange*, ed. J. Ericson and T. Earle, pp. 292–316. New York: Academic Press.
- LaLone, M. 1985. Indian land tenure in southern Cuzco, Peru: from Inca to colonial patterns. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Lambert, B. 1973. Bilaterality in the Andes. In *Andean kinship and marriage*, ed. R. Bolton and E. Mayer, pp. 1–27. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- Langness, L. 1977. Ritual, power, and male dominance in the New Guinea highlands. In *The anthropology of power*, ed. R. Fogelson and R. Adams, pp. 3–22. New York: Academic Press.
- Lathrap, D. 1970. *The upper Amazon*. New York: Praeger.
- Lavallee, D., and M. Julien. 1973. *Les établissements Asto a l'époque préhispanique*. Lima: Travaux de l'Institut Français d'Etudes Andiennes 15.
- Leach, J., and E. Leach, eds. 1983. *The Kula: new perspectives on Massim exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leacock, E., and R. Lee. 1982. *Politics and history in band society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- LeBlanc, C. 1981. Late prehispanic Huanca settlement patterns in the Yanamarca Valley, Peru. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Lechtman, H. 1977. Style and technology—some thoughts. In *Material culture: styles, organization and dynamics of technology*, ed. H. Lechtman and R. Merrick, pp. 3–20. New York: West.
- LeClair, E. 1962. Economic theory and economic anthropology. *American Anthropologist* 64: 1179–1203.
- Lee, R. 1976. !Kung spatial organization. In *Kalahari hunter-gatherers*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 73–97. Cambridge: Harvard University Press.
- . 1979. *The !Kung San*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1983. *Greeks and Victorians: a re-examination of Engels' theory of the Athenian polis*. Unpublished manuscript.
- . 1984. *The Dobe! Kung*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Lee, R., and I. DeVore. 1968. *Man the hunter*. Chicago: Aldine.
- . eds. 1976. *Kalahari hunter-gatherers*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lee, R., and M. Guenther. 1991. Oxen or onions? The search for trade (and truth) in the Kalahari. *Current Anthropology* 32: 592–601.
1995. Errors corrected or compounded. *Current Anthropology* 36: 298–305.
- Legros, D. 1977. Chance, necessity, and mode of production: a Marxist critique of cultural evolutionism. *American Anthropologist* 79: 26–41.
- LeVine, T. 1979. Prehispanic political and economic change in highland Peru: an ethnohistorical study of the Mantaro Valley. Unpublished master's thesis. Department of Archaeology, University of California, Los Angeles.
- . 1985. *Inka administration in the Central Highlands: a comparative study*. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Archaeology, University of California, Los Angeles.
- Lewis, A. 1974. *Knights and samurai: feudalism in northern France and Japan*. London: Temple Smith.
- Linder, S. B. 1970. *The harried leisure class*. New York: Columbia University Press.
- Lizot, J. 1989. Sobre la guerra: una respuesta a N. A. Chagnon (Science, 1988). *La Iglesia en Amazonas* 44: 23–34.
- Lowman, C. 1980. *Environment, society and health: ecological bases of community growth and decline in the Maring region of Papua New Guinea*. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, Columbia University.

- . 1984. Personal correspondence.
- Lumbreras, L. 1974. The people and cultures of ancient Peru. Washington, D.C.: Smithsonian.
- Luttwak, E. 1976. The grand strategy of the Roman empire from the first century A.D. to the third. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Lynch, T. 1982. Personal correspondence.
- MacNeish, R. 1964. Ancient Mesoamerican civilization. *Science* 143: 531–537.
- . 1970. Social implications of changes in population and settlement pattern of the 12,000 years of prehistory in the Tehuacan Valley of Mexico. In *Population and economics*, ed. P. Deprez, pp. 215–250. Winnipeg: University of Manitoba Press.
- Maine, H. 1870. Ancient law. London: John Murray.
- Malinowski, B. 1922. Argonauts of the western Pacific. New York: Dutton.
- . 1929. The sexual life of savages in northwestern Melanesia. London: Routledge.
- . 1935. Coral gardens and their magic. London: Allen & Unwin.
- . 1944. A scientific theory of culture and other essays. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Malo, D. 1951 [1898]. Hawaiian antiquities. 2d ed. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Special Publication 2.
- Malthus, T. 1798. An essay on the principle of population. London: Johnson.
- Mann, M. 1986. The sources of social power. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manson, J. H., and R. W. Wrangham. 1991. Intergroup aggression in chimpanzees and humans. *Current Anthropology* 32: 369–390.
- Marquardt, W. H., ed. 1992. Culture and environment in the domain of the Colusa. Monograph 1, Institute of Archaeology and Paleoenviromental Studies. Gainesville: University of Florida Press.
- Marshall, J. 1957. Ecology of the! Kung bushmen of the Kalahari. Unpublished senior honors thesis. Department of Anthropology, Harvard University.
- Marshall, L. 1976. Sharing, talking, and giving. In *Kalahari hunter-gatherers*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 349–371. Cambridge: Harvard University Press.
- Maryanski, A., and J. Turner. 1992. The social cage: human nature and the evolution of society. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Matos, M. R., and J. Parsons. 1979. Poblamiento prehispanico en la cuenca del Mantaro. In *Arqueologia peruana*, ed. R. Matos M., pp. 157–171. Lima: Centro de Proyeccion Cristiana.
- Mauss, M. 1967 [1925]. The gift: forms and functions of exchange in archaic societies. New York: Norton.
- Mayer, E. 1977. Beyond the nuclear family. In *Andean kinship and marriage*, ed. R. Bolton and E. Mayer, pp. 60–80. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- Mayhew, A. 1973. Rural settlement and farming in Germany. New York: Harper & Row.
- McArthur, M. 1974. Pigs for the Ancestors: A Review Article. In: *Oceania*. Vol. 45, pp. 124–131.
- McDonald, P. F., and A. Sontosudarmo. 1976. Response to population pressure: the case of the special region of Yogyakarta. Population Institute, Monograph Series No. 3. Yogyakarta, Indonesia: Gadjja Mada University.
- McIntosh, S. 1999. Beyond chiefdoms: pathways to complexity in Africa. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mead, M. 1930. Social organization of Manu'a. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Bulletin 76.
- Meggers, B. 1954. Environmental limitation on the development of culture. *American Anthropologist* 56: 801–824.
- Meggitt, M. 1964. Male-female relations in the highlands of New Guinea. *American Anthropologist* 66: 202–224.
- . 1965. The lineage system of the Mae Enga of New Guinea. New York: Barnes & Noble.

- . 1967. The pattern of leadership among the Mae Enga. *Anthropological Forum* 2: 20–35.
- . 1972. System and subsystem: the Te exchange cycle among the Mae Enga. *Human Ecology* 1: 111–123.
- . 1974. Pigs are our hearts!: the Te exchange cycle among the Mae Enga of New Guinea. *Oceania* 44: 165–203.
- . 1977. Blood is their argument: warfare among the Mae Enga tribesmen of the New Guinea highlands. Palo Alto, Calif.: Mayfield.
- . 1984. Personal correspondence.
- Meillassoux, C. 1972. From reproduction to production. *Economy and Society* 1: 93–105.
- Michaelson, E. J., and W. Goldschmidt. 1971. Female roles and male dominance among peasants. *Southwestern Journal of Anthropology* 27: 330–352.
- Migliazza, E. 1972. Yanomama grammar and intelligibility. Unpublished Ph.D. dissertation. Indiana University.
- Minge-Klevana, W. 1980. Does labor time decrease with industrialization?: a survey of time-allocation studies. *Current Anthropology* 21: 279–298.
- Mintz, S. 1961. Pratik: Haitian personal economic relations. In *Proceedings of the 1961 annual spring meeting of the American Ethnological Society*.
- Mitchell, D. 1984. Predatory warfare, social status, and the north Pacific slave trade. *Ethnology* 23: 39–48.
- Moffat, A. S. 1996. Ecologists look at the big picture. *Science* 273: 1490.
- Moore, S. 1958. *Power and property in Inca Peru*. New York: Columbia University Press.
- Moran, E. 1979. *Human adaptability*. North Scituate, Mass.: Duxbury.
- . 1993. Through Amazonian eyes: the human ecology of Amazonian populations. Iowa City: University of Iowa Press.
- Morgan, D. 1986. *The Mongols*. Oxford: Basil Blackwell.
- Morgan, L. H. 1877. *Ancient society*. Chicago: Kerr.
- Morrell, M. 1985. The Gitksan-Wet'suwet'en fishery in the Skeena river system. Hazelton, B.C.: Gitksan-Wet'suwet'en Tribal Council.
- Moseley, M. 1975. *The maritime foundations of Andean civilization*. Menlo Park, Calif.: Cummings.
- Moseley, M., and K. Day. 1982. *Chan Chan: Andean desert city*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Murphy, R. 1971. *The dialectics of social life*. New York: Basic Books.
- . 1979. Lineage and lineality in lowland South America. In *Brazil: anthropological perspectives*, ed. M. Margolis and W. Carter, pp. 217–224. New York: Columbia University Press.
- Murra, J. 1962. Cloth and its functions in the Inca state. *American Anthropologist* 64: 710–728.
- . 1965. Herds and herders in the Inca state. In *Man, culture, and animals*, ed. A. Leeds and A. Vayda, pp. 185–215. Washington, D.C.: American Association for the Advancement of Science.
- . 1972. El «control vertical» de un maximo de piso ecologicos en la economia de las sociedades andinas. In *Visita de la provincia de Leon de Huanuco en 1562*, ed. J. Murra, 2: 429–476. Huanuco, Peru: Universidad Nacional Hermilio Valdizan.
- . 1975. *Formaciones economicas y politicas del mundo andino*. Lima: Instituto de Estudios Peruanos.
- . 1980 [1956]. *The economic organization of the Inka state*. Greenwich, Conn.: JAI Press.
- Murray, C. 1997. *What it means to be a Libertarian: a personal interpretation*. New York: Broadway Books.
- Nef, J. U. 1977. An early energy crisis and its consequences. *Scientific American* 37: 140–51. 237: 140–151.

- Nelson, E. 1899. The Eskimo about Bering Strait. Bureau of American Ethnology Annual Report 18. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office.
- Netting, R. 1968. Hill farmers of Nigeria: cultural ecology of the Kofyar of the Jos Plateau. Seattle: University of Washington Press.
- . 1977. Cultural ecology. Menlo Park, Calif.: Cummings.
- Newman, P. 1957. An intergroup collectivity among the Nootka. Master's thesis. Department of Anthropology, University of Washington.
- Nordyke, E. 1989. Comment. In *Before the horror: the Polynesian population of Hawai'i on the eve of western contact*, by D. Stannard, pp. 105–113. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Nyrop, R. F., and D. M. Seekins. 1986. Afghanistan: a country study. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office.
- Oberg, K. 1973. The social economy of the Tlingit Indians. Seattle: University of Washington Press.
- Odum, E. 1971. Fundamentals of ecology. 3d ed. Philadelphia: Saunders.
- Oliver, D. 1974. Ancient Tahitian society. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Oswalt, W. 1976. An anthropological analysis of food-getting technologies. New York: John Wiley and Sons.
- . 1979. Eskimos and explorers. Novato, Calif.: Chandler & Sharp.
- Paksoy, H. B. 1984. Observations among Kirghiz refugees from the Pamirs of Afghanistan settled in the Turkish Republic. *Anthropological Society of Oxford Journal* 16: 53–61.
- Patton, M. 1981. The ecology of hydatid disease in Turkana District, Kenya. Master's thesis. Department of Geography, University of Minnesota.
- . 1982. *Idia to ekile nawi: career development of the Turkana pastoralist*. Unpublished manuscript. Department of Geography, University of California, Los Angeles.
- Pearl, R. 1925. The biology of population growth. New York: Alfred A. Knopf.
- Pearson, H. 1957. The economy has no surplus. In *Trade and markets in the early empires*, ed. K. Polanyi, C. Arensberg, and H. Pearson, pp. 320–341. Glencoe, Ill.: Free Press.
- People of Ksan. 1980. *Gathering what the Great Nature provided: food traditions of the Gitksan*. Seattle: University of Washington Press.
- Peoples, J. 1982. Individual or group advantage? A reinterpretation of the Maring ritual cycle. *Current Anthropology* 23: 291–310.
- Perrin, Noel. 1979. *Giving up the gun: Japan's reversion to the sword, 1543–1879*. Boston: G. K. Hall & Co.
- Pianka, E. 1974. *Evolutionary biology*. New York: Harper & Row.
- Pimentel, D., and M. Pimentel. 1979. *Food, energy and society*. New York: Wiley.
- Pinkerton, E. 1985. Personal communication.
- Plattner, S. 1989a. Economic behavior in markets. In *Economic anthropology*, ed. S. Plattner, pp. 209–221. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- . 1989b. Markets and marketplaces. In *Economic anthropology*, ed. S. Plattner, pp. 171–208. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- . 1989c. Marxism. In *Economic anthropology*, ed. S. Plattner, pp. 379–396. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Polanyi, K. 1944. *The great transformation*. Boston: Beacon Press.
- . 1957. The economy as instituted process. In *Trade and market in the early empires*, ed. K. Polanyi, C. Arensberg, and H. Pearson, pp. 243–270. New York: Free Press.
- Popov, A. 1964. The Nganasans. In *The peoples of Siberia*, ed. M. Levin and L. Potapov, pp. 571–581. Chicago: University of Chicago Press.
- . 1966. *The Nganasan*. Bloomington: Indiana University Publications.
- Population Reference Bureau. 1995. Speaking graphically. *Population Today*, December, p. 6.

- Potter, J., M. Diaz, and G. Foster, eds. 1967. *Peasant society: a reader*. Boston: Little, Brown.
- Potts, R. 1984. Home bases and early hominids. *American Scientist* 72: 338–347.
- Powell, H. 1960. Competitive leadership in Trobriand political organization. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 90: 118–145.
- . 1969. Territoriality, hierarchy and kinship in Kiriwina. *Man* 4: 580–604.
- Price, D., and J. Brown. 1985. *Prehistoric hunter-gatherers: the emergence of complexity*. New York: Academic Press.
- Quijano, A. 1967. Contemporary peasant movements. In *Elites in Latin America*, ed. S. Lipset and A. Solari. New York: Oxford University Press.
- Quilter, J., B. Ojeda, D. Pearsall, D. Sandweiss, J. Jones, and E. Wing. 1991. The subsistence economy of El Paraiso, an early Peruvian site. *Science* 251: 277–283.
- Ramos, A. 1972. *The social system of the Sanuma of northern Brazil*. Ph.D. dissertation. University of Wisconsin, Madison.
- Randsborg, K. 1980. *The Viking age in Denmark*. London: Duckworth.
- Rappaport, R. A. 1967. *Pigs for the ancestors*. New Haven: Yale University Press.
- . 1971. Nature, culture, and ecological anthropology. In *Man, culture, and society*, ed. L. Shapiro, pp. 237–267. New York: Oxford University Press.
- . 1979. *Ecology, meaning, and religion*. Richmond, Calif.: North Atlantic Books.
- . 1994. Humanity's evolution and anthropology's future. In *Assessing cultural anthropology*, ed. R. Borofsky, 153–166. New York: McGraw-Hill.
- Rathje, W. 1971. The origin and development of lowland Classic Maya civilization. *American Antiquity* 36: 275–285.
- Rathje, W., and R. McGuire. 1982. Rich man ... poor man. *American Behavioral Scientist* 25: 705–715.
- Read, D. 1986. Mathematical schemata and archaeological phenomena: substantive representations or trivial formalism? *Science and Archaeology* 38: 16–23.
- . 1998. Kinship based demographic simulation of societal processes. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. <http://www.soc.surrey.ac.uk/JASSS/i/i/i.html>
- Reidhead, V. 1980. The economics of subsistence change: a test of an optimization model. In *Modeling change in prehistoric subsistence economies*, ed. T. Earle and A. Christenson, pp. 141–186. New York: Academic Press.
- Renfrew, C. 1972. *The emergence of civilization: the Cyclades and the Aegean in the third millennium b.c.* London: Methuen.
- . 1973. Monuments, mobilization, and social organization in neolithic Wessex. In *The explanation of culture change*, ed. C. Renfrew, pp. 539–558. London: Duckworth.
- Rick, J. 1978. *Prehistoric hunters of the high Andes*. New York: Academic Press.
- . 1984. Structure and style at an early base camp in Junin, Peru. Paper presented at the 49th annual meeting of the Society for American Archaeology, Portland, Oregon.
- Ridley, Matt. 1997. A new synthesis of Middle Paleolithic variability. *American Antiquity* 55: 480–499.
- Rolland, N., and H. L. Dibble. 1990. *The origins of virtue: human instincts and the evolution of cooperation*. New York: Penguin.
- Rosendahl, P. 1972. *Aboriginal agriculture and residence patterns in upland Lapakahi, island of Hawaii*. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of Hawaii, Honolulu.
- Rosman, A., and P. Rubel. 1971. *Feasting with mine enemy: rank and exchange among Northwest Coast societies*. New York: Columbia University Press.
- Rostworoski de Diez Canseco, M. 1961. *Curacas y sucesiones (Costa Norte)*. Lima: Imprenta Minerva.
- Rowe, J. 1946. Inca culture at the time of the Spanish Conquest. In *Handbook of South American Indians*, ed. J. Steward, 2: 183–300. Bureau of American Ethnology Bulletin 143. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.

- Rummel, R. J. 1997. Power kills: democracy as a method of nonviolence. New Brunswick: Transaction.
- Ruyle, E. E. 1973. Slavery, surplus, and stratification on the Northwest Coast: the ethnoenergetics of an incipient stratification system. *Current Anthropology* 14: 603–631.
- Sackett, J. 1984. Personal communication.
- Sackett, R. D. 1996. Time, energy, and the indolent savage: a quantitative crosscultural test of the primitive affluence hypothesis. Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Sackschewsky, M. 1970. The clan meeting in Enga society. In *Exploring Enga culture*, ed. P. Brennan, pp. 51–101. Wapenamanda, New Guinea: Kristen Press.
- Sadr, K. 1997. Kalahari archaeology and the Bushman debate. *Current Anthropology* 38: 104–112.
- Sahlins, M. 1958. Social stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press.
- . 1961. The segmentary lineage system: an organization of predatory expansion. *American Anthropologist* 63: 322–345.
- . 1963. Poor man, rich man, big man, chief: political types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History* 5: 285–303.
- . 1968a. Notes on the original affluent society. In *Man the hunter*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 85–89. Chicago: Aldine.
- . 1968b. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- . 1972. *Stone age economics*. Chicago: Aldine.
- . 1976. *The use and abuse of biology*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- . 1992. *Anahulu: the anthropology of history in the kingdom of Hawaii*. Vol. I. Chicago: University of Chicago Press.
- Sanchez, P. 1976. Properties and management of soils in the tropics. New York: Wiley-Interscience.
- Sanday, P. R. 1973. Toward a theory of the status of women. *American Anthropologist* 75: 1682–1701.
- Sanders, W. 1956. The central Mexican symbiotic region. In *Prehistoric settlement patterns in the New World*, ed. G. Willey, pp. 115–127. New York: Viking Fund Publication in Anthropology 23.
- Sanders, W., J. Parsons, and R. Santley. 1979. *The basin of Mexico: ecological processes in the evolution of a civilization*. New York: Academic Press.
- Sauer, C. 1948. Geography of South America. In *Handbook of South American Indians*, ed. J. Steward, 6: 319–344. Washington, D.C.: Bureau of American Ethnology.
- Savoskul, S. 1989. Urbanisation and the minority peoples of the Soviet north. In *The development of Siberia: people and resources*, ed. A. Wood and R. French, pp. 96–123. London: Macmillan.
- Schaedel, R. 1978. Early state of the Inkas. In *The early state*, ed. H. Claessen and P. Skalik, pp. 289–320. The Hague: Mouton.
- Schmeck, H. M., Jr. 1960. Physicist offers a Doomsday date. *New York Times*, November 4, 1960, p. 10.
- Schmitt, R. 1971. New estimates of the pre-censal population of Hawai'i. *Journal of the Polynesian Society* 80: 241–242.
- Schultz, T. 1964. *Transforming traditional agriculture*. New Haven: Yale University Press.
- Scitovsky, T. 1976. *The joyless economy*. New York: Oxford University Press.
- Scott, C., and T. Earle. n.d. The development of chiefdoms among the Wanka ethnic group in the central highlands of Peru. Unpublished manuscript.
- Scott, J. 1976. *The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Sergeyev, M. 1956. The building of socialism among the peoples of northern Siberia and the Soviet far east. In *The peoples of Siberia*, ed. M. Levin and L. Potapov, pp. 487–510. Chicago: University of Chicago Press.

- Service, E. 1962. Primitive social organization. New York: Random House.
- . 1975. Origins of the state and civilization. New York: Norton.
- . 1977. Classical and modern theories of the origins of government. In *Origins of the state*, ed. R. Cohen and E. Service, pp. 21–34. Philadelphia: ISHI.
- Shahrani, M. N. 1979. The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan: adaptation to closed frontiers. Seattle: University of Washington Press.
- . 1984. Afghanistan's Kirghiz in Turkey. *Cultural Survival* 8:31–34.
- Sherratt, A. 1981. Plough and pastoralism: aspects of the secondary products revolution. In *Pattern of the past*, ed. I. Hodder, G. Isaac, and N. Hammond, pp. 261–305. Cambridge: Cambridge University Press.
- Silberbauer, G. 1981. Hunter and habitat in the central Kalahari desert. Cambridge: Cambridge University Press.
- Silverblatt, I. 1978. Andean women in the Inca empire. *Feminist Studies* 4: 37–61.
1987. Moon, sun, and witches. Princeton: Princeton University Press.
- Silverman, S. 1965. Patronage and community-national relationships in central Italy. *Ethnology* 4: 172–189.
- Skinner, G. 1964. Marketing and social structure in rural China. Part I. *Journal of Asian Studies* 24: 3–43.
- Smith, A. 1993 [1776]. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. New York: Modern Library.
- Smith, B. 1978. Mississippian settlement patterns. New York: Academic Press.
- Smith, C. 1976. Exchange systems and the spatial distribution of elites: the organization of stratification in agrarian societies. In *Regional analysis*, ed. C. Smith, Vol. 2, Social systems, pp. 309–374. New York: Academic Press.
- Smith, M. E. 1985. An aspectual analysis of political formations. In *Development and decline: the evolution of sociopolitical organization*, ed. H. Claessen, P. van de Velde, and M. E. Smith, pp. 97–126. South Hadley, Mass.: Bergin and Garvey.
- Smith, T. 1959. The agrarian origins of modern Japan. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Smole, W. 1976. The Yanoama Indians: a cultural geography. Austin: University of Texas Press.
- Solway, J., and R. Lee. 1990. Foragers, genuine or spurious? Situating the Kalahari San. *Current Anthropology* 31: 109–146.
- Sponsel, L. E. 1996. The natural history of peace: a positive view of human nature and its potential. In *A natural history of peace*, ed. T. Gregor, pp. 95–125. Nashville, Tenn.: Vanderbilt University Press.
- Spriggs, M. 1986. Landscape, land use and political transformation in southern Melanesia. In *Island societies: archaeological approaches to evolution and transformation*, ed. P. Kirch, pp. 174–189. Cambridge: Cambridge University Press.
- Steinvorth-Goetz, I. 1969. Uriji jami! Life and belief of the forest Waika in the Upper Orinoco. Caracas: Asociacion Cultural Humboldt.
- Steward, J. H. 1937. Ethnological Reconnaissance among the Desert Shoshoni. In: *Exploration and Field Work of the Smithsonian Institution in 1936*, pp. 87–92. Washington.
- Stocking, G. W., Jr. 1968. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. New York: Free Press.
- Steward, J. 1930. Irrigation without agriculture. *Ann Arbor: Papers of the Michigan Society of Science, Arts, and Letters* 12: 144–156.
- . 1933. Ethnography of the Owens Valley Paiute. *University of California Publications in American Anthropology and Ethnology* 33: 233–335.
- . 1936. The economic and social basis of primitive bands. In *Essays on anthropology in honor of Alfred Louis Kroeber*, ed. R. Lowie, pp. 311–350. Berkeley: University of California Press.
- . Ethnological Reconnaissance among the Desert Shoshoni. In: *Exploration and Field Work of the Smithsonian Institution in 1936*, pp. 87–92. Washington.

БИБЛИОГРАФИЯ

- . 1938. Basin-Plateau aboriginal sociopolitical groups. Washington, D.C.: Bureau of American Ethnology.
- . 1955. Theory of culture change. Urbana: University of Illinois Press.
- . 1977. The foundations of Basin-Plateau Shoshonean society. In *Evolution and ecology*, ed. J. Steward and R. Murphy, pp. 366–406. Urbana: University of Illinois Press.
- Steward, J., and L. Faron. 1959. *Native peoples of South America*. New York: McGraw Hill.
- Stewart, H. 1977. *Indian fishing: early methods on the Northwest Coast*. Vancouver: J.J. Douglas.
- Stocking, G.W., Jr. 1968. *Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology*. New York: Free Press.
- Stoler, A. 1977. Class structure and female autonomy in rural Java. *Signs* 3: 74–89.
- Strathern, A. M. 1972. *Women in between*. New York: Seminar Press.
- Suttles, W. 1968. Coping with abundance: subsistence on the Northwest Coast. In *Man the hunter*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 56–68. Chicago: Aldine.
- Taagapera, R. 1981. Super-cancer of the biosphere: a world population growth model. Paper delivered to the Jacob Marschak Interdisciplinary Colloquium on Mathematics in the Behavioral Sciences, University of California, Los Angeles, April 10, 1981.
- Tauber, Irene B. 1958. *The population of Japan*. Princeton: Princeton University Press.
- Taguchi, M. 1981. *Swidden agriculture in Japan*. Unpublished manuscript. Department of Anthropology, University of California, Los Angeles.
- Tanaka, J. 1976. Subsistence ecology of central Kalahari San. In *Kalahari hunter-gatherers*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 98–119. Cambridge: Harvard University Press.
- Tawney, R. H. 1926. *Religion and the rise of capitalism*. New York: Harcourt, Brace.
- Tax, S. 1953. *Penny capitalism*. Institute of Social Anthropology Publication 16. Washington, D.C.: Smithsonian Institution.
- Taylor, K. 1974. *Sanuma fauna: prohibitions and classifications*. Instituto Caribe de Antropologia y Sociologia, Monografia 18. Caracas: Fundacion La Salle de Ciencias Naturales.
- Thomas, D. H. 1972. Western Shoshone ecology: settlement patterns and beyond. In *Great Basin cultural ecology: a symposium*, ed. D. Fowler, pp. 135–53. Reno: Desert Research Institute Publication in the Social Sciences 8.
- . 1973. An empirical test for Steward's model of Great Basin settlement patterns. *American Antiquity* 38: 155–176.
- . 1983a. The archaeology of Monitor Valley: I. Epistemology. *Anthropological Papers* 58(1). New York: American Museum of Natural History.
- . 1983b. On Steward's models of Shoshonean sociopolitical organization: a great bias in the Basin. In *The development of political organization in North America*, ed. E. Tooker, pp. 59–68. Washington, D.C.: American Ethnological Society.
- Thomas, D.H., L. Pendleton, and S. Cappannari. 1986. Western Shoshone. In: *Handbook of North American Indians*. Vol. 11. Great Basin, pp. 274–275. Washington, D. C.: Smithsonian Institution.
- Thomas, E. M. 1959. *The harmless people*. New York: Knopf.
- Thompson, R. 1983. Modern vegetation and climate. In *The archaeology of Monitor Valley*, ed. D. Thomas, pp. 99–106. New York: American Museum of Natural History.
- Time. 1960. Doomsday in 2026 A. D. *Time* 76 (November 14): 89–90.
- Toledo. 1940 [1570]. *Informacion hecha pororden de Don Francisco de Toledo. ... In Don Francisco de Toledo, supremo organizador del Peru, su vida, su obra*, ed. R. Levillier, 2: 14–37. Buenos Aires: Espasa-Calpe.
- Tooby, J., and L. Cosmides. 1992. The psychological foundations of culture. In *The*

- adapted mind, ed. J. H. Barkow, L. Cosmides, and J. Tooby, pp. 19–136. New York: Oxford University Press.
- Truswell, S., and J. Hansen. 1976. Medical research among the! Kung. In *Kalahari hunter-gatherers*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 166–194. Cambridge: Harvard University Press.
- Tsuchiya, T. 1937. *An economic history of Japan*. Tokyo: Asiatic Society of Japan Transactions 15.
- Tucker, M. E., and D. R. Williams, eds. 1997. *Buddhism and ecology: the interconnection of dharma and deeds*. Cambridge: Harvard University Press.
- Tylor, E. 1913 [1871]. *Primitive culture*. London: John Murray.
- Uberoi, J. 1962. *Politics of the Kula ring*. Manchester: Manchester University Press.
- Umpleby, S. A. 1987. World population: still ahead of schedule. *Science* 237: 1555–1556.
- United Nations. 1996. *World population growth slowing, but United Nations still estimates total of 9.4 billion by year 2050*. News Release, Population Division, Department for Economic and Social Information and Policy Analysis. New York: United Nations.
- Vayda, A. 1961. A reexamination of Northwest Coast economic systems. *New York: New York Academy of Sciences Transactions* 23: 618–24.
- . 1967. Porno trade feasts. In *Tribal and peasant economies*, ed. G. Dalton, pp. 494–500. Garden City, N.Y.: Natural History Press.
- Vayda, A., A. Leeds, and D. Smith. 1961. The place of pigs in Melanesian subsistence. In *Proceedings of the American Ethnological Society*, ed. V. Garfield, pp. 69–77. Seattle: University of Washington Press.
- Vega, A. 1965 [1582]. La descripcion que se hizo en la provincia de Xauxa... *Relaciones Geograficas de Indias*, Biblioteca de Autores Espanoles 183: 16675. Madrid: Ediciones Atlas.
- Veja. 1982. O pais afinal comprou o sonho do jari. *Veja* (Rio de Janeiro), 13 de Janeiro, pp. 68–73.
- Waal, Frans B. M. de. 1996. The biological basis of peaceful coexistence: a review of reconciliation research on monkeys and apes. In *A natural history of peace*, ed. T. Gregor, pp. 37–69. Nashville, Tenn.: Vanderbilt University Press.
- Wachtel, N. 1977. *The vision of the vanquished*, tr. B. and S. Reynolds. Hassocks, Sussex: Harvester Press.
- . 1982. The mitimas of the Cochabamba Valley: the colonization policy of Huayna Capac. In *The Inca and Aztec states, 1400–1800*, ed. G. Collier, R. Rosaldo, and J. Wirth. New York: Academic Press.
- Waddell, E. 1972. *The mound builders*. Seattle: University of Washington Press.
- Wagley, C. 1976. *Amazon town: a study of man in the tropics*. New York: Oxford University Press.
- Weber, M. 1947. *The theory of social and economic organization*. New York: Free Press.
- Webster, C., and P. Wilson. 1966. *Agriculture in the tropics*. London: Longmans.
- Webster, D. 1975. Warfare and the evolution of the state. *American Antiquity* 40: 464–470.
- Webster, S. 1971. An indigenous Quechua community in exploitation of multiple ecological zones. In *Actas y Memorias del XXXIX Congreso Internacional de America*, 3: 174–183.
- Weiner, A. 1976. *Women of value, men of renown*. Austin: University of Texas Press.
- . 1983. «A world of made is not a world of born»: doing Kula in Kiriwina. In *The Kula: new perspectives on Massim exchange*, ed. J. and E. Leach, pp. 147–170. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1992. *Inalienable possessions: the paradox of keeping-while-giving*. Berkeley: University of California Press.
- Wenke, R. 1989. *Patterns in prehistory*. Oxford: Oxford University Press.
- White, B. 1976a. *Production and reproduction in a Javanese village*. Bogor, Indonesia: Agricultural Development Council.

- . 1976. Population, involution and employment in rural Java. *Development and Change* 7: 267–290.
- White, Leslie. 1959. *The evolution of culture*. New York: McGraw-Hill.
- White, Lynn, Jr. 1962. *Medieval technology and social change*. Oxford: Oxford University Press.
- Widmer, R. 1988. *The evolution of the Calusa: a nonagricultural chiefdom on the southwest Florida coast*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Wiessner, P. 1977. Hxaro: a regional system of reciprocity for reducing risk among the! Kung San. Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, University of Michigan, Ann Arbor.
- . 1982. Beyond willow smoke and dogs' tails: a comment on Binford's analysis of hunter-gatherer settlement systems. *American Antiquity* 47: 171–178.
- Wilbert, J. 1966. *Indios de la region Orinoco-Ventuari*. Caracas: Fundacion La Salle de Ciencias Naturales.
- . 1972. *Survivors of El Dorado*. New York: Praeger.
- Wilkinson, R. 1973. *Poverty and progress: an ecological perspective on economic development*. New York: Praeger.
- Wiley, G. 1953. Prehistoric settlement patterns in the Viru Valley. Washington, D.C.: Bureau of American Ethnology Bulletin.
- Williams, B. 1974. A model of band society. Washington, D.C.: *Memoir of the Society for American Archaeology* 29.
- . 1981. A critical review of models in sociobiology. *Annual Review of Anthropology* 10: 163–92.
- Wilmsen, E. 1978. Seasonal effects on dietary intake in Kalahari San. *Federation of American Societies for Experimental Biology Proceedings* 37: 65–71.
- . 1989. Land filled with flies: a political economy of the Kalahari. Chicago: University of Chicago Press.
- Wilmsen, E., and J. R. Denbow. 1990. Paradigmatic history of San-speaking peoples and attempts at revision. *Current Anthropology* 31: 489–524.
- Wilson, P. J. 1988. *The domestication of the human species*. New Haven: Yale University Press.
- Winterhalder, B., and E. A. Smith, eds. 1981. *Hunter-gatherer foraging strategies*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wittfogel, K. 1957. *Oriental despotism*. New Haven: Yale University Press.
- Wobst, M. 1976. Locational relationships in Paleolithic society. *Journal of Human Evolution* 5: 49–58.
- Wolf, E. 1957. Closed-corporate peasant communities in Meso-America and central Java. *Southwestern Journal of Anthropology* 13: 1–13.
- . 1966a. *Peasants*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- . 1966b. Kinship, friendship, and patron-client relations in complex societies. In *The social anthropology of complex societies*, ed. M. Banton. London: Tavistock.
- . 1969. *Peasant wars of the twentieth century*. New York: Harper and Row.
- . 1982. *Europe and the people without history*. Berkeley: University of California Press.
- Wright, H. 1977. Toward an explanation of the origin of the state. In *Explanation of prehistoric change*, ed. J. Hill, pp. 215–230. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- . 1984. Prestate political formations. In *On the evolution of complex societies*, ed. T. Earle, pp. 41–77. Malibu, Calif.: Undena Publications.
- Wright, R. 1994. *The moral animal: evolutionary psychology and everyday life*. New York: Random House.
- Yan, Y. 1992. The impact of rural reform on economic and social stratification in a Chinese village. *Australian Journal of Chinese Affairs* 27: 1–23.
- . 1995. Everyday power relations: changes in a North China village. In *The waning of the communist state: economic origins of political decline in China*

- and Hungary, ed. A. G. Walder, pp. 215–241. Berkeley: University of California Press.
- . 1996. *The flow of gifts: reciprocity and social networks in a Chinese village*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Yang, M. 1945. *A Chinese village: Taitou, Shantung province*. New York: Columbia University Press.
- Yellen, J. 1976. Settlement pattern of the ! Kung: an archaeological perspective. In *Kalahari hunter-gatherers*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 47–72. Cambridge: Harvard University Press.
- . 1977 *Archaeological approaches to the present*. New York: Academic Press.
- Yellen, J., and H. Harpending. 1972. Hunter-gatherer populations and archaeological inference. *World Archaeology* 4: 244–253.
- Yellen, J., and R. Lee. 1976. The Dobe-/Du/da environment: background to a hunting and gathering way of life. In *Kalahari hunter-gatherers*, ed. R. Lee and I. DeVore, pp. 27–46. Cambridge: Harvard University Press.
- Yengoyan, A. 1972. Ritual and exchange in aboriginal Australia: an adaptive interpretation of male initiation rites. In *Social exchange and interaction*, ed. E. Wilmsen, pp. 5–9. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan, *Anthropological Papers* 46.
- Zerries, O., and M. Schuster. 1974. *Mahekodotedi*. Munich: Klaus Renner Verlag.

Научное издание

АЛЛЕН ДЖОНСОН
и ТИМОТИ ЭРЛ
ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ
От добывающей общины к аграрному государству

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор издательства АРТЕМ СМЕРНОВ

Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА

Дизайн и верстка СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор ТАТЬЯНА РЕДЬКИНА

Издательство Института Гайдара

125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 15.05.2017.

Тираж 1000 экз. Формат 70×100/16.

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»

ОАО «Первая образцовая типография»

www.chprd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

СПРАШИВАЙТЕ В МАГАЗИНАХ

МОСКВА

Академия, специализированные магазины деловой книги

в РАНХиГС, просп. Вернадского, 82, (499) 270-29-78

Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1, (495) 629-64-83, 797-87-17;

ул. Воздвиженка, 4/7, стр. 1, (495) 797-87-17

Библио-глобус, ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1, (495) 781-19-00

Московский дом книги, ул. Новый Арбат, 8, (495) 789-35-91

Молодая гвардия, ул. Большая Полянка, 28, (495) 780-33-70

Фаланстер, М. Гнездиковский пер., 12/27, стр. 3, (495) 629-88-21, 504-47-95 falanster@mail.ru

Фаланстер на Винзаводе, 4-й Сыромятнический пер., 1, стр. 6, (495) 926-30-42

Книжный клуб 36,6, ул. Бакунинская, 71, стр. 10, (495) 926-45-44

Аргумент, Ленинские горы, МГУ, д. 1, сектор «Б», (495) 939-42-95

Дом педагогической книги, (495) 629-54-35

Дом книги **На Соколе**, (499) 155-38-82

Циолковский, Пятницкий пер., 8, стр. 1,

(495) 951-19-02, primuzee@gmail.com

У Кентавра, книжная лавка в РГГУ, ул. Чаянова, 15, (499) 973-43-01

БукВышка, университетский книжный магазин (ВШЭ),

ул. Мясницкая, 20, (495) 628-29-60

Гнозис, Турчанинов пер., 4, (499) 255-77-57

Додо Азов, Азовская ул., 24, корп. 3 (ТРЦ «Азовский»), (926) 417-53-58

Додо Меридиан, Профсоюзная ул., 61 (ЦКИ «Меридиан»), (915) 418-60-27

Додо Спейс, ул. Мясницкая, 7, стр. 2, (926) 044-15-61, dodo.shops@gmail.com

Додо в Культурном центре ЗИЛ, ул. Восточная, 4, корп. 1,

(495) 675-16-36

Додо Царицыно, Визит-центр Государственный музей-заповедник «Царицыно», ул. Тюриня

Книжная экспедиция Управления делами Президента Российской Федерации: центральный салон и 22 торговые секции, ул. Варварка, 9, (495) 606-52-94

Книжный магазин «Тортуга», ул. Старая Басманная, 15,

(Сад им. Баумана), (926) 463-72-33, tortugabookshop@gmail.com

ММОА Art Book Shop в Институте *Strelka in Russian*, Берсеневская наб., 14, стр. 5А

Ходасевич, Покровка, 6, +7-965-179-34-98

Гараж, павильон Центра «Гараж», Пионерский пруд, Парк Горького,
(495) 645-05-21

Сеть **Читай-Город** (Новый книжный), (495) 937-85-81, 177-22-11

Сеть **Академкнига**

ул. Вавилова, 55/7, (499) 124-55-00

Мичуринский просп., 12, (499) 932-74-79

Цветной б-р, 21, стр. 2, (499) 921-55-96

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургский дом книги, Невский просп., 28, (812) 448-23-55

Подписные издания, Литейный просп., 57, (812) 273-50-53

Порядок слов, наб. р. Фонтанки, 15, (812) 310-50-36

Все свободны, Мойка, 28, +7-911-977-40-47

Дом университетской книги (Издательство СПбГУ), Менделеевская
линия, 5, (812) 329-24-70, 329-24-71, vitanova@spbu.ru

Свои Книги, ул. Репина, 41, (812) 966-16-91,

Fahrenheit 451, ул. Маяковского, 15, (911) 136-05-66, books@frngt.ru

ВОРОНЕЖ

Петровский, книжный клуб, ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а,

ТЦ «Петровский пассаж», (4732) 33-19-28

ЕКАТЕРИНБУРГ

Йозеф Кнехт, ул. 8 Марта, 7 (вход с набережной), (950) 193-15-33

Екатеринбургский дом книги, ул. Антона Валека, 12, (343) 253-50-10

ПЕРМЬ

Пиотровский, книжный магазин и клуб, ул. Ленина, 54, (3422) 43-03-51

Пиотровский в Президентском центре Бориса Ельцина, ул. Бориса

Ельцина, 3, (912) 485-79-35

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Интеллектуал, книжный салон, ул. Садовая, 55, Дворец творчества
детей и молодежи, фойе главного здания, +7-988-565-14-35

НОВОСИБИРСК

Капиталь, литературный магазин, ул. Максима Горького, 78,

(383) 223-69-73

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Приволжский филиал **Государственного центра современного
искусства**, Кремль, корп. 6 (здание Арсенала), (831) 423-57-41

Полка, ул. Канавинская, 2, (960) 189-33-60

СТАВРОПОЛЬ

Князь Мышкин, ул. Космонавтов, 8, (928) 963-94-81, (928) 329-13-43,
myshkinbooks@yandex.ru

КАЗАНЬ

Смена, Центр современной культуры, ул. Бурхана Шахиди, 7,

(843) 249-50-23

КРАСНОЯРСК

Бакен, ул. Карла Маркса, 34а, (3912) 88-20-82

Институт экономической политики
имени Егора Тимуровича Гайдара —
крупнейший российский
научно-исследовательский и учебно-
методический центр.

Институт экономической политики был
учрежден Академией народного хозяйства
в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен
как Институт экономики переходного
периода, бессменным руководителем
которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива
в соответствии с Указом Президента РФ
от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся
к исходному наименованию, и ему было
присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано
в 2010 году. Задачей издательства является
публикация отечественных и зарубежных
исследований в области экономических,
социальных и гуманитарных наук, трудов
классиков и современников.